

МОЛОТОВ

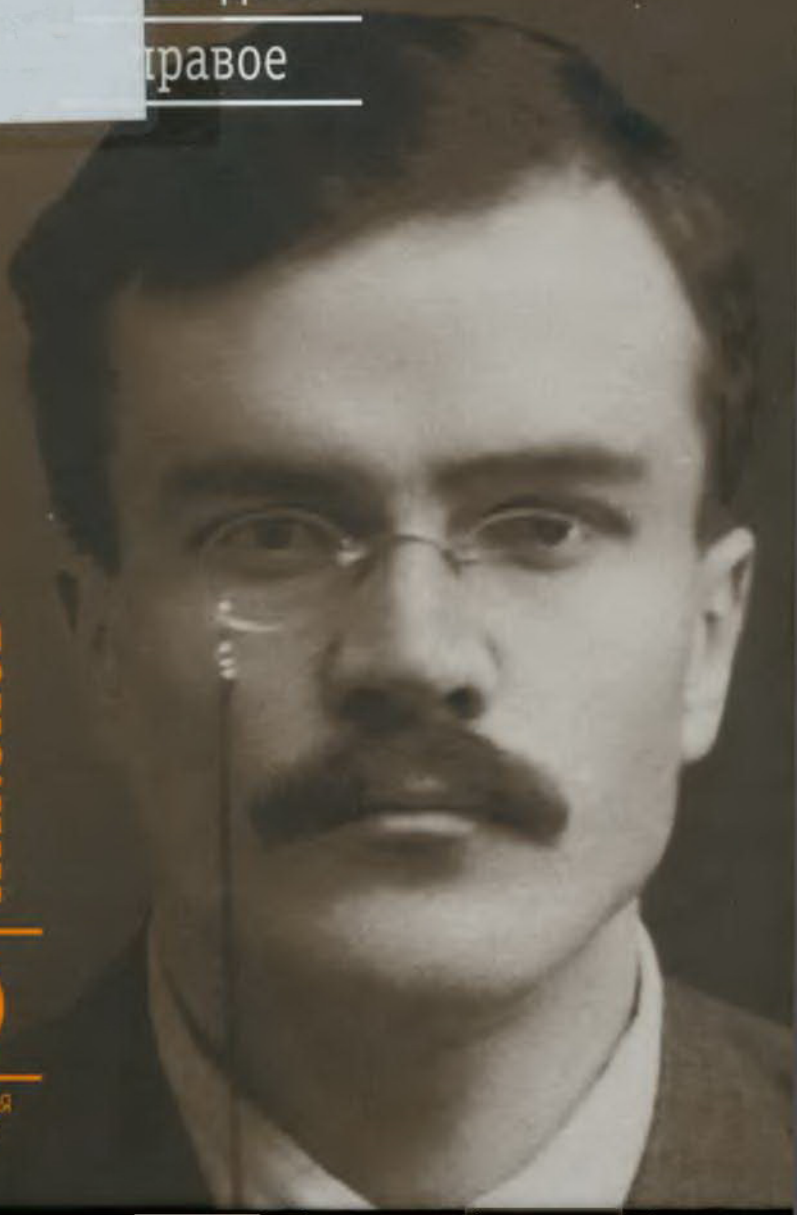
...ше дело

...равое

Вячеслав
НИКОНОВ

МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ

Вячеслав
НИКОНОВ

МОЛОТОВ

наше дело

правое

Судьба видного политического и государственного деятеля XX столетия В. М. Молотова долгие годы незаслуженно замалчивалась как в советской, так и в российской печати, поэтому большинство современных читателей имеют о ней весьма поверхностное представление. В своей фундаментальной работе, устраняющей этот пробел, автор опирается на многочисленные архивные материалы, труды отечественных и зарубежных исследователей, позволяющие по-новому взглянуть не только на важнейшие этапы биографии героя книги, но и на узловые моменты нашей истории.

Вячеслав
НИКОНОВ

МОЛОТОВ

наше дело правое

*книга
первая*

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2016

УДК 94(47+57)(092)“19”

ББК 63.3(2)6

Н 64

Художественное оформление
К. Г. Фадина

знак информационной
продукции **16+**

ISBN 978-5-235-03940-7 (кн. 1)
ISBN 978-5-235-03945-2

© Никонов В. А., 2016
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2016

Введение

Он родился при Александре III и умер при Михаиле Горбачеве. Он прожил 96 лет. Прожил огромную жизнь, которая вынесла его из вятской глубинки к самым вершинам мировой политики и опустила в омут опалы. Не раз ему удавалось пройти по лезвию бритвы, балансируя между жизнью и смертью. Секретарь ЦК в тридцать один год, член Политбюро – в тридцать шесть, премьер-министр Советского Союза – в сорок, он оказался одним из немногих, кто уцелел из ленинской команды.

Это – мой дед Вячеслав Михайлович Молотов.

Я любил и люблю его. Как иначе относиться к человеку, который нянчил тебя на руках, открывал глаза на мир. Который учил тебя, заботился о тебе, переживал за тебя. Которому я обязан жизнью – и не только потому, что на четверть состою из его генов. Когда я в Крыму в трехлетнем возрасте сорвался с мостков в море, он нырнул и достал меня с глубины, откачал... Умный, убежденный, нестигаемый, организованный, начитанный, знающий всё и обо всем – о таком деде можно было только мечтать.

Когда я достиг сознательного возраста, то уже не всегда с дедом соглашался. На многие вещи и события наши взгляды не совпадали. Что неудивительно: он старше меня на 66 лет. У нас с ним были очень разные воспитание и жизненные обстоятельства. Дед принадлежал к нестигаемой ленинской когорте, и это накладывало очевидный отпечаток. Таких людей я больше не встречал, хотя виделся и с Кагановичем, и с Буденным, и с Ворошиловым, и с Булганиным, и с Жуковым и многими другими людьми с характером. Дед даже на их фоне был скалой, кремневой глыбой, последним ленинцем.

Что же касается меня, то я из поколения, которое в юные годы больше интересовали «Битлз», Пеле и Высоцкий. Мне не раз доставалось от деда за разного рода ревизионистские и

оппортунистические идеи. Да и я позволял себе неделикатно подсмеиваться над его старомодностью. Мы действительно из очень разных поколений.

В зрелые годы я смотрел на деда не просто как на родного человека, но и как на крупную фигуру в большой истории, которую вряд ли можно оценивать житейскими мерками. Я не считаю все им сделанное и сказанное правильным. Но, право, не я ему судья. «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие»¹, – писал Пушкин, прадед которого был сподвижником Петра I, человека, вызывавшего в XIX веке не меньше вопросов, нежели сейчас Ленин или Сталин – начальники Молотова.

Я считаю себя обязанным обратиться к истории личности деда еще и потому, что с биографами ему не повезло. В сталинские времена вышло немало приторно-сусальных работ – вплоть до канонической «Краткой биографии», опубликованной к 50-летию со дня рождения деда под редакцией его многолетнего помощника Германа Тихомирнова. Молотов был обезчеловечен, превращен в функцию, некий героический ходульный персонаж партийного эпоса.

На Западе же о Молотове слышали только в 1930-е годы и только из трудов «невозвращенцев» и эмигрантов, в числе которых непререкаемым авторитетом пользовался Лев Троцкий, человек, испытывавший к деду прямо-таки патологическую ненависть.

Ситуация изменилась в годы Второй мировой войны, когда дед возглавил советскую дипломатию и попал в поле зрения более широкого круга весьма влиятельных и наблюдательных авторов. Их суждения по крайней мере не несли на себе отпечаток советских внутрипартийных разборок. «Вячеслав Молотов – человек выдающихся способностей и хладнокровно беспощадный, – напишет в своих мемуарах Уинстон Черчилль. – Дожив до старости, я радуюсь, что мне не пришлось пережить того напряжения, которому он подвергался, – я предпочел бы вовсе не родиться. Что же касается руководства внешней политики, то Сюзли, Талейран и Меттерних с радостью примут его в свою компанию, если только есть такой загробный мир, куда большевики разрешают себе доступ»².

Госсекретарь США Джон Фостер Даллес замечал: «Наблюдая в действии всех великих мировых государственных деятелей нашего века, начиная с участников Гаагской мирной конференции 1907 года, я никогда не встречал такого высоко-го дипломатического мастерства, какое проявлял Молотов»³. Присутствуя в мемуарах всех политиков середины прошлого

века, к нему в основном благосклонных, во всех исследованиях по истории Второй мировой войны, послевоенного периода и холодной войны, Молотов и на Западе не удостоился большого количества полноценных биографий. Хотя первая – Дж. Гэя – вышла еще в 1942 году в Англии и носила комплиментарный характер, отражавший дух военного сотрудничества великих держав. Не менее благожелательной была и биография, вышедшая из-под пера Бернарда Бромаджа в 1956 году и отразившая «дух Женева». В этих книгах – множество небылиц, что было следствием и недостатков, присущих советским источникам, и ограниченного доступа к ним авторов. Чего нельзя сказать о серии книг Дэрэка Уотсона из Бирмингемского университета, который провел исключительно тщательную работу с первоисточниками и предпослал полной биографии Молотова серию книг и статей о разных периодах его жизни (включая и монографию «Молотов и советское правительство»). Наконец, Джеффри Робертс издал в Вашингтоне книгу о Молотове как министре иностранных дел, которая вышла в русском переводе в 2014 году под названием «Молотов. Сталинский рыцарь холодной войны».

А в нашей стране на смену безудержному восхвалению «продолжателя дела Ленина» и «несгибаемого соратника великого Сталина» после 1957 года пришли сначала хула, а затем – фактическое забвение. В годы застоя фамилия деда исчезла даже из специализированной исторической литературы. Где можно, она заменялась различными словосочетаниями – «председатель Совнаркома», «министр иностранных дел», а также «советская сторона» или «советское руководство». Присутствовал дед только в «антипартийной группе» вместе с «примкнувшим к ней Шепиловым».

Перестройка прорвала шлюзы молчания и обрушила на Молотова потоки грязи. Деду приписывались все мыслимые пороки и преступления. Ждал и большой сюрприз – книга Феликса Чуева «Сто сорок бесед с Молотовым» (позднее в дополненном виде получившая название «Молотов: полудержавный властелин»). У меня к ней крайне двойственное отношение. Когда Чуев писал, будто Молотов был в курсе, что их разговоры записывались, он врал. Дед никогда и никому не разрешал записывать на пленку его рассказы. Записи Чуева делались с помощью незаметно включенного в кармане диктофона. Аутентичность «Бесед» сомнений не вызывает, я сам присутствовал при большинстве из них. Но это – вовсе не специальные диалоги об истории, а разговоры на прогулке и застольный треп. Отсюда – облегченность ответов, предназначенных для

не самого подготовленного слушателя. Но я назвал свое отношение к книге Чуева все-таки двойственным. Пусть и негодными средствами он сделал доброе дело: сохранил многие сведения, которые уже не найдешь в закоулках собственной памяти, в моих или дедовских записях.

В этой книге немало исторических эпизодов, описанных дедом лично. Но это не мемуары, потому что специально мемуаров он не писал, хотя одно время ходили упорные слухи об обратном, особенно когда он начал в 1970-е годы посещать Ленинскую библиотеку. К нему даже часто обращались с просьбой помочь раздобыть уже якобы вышедшие или вот-вот выходящие воспоминания (назывался даже заголовок: «Тридцать лет со Сталиным»). На что Молотов неизменно отвечал: «Найдете в магазине, не забудьте купить на мою долю».

Сам он называл три причины, по которым не писал воспоминаний. Первая – у него не было доступа к архивам. «Хорошо Черчиллю, – говаривал дед. – Сидит себе в ванне, курит сигару, держит в руках копию какого угодно документа и диктует стенографистке свои мемуары. Так не только шесть томов, а все двадцать можно написать. А у меня даже письма жены отобрали, и никакой стенографистки. Без документов мемуары – это не мемуары».

Вторая причина заключалась в том, что Молотов не хотел писать в корзину. Он был уверен, что его воспоминания никто и никогда не напечатает. Ни одной строчки, вышедшей из-под его пера за последние три десятилетия жизни, опубликовано не было. Наконец, третий аргумент, который для меня звучал неубедительно, но для деда был исключительно важным: «Ленин и Сталин мемуаров не писали». Это – не занятие для настоящих революционеров, призванных смотреть вперед, а не назад.

Была и еще одна – неназванная – причина отсутствия воспоминаний: осторожность. Семья в опале – все невыездные, без карьеры, «под колпаком». Сколько себя помню, всегда в доме исходили из презумпции, что все сказанное тобой слышит кто-то еще. Дед явно не хотел доверять бумаге какие-то факты и мысли, из-за которых у его родных могли возникнуть еще большие неприятности.

Году в 1975-м возникла у нас с отцом идея подвигнуть деда надиктовывать его воспоминания на магнитофон. Уламывали мы его долго, приводя все мыслимые аргументы. Наконец он согласился. Напряглись и купили чудо отечественной электроники – кассетный магнитофон «Весна». Привезли деду на дачу в Жуковку, поставили перед ним микрофон. Он довольно бодро, хотя и заметно волнуясь, минут пятнадцать рассказывал о том,

как Ленин в 1919 году приезжал на вокзал, чтобы проводить Крупскую, вместе с Молотовым отбывавшую в Нижний Новгород. Зачем – узнаем из книги. Этот рассказ оказался не только первым, но и последним. Полагаю, дед не захотел диктовать по тем же причинам, по которым не писал мемуары.

Когда началась гласность, нельзя сказать, что я узнал об истории нашей страны много нового, что-то такое, что я уже раньше не слышал от деда. Что действительно оказалось новым, так это открывшиеся архивы.

Только личный фонд Молотова в бывшем партийном архиве, ныне носящем название Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), насчитывает больше 1600 пухлых дел. Прочитать их все – жизни не хватит. Я уж не говорю о многочисленных бумагах Молотова в архивах Политбюро, Секретариата и Оргбюро ЦК, Совнаркома, Государственного Комитета Обороны, МИДа и т. д. и т. п.

В архиве лежали две рукописи неопубликованных биографий Молотова, написанные в 1930-е годы. Одна из них принадлежит перу явно небесталанного автора – Александра Аросева, который был однокашником и другом деда со скамьи реального училища, отцом замечательной артистки Театра сатиры Ольги Аросевой. Другая книга вышла из-под пера некоего Ивана Батрака. Под этой рабоче-крестьянской фамилией скрывались, судя по всему, сотрудники секретариата Молотова.

Естественный вопрос: может ли книга, которую вы держите в руках, быть объективной? Ответ: нет. И единственное мое оправдание состоит в том, что до сих пор мне не довелось прочесть ни одной объективной книги. Все они субъективны по определению, потому что их писали люди.

Глава первая

РЕВОЛЮЦИОНЕР. 1890—1917

Вятские – ребята хватские.
Вячеслав Молотов

«Мы – вятские»

У деда было много присказок из детства. «Мы вятские – ребята хватские». Или: «На Вятке свои порядки». Он любил ту землю, из которой вышел, и вспоминал о ней с не всегда свойственной ему теплотой. Мир вообще тесен, но такое впечатление, что на Вятке теснее, чем в других местах. Через три дома от Скрябиных родился Алексей Рыков, которого дед в 1930 году сменил на посту главы советского правительства. Его племянником был Борис Чирков, дослужившийся до народного артиста СССР – во многом благодаря главной роли в некогда знаменитой кинотрилогии о Максиме, сценарий которой был написан якобы на основе фактов подлинной революционной деятельности Молотова («Крутится, вертится шар голубой»).

Вятская земля, которую заселили мятежные жители Великого Новгорода, была единственной на Руси, где изначально не было ни князя, ни княжеской администрации⁴. Она практически не знала и крепостного права, которое существовало только в четырех ее южных уездах. Вятский характер ковала история. И сделала она жителей этой земли своевольными и предприимчивыми, свободолюбивыми и независимыми, энергичными и мобильными. В конце XVIII века, когда Вятка стала губернской столицей, появился у нее и герб: на золотом поле – выходящая из облаков рука, держащая натянутый лук со стрелой, и сверху – крест. Это изображение было внесено в гербы всех уездных городов, в том числе и Нолинска, где оно было дополнено летящим на голубом фоне лебедем («которые птицы, не останавливаясь в окрестностях сего города мимо пролетают»). Именно этот город на полпути между Вяткой и Казанью Молотов считал своей родиной.

Село Ноли (по названию реки Ноли) в 1780 году стало уездным городом, и там уже тогда жил прапрапрадед Вячеслава Молотова⁵. Исповедные росписи прихожан Нолинской

Николаевской церкви за 1754 год называют в 39-м по счету приходском дворе «того села жителя» черносошного (свободного) крестьянина Кирилу Афанасьева Скрябина и его троих домочадцев⁶. От него хорошо прослеживается родословная до Прохора Наумовича, деда Молотова по отцовской линии, которого он вспоминал с большой теплотой и любовью. Как и свою бабушку, вторую жену Прохора Наумовича – Екатерину, дочь нолинского мещанина Сергея Поскребышева⁷. Их старшего сына, родившегося 2 сентября 1856 года, через два дня в Никольской церкви окрестили Михаилом.

По рассказам Молотова, его отец Михаил Прохорович был кряжистый, твердый «кремень-старик». Характером славился переменчивым, что делало его очень русским. Неплохо образованный (окончил коммерческое училище), не лишенный ума, набожный, Михаил Скрябин пел в хоре Николаевской церкви, причем относился к этому делу крайне серьезно и выписывал из губернской столицы нотные партитуры. Участвовал он в любительских спектаклях нолинского театра, был завсегдатаем престижного клуба «Общество трезвости», где вечерами собирались чиновники земской и городской управ, учителя, купцы. На вечерних гуляньях в Нолинском городском саду Михаил Прохорович познакомился с молоденькой девушкой Анной, дочерью местного нувориша Якова Евсеевича Небогатикова. С этого момента судьба Михаила Скрябина была связана с Анной Яковлевной, а его карьера – с торговым домом Небогатикова.

Дед Молотова по материнской линии Яков Небогатиков, солдатский сын, начинавший продажей тряпья на Вятскую фабрику, со временем основал «Торговый дом Якова Небогатикова», продавал холсты, бакалейные и москательные товары, затем запустил табачную фабрику, приобрел пароходство, судоремонтные мастерские на пристани Аркуль, построил пристань Медведковскую с дебаркадером, рестораном, буфетами и магазинами, организовал рыболовецкую артель и рыбокопильное производство⁸.

У Якова Небогатикова от трех браков было в общей сложности 17 детей. Каждому из детей он выстроил по дому с торговыми рядами, но из дела никого не выделял. Старшую дочь Ольгу Небогатиков отдал замуж за выходца из видной нолинской купеческой семьи Петра Григорьевича Чиркова. Их внук – будущий народный артист. Вторая дочь, Анна, 9 января 1880 года была обвенчана в Нолинском соборе с Михаилом Скрябиным. «Вначале тесть выделил им в своем доме на Хлебной улице две комнаты, но потом молодые выстроили двухэтажный собствен-

ный дом на углу Поломной и Нагорной... Сейчас это улица Спартака, 13... Рядом построили бакалейный магазин, который давал хороший доход молодой семье Скрыбиных»⁹. Неугомонный Яков Евсеевич затеял новый бизнес – открыл лавку-магазин в слободе Кукарка Яранского уезда (ныне город Советск), которым и стал заведовать Михаил Прохорович.

Семья Скрыбиных быстро росла. Старшего сына, родившегося в январе 1881 года, нарекли в честь отца Михаилом. В 1883 году семью пополнил сын Виктор. Затем родилась дочь – Лидия, но она умерла, прожив только четыре месяца. В 1886 году на свет появился третий сын – Николай, через год – дочь Зинаида.

А потом у Михаила Прохоровича и Анны Яковлевны пошли мальчики, которые росли очень тесной компанией. Вслед за Владимиром 24 февраля (9 марта – по новому стилю) 1890 года семью пополнил седьмой ребенок. На следующий же день он был крещен в Успенской церкви слободы Кукарка священником Василием Александровым Кедровым с дьяконом Иоанном Мышкиным и псаломщиком Иоанном Порфирьевым и наречен Вячеславом. Восприемными родителями выступали «г. Нолинска уволенный в запас рядовой солдат» Михаил Яковлевич Небогатиков (дядя по матери) и «жена мещанина» Екатерина Сергеевна Скрыбина (бабушка по отцу)¹⁰.

Позднее у Скрыбиных родилось еще трое детей – Сергей, Александр и Ольга. Но двое последних умерли в младенчестве. Михаил Прохорович не упускал случая похвалиться своим многочисленным потомством, любил ходить по дому и приговаривать: «Шесть сыновей и сам соловей».

Вячеслав, по словам его братьев и сестры, рос резвым, смышленным, сильным. Не драчун, но спуску, если что, никому не давал. Заикался только немного на первых согласных звуках длинных слов. Существует семейное предание, будто однажды на кухню дома Скрыбиных забежала цыганка и, указав на резвящегося Вечу, заявила: «Этот на весь мир будет знаменит!» У кухарки Прасковьи это вызвало улыбку, но она рассказала о происшествии Анне Яковлевне. Посмеялись и забыли.

В школу в те времена принимали с восьми лет. Родители решили отправить Вечу в вятское четырехлетнее училище с семи, и его приняли. Но тут их ждало разочарование. И не потому, что их сын плохо учился. У Вечи не заладились отношения с соучеником, который, на беду, сидел в классе прямо перед ним. Вечу выставили из школы, и через год пришлось все начинать сначала, но уже не в Вятке, а в Нолинске, куда семья Скрыбиных возвратилась в 1898 году.

В Нолинске Вячеслав обрел свою родину. Над одноэтажными и двухэтажными постройками возвышались купола собора Святого Николая, по весне отражавшиеся в водах разлившейся Вои. Вся скрябинская детвора бегала смотреть, как в Нолинск приходила цивилизация: прокладывались трубы для первого водопровода от огромного бака на углу Нагорной и Хлебной, устанавливались керосиновые фонари вдоль Вятского проспекта и Никольской улицы. Отличительной особенностью Нолинска было то, что он являлся местом ссылки, и это сыграет немало важную роль в становлении Молотова-революционера.

В городе было немало предприятий, которые после смерти Якова Евсеевича в 1895 году перешли к его старшим сыновьям¹¹. По всей губернии была нарасхват махорка «Табачно-махорочной фабрики торгового дома Я. Е. Небогатикова сыновья в г. Нолинске», бойко шла оптовая торговля рыбой, рос собственный флот¹². Не думая каждый день о хлебе насущном, Михаил Прохорович и Анна Яковлевна Скрябины могли позволить себе обратить внимание на обучение и воспитание своих многочисленных детей. Старших сыновей родители видели продолжателями семейного бизнеса. Зинаиду отец отдал учиться в Вятское епархиальное женское училище (затем она получит медицинское образование). А четверых младших сыновей для начала отправили в городское училище. Там к Вече пришли достижения в учебе. Сохранился похвальный лист за отличное поведение и успехи, выданный 4 июня 1899 года ученику первого класса первого отделения Нолинского трехклассного городского училища Вячеславу Скрябину.

Вряд ли климат в семье Скрябиных можно было назвать идиллическим. Отец, особенно когда был пьян, частенько лупил Вечу и братьев. Мать заступалась за детей, и тогда гнев Михаила Прохоровича переключался на нее. Но отец оставил о себе и приятные воспоминания. Он, как и Анна Яковлевна, питал пристрастие к пению и музыке и приобрел своих детей к этому благому увлечению: Скрябины в полном составе пели и в школьном, и в церковном хоре. До конца жизни дед сохранял любовь к церковному песнопению. Кстати, позднее Молотову это пригодилось, поскольку в Политбюро оказалось еще два бывших церковных певчих – Сталин и Ворошилов, и вместе они составляли неплохое трио в минуты отдыха.

Главной воспитательницей была, конечно, мать – добродушная, хлопотливая, вечно озабоченная проблемами своих многочисленных чад. Она имела гимназическое образование, много читала, в том числе вслух детям, говорила по-французски, неплохо играла на фортепиано и обучала детей игре на му-

зыкальных инструментах. Веча особенно любил мандолину и скрипку.

В 1901 году Вячеслав Скрябин с отличием окончил курс нолинского училища, и на следующий год мать отправилась с младшими – Вечей и Сергеем – в Казань, чтобы определить их в реальное училище. Остановились у дальней родственницы – старушки Капитоновны. Ее белый дом 11 на Георгиевской улице с огромным двором и никогда не закрывавшимися воротами на несколько лет станет для Вячеслава и троих его братьев почти родным. В Казанском университете на юрфаке уже учился Николай Скрябин, вскоре пополнил компанию и Володя.

В отличие от гимназий, дававших по преимуществу классическую гуманитарную подготовку, реальные училища ориентировались на «общее образование, приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний». С первого класса реалисты изучали Закон Божий, русский и немецкий языки, географию, математику, рисование и чистописание. С третьего-четвертого классов добавлялись еще один иностранный язык, история, физика, естественная история и черчение. Учебная программа была рассчитана на шесть лет, учившиеся хорошо могли продолжить учебу в дополнительном, седьмом классе, после чего им открывалась дорога в высшие учебные заведения или на государственную службу. Веча Скрябин успешно грыз гранит науки, получая по итогам каждого учебного года похвальные листы за отличные успехи и поведение.

Но не меньше места, чем учеба, в его жизни тогда занимала музыка. Дом на Георгиевской часто наполнялся звуками скрипки, виолончели, мандолины. Заводилой музыкальных занятий выступал старший из четверки – Николай, который постигал не только юриспруденцию, но и обучался по классу скрипки на регентских курсах при Казанском музыкальном училище. Кумиром Вечи был Бетховен, чей портрет висел над его кроватью. Любил он и русские народные песни, мотивы которых часто мурлыкал себе под нос. Неплохо танцевал на ученических вечеринках.

На летних каникулах можно было купаться в Вое и загорать на ее берегу или с книгой в руках бродить по покатым лесистым холмам, которые там называют увалами, желтым полям с васильковым отливом, грибным и ягодным угодьям. Зимой – санки, снежки, лыжные прогулки в полях, вечерние разговоры, любимые книги – Майн Рида и Фенимора Купера. Дух романтики и приключений пьянил душу. И тем более интересно было общаться со взрослыми, которые называли себя малопонятны-

ми, а потому манящими словами – «социал-демократы» или «социалисты-революционеры».

Как становились революционерами? Сам Молотов говорил, что к революционной деятельности его подтолкнуло в первую очередь чтение художественной литературы. Трогательная забота о «маленьком человеке», размышления о никчемности жизни, задавленной нищетой и чиновничьим произволом, искания лучшей доли бередили сердце, заставляли его кипеть возмущением против существующих порядков. Но читали Чехова миллионы, а идти на каторгу во имя светлого будущего были готовы максимум тысячи. Революционеров, полагаю, делает сочетание нескольких обстоятельств. Присутствие рядом *Личности* – волевого, сильного, доминирующего наставника, способного указать путь. *Событие*, подтверждающее правильность указанного пути и делающее его необратимым. *Характер* самого человека, который в состоянии поставить идеал выше повседневных интересов.

Имя *Личности*, выведшей Молотова на орбиту революционной борьбы, вряд ли кому-то сейчас знакомо: Андрей Степанович Кулеша, один из лидеров казанских социал-демократов. *Случай* (их будет еще много) состоял в том, что женат он был на двоюродной сестре Вечи Скрябина – Лидии Петровне Чирковой. Кулешу сослали в Сибирь, оттуда он бежал и нелегально обосновался у жены в Казани. Их регулярным гостем стал Веча, который часами мог заворуженно слушать своего родственника. Что же касается *События*, то им стала революция. «Спасибо “пятому” году – меня он разбудил основательно»¹³.

Разбужен был не только юный Веча Скрябин – вся страна.

Вслед за расстрелом демонстрации, которую священник Гапон привел к Зимнему дворцу, по всей стране пошли митинги протеста, рабочие стачки, кровавые столкновения демонстрантов с полицией. Взрыв возмущения вызвали известия о гибели русского флота в Цусимском проливе 14 мая 1905 года, крупные восстания на Черноморском флоте. Не обошли революционные события стороной и Казань. Для студентов реального училища студенческие волнения, забастовки на заводах Алафузова, Свешникова, фабрике Локка, предприятий Адмиралтейской слободы, начавшиеся митинги стали первыми понастоящему яркими событиями, нарушившими монотонное течение городских буден.

На митинги, организованные Казанским комитетом РСДРП, они бегали втроем. Трое неразлучных друзей-одноклассников: Веча Скрябин, Саша Аросев из купеческой семьи и сын чинов-

ника Коля Мальцев. Красные полотнища с надписью «Свобода», крики «Долой самодержавие!», пение «Марсельезы». Губернатор ввел военное положение, улицы наполнились полицией и армейскими патрулями.

На летние каникулы брата Скрябины, как обычно, отбыли в Нолинск. Веча проявил интерес к жизни ссыльных и обнаружил еще одного человека, которого потом числил своим наставником. Знал он его под фамилией Марков. Большевик, грузин из Баку. Именно он познакомил Вечу с работами Плеханова. Молотов говорил, что вырос на Плеханове, а не на Ленине.

Революции неприятны тем, что они лишают государство законопослушных граждан. Начало нового учебного года реалисты встречали уже как завзятые борцы с режимом и бузотеры. А в середине сентября произошло ЧП: учащийся седьмого класса Малиновский, получив единицу по математике, застрелился. Митинговали два дня против школьного режима. На третий – похороны. Толпа грянула «Марсельезу». По дороге встретился трамвай. На его крышу взобрался крепкий подросток и, волнуясь и слегка заикаясь, произнес речь, закончив ее громким возгласом: «Долой самодержавие!» Так, по описанию Аросева, Вячеслав Скрябин впервые выступил в роли революционного трибуна. А вскоре подключился к работе нелегального кружка, который создавали в реальном училище старшеклассники, одним из которых был Виктор Тихомирнов. Отец его – состоятельный казанский землевладелец умер, оставив четверем сыновьям большое наследство.

Царский Манифест от 17 октября, даровавший свободы и созыв Государственной думы, в Казани вызвал вооруженное восстание, которое начали студенты духовной семинарии. Боевики рабочих и студенческих дружин прорвались в центр города, заняли торговый пассаж, университет, городское собрание, откуда их выбивали войска. Аросев описал ощущения, охватившие его с друзьями: «В те три дня народ все захватил в свои руки. Он торжествовал. И мы с тобой были веселы и справляли свободу, и мы с тобой ходили хоронить товарищей... Это была граница, перешагнув через которую, мы уже переставали постепенно быть увлекающимися юношами, а переходили в людей, подготовляющихся твердо и сознательно вступить в боевую революционную армию русского трудового народа»¹⁴.

Шли повальные обыски и аресты. Был задержан и Кулеша, которого Веча больше не видел (он погиб в 1913 году в Тобольской губернии – его застрелил на дуэли следователь, с которым Кулеша не поделил любовницу). Студенческий революцион-

ный молодняк вернулся за парты и сделал вид, что с головой погрузился в учебу.

Летом 1906 года оставшаяся без мужа, которого арестовали, и вернувшаяся в Нолинск кузина Лидия пригласила Вячеслава на конспиративное заседание социал-демократической организации. Обсуждали, следует ли бойкотировать выборы в Государственную думу, как предлагал лидер большевиков Владимир Ленин. Двоюродная сестра оказалась единственной, кто поддержал эту позицию. Веча воздержался. Приняли резолюцию и поручили молодому Скрябину ее размножить и распространить. Именно с этого собрания, в котором он принимал полноправное участие и поручение которого претворял в жизнь, Молотов и вел отсчет своего членства в РСДРП. Да и как иначе могло фиксироваться членство?

По возвращении с каникул кружковцы собирались у Тихомирнова или Мальцева, читали книги Михайловского, Лаврова, Каутского, Ницше, Маркса, Энгельса, Пешехонова, Вандервельде. Субботние вечера посвящали художественной литературе, обсуждали Горького, Леонида Андреева, Куприна. Начали искать контакты с другими подпольными группами – учащимися гимназии № 2, учительской «инородческой» семинарии. Вместе они составили Революционный союз учеников средних и низших школ Казани, действовавший в соответствии с уставом, выработанным Скрябиным.

7 июня 1908 года Вячеслав Скрябин окончил полный шестилетний курс реального училища, имея лишь две «четверки» – по французскому языку и черчению с рисованием¹⁵. Дорога на госслужбу была открыта. Но Веча предпочел учиться дальше, поступив в дополнительный, седьмой класс училища, предназначенный для подготовки в высшие специальные учебные заведения.

Члены Революционного союза вели себя все более решительно, и об их внеклассной деятельности становилось известно все большему количеству лиц, включая и начальство училища, и добровольных осведомителей спецслужб. В донесении начальника жандармского управления полковника Калинина губернатору промелькнуло: «Среди воспитанников учебных заведений распространяются революционные идеи, распространителями этих идей являются воспитанники Казанского реального училища. Воспитанник его Скрябин проявляет наибольшую энергию и состоит в подпольной работе, причем по убеждению он придерживается программы РСДРП»¹⁶.

За Вечей впервые был установлен негласный надзор. А игры Революционного союза учащихся становились все бо-

лее опасными: члены союза создавали уже межрегиональную организацию с единомышленниками из Елабуги, Сарапула, Пензы и Вятки¹⁷. В январе 1909 года Казанский комитет РСДРП был в очередной раз разгромлен полицией, и друзья-реалисты неожиданно стали «видными казанскими большевиками», членами нового комитета РСДРП¹⁸. Спецслужбы, которые могли сквозь пальцы смотреть на марксистские шалости школьников, с куда большим тщанием работали против профессиональных революционеров.

21 марта полковник Калинин поручил приставу 4-й части города Казани Тимофееву произвести обыск у проживающего по Георгиевской улице в доме Лихачева ученика реального училища Вячеслава Скрябина¹⁹. Изучив вещдоки, ротмистр отдельного корпуса жандармов Игнатьев пришел к выводу, что «названный Скрябин, по-видимому, заведовал делами местной ученической революционной организации». 26 марта Скрябина вызвали на допрос. Он делал невинный вид и пожимал плечами. Между тем выявилась принадлежность Скрябина, имевшего кличку «Дядя», к городскому руководству социал-демократов²⁰. Домой он уже не вернулся. Как и Тихомирнов, Аросев и Мальцев.

Семья, детский и юношеский опыт – все это формировало характер Молотова. Один из младших детей в семье, он был интровертом, человеком скорее замкнутым, чем общительным. Держался скромно, вежливо, умел сохранять самообладание. Он был, несомненно, способным, интересующимся человеком, но нельзя сказать, что схватывал все на лету. Знания не давались ему легко, но это компенсировалось фанатической работоспособностью, самодисциплиной, организованностью, аккуратностью, доходившей до педантизма, и упрямством. Не было у него и ораторских способностей – их трудно ожидать от человека заикавшегося и стеснявшегося этого недостатка. Молотов не являлся прирожденным лидером, но был способен на решительные, дерзкие, но не безрассудные поступки. С детства же у него проявилась и некоторая насмешливость, которая в силу воспитания носила характер не столько интеллигентски-саркастический, сколько народно-бытовой.

Полиция с ним намаялась.

Ссылный

Арест Вечи был ударом прежде всего для семьи. Братья могли предполагать что-то подобное, но отец с матерью... Лучший ученик, за несколько дней до выпуска! Из Нолинска приезжал

отец, увещевал одуматься. Единственное, что Веча обещал, так это продолжить учебу.

Друзья вновь оказались под одной крышей – в губернской тюрьме. Веча играл в «несознанку», но и добытого в результате обысков хватало для обвинительного постановления, которое 27 апреля Калинин отправил губернатору. Он предлагал всех задержанных реалистов на четыре года «подчинить гласному надзору полиции – обязательно в наиболее отдаленных от Казани губерниях»²¹. Родители всех четверых поехали в Санкт-Петербург хлопотать перед премьером Петром Столыпиным о разрешении их сыновьям взамен высылки выехать за границу²². А пока друзей выпускали гулять на тюремном дворе, где они играли в чехарду и «слона». Порой приводили приговоренного к смерти, и вся тюрьма тревожно затихала. Вешали ночью во дворе, недалеко от места прогулок.

За границу не выпустили. В конце июня объявили приговор: «Выслать на 2 года под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию – Тихомирнова, в Вологодскую губернию – Скрябина, Мальцева и Аросева»²³. На сборы полиция дала три дня. Проводы родные и друзья устроили на речной пристани. Маршрут пролегал пароходом до Нижнего Новгорода, оттуда – поездом до Ярославля и дальше – в Вологду. 8 июля друзья предстали перед вологодским полицмейстером. Мальцева отправили в Бельск, Скрябина и Аросева – в Тотьму. Чистенький, умытый городок, расположенный среди лесистых холмов.

Порядки для ссыльных во многом зависели от местных исправников. Были такие, которые разрешали загородные прогулки, охоту – их именовали «меньшевиками». Тотемский исправник был вполне «меньшевистского» толка. Городская библиотека почти удовлетворяла запросы молодых ссыльных. «Читаю теперь, т. е. уже прочел сборник “Театр”, – писал Веча Мальцеву в сентябре 1909 года. – По правде сказать, удивился: все мистики! Даже странный марксист Луначарский, со своей по обыкновению неопределенной, неясной статьей! Я не понимаю, как сопоставляет Луначарский свои четыре ступени искусства и социализма и какого “богостроительства” он хочет? Лучшими можно, мне кажется, считать статьи Брюсова “Реализм и условность на сцене”, Рафаиловича “Эволюция театра”, пожалуй, Аничкова “Традиция и стилизация”. Интересна еще статья Чулкова “Принципы театра будущего” и отчасти Ан. Белого “Театр и совр. драма”, только какая-то нервная, противоречиво-решительная. Шагнул парень туда, куда Макар телят, как говорится, не гонял! Ишь ты! Искусство как творчество формы должно быть уничтожено (!) и заменено творчеством

жизни. Зарапортовался! Соллогуб просто несчастный человек и ни слова дельного не говорит. С Горнфельдом и Бянку – кое-как мириться можно, а Мейерхольд чересчур чванится. Ни одна статья меня не удовлетворила вполне. С удовольствием бы почитал “Кризис театра”. Теперь перейду скоро к систематическому чтению: начну физику»²⁴.

В сентябре в Тотьму пришло известие о том, что Тихомирову все-таки разрешили выехать за рубеж. Непоседливый Аросев решил за ним последовать, что и сделал, бежав из ссылки и воссоединившись в нем в Льеже. Скрыбину же этот побег вышел боком: его в наказание 15 октября отправили «этапным порядком в г. Сольвычегодск для дальнейшего отбывания срока под гласным надзором полиции»²⁵. У Сольвычегодска была репутация «каторги ссылки». Поселился Скрыбин в одном доме с эсером Суриным. И описывал Мальцеву свое житье: «Живу я теперь больше с учебниками: занят целый день и каждый день. Имею ученика – рабочего, поляка – по грамматике, арифметике. Да, и еще другой, пожалуй, тоже мой ученик – мой сожитель: занимаюсь иногда с ним алгеброй и с нового года – французским. Ну надо сказать, сожитель мой – парень порядочный “по основе”. Он хотя и говорит порой мне, что таких людей, как я, вешать надо, но этакая гроза была, действительно, раз. Парень любит “высоко” говорить, ну а я ему и бросил, что “бороться надо потому лишь, что это выгодно и полезно”. Ну он и понес. Гроза совершенно прошла, т. к. скоро выяснилось, что и он, пожалуй, этакого же мнения. Бывают споры о литературе: когда мой парадоксалист скажет: “Чехов – мещанин и его читать нужно лишь чинушам и мещанам”. Ну это уж невозможно.

У меня теперь почти все учебники за 7-й класс. Учебники те, которые проходятся в Вологде. Сижу теперь за серединой “анализа” и “аналитики”... Прочел хорошую книгу Чернышевского “Очерки гоголевского периода”. Философия воззрения Чернышевского в этой книге чисто материалистическая. Хорошая, серьезная книга. Из газет читаю, но не регулярно “Утро России”, “Русские ведомости” и “Речь”, перевожу из французского; отдыхаю при игре на скрипке. Музыка бы, Коля. Эх, как хотелось бы, страшно хотелось бы серьезной музыки. Представь, театр... симфония Бетховена... наслаждение. Или дворцовые залы. Там мы с тобой, Сашей и Витей слушаем музыку... Носится теперь часто моя мысль...»²⁶

В Сольвычегодске Скрыбин вел себя предельно осторожно, дабы получить разрешение держать экстерном экзамены при Вологодском реальном училище. Что не возбранялось: если ссыльный желает учиться, то, значит, встал на путь исправле-

ния. Губернатор Хвостов разрешил ему «временную отлучку в конце марта 1910 г. в г. Вологду для держания экзамена»²⁷. 23 марта исправник Цивилев выдал Скрыбину проходное свидетельство с предписанием следовать в Вологду «безостановочно прямым путем по железной дороге». В свидетельстве содержались и приметы путешественника: «Рост – 2 аршина 6 ½ вершка (170 сантиметров. – В. Н.); лицо – чистое; волосы, брови, усы – темно-русые; глаза – карие; нос, рот и подбородок – обыкновенные. Особых примет нет»²⁸. 26 марта в Вологде Скрыбин вновь обнял Колю Мальцева, которому тоже разрешили сдавать экзамен. Поселились по Златоустинской улице и взялись за учебники.

С конца апреля до начала июня были сданы 14 выпускных экзаменов. «Пятерки» Веча получил по Закону Божьему, немецкому, французскому, алгебре, спецкурсу (основание аналитической геометрии и анализ бесконечно малых), истории, физике, математической географии, законоведению и черчению. По русскому, арифметике и тригонометрии поставили «хорошо», по естествоведению – «трояк»²⁹. 4 июня 1910 года педагогический совет училища постановил выдать свидетельства об окончании седьмого класса «экстернам – Мальцеву Николаю и Скрыбину Вячеславу»³⁰. Дорога в вузы открыта!

Но до конца срока ссылки еще целый год. Мысль усиленно работала над тем, как бы не возвращаться в Сольвычегодск. Учиться, учиться и учиться! Скрыбин и Мальцев пишут еще одну просьбу: разрешить им сдачу дополнительного экзамена по латинскому языку. Уловка сработала³¹. В этот год в Вологде у молодых ссылных было три основных занятия: самообразование, заработки и подпольная деятельность. Читали много, о впечатлениях Веча извещал в письмах. Закончил «роман Достоевского “Униженные и оскорбленные”». Прочел еще великолепную красивую вещицу Короленко “История моего современника”, 1 часть читали на днях вслух с Колей. Тоже хороший роман Бласко Ибаньеса “Среди апельсинов»»³². Читал и критиковал Горького, Язвицкого, Айзмана, Куприна, Короленко, Мережковского³³.

Вечера в Вологде Веча посвящал заработкам. Доход приносила... музыка. Вспоминаю веселые и сочные рассказы деда о том, как он играл на мандолине в привокзальном ресторане в составе гастролировавшей труппы из Санкт-Петербурга. Наибольшей популярностью, особенно среди купцов и их красоток, пользовались новомодные романсы типа «Ах, зачем эта ночь так была хороша...». Затем открылся первый в Вологде кинотеатр, и он стал работать тапером. Денег выходило по-

меньше, но было интереснее. Сталину и Хрущеву этот эпизод в биографии Молотова сильно не нравился³⁴. Но тогда Вече и в голову не приходило, что ему надо готовить свой светлый лик для будущего большевистского иконостаса.

Если с самообразованием и заработком все было в порядке, то с революционной деятельностью было сложнее. Организации РСДРП на рубеже 1910-х годов вообще трудно было обнаружить где бы то ни было, а сама партия в лице ее заграничных центров увязла в межфракционной борьбе. Ленин вместе с ближайшими сподвижниками Григорием Зиновьевым (настоящая фамилия – Радомысльский) и Львом Каменевым (Розенфельд) решительно размежевались со всеми другими течениями в РСДРП. Кампанию за примирение враждовавших социал-демократических течений вел Лев Троцкий (Бронштейн), заслуживший тогда от Ленина ярлык «Иудушка». РСДРП как единое целое перестала существовать. В этот момент с Лениным познакомился молодой выпускник Казанского реального училища Виктор Тихомирнов, который предложил не только свои услуги в качестве бесплатного секретаря, но и деньги на издание в России большевистской газеты. Ленин был не в том положении, чтобы отказываться от помощи.

В Вологду из-за границы от Тихомирнова пошла нелегальная пресса. «Литературу составляли, главным образом, тоненькие, оттого, что на папиросной бумаге, газ. “Социал-демократ”, “Голос социал-демократа” и редкие выпуски “Дневника Плеханова”... Действовали с размаху, т. е. не искали хорошего “буржуазного” адреса при присылке литературы, а просто просили адресовать на т. Мальцева. И стали получать по почте бандеролью, где во французскую газету или книгу была заклеена наша газета»³⁵. Поддерживали связь и с коллегами-ссылными из других мест Вологодчины. Из Сольвычегодска пришло письмо от недавнего соседа Сурина, который сообщал, что туда прибыл новый ссылный по фамилии Сталин, которого местные социал-демократы называли «кавказский Ленин». С того письма Скрябин активно заинтересовался фигурой Сталина.

В советской литературе подчеркивалась большая роль Молотова в фактическом создании большевистской организации Вологды в 1911 году³⁶. Выйти на вологодский рабочий класс, большинство из которого были железнодорожниками, удалось через одноглазого слесаря Рогова, проходившего в полицейских досье под кличкой «Кривой». Подключились к работе по налаживанию «Красного креста помощи политическим ссылным и заключенным» вологодского каторжно-го центра.

В конце 1910 года объявился Аросев: за границей у него кончились деньги, он вернулся на родину и был отловлен в Москве. Оттуда его – в расстроенных чувствах – отконвоировали обратно в Тотьму. Друзья вступили в переписку, похожую на сеанс психотерапии. Скрябин рассуждал о своем понимании смысла жизни, дружбы и долга: «Я, конечно, не утешение популяризирую, а соображаю на глаз, что вот, смотря из своего “далеко”, я думаю, тебе нельзя жалеть и задним числом сетовать на этапные муки. Даст Бог, оно еще не в первый и не в последний раз. Ты скажешь “не за понюх табаку”. Ну да ты не горюй, еще успеешь и понюхать табаку. Ты прав, очень-очень прав: наша дружеская среда тесно соединила друг с другом. Но наша дружба – твердый камень, и надо на этот камень всходить, чтобы дальше видеть, верней целиться, но не надо за камнем прятаться»³⁷.

А прочитав по весне книжку Содди «Радий», Веча описывал могучий приток собственной энергии: «Чувствуется свежесть какая-то, неисчерпаемая сила и могущество жизни. Чувствуешь, что где-то далеко идет спешная, энергичная работа над изучением всего мира. Хочется много знать, еще больше – жить. Э, да что тут радий, сам я – радий! Что мне до неисчерпаемой энергии элемента – радия, коли я сам – радий!? Вижу, вижу по “ядовитой улыбке” тебя – скептика: доказательства. Есть и таковые. С первого апреля послал к черту папаху, пальто, ибо весна, ибо я радий, а посему у меня должно быть неисчерпаемое количество энергии (ведь радий не в папаше и не в пальто ходит!?), и добывать энергию надо из себя самого, а не из бабушкиных сухарей. Такая теперь хорошая весна, что и выразить трудно. Такое хорошее солнышко, травка, пташки, пение петухов... Завтра воля пану... Да здравствует пан!»³⁸

Срок ссылки подходил к концу. Веча уже вовсю строил планы. Он будет заниматься пролетарской печатью. Он будет учиться на экономиста. А перед этим заедет в вятские края поглядеть с родителями, которые слали в Вологду трогательные послания: «Дорогой мой Веча! На Пасху мы с Васей ездили в Кукарку, я там видела вашу няню, она о всех вас очень соскучилась и хочет приехать к нам. Ты когда поедешь из Вологды, то побывай в Кукарке, а в Казани можно побывать из дома. Слава Богу, я очень рада, что ты будешь свободен и будешь дома. Мы все здоровы. Вот дядя Иван Яковлевич болен, с ним был паралич, и сейчас не действует у него левая рука и нога и плохо говорит. А теперь говорит лучше, только не ходит. Наш сад находится в первобытном состоянии, никто за него не берется, никто не заглянет, пока не вырастут ягоды, как то: малина, крыжовник и другие, а как только поспеет, так все ходят лакомиться. Пока

до свидания, будь здоров, целую тебя и благословляю. С нетерпением жду домой. Твоя мама»³⁹.

Словом, планов было громадье. Однако на пути их реализации стояло большое «но». Скрябин, находясь «под колпаком», даже не подозревал, насколько был близок к провалу. За друзьями было установлено наружное наблюдение. Вячеслав проходил в полицейских досье под кличкой «Бегун», вероятно, из-за быстрой ходьбы. (Мальцев, наверное, передвигался медленнее, а потому получил кличку «Ходовый».) В апреле 1911 года к ним добавился «Кряж» – Аросев, поддавшись на психотерапию, он выхлопотал разрешение сдавать экзамены в Вологде.

Вологодскому жандармскому управлению было много известно о Скрябине: «Отличаясь знанием с.-д. программы и литературы, а также хорошими организаторскими способностями, он стремился образовать в городе Вологде с.-д. фракцию и объединить работу с.-д. во всей губернии. Делал денежные сборы в пользу политических. По его инициативе была устроена за городом сходка, на которой он должен был прочесть доклад о с.-д. партии вообще и поднять вопрос о скорейшем образовании здесь с.-д. фракции, вошел в сношения с железнодорожными рабочими, как более восприимчивым элементом. Составлял первомайские прокламации. Является серьезным деятелем»⁴⁰.

Почему же Скрябин и его друзья оставались на свободе? Не было прямых улик. А сведения агентуры к делу если и пришьешь, но только ценой раскрытия агента. Полиция была поставлена на ноги для поиска объективных доказательств. В ночь с 14 на 15 июня, за сутки до завершения срока ссылки Скрябина, в их квартире был произведен обыск.

На следующий день вологодский полицмейстер, по-прежнему не располагая против Скрябина прямыми уликами, вынес постановление об окончании срока его ссылки и снятии гласного надзора полиции⁴¹. И не нашел оснований отказать ему в выдаче свидетельства (характеристики) для поступления в высшее учебное заведение. Как видим, между жерновами российской правоохранительной машины были большие зазоры.

Наскоро собрав пожитки, друзья стремительно покинули Вологду и двинулись под Саратов, где встретились с Тихомировым. Тот рассказал о Ленине и планах создания большевистской газеты⁴². Конечно, надо делать газету! И делать ее в столице, в Санкт-Петербурге! Из Саратова Скрябин поехал повидаться с родными. 3 августа временно исполняющий должность Нолинского уездного исправника Шубин вызвал к себе Скрябина и задал несколько присланных из Вологды неприятных вопросов. Разговор получился по привычной схеме: «Ни к

какой нелегальной партии не принадлежал и не знал о существовании таковых как в Тотъме, так и в Вологде»⁴³. Губернское жандармское управление сообщило в Вологду, что «Скрябин 24 сего августа из гор. Нолинска выбыл в С. Петербург с целью поступить в Технологический институт, о чем мною вместе с сим поставлен в известность начальник С. Петербургского Охранного Отделения»⁴⁴.

Скрябин продолжил свой бег по лезвию бритвы. В Санкт-Петербург прибыл уже закаленный революционер. Американский историк Адам Улам писал, что Молотов производил впечатление человека, который «родился в пенсне и двубортном костюме»⁴⁵. Костюмы, как и пенсне, появятся, когда он выйдет на международную арену. А тогда Скрябин предпочитал носить косоворотки и форменные студенческие тужурки и выработал для себя непритязательно-спартанский взгляд на быт. В нем появились бесстрашие, не переходящее границы безрассудства, в сочетании с крайней скрытностью (особенно – с чужими) и осторожностью. Его убежденность в правильности марксистских идей, преданность целям партии почти достигли уровня фанатизма.

Правдист

Из Нолинска Вячеслав Скрябин направил заявление директору Санкт-Петербургского политехнического института им. Петра Великого с просьбой зачислить его студентом экономического отделения. Почти отличные аттестаты за шестой и седьмой классы реального училища и характеристика за подписью вологодского вице-губернатора сделали свое дело. В Питер Веча ехал со своим младшим братом Сергеем, который уже учился там в Психоневрологическом институте. По штампам прописки (любопытно, что их форма за последние сто лет не претерпела абсолютно никаких изменений), которые ставились на обороте «Свидетельства студента», можно установить: 3 сентября 1911 года Скрябин был зарегистрирован в доме 14 по Малой Спасской. А 11 ноября – в Лесном на проезде Сегалья, 24, где проживал до конца марта 1912 года, когда переехал в дом 29 по Большой Ружейной⁴⁶.

Петербург удовлетворял самые высокие эстетические запросы. Вместе с братом дед ездил слушать знаменитые симфонические концерты Кнушевицкого в Павловске. Ходили на Шаляпина. Было место и для студенческих вечеринок с модными музыкой и танцами.

Политехнический институт принадлежал к числу элитных вузов. Там преподавало немало ученых с мировым именем, и многие из них оставили свои автографы в «Лекционной книжке» (зачетке) студента Скрябина. Историю хозяйственного быта преподавал выдающийся философ и экономист Петр Струве. Курс всеобщей истории читал легендарный Николай Кареев. Самыми полезными и запомнившимися дед называл лекции по теории статистики в исполнении Александра Чупрова. Вспоминал дед также экономиста и историка Михаила Туган-Барановского. Все из перечисленных светил, кому Вячеслав Скрябин сдавал экзамены, оценили его знания как «весьма удовлетворительные». Помимо этих предметов на первом курсе Скрябин сдал экзамены по праву, французскому языку и выполнил практические работы по статистике, физике и химии⁴⁷.

Скрябин оказался весьма ценным приобретением для институтских большевиков, среди которых преобладали вчерашние гимназисты из интеллигентных семей: Алексей Стецкий, Александр Потехин, Николай Смирнов, Николай Лебедев, Николай Евреинов, Всеволод и Владимир Васильевские. Существенную роль играл Федор Ильин, который станет больше известен под псевдонимом Раскольников. Как и в Вологде, Скрябин вел агитационную работу среди рабочих – на заводах «Новый Айваз» (позднее он станет «Светланой»), «Лесснер», «Новый Лесснер», «Парвайнен». В нелегальных кружках, в одном из которых занимался Михаил Калинин, Скрябин проходил под кличками «Андрей» или «Дядя».

В конце года Скрябин впервые посетил Москву, чтобы полюбоваться ее красотами. А Ленин в те дни собрал в Праге VI Всероссийскую конференцию РСДРП, где создал чисто большевистский ЦК, в который, помимо него, вошли Голощекин, Зиновьев, Малиновский, Орджоникидзе, Спандарян, Шварцман. Впервые было создано Русское бюро ЦК в составе Сталина, Орджоникидзе, Спандаряна, Голощекина и Елены Стасовой. Остальные социал-демократы не признали правомочности Пражской конференции и на собственном форуме, который прошел под председательством Троцкого, осудили ее как «ленинский переворот». Но большевиков это мало смущало, они взялись за претворение решений Пражской конференции в жизнь. Одно из них заключалось в организации издания массовой ежедневной газеты.

В это время в Петербурге появился Сталин, сбежавший из Сольвычегодска. Иосиф Сталин (Джугашвили) после окончания с отличием Горийского духовного училища и изгнания за революционную деятельность из Тифлисской духовной семи-

нарии стал активным партийным деятелем. Его дооктябрьская биография вмещала семь арестов и пять побегов из тюрем и ссылок. Именно Сталин занялся организацией партийной печати, которая на тот момент была представлена «Звездой». В начале 1912 года в газете появился новый сотрудник – Вячеслав Скрябин. Обстоятельства его появления описал Батрак, который засвидетельствовал, что финансировал газету, как потом и «Правду», Тихомирнов. При этом вопрос ставился так: «Мы даем деньги, но от группы входит один представитель в состав редколлегии. Представителем этим выделен был В. Скрябин»⁴⁸. Так первокурсник стал видным партийным журналистом.

Михаил Ольминский (Александров), высокообразованный дворянин, опытный партийный журналист и публицист с еще народовольческим стажем, вспоминал: «Из новых, молодых сил, которые стала формировать “Звезда”, особенно следует отметить Ф. Раскольникову, Демьяна Бедного и В. М. Скрябина... Скрябин, писавший под псевдонимом А. Рябин, А. Званов, В. Михайлов и В. М., был очень ценным не только газетным, но и партийным работником»⁴⁹.

Уже в «Звезде» творчество Скрябина привлекло широкое внимание придирчивых читателей, в первую очередь – из органов цензуры. За его статьи не раз следовал арест газеты. Главным предметом специализации новоиспеченного партийного литератора стала хроника стачечной борьбы, благо жизнь сама активно подбрасывала обширную информацию: 1912 год ознаменовался резким подъемом забастовочной активности, на фоне которого завершалась подготовка к началу выпуска «Правды».

«Это было, – вспоминал Сталин, – в середине апреля 1912 года, вечером, на квартире у тов. Полетаева, где двое депутатов Думы (Покровский и Полетаев), двое литераторов (Ольминский и Батулин) и я, член ЦК (я, как нелегал, сидел в “бесте” у “неприкосновенного” Полетаева), договорились о платформе “Правды” и составили первый номер газеты...»⁵⁰ Тогда состоялась и первая личная встреча Молотова со Сталиным: на явочной квартире у зубного врача на Пороховой улице, после чего Сталин оставался на ночлег в комнате Скрябина. Гость произвел сильное впечатление. Говорили больше об аренде помещения для редакции и выборе типографии.

Арендовали три комнаты в доме 37 по Николаевской улице. О печатании «Правды» договорились с типографией черносотенной газеты «Земщина». Обратимся к рукописи Молотова, датированной апрелем 1962 года: «Конец апреля – начало мая 1912 года. В 3–4 часа петербургского утра, уже совсем светло,

мы, двое-трое редакционных работников “Правды”, выходим из типографии на Николаевской (там была все-таки редакция, а не типография. – В. Н.), где печаталась газета. Закончился наш рабочий день. Номер “Правды” сдан на ротационную машину. Началось печатание ежедневной рабочей, большевистской газеты... Где-то глубоко-глубоко жила уверенность, что ты участвуешь в таком деле, в таких событиях, которые уже являются наглядным свидетельством слабости и гнилости старого мира, доказательством непреодолимо растущей силы нового, революции, социализма...»⁵¹

В день выхода первого номера газеты, 22 апреля, Сталин был арестован по наводке Малиновского, который был агентом полиции, и после нескольких месяцев заключения в тюрьме сослан на три года в Нарымский край. 22 мая арестовали и ответственного секретаря редакции – Раскольников, который был приговорен к ссылке, замененной высылкой за границу. Перед отъездом Раскольников зайдет в редакцию «Правды» попрощаться с коллегами: «В маленьких комнатах было накурено и душно. Секретарем “Правды” вместо меня был мой товарищ по большевистской фракции политехникума Вячеслав Михайлович Молотов (Скрябин).

“Так, значит, теперь вы станете ‘заграничником’”, – с улыбкой на лице, поглаживая свою коротко остриженную, черноволосую голову, произнес он и крепко пожал мне руку»⁵².

Основная забота новоиспеченного ответственного секретаря заключалась в защите газеты от полицейских и цензурных преследований. От закрытия спасали специально назначаемые зиц-издатели и зиц-главные редакторы. Всего у «Правды» в 1912–1914 годах сменилось 10 официальных издателей и 44 главреда, большинство из которых из редакционного кабинета в порядке партийной нагрузки безропотно отправлялись прямо в тюрьму. Только за первый год своего существования тираж газеты конфисковался 41 раз.

Скрябин начал заочно общаться с Лениным: «Почти ежедневно приходили увесистые пакеты со статьями и небольшими заметками для “Правды” от В. И. Ленина. Вместе с ними были и статьи Г. Зиновьева, жившего в это время вместе с Лениным и много писавшего для “Правды”. Эти пакеты были из Поронина, пограничного польского городка тогдашней Австро-Венгрии (ныне – территория Польши), куда для лучшей связи с “Правдой” переселился из Женевы Ленин. Статьи В. И., естественно, были во многих случаях остро полемическими. Они били главным образом по идеологии либеральной буржуазии. В них было много “кадетоедства”, что и понятно, поскольку кадеты

были главной партией, которая стремилась и могла влиять на рабочих, на трудящихся, на демократическую интеллигенцию с целью отвлечения их от революционного пути. Неизменно полемические удары Ленина были направлены также против ликвидаторов и их либеральной рабочей политики. Им не было покоя от Ленина»⁵³.

Нельзя, однако, не заметить, что отношения Ленина с редколлегией «Правды» складывались непросто. Меня, воспитываемого на священном уважении к ленинским текстам, приводили в оторопь рассказы деда о том, что ответственному секретарю и редакторам «Правды» частенько доводилось править статьи Ленина или вообще не ставить их в номер. Как подсчитали потом дотошные историки, редколлегия «Правды» в 1912–1914 годах опубликовала 284 ленинские работы и 47 – отвергла. Причин тому было несколько. Первая – цензурная. Ленин не всегда принимал во внимание, что можно, а что нельзя писать в открытой печати. Вторая – учет аудитории газеты. Ленинские статьи, особенно излагавшие детали теоретических разборок внутри РСДРП, рабочие порой просто не могли понять. Третья – конъюнктурная, материал быстро устаревал.

Ленину самодеятельность редакции «Правды» была не по душе, что очевидно из его тогдашней переписки со Скрябиным. «Вы пишете, и в качестве секретаря, очевидно, от имени редакции, – что “редакция принципиально считает вполне приемлемой мою статью *вплоть до отношения к ликвидаторам*”, – возмущался Ленин. – Если так, отчего же “Правда” упорно, систематически вычеркивает и из моих статей, и из статей других коллег упоминания о ликвидаторах?? <...> Не имею ни малейшей склонности к “заподозриваниям”; вы знаете *по опыту*, что и к цензурным вашим правкам отношусь я с громадным терпением. Но коренной вопрос требует *прямого ответа*»⁵⁴. В другом письме Ленина звучит буквально вопль отчаяния разочарованного и обманутого автора: «Я могу согласиться *лишь* на (1) удаление подзаголовка и (2) минимальные *цензурные* (только!!) исправления в трех-четырёх местах, исправления *отдельных слов, никак не более*. Ежели и тогда нельзя будет поместить ни в “Правде”, ни в “Невской Звезде” (выходила вместо «Звезды». – В. Н.), *верните статью, она мне нужна*»⁵⁵.

Секретарь редакции в долгу не оставался. Он отвечал, что редколлегия в Петербурге лучше, чем ЦК в Галиции знает запросы читателей-пролетариев, а слишком многие статьи Ленина с критикой кадетов и ликвидаторов представляют из себя «монотонное чтение»⁵⁶. Конечно, вождь вождем, но что публиковать в газете и в каком виде, лучше было видно из прокуренных

редакторских комнат в Петербурге. Сильно возмущало Ленина и отсутствие гонораров. Ленину платили по три копейки за строчку, меньше, чем другим авторам, пользовавшимся особой популярностью у читателей. Так, Демьян Бедный, с народным юмором писавший свои рассказы и стихи, получал 25 копеек за строку, да и то сбежал в журнал «Современный мир», где обещали 50.

Ленин был сильно недоволен, настаивал на реорганизации редколлегии и изгнании из нее «примиренцев». В августе 1912 года он командировал в Петербург свою подругу и соратницу Инессу Арманд, которая провела специальное заседание редакции с членами Северного областного бюро с целью искоренения скверны в «Правде». Хотя в официальной советской «Истории КПСС» и написано, что после приезда Арманд и прошедшего совещания «позиция “Правды” стала выправляться»⁵⁷, никакой немедленной реорганизации не последовало, и никто не был уволен. Только 1 ноября «секретарь Мих...» («Михайлов», так подписывал свои письма Скрябин) информировал Ленина: «Внутри редакции, как вам, вероятно, известно, произошли некоторые перемены в желательном для вас смысле. В общем, нет коренных перемен, произошло некоторое пополнение редакции, а также некоторая перетасовка, а, может быть, и более правильное распределение функций редакции, выпуска и непосредственно “редакция статей”»⁵⁸. А Ленин продолжит баталии с правдистами.

Возникали проблемы и с другими лидерами РСДРП. Большой скандал затеял Троцкий, который в своей венской «Правде» обвинил большевиков в беспардонном присвоении названия его газеты и клеймил «ленинский кружок, воплощение фракционной реакции и раскольнического своеволия»⁵⁹. Крайне неприязненное отношение к Троцкому у правдистов, включая Молотова, понятно. А письма Троцкого в редакцию они сберегли – в 1920-е годы те сильно пригодятся.

Работа редактором и очеркистом «Правды» в качестве первого литературного опыта наложила неизгладимый отпечаток на стиль письма Молотова, характер его аргументации. Михаил Смиртюков, много десятилетий проработавший управляющим делами Совмина СССР, подмечал, что «привычка править и сокращать любой текст, попадавший к нему на стол, осталась у Молотова навсегда»⁶⁰. Он выработал стиль партийно-очерковый, неброский, где не было места для цветистых фраз.

Приобретенной в «Звезде» специализации – стачечное движение – и прежним своим псевдонимам Скрябин в «Правде» не изменял. Опять ему слово: «Вот вваливается рабочий с пост-

ройки на Лиговке, держа в руках огромные, криво ободранные куски обоев, на которых карандашные большие каракули описывают требования забастовавших рабочих на стройке.

– Товарищ, помести, чтобы завтра в “Правде” все наши прочитали.

Нельзя не поместить – вести со стачечного фронта и притом с нового, как будто бы далекого участка. Вот опять трое рабочих металлистов “Сименса и Гальске”, где уже два месяца тянется стачка, за которой смотрит и которую поддерживает весь питерский пролетариат...

– Завтра в газету нужно, – говорят они твердо.

– Ладно, товарищи, будет сделано»⁶¹.

В институте на втором курсе студент Скрыбин записался на курсы современной истории, теории политэкономии, товароведения, гражданского права, общей теории государственного права, госправа западноевропейских держав и экономической географии. Но с того времени лекции он почти не посещал, хотя продолжал появляться для сдачи экзаменов.

Осенью 1912 года внимание «правдистов» переключилось на выборы депутатов в Государственную думу. Выступления баллотировавшегося в столице Бадаева, как и успешно выигравшего выборы в Москве Малиновского, готовили лично вновь бежавший из ссылки Сталин и занимавшиеся этим издавна Ленин и Зиновьев. Для организации избирательной деятельности был восстановлен Петербургский комитет (ПК) большевиков. Начальник охранного отделения в Санкт-Петербурге полковник фон Котен «путем агентуры и наружного наблюдения» определил «руководящий коллектив фракции большевиков-ленинцев, именующий себя Петербургским Комитетом», в котором под номером два после бывшего члена Государственной думы Николая Гурьянова-Полетаева (в наблюдении «Тупой») значился студент-политехник Вячеслав Михайлов Скрыбин (в наблюдении «Паленый»)⁶². По агентурным сведениям, «Скрыбин – социал-демократ-большевик, исполнял поручения Ленина, с каковым он находился в переписке, вел партийную работу в Выборгском районе, принимал участие в создании социал-демократического кружка среди служащих Николаевской железной дороги, состоял членом социал-демократической фракции студентов-политехников, секретарем рабочей газеты “Правда”»⁶³.

Накануне открытия IV Государственной думы ожидалась беспорядки, и в ночь на 14 ноября группа активных членов ПК была «подвергнута обыску и аресту»⁶⁴. Наряд полиции нагрянул на квартиру в два часа ночи, но Скрыбин был в редакции и его

успели предупредить. По официально-партийной версии, он в тот день скрылся от полиции, выпрыгнув в окно, выходящее во двор. Батрак излагает более изящный сценарий: Скрябин в котелке под ручку с сотрудницей редакции Диной Гертик, на которой была шикарная шляпка, вышел через парадную дверь на улицу. Обойдя шпиков, парочка наняла первого попавшегося извозчика и рванула прочь⁶⁵.

На извозчике – до Финляндского вокзала, там на поезд – и в Пункахарью, а оттуда – в Гельсингфорс (Хельсинки). Он бежал без денег и уже через две недели вынужден был вернуться. Теперь Скрябин был на нелегальном положении. Поселился на Выборгской стороне и прописался по паспорту Николая Смирнова (благо фотографий в паспортах тогда не было, главное, чтобы возраст подходил). Время предпочитал проводить в одиночестве, по большей части в Публичной библиотеке. Там же писал статьи для «Правды», где они выходили под псевдонимом А. Званов. Тогда он главным образом ругал ультрапатриотизм, который охватил страну в связи с Балканской войной⁶⁶.

Формально Скрябин оставался секретарем редакции вплоть до совещания членов ЦК и думской фракции, которое прошло в Кракове накануне нового, 1913 года и было посвящено во многом вопросам партийной печати. От Ленина досталось прежде всего Сталину и Молотову. Как замечала секретарь французской академии Элен Каррер д'Анкосс, «их назвали “рохлями” и заменили на Свердлова, который вновь направил газету в направлении, указанном Лениным»⁶⁷. Секретарем редакции была назначена Конкордия Самойлова. Скрябин же продолжал сотрудничать с «Правдой» в роли журналиста и члена Петербургского комитета.

В декабре 1912 года в вестибюле политеха была организована большая сходка, на которой он, не утерпев, выступил с пламенной речью. Импровизированную трибуну окружали студенты покрепче, и ораторам удалось благополучно затеряться от полиции в толпе. Но, засветив свое пребывание в Петербурге, Скрябин предпочел не испытывать судьбу и отправился в Казань в компании Аросева⁶⁸. По возвращении в Петербург чуть сразу же не попался – отследили на вокзале. Пришлось переселиться за город, где продолжал писать в «Правду». Газета переживала тяжелые времена. 10 февраля по наводке Малиновского арестовали Свердлова. 23 февраля взяли и приехавшего из Кракова Сталина, которого ждали четыре года в Туруханском крае. Аресты обеспечили приход к руководству «Правдой» самого Малиновского и другого провокатора – Мirona Черномазова.

По инициативе Скрябина был создан Объединенный студенческий социал-демократический комитет. Первой его акцией стала забастовка студентов в знак протеста против устава Военно-медицинской академии, по которому ее слушатели приравнивались по статусу к нижним армейским чинам. Записка охранного отделения 15 марта 1913 года извещала, что в Петербургском политехническом институте «в 2 ч. дня студент Вячеслав Михайлов Скрябин открыл сходку речью... от своего имени предложил начать забастовку сегодня же, что было тут же принято. После сего толпа студентов начала ходить взад и вперед по коридору с пением “Вставай, поднимайся, рабочий народ” и других революционных песен... На сходке присутствовало до 1200 человек»⁶⁹. Почин подхватили другие столичные вузы. А 1 апреля состоялось то, что в большевистской печати называлось разгромом Объединенного социал-демократического студенческого комитета. Скрябина разыскивали. Распоряжением петербургского градоначальника его подвергли «аресту при полиции на 3 месяца с воспрещением по отбытии наказания жительства в Петербурге на основании п. 4 ст. 16 Положения об усиленной охране»⁷⁰.

Сидел он сначала в «предварилке» – доме предварительного заключения (ДПЗ) на Шпалерной улице, а затем в Спасской части. ДПЗ пользовался у завсегдатаев тюрем неплохой репутацией: в камерах был даже ватерклозет. Репутация Спасской части, куда потом перевели Скрябина, была гораздо хуже: деревянные нары, параша на этаже и, что особенно возмущало политических, плохая библиотека.

После выхода из тюрьмы 2 июля 1913 года Скрябин уволился в институте в отпуск и остаток лета провел дома. А осенью активно и успешно сдавал «хвосты», в том числе двум академикам. Выдающийся правовед Михаил Дьяконов оценил знания Скрябина по истории русского права как «весьма удовлетворительные». Столь же высокой была оценка знаменитого Максима Ковалевского, которому 24 октября он сдал государственное право Западной Европы. Однако тяга к знаниям вновь оказалась непродолжительной. 26 июля Департамент полиции объявил Скрябина в розыск. Судя по тому, что его долго не могли найти, в институте он не появлялся и 22 ноября был отчислен за неуплату.

Скрябина разыскивали в качестве обвиняемого по делу о Петербургском комитете. 7 декабря он «был обыскан, арестован и передан на распоряжение» начальника губернского жандармского управления⁷¹. Обыск ничего не дал, принадлежность к ПК Скрябин, естественно, отрицал. Обнаружился недостаток

улик, и на сей раз он отделался легко. Освободившись под особый надзор полиции, Скрябин 16 января 1914 года восстанавливается в институте, оплатив задолженность из денег вятского землячества⁷². Но за весь весенний семестр в его зачетной книжке зарегистрирован лишь один зачет за практические занятия по экономической географии. Зато полиция зафиксировала всплеск активности большевистской ячейки политеха. В ночь на 22 апреля охранным отделением столицы была проведена «ликвидация» социал-демократических фракций высших учебных заведений. У Скрябина опять был обыск, в результате которого изъяли переписку и несколько номеров «Правды» и «Рабочей газеты»⁷³. Вновь знакомая Спасская часть.

Скрябину «присоединили “54 пункта”», как на сленге того времени называлось это наказание, и выслали из Петербурга с воспрещением жительства в столицах и во всех губернских городах. Он уехал в Нолинск и оттуда просил руководство института разрешить ему прибыть для сдачи «хвостов» – разрешили сдать только три. Но дожидаться осени он не стал, а нелегально вернулся в Санкт-Петербург. Вновь рабочие кружки, вновь публицистика. Очередная статья «А. Званова» в «Правде» (тогда она существовала в ипостаси «Трудовой правды») вышла 12 июня, в ней критиковался внесенный в Думу бюджет Министерства народного просвещения.

А 16(28) июня фельдъегерь поручик Скуратов поднялся на борт царской яхты «Штандарт» и вручил императору Николаю II конверт с известием о том, что в боснийском городе Сараево выстрелами из револьвера молодой серб Гаврило Принцип убил австро-венгерского престолонаследника Франца Фердинанда и его супругу Софи фон Гогенберг. Смысл происшедшего был понятен посвященным в тонкости европейской дипломатии – от столкновения могло спасти только чудо. Власть начала готовиться к войне. В первую очередь на внутреннем фронте. Начались аресты. Волна задержаний на сей раз обошла Скрябина стороной.

«Дорогой мой Веча, голубчик мой, как мне жаль тебя, что ты никак не можешь успокоиться. Что же ты кому принес пользу своими боками? Можешь ли ты получать теперь стипендию? Если можно тебе сдавать экзамены, так ты поскорее от них отделяйся да приезжай домой, а то, пожалуй, тебя еще возьмут в солдаты. Ах Веча, когда мы прочитали газеты, где было сказано – такой-то студент арестован, конечно, всех покорило, а особенно меня. Потом я получила от тебя письмо, что ты свободен, я так была рада, что ты представить себе не можешь. Тут опять получили газету: такой-то студент по 102 статье будет

ссылкой на поселенье. Представь себе, какой для меня удар, но я, когда получила от тебя письмо, да и от Сережи, так немного успокоилась. Но все еще волнуюсь, чтобы не было еще хуже. Дорогой мой Веча, успокой меня, дай мне умереть спокойно. Я страдаю за тебя каждую минуту, мне жаль тебя... Будь здоров, целую тебя и благословляю.

Твоя мама.

Дорогой Веча! Стремления твои благородны, но не выполнимы, а потому советую – брось журавля в небо, бери синицу в руки и будешь молодец. Папа Михаил»⁷⁴.

Похоже, именно к лету 1914 года относится появление псевдонима «Молотов». Почему он появился – абсолютно ясно, деда об этом часто спрашивали. Фамилия «Молотов» звучала вполне по-пролетарски, индустриально, что должно было импонировать рабочим, которые недолюбливали партийцев из интеллигенции. Другая причина – прозаическая. Свой новый псевдоним ему произносить было легче, чем «Скрябин», где три первых согласных звука заставляли заикаться. Сложнее со временем появления псевдонима «Молотов». В литературе множество версий – от 1912 до 1918 года. Батрак свидетельствовал, что 8 июля 1914 года Скрябин отправил в редакцию «Правды» статью с этим псевдонимом, но она уже не вышла⁷⁵. Мне дед говорил, что всемирно известный псевдоним взял в 1915 году для статьи в журнале «Вопросы страхования». Не исключено, что версия со статьей для разгромленной «Правды» могла показаться более выигрышной и героической, чем с пресными «Вопросами страхования».

Из Сибири – в ЦК

В историю человечества впервые пришла мировая война. Антанта в составе России, Великобритании и Франции, к которым позднее присоединятся английские доминионы, Япония, Египет, сошлась в схватке с альянсом Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. У России были все основания считать Берлин и Вену стороной-агрессором, а свою борьбу – справедливой. «Когда Петербург узнал о войне, свершилось чудо, – вспоминал Александр Керенский. – Баррикады исчезли, забастовки прекратились, рабочие – вчерашние революционеры – шли толпами принимать участие в грандиозных манифестациях перед союзными посольствами»⁷⁶.

Такая же картина наблюдалась и во всех остальных воевавших странах. Везде самые ярые оппозиционеры объявили

о безоговорочной поддержке своих правительств. За одним небольшим, но очень существенным исключением. Этим исключением был Ленин, который был сначала арестован австрийской полицией, а затем освобожден как последовательный враг российского режима. В Швейцарии лидер большевиков сделал вывод о том, что «наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск», и «превращение современной империалистической войны в гражданскую войну»⁷⁷.

В Петербурге (переименованном из-за германофобских настроений в Петроград) у большевистских организаций возможности для легальной деятельности исчезли. За отсутствием Русского бюро ЦК, члены которого были в ссылке, его функции поначалу выполняла большевистская фракция Госдумы из пяти человек, вскоре арестованная. Петербургский комитет (который, в отличие от города, не был переименован, дабы не поддаваться шовинистическим настроениям) затаился. О жизни Молотова в этот период известно мало. Батрак уже с августа 1914 года «отправляет» его, скрывавшегося от охраны, в Нолинск, а с сентября – в Москву, где он прожил до начала лета 1915 года. Эту хронологию опровергает зачетка студента Скрябина, где в сентябре проставлены отметки за теорию политэкономии и общее учение о государстве. А 5 декабря 1914 года он направил в Вятскую губернскую земскую управу прошение о предоставлении стипендии, указав адресом для ответа Петроград (Шлиссельбургский проспект, д. 33-35, кв. 12), а вовсе не Москву. 24 декабря Скрябин был вообще отчислен из института после получения из охранного отделения списка студентов, «высланных из столицы в текущем году за политическую неблагонадежность»⁷⁸. В свете этого мне совершенно непонятно, каким образом студент Скрябин 10 января 1915 года сдал экзамен по экономической географии и землеведению, 12 января – русское государственное право, а 16 января – экономику промышленности⁷⁹. Или в институте царил такой беспорядок, что профессура не знала, кто из студентов отчислен, а кто нет?

Что касается времени появления Скрябина в Москве, то здесь лучше полагаться на полицейские досье. Московское охранное отделение заметило оживление в социал-демократическом подполье «с весны, когда из Петрограда в Москву, по поручению “Петроградского Комитета РСДРП” временно, видимо, выполнявшего функции Центрального комитета, стали приезжать видные партийные деятели, имевшие определенные поручения по воссозданию в Москве оформленных партийных организаций». Среди них в первую очередь называли «бывшего

секретаря издававшейся в Петрограде рабочей, социал-демократического направления газеты “Правда”, студента Петроградского политехнического института Вячеслава Михайлова Скрыбина, которому при содействии местных партийных деятелей в сравнительно короткий срок удалось организовать в различных районах г. Москвы несколько самостоятельных с.-д. “большевистских” групп»⁸⁰.

Главным каналом связи с московским подпольем выступал Николай Мальцев, который в это время учился на медицинском факультете Московского университета на Большой Царицынской улице (ныне Большой Пироговской) и жил там же. Студенческая столовая, как и медицинская библиотека, была удобна для нелегальных встреч, проходивших под видом собрания правления студенческого кооператива. Когда правоохранительные органы стали проявлять повышенный интерес к этим встречам, друзья нашли новое пристанище – на даче в деревне Потылиха (в районе современного «Мосфильма»). Прописка там велась по правилам сельской местности, не попадая (по крайней мере сразу) под регистрацию городской полиции. В Потылихе Скрыбин скоро стал своим парнем, а путь к сердцам деревенских жителей прокладывал через мандолину и скрипку⁸¹.

На жизнь Молотов зарабатывал службой в конторе Союза городов – вполне респектабельной патриотической организации, собиравшей средства на нужды войны. В столь солидном учреждении пришлось впервые облачиться в пиджак и галстук и завести очки в черной оправе. Рабочие организации Скрыбин обнаружил в Лефортовском районе, где создал марксистскую «Организационную социал-демократическую группу». Агент «Пелагея» докладывал: «В Москве он сейчас разыскивает “областников” и вообще ищет связи, причем ему уже удалось через посредство Марии Ильиничны Ульяновой связаться с металлистом Андреевым, партийная кличка “Ленька” (Андреев Андрей Андреевич), а через последнего с лефортовской группой»⁸². Прикладывалась и написанная Скрыбиным листовка: «Сама война, навязанная народу ради завоевательных интересов господствующих клик, есть тягчайшее преступление царского правительства против народа. Долой самодержавие! Да здравствует Демократическая Республика!»⁸³

Начальник Московского охранного отделения полковник Мартынов информировал, что после приезда Скрыбина «стал замечаться подъем среди представителей местного социал-демократического подполья и все настойчивее говорилось о необходимости создания в Москве оформленной с.-д. организации»⁸⁴. Местом собраний служил лесистый Измайлов-

ский зверинец. На 6 июня была запланирована общегородская конференция РСДРП. Утро было свежее, дул ветер, понадобилось даже надеть пальто. На Измайловское шоссе, на Благуше, Скрябин заметил слежку, а местность, как назло, открытая.

– Стоять! Вы арестованы!

Постановление о заключении под стражу с содержанием в одиночной камере было подписано московским градоначальником генерал-майором Климовичем⁸⁵. Это был последний арест в жизни Молотова. Больше он не попадет. В Московском охранном отделении он отказался отвечать на какие-либо вопросы. Более того, едва не сбежал: «В 11 час. 15 мин. утра Скрябин покушался на побег из названной комнаты; для чего в названном окне, отбив замазку, открыл раму и вылез во двор. Дежурный полицейский надзиратель Охалкин при сдаче дежурства мне, Яковлеву, заявил, что он обнаружил этот побег и задержал Скрябина уже выпрыгнувшим из окна»⁸⁶. После этого Скрябина отправили в «Таганку». Я как-то спросил деда, в каких тюрьмах он сидел. Он, улыбнувшись, ответил: «Во всех основных».

В Потылихе обнаружили образцовый набор марксистской литературы, но ничего подсудного⁸⁷. Однако у Мальцева были найдены пачки антивоенных листовок Петербургского комитета и рукопись прокламации, написанной Скрябиным. Автор по законам военного времени мог рассчитывать на каторгу. Но Скрябину, в который уже раз, крупно повезло: эксперт-графолог отказался однозначно признать его авторство. Следователь ротмистр Знаменский разослал запросы о похождениях Скрябина в Петрограде, Казани, Вятке и Вологде. Ответы пришли с подробностями. Приговор был вынесен 31 июля 1915 года. Молотов, не веривший, что удастся избежать каторги, воспринял его как подарок судьбы: «Выслать в Иркутскую губернию под гласный надзор полиции на три года»⁸⁸. «Всего лишь» ссылка, только теперь подальше и этапом.

Отправились в путь 21 августа в компании уголовников, с многочисленными остановками в пересыльных тюрьмах по всему маршруту. В Иркутске вещи погрузили на подводы и пешком двинулись за ними. Осень, на счастье, выдалась довольно теплой, только к концу двухсоткилометрового путешествия до Манзурки понадобились сани. «Неплохая была прогулочка!» – вспоминал дед. Форменная тужурка с погонами и эмблемой Политехнического института им. Петра I, в которой он и шел по этапу, плохо спасала от холода.

О настроениях и жизни рассказывает письмо Аросеву и Тихомирнову, тайно переданное в Казань: «Милые, славные, до-

рогие мои друзья, ангелы мои небесные, сердечные мои Саша и Витя. Как рад, как утешен благодаря вам, еще и еще раз за всегда неизменно крепкую дружбу, теплое участие, беззаветную вашу любовь. Целую, обнимаю. Никакие расстояния не помешают быть нам всегда близкими... Иркутская администрация отвратительна, бесцеремонна и bestолкова. Известно, азиаты... До сих пор живу растрепано. Забрался, правда, наконец, в отдельную комнату, но заниматься еще не приступил. Начну, и решил основательно. Дело за книгами. Если сможете что-нибудь солидное прислать, особенно марксистское, буду несказанно благодарен... Журналов достаточно, хотя с ними пока большой беспорядок в связи с летними арестами в Манзурке. Газеты, хоть из третьих рук, получаем. Предполагается скоро устроить общую столовку, и тогда о хлебе насущном и о газете вопрос решится в лучшем смысле...

В деньгах, в сущности, я теперь не нуждаюсь. У меня осталось несколько десятков рублей от заработка и от сбора в союзе городов, где я служил (собрали 64 р., когда я сидел в Москве). Недавно по телеграфу из Москвы получил 20 руб., расплатился с долгами, на днях получил от брата 10 рублей, одеяло теплое и белье теплое (полную смену), значит совершенно считаю себя экипированным. Чего еще нужно: на днях прекращу, наконец, спанье на своем всяк-сезоне, т. к. сегодня закупил материю для тюфяка. Шапка куплена сибирская зайчиная, всяк-сезон годится и на зиму. Правда, в октябре были уже морозы до 30 градусов, но ноябрь стоит терпимый. На будущее смотрю бодро. Да и вообще на настроение не могу пожаловаться. Особенно теперь, когда стал получать отклики от милых и дорогих сердцу. Конечно, здоров и хворать не собираюсь. За дорогу только в пешем этапе испортил ногу, верней, палец ноги и канителился весь двухнедельный путь от Иркутска в Верхоленск и Манзурку.

Но сколько горечи впитывают в себя тюрьмы и этап. Приходилось быть свидетелем грустных, тяжелых картин. Оскорблений, угроз (в Челябинске, например, я чувствовал себя накануне карцера – помогла немножко тактика в нужный момент – требовали ложек к обеду, в конце концов, получили, но в этой Азии их, оказалось, нигде не дают в тюрьмах и впоследствии нигде не давали, даже в Иркутске, где сидели три недели: ешь, чем хочешь, устраивай очередь), злых и грубых окриков пришлось слышаться достаточно. В Иркутске человек 6–7 административных схватили-таки тиф в нашей камере. И теперь еще нельзя смотреть на некоторых товарищей, как много сил, здоровья отняли у них пересылки и этап. Самые отвратительные условия в Иркутске. Там нередко и в окна стреляют, и при

мне стреляли, камеры набивают смешанными элементами, в большинстве всякий сброд, пища одно “первое” (плохая баланда, из которой сам таскал червей), без ужина, в большинстве случаев к Иркутску приходят без запасов и без монет, да если и монеты есть, выписку с трудом дают. Благо, если есть возможность не совсем прекратить получку сахара, а изредка ситника от товарищей. В камере грязища, спят многие под нарами. Хорошо, что все это позади. И притом постоянная угроза остаться безо всего благодаря сожительству с жульем...

В Манзурке 12 политических административных (между прочим, из Казани Брауде – она, муж которой следует за женой, он помощник присяжного поверенного, учился с моим братом Николаем). Большинство славные ребята, живем дружно и интересы друг друга близки... Моя цель употребить с пользой для головы ближайшие месяцы... Пишите же, ребятки ненаглядные, скорее и больше. Бросьте таинственничать. Где твоя семья, Саша. Как она живет. Как твои братья, сестры – расцелуй за меня Наденьку. Как Витя себя чувствует. Расчудесная ты моя “физаномия”... Распрекрасный ты нос Петрович. Обнимаетесь ли вы, сараи непроходимые. Целуй Гер. Герыча (Германа Тихомирнова. – В. Н.). Надеюсь, тебя не возьмут в армию. Не думаю, чтобы в России уже до плешивых дошло – тогда нам-то грешным куда деться, куда спрятаться. Кончаю, жду, не просто жду, а жду-жду получить от вас писем и вестей. Крепко целую, с радостью думаю, что мы по-прежнему и все больше близкие друзья»⁸⁹.

Режим в Манзурке, как и в вологодской ссылке, был относительно либеральным. Полицейский надзор сводился к тому, чтобы раз в месяц показаться приставу. Жили фактически коммунальной. Молотов, как и другие мужчины, колот дрова, убирал избу, женщины готовили, финансы – в общей кассе. Ссылные регулярно устраивали политические дискуссии, до хрипоты спорили. Особенно сблизился Молотов с сосланными из Питера Петром Залуцким и Пылаевым. Новый, 1916 год «политические» встречали одной большой компанией. Пили водку, самогон, местное чалдонское пиво, в которое для крепости кустарные производители добавляли куриный помет. Старые революционеры-эсеры поднимали стаканы с пением «Марсельезы», социал-демократическая молодежь распевала «Интернационал». Чуть не подрались.

Бежать из Манзурки зимой считалось самоубийственной затеей. Молотов планировал побег на весну. Финансировал Тихомирнов. С паспортом Самуила Брауде (он был на легальном положении, паспорт особо не нужен) Молотов (с его-то вят-

ским лицом!) в мае 1916 года благополучно доехал на телеге до Иркутска, а там уже и поезда ходят. Путь из Иркутска лежал в Казань – к Тихомирнову, который только вернулся из Швейцарии от Ленина. У Тихомирнова была под Казанью тихая дача, которую историки этого города помещают в Пустые Моркваши, Аросев – в Чукашовку, а Батрак – в Чукатовку. Как бы там ни было, на этой даче приятели замечательно провели летние месяцы. Но они не были бы большевиками, если бы ограничились беседами о заграничных и сибирских впечатлениях. «Под предлогом рыбной ловли они переезжали на левый берег Волги, где встречались с алафузовцами, рабочими химического завода, восстанавливали партийные связи, помогали местным большевикам, знакомя их с новейшими работами В. И. Ленина. Тихомирнов привез с собой много номеров большевистской газеты “Социал-демократ” женеvского издания»⁹⁰. Скрыбину достали другой паспорт – на имя грека, который был освобожден от воинской повинности из-за одного физического недостатка, о котором, однако, Молотов даже не подозревал (из-за чего чуть не погорел).

В Санкт-Петербурге Молотов объявился в начале осени 1916 года под именем Якова Михайловича Каракурчи из города Мелитополя. Отрастил волосы и длинную черную бороду. Со смехом рассказывал, как явился снимать комнату в Озерках, а хозяин его и спрашивает:

- Вы, часом, не грузин будете?
- Нет, я немного греческой крови.

Молотов даже похвастался близкому товарищу, что с такими замечательными документами не страшно переосвидетельствование, необходимое для белобилетников. Приятель, большой дока в этих вопросах, глянул на документы и захотал:

- А горб у тебя есть?
- Какой горб?
- Самый настоящий, за плечами. Номер статьи, что записан в белом билете, означает «горбун».

Пришлось добывать новый паспорт.

Петербургский комитет активно себя не проявлял. Из околопартийных организаций существовала лишь рабочая группа Страхового союза с его журналом «Вопросы страхования». Общался Скрыбин только с многократно проверенными коллегами. Сначала вместе с Аросевым, работавшим бухгалтером в журнале «Современный мир», занялись созданием собственной большевистской группы, которая получила пополнение в лице Шутко, Залуцкого и Пылаева, также сбежавших из Си-

бири. Аросева мобилизовали на фронт, и на освободившуюся вакансию в журнале он рекомендовал издателю Иорданскому своего давнего друга Алексея Петровича Карпова. Под этим именем скрывался, естественно, Молотов. Впрочем, от Иорданского не надо было таиться: он входил еще в редколлегию «Звезды» и знал Скрябина лично. Так Молотов стал не только бухгалтером, но и фактическим секретарем редакции уважаемого литературного журнала, который дожил и до XXI века под названием «Новый мир».

Продолжая подпольную деятельность, Молотов вновь включился в работу Петербургского комитета. По предприятиям города распространялось написанное им воззвание: «Страшный призрак – Царь-Голод – вновь угрожающе надвигается на Европу, и ледяное дыхание его веет ужасом и смертью»⁹¹. Листовка была воспринята как приглашение к стачке, и 17 октября она охватила Выборгский район и длилась три дня. На 26 октября был назначен суд над матросами Балтфлота, обвиняемыми в принадлежности к военной организации большевиков. «Товарищ Молотов... поставил на обсуждение Петербургского комитета вопрос об организации в день суда массового выступления рабочих»⁹². Призыв был услышан, рабочие забастовали на заводах Эриксона, Лесснера, Рено.

В эти дни в Петрограде появляется ленинский эмиссар Александр Шляпников с полномочиями восстановить Русское бюро ЦК. Он вспоминал: «С помощью т. Тихомирнова (Вадима) удалось образовать сеть нелегальных квартир для явок... Труднее пришлось с подбором товарищей для самого Бюро Центрального Комитета. В Петербургском комитете было так мало работников, что забирать их оттуда, хоть и для нужной работы, можно было только в крайнем случае... В руководящий центр удалось привлечь по соглашению с ответственными работниками Петербургского комитета (тт. Залежским, Шутко, Антиповым, Евдокимовым и др.) тт. П. Залуцкого и В. Молотова»⁹³. Так в 26 лет Скрябин вошел в состав высшего большевистского руководства, называя тогдашнее Русское бюро «ЦК на безрыбье».

Шляпников осуществлял в Бюро представительские функции, поддерживал связи с провинцией и заграничным центром; Молотов ведал делами литературными, Залуцкий представлял ЦК в Петербургском комитете. Вопросы переправки и распространения литературы взял на себя Тихомирнов, по-прежнему предпочитавший оставаться в тени. Для этой работы он организовал группу молоденьких курсисток, которые без особых препятствий путешествовали с большими чемоданами и коробками из-под шляпок по всей необъятной империи.

Штаб-квартира Бюро была в квартире Павловых по Сердобольской улице, дом 35. Удивительно, но этот центральный офис благополучно просуществовал вплоть до свержения царизма. Шляпников, Молотов и Залуцкий постоянно меняли места для встреч и заседаний, используя различные явочные квартиры или просто прогуливаясь темными вечерами по пустынным улицам Лесного района. Одно из первых заседаний Русского бюро, проведенного совместно с ПК и рабочей группой Страхового союза, было посвящено оценке деятельности Черномазова и других провокаторов: «Члены всех рабочих организаций немедленно прекращают с этими лицами всякие сношения по делам всех организаций»⁹⁴. Пожалуй, это решение больше, чем что-либо другое, спасло Бюро от провала.

В конце 1916 года Молотов вновь отправился в Москву, где после его ареста так и не смогли избрать городской партийный комитет. Он на месте реализует единственно возможное в тех условиях решение: не проводить никаких собраний, а назначить властью Русского бюро ЦК особое Областное бюро ЦК РСДРП(б). Само Русское бюро тоже ведь никто не выбирал: его состав просто согласовали с Лениным. Из Москвы Молотов едет дальше – в Орел, где жил его студенческий приятель Потехин, «неся культуру» в провинциальные массы. Он был освобожден от военной службы как туберкулезник, а в родительском доме никто паспортом не интересовался. По возвращении в Петроград Молотов снял в Лесном комнату в двухэтажном деревянном домике и прописался по паспорту Потехина.

В те дни не большевики, загнанные в глубокое подполье, и вообще не социалисты были главной революционной силой. Куда большую роль в подготовке свержения режима играли либеральные и даже правые партии и их лидеры, пользовавшиеся относительной свободой политической деятельности. С осени резко радикализировался Прогрессивный блок Государственной думы, а возглавлявшие его кадеты приняли стратегию прямой конфронтации с верховной властью. «Их главным мотивом было желание довести войну до успешного конца в согласии с союзниками, а причиной их оппозиционности – все возрастающая уверенность, что с данным правительством и при данном режиме эта цель достигнута быть не могла»⁹⁵, – пояснял лидер кадетов Павел Милюков. На открытии очередной сессии Думы прозвучала его речь с обвинением ведущих членов кабинета и придворных кругов в коррупции и намерении заключить сепаратный мир: «Что это, глупость

или измена?» На что зал и забитая людьми галерка дружно отвечали: «Измена!»

Вокруг трона всюду плелись заговоры, имевшие целью «спасение монархии от монарха»⁹⁶.

Вход в историю

Один из незаконченных набросков Молотова 1967 года – «Из воспоминаний и из раздумий»: «В январе 1917 года В. И. Ленин делал в Цюрихе для швейцарской молодежи доклад о революции 1905 года... Ленин заканчивал доклад словами: “Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думаю мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь... будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции”. Но именно с этого времени и, особенно, в феврале 1917 года революционные события в нашей стране пошли на крутой подъем. В конце февраля революция, для которой очередная задача заключалась в свержении царизма, одержала свою решительную и славную победу. Под огромным напором поднимавшегося в ряде городов и рабочих районов стачечного революционного движения и, особенно, благодаря самоотверженной борьбе питерских рабочих и работниц, начавших вовлекать в свои боевые уличные демонстрации под лозунгами “хлеба голодным” и “долой войну” также некоторые воинские части Питера, царское самодержавие крахнуло»⁹⁷.

Не только Ленин, давно уже живший в отрыве от родины, но и большевики, работавшие в Петрограде, не ждали Февральской революции. Напротив, как вспоминал Шляпников, еще в начале февраля 1917 года Русскому бюро «приходилось опровергать и бороться с некоторыми заблуждениями и иллюзиями товарищей относительно преувеличения сил рабочего класса в надвигавшейся борьбе»⁹⁸. Призывы горячих голов из Выборгского районного комитета использовать для решительных действий намеченную ко дню открытия очередной сессии Госдумы (14 февраля) демонстрацию меньшевиков-оборонцев к Таврическому дворцу были отвергнуты. «Выступивший с докладом товарищ Молотов подчеркнул, что времена хождения ко дворцам кончились еще 9 января 1905 года и что большевики должны энергично выступить против грандиозной провокации, организуемой ликвидаторами-оборонцами»⁹⁹. Вместо этого было предложено организовать альтернативную демонстрацию рабочих по Невскому проспекту, которая получилась

немногочисленной, невыразительной и была легко разогнана полицией.

Злую шутку с режимом сыграла погода. На протяжении трех первых недель февраля было исключительно холодно, в Петрограде средняя температура – тридцать ниже нуля. Снег засыпал железнодорожные пути, по всей стране простаивали десятки тысяч вагонов с продовольствием и топливом. Продовольственная ситуация в России была более благоприятной, чем в воевавших европейских странах, но к началу двадцатых чисел распространили слухи о введении нормирования отпуска хлеба. Люди в панике бросились к булочным, где образовались очереди, стоявшие ночь напролет на лютom морозе.

23 февраля (8 марта) стало резко теплеть. По городу проществовала женская процессия. Полиция, которой распорядился градоначальник Балк, спокойно пресекала эксцессы. На следующий день бастовало уже 200 тысяч рабочих, многие из которых начали пробиваться в центр города. Командующий Петроградским военным округом генерал Хабалов передал функции «охраны порядка и спокойствия столицы» военным властям и принял крайне опрометчивое решение выслать в наряды воинские части. В городе стояли почти исключительно запасные полки – более двухсот тысяч недавно мобилизованных резервистов старших призывных возрастов, которые меньше всего подходили для целей подавления восстания. Очевидная мягкость силовиков немедленно сообщила уверенность толпе.

«Все эти дни тов. Молотов проводит то на летучих заседаниях бюро ЦК и совещаниях с отдельными работниками Петербургского комитета, то вместе с рабочими Выборгской стороны пробирается к центру города, – сообщает Батрак. – Его интересует настроение рабочей и солдатской массы, перспективы начавшегося движения. Он жадно ловит всякое новое сообщение»¹⁰⁰. Оставалось ощущение того, что происходила грандиозная провокация, предвещавшая кровавую расправу¹⁰¹. Был принят лозунг братания рабочих с солдатами, который Молотов считал едва ли не решающим в успехе революции: «Решительная и быстрая победа Февральской революции, поскольку ее ближайшей задачей было свержение царизма, была достигнута именно благодаря тому, что солдаты, находившиеся в Петрограде, не пошли против рабочих»¹⁰². В реализацию установки большевиков около патрулей появились рабочие и, что более важно, молодые работницы, вступавшие с солдатами первоначально в невинные беседы.

25 февраля началась всеобщая забастовка. Русское бюро ЦК решает дать боевую листовку. Текст написан рукой Моло-

това: «Жить стало невозможно. Нечего есть. Не во что одеться. Нечем топить. На фронте – кровь, увечье, смерть. Набор за набором! Поезд за поездом, точно гурты скота, отправляются наши дети и братья на человеческую бойню. Всех зовите к борьбе. Лучше погибнуть славной смертью борца за рабочее дело, чем сложить голову за барыши капитала на фронте или зачахнуть от голода и непосильной работы. Отдельные выступления могут разрастись во всероссийскую революцию, которая даст толчок к революции в других странах. Впереди борьба, но нас ждет верная победа! Все – под красные знамена революции... Да здравствует Социалистический Интернационал!»¹⁰³ Городовым в тот день все чаще приходилось обнажать шашки и стрелять в воздух. Вечером в Генеральном штабе была получена телеграмма императора: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай»¹⁰⁴.

В воскресенье 26 февраля (11 марта) около четырех часов дня на Знаменской площади, по Невскому началась стрельба залпами в людей. В казармах ночью не спали. В учебной команде лейб-гвардии Волынского полка пришедший в казарму в седьмом часу начальник учебной команды штабс-капитан Лашкевич был убит ружейными выстрелами. Солдаты с криками «ура!» разобрали цейхгауз и, стреляя в воздух, направились к расположенным по соседству казармам Преображенского и Литовского полков. Силой были взяты главный арсенал, главное артиллерийское управление и склады патронного завода, освобождены арестованные – и уголовники, и политические – из «Крестов», дома предварительного заключения и других тюрем. В небо потянулся дым от подожженных полицейских участков, Охранного отделения. События в столице заставили царя пойти на назначение военного диктатора с полномочиями подавить бунт. На эту роль был выбран герой галицийской кампании генерал Иванов, который получил приказ отправиться из могилевской ставки в Царское Село для охраны находившихся там жены и болевших корью детей Николая II. Туда же выехал сам император.

В Таврическом дворце 27 февраля спикером Госдумы Михаилом Родзянко был организован Временный комитет Государственной думы «для водворения порядка в Петрограде и для сношения с организациями и лицами». Но одновременно возникла параллельная, как скоро выяснится – альтернативная система власти: вышедшие из тюрьмы меньшевики-оборонцы Кузьма Гвоздев и Борис Богданов вместе с депутатами Думы Николаем Чхеидзе и Матвеем Скобелевым создавали Совет

рабочих депутатов, призвав предприятия избрать своих представителей на его организационное собрание. В середине дня Молотов на квартире Павлова работал над манифестом, призванным стать теоретической и практической основой партии большевиков в идущей революции. Выручало большевистское чутье. Он знал, что в 1905 году Лениным был выдвинут лозунг Временного революционного правительства, которое должно было состоять из представителей всех революционных партий и удерживать власть до выборов в Учредительное собрание. Другими концептуальными основами манифеста стали большевистская платформа об отношении к империалистической войне и «три кита» – демократическая республика, восьмичасовой рабочий день и конфискация помещичьей земли.

Манифест призывал народ и его революционное правительство «подавить всякие противонародные контрреволюционные замыслы». В качестве немедленных практических шагов предлагалось конфисковать все запасы продовольствия, чтобы спасти население и армию от голода, и «войти в сношения с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и поработителей, против царских правительств и капиталистических клик и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана поработенным народам»¹⁰⁵.

Слегкой руки Молотова большевики стали первой и единственной партией, которая, не дожидаясь исхода революции, уже предлагала платформу ее углубления. Ленин сильно хвалил манифест. Узнав о нем из газет, он тут же с удивлением и восторгом написал Инессе Арманд: «Видели в “Frankfurter Zeitung” (и в “Volksreich”) выдержки из Манифеста ЦК? Хорошо ведь! Поздравляю!»¹⁰⁶ А в письме В. Карпинскому он скажет: «ЦК есть в Питере (во “Frankfurter Zeitung” были выдержки из его манифеста – прелесть!)»¹⁰⁷.

Закончив работу над манифестом и передав его на гектограф, Молотов принялся за поиски своих коллег по Русскому бюро ЦК. Кто-то слышал, что они собирались навеститься к Максиму Горькому. В квартире писателя полно народу – политики, рабочие, коллеги по творческому цеху. Горький подтвердил, что Шляпников направился на заседание Совета. Помчался в Думу. У входа в Таврический дворец – давка. Поработав как следует локтями, протиснулся в здание Государственной думы. Шел десятый час вечера. Вряд ли Молотов предполагал, что дверь Таврического дворца станет для него входом в историю. До этого момента история России, которую Молотов стремился изменить, скорее несла его – активиста маленькой левацкой

партии, как песчинку. Вечером 27 февраля 1917 года он попал в ее эпицентр. Молотов встретился с историей.

В вестибюле и в коридорах – в основном спящие и закусывающие солдаты. Между ними сновали и более чем прилично одетые депутаты Думы, чувствовавшие себя хозяевами бала, и растерянная публика интеллигентского вида. Столкнувшись с Керенским, Молотов и Залуцкий представились ему как члены ЦК большевиков. Тот как радушный хозяин проводил их в помещение бюджетного комитета Думы, где формировался Совет. В приемной безуспешно пытались проверять делегатские мандаты, которые представлялись в основном в устной форме.

Молотов запомнит: «Вечером 27 февраля мне и П. Залуцкому, членам Русского бюро Центрального Комитета партии большевиков, пришлось присутствовать на первом заседании Петроградского Совета рабочих депутатов в Таврическом дворце. В зале находилось примерно 200 человек. Председательствовал Чхеидзе. Кроме Чхеидзе особенно активными были депутат Госдумы Скобелев, меньшевик Б. Богданов, а также Керенский и некоторые меньшевствующие и эсерствующие журналисты, литераторы. Присутствовало немало случайных людей, проникших сюда благодаря своим личным связям с меньшевиками и эсерами (трудовиками) – депутатами Госдумы. Кроме нас двоих, большевиков не видно было, хотя наши выступления и реплики вызывали моментами определенную поддержку... Первые два-три дня Таврический дворец стал для нас, большевиков, главным местом восстановления и расширения живых связей с партийным активом, с партийными друзьями, которые до того, в условиях подполья, были нередко сильно разобщены... Таврический дворец кипел, как горячий котел, жил новой, бурлящей, нередко противоречивой и сложной политической жизнью. Здесь особенно наглядно сказывалось, какой гигантский политический скачок сделала страна, как бурно пришли в движение зачастую дремавшие перед этим общественные силы. В широких демократических кругах господствовало приподнятое, бодрое и, можно сказать, праздничное настроение»¹⁰⁸.

В зале шум, гам. Собственно делегатов от рабочих насчитали 40–50 человек, и именно они получали право голоса при выборах руководящих органов. Остальные, к числу которых относились деятели партий и просто случайно зашедшие, имели совещательный голос. Борьба шла не за власть Совета, а за власть внутри Совета при выборах его Исполкома. Большевики выдвинули Чхеидзе и Скобелева, эсеры – Керенского, а дальше имена выкрикивались из зала самым неорганизованным обра-

зом. От большевиков прошли Шляпников и Залуцкий, Молотов был кооптирован чуть позже – в порядке реализации решения о партийном представительстве.

Раздались крики о том, что не мешало бы выслушать главных героев дня – солдат. Требование с энтузиазмом было поддержано. «Зал слушал, как дети слушают чудесную, дух захватывающую и наизусть известную сказку, затаив дыхание, с вытянутыми шеями и невидящими глазами»¹⁰⁹, – писал меньшевик Николай Суханов. И тут настала очередь Молотова. Он выкрикнул предложение включить солдат в состав Совета и отныне называть его Советом рабочих и солдатских депутатов. Керенский вспоминал, как 27 февраля «по предложению Молотова было решено, несмотря на протесты меньшевиков и некоторых социалистов-революционеров, обратиться ко всем частям Петроградского гарнизона с предложением направить в Совет своих депутатов»¹¹⁰. Керенский счел это очень сильным ходом: «Солдаты в Совете открыли большевикам прямой доступ в казармы и на фронт»¹¹¹.

Возникло предложение о воззвании к населению. Потребовалось избрать литературную комиссию. Но если уж есть литературная комиссия, то нужен и печатный орган. При обсуждении газетного вопроса Молотов выступил с возмущившим многих предложением – разрешать выпуск только тех газет, которые поддерживают революцию. Идея не прошла. Совет решил выпустить свою газету, дав рождение «Известиям». После полуночи в комнате, отгороженной занавеской от зала бюджетной комиссии, собрался Исполком. Из числа его членов были назначены комиссары для создания районных исполкомов, намечены пункты сбора для вооружения рабочей милиции. После закрытия заседания Исполкома на бегу прошло совещание Русского бюро ЦК. Основной вопрос: заседая в Таврическом, не упустить бы выборы в Совет, которые с утра должны были начаться на предприятиях. Активисты двинулись на фабрики и заводы.

В пятом часу утра Молотов отправился на авто в типографию газеты «Копейка», где печатали первый выпуск «Известий». Уже набирали решения ночного Исполкома для «Прибавления к № 1», здесь же был опубликован и текст Манифеста ЦК большевиков. Молотов погрузил несколько увесистых тюков с газетами в машину и помчался назад в Таврический, по пути разбрасывая пахнувшие краской листки. Туда уже в массовом порядке доставляли арестованных царских сановников, которых через день рассадят по камерам Петропавловской крепости.

Через каждые несколько минут заседание Исполкома прерывалось экстренными сообщениями о грабежах, пожарах, погромах. Кто-то приносит новость: Родзянко подписал приказ о возвращении солдат в казармы. Всеобщее бурное возмущение. Молотов взял слово: задача Совета – не улаживание конфликта с Родзянко, а привлечение солдат к союзу с восставшими массами, что позволит решить вопрос о власти помимо Временного комитета Думы. Что же касается самого приказа, то Молотов предложил расценить его как «контрреволюционное выступление, провокационный акт» и потому «предать его уничтожению»¹¹². В этом выступлении, встреченном овацией, Молотов фактически уже сформулировал позицию, которая зазвучит как «никакой поддержки Временному правительству». Между Советом и Временным комитетом произошел первый острый конфликт.

Бюро ЦК большевиков организовало в помещении Совета свой «явочный стол», за которым уже сидел секретарь легального ЦК – Елена Стасова. «В. М. Молотов дал мне поручение встречать всех большевиков, возвращавшихся из ссылки, и регистрировать их, – вспоминала она. – ...Первое время по выходе из подполья в 1917 году бюро ЦК партии помещалось в Таврическом дворце, а его заседания обычно происходили у меня в комнате на квартире родителей (Фурштатская улица, 20)»¹¹³.

Исполком Совета между тем обсуждал вопрос о власти. «Мы предлагали Исполнительному Комитету составить Революционное Правительство из рядов тех партий, которые входили в Совет того времени, – писал Шляпников. – Его программой должно быть осуществление минимальных требований программ обеих партий, а также решение вопроса о прекращении войны»¹¹⁴. Однако остальные члены Исполкома не допускали мысли о взятии власти Советом и раскололись по признаку отношения к войне. «Оборонцы» были за ее продолжение и за вхождение членов Совета в состав «буржуазного правительства», формируемого в другом крыле Таврического дворца. Меньшевики-циммервальдисты, руководимые Сухановым, Стекловым и Чхеидзе, предлагали «буржуазии» самой расхлебывать военную кашу. Возобладало мнение: раз революция буржуазная, пусть власть организуют буржуазные партии – в первую очередь кадеты.

Пока спорили в Исполкоме, Совет решал армейский вопрос. Родился приказ № 1, в котором говорилось о выборах ротных, батальонных и прочих комитетов и отмене многих дисциплинарных норм воинских уставов. Власть правительства и офицерского корпуса над войсками в одночасье исчезла. По-

участвовав в этой исторической процедуре разложения российской армии, Молотов около десяти вечера покинул Таврический дворец и отправился на Кронверкский проспект, где в здании городской Биржи труда собрались члены ПК большевиков и активисты из районов, чтобы провести выборы легально-го Петербургского комитета РСДРП(б).

2 марта бюро ЦК постановило возобновить выпуск «Правды». «Все заботы по делу организации газеты, подбору сотрудников и технических работников поручили В. Молотову»¹¹⁵. В Исполкоме Совета Юрий Стеклов, который доказывал невозможность вхождения его представителей в формирующееся Временное правительство, предложил формулу «постольку – поскольку»: поддерживать правительство постольку, поскольку оно реализует революционную программу в интересах трудящихся. Тут в зале появился Керенский, вскарабкался на стул и заговорил мистическим полупшепотом. Собрание, только что приветствовавшее доводы Стеклова о неучастии лидеров Совета в правительстве, устроило Керенскому овацию, согласившись с его вхождением в новый орган власти. Молотов обвинил руководство Совета в сделке с буржуазией, в игнорировании таких ключевых вопросов, как установление республики, прекращение войны, решение земельной проблемы. «Временное правительство не революционно. Гучков, фабриканты, Родзянко, Коновалов посмеются над народом. Крестьянам вместо земли дадут камень!»¹¹⁶ Вновь бурные аплодисменты. Меньшевики обещали жаловаться Ленину, который, будучи правоверным марксистом, никогда бы не допустил мысли о создании советского правительства в эпоху победившей буржуазной революции. Плохо они знали Ленина...

К вечеру был обнародован состав Временного правительства. Свою легитимность оно выводило от Думы, но та правительство не выбирала и по существу с этого момента приказала долго жить. Почти все члены Временного правительства принадлежали к думскому Прогрессивному блоку, а их имена и ранее фигурировали в списках «теневых кабинетов», состав которых любили публиковать в предреволюционные годы. Объединяла их и почти поголовная принадлежность к масонским ложам. Председателем Совета министров стал либеральный земец князь Георгий Львов. МИД возглавил лидер кадетов Милюков, военное и морское министерства – октябрист Александр Гучков, минобл – Керенский. Ученые, юристы, промышленники – никто из членов кабинета не обладал опытом административной или государственной работы. А премьер был бездельным, мягким и благодущным популистом, безгранично

верившим в добрую душу народа. В заявлении об образовании Временного правительства вслед за обнаружением его состава перечислялись «основания» его деятельности, сформулированные Советом. Слабый либеральный кабинет был связан необходимостью реализовывать социалистическую программу и мог пользоваться властью лишь с молчаливого согласия энергичных советских лидеров.

А в это время военная верхушка добивалась отречения императора, поезд которого загнали в Псков. В ответ на телеграмму руководителя штаба генерала Алексеева командующие фронтами: Юго-Западным – генерал Брусилов, Западным – генерал Эверт, Кавказским – великий князь Николай Николаевич, Румынским – генерал Сахаров и Северным – генерал Рузский призвали царя принести жертву на алтарь Отечества и отречься. Царь сложил корону к ногам предавшего его армейского руководства, подписав манифест об отречении в пользу брата Михаила. «Кругом измена и трусость, и обман»¹¹⁷, – записал Николай II в своем дневнике. В десять часов утра 3 марта лидеры Временного правительства явились к Михаилу. Родзянко изложил позицию большинства – отречься. Михаил поинтересовался: гарантирует ли ему новая власть только корону или еще и голову? Родзянко пафосно ответил, что обещает лично умереть за монархию, но не более.

В Совет рабочих и солдатских депутатов новость об отречении Николая II и Михаила дошла к вечеру. Вспоминает Керенский: «В какой-то момент... меня вызвал с заседания член Исполнительного комитета Совета Зензинов... Он сообщил, что подстрекаемый одним из членов-большевиков (я полагаю, Молотовым) Совет принял резолюцию, требующую ареста бывшего царя и его семьи и предлагающую правительству осуществить такой арест совместно с Советом!»¹¹⁸ 3 (17) марта 1917 года многовековая российская монархия пала. Революция победила. Революция продолжалась.

В тот день Молотов делал от имени бюро ЦК доклад о власти на заседании ПК. Главное – борьба за создание Временного революционного правительства при сохранении свободы в выборе способов воздействия на него. Но большинство склонилось к резолюции в духе недавнего решения Исполкома Совета: «Не противодействовать власти Временного правительства постольку, «поскольку действия его соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа»¹¹⁹. Бюро ЦК и Петербургский комитет большевиков вошли в клинч.

Поначалу удачнее шли дела с «Правдой». Для ее выпуска Молотов от имени Совета с помощью революционных бойцов

реквизировал на Мойке, 32, здание «Сельского вестника» с современной типографией. Первый номер «Правды» вышел 5 марта сразу 100-тысячным тиражом и бесплатно распространялся через заводские комитеты. В него Молотов заверстал Манифест бюро ЦК, свои резолюцию об отношении к Временному правительству и передовицу «Старый порядок пал». Второй номер со статьей Молотова «Социал-демократия и война» был уже платным и сразу дал крупную сумму для пополнения оборотных средств. Антиправительственная и антивоенная позиция «Правды» звучала явным диссонансом в общем хоре столичной прессы. На газету моментально набросились все остальные издания. В адрес редакции стали поступать угрозы разгрома. ЦК пришлось озаботиться организацией вооруженной охраны.

Ультрареволюционерам, к которым принадлежал и Молотов (левее его тогда были только Выборгский комитет и Ленин, что выяснится чуть позже), удавалось удерживать лидирующие позиции в партии только до 12 марта. В тот день в Петроград из Красноярска прибыла группа политических ссыльных, в их числе три видных руководителя большевистской партии – депутат Думы Матвей Муранов, Каменев и Сталин. Радость от встречи была недолгой. «Ветераны» исходили из мысли о «длительном, охватывающем многие годы промежуточном периоде, который должен будет отделять происходившую в России буржуазно-демократическую революцию от последующей социалистической»¹²⁰.

Не встретив понимания бюро ЦК, они начали захватывать ключевые позиции в партии явочным порядком. Сначала они, на правах членства в ЦК, войдя в состав редколлегии «Правды», осуществили то, что Шляпников назвал «редакционным переворотом»: «Редактирование очередного 9 номера “Правды” от 15 марта на основании этих формальных прав они взяли полностью в свои руки, подавив своим большинством и формальными прерогативами представителя Бюро ЦК т. В. Молотова»¹²¹. Тот вспоминал, что его чуть не силой вышибли из редакции.

Александра Коллонтай – образованная генеральская дочь, смелая и свободная в словах и поступках – привезла ленинские «Письма издалека», где утверждалось, что демократическая революция в России уже свершилась и назрела социалистическая, что покончить с войной можно, только свергнув Временное правительство. Душа Молотова было возликовала, но не тут-то было. Новые руководители «Правды» согласились обнародовать только первое письмо, выкинув из него критику Временного правительства, а второе не публиковать вовсе. Терпение Молотова лопнуло. На заседании бюро ЦК он подал

заявление о выходе из бюро ЦК, Исполкома Совета и редакции «Правды»¹²². Правда, вспоминал Молотов, уже летом 1917 года, когда они квартировали вместе со Сталиным, тот охотно признавал «неленинский» характер своего поведения в марте.

15 марта новая редколлегия «Правды» заявила о своей позиции программной статьей Каменева, где говорилось, что большевики будут поддерживать Временное правительство, «поскольку оно борется с реакцией и контрреволюцией», а пока германские войска повинуются своему императору, русский народ «будет стойко стоять на своем посту, на пулю отвечать пулей, а на снаряд – снарядом»¹²³. В правительственных и советских кругах статья вызвала «оборонческое ликование», зато даже в ПК, не говоря уже о районных организациях большевиков, стали требовать исключения тройки из партии. Вечером в редакции состоялось экстренное заседание бюро ЦК. Была принята резолюция, «осуждавшая политическую позицию приехавших товарищей, а также их поведение по отношению к нашей газете “Правда”»¹²⁴. В качестве «надзирающего» от бюро ЦК в редакцию был возвращен Молотов.

В середине марта центр большевистской активности переместился в новое помещение – особняк знаменитой балерины и возлюбленной Николая II в его юные годы Матильды Кшесинской. Именно там 27 марта началось Всероссийское совещание большевиков. «По вопросу о войне среди участников наметились три течения, – писала его участница Драбкина. – “Революционные оборонцы” (Войтинский, Элиава, Севрук и другие) поддерживали оборонческую линию Исполкома Петроградского Совета; другая группа делегатов (Коллонтай, Милютин, Молотов и другие) не допускала никаких уступок оборончеству; наибольшее число депутатов, хотя и выступало против поддержки войны, но не решалось полностью порвать с “революционным оборончеством”»¹²⁵. 29 марта совещание продолжилось на хорах Таврического дворца. Сталин делал доклад об отношении к Временному правительству, предлагая рассматривать Совет как орган, контролирующий Временное правительство. Молотов вновь в рядах оппонентов:

— Временное правительство с первого момента своего возникновения является не чем иным, как организацией контрреволюционных сил. Поэтому никакого доверия, никакой поддержки этому правительству оказывать нельзя, наоборот, с ним необходима самая решительная борьба¹²⁶.

Впрочем, вскоре все предыдущие внутрипартийные споры потеряли смысл. В середине дня 3 апреля была получена телеграмма о том, что ожидается еще один участник совеща-

ния – ближе к полуночи в Петроград прибывает Ленин. С первых известий о революции в России он рвался в Питер, не доверяя политической зрелости своих младших товарищей. В итоге согласился вернуться через Германию. Большевики не имели никаких иллюзий по поводу негативных последствий такого решения, но не испытывали и никаких комплексов. Вспоминает Молотов: «Благодаря содействию левых швейцарских социалистов-интернационалистов во главе с известным Платтенем Ленину предоставляется возможность направиться в Россию. При помощи Платтена была достигнута договоренность с германскими властями о проезде группы большевиков во главе с Лениным из Швейцарии через территорию воюющей Германии в нейтральную Швецию. Ленин вынужден был пойти на это, так как не было никаких надежд на то, что его возвращение на родину будут содействовать находившиеся в военном союзе с Россией такие страны, как Франция и Англия, где хорошо знали о непримиримо антиимпериалистической, революционно-интернационалистической позиции Ленина. Что же касается кайзеровской Германии, то она, видимо, имела свои какие-то иллюзии насчет усиления влияния интернационалистов в воюющей против нее России, когда возвратятся на родину Ленин и другие большевики.... В свою очередь, Ленин и большевики прекрасно понимали, что иногда необходимо использовать некоторые иллюзии и политическую близорукость классового врага...»¹²⁷

27 марта 1917 года из Цюриха в специальном вагоне – с правами экстерриториальности и с хорошим поваром – по маршруту Готмадинген – Штутгарт – Франкфурт-на-Майне – Берлин – Штральзунд – Зосниц выехали 32 русских эмигранта, в том числе 19 большевиков во главе с Лениным. На шведском пароме революционеры переправились в Стокгольм, где их ждали встреча с мэром и билеты до Питера. Там уже вовсю готовились к торжественной встрече. У дворца Кшесинской собирались рабочие колонны с оркестрами, флотский экипаж, кронштадтские матросы, которые оттуда колоннами двинулись к Финляндскому вокзалу. Партячейка дивизиона броневиков подошла к бывшему царскому павильону три броневика. Молотов, как и другие члены ЦК и ПК, ждал на перроне впереди выстроенной матросами цепи почетного караула. Около половины одиннадцатого вечера раздались паровозный гудок и команда «На караул!».

Вот он, на площадке одного из вагонов! Молотов замер: «Мы, встречавшие Ленина, впились глазами в его небольшую, живую, по внешности столь обыкновенную фигуру и, особенно,

в его лицо, в его внимательные и подвижные глаза. Мы были полны ожиданиями и радости видеть Ленина среди нас. Мы верили, что теперь все происходящее в бурные дни разворачивающихся революционных событий станет нам яснее, понятнее, виднее в широкой перспективе ленинского анализа и оценки фактов»¹²⁸. Вот он, «Старик», делу которого Молотов уже посвятил свою, на тот момент еще не долгую жизнь. «Старику», правда, не исполнилось еще и сорока семи лет. В парадной комнате от имени Совета его приветствовали Чхеидзе и Скобелев. Ленин все это время с отсутствующим видом разглядывал лепнину. Когда приветствия иссякли, он заявил, что пора кончать разговоры о революции, ее пора делать:

– Завязалась смертельная борьба! Самую гнусную роль в этой схватке пролетариата с буржуазией играют всевозможные социал-предатели, прихвостни буржуазии. Рабочему классу с ними не по пути¹²⁹.

Чхеидзе и Скобелев с побледневшими лицами сочли за лучшее ретироваться на площадь. Молотов вспоминал: «Ленин вместе со встречавшими его большевиками быстро оказался среди восторженно приветствовавших его рабочих. Прошло каких-то несколько минут, и Ленин на руках был поднят на один из броневиков, прибывших волею революционных солдат на большую площадь перед Финляндским вокзалом. Памятное зрелище! Был поздний ночной час. Кругом темно. Мрак прорезывают несколько прожекторов, прибывших вместе с броневиками. Прожекторы освещают площадь, на которой тысячи питерских рабочих и солдат радостно приветствуют Владимира Ильича, стоящего на броневике. Встреча была бурной, восторженной, глубоко потрясающей и, вместе с тем, глубоко народной. В первой же речи с броневика Ленин высказал мысли, которые по-новому осветили политическое положение. Он говорил о Февральской революции как о первом этапе и призывал готовиться к новому этапу, к решающему подъему революции. Он закончил словами: “Да здравствует социалистическая революция!” Так никто не говорил до Ленина. Это были новые и такие смелые мысли, новые необъятные перспективы...»¹³⁰

Броневик с Лениным наверху двинулся медленно сквозь толпу. Народ, привлеченный небывалым зрелищем, высыпал на улицы, свисал с подоконников. Подобного шоу Петроград еще не видел. На руках Ленина внесли во дворец Кшесинской, где был накрыт стол, за которым собралось человек 50–60. У дома продолжала неистовствовать толпа, и Ленину приходилось выходить к народу и говорить все новые речи.

Спустились в облицованный мрамором белый зал с видом на Петропавловку, где Ленин зачитал набросанную от руки страничку текста. Так Молотов оказался в числе первых и изумленных слушателей «Апрельских тезисов»: «Исходный момент тезисов – никакого доверия Временному правительству, продолжающему грабительскую антинародную войну вместе со своими западными империалистическими союзниками. Недопустимы ни малейшие уступки “революционному оборончеству”, за которое до хрипоты в горле агитировали меньшевики и эсеры. В центре всех вопросов – вопрос о войне, которую может кончить демократическим миром только подлинно народная власть – только власть Советов, власть пролетариата и беднейших слоев крестьянства»¹³¹. Расхотелись в шоке. Перспектива оказаться в оппозиции всем и вся и идти на баррикады пугала.

С утра Ленин был уже на хорах Таврического дворца, где шло Всероссийское совещание большевиков. Овации. Ленин дождался тишины и начал забивать гвозди: никакой поддержки войне; немедленный переход ко второй фазе революции; передача власти Советам; роспуск армии и образование народной милиции; конфискация помещичьей земли; созыв нового Интернационала. А в большом зале проходило объединительное собрание с меньшевиками. Ленина пригласили на трибуну. Он хладнокровно повторил свои тезисы, по ходу дела обличая «социал-соглашателей» как лакеев буржуазии, альянс с которыми невозможен. Объединительные интенции на этом были исчерпаны. Молотова это полностью устраивало: «Выступление Ленина на большом собрании большевиков и меньшевиков в Таврическом дворце с двухчасовым разъяснением апрельских тезисов Плеханов назвал “бредом”, а Мартов, Чхеидзе и другие лидеры меньшевиков расценили новую ленинскую политическую установку как сумасбродство и отвернулись от Ленина как от сбившегося с пути человека... Стало особенно ясным, насколько правильно поступила партия, еще за несколько лет до революции признававшая, что меньшевики (ликвидаторы) поставили себя вне рядов революционного пролетариата»¹³². Вечером Ленин побывал в редакции «Правды». «Молотов познакомил его с постановкой работы и обошел с ним всё помещение редакции. С этого момента Ильич начал принимать непосредственное участие в руководстве “Правдой”»¹³³.

Приезд Ленина взорвал и без того накаленную политическую обстановку, смешал все ранее сданные карты. Причем поначалу казалось, что главными пострадавшими окажутся сами большевики и сам Ленин. Молотов вспоминал: «И вот по Питеру всюду поползли гнусные, отравленные ядом контрре-

волюции слухи о Ленине и большевиках, не случайно-де прибывших из эмиграции через территорию воюющей с Россией кайзеровской Германии. Скоро об этом заговорили и газеты, одни – полусловами и намеками, другие – в крикливых заголовках, в бесчестных заявлениях политических деляг, в развязных статьях всяких продажных писак»¹³⁴. Большевики в начале апреля являли зрелище совершенно расколотой, дезорганизованной силы. Молотов, поддержавший Ленина, практически сразу, был скорее исключением, чем правилом.

«Правда» сначала не решилась публиковать «Апрельские тезисы». Однако отказать Ленину и Зиновьеву во вхождении в состав редколлегии было невозможно. Седьмого апреля «Тезисы» были напечатаны, но в сопровождении редакционных комментариев Каменева, где говорилось, что партия продолжает руководствоваться ранее принятыми решениями, отстаивая их «как от разлагающего влияния “революционного оборончества”, так и от критики т. Ленина». 8 апреля Петербургский комитет большевиков тринадцатью голосами против двух и при одном воздержавшемся отверг «Тезисы». Но Ленина это не смущало. Напротив, после многолетнего простоя он оказался органичной для него стихии борьбы. «Чтобы осуществить свою мысль, свое желание, намеченную им цель очередной кампании, заставить членов его партии безоговорочно ей подчиняться, Ленин, как заведенный мотор, развивал невероятную энергию, – подмечал знаток ленинской психологии Николай Валентинов. – Он делал это с непоколебимой верой, что только он имеет право на “дирижерскую палочку”. В своих атаках, Ленин сам в этом признался, он делался “бешеным”. Охватившая его в данный момент мысль, идея, властно, остро заполняла его мозг, делала его одержимым»¹³⁵.

Отбиваясь каждый день через «Правду» от нараставших волн критики, Ленин жестко и яростно собирал партию. Встречи с партийным активом шли не переставая. Ленин не упускал случая выступать на митингах, призывая население к гражданскому неповиновению, армию – к неподчинению командованию, рабочих – к установлению контроля над фабриками, крестьян – к захвату земель. Против «старых большевиков» Ленин искал и находил опору в молодой партийной поросли, включавшей и Молотова. Перелом наступил на открывшейся 14 апреля Петроградской общегородской конференции РСДРП(б). И не случайно Молотов занял место в президиуме конференции в качестве товарища председателя, коим выступал Зиновьев. Ленин сразу взял быка за рога: «Временное правительство должно быть свергнуто – не все правильно это понимают. Если власть

Временного правительства опирается на Совет рабочих депутатов, то свергнуть его “просто” нельзя. Его можно и должно свергнуть, завоеывая большинство в Советах»¹³⁶. Оппоненты Ленина были уже в явном меньшинстве. Молотов возмущался: «Со стороны этих членов партии слышались в основном те же возражения, что и со стороны меньшевиков: всякого рода ссылки на экономическую отсталость страны, на слабость и политическую незрелость рабочего класса, на особую несвоевременность новой установки в условиях войны и т. п.»¹³⁷.

Итоги обсуждения подводил Молотов: «Предлагаю принять следующую резолюцию: «Необходима... организация давления рабочих и солдат на политику Совета р. и с. депутатов в смысле отказа Совета от политики соглашения с Временным правительством»¹³⁸. Резолюцию приняли. 18 апреля конференция взяла паузу. Большевики вывели на улицы Петрограда сотни тысяч людей, чтобы впервые отпраздновать 1 мая по еще не введенному новому стилю. Молотов вместе с Лениным шел в первых рядах колонны Выборгского района.

Временное правительство выглядело как очень уязвимая мишень. Страна оказалась в расплавленном состоянии, во власти взбудораженного от неожиданного события народа, который почувствовал неограниченную свободу, всегда им трактовавшуюся как отказ от самоограничения, и страшно уставшего от войны. Были сняты все ограничения гражданских прав, гарантированы свобода собраний, создание общественных организаций, отменена смертная казнь и т. д. В марте правительство уничтожило правоохранительную систему: были упразднены особые гражданские суды, охранные отделения, отдельный корпус жандармов, железнодорожная полиция. В создававшиеся отряды народной милиции в массовом порядке стали записываться криминальные авторитеты, выпущенные на волю в рамках всеобщей политической и уголовной амнистии. Функции охраны порядка все больше приходилось брать на себя вооруженным силам, которые оказались в состоянии прогрессирующего разложения. Разрушена была и вертикаль исполнительной власти. Керенский был в ужасе от содеянного: «Огромные пространства страны попали в руки абсолютно неизвестных людей!»¹³⁹

Действуя в твердом убеждении, что от представителей старого режима по определению нельзя ждать лояльности новым властям, Временное правительство в здравом уме и твердой памяти самостоятельно ликвидировало весь государственный аппарат России, оставив потом большевиков с их идеей слома старой государственной машины практически без работы. «Рос-

сия весной 1917 года явила миру уникальный пример правительства, порожденного революцией, устранившего прежний аппарат управления прежде, чем оно (правительство) смогло бы заменить его структурами собственного производства»¹⁴⁰, – констатировал Ричард Пайпс. На окраинах пока еще империи развились национальные движения, быстро переходившие от формул культурно-национальной автономии к сепаратизму. Крестьянство повсеместно восприняло революцию как начало реализации мечты о «черном переделе», ожидая только сигнала сверху на захват чужой земли. На промышленных предприятиях свои порядки стали устанавливать повсеместно возникшие в марте фабзавкомы, быстро занявшиеся изгнанием владельцев и менеджмента, повышением окладов, установлением 8-часового рабочего дня. Производство дезорганизовывалось скачкообразно.

Начались серьезные перебои с транспортом, разладилась система распределения товаров и оптовой торговли. В конце марта правительство установило государственную монополию на торговлю хлебом, предписав крестьянам сдавать зерно по твердым ценам, ввело карточную систему в Петрограде на основные продукты питания. В апреле столица получила только треть от потребного объема продовольствия. Не в силах собирать налоги, власть прибегла к печатному станку, резко провоцируя инфляцию. Медвежью услугу правительству оказывали союзники, требовавшие скорейшего наступления на фронтах.

В ответ на ноту Милюкова о продолжении войны 20 апреля ЦК большевиков выпустил резолюцию, обвинявшую главу МИДа в объявлении войны против рабочего класса и республики. К Мариинскому дворцу, где проходили заседания правительства, подошли полки, требовавшие отставки Милюкова. 21 апреля в городе началась стрельба. Эти события спровоцировали кризис правительства. Настояли на отставке Милюкова. Гучков покинул свой пост сам, заявив при этом: «Я ушел от власти потому, что ее просто не было»¹⁴¹.

Революция катилась влево, пожирая одного за другим своих творцов. Во главе кабинета по-прежнему был князь Львов, но реальное руководство сосредоточивалось в руках «молодых реформаторов» – военного министра Керенского и нового министра иностранных дел Михаила Терещенко, 31-летнего сахарозаводчика и финансового гения. Большевиков создание коалиционного правительства – с участием социалистов – устроило. Они оказались в роли единственной партии оппозиции, «стражей революции», и поэтому любые неудачи кабинета – а они были неизбежны – вели большевиков к власти.

С 24 по 29 апреля проходила VII конференция РСДРП(б). Ленин делал главный доклад. И правые, и левые оппозиционеры быстро увяли, не выдержав его напора. Ленин выиграл битву за партию. В составе ЦК Молотова не оказалось. Избраны были Ленин, Зиновьев, Сталин, Каменев, Милютин, Ногин, Свердлов, Смилга и Федоров. Молотов говорил: «Тогда я не был вхож к Ленину». Сплотив партию, тот больше не нуждался в услугах молодых радикалов для борьбы со «старыми большевиками», которые и так на девять десятых шли за ним.

В начале мая в Петербурге появился Лев Троцкий. Его приезд наэлектризовал Петроград не меньше, чем возвращение Ленина, а может, и затмил его. Ленин уже был поглощен оргработой, а импозантный Троцкий гремел на митингах по всему Петрограду. «Я считаю Троцкого едва ли не самым крупным оратором нашего времени, – признавал Луначарский. – ...Эффектная наружность, красивая широкая жестикуляция, могучий ритм речи, громкий, совершенно не устающий голос, замечательная складность, литературность фразы, богатство образов, жгучая ирония, нарядный пафос, совершенно исключительная, поистине железная по своей ясности логика...»¹⁴² Появление столь яркого актера на революционных подмостках заставило Ленина, много лет публично оскорблявшего Троцкого, протянуть ему руку примирения.

7 мая 1917 года большевики Выборгского района делегировали новых представителей, включая Молотова, в Петербургский комитет партии. Он сильно разросся, и на заседании 10 мая было решено создать Исполнительную комиссию из девяти человек, куда избрали Молотова. Помимо его старых питерских знакомцев – Залуцкого, Лациса, Калинина, Подвойского – выделялись Станислав Косиор, рабочий-металлург, возглавлявший ранее организацию РСДРП в Киеве; Михаил Томский (Ефремов), питерский печатник, тонкий конспиратор и профсоюзный организатор, получивший свой псевдоним после побега из ссылки из Нарымского края, межрайонец Володарский, приобретший опыт пропагандистской деятельности в рабочих организациях США.

Молотов был одним из организаторов избирательной кампании большевиков в Петербурге и руководил предвыборными усилиями на Выборгской стороне, где баллотировался сам в составе партийного списка. Общую платформу предложил Ленин на городской партконференции: никакой поддержки войне, никакой поддержки правительству капиталистов, не дать восстановить полицию. К этому Исполнительная комиссия ПК добавила: отчуждение частных строений в пользу беднейших

слоев, установление пониженной квартплаты, муниципализацию предприятий общего пользования (трамвай, телефон, водопровод, освещение), подчинение думам вопросов продовольственного снабжения, введение всеобщего бесплатного образования и медицинского обслуживания. Молотов выступал на заводах, специально организованных уличных митингах. Большевики уступили безусловному лидеру – левому блоку эсеров и меньшевиков (55 процентов), кадетам (25 процентов), но и их собственные 20 процентов были совсем не маленьким показателем.

Одержали верх большевики только в одном из районов города – Выборгском. 8 июня «президиум думы Выборгского района был избран из большевиков во главе с В. М. Молотовым»¹⁴³. Большевики взяли под свой контроль финансовую, избирательную, продовольственную комиссии Думы, а Надежда Крупская возглавила комиссию по народному образованию. Пост спикера Выборгской районной думы стал первой должностью, которую Молотов занял в системе официальных органов государственной власти страны.

В те дни впервые начинает складываться связка Сталин – Молотов. Поводом стал пресловутый квартирный вопрос. Сталин искал жилье, а Молотов и Залуцкий как раз шикавали в трехкомнатной холостяцкой квартире на улице Широкой (д. 10, кв. 4). Сначала они приютили Смилгу с женой, потом и Сталина. Холостяцкое житье располагало к тесному общению. Чувству Молотов поведал, что Сталин даже увел у него тогда девушку Марусю. Все могло быть, какие их были годы. Хотя известно, что Сталин тогда активно ухаживал за молоденькой Надеждой Аллилуевой. Отношения Молотова и Сталина вышли за рамки чисто партийно-деловых. Именно в это время Коба (как дед его с тех пор называл) предложил забыть прежние разногласия.

Молотов говорил, что никогда не состоял ни в одной внутрипартийной оппозиции, а число его конфликтов с Лениным можно пересчитать по пальцам одной руки. Один такой конфликт случился как раз во время муниципальных выборов. ПК решил создать собственный печатный орган. Ленин, увидевший в этом угрозу внутрипартийного сепаратизма, тут же потребовал созыва экстренного заседания Петербургского комитета, которое и состоялось 30 мая. Молотов председательствовал. Ленин обвинил ПК в местничестве, предложил создать «комиссию прессы», которая занималась бы в целом вопросами большевистской печати. Молотов возражал: «При таком взбудораженном состоянии масс целые десятки газет будут иметь свое распространение»¹⁴⁴. Ленина прокатили шестнадцатью

голосами против двенадцати при двух воздержавшихся. Перетягивание каната шло около месяца, и только в июле этот конфликт разрешился сам по себе – тогда власти закрыли большевистские издания.

По иронии судьбы, «комиссию прессы», которая трансформировалась в Бюро печати при ЦК РСДРП(б), Ленин поручил возглавить именно Молотову. 10 июня Молотов за своей подписью разослал в местные большевистские организации и редакции партийных газет письмо с информацией о создании Бюро и его функциях. Планы были амбициозные: «Обслуживать литературным материалом как уже существующие партийные газеты и журналы, так и партийные организации, не имеющие еще своих печатных органов; рассылать по возможности не реже трех раз в неделю свои бюллетени со статьями по вопросам партийной жизни, рабочего движения, политической и экономической жизни; отзывы о выходящей партийной и прочей литературе; для полноты и точности своего литературного материала иметь постоянных корреспондентов во всех крупнейших учреждениях в Петрограде и в наиболее крупных провинциальных городах, а также своих заграничных корреспондентов; создать архив всей партийной литературы и всех партийных изданий»¹⁴⁵. Нельзя сказать, что Молотов успел сделать многое из намеченного – Бюро печати просуществовало не больше месяца. Но кое-что удалось. К середине года большевики издавали более сорока газет и журналов с общим недельным тиражом более 1,4 миллиона экземпляров.

4 июня на открытии I Всероссийского съезда Совета рабочих и солдатских депутатов, где у большевиков было лишь около 10 процентов мандатов, на реплику основного докладчика Церетели о том, что в России нет ни одной партии, которая хотела бы взять власть в свои руки, Ленин ответил, что такая партия есть: «Наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком»¹⁴⁶. В зале раздался смех, но Ленин не шутил. Объявив фактически войну Совету, партия принялась готовить Всероссийскую конференцию своих военных организаций фронта и тыла. Молотов был избран ее делегатом. Со стороны солдатских делегатов звучали требования превратить конференцию в штаб вооруженного восстания¹⁴⁷. На демонстрацию 18 июня делегаты вышли во главе полковых и заводских колонн, которые пронесли перед изумленными руководителями Временного правительства и самого Совета, стоявшими на трибуне на Марсовом поле, море красных флагов и лозунгов типа: «Долой 10 министров-капиталистов!», «Долой войну!» и т. п.

Большевики ждали повода для решительных действий. И он появился с началом операций российских войск на фронте в середине июня. Главный удар наносился на юго-западном участке – в направлении Львова. Как и рассчитывало правительство, первые успехи вызвали патриотический подъем. Но к концу месяца победные реляции перестали поступать, армия терпела поражение за поражением. Грянул очередной правительственный кризис: в знак протеста против уступок по украинскому вопросу 2 июля в отставку подали четверо министров-кадетов.

Большевицкие лидеры, включая Молотова, никогда официально не признавали, что готовили на 3–4 июля захват власти, представляя происшедшее как стихийную демонстрацию, которую они якобы старались направить в мирное русло. В советской историографии появится много историй, как большевицкие агитаторы активно призывали военных не выходить на улицы. На этот счет Невский оставил красноречивое свидетельство: «Я уговаривал их, но уговаривал так, чтобы только дурак мог сделать вывод из моей речи о том, что выступать не следует»¹⁴⁸. Молотов наблюдал, как вечером 3 июля к дворцу Кшесинской со знаменами и оркестром в полном боевом порядке явился 1-й пулеметный полк. «Молотов вместе с другими членами Исполнительной комиссии Петербургского комитета дежурил во дворце Кшесинской несколько дней почти безвыходно»¹⁴⁹, – свидетельствует Батрак. Вечером 3-го после недолгих «отговариваний» девять полков двинулись в сторону Таврического дворца. На сторону большевиков перешел гарнизон Петропавловской крепости, были заняты типографии ряда газет, взяты под контроль Финляндский и Николаевский вокзалы. Масса вооруженных людей прорвалась в Таврический дворец, где с кулаками стала требовать от руководителей Совета, чтобы те брали власть.

Но большевики не взяли власть. По словам Зиновьева, находившегося рядом с Лениным весь тот день, тот постоянно размышлял вслух, пора или не пора «пробовать», и в конце концов решил, что не пора¹⁵⁰. Плохо подготовленное и резко прекратившееся выступление вполне могло иметь следствием полное исчезновение РСДРП(б) с политической сцены. Были вызваны верные правительству воинские части, которые восстановили порядок с помощью артиллерии. Были заняты редакции и типографии «Правды» и «Солдатской правды», «Труда», особняк Кшесинской. Временное правительство постановило всех участников беспорядков «арестовать и привлечь к судебной ответственности как виновных в измене родине и предательстве революции»¹⁵¹. Были арестованы 800 большевиков, включая

Каменева и Троцкого. Ленина найти не могли. С его бегством в Разлив на партийном хозяйстве остался Сталин. Коба уже не вернется в холостяцкую квартиру Молотова и Залуцкого, он прочно оседет у Аллилуевых. Зато его комнату займет Тихомирнов, до июля возглавлявший большевиков Казани.

РСДРП(б) могли легко добить. Но этого не произошло. В глазах руководителей Совета большевики были не врагами, а скорее заблудшими друзьями. А Временное правительство захватили еще более тревожные дела. Германская армия перешла в наступление, получившее название Тарнопольского прорыва. Принявший командование юго-западным фронтом генерал Корнилов сообщал: «Армия обезумевших темных людей, не ограждавшихся властью от систематического развращения и разложения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя назвать полями сражений, царят ужас, позор и срам, которых русская армия еще не знала с самого начала своего существования»¹⁵². Керенский получил диктаторские полномочия, став министром-председателем, военным и морским министром. Поселился он в Зимнем дворце, где работал за столом Александра III и спал в его же кровати.

Большевики оказались в весьма интересном – полуполюгальном – положении. То есть власть их вроде бы как преследовала. Но при этом вроде как не замечала. 13–14 июля Молотов принял участие в совещании ЦК, ПК, военной организации, Московского городского и окружного комитетов РСДРП(б). Ленин прислал тезисы, в которых партии предлагалось отказаться от своего главного лозунга – «Вся власть Советам!» и готовить вооруженное восстание¹⁵³. Борьбу за ленинскую линию возглавили Свердлов и Молотов, но проиграли¹⁵⁴.

16 июля большевики якобы нелегально возобновили занятия второй Петроградской конференции, прерванные событиями начала месяца. На выступавшего с докладом от ЦК Сталина набросились и слева, и справа. Молотов, как и Сталин, защищал ленинскую линию:

— События 3–4 июля толкнули Советы на путь контрреволюции, и наше отношение к Советам не может быть прежним. Акт о разоружении рабочих подписан Церетели и Керенским. Большевикам ставят ультиматум: или подчинитесь или долой из Советов!.. Мы не можем бороться за власть тех Советов, которые предали пролетариат¹⁵⁵.

Но Сталин и Молотов оказались в меньшинстве. Лозунг «Вся власть Советам!» был снят только на VI съезде РСДРП(б), проходившем 26 июля – 3 августа. Молотов впервые был делегатом съезда партии. Сколько их еще будет... С организаци-

онным докладом ЦК на съезде выступил Яков Свердлов. Его, как писал Луначарский, отмечало «совершенно исключительное, необъятное знание всей партии и десятка тысяч людей, которые составляли эту партию и, казалось, были насквозь им изучены»¹⁵⁶. С апрельской конференции численность партии утроилась, делегаты представляли четверть миллиона членов. Формально включились в партию межрайонцы – Троцкий, Йоффе, Урицкий, Рязанов, Луначарский, Мануильский, Карahan и др.

По указанию Ленина с политическими докладами на съезде выступили сразу двое. О войне и международном положении говорил Николай Бухарин – сын московского учителя, на пару лет старше Молотова, тоже не закончивший экономическое отделение, правда, в Московском университете. С 1911 года он жил в Ганновере, Вене, Лозанне, Стокгольме, Копенгагене, Нью-Йорке. Невысокого роста, подвижный, рыжеволосый, с редкой бородкой на мальчишеском лице и серо-голубыми глазами под высоким лбом. Блестящий публицист и оратор, он был суперрадикалом, но на VI съезде выступал как сама сдержанность: увы, Россия как очаг революции временно прекратила существование. Второй доклад – о задачах партии — делал Сталин, приходивший к другим выводам: «Мирный период революции кончился, наступил период немирный, период схваток и взрывов»¹⁵⁷. Вывод – пора брать власть. Молотов на стороне Сталина:

– Революция не закончена, так как крестьяне не получили земли и мира, и эти вопросы теперь мирно решить невозможно... Советы, оставаясь в оппозиции, будут леветь на словах, но нам на деле надо указать единственный выход из создавшегося положения – диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства¹⁵⁸.

Молотов позднее давал оценку результатам VI съезда: «В соответствии с новой политической обстановкой в стране VI съезд партии, начавшийся в конце июля, определил новые пути перехода власти от буржуазии к рабочему классу, взяв курс на восстание, на насильственное свержение господства буржуазии... В массах все более заметно нарастал перелом в политических настроениях. В Петрограде, Москве, в других городах советы стали уходить из-под руководства меньшевиков и эсеров. Неуклонно укреплялись позиции большевиков в советах, профсоюзах, фабрично-заводских комитетах и других массовых организациях. Однако центральные органы советов, избранные на первом съезде советов, оставались в руках эсеров и меньшевиков»¹⁵⁹.

Послесъездовские недели посвящены выборам в Советы. Вместо запрещенной «Правды» стал выходить «Рабочий и солдат». Пролетарий со «Старого Леснера» Свешников писал: «Я помню, как перед “корниловскими днями” наш Центральный комитет и центральный орган партии “Правда” основали свои штабы на Выборгской стороне по Финляндскому проспекту в доме № 6, занимая небольшие комнатки за № 4 в третьем этаже. В одной из них обретался тов. Вячеслав Молотов (Скрябин), обложенный всякими газетами и вырезками, в другой – Мария Ильинична (Ульянова), собиравшая рабочие письма в “Правду”»¹⁶⁰. В ходе частичных довыборов большевики, добавившие к титулу единственной оппозиционной партии еще и ореол гонимых, заметно увеличили представительство в Петроградском совете, который из изрядно потрепанного и закрытого на ремонт Таврического дворца переселился на окраину города – в Смольный. На выборах в гордуму большевики получили 33,5 процента голосов, эсеро-меньшевицкий блок – 37,5, а триумфаторы Февраля, кадеты, – 2 процента.

Лидеры эсеров и меньшевиков, видя проседание своих позиций в рабочей среде, начали кампанию за реабилитацию участников «дела 3–5 июля», которых начали выпускать из тюрем. Одновременно и либералы, и консерваторы потянулись к твердой руке, которая угадывалась только у главнокомандующего – генерала Корнилова. Нет сомнений, что во имя спасения страны и армии он готов был поменять правительство, вырезать большевиков и разогнать Советы. Но Советы оставались основной политической опорой Керенского, а Корнилов – главным претендентом на власть. На словах разделяя призывы к наведению железного порядка, министр-председатель сознательно спровоцировал конфликт с Корниловым, обвинив его в государственной измене, что подвигло генерала к бунту. К столице стал выдвигаться корпус генерала Крымова. Большевики и мечтать не могли о столь благоприятном для них развитии событий: организуя оборону от Корнилова, само правительство и Совет должны были привести в движение массы рабочих и солдат. Совершенно открыто большевики вооружили рабочие дружины, с государственных складов им было выдано 40 тысяч винтовок. «Та армия, которая поднялась против Корнилова, была будущей армией октябрьского переворота»¹⁶¹, – справедливо замечал Троцкий.

Корнилов сдался. Керенский принял пост главнокомандующего. Большевики стали героями дня. 31 августа Петроградский совет впервые принял резолюцию большевистской фракции, она призывала к созданию правительства без «буржуазии»,

декретированию республики, чистке армии от «контрреволюционеров», конфискации помещичьих земель, установлению мира. Керенский не мог игнорировать требования только что спасшей его «революционной демократии» – 1 сентября Россия формально стала республикой. О, судьба России! – республика была провозглашена единоличным решением фактического диктатора. А рост популярности РСДРП(б) отразился в «большевизации» Советов. Частью этого процесса стало возвращение в состав Совета Молотова. В сентябре уже 50 Советов по стране контролировались большевиками.

Ленин присылает из Гельсингфорса инструкцию: «На очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства»¹⁶². Письмо Ленина обсуждалось в ЦК 15 сентября. Шестью голосами против четырех и при шести воздержавшихся было принято решение: уничтожить все экземпляры писем Ленина, кроме одного¹⁶³. Партия о них не узнала. Напротив, ЦК решил участвовать в Демократическом совещании, куда были делегированы представители от различных организаций (Советов, областных комитетов, различных партий, профсоюзов, кооперативов, земств, военных организаций, национальных групп и т. п.). Совещание должно было сформировать Предпарламент, который бы функционировал вплоть до Учредительного собрания. Ленин доказывал, что «большевики не должны были *дать занять себя явными пустяками, явным обманом народа с явной целью, притупить* нарастающую революцию посредством игры в бирюльки»¹⁶⁴.

Уяснив, что повлиять на решения Демократического совещания не удастся, большевики 20 сентября покинули зал Александринского театра и отправились в Смольный, где Петроградский совет принял резолюцию, на которую в тот день никто даже не обратил внимания: «Для решения вопросов об организации революционной власти необходим немедленный созыв Съезда Советов Р. С. и Кр. Деп.»¹⁶⁵. Но Ленин продолжал бомбардировать требованиями форсировать вооруженный мятеж: «“Ждать” съезда Советов есть полный кретинизм, ибо это значит пропустить *недели*, а недели и даже дни решают теперь *всё*»¹⁶⁶. Отчаявшись добиться сколько-нибудь вразумительного ответа, Ленин сорвался: «Мне приходится *подать прошение о выходе из ЦК*, что я и делаю, и оставить за собой свободу агитации в *низах* партии и на съезде партии»¹⁶⁷.

Молотов принимал самое деятельное участие в заседании ПК 26 сентября с обсуждением ленинского письма. Основной докладчик – Володарский – был категорически против восстания. Молотов – за:

– Наша задача теперь – не сдерживать массы, а выбрать наиболее удобный момент, чтобы взять власть в свои руки. В тезисах Ленина говорится о том, чтобы мы не увлекались сроками, а выбирали бы удобный момент для взятия власти, не ждали бы, когда массы могут перейти в анархию. Момент точно определить нельзя. Может быть, этим моментом будет переезд Временного правительства в Москву. Но к выступлению мы должны быть готовы каждую минуту¹⁶⁸.

В следующие дни большевики переориентировались на позицию Ленина. Молотов писал: «Война не давала больше отсрочек, Временное правительство, сдав вильгельмовским войскам Ригу, подготавливало предательскую сдачу революционного Петрограда. Этой сдачей столицы внешнему врагу подготавливалось оправдание крайних мер – переход правительства к открытой военной диктатуре, которая объединила бы все реакционные силы страны, чтобы удушить завоеванные революцией свободы, демократические права народа. Стране угрожало превратиться в добычу сильных империалистических держав, в бесправный объект дележки между ними»¹⁶⁹.

7 октября в Мариинском дворце открыл заседание Предпарламент. Уже на месте большевики решили его покинуть, что и было сделано под ободряющие крики самых известных людей страны: «мерзавцы!», «германские шпионы!», «скатертью дорога!». В эти дни в Петрограде появился Ленин в облике лютеранского пастора с густой седой шевелюрой¹⁷⁰. 10 октября за резолюцию, в которой говорилось, что «вооруженное восстание неизбежно и вполне созрело», голосовали все члены ЦК, кроме Каменева и Зиновьева. Эту резолюцию вынесли на рассмотрение Петербургского комитета 15 октября. Докладчиком был Бубнов. Молотов предлагал, согласившись с резолюцией, сразу же «перейти к обсуждению организационной стороны дела, обсуждение по существу перенести на собрание ответственных работников»¹⁷¹. Но прения все же начались. Общего мнения не сложилось, было скорее общее настроение: дело может повернуться как угодно, поведение рабочих и солдат – труднопредсказуемо, оружия мало. После завершения прений Молотов огласил от имени исполкома ПК тезисы по агитационной и организационной подготовке восстания¹⁷².

Если даже значительная часть большевистского руководства не хотела восстания, а переворот все-таки удался, значит, действительно в те хмурые осенние дни власть буквально валялась на мостовой.

Ревкомовец

Октябрь 1917 года Молотов встретил в качестве члена не только Петроградского совета, Исполнительной комиссии Петербургского комитета РСДРП(б), но и Военно-революционного комитета (ВРК), который, собственно, и будет брать власть. 9 октября в Исполкоме Совета меньшевики предложили резолюцию о защите города от немецкого наступления под руководством Революционного комитета обороны. Большевиков осенило, что судьба сама идет в руки: появлялась возможность создать непартийный, советский орган руководства военными частями, вполне пригодный для целей «в. в.» – вооруженного восстания. Молотов и другие большевики поддержали меньшевистскую резолюцию, добавив к ней «безобидный» пункт о том, что создаваемая при Совете организация должна защищать столицу не только от немцев, но и от внутренних врагов. Большевики поддержали избрание председателем ВРК левого эсера Лазимира, «подкрепив» его замами из собственной военной организации – Подвойским и Антоновым-Овсеенко. В состав Военно-революционного комитета были также избраны и многие другие руководители большевиков, включая Троцкого, Сталина, Свердлова, Дзержинского и Молотова.

Иван Батрак писал: «Военно-революционный комитет возложил на Молотова руководство агитационно-пропагандистской работой... Фактически это была работа Исполнительной Комиссии Петроградского Комитета по плану, разработанному самим же тов. Молотовым. Большая, длинная, в несколько окон комната в третьем этаже Смольного. У барьера часовой проверяет пропуска. Говор, толкотня, стук пишущих машинок. В конце комнаты – дверь, ведущая в другую небольшую, с одним окном. В ней заседал Петроградский Военно-революционный комитет»¹⁷³.

Успеху «в. в.» в тот момент могли помешать только колебания в самой партии. Именно поэтому Ленин столь болезненно воспринял «предательство» Каменева, который не только заявил о выходе из ЦК, но и дал интервью «Новой жизни», где рассказал о своем и Зиновьева несогласии с планами взятия власти. Ленин обозвал их «проститутками» и потребовал исключить из партии. Молотов, естественно, тоже был возмущен их поведением и позднее писал: «Известно, что почти в самый канун решающих действий два члена ЦК – Зиновьев и Каменев – открыто выступили в чужой газете, штрейхбрехерски раскрывая перед классовым врагом подготовленный партией план вооруженного восстания. Они были заклеены Лениным и

всей партией как пособники буржуазии»¹⁷⁴. Каменева с Зиновьевым в тот момент прикрыли Сталин и Свердлов, считавшие, что надо заниматься более серьезными вещами, чем исключением кого-то из партии.

В ночь на 24 октября (6 ноября) Молотов вместе с товарищем из ПК Иваном Бакаевым обнаружили в Смольном незанятую комнату, где можно было отдохнуть. Но не спалось. Молотов, который никогда до революции не имел оружия и никогда им не пользовался, в эту ночь решил, что пора наверстать упущенное. Он не помнил, всаживали ли они с Бакаевым (будущим главой питерской ЧК) пули в доску или прямо в стену. Рано утром разбудили экстренным сообщением. В 5 часов утра юнкера 2-й ораниенбаумской школы заняли типографии большевистских газет «Рабочий путь» и «Солдат». Прокурору было приказано задержать большевиков, ранее арестовывавшихся за участие в июльском путче, но выпущенных под залог. Были отключены идущие в Смольный телефонные линии. Это не выдержали нервы у Керенского: он пришел к выводу, что пробил час наступления на большевиков. Началось!

ВРК при активном участии Молотова сразу выпустил воззвание: «Враги народа ночью перешли в наступление. Штабные корниловцы пытаются стянуть из окрестностей юнкеров и ударные батальоны. Поход контрреволюционных заговорщиков направлен против Всероссийского съезда Советов накануне его открытия, против Учредительного собрания, против народа... Весь гарнизон и весь пролетариат Петрограда готовы нанести врагам народа сокрушительный удар»¹⁷⁵. ВРК приказал своим комиссарам, полковым комитетам, Центральному комитету Балтийского флота (Центробалту) и штабу Красной гвардии привести вооруженные силы в полную боевую готовность. Бойцы Литовского полка выгнали юнкеров из большевистских типографий, ВРК послал на телефонную станцию отряд матросов, телефоны Смольного заработали.

С наступлением темноты боевые отряды ВРК начали планомерно реализовывать план вооруженного восстания. В Смольный пробрался и загримированный Ленин. Молотов увидел его глубокой ночью, когда тот собрал доверенных коллег: «Мне пришлось быть в одной из комнат нижнего этажа в Смольном, где Ленин вместе с несколькими членами ЦК обменивались мнениями по вопросу о формировании первого Советского правительства. В памяти осталось обсуждение вопроса о самом наименовании нового правительства. Все пришли к выводу, что в той обстановке не подходят существовавшие до этого обычные наименования – министр, Кабинет министров. Иска-

ли чего-то нового, более близкого народу, и вскоре пришли к выводу: министров именовать народными комиссарами, Кабинет министров – Советом Народных Комиссаров»¹⁷⁶. Перешли к персональному составу. Ленин предложил возглавить Совнарком Троцкому. Тот и слушать не хотел, назвав в числе прочих доводов свою национальность – боязнь обвинений в «еврейском заговоре» существовала. Ленин нехотя согласился стать главой будущего правительства. Троцкий готов был руководить иностранными делами, Сталин – комиссариатом по национальностям.

В полчетвертого утра 25 октября (7 ноября) «Аврора» отдала якорь у Николаевского моста. Еще затемно первые части ВРК начали выдвигаться к Зимнему дворцу. Вызываемые Керенским с фронта части не появлялись – из-за саботажа на железных дорогах. В 9 утра премьер решил сам ехать в ставку Северного фронта, чтобы привести войска в Питер, – переодевшись в форму сербского офицера и на машине американского посольства¹⁷⁷. Зимний держался, когда делегаты Второго съезда Советов заполнили бальный зал Смольного.

Молотов, по его рассказам, находился за кулисами, сзади стола президиума. В 14.35 Троцкий подошел к трибуне: «От имени Военно-революционного комитета объявляю, что Временного правительства больше не существует... Зимний дворец еще не взят, но судьба его решится в течение ближайших минут»¹⁷⁸. Жидкие, раздумчивые аплодисменты. Троцкий заявил о присутствии в зале Ленина. Под бурные аплодисменты на трибуне появился лысый и гладко выбритый человек, который хрипловато-зычным голосом произнес: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась»¹⁷⁹. Произнося речь, Ленин приподнял одну ногу – у него была такая привычка. Сколько раз слышал я от деда эту историю: подошва была протерта до дырки. И через нее была видна грязная стелька.

Войска ВРК к шести часам вечера установили плотное кольцо блокады Зимнего дворца. Ленин безумно нервничал. «Почему так долго? Быстрее! В атаку! Хороший отряд матросов, роту пехоты – и все там!»¹⁸⁰ В девять вечера начали бухать холостыми с «Авроры» и из орудий Петропавловской крепости (пара боевых снарядов все-таки продырявила Зимний). Осажденные не сдавались. В 22.40 Федор Дан позвонил в колокольчик и печально произнес: «Власть в наших руках... Я являюсь членом президиума ЦИК, а в это время наши партийные товарищи находятся в Зимнем дворце под обстрелом, самоотверженно выполняя свой долг министров, возложенный на них ЦИК»¹⁸¹.

Съезд официально открыт. Новый Президиум выбирается на коалиционной основе, но эсеры и меньшевики заявляют о нежелании в него входить. Старый ЦИК ушел, и на его место сели Троцкий, Зиновьев, Луначарский, Муранов, Коллонтай, Ногин, еще несколько большевиков и левых эсеров. Председательствовал Каменев, с начала восстания взявший назад свое заявление о выходе из ЦК. В зале – где-то 650 делегатов, из них около трехсот большевиков и больше девяноста левых эсеров. Ситуация шаткая.

Ожидая вестей из Зимнего, большевики предоставили трибуну своим оппонентам – меньшевикам и эсерам, которые сквозь шум и выкрики зала объявляли переворот незаконным и требовали переговоров с Временным правительством. Группа Бунд под неодобрительный гул зала потянулась из зала. Встал Рязанов и, чтобы не дать страстям разгореться, заявил, что «Военно-революционный комитет по просьбе городской думы отправил делегацию для переговоров с Зимним дворцом» во главе с ее председателем Шрейдером¹⁸². К этому эпизоду имел непосредственное отношение Молотов, о чем написал даже статью мемуарного свойства:

«ЦК нашей партии, скромно расположившийся в одной из комнат нижнего этажа Смольного, быстро обсудил предложение думцев... Военно-революционный комитет, членом которого я состоял, поручил мне сопровождать думцев. Помню, как мы уселись во дворе Смольного в автомобиль Шрейдера. Всего отправилось пять-шесть человек. Это было уже часов в одиннадцать-двенадцать ночи. Освещая фонарями автомобиля мокрую темную дорогу, мы пробирались по Суворовскому проспекту на Невский. Там и тут раздавались выстрелы, временами треск пулемета. Выбрались на Невский. Чуть не на каждом шагу патрули Военно-революционного комитета останавливают автомобиль, мы показываем свои удостоверения и едем дальше.

Около городской думы Шрейдер просит сделать остановку. Останавливаемся. Шрейдер уходит в думу, чтобы сообщить о том, что с согласия Военно-революционного комитета он вместе с другими делегатами направляется в Зимний на переговоры. После этого едем дальше. Чем дальше по Невскому, тем больше волнуется седой Шрейдер и трое-четверо его почтенных спутников. Треск ружейной и пулеметной стрельбы повторяется чаще и резче. Стреляют как будто со всех сторон. На улицах там и тут мелькают небольшие кучки народа. Долетают отдельные возгласы, какие-то крики. Встречаются то и дело новые патрули. Настроение моих спутников делается все больше настроенным и прямо тревожным.

Приближаемся к Мойке, которая в это время была чем-то вроде границы, отделяющей нас от сопротивляющегося с оружием в руках противника. Здесь, у моста Мойки, нас останавливает большой патруль. На углу улицы горит костер – греются солдаты. Остановивший автомобиль патруль предлагает нам выйти на панель – ехать дальше уже невозможно... Выйдя из автомобиля, мы спрашиваем начальника патруля. Появляется знакомый мне по революционным дням в Петрограде тов. Дашкевич, бодрый, уверенный в близкой победе. Узнав, чего хочет делегация, он предлагает ей идти дальше пешком. Остался только квартал до площади перед Зимним дворцом. Он предупреждает делегацию, что их попытка вряд ли удастся. На площади перед Зимним дворцом вокруг памятника-колонны сгруппировался женский “батальон смерти” и какие-то остатки воинской части, ведущей обстрел всякой фигуры, появляющейся на площади. Делегация колеблется, идти ли ей дальше. Однако решается идти.

Пока удаляется группа с Шрейдером, тов. Дашкевич объясняет мне, что штаб и военное министерство уже заняты нами, что тов. Подвойский уже там; Зимний дворец уже окружен и ожидается с минуты на минуту его сдача. Жмем друг другу руки, смеемся над делегатами. Проходит несколько минут, и Шрейдер со своей делегацией возвращается обратно. Смущенный и еще более жалкий, он снова лепечет о благой цели своего посредничества и о том, что теперь они видят свое бессилие что-нибудь сделать...

Садимся снова в автомобиль и приезжаем к городской думе. Мне пришлось в этот момент ненадолго заглянуть в думу для того, чтобы передать в Военно-революционный комитет сообщение о результатах, вернее, о безрезультатности поездки. Я вошел в помещение думы вместе с неудачливыми делегатами, на которых набросилась толпа думцев, без конца, но без всякого толку в этот вечер и ночь заседавших и обсуждавших положение в Петрограде. Кое-кто из них встречался мне раньше, и теперь в общем гуле я еле разбирал знакомые голоса с какими-то не то восклицаниями, не то проклятиями. Глазами, полными ненависти, они провожали меня, проходившего мимо них к телефону. Мне нужны были только одна-две минуты, чтобы сообщить дежурному Военно-революционного комитета (кажется, это был тов. Скрыпник) о моей поездке с неудачливыми “посредниками”. Затем я снова отправился в Смольный, где в октябрьские дни многие из нас дневали и ночевали и где все больше разворачивалась кипучая боевая работа»¹⁸³.

Начинался новый день. После полуночи защитники Зимнего дворца стали расходиться. Казаки помитинговали и решили остаться «нейтральными». Сдался женский батальон. В Зимнем остались только подростки-юнкера. Комендант обороны – Пальчинский – вступил в переговоры и сдал дворец на условиях, что юнкерам будет сохранена жизнь. Подвойский: «В Зимнем дворце все кончено. Я взглянул на часы: четверть третьего»¹⁸⁴. Почти бескровный дворцовый переворот. Погибло при штурме пять человек.

Второй съезд возобновил свою работу. Каменев огласил только что полученную от Антонова-Овсеенко телефонограмму: Зимний взят, правительство арестовано. На трибуне Луначарский. Он зачитывает написанное Лениным воззвание: «Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки»¹⁸⁵. Голосуют – против 2, воздержалось – 12. Так около шести утра Второй съезд объявил себя единственной властью в России.

Молотов, похоже, не стал свидетелем этого исторического момента, поскольку всю ночь и весь следующий день провел не в зале заседаний, а в комнате № 17 Смольного, где работал ВРК, превратившийся из органа по руководству восстанием в самостоятельный, но единственный на тот момент орган исполнительной власти в стране. Заглянул туда той ночью и американский журналист Джон Рид: «На минутку мы задержались в комнате, где, принимая и отправляя запыхавшихся связных, рассылая по всем уголкам города комиссаров, облеченных правом жизни и смерти, лихорадочно работал Военно-революционный комитет. Бесперывно жужжали полевые телефоны. Когда дверь открылась, навстречу нам пахнул спертый, прокуренный воздух, и мы разглядели взъерошенных людей, склоненных над картой, залитой ярким светом электрической лампы с абажуром»¹⁸⁶. Карта взялась не случайно: все внимание приковывало движение воинских эшелонов, вызванных Временным правительством. ВРК обратился к Советам в пригородах Петрограда и к железнодорожным служащим с призывом задерживать поезда, ко всем армейским организациям – об аресте Керенского.

Молотов опишет бдения в ВРК: «Военно-революционный комитет, руководивший восстанием в Петрограде, был чисто боевой организацией. Ему приходилось наводить порядок, подавляя нападение врагов в городе, вести всестороннюю и неутомимую военную оборону, укрепляя революционные позиции в окрестностях Петрограда от наступающих белогвар-

дейцев, разрушать старые и строить новые органы власти, организуя и вдохновляя развертывание пролетарской революции по всей стране.

В его работе одно из первых мест занимал военный штаб. Опираясь на сравнительно небольшие отряды рабочей Красной гвардии и на некоторые воинские части, он руководил непосредственной обороной Петрограда. Установление революционного порядка в городе требовало огромного напряжения, быстроты действий и решительности. И эту труднейшую в то время задачу Военно-революционный комитет в течение первых недель Октябрьского восстания выполнял с большим успехом.

За эти недели была проведена сложная и большая работа по овладению государственными учреждениями, как известно, не сразу переходившими в наши руки. Рядом с этой военно-административной работой Военно-революционный комитет развернул громадную политическую и революционно-просветительную работу. Это последнее дело приобретало исключительно важное значение в связи с развертыванием Петроградского восстания во всероссийское Октябрьское восстание. В Военно-революционный комитет приходило бесчисленное количество делегаций из армий, от рабочих, от служащих, от различных политических партий, общественных групп и учреждений, от иностранных миссий и т. п. ...Если можно сказать, что уже с первых дней созидательная работа перешла в организовавшийся Совет Народных Комиссаров, то организатором восстания во всей России был и оставался Военно-революционный комитет»¹⁸⁷.

26 октября (8 ноября) ВРК разослал, куда только мог придумать, сотни комиссаров; объявил о переходе городской милиции в ведение Совета; приказал открыть магазины под угрозой мер революционной законности; заявил свои претензии на владение всеми пустующими помещениями в городе; отменил смертную казнь на фронте; призвал железнодорожников не задерживать доставку продовольствия; организовал охрану продовольственных складов.

ВРК организовывал «триумфальное» (и не очень) шествие большевистской власти по стране, действуя в основном через дружественные советы и армейские ячейки. Наряду с мерами, позволявшими удержать или расширить свою власть, большевики сразу же прибегли к шагам репрессивного характера, которые заставили вздрогнуть и насторожиться нейтрально настроенную или колеблющуюся публику. Была прикрыта вся столичная несоциалистическая пресса: «Речь», «Новое время»,

«Вечернее время», «День», «Народная правда», «Биржевые ведомости». По городу шли многочисленные аресты. Большинство тогдашних распоряжений ВРК подписаны либо безымянными «Председателем и секретарем», либо «ВРК». Когда имя появлялось, то председателем оказывались Лазомир, Подвойский, Свердлов, Скрыпник. За секретаря нередко подписывался Молотов. Очевидно, что он имел отношение к закрытию газет, конфискации типографий¹⁸⁸, реализуя задачи агитотдела ВРК.

26 октября в ЦК решали вопрос о составе правительства. Пригласили лидеров левых эсеров, но те твердо стояли за образование «единого демократического правительства» с участием эсеров и меньшевиков. С ними солидаризировались и отдельные руководители большевиков, поведение которых вызвало у Молотова возмущение: «Но и в дни Октябрьского переворота в партии нашлись видные деятели, которые отвергали путь социалистической революции. К их числу относились не только такие, как Зиновьев и Каменев, открыто стремившиеся помешать Октябрьскому восстанию, но – как показали первые же дни после переворота и создания советского правительства во главе с В. И. Лениным – такие как Рыков, Милютин и др., требовавшие во имя “единства социалистических партий”, чтобы советское правительство было организовано совместно с меньшевиками и эсерами и даже на паритетных началах, т. е. с предоставлением большевикам половины мест, хотя эти партии после Февральской революции с начала и до конца оставались непримиримыми противниками захвата власти»¹⁸⁹.

Вплоть до возобновления заседания съезда в 20.40 Ленин безуспешно уговаривал левых эсеров войти в правительство. Что же, правительство будет чисто большевистским. Следуют протесты бундовцев и меньшевиков-интернационалистов по поводу узурпации власти. В ответ крики: «Как, вы еще здесь?!» Шли приветствия от полков и коллективов. Ленин докладывал воззвание, озаглавленное «Декретом о мире». Предлагалось всем воюющим державам немедленно начать переговоры для достижения «демократического мира» без аннексий и контрибуций, гарантирующего каждой нации право на самоопределение. «Долгие овации сменились пением “Интернационала”... И снова рукоплескали, кричали, бросали шапки»¹⁹⁰.

На очереди вопрос о земле. Снова докладывает Ленин. Декрет о земле не размножен, не роздан – присутствующие воспринимают его на слух. Делегаты слышат самое главное: «Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа»¹⁹¹. Но не сразу понимают, что Ленин, отказавшись от программного требования РСДРП(б) о национализа-

ции всей земли, объявил ее «социализацию», то есть передачу в пользование общины. Это – эсеровская платформа. Молотов считал такой поворот Ленина одной из вершин его тактической мудрости: «В основу этого декрета был положен “Крестьянский наказ о земле”, составленный за два месяца до этого эсерами на основании 242 местных крестьянских наказов... Вплоть до окончательного решения вопроса о земле Учредительным собранием вся земля, включая и помещичью землю и земли царской семьи, передавалась в распоряжение местных, фактически крестьянских организаций, избранных демократическим путем. В итоге получилось, что разработанная эсерами программа – наказ крестьян – сослужила замечательную службу в пользу социалистической революции, а эсеры остались и без программы, и без крестьян, отхлынувших от эсеров, ничего не сделавших для осуществления крестьянского наказа»¹⁹². Поддержанный почти единогласно Декрет о земле стал мощнейшим орудием переворота, с помощью которого большевикам еще только предстояло завоевать страну.

В 2.30 утра 27 октября (9 ноября) Каменев зачитал Декрет об образовании правительства. Залу были известны и вызвали аплодисменты только три кандидатуры – Ленина, Троцкого, а также Луначарского, получившего портфель наркома народного просвещения. Не звучат фамилии Каменева, которого планируют на руководство ЦИКа, и Зиновьева, намеченного главным редактором партийного органа. Раздаются голоса против чисто большевистского состава правительства. «Коалиция с Данами и Либерами не усилила бы революцию, а погубила бы ее»¹⁹³, – уверяет Троцкий. Все члены первого советского правительства ранее сидели по тюрьмам. Никто из них никогда не был на руководящих должностях и ни разу не заходил в министерства, которые предстояло возглавить.

Заключительным аккордом съезда было избрание нового ЦИКа. Среди полного беспорядка в стремительно пустеющем зале оглашается список незнакомых имен. Из 101 члена – 62 большевика, 29 левых эсеров, 6 новоожизнцев. Совнарком был объявлен подотчетным ЦИКу, который обладал правом вето на законодательные акты и правительственные назначения. Около пяти утра съезд завершился. Немногие оставшиеся огласили зал нестройными звуками «Интернационала» и устало потянулись к выходу. История была сделана.

За весь съезд Ленин и его коллеги ни разу не упомянули о марксизме или диктатуре пролетариата. Все принятые декреты считались временными и подлежали утверждению Учредительным собранием. Уже на первом своем заседании СНК подтвер-

дил, что его выборы пройдут в назначенный срок – 12 ноября. Большевики, по существу, сделали лишь заявку на власть, которую нужно было подтвердить. Исход первого раунда борьбы был решен в последующую неделю – на улицах Петрограда, под Царским Селом, в Москве и крупнейших губернских центрах.

29 ноября Молотов отчитывался в Петербургском комитете РСДРП(б) о своей деятельности в ВРК:

– Революционный комитет был организован до революции, дела его очень разнообразны – назначение комиссаров и т. д. Отделы только теперь организуются, положение очень неясно; поэтому Революционный комитет должен передать практическую работу в Совет Народных Комиссаров, а другую часть – в руки комитетов, которые теперь создаются. Произведены смещения в штабе, и теперь есть надежда, что борьба будет успешна. Несколько прямых проводов у нас есть, Харьков в руках Совета, Екатеринослав – тоже, Москва – неопределенно¹⁹⁴.

В тот день Краснов взял Царское Село. В Первопрестольной войска, собранные Московским комитетом спасения и штабом округа под началом полковника Рябцева и городского головы Руднева, заняли Кремль. В Петрограде тоже началось восстание, которым от имени Комитета спасения руководил полковник Полковников, превративший в свой штаб инженерное училище. Подавление возглавил комендант Петропавловской крепости Благодеров, который с командой пулеметчиков, броневиков и пехоты отбил Михайловский манеж, почту, телеграф и телефон, заставлял капитулировать одно училище за другим. Комитет спасения пытался отсидеться в городской думе, но к ночи большевистские войска ворвались в Думу и выкинули оттуда всех. 30 октября немногочисленные войска, которые вел Керенский, были отброшены вблизи Пулковской обсерватории. В Москве большевистские силы тоже перешли в наступление, очистив Кремль под угрозой артиллерийского обстрела.

«Триумфальное шествие советской власти» осуществлялось по-разному. Где-то большевики, объединившись с эсерами и меньшевиками, провозглашали власть местного совета. Где-то брали ее сами. В каких-то городах проправительственные силы оказывали сопротивление, в каких-то – провозглашали нейтралитет. К началу ноября большевики все еще не контролировали национальные окраины, Юг, где властвовал атаман Каледин, сельскую местность. Но в их руках оказались обе столицы и все города Великороссии. Каким образом большевики так стремительно смогли завоевать власть?

Молотов, рассуждая об этом, выделял в первую голову организацию, тактику и вождя. «Нельзя не считаться с тем, что

наша партия добилась октябрьской победы главным образом благодаря тому, что гибкость ее тактики опиралась на предшествующую основательную подготовку к немирным путям революции: боевые дружины вооруженных рабочих; нелегальные партийные организации, которым принадлежала руководящая роль; нелегальная большевистская печать, включая издание руководящих органов печати за рубежом; нелегальные большевистские организации в армии и в военно-морском флоте и др. ...Победа Октября стала возможной прежде всего благодаря тому, что партия имела правильный, ясный и твердый политический курс, кратко выраженный в большевистском лозунге "За хлеб, мир и свободу!", открывавший рабочему классу и широким массам крестьянства всех наций и народностей нашей страны путь к действительному улучшению жизни, дававший народу возможность положить конец ненавистной империалистической войне. Борясь с имевшимися политическими колебаниями и указывая на огромный рост революционной сознательности трудящихся, Ленин страстно доказывал, что 240 тысяч членов нашей партии удержат государственную власть в стране с населением в 150 миллионов человек, так как огромное большинство рабочих и большинство всего народа все более убеждалось в правоте политики партии, и что только принятый партией курс на восстание спасет страну от катастрофы и порабощения империализмом»¹⁹⁵.

В этом фрагменте Молотов ничего не говорит о роли Ленина, которого на самом деле он называл главной движущей силой октябрьского переворота. И нередко 7 ноября наизусть декламировал отрывки поэмы Пастернака «Высокая болезнь»:

Столетий завистью завистлив,
Ревнив их ревностью одной,
Он управлял течением мыслей
И только потому – страной.
Тогда, его увидев въяве,
Я думал, думал без конца
Об авторстве его и праве
Дерзать от первого лица.
Из ряда многих поколений
Выходит кто-нибудь вперед.
Предвестьем льгот приходит гений
И гнетом мстит за свой уход¹⁹⁶.

Глава вторая

ЛЕНИНЕЦ. 1917–1924

*Мы знаем, что только Советы
могут править.*

Вячеслав Молотов

Практикующий марксист

Был ли ленинизм у власти живым воплощением марксизма? Молотов на этот вопрос давал, естественно, утвердительный ответ. Было бы странно отрицать происхождение ленинизма из учения Маркса.

И вот что Молотов считал квинтэссенцией марксизма-ленинизма. Путь к социализму и от него к коммунизму лежит исключительно через диктатуру пролетариата. Государство диктатуры пролетариата гораздо более демократично, чем буржуазное государство, которое является лишь формой диктатуры буржуазии. Диктатура будет не нужна, когда исчезнут классы. Лишь тогда громадное большинство членов общества, а постепенно и все члены общества научатся управлять государством, после чего оно начнет отмирать. Уничтожение классов – первая и основная задача в осуществлении социального равенства, искоренении эксплуатации человека человеком, обеспечении равенства труда и оплаты за него. Социализм предполагал захват государством командных высот в экономике и внедрение плановости народного хозяйства. Главный принцип внешней политики – пролетарский интернационализм: подчинение интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; способность и готовность со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на жертвы ради свержения международного капитала.

Но Молотов не раз подчеркивал прагматизм Ленина, его способность действовать по обстоятельствам вне классической марксистской схемы. Ленинизм, претендовавший на мессианскую универсальность, все же был плодом, полученным в результате прививки марксизма к дереву российских традиций и ментальности. И наложенным на конкретные условия того времени, из которых основными были: разорение страны, продолжавшаяся мировая война, действительно перераставшая в

гражданскую, и отсутствие революций на Западе, которые ортодоксальные марксисты ожидали еще раньше русской.

Молотов признавал, что в октябре 1917 года большевики имели самые отрывочные представления о том, что надо делать, и очень многое пошло не так, как задумывалось вначале. Сам термин «военный коммунизм», которым описывается начальный отрезок большевистского правления, впервые появился в писаниях Ленина задним числом – весной 1921 года, когда он доказывал, что эта политика была вынужденной, «временной мерой», продиктованной «войной и разорением»¹⁹⁷. Знания Ленина, как и его соратников, о функционировании государства были весьма поверхностными. Но когда потребовалось управлять, Ленин явил собою тип не интеллигента-марксиста, а беспощадного прагматика, считающего себя вправе прибегать к любым методам для удержания власти.

Ленин окажется очень жестким и даже жестоким правителем. Когда кто-нибудь в разговоре с Молотовым противопоставлял гуманизм Ленина зверствам Сталина, он только посмеивался: Ленин был куда более жестким человеком, чем Коба. Не только Сталину, но даже куда более беспощадным Дзержинскому или Троцкому не раз доставалось от вождя за мягкотелость и либерализм.

Теоретическими понятиями осенью 1917 года никто не мыслил. Логика решений диктовалась почти исключительно калейдоскопически менявшимися событиями и их оценкой в огромном, неотопливаемом Смольном. В окна рвался ледяной ветер с Невы, тусклым светом горели электрические лампочки. Полы бесконечных унылых коридоров заросли слоем грязи, которую натащили сапоги тысяч красноармейцев. «Во время деятельности Военно-революционного комитета Молотову не раз приходилось проводить в Смольном по целым суткам, не выходя оттуда, – пишет Батрак. – По ночам отдыхал кое-как, положив под голову портфель, книги или папки дел, всегда готовый подняться по первому вызову или звонку. Питание наспех и как попало. Воспаленные от недосыпания глаза и похудевшее лицо, но бодрое и живое настроение, увлечение работой до самозабвения. Пришлось вариться воистину в революционном котле»¹⁹⁸.

В Смольном тогда была вообще вся власть, и партийная, и государственная – Совнарком, ЦК, ПК, Петроградский совет и его ЦИК, Всероссийский ЦИК, ВРК. Правительственный кризис не заставил себя ждать. Когда казаки Краснова шли на Питер, где бушевало восстание юнкеров, профсоюз железнодорожников (Викжель – Всероссийский исполнительный комитет же-

лезнодорожного профсоюза) объявил всеобщую забастовку и потребовал создать правительство из представителей всех социалистических партий. Отправившиеся на переговоры Каменев и Сокольников согласились ввести в СНК меньшевиков и эсеров, если те примут решения II съезда. Молотов в это время выступал на заседании большевистского ПК, где тоже обсуждался вопрос о правительстве:

– Мы видим, что только Советы могут править, и никто не может отказаться от власти Советов, но в Советах большинство большевиков, так что мы стоим перед фактом власти большевиков не как партии, а как представителей большинства массы¹⁹⁹.

Викжель поднял планку требований, добиваясь полного ухода большевиков из правительства. Каменев предложил компромисс: пост премьера занимает лидер эсеров Чернов, большевики оставляют себе второстепенные портфели. Но Керенский бежал, и 1 ноября Ленин на заседании ЦК отверг любые компромиссы, но оказался в меньшинстве. Раскол ЦК? Ленин появляется в комнате ПК:

– Вот вижкелевцев арестовать – это я понимаю. Наш лозунг теперь: без соглашений, т. е. за однородное большевистское правительство²⁰⁰.

Заглавным докладчиком на заседании ПК 2 ноября был назначен Молотов, который поддержал ленинское меньшинство ЦК:

– Во время переговоров выяснилось, что народные социалисты даже не могут вести переговоров с большевиками, а меньшевики-оборонцы и правые социалисты-революционеры не соглашаются на министерство, в котором будут принимать участие большевики... От уступок представители ЦК не отказывались. Они ничего не имели против, чтобы в министерство вошли представители других социалистических партий, но при обязательном соблюдении и признании уже опубликованных декретов и законов, при соблюдении трех условий: 1) признание декретов о земле и мире; 2) новое правительство должно быть ответственно перед ЦИК; 3) беспощадная борьба против буржуазных контрреволюционеров – Корнилова, Керенского, Каледина. С самого начала было очевидно, что эти условия неприемлемы для большинства соглашающихся сторон. Было ясно, что с нами пойдут, может быть, левые эсеры и, может быть, меньшевики-интернационалисты²⁰¹.

Резолюция, предложенная Молотовым, была принята, и его вместе со Слуцким делегировали на заседания Центрального комитета. Их позиция сыграла не последнюю роль в том,

что ЦК (против – Каменев, Рыков, Зиновьев, Милютин, Ногин) принял резолюцию, где ключевыми были слова о том, что «без измены лозунгу Советской власти нельзя отказываться от чисто большевистского правительства»²⁰².

Кардинальнейшие вопросы российской государственности – о характере правительства и о соотношении властей – драматически решались 4 (17) ноября. Пятерка, голосовавшая против резолюции Ленина, вышла из ЦК. Ленин и Троцкий были вызваны на заседание ВЦИКа, где от них потребовали объяснить, с какой стати они присвоили себе право единолично издавать декреты, тогда как законодательная власть принадлежала ВЦИКу. Левые эсеры поставили – первый и единственный раз в советской истории – вопрос о доверии правительству. И проиграли двадцатью голосами против двадцати пяти. Большевики ответили резолюцией Урицкого, позволявшей правительству заниматься законодательной деятельностью. Ее приняли голосованием двадцати пяти против двадцати трех, причем два решающих голоса «за» подали Ленин и Троцкий, не являвшиеся членами ВЦИКа. С этого момента и до конца 1980-х годов лидер компартии (фактически руководивший правительством) пользовался поистине императорскими полномочиями. Однопартийное государство, опирающееся на членов партии, проводящих волю ее ЦК в органах власти и управления, родилось во многом как результат исторической импровизации и никогда не получало серьезного юридического обоснования.

Молотов в тот день обеспечил поддержку Ленину на районном уровне. Принятая по его докладу резолюция большевиков Выборгского района призывала: «Поддержать Совет народных комиссаров, не щадя своей жизни, от нападков контрреволюционных элементов, откуда бы они ни исходили»²⁰³. После ленинского ультимативного требования подчиниться партийной дисциплине Каменев покинул пост председателя ВЦИКа, Рыков, Ногин, Милютин, Теодорович вышли из правительства. Молотов, естественно, оценивал их поведение в весьма жестких тонах: «Они фальшиво мотивировали свою позицию стремлением не допустить политической “изоляции” нашей партии, а фактически выражали боязнь оторваться от мелкобуржуазных партий, которые в свою очередь плелись в хвосте буржуазии и дошли уже до явной изоляции от рабочего класса, от широких масс трудящихся. Партия решительно отвергла эти требования и сломала упорное сопротивление оппортунистов, уступка которым в вопросе о составе правительства грозила прямым крушением Октябрьской революции»²⁰⁴. Главой ВЦИКа стал Свердлов. А затем Ленин сам назначил новых наркомов.

В ЦК из всех отступников в итоге остался один Зиновьев, взявший свою отставку назад и выступивший с публичным покаянием. Только после преодоления первого правительственного кризиса СНК начал собираться практически ежедневно, ведя довольно беспорядочную работу.

Впрочем, в ноябре Ленин, по крайней мере теоретически, и сам не исключал возможности поделиться властью с меньшевиками и эсерами (или даже прихода их к власти) в результате ротации депутатов различных уровней. Более того, он продолжил линию на включение в состав правительства левых эсеров, которые в конце ноября оформились в отдельную партию и к концу года их представители возглавили шесть центральных наркоматов из шестнадцати и почти во всех из них имели портфели заместителей.

В принципе могло найтись место в большевистской системе власти и Учредительному собранию. Я согласен с Луисом Фишером, который пишет: «Что случилось бы, если бы большевики добились большинства в Учредительном собрании? Вероятно, они бы сохранили парламент»²⁰⁵. Но на выборах победу одержали эсеры, получившие 412 мест из 715. У большевиков было 183 мандата, у меньшевиков – 17, у кадетов – 16. «Ленин это признал, но он и говорит: посмотрите, во всех решающих местах – городах, армии, на фронте в решающее время большевики оказались в большинстве, – вспоминал Молотов. – Они победили. Они повели за собой страну. Хотя большинство еще оставалось с тухлым противником»²⁰⁶. Учредительное собрание было обречено, а декорации для будущей гражданской войны расставлены. Ленин окончательно решил, что вопрос о власти – прерогатива не Учредительного собрания, а Советов.

Продолжал существовать и Военно-революционный комитет, в котором львиную долю своего времени проводил Молотов. Как минимум с 8 (21) ноября он не раз подписывал документы за его председателя. Но занимался в основном делами агитационного отдела. «Мне вместе с одним-двумя помощниками пришлось главное внимание сосредоточить на посылке рабочих-агитаторов в провинцию, во все концы страны. Если в ВРК приходило громадное количество делегаций и делегатов за разъяснениями, то, с другой стороны, из среды петроградских рабочих выделился встречный поток рабочих, которые стремились разъехаться в различные губернии и районы Республики, вначале в целях разъяснения массам событий и задач октябрьского переворота... Они требовали только немножко последней литературы, основной информации о ходе событий и ничтожной материальной

поддержки на проезд. Достаточно было рекомендательной записки партийной ячейки, фабрично-заводского комитета или профсоюза – и мы удовлетворяли желание товарищей поехать на места. В эти дни не приходилось строго разбираться даже в партийности. Основная цель проверки заключалась в том, чтобы избежать провокационные поездки. За день к нам приходило 50–70 человек. Таких товарищей мы снабжали мандатом ВРК. Мандат этот был, впрочем, очень краток: в нем говорилось только о том, что данный товарищ направляется для правильной информации в такое-то место или губернию. В большинстве случаев уезжали товарищи туда, где они больше имели личных связей. С собой они увозили небольшую пачку литературы, главным образом последних петроградских газет... Эта массовая революционно-просветительная агитация сыграла свою роль в закреплении позиций Октябрьского восстания во всей стране»²⁰⁷. Человек из столицы, привозивший с собой пачку газет и листовок, да еще снабженный бумагой с печатью, производил очень сильное впечатление в родной деревне.

Общий объем агитработы в регионах Молотов отразил в отчете, который написал карандашом на обрывке оберточной бумаги: число командированных «составило по 25 ноября 643 человека»²⁰⁸. Далее шла тщательнейшая, поголовная разбивка их по губерниям. Молотов начинал проявлять бюрократическую скрупулезность госчиновника.

В первые послереволюционные дни арестовывали кто угодно и кого угодно. Молотову тоже этим приходилось заниматься – с отрядом бойцов. Потом он уже не ездил с револьвером на аресты. Но его подписи стоят под многими предписаниями ВРК о репрессивных действиях в сфере его основной компетенции – агитации и пропаганды:

«По постановлению Военно-революционного комитета газета “Русские новости дня” за напечатание в № 75 от 18/11 воззвания бывших министров закрывается».

«Военно-революционный комитет постановляет ввиду встретившейся надобности: 1) Реквизировать типографию газеты “Русская воля” и все типографские машины и принадлежности акционерного общества... 2) Реквизировать всю бумагу, находящуюся в типографии и на складах, а также организационно-технический аппарат типографии (контора, автомобили, лошади и проч.)».

«Военно-революционный комитет предписывает конфисковать типографию, находящуюся на 3-й Рождественской ул., д. № 16, в которой печаталась газета “Гроза”».

Но были предписания и не по специальности: «Военно-революционный комитет предписывает тов. Лисичкину произвести обыск фруктовой лавки по Гороховой, 63»²⁰⁹.

Это имело уже отношение к другой важнейшей сфере деятельности ВРК – хозяйственной. Перед большевиками, по словам Молотова, «встали в качестве первоочередных и совершенно неотложных такие задачи, как скорейшее увеличение самых необходимых населению продуктов и предметов промышленности. Этим задачам было подчинено все остальное. В этой исключительно сложной обстановке партия не могла ставить задач немедленного перехода к полному осуществлению социалистических принципов организации труда»²¹⁰. Еще 27 ноября ВРК послал пятьсот кронштадтских матросов в благополучные хлебные районы. Выдавались разрешения представителям армейских частей и трудовых коллективов на «осмотр» складов и холодильников. Вскоре обнаружилось, что грабители награбленного пускали результаты своих поисков на черный рынок. Это привело к огромному всплеску спекуляции.

В хозяйственной сфере у ВРК появилось несколько предметов специализации. 8 ноября Молотов доводил до сведения ВРК, что «во время боев на Петроградской стороне разбито много стекол. Петроградский Совет обращается в ВРК с ходатайством заплатить по счету стекольщикам 1500 руб.»²¹¹. После этого он выдавал предписания на поставку стекла из Луги «на условиях платной реквизиции», но вплоть до исчезновения ВРК стекольный вопрос так и не решился.

Другой фирменной темой стала алкогольная. Точнее, антиалкогольная. Сухой закон, введенный в 1914 году, Ленин не отменил, но на волне вновь обретенной свободы начались пьяные погромы погребов, складов, пивоваренных заводов. ВРК со всей принципиальностью взялся за борьбу со «змием» и за пополнение бюджета. 9 ноября он постановил «реквизированное вино (30 000 ведер) вывезти за границу»²¹². 25 ноября было выпущено объявление ВРК за № 4638: «Военно-революционный комитет указывает на то, что в настоящий момент совершенно недопустимо употребление вина и спирта за исключением врачебных целей. Революционный долг и честь каждого свободного гражданина возлагает на всех нас обязанность охраны революционного порядка в городе. Председатель Молотов»²¹³. Большого эффекта эти призывы не имели.

Орган, взявший власть для большевиков, прекратил свое существование 5 декабря. Молотов не был бы собой, если бы не подготовил детальный «Финансовый отчет агитационного отдела Военно-революционного комитета с 25 октября по 1 дека-

бря 1917 г.». Приход составил 111 404 рубля 50 копеек, из коих больше всего средств выделили Петроградский совет (63 тысячи) и ПК большевиков (23 126 рублей). Наиболее крупными расходными статьями оказались выплаты агитаторам, уезжавшим в провинцию (74 884 рубля), и издание «Солдатской правды» (33 тысячи). Остаток, который Молотов вернул в кассу, составил 382 рубля 46 копеек «налом»²¹⁴. Агитация за советскую власть в масштабах страны обошлась не так дорого (обменный курс сразу после революции был 12 рублей за доллар).

Из Смольного, больше напоминавшего уже переполненную коммуналку, Вячеслав Михайлович переселился в гостиницу «Астория», превращенную в Первый Дом Советов. Батрак замечает: «Из номера гостиницы у него стащили осеннее пальто. И он всю зиму щеголял в поношенном и потертом плаще... Но в чем он не мог отказать себе, так это в удовольствии послушать оперу Мариинского театра»²¹⁵. В «Астории» можно было жить: там «каждый день ели мясной суп и часто конину, слегка подпорченную, но сытную... Неслыханная привилегия: отель диктаторов кое-как отапливался, а кроме того, по ночам в нем сияло освещение, ибо работа там никогда не прекращалась; он был похож на огромный светящийся корабль, возвышающийся над темными площадями»²¹⁶.

Совнархозовец

Государство диктатуры пролетариата напоминало не строгое здание классических форм, а скорее наспех сколоченную временку, к которой постоянно пристраивались (и перестраивались) административные сооружения самой причудливой формы. 1 декабря 1917 года ВЦИК принял «Положение о Высшем совете народного хозяйства». Он получил право конфискации, реквизиции, секвестра, принудительного синдицирования, распределения продукции и финансирования промышленности. Высшим органом, решения которого были обязательными для всех субъектов хозяйственной деятельности, был объявлен Съезд Советов народного хозяйства. Президиум ВСНХ под руководством Николая Осинского стал местом приложения сил его соратников из фракции ультралевых коммунистов – Бухарина, Ломова, Сокольников. Другую часть руководящих работников составили рабочие и профсоюзные активисты – член Центрального совета фабзавкомов Влас Чубарь с оружейного завода, председатель профсоюза текстильщиков Ян Рудзутак и др. Теоретическое руководство осталось за радикальным ле-

вым экономистом Юрием Лариным, которому принадлежало авторство идей форсированной национализации, главков, совнархозов, совхозов, Госплана, непрерывной рабочей недели, отказа от признания внешних долгов, отмены денег и т. д. Ричард Пайпс замечал: «Этот полупарализованный, страдавший страшными болями инвалид, мало известный даже специалистам, может по праву считаться автором уникального в истории достижения: вряд ли кому-нибудь еще удавалось за невероятно короткий срок в тридцать месяцев пустить под откос экономику великой державы»²¹⁷.

23 декабря 1917 года ВСНХ принял положение о создании своих структур на местах – областных СНХ, которые должны были руководить экономикой нескольких смежных губерний. В январе 1918 года при Петроградском совете был образован Совет народного хозяйства Северного района (СНХ СР), который действовал «в пределах Петрограда с дальнейшим присоединением к нему ряда губерний и северных районов (Олонецкой, Псковской, Новгородской, Череповецкой, Архангельской и Вологодской губерний и Эстонии)»²¹⁸. Учредительное собрание СНХ СР состоялось 19 января. На нем был выбран президиум из пяти человек: Молотов, Пылаев, Иванов, Кактынь и Васильевский. Так недоучившийся студент экономического отделения Политехнического института получил возможность применить свои знания на практике, руководя хозяйством крупнейшего экономического региона. На долю одного Петрограда приходилась четверть промышленного производства страны.

На следующий день после создания СНХ в газетах появились сообщения о том, что фабрично-заводские комитеты могут обращаться в него по всем вопросам состояния предприятий и организации производства. «Тотчас же в Совнархоз потянулись представители фабрик и заводов. В маленькой комнатке в Смольном, где находился товарищ Молотов, постоянно толпились сотни людей»²¹⁹. Позднее СНХ переберется в собственное помещение – в дом 2-б по набережной Тучкова, где Молотов занимал комнату 123, как явствует из его личного бланка.

За создание новых органов хозяйственного управления он взялся со всем революционным энтузиазмом. Вот как он сам описывал смысл создания Совнархоза на Съезде Советов Северной области в апреле 1918 года: «Наша организация отличается тем, что она является непосредственным выборным органом самих рабочих. Она сконструировалась по тем главнейшим отраслям промышленности, рабочие которых объединены в известные профессиональные группы. Эти группы образовали

при СНХ особые секции: так, мы имеем секцию по металлу, созданную на специальной конференции рабочих металлистов; секцию по текстильной промышленности, созданную также на конференции профессионального союза в данной области; секцию деревообделочную, пищевую и др.»²²⁰.

Члены отраслевых секций избирались на конференциях фабзавкомов каждой отрасли промышленности. Всего в составе СНХ СР весной 1918 года таких секций насчитывалось 12, однако они охватывали далеко не все сферы экономики. «Мы не имеем до сих пор, – говорил Молотов в мае, – сельскохозяйственной секции, до сих пор почти не имеем никакого отношения к продовольственному вопросу, а также к финансовой области, потому что все эти области до сих пор в Питере – в центре всей России – были сосредоточены вокруг центральных комиссариатов, либо вокруг местных и губернских советов»²²¹. Секции СНХ СР подразделялись на отделы (труда, организации, снабжения и распределения, статистического учета и т. п.), некоторые из которых дробились еще на подотделы. Совнархозы решениями местных Советов были образованы и во всех районах Петрограда.

Руководящий состав СНХ СР был сформирован из представителей Петроградского совета, профсоюзов и фабзавкомов. Принципы кадрового отбора Молотов позднее описывал таким образом: «Умение ориентироваться в политической обстановке, преданность революции и работоспособность были главными качествами, которыми партия могла руководствоваться при назначении на тот или иной ответственный пост партийного товарища»²²². Привлечение рабочих и партийцев не исключало использования и «буржуазных специалистов». «Основной наш принцип: чисто рабочая организация при полном отсутствии представителей промышленников и буржуазии. Но, стоя на точке зрения практической работы, мы решили широко использовать в наших целях технические силы в качестве исполнителей наших предначертаний... Например, в комиссии по электрификации рек Северного района участвуют видные представители науки»²²³.

Первоначально силы производственных секций СНХ были брошены на обследование ситуации. Петроград – самый сложный город с разветвленной транспортной инфраструктурой, огромным количеством промышленных предприятий, складов, холодильников, финансовых и административных учреждений, банков, ссудных касс, кредитных товариществ, страховых обществ, ломбардов, торговых заведений – магазинов, ларей, складов, ресторанов, трактиров и т. д. и т. п.

И все это пришло в полное расстройство из-за стремительного распада хозяйственных связей, натурализации экономики, инфляции. «Не говоря уже о том, что промышленность нашего Северного района еще до второй, Октябрьской революции оказалась страшно истощена (недостаток металла, сырья, топлива), она вдобавок была приспособлена исключительно для военных целей»²²⁴, – писал Молотов. Убийственной для промышленности явилась потеря доступа к внешним рынкам: неоткуда стало получать оборудование для фабрик и заводов, локомотивы, запчасти и т. д. Перебой с топливом приобрели хронический характер. Электроэнергия поступала не больше трех часов в сутки, по ночам перестали включаться газовые и керосиновые фонари. Центральная отопительная система не функционировала вовсе, народ перешел на дрова и буржуйки. А зима выдалась очень холодной и снежной. В городе практически исчез транспорт. Разрушилась торговля. Соккрытие товаров, перекачка их на черный рынок приобрели угрожающие масштабы. Этому же способствовала волна разбоев и погромов²²⁵. Хлебный паек рабочего составлял 120–180 граммов в день – не прожить. Вспыхнула эпидемия сыпного и возвратного тифа, за ними последовали холера и дифтерит. Из-за массовой безработицы город победившей пролетарской революции стал в массовом порядке покидать пролетариат: к апрелю из 365 тысяч рабочих 220 тысяч разбежались по деревням.

Прояснив эту печальную ситуацию, Молотов выделил для себя систему приоритетов: «Взять в руки дело снабжения промышленности сырьем и топливом»; «поставить на правильный путь и взять в свои руки дело финансирования предприятий»; «выяснить возможные заказы мирного времени для демобилизованной промышленности»; «обратить самое широкое внимание на производство предметов массового потребления»²²⁶. Однако реализовать эти приоритеты не мог бы ни один экономический гений. Так, очень скоро выяснилось, что заниматься надо будет не конверсией, а, наоборот, наращиванием военного производства. А поле власти большевиков сокращалось как шагреновая кожа.

Мощнейшим стимулом для объединения антибольшевистских сил и их перехода к вооруженной борьбе с режимом стал разгон Учредительного собрания. Оно просуществовало 13 часов. В 4.30 утра 6 (19) января 1918 года матрос Анатолий Железняков влез на трибуну, похлопал по плечу председательствовавшего Чернова и сказал: «Больше здесь оставаться нельзя. Через минуту погасят свет. И кроме того, караул устал». Лозунг

восстановления поправной народной воли, воссоздания избранного Учредительного собрания объединил противников большевиков самых разных оттенков.

Еще одной сплывающей противников большевиков темой стали начавшиеся мирные переговоры с немцами, вызвавшие острое чувство национального унижения – особенно в офицерском корпусе. Поодиночке и группами, с фронтов, из Москвы, Питера офицеры потянулись на Дон. В январе 1918 года Корнилов принял на себя командование «армией» в четыре тысячи штыков, с которой выступил в Ледяной поход. Дон и Северный Кавказ стали первыми полями Гражданской войны.

С конца 1917 года национальные окраины, в том числе оккупированные Германией, стали объявлять о своей независимости. За Финляндией (6 декабря) последовали Литва (11 декабря), Латвия (12 января 1918 года), Эстония (24 февраля). В феврале Германия и ее союзники признали Украину независимым государством и подписали с ней сепаратный мир. На территорию Украины были введены немецкие войска, управлявшие марионеточным правительством гетмана Скоропадского. Рухнул Кавказский фронт, под давлением наступавших турок и немцев грузины, армяне и азербайджанцы провозгласили создание независимой Закавказской федерации. Весной о своей независимости объявила Сибирь. К лету 1918 года на территории бывшей Российской империи существовало как минимум 30 правительств.

Огромная часть территории страны оказалась под немецкой оккупацией, что, в свою очередь, давало основания для прямого вмешательства в российские дела со стороны держав Антанты. Ленин, понимая полную беззащитность страны, настаивал на немедленном подписании любого, даже самого «похабного» мира, но большинство ЦК стояло на позиции «левых коммунистов» во главе с Бухариным и левых эсеров, отстаивавших лозунг революционной войны в Европе. 17 февраля кайзер начал масштабное наступление. 18 февраля Ленин за предложение возобновить мирные переговоры впервые получил большинство в ЦК, но было уже поздно: немецкие войска продвинулись в центральные области России, в Крым, подошли к Пскову и Петрограду. Значительная часть Северного района, где Молотов руководил хозяйственной деятельностью, оказалась оккупированной. Германия отреагировала на просьбу о переговорах жесточайшими условиями. 3 марта мирный договор российская сторона подписала, практически не читая. Троцкий: «Брестский мир походил на петлю палача»²²⁷. Левые эсеры в знак протеста покинули Совнарком.

А для Антанты большевики стали еще и людьми, предавшими союзнические обязательства России. Лондон и Париж начали оказывать прямую помощь генералам Каледину, Корнилову, Деникину и Алексееву. Одним из последствий немецкого блицкрига, сделавшего возможным захват Питера, стал переезд 10 марта 1918 года советского правительства в Москву. Через два дня Исполком Петросовета «установил местный орган власти, который будет управлять Петроградской трудовой коммуной под контролем и руководством Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов»²²⁸. На питерском хозяйстве Ленин оставил Зиновьева, который и возглавил Совет комиссаров – новое местное правительство. В городе в качестве комиссаров остались Менжинский (финансы), Молотов (СНХ), Калинин (городское хозяйство), Стучка (юстиция), Смилга (военный округ), Луначарский (просвещение), Володарский (печать и пропаганда).

То, как ленинское правительство бежало, вызвало огромные претензии оставшихся в Петрограде руководителей. 23 марта петроградское начальство направило в ЦК письмо, сохранившееся в архиве Молотова: «Нам оставлен город в отчаянно трудном положении: без денег, без работы, паника, эвакуация и пр. Мы обращались за спешной ассигновкой 100 млн. Нам отвечает Цюрупа в чиновничьем тоне, чтобы сначала мы представили “подробную и тщательнейше разработанную смету”. Это издевка. Что же вы не знаете положения вещей? У нас уже вчера предлагалось взять самим, не дожидаясь московского разрешения. Неужели вы этого хотите? Мы отказываемся работать при таких условиях»²²⁹. Петроградское бюро ЦК стало претендовать на то, чтобы работать во всероссийском масштабе. В ленинские представления о жесткой вертикали власти никак не вписывались городские партбюро с общероссийскими функциями. В центре борьбы двух столиц оказалась фигура Зиновьева, за которым замечали стремление стать «Лениным петроградского масштаба».

Григорий Зиновьев, сын владельца молочной фермы, большую часть своей жизни провел за границей. Учился (но не доучился) на химическом и философском факультетах Бернского университета, жил в Париже и в Берлине. У Молотова были все шансы сблизиться с ним. Однако отношения с Зиновьевым не сложились. Молотов для него – ближайшего помощника Ленина, похоже, представлялся слишком мелкой сошкой. Причины антипатии Молотова, правда, много позднее, описывал Батрак: «После того недостойного поведения, которое было проявлено Зиновьевым в решающие октябрьские дни, было трудно

видеть в нем высокий партийный авторитет. Кроме того, Зиновьев старался держаться независимо от местной организации и подбирал себе работников не столько способных, сколько удобных. Молотов не мог спокойно проходить мимо этого, и на этой почве не раз происходили резкие столкновения»²³⁰.

Своим поведением и устанавливаемыми в городе порядками Зиновьев вызывал массу язвительных комментариев. Весь город судачил о семейственности в его окружении. Только за 1919 год вышло из печати 19 книг с его речами, выступлениями и эссе, печатались портреты и открытки с его изображением. Кинотеатр «Художественный Выборгский» был переименован в «Государственный свето-театр имени тов. Зиновьева». При этом он не проявлял большой организованности в делах и часто впадал в приступы отчаяния, меланхолии или рефлексии. Экономикой Зиновьев занимался мало, и с его стороны Молотов имел достаточную свободу рук. Но не со стороны Москвы.

Экономические взгляды Ленина первоначально были более умеренными, чем та политика, что была претворена в жизнь. Он капитулировал под напором «левых коммунистов», профсоюзов, фабзавкомов и левых эсеров. Библией новой политики стала книга Осинского «Строительство социализма», где были перечислены все главные этапы построения социализма: овладение банками, национализация промышленных и сельскохозяйственных предприятий – как крупных, так и мелких; национализация торговли, ликвидация свободного рынка, введение принудительной трудовой повинности. Осинский покинул пост руководителя ВСНХ в знак протеста против Брестского мира. Ленин назначил на освободившуюся вакансию Алексея Рыкова. Он учился на юрфаке в Казанском университете, выезжал к Ленину в Женеву, шесть раз был в ссылке. Хозяйственный опыт Рыкова сводился к нескольким месяцам службы в Саратовской губернской земской управе. И именно он запустил в полном объеме процесс социалистического переустройства экономики.

Молотов описывал начальный этап национализации в статье, опубликованной летом 1918 года в органе СНХ СР «Новый путь»: «Бьет час капиталистической собственности. Экспроприаторы экспроприируются». В таких художественно кратких и сильных словах характеризовал Маркс главный момент социалистической революции... С первых же дней новая власть приступила к национализации промышленности. Этот процесс растянулся не на один «час». Он не имел по вполне понятным причинам и определенной системы, даже приблизительного плана. Национализация касалась в большинстве случаев от-

дельных крупных предприятий и имела репрессивный характер. Национализировалось предприятие за неподчинение рабочему контролю, за противодействие новой советской власти, за саботаж и т. д.

Но особенно важно, что все больше стал выдвигаться принцип планомерной национализации целых отраслей промышленности, в которых особенно была заинтересована государственная власть. Так, были национализированы водный транспорт, сахарная промышленность, нефтедобыча и намечены к национализации ряд других отраслей. 28 июня был издан Декрет о национализации огромного большинства крупных предприятий. Под действие этого декрета подпали горные, металлургические, металлообрабатывающие, текстильные, электротехнические, лесопильные и деревообрабатывающие, табачные, резиновые, стекольные, керамические, цементные, кожевенные и другие предприятия, принадлежащие обществам и паевым товариществам и имеющие определенной величины основной капитал (для каждой отрасли промышленности устанавливалась своя норма)²³¹. Декрет СНК от 28 июня действительно имел революционное значение, положив начало форсированной и систематической национализации.

Но Молотову все же гораздо больше внимания приходилось уделять пласту проблем, связанных не со «штурмом небес», а с физическим выживанием трудящихся. Жизнедеятельность всей России (и хуже всего пришлось самому крупному и современному мегаполису) зависела от стабильных поставок тысяч групп товаров со всей страны. Молотов констатировал: «Мы видим, что этот колоссальный промышленный центр в настоящее время, несомненно, если не умирает, то временно засыпает»²³². Из 799 заводов, обследованных СНХ СР к 1 апреля, хоть как-то теплились 534, сокращение числа рабочих составило 57 процентов. На это наложилась затея Москвы с эвакуацией питерских предприятий – подальше от немцев и поближе к источникам сырья, – которая была дорогостоящей, во многом бессмысленной и трудновыполнимой²³³. Главным дефицитом, сдерживавшим все остальное, были энергоресурсы. В городе было до трети от потребных по «голодной норме» запасов жидкого топлива и только одна пятая – твердого.

– Донецкий уголь к нам теперь не поступает, и мы во что бы то ни стало должны озаботиться созданием новых видов топлива, – говорил Молотов. – В этом отношении СНХ предпринимает энергичные меры, как то: разработку торфа, подготовку работ по добыванию ухтенской нефти, производство белого

угля и, наконец, электрификацию Северного промышленного района²³⁴.

По линии Совнархоза было заготовлено 5 миллионов пудов дров и торфа. Началось строительство гидроэлектростанции на Волхове. Критическим было положение со снабжением промышленности сырьем:

– Налицо имеется слишком небольшой запас металлов, не превышающий $\frac{1}{6}$ нормального годового запаса района. Текстильная промышленность обеспечена хлопком лишь на один месяц, и в мае пришлось закрыть все фабрики, чтобы выяснить запасы и установить, какие из фабрик смогут работать. Нет материалов и у деревообрабатывающей промышленности, причем для получения этих материалов пропущено время сплава. В деле производства пищевых продуктов ненормальность положения заключается в том, что в лучших условиях находятся мелкие фабрики, которые трудно контролировать и которые содействуют развитию спекуляции. Запасы материалов для химической промышленности имеются на один месяц²³⁵.

Стимулировать работу промышленности было решено через выдачу госзаказа тем предприятиям, которые производили приоритетную продукцию. В привилегированном положении оказалась металлургическая секция СНХ.

Экономический кризис обострил отношения между властью и остававшимся в городе пролетариатом, возобновились забастовки. Молотов занимался рабочим вопросом прежде всего с точки зрения организации и оплаты труда. Причем здесь его политика шла явно вразрез с рецептами «левых», настаивавших на скорейшем внедрении безденежных и уравнительных принципов: «Пролетариат сам через свои союзы, через Совет народного хозяйства вырабатывает свои нормы труда, норму выработки, которая была бы обязательна для каждого рабочего, нужен переход к нормам сдельной платы, против которой мы были до того времени, пока пролетариат не взял власть в свои руки»²³⁶. Результат, кстати, не заставил себя ждать. В начале 1919 года Рыков констатировал: «В Петрограде на ряде предприятий была введена сдельная заработная плата, и это дало повышение производительности труда на 30–50 процентов»²³⁷.

Для противодействия безработице упор был сделан на общественные работы. Как докладывал Молотов на I съезде совнархозов в Москве, «СНХ вместе с другими экономическими комиссариатами Совета Питерской коммуны создал комитет по организации работ для безработных, и 100 миллионов, ассигнованные для борьбы с безработицей, более чем на треть употреблены как на различные работы по ремонту улиц, город-

ских зданий, так и на разработку торфа и постройку новой железнодорожной круговой линии вокруг Питера»²³⁸.

Всеобщий дефицит только усилился с введением весной 1918 года карточной системы. Ситуацию со снабжением горожан смягчал все еще сохранявшийся частный сектор, в городе вновь заработали рестораны, кухмистерские, трактиры, чайные, магазины и рынки. Однако большевиков это как раз и не устраивало. «Предоставить в настоящее время свободу торговли – значит, поставить себя в полную зависимость от господ спекулянтов»²³⁹. Вытеснение частной торговли предполагало создание колоссального нового аппарата в самой заманчивой сфере жизнедеятельности голодного города – распределения. Причем главными конкурентами СНХ СР выступали отделения центральных наркоматов продовольствия, а также торговли и промышленности, созданный Зиновьевым комиссариат снабжения и распределения с подчиненными ему губернскими компродами, Горпродукт с разветвленной структурой служб, Комитет городского хозяйства и экономические отделы совдепов во всех районах. Растущая армия новых чиновников делила стремительно уменьшавшийся экономический пирог. Серьезно осложняло торговлю расстройство денежного обращения. Большевистское правительство до весны 1919 года вообще не решалось печатать собственные денежные знаки, продолжая штамповать «керенки». А для экспроприации крестьянства были применены вовсе не денежные средства.

Крестьяне, по замыслу новой власти, должны были сами мирно поделить землю – и общинную, и помещичью – на равные доли, вознося хвалу осчастливившему их правительству, и завалить города дешевым хлебом. Расчет на стихийный крестьянский социализм не оправдался. В России попросту не было достаточного количества земли, чтобы оделить ею всех страждущих. «Революционное крестьянство убивало, резало, жгло, делило и уничтожало, – писал крупнейший экономист-аграрник начала прошлого века Лев Литошенко. – Вместо друженно настроенных масс перед советской властью стояла глухой стеной мелкобуржуазная стихия»²⁴⁰. И никакого продовольствия городам.

Молотов был среди тех, кто видел выход в создании крупных социалистических предприятий: «В области земледелия, несомненно, та социализация, которая была проведена в октябре, будет приносить нежелательные плоды; нужно всеми мерами поддерживать крупные социализированные хозяйства, объединять мелкие в одно крупное»²⁴¹. Эти идеи в партийном руководстве разделялись, но только как побочная ветвь в

новой генеральной линии, которую озвучил Свердлов на заседании ВЦИКа 20 мая 1918 года: «Если нам удастся восстановить деревенскую бедноту против деревенской буржуазии, – только в том случае мы сможем сказать, что мы по отношению к деревне сделаем то, что смогли сделать для городов»²⁴².

Начиналось провоцирование классовых противоречий на селе, что включало в себя формирование комитетов бедноты, сортировку крестьян на бедных и богатых (кулаков) с реквизицией ресурсов у последних в пользу городов. «В 1918 г. партия и соввласть не могли осуществить основной экономической задачи пролетарской революции того времени – задачи снабжения хлебом рабочих и борющейся за советскую власть Красной армии без суровой, без беспощадной борьбы с кулачеством. Поэтому партия постановила уже тогда своей задачей перенести непосредственную борьбу с буржуазией, а тем самым борьбу за создание предпосылок для движения к социализму, из города в деревню. Комбеды, производившие раскулачивание деревни, осуществляли именно эти задачи»²⁴³, – подчеркнет Молотов в статье, вышедшей в 1924 году.

На защиту землепашца встали левые эсеры. Крестьянство, вместо того чтобы раслоиться, скорее консолидировалось в оппозиции общему врагу – городскому рабочему. «Кулацкие восстания» того времени были восстаниями общекрестьянскими. Правительство ответило силой. Не случайно, что Декрет об обязательной воинской повинности, изданный 29 мая, совпал по времени с организацией продотрядов. Отправить всю Красную Армию на заготовки продовольствия помешали только восстание белочехов и интервенция.

Особую роль в начале Гражданской войны сыграл бунт чехословацкого легиона, который большевистское правительство непредусмотрительно разрешило эвакуировать во Францию весьма окольным путем – по Транссибу через Приморье. Чехословаков вывел из себя приказ только что назначенного наркомом обороны Троцкого о разоружении легиона и присоединении его к Красной Армии или к «трудовым батальонам». Легион овладел Транссибом и сверг советскую власть во всех расположенных вдоль него городах. В Архангельске и Мурманске были дислоцированы Американские экспедиционные силы в Северной России (AEFNR), во Владивосток прибыли японцы, англичане и два американских пехотных полка с Филиппин.

Какими бы мотивами ни руководствовались западные страны, большевиков их поведение наводило на предсказуемые выводы, которые делал Молотов: «Правительства империалистических государств не скрывали в те времена, что их

главной и неизменной целью было “задушить в колыбели” только что появившуюся на свет Советскую социалистическую республику»²⁴⁴. С внешней поддержкой 25 июня начала свою вторую кубанскую кампанию Добровольческая армия Антона Деникина. Страна пошла стенка на стенку, погрузившись в ужас братоубийственной бойни.

Во все более жесткую оппозицию большевикам переходили партии социалистической интеллигенции. Работники умственного труда не могли простить унижения нищетой, потери чувства достоинства, социального статуса. Оппозиционные резолюции учительских, студенческих, медицинских и прочих организаций и учреждений были в порядке вещей. 20 июня Сергеев из возобновившей свою деятельность боевой организации правых эсеров застрелил коллегу Молотова по питерскому руководству – Володарского. Ответный удар был направлен против собрания уполномоченных фабрик и заводов, чье эсеро-меньшевистское руководство за призывы к забастовке было признано контрреволюционным и арестовано.

6 июля эсер-чекист, лирик и любитель стихов Яков Блюмкин застрелил германского посла Мирбаха. Дзержинский, попытавшийся добиться его выдачи, был арестован. После этого левые эсеры, располагая двумя тысячами штыков, захватили в Москве Центральный телеграф и стали арестовывать большевистских чиновников. На сторону мятежников перешел и главнокомандующий Красной Армии Муравьев. Троцкий успел привести два батальона латышей под командованием Вацетиса, и в течение дня восстание было подавлено. Муравьев застрелился. 9 июля V Всероссийский съезд Советов исключил левых эсеров из Советов всех уровней. Эта дата знаменует собой фактическое установление однопартийной системы в России.

Мятеж левых эсеров, Гражданская война, крестьянские выступления подвигли большевиков к ужесточению террора. 17 июля 1918 года в Екатеринбурге была расстреляна царская семья – Николай II, Александра Федоровна, цесаревич Алексей, великие княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. Молотова порой спрашивали, зачем казнили царя и знал ли об этом Ленин. Причину он всегда называл одну и ту же: нельзя было давать в руки белогвардейцев столь большое и привлекательное знамя, как император. Конечно, Молотова не было в Москве, когда принималось это решение. Но он мысли не мог допустить, чтобы кто-нибудь, кроме Ленина, был способен сказать последнее слово.

В августе из-за недоедания забастовали рабочие многих питерских предприятий, включая оборонные. В «Петроград-

ской правде» было опубликовано обращение Молотова с фактическим ультиматумом рабочим Путиловского завода: «Сосчитайте, сколько фронтов создали империалисты разных мастей для наступления против революционного пролетариата и крестьянской бедноты! Поймите, что не Советская власть, а преступная воля мародеров и корыстные интересы спекулянтов и купцов-кулаков оставляют рабочих в городах без куска насущного хлеба!» Молотов ставил путиловцев перед альтернативой: «Выпускать нужную продукцию либо закрыть завод»²⁴⁵. Путиловский закрывать не пришлось.

Поводом для окончательного оформления политики «красного террора» послужили два покушения. Утром 30 августа председатель Петроградской ЦК Урицкий был застрелен студентом Политехнического института поэтом Леонидом Каннегисером. Вечером в Москве на заводе Михельсона тремя выстрелами из браунинга эсерка Фанни Каплан ранила Ленина. На похоронах Урицкого 1 сентября Молотов слышал слова Зиновьева:

– Пробил час раздавить гадину²⁴⁶.

Всего за Урицкого казнили 800–900 классово чуждых горожан. По инициативе Свердлова и Дзержинского было принято постановление «О красном терроре». В Москве были публично расстреляны 80 человек, среди них несколько высших царских сановников. В «Еженедельнике ЧК» губернские чрезвычайные комиссии рапортовали о количестве расстрелянных.

Если летом 1918 года положение большевиков выглядело совершенно безнадежным, то осенью оно начало стабилизироваться. Милиционнно-добровольческие методы военного строительства, которые первоначально отстаивал Ленин, были отброшены. Возвращались к дореволюционным принципам оборонной работы, что облегчалось возвращением в строй профессиональных офицеров, которые стали записываться в Красную Армию после начала интервенции. А большевистские комиссары несли ответственность за лояльность командующих всех уровней. Красные войска сумели отбросить чехов от Волги к Уральским горам, однако власть на востоке страны сосредоточилась в руках адмирала Колчака, провозглашенного Верховным правителем России.

В ноябре 1918 года в Германии грянула революция, свергнувшая кайзеровский режим. Было подписано перемирие, положившее конец Первой мировой войне. Но в России белые армии никак не хотели становиться эффективными или устанавливать демократическую власть, а большевики никак не свергались. Великобритания направила тридцатитысячную

армию в Закавказье, а в Одессе высадились французская и две греческие дивизии. В Омске находились два английских батальона, а также несколько французских и итальянских отрядов. Американцы, японцы и чехословаки по-прежнему контролировали Дальний Восток и Транссибирскую магистраль.

Расширение масштабов войны заставило большевиков превращать страну в осажденный военный лагерь, что напрямую отразилось и на работе СНХ СР. Во-первых, как говорил в декабре 1918 года Молотов на Восьмой общегородской конференции РКП(б), «в тот момент, когда все уже было налажено для мирной промышленности, Советской власти пришлось перейти к возобновлению военной промышленности»²⁴⁷. В январе 1919 года в связи с угрозой со стороны войск Юденича по подобию ленинского Совета труда и обороны (СТО) был создан Комитет рабочей обороны Северной области. Молотов руководил в нем «подготовкой и производством материально-технических сил для обороны». Главной продукцией в городе стали артиллерийские орудия, порох, патроны, шинели, гимнастерки, шанцевый инструмент и инженерное оборудование. А на Ижорском заводе выпустили три бронепоезда. Белогвардейцы военное производство так и не наладили.

Во-вторых, продолжились реформы, генерируемые Лариным. В системе Совнархозов началось создание отраслевых трестов. Их горизонтальными органами выступали главки – Главсоль, Главбум, Главуголь, число которых к моменту превращения ВСНХ в Госплан в 1921 году достигнет сорока двух. В Петрограде система трестов тоже появилась, но выглядела не такой громоздкой. В декабре Молотов отчитывался: «Трестов у нас, вполне организованных, пока три: объединение металлистов, текстильной промышленности и бумажного производства»²⁴⁸.

В-третьих, были предприняты первые попытки организации планового хозяйства. Для Молотова эта идея была весьма близка. «Рынок, слепая игра случая и наживы, темные делишки спекулянтов и жадные костяшки счетов капиталистов – вот что направляло производство, вот что заставляло рабочих делать то или другое, выбрасывать кучами продукты на рынок! Власть рабочих и должна поставить основной своей задачей в экономической области устранение этого коренного и разъедающего зла капиталистического строя»²⁴⁹. Первым опытом планирования стали попытки выработки производственных программ секцией СНХ СР по металлу на сентябрь – декабрь 1918 года»²⁵⁰.

В-четвертых, после наступления на частную торговлю в Москве и Петрограде было легализовано «полуторापуд-

ничество»: крестьяне получили право привозить в города и продавать по рыночным ценам до полутора пудов зерна. Это позволило избежать массового голода очень холодной зимой 1918/19 года, когда угроза его была абсолютно реальной. Ленин фактически признал, что политика комбедов и продовольственной диктатуры потерпела провал. 11 декабря был издан декрет Совнаркома «О продовольственной разверстке», при которой конфискация всех излишков заменялась нормой зерна, подлежащей сдаче. Определенность государственных требований оказалась шагом вперед в налаживании отношений с крестьянством. Однако о взаимопонимании речи не шло, поскольку крестьяне по-прежнему трактовали дарованную им революцией волю как свободу от каких-либо обязательств перед государством.

Нехватка продовольствия по-прежнему давала о себе знать, в том числе и вспышками протеста на фабриках и заводах Петрограда. 15 марта 1919 года заседание ПК РКП(б), рассмотревшее положение на предприятиях Невского района и на Путиловском заводе, закончилось принятием решения: «Ввиду агитации, ведущейся левыми эсерами, занять завод отрядом из кронштадтцев-матросов, прибавив 200 коммунаров из районов. Пропускать на завод только рабочих и служащих, которые согласились стать на работу. Паек и жалованье выдавать только работающим, посторонних не пропускать»²⁵¹. Это было последнее заседание ПК, на котором присутствовал Молотов. Вскоре после него он отправился в Москву – на VIII съезд партии.

Съезд был бурным. Ленин выступал восемь раз, отбиваясь от атак с самых разных сторон. Молотов был свидетелем, но не участником агрессивной и на редкость бессмысленной полемики Бухарина с Лениным по проекту новой партийной программы. Бухарин доказывал, что в ней не надо давать характеристику простого товарного производства, а право на самоопределение признать только за национальным пролетариатом, но не за нацией в целом. Ленин и его сторонники долго убеждали делегатов в обратном. Во весь голос заявила о себе «военная оппозиция» – Смирнов, Сафаров, Пятаков, – выступавшая против опоры на военспецов. На съезде впервые зазвучала тема бюрократического перерождения партии – в исполнении Осинского и председателя Московского губисполкома Сапронова, которые оформят группу сторонников «демократического централизма» (децистов). Поскольку внутрипартийная демократия в условиях диктатуры пролетариата была чем-то из области политического и народного фольклора, критика бюрократических извращений с тех пор прочно вошла

в арсенал любых внутрипартийных оппозиционеров, а также противников большевиков.

Молотов голосовал вместе с Лениным и взял слово лишь однажды, чтобы внести конкретное предложение:

– Насколько мне известно, кадетская партия, партия меньшевиков и эсеров и ряд других, когда они были легализованы, имели для обсуждения организационных вопросов особый орган, так называемые «Партийные известия». В этом смысле <следует> создать специальный партийный орган по типу двухнедельного или еженедельного журнала, посвященный специально обсуждению вопросов партийного строительства²⁵².

Эта инициатива отразилась соответствующей записью в Программе РКП(б): «Центральному комитету поручается наладить еженедельное издание “Известия ЦК”, посвященные целиком партийной жизни»²⁵³.

Весьма существенным решением съезда, на котором много говорилось о внутрипартийной демократии, стало создание Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК. К ним вскоре и перейдут все рычаги партийного и государственного управления. В Политбюро вошли Ленин, Каменев, Крестинский, Сталин и Троцкий, кандидатами стали Бухарин, Зиновьев и Калинин. Оргбюро составили Крестинский, Сталин, Серебряков и Ставова.

Вернувшись с VIII съезда в Петроград, Молотов почти сразу же оказался в больнице. Слово Батраку: «В марте 1919 года тов. Молотов тяжело заболел сыпным тифом и пролежал несколько недель в больнице. Лечил его профессор Кондратович. Когда прошла высокая температура и начал понемногу поправляться, он очень сильно затосковал по работе, по товарищам. Когда навещали его товарищи, он жадно забрасывал их вопросами, что делается вокруг на белом свете. Говорил, что никакой тиф не сладит с ним, а вот помереть от тоски, наверное, можно»²⁵⁴.

По выздоровлении Молотов уже не вернулся на прежнюю работу. Причиной этого и он, и его биографы единодушно называли конфликт с Зиновьевым. «Болезнь выбила тов. Молотова из нормальной колеи, – пишет Батрак. – Кроме того, отношения с Зиновьевым, который в это время стоял во главе партийно-советской работы в Петрограде, были очень натянутыми. У тов. Молотова, естественно, возникла мысль переменить работу, а у Зиновьева – избавиться от беспокойного человека. Молотов был направлен в распоряжение Центрального Комитета и весной 1919 года очутился в Москве»²⁵⁵.

Человек из Центра

Это была инициатива Ленина. После того как войска чехословаков и Колчака были отброшены за Волгу и за Урал, на очищенных территориях начали устанавливать большевистскую власть. Было решено назначить уполномоченного РКП(б) и ВЦИКа по работе в Поволжье, который должен был на корабле пройти по Волге и Каме, агитируя там за советские порядки, а где надо – и утверждая их. Таким уполномоченным и политкомиссаром агитпарохода «Красная Звезда» и был назначен Молотов.

Пока пароход, в дореволюционном девичестве носивший название «Антон Чехов» и предназначавшийся для волжских прогулок царской семьи, готовился в путь в одном из нижегородских затонов, Молотов отъехал в Киев. Там под украинским солнцем он намеревался немного прийти в себя после болезни. Остановившись у своего товарища по политеху и «Правде» Лебедева, с помощью почты и телеграфа подбирал кадры для агитпарохода, решал вопросы материально-технического снабжения.

Ленин проявлял настолько большую заинтересованность в успехе экспедиции, что решил делегировать на Волгу самое дорогое – собственную супругу, которая стала представителем Наркомата просвещения на пароходе. Правда, есть мнение, что на самом деле Крупская решила на время сбежать от мужа²⁵⁶. Остальной агитсостав Молотов формировал сам с помощью других наркоматов, каждый из которых делегировал своих представителей. При подготовке и проведении экспедиции Вячеслав Михайлович проявил фантастический педантизм. Он лично написал детальнейшие инструкции (сохранились в архиве) всем участникам процесса: самому себе, коменданту, помощнику коменданта, заведующим пароходно-технической частью, книжным складом, хозяйством, информационно-справочным столом. Кроме того, были подготовлены специальные инструкции по внутреннему распорядку и по счетоводству. С каждым из будущих коллег, включая краснофлотцев и охрану, Молотов проводил собеседования и инструктаж.

Отъезжали из Москвы вечером 27 июня. Батрак оставил зарисовку: «На Курском вокзале, обычная в годы Гражданской войны, происходила суматоха. Шумели и толкались с винтовками за плечами красноармейцы, лезли напролом мешочники, носильщиков почти не было. Поэтому отъезжавшие на пароходе во главе с тов. Молотовым сами таскали и грузили свои вещи. За суматохой даже не заметили, как на перроне появился Вла-

дмир Ильич. Его первая заметила Надежда Константиновна. Подошла к нему и стали разговаривать. Ильич с улыбкой поглядывал на хлопотно у вагона отъезжавших москвичей. Вскоре и посторонняя публика заметила Владимира Ильича. Среди нее начался шепот, потом вполголоса, наконец, вокруг Владимира Ильича образовался полукруг из посторонней публики. В это время к Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне подошел тов. Молотов, поздоровался с Ильичом и вступил с ним в беседу. Публика с жадным любопытством всматривалась в трех необычных на вокзале собеседников.

Наконец, колокол ударил к отходу поезда. Стали подходить прощаться с Владимиром Ильичом. Ильич не говорил: “Будьте счастливы” или “Счастливого пути”. Нет, он пожимал довольно крепко руку и бросал, улыбаясь: “Работайте лучше. Помните: хлеб – Москве”»²⁵⁷.

Без всякой просьбы со стороны Молотова Ленин достал блокнот с бланками председателя Совнаркома и от руки выписал ему удостоверение. «Податель сего – лично мне известный старый партийный работник тов. Молотов, уполномоченный ВЦИК на литературно-инструкторском пароходе “Красная Звезда”. Прошу все власти и учреждения оказывать ему всяческое содействие и по возможности не передавать военные сообщения, давать ему прямой провод. Пр. СНК Ульянов (Ленин)»²⁵⁸.

К вечеру следующего дня добрались до Нижнего. Крупская пишет в дневнике: «Водворились, наконец, на “Красной Звезде” (бывший “Антон Чехов”). Рядом стоит баржа, окрашенная в ярко-красный цвет и украшенная рисунками. Эта баржа пойдет с нами: на ней будет кинематограф, книжный склад и магазин, электрическая выставка. На “Красной Звезде” – радио и типография, в пути будет выходить газета. В Доскинском затоне, где стоит наш пароход, тучи комаров, но местность прекрасная. Ока, гористый, покрытый лесом берег»²⁵⁹. Политком Молотов обосновался в двухместной каюте № 1, полагаю – царской. Инструктор наркомпроса Крупская – в одноместной № 7.

Естественно, на месте выяснилось, что к отплытию готово далеко не все и несколько дней придется еще пробыть в городе. Гостеприимным хозяином выступал председатель Нижегородского губкома и губисполкома Лазарь Каганович, с которым Молотов тогда впервые познакомился. Молодому 26-летнему сыну прасола (поставщика скота на бойню) из еврейского местечка под Киевом не довелось поучиться в школе, с юных лет он сменил множество рабочих профессий – от обувщика до мельника и кондитера. После Февральской революции Каганович был председателем Союза кожевников и зампредом Сова-

та в Юзовке, в октябре 1917 года провозгласил власть большевиков в Гомеле, а весной 1919 года был отправлен руководить Нижним. «Привлекательная и представительская внешность, громкий голос, умение хорошо говорить и быстро схватывать обстановку, незаурядные природные способности быстро выдвинули его в первые ряды революционных деятелей²⁶⁰, – описывал Кагановича невозвращенец Григорий Беседовский.

Маршрут «Красной Звезды» намечался такой: сначала по Волге до Казани, потом – вверх по Каме, насколько это позволят навигация и военные действия, а осенью – вернуться и спуститься вниз по Волге вплоть до линии фронта. Отчалили 6 июля. Плыли ночью, а днем останавливались на очередной пристани, будь то город, село, завод или посад. Поскольку для посещаемых мест, особенно небольших, не избалованных развлечениями, агитпароход был совершенной экзотикой, аншлаг был обеспечен. На пароходе и особенно на прицепленной за ним барже, где показывали кино и продавали книжки, перебивали чуть ли не все жители посещавшихся мест. Везде митинги, беседы, обязательные встречи с местным начальством, ревизии и инструктаж в госорганах. Как вспоминала Крупская, «перед каждой остановкой т. Молотов собирал нас, работников “Красной Звезды”, и мы тщательно обсуждали план выступлений, план той организационной работы, которую надо провести. Потом собирались после остановки и подводили итоги. Такая организация работы давала очень много»²⁶¹.

Приход «Красной Звезды» стал событием даже в жизни Казани, войдя в анналы ее официальной советской истории²⁶². 10 июля Молотов открывал 5-й съезд Советов Казанской губернии:

– Мы видим, что банды Колчака, которые были год тому назад в районе почти всех волжских губерний, далеко отогнаны, и эти банды, наверное, уже не возвратятся в Советскую Россию. Но мы видим, что в то время, как ослаб Восточный фронт, вырос новый фронт империалистических стран. Правая рука Колчака – генерал Деникин, рука, которая в настоящий момент вытянулась и схватила рабоче-крестьянскую власть на Юге и хочет ее задушить. Мы знаем, что господство чехословацких банд было непродолжительно, тем более господство Деникина – империалистов и помещиков – на Юге будет тоже непродолжительным. Мы не тешим себя радужными надеждами и утешительными словами, что победа близка. Правда одна, что борьба идет тяжелая, требуется напряжение всех сил рабочих и крестьян, потому что против нас идут империалисты всех стран²⁶³.

Митинги повсюду проходили на удивление мирно. Да, люди были недовольны ценами и спекуляцией, привилегиями совслужащих, которые «в столовой едят, да еще к себе ведрами носят щи да кашу, да еще всякое в узелках» (Сормово). Они были недовольны запретами на кустарные промыслы, изготовление бус или даже на производство рыболовных крючков, чтобы не отнимать металл у фабрик и заводов (Васильевсурск). В одном городе на Каме крестьяне подали протест с сотнями подписей против такого нововведения, как детские сады: в них они видели средство забрать детей из семей, чтобы записать в солдаты. Но в целом, как замечала Крупская, «обычно встречали очень горячо». Она называла только одно собрание – в Чистополе, «которое было настроено недоброжелательно»²⁶⁴. Важнейшую причину позитивного отношения к агитаторам из центра Крупская видела в том, что они были не так плохи по контрасту с прошедшими по тем краям белыми²⁶⁵.

Пароход «Красная Звезда», как и любой коллектив, жил не только работой. Были развлечения, приключения, интриги, казусы и житейские неурядицы. Наиболее серьезной проблемой, полагаю, было присутствие на борту Надежды Константиновны. Она постоянно болела. «У меня от постоянных выступлений взбесилось сердце, ноги распухли и покрылись экземой, приходилось отлеживаться»²⁶⁶. От политкома парохода требовалось немало усилий, чтобы обеспечить необходимый медицинский уход, и нервной энергии, чтобы нести персональную ответственность за жизнь и здоровье жены главы правительства. Если цель ее путешествия на Волгу заключалась в том, чтобы заставить Ленина обратить на нее больше внимания, то замысел явно удался. Он вдруг проявил к своей жене огромный интерес, засыпал ее посланиями, а начальника корабля – вопросами о ее самочувствии. Молотову пришлось опять, как в 1912 году, вести переписку со «Стариком», хотя на сей раз она носила совершенно неполитический характер. 15 июля Ленин писал Крупской: «Вчера получил телеграмму Молотова из Казани и ответил ему так, что ты должна была получить до отхода из Казани, назначенного, как мне сказали, в 3 часа ночи. От Молотова узнал, что приступ болезни сердца у тебя все же был. Значит, ты работаешь не в меру»²⁶⁷. Крестинский, возвращавшийся в Москву через Пермь, увез Надежду Константиновну в столицу.

Очевидно, что контакт с семьей вождя сыграл роль в последующем карьерном росте Молотова. «Мне эта поездка дала страшно много, – писала Крупская. – После поездки мне было что рассказать Ильичу, и с каким громадным интересом он

слушал, как он не оставлял без внимания ни одной мелочи»²⁶⁸. Молотов говорил, что Ленин высоко оценил результаты его корабельных трудов.

По Каме, а затем вниз по Волге быстро дошли почти до прифронтовой полосы, за которой начинался Царицынский фронт. Уже слышен был гул орудий, время от времени показывались военные самолеты. На случай нападения белогвардейцев на палубе по бортам парохода были положены мешки и установлены пулеметы. До Царицына, который планировался в качестве завершающего пункта агитплавания, так и не дошли. Там еще располагались войска Деникина. Пароход двинулся обратно вверх по Волге. В описании маршрута заключительного этапа плавания возле названия каждого населенного пункта стоит примечание: «Продовольственная остановка». Было решено погрузить на баржу для Москвы около пяти тысяч пудов хлеба. Батрак не оставил без внимания героический трудовой порыв, которым были охвачены пассажиры «Красной Звезды»: «Тов. Молотов шутя сказал:

– Мало иметь только широкую спину. Надо еще иметь силу, ловкость и выдержку, – и принялся за работу.

Он таскал по два мешка на спине весом около девяти пудов, соперничая с лучшими силачами. Переносили мешки по узенькому трапу и крутой лесенке в трюм. Это был настоящий коммунистический субботник»²⁶⁹.

Были развлечения и иного рода. Так, Молотов неизменно побеждал в корабельных соревнованиях по плаванию на противоположный берег.

Агитпароход «Красная Звезда» завершил свою миссию, встав на якорь в Нижнем Новгороде 20 октября 1919 года. Молотов, как водится, подготовил подробный отчет о проделанной работе. Пароход совершил 63 остановки, его актив работал в 95 населенных пунктах, где обследовал 75 советских организаций и 71 партийную. Содержательные выводы Молотов записывал на отдельные листочки, на которых стояла пометка «Для центра». Молотов прагматичен. Основные проблемы, как он отметил, заключались в отсутствии инструкций из Центра и системы связи с местами, слабости учета и контроля, организационной неразберихе. Такой взгляд во многом отражал его управленческий стиль – деполитизированный, нацеленный на решение поставленных партией задач через оптимизацию работы аппарата. Впрочем, советский и партийный аппарат еще предстояло создать. Этим Молотов займется чуть позже.

А осенью 1919 года в ЦК решили, что Молотову следует остаться в Нижнем Новгороде в качестве председателя губиспол-

кома и члена бюро губкома РКП(б), чтобы сменить Кагановича, откомандированного руководить в Воронеж. Молотов занял новый пост в один из критических для большевистской власти моментов. В ноябре Добровольческая армия Деникина, двигаясь на север, заняла Орел и вступила в Тульскую губернию. На северо-западе вновь активизировался Юденич. В Нижнем было не так голодно, как в Петрограде, но тоже тяжело. Промышленное производство в Нижегородской губернии упало до 15 процентов от уровня 1913 года, и почти все предприятия работали на оборону. Посевные площади сократились. Шли массовые партийные мобилизации и вербовка добровольцев на фронт²⁷⁰.

В Нижнем Новгороде Молотову выделили апартаменты – комнату с прихожей. Как рассказывал его большой друг с того времени писатель Сергей Малашкин, комнату отмечало отсутствие какой-либо мебели, кроме кровати. Губисполком размещался в Кремле, в бывшей резиденции губернатора, переименованной в Дворец Свободы. Нельзя сказать, что местное начальство встретило Молотова с распростертыми объятиями. Скорее наоборот. Через год он поделится своими ощущениями с Анастасом Микояном, который сменил его в Нижнем: «Там крупная партийная организация, в основном состоящая из рабочих. Почти все члены губкома – дореволюционные коммунисты, тоже из рабочих. Но обстановка сложная, резко проявляются местнические настроения: работников из других губерний принимать не желают. Среди партийцев немало случаев морального разложения, злоупотребления спиртными напитками, несмотря на “сухой закон”»²⁷¹. Еще более откровенен Батрак: «Собутельничество, кумовство были в полном ходу. Понятно, как должны были встретить тов. Молотова, человека свободного от местных традиций. Сперва к нему присматривались в надежде, что он превратится в “своего человека”. Когда почувствовали с первых же шагов его работы, что это напрасные надежды, началась глухая упорная борьба»²⁷².

В таких «товарищеских» условиях Молотов приступил к работе. Его набросок к первому отчету о деятельности губисполкома дает некоторое представление об основных приоритетах. «Первые месяцы проходили под знаком усиления белогвардейского наступления на Советскую Россию; в Нижегородской губернии усилились дезертирство и бандитизм – в результате введено было военное положение; контрреволюция не могла укрепиться в Нижнем. Организационные задачи, стоявшие перед губкомом – перевод советских учреждений на боевую ногу: сокращение коллегиальности, штатов, усиление ответственности, работа в сроки. Практические за-

дачи: продовольствие, топливо, эпидемии, разгрузки, трудовые повинности»²⁷³.

Основные принципы организации советской работы Молотов изложил в докладе на VIII губернской партконференции 17 января 1920 года. Опираясь на решения VII Всероссийского съезда Советов, который определил, что советский строй проводит волю трудящихся, постепенно вовлекая население в работу по управлению государством через их участие в формировании и работе Советов, Молотов доказывал, что в перспективе это должно привести к уничтожению самой государственной машины с ее чиновничеством. Пока же требовалось единство в работе всех советских органов, для чего все Советы – сельские или рабочие фабрично-заводские – были подчинены единому центру. По докладу Молотова было принято им же написанное постановление: «Вести боевую систему работы во всех сов. отделах, применяя ее как для быстроты принятия решений, так и для быстроты и точности проведения в жизнь, вводя вместе с тем принцип строгой ответственности за выполнение порученного дела по отношению ко всем советским работникам. Проводить в жизнь во всех практических органах советов сокращение коллегиальности»²⁷⁴.

Изъятие зерна по продразверстке было осуществлено в еще больших масштабах, чем это удалось сделать продотрядам. Молотов писал: «Прошедшие месяцы хлебной кампании дали больше, чем вся прошлая хлебная кампания в целом, чтобы уяснить рост требований к земледельческому населению за это время. К тому же порядок авансовой разверстки по десятинам затронул не только вполне обеспеченные хлебом слои, но и тех, кому в будущем продовольственные органы сами должны будут оказать продовольственную помощь»²⁷⁵.

Тяжелым бременем на население, в первую голову – тех же крестьян, ложились и повинности, связанные с заготовкой топлива. «Мы перешли в силу необходимости к широкому применению трудовой и гужевой повинности. В местах заготовок и перевозок дров, что захватывает большинство уездов Нижегородской губернии, требование на рабочую силу и перевозочные средства могли быть удовлетворены только в порядке повинности. Сезонность работы не давала отсрочки»²⁷⁶. Трудовая и иные повинности широко применялись и для разгрузки судов.

К концу зимы ситуация для большевиков, как казалось, стала поправляться. Западные страны, опасаясь разложения собственных войск от большевистской пропаганды, начали эвакуировать свои части. В феврале 1920 года Колчак был расстрелян

иркутским ревкомом, чехословаки потянулись из Владивостока на родину. Оставалось справиться с японцами и остатками Белой гвардии, отступившей в Крым. 22 февраля на губернской беспартийной конференции Молотов констатировал:

– Успехи, достигнутые Красной Армией, сводятся к полному уничтожению армии Юденича; на юге не только овладели побережьем Азовского моря, но занимается северный берег Черного моря; на Восточном фронте наши войска вошли в Иркутскую область, и от разбегающейся армии Колчака остаются огромные груды трупов²⁷⁷.

В связи с военными успехами на повестку дня были поставлены вопросы перевода губернии на мирные рельсы. Появилось время (и необходимость) для более частых поездок в столицу. Предлогом для начала регулярных встреч с Лениным стала его просьба помочь жившему в Нижнем родственнику управляющего делами Совнаркома Бонч-Бруевича в организации опытов и исследований в области радиотехники. Ленин пригласил Молотова заходить, чтобы поговорить о делах. Встречи проходили в квартире Ленина в Кремле. Гоняли чай, беседовали и на производственные темы, и на общеполитические. Весной 1920 года Ленина волновали дискуссии, развернувшиеся в преддверии IX съезда партии по вопросам о роли профсоюзов и об экономической политике.

Тон в профсоюзной дискуссии задавал Шляпников (он теперь возглавлял Союз металлистов), доказывавший, что управлять производством должны отраслевые профсоюзы. Ленин подчеркивал их политико-воспитательное значение («школа коммунизма»). На экстренной губернской конференции Молотов обеспечил принятие согласованной с председателем СНК резолюции: «Коммунистическая партия ставит своей целью полное руководство работой профессиональных союзов, без мелочного вмешательства в повседневную практику союзов, осуществляя через партийные фракции союзов, превращение союзов в практические школы коммунизма для самых широких масс пролетариата и полупролетариата...»²⁷⁸

С этой платформой Молотов и отправился в Москву на IX съезд, открывшийся в конце марта в Большом театре. Там он спорил о профсоюзах с Бухариным, Томским и Рязановым. Последний заявил, что Молотов стоит на позиции хозяйственников, у которых профсоюзы просто путаются в ногах, вместо того, чтобы тихо вести воспитательную работу. После бурной и бесполовой дискуссии линия ЦК одержала ожидаемую победу²⁷⁹.

Другим острым вопросом стала экономическая политика, доклад о которой делал Троцкий, доводя до апогея политику

«военного коммунизма». Он считал необходимым: прикрепление рабочих к заводам и фабрикам в соответствии с хозяйственным планом, применение по отношению к ним тех же форм принуждения, которые существуют в армии; создание трудовых армий на постоянной основе в стиле аракчеевских «военных поселений»; «карательные меры, от которых мы не уйдем, по отношению к шкурникам, дезертирам труда». Словом, по мнению Троцкого, была нужна «целая сложная система духовных мероприятий, организационных, материальных, премиальных, карательных, репрессивных». Эти идеи были закреплены решением съезда. Массовые мобилизации по трудовой повинности должны были «идти по тому же пути, по которому мы шли в создании Красной Армии»²⁸⁰.

Съезд закончил работу избранием ЦК из девятнадцати человек; 12 человек, в числе которых оказался и Молотов, были избраны кандидатами в члены ЦК. Было принято и еще одно организационное решение, сыгравшее роль в дальнейшей судьбе Вячеслава Михайловича: усилить Секретариат введением в него трех членов ЦК, постоянно в нем работающих. Этими тремя стали Крестинский, Преображенский и Серебряков. Все они окажутся сторонниками Троцкого.

Вернувшись в Нижний, Молотов поделился своими мыслями о съезде с местными читателями партийной прессы:

– Все надежды врагов Коммунистической партии на раскол в ее рядах оказались еще раз ложными²⁸¹.

Примечательно, однако, что Молотов занялся не милитаризацией производства и созданием трудармий, а организацией сельхозотдела в исполкоме и коммунистических субботников в губернии. В апреле он изложил «Задачи коммунистов в деревне», где ставка делалась на середняка и «культурничество»: «Работа на земле, пользование сельскохозяйственными орудиями, сбор урожая – везде нужно вносить примеры хорошего практического дела. Постановка школы, устройство избы-читальни, чтения, беседы нужно сделать близким делом всем труженикам в деревне. Налаживание лечебного дела, помощь семьям красноармейцев, выдача пайка, распределение товаров и так далее – много практического дела для общих усилий, для нужной работы... По-прежнему сурово бороться с кулаками и спекулянтами в деревне должен каждый коммунист. Еще больше сил и внимания к деревенскому пролетарию. В нем сила нового в деревне. Середняк-крестьянин тоже пойдет за коммунистом, если и словом и делом, примером и практикой мы добьемся успехов в деревенском строительстве»²⁸².

Проведение субботника 1 мая по всей стране было предусмотрено решением IX съезда РКП(б). Молотов явно решил отличиться, лично возглавив его губернский оргкомитет и предложив провести его не в один, а в два выходных дня. Если в Петрограде на субботник вышло 165 тысяч человек, в Москве – 425 тысяч, то в Нижегородской губернии за два дня – 591 тысяча, больше чем где бы то ни было. «Гуляющих, празднующих на улицах не было. Все действительно были на работах. Любопытнейшее явление! – писал Молотов. – В рабочих районах, например, на улицах Канавина мне приходилось при проезде там и тут наблюдать, как усердно пылил, мел и убирал мусор рядовой обыватель из рабочих квартир. Женщины, дети, да и взрослые мужчины, почему-либо не попавшие в число участников субботника, без палки, без принуждения стояли в пыли на улицах, с метлой или лопатой в руках и тоже по-своему участвовали в субботнике»²⁸³. Опыт организации субботника так понравился («мы организовали – и сравнительно недурно – крупнейшее дело, так как встряхнулись в эти дни не на шутку»)²⁸⁴, что Молотов решил его пропагандировать в масштабе всей страны, выпустив специальный «Первомайский сборник» под собственной редакцией. Один экземпляр он надписал Ленину: «Дорогому учителю и вождю пролетариата В. И. Ленину-Ульянову от В. Молотова. 10/VI 1920 года». Полагаю, до адресата брошюра не дошла, иначе вряд ли я смог бы ее подарить в 2016 году Нижегородской государственной библиотеке.

Летом 1920 года планы перевода страны на мирные рельсы вновь оказались под большим вопросом: возобновились широкомасштабные военные действия – против врангелевских Вооруженных сил Юга России и против Польши. Глава вновь образованной Польской республики Юзеф Пилсудский, в свое время отправленный в ссылку по тому же делу – о покушении на императора Александра III, – по которому брат Ленина был казнен, лично возглавил войско, прошедшее парадом по киевскому Крещатику. Захват Киева и Минска поляками сплотил всю страну в поддержку Кремля. По всей стране опять пошли боевые и трудовые мобилизации.

Нижегородцы бросали на фронт все новые отряды добровольцев. Завод «Красное Сормово» по заданию из Москвы срочно освоил выпуск первых в стране танков, копировавших легкие французские танки «Рено». О новых задачах губернской власти Молотов говорил на заседании «широкого пленума» губкома:

– Центр тяжести работы, приблизительно с полгода находившейся в области нашего трудового фронта, в области на-

пряженнейшей борьбы с хозяйственной разрухой, вновь переносится в область военной, непосредственной борьбы с империалистическим миром²⁸⁵.

В июле VI губернский съезд Советов, прошедший под председательством Молотова, постановил 5 процентов своего состава мобилизовать на фронт. Сконцентрировав все основные силы против поляков, советское правительство переломило ситуацию на Западном фронте в свою пользу, освободив Украину и Белоруссию. Встал вопрос: что дальше? Молотов напишет: «Тогда Ленин поставил целью использовать навязанную Пилсудским войну с Польшей, чтобы пройти войсками и “прощупать штыком”, не готова ли Германия к началу пролетарской революции»²⁸⁶. Командующий Западным фронтом Михаил Тухачевский объявил приказ: «Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару». На передовую выехали Троцкий и Сталин. Войска пошли на Варшаву. Это обернется катастрофой. Но Молотов застанет ее, как и завершение Гражданской войны, уже не в Нижнем Новгороде, а на Украине.

До середины лета 1920 года он не собирался уезжать из Нижнего. Ему, как подтверждает и Батрак, нравилось на Волге. «Время было довольно горячее. И трудно было при таких условиях рассчитывать на нормальный отпуск. Поэтому в летнее время тов. Молотов уезжал только вечерами после работы или в выходные дни на Башкировскую дачу “Зименки”, в которой был организован санаторий, километров за пятнадцать вверх по Волге. Дача стояла на правом берегу Волги, и ездить приходилось по реке на моторной лодке. Освободившись от забот, он становился резв и неистощим на каламбуры, шутки и песни. Во время отдыха запрещал говорить о делах и прибавлял при этом:

– Кто не умеет отдыхать, тот не умеет работать.

Он очень любил Волгу и вообще природу. В свободное время во время отдыха любил бродить один или с компанией товарищей по лесу, аукаться и перекликаться, бродить по окрестностям, внимательно присматриваясь ко всему, что делалось вокруг»²⁸⁷.

На проходившей 15–17 июля X губернской партконференции неожиданно произошел скандал. «Большинство оказалось на стороне старого губкома, – свидетельствовал Батрак. – Молотов, чувствуя свою правоту, решил не сдаваться. На закрытом заседании конференции, когда обсуждались кандидатуры в новый состав губкома, он решил дать бой по каждой кандидатуре в отдельности. Хорошо знакомый с художественной литературой, Молотов воспользовался этим и дал целому ряду ответ-

ственных работников литературные характеристики, заклеив их кличками героев Гоголя, Чехова и других писателей. Старое руководство пришло в бешенство»²⁸⁸. Молотов, выступив 19 раз с критикой бюро губкома, обвинил лично секретаря губкома Кузнецова и членов бюро в обывательской беспринципности, обломовщине, пьянстве, насаждении местнической линии, в провинциальной узости. Резолюция конференции выносила порицание Молотову за «отсутствие надлежащего такта и фактическую беспочвенность обвинений и совершенно недопустимую демагогию»²⁸⁹.

Нижегородский скандал разбирался секретариатом ЦК. В результате Кузнецова отправили в Николаев (и он исчез с политической арены), а Молотова – в Донбасс, столица которого была в Луганске. Там он с 1 сентября совмещал партийный пост с советским.

После вывода германских войск Украина распалась на множество изолированных анклавов, которые превратились в арены кровавых столкновений националистов, казачьих атаманов с собственными бандформированиями, коммунистов, «зеленых», Добровольческой армии, вооруженных крестьянских шаек, уголовников. К моменту появления Молотова на юге Донецкой области еще шли бои с врангелевскими частями, и именно военным вопросам были посвящены его основные, хотя и очень кратковременные хлопоты. Кроме того, донецкий период его работы характеризовался «интенсивной деятельностью по борьбе с кулацким бандитизмом, поднятию донецкой каменноугольной промышленности и внутрипартийной борьбой с троцкизмом, который имел в то время немало видных представителей на Украине»²⁹⁰.

А в ноябре пришлось снова перебираться, благо семьи пока не было, а чемоданчик всегда был наготове. Как Молотов напишет в одной из автобиографий, «в 1920 году на съезде Коммунистической партии Украины, где я был делегатом от Донбасса, меня избрали в состав членов Центрального Комитета КП(б)У, а на Пленуме ЦК КП(б)У – членом политбюро и первым секретарем ЦК»²⁹¹. Решающим для столь быстрого карьерного взлета он называл вмешательство Ленина и особенно Сталина, которым в тот момент по внутрипартийным причинам остро нужны были на ключевых постах не подверженные оппозиционным настроениям соратники.

В Харькове, который был столицей Украины, Молотов обнаружил себя в интересной компании. Наиболее видной фигурой украинского руководства был Георгий Петровский, председатель ВЦИКа, в недалеком прошлом – депутат Государст-

венной думы, издатель «Правды» и нарком внутренних дел в ленинском правительстве. Председателем Совнаркома был Раковский (Крысто Станчев), родившийся в Болгарии, учившийся в Берлине, Цюрихе, Монпелье и Женеве и отслуживший в румынской армии. Наиболее существенными на тот момент – военными – вопросами ведал наркомвоенмор Михаил Фрунзе. Молотов считал его самым талантливым военачальником времен Гражданской, вспоминал разговоры с ним перед решающим штурмом врангелевских укреплений на Сиваше. Южный фронт, в отличие от Западного, добивался успехов.

Когда оторвавшиеся от тылов части Тухачевского и Буденного подошли к Варшаве, обнаружился главный стратегический просчет ленинского плана революционной войны. Польские трудящиеся поднялись не на революционную борьбу с правительством Пилсудского, а против «русских захватчиков». Красная Армия откатывалась назад в том же темпе, что и шла вперед, пока не остановилась восточнее линии, носившей имя британского министра иностранных дел Джорджа Керзона (эту линию и западные страны, и советское правительство негласно признавали восточной границей Польши). По разным оценкам, от 100 до 250 тысяч красноармейцев оказались в плену. Теперь уже Ленин запросил перемирия, и оно было подписано 12 октября 1920 года. Западные Украина и Белоруссия остались под польским контролем.

Гражданская война закончилась. На Дальнем Востоке еще оставались войска походного атамана генерал-лейтенанта Семенова, а также японцы, но это уже не представляло угрозы существованию большевистского режима. Победа была одержана.

Революция, Гражданская война и интервенция имели очень серьезные долговременные последствия для страны, характера ее государственности и модуса отношений с остальным миром. Российская экономика в 1920 году составляла 12,8 процента от довоенной. Современные историки оценивают общие демографические потери населения на фронтах и в тылу воевавших сторон (в боях, от голода, эпидемий и террора) в 8 миллионов человек²⁹². По 100 тысяч российских эмигрантов приняли Германия и Франция, 400 тысяч – Китай, но мощные потоки беженцев текли и в другие государства.

Гражданская война тяжелым катком прошла по родным и друзьям Молотова. В Нолинске бизнес Небогатиковых был конфискован и растащен, семья выживала за счет огородов. Погибли двое братьев, сгнули в ужасе и хаосе войны – неизвестно точно, где и как. Самый младший – Сергей, стойкий больше-

вик, отправился на фронт военным врачом, да так и не вернулся. По семейной версии, он задохнулся, угорел от неправильно установленной печки. Один из старших – Виктор Михайлович попал под колчаковскую мобилизацию. Тетя Зоя, его дочь, говорила, что он умер от тифа. Мобилизован был и дядя – Сергей Яковлевич Небогатиков, которого с остатками войск Колчака прибило в Харбин.

В 1920 году скончалась мама Молотова – Анна Яковлевна. Вечи на похоронах не было. Не стало в войну Виктора Тихомирнова. Как член коллегии Наркомата внутренних дел, он был командирован в Казань для наведения революционного порядка и 31 марта 1919 года умер от испанки.

Гражданская война привела к милитаризации большевизма как учения. Ее опыт наложил отпечаток на личность каждого большевика, даже если он, как Молотов, не имел прямого отношения к военным действиям. У большевиков развился «синдром Гражданской войны». В основе их политики – осознанно или подсознательно – оказывалось стремление любой ценой избежать повторения кошмара, к которому привело сочетание внешней интервенции великих держав с мощной внутренней контрреволюцией. «Синдром Гражданской войны», уверен, станет одной из главных причин репрессий 1930-х годов.

Первый секретарь

Своим стремительным карьерным ростом в конце 1920-го – начале 1921 года Молотов не в последнюю очередь обязан развернувшейся в это время острейшей внутрипартийной борьбе. В его канонической «Краткой биографии» сталинских времен написано о работе на Украине: «Молотов решительно проводит ленинскую линию в профсоюзной дискуссии против всех оппозиционных течений – против троцкистов и бухаринцев, против “рабочей оппозиции” и децистов»²⁹³. Каждая из этих оппозиций не без оснований воспринималась Лениным и его группировкой как нешуточный вызов. В ноябре 1920 года на V Всероссийской конференции профсоюзов были приняты тезисы Рудзутака, резко критиковавшие бюрократизм ВСНХ и других высших государственных органов. В ответ Троцкий выдвинул лозунги «завинчивания гаек военного коммунизма», слияния профсоюзов с госорганами и «перетряхивания» руководства профсоюзов. Ленин вынес конфликт на пленум ЦК, где осуждал «вырождение централизма и милитаризованных форм труда в бюрократизм, самодурство, казенщину».

Между двумя вождями революции возник острейший конфликт, оба вошли в раж.

Троцкий был единственным человеком, кто в принципе был способен бросить вызов Ленину в схватке за лидерство. «В годы войны в моих руках сосредоточивалась власть, которую практически можно назвать беспредельной»²⁹⁴, – без преувеличения признавал сам Троцкий. Он контролировал армию, через сторонников в Секретариате ЦК влиял на партию. Молотов подтверждал: «В самом Центральном Комитете перед X съездом партии Ленин не имел устойчивого большинства»²⁹⁵. Глава правительства столкнулся с угрозой потери контроля над рабочими организациями, армией и партаппаратом. «Чувствовалось, – вспоминал Молотов, – что Ленин рад бы был от него избавиться, да не может. А у Троцкого хватало сильных прямых сторонников... Троцкий – человек достаточно умный, способный и пользовался огромным влиянием». На вопрос о причинах в целом терпимого отношения к Троцкому Ленин отвечал: «А что я могу сделать? У Троцкого в руках армия»²⁹⁶. Это и предопределило ожесточенность столкновения вроде бы на ровном месте – из-за формулировок по профсоюзной проблематике.

Но, бросив вызов Ленину, Троцкий просчитался. Для старой партийной гвардии он оставался во многом чужаком. Это отношение передают слова из статьи Молотова 1924 года: «Войдя в нашу партию за два-три месяца перед октябрьским восстанием, он с огромной пользой применил свою целеустремленность в эпоху восстания, но, как теперь стало ясно, далеко не изжил идеологических шатаний и противоречий своего меньшевистского прошлого»²⁹⁷. Противостоял Троцкому великий политик и аппаратчик – Ленин, готовый бороться за реализацию своих целей 24 часа в сутки и знающий, как это делать. А Троцкий чурался черновой, повседневной работы, его подводило сибаритство.

Ленин апеллировал к партийным массам (а точнее, к парт-активу). Была разрешена партийная дискуссия, открытие X съезда отложено, а выборы делегатов на него должны были пройти по платформам. Идеологическую борьбу с Троцким вел Зиновьев, выступавший на губернских конференциях. Организационно съезд готовили Ленин и Сталин, которые и двинули Молотова на секретарство на Украине, поручив обеспечить безусловную поддержку ленинской линии в профсоюзной дискуссии. Борьбу Ленин повел под флагом наступления на Оргбюро и Секретариат ЦК. «Вот вам настоящий бюрократизм! – возмущался он. – Троцкий и Крестинский будут подбирать “ру-

ководящий персонал” профсоюзов!»²⁹⁸ Ленинская линия, которую отражала так называемая «платформа десяти», получила подавляющую поддержку на местах. Не подкачал и Молотов. По итогам январского пленума ЦК КП(б)У на X съезд ВКП(б), куда сам он был избран от Харьковской губернии, с Украины приехала сплоченная проленинская делегация²⁹⁹.

На съезде, который открылся 8 марта 1921 года в Свердловском зале Кремля, демонстративно подчеркивался конспиративный характер «платформы десяти», к сторонникам которой относился и Молотов. Часовые штыками преграждали Троцкому и его людям доступ в те помещения, где заседала фракция Ленина. В новом составе ЦК не нашлось места Крестинскому, Преображенскому, Серебрякову, из членов ЦК в кандидаты вылетел Иван Смирнов. Троцкий в ЦК остался, но за него было подано даже меньше голосов, чем за Молотова. Была принята резолюция «О единстве партии», которая предписывала «немедленно распустить все без изъятия образовавшиеся на той или иной платформе группы» под угрозой исключения из партии³⁰⁰. Ленин взял под свой контроль партийный аппарат, предложив на место прежней секретарской тройцы новую – Молотова, Ярославского и лидера московских профсоюзов Михайлова. Молотов к тому же на правах старшего (ответственного) секретаря стал кандидатом в члены Политбюро и членом Оргбюро.

В 1961 году он сделал краткую запись об этом событии. «На первом заседании Пленума ЦК, сразу после окончания партсъезда я был избран секретарем ЦК. Двумя другими секретарями ЦК были избраны Ем. Ярославский и В. М. Михайлов. Кроме того на этом же заседании было избрано Политбюро ЦК в составе: Ленин, Сталин, Троцкий, Зиновьев, Каменев. Вместе с этим были избраны три кандидата в члены Политбюро – в таком порядке: Молотов, Бухарин, Калинин.

Меня сильно тогда поразило, что я был избран секретарем ЦК (*ответственным*) – что-то вроде главного секретаря ЦК) и, кроме того, *первым* кандидатом в Политбюро, а это означало, что в случае отсутствия на заседании любого члена п/бюро (командировка, болезнь) я имел в Политбюро решающий голос. Насколько помнится, до этого заседания меня никто не предупредил, что меня изберут первым кандидатом в члены Политбюро. Не помню, чтобы вообще кто-либо говорил со мной и о предстоящем избрании секретарем ЦК, но это, возможно, и было сделано, а если было сделано, то, очевидно, Сталиным, с которым я был ближе знаком... Мне и после никто и никогда не разъяснял, как это вышло, что весной 1921 года мне было оказано такое большое и для меня неожиданно большое

доверие со стороны Ленина, который фактически решал этот вопрос. Только Сталин мог рекомендовать меня на такие высокие посты в то время... Помню, что после такого неожиданного для меня выдвижения я немало оробел. Не могу не признать, что я действительно был мало подготовлен для новых, весьма серьезных дел в ЦК.

Нельзя не отметить, что и состав нового секретариата ЦК был слабым: Ярославский – слабый организатор; Михайлов – вообще не был на крупной партийной работе, по профессии рабочий-типографщик. Но весь состав секретариата ЦК был из твердых ленинцев, полон молодых сил и боевых настроений (мне, например, только что исполнился 31 год).

Запомнилась особенно одна беседа с Лениным. Пожалуй, даже дважды он говорил со мной о моей работе в секретариате ЦК... Он говорил: “Вам (мне) надо заниматься политической работой, не превращаться в управделами, как это было с Крестинским, а технические дела передайте ‘замам’ и ‘помам’”. Помню, что в этом духе Ленин говорил и на первом заседании Пленума ЦК, когда меня утверждали секретарем (“ответственным”, как было и опубликовано) ЦК»³⁰¹.

После пленума Ленин пригласил Молотова прогуляться по Кремлю и сказал одну вещь, которую Вячеслав Михайлович запомнил на всю жизнь: он просил подготовить партию к работе в подполье. Казалось бы, самое тяжелое было уже позади – Гражданская война, интервенция. Но Молотов (очевидно, как и Ленин) считал, что самым тяжелым годом для советской власти был именно 1921 год. Заканчивалась война, и на нее уже не спишешь бедствия и провалы, голод, бандитизм, крестьянские бунты, забастовки. Партию трясло, власть большевиков висела на волоске, и единственное, что ее спасло, как был уверен Молотов, – новая экономическая политика.

В феврале 1921 года в Петербурге вспыхнула всеобщая забастовка. В марте в Кронштадте взбунтовался десятитысячный матросский гарнизон. Десять дней части Красной Армии при поддержке артиллерии и авиации под командованием Троцкого, главкома Каменева и Тухачевского штурмовали Кронштадт, потеряв при этом 10 тысяч человек убитыми и ранеными. В центральных губерниях России – Тамбовской, Саратовской, Рязанской – с большевиками сражалась двадцатитысячная армия под руководством Александра Антонова. Стотысячное крестьянское восстание бушевало на Урале и в Западной Сибири. На Северном Кавказе действовало 100 повстанческих отрядов. Более сорока банд продолжали разорять Украину, причем только у Махно было 13 тысяч сабель.

Отрывок из рукописи Молотова 1960 года: «Были и до этого трудные для Советской власти годы. Но к началу 1921 года напряжение сил, по многим признакам, дошло до предела... Города приходили в упадок. Местами поднялись мутные волны кулацких восстаний. Достаточно вспомнить о Махно и махновщине на Украине. Матросский мятеж в Кронштадте свидетельствовал о том, что напряжение сил народа подошло близко к переделу... Всего не хватало – хлеба и топлива, одежды и обуви. В городах и рабочих поселках жили впроголодь, и это продолжалось уже не первый год... Численность Красной Армии быстро сокращалась, солдаты начали возвращаться домой, к своим, в большинстве случаев разоренным очагам. Многих и многих кормильцев не было в живых. Деревня уже не первый год сдавала свои, так называемые, “излишки” хлеба государству в порядке “продразверстки”, когда хлебодержателям не всегда оставляли даже на семена для посева. Хозяйственные трудности и тяготы людей в деревне отнюдь не кончились, а только обнажились: раны не зажили, всюду напоминая о себе»³⁰².

Любой большевик, который хотя бы намекнул на возможность возрождения «капиталистических» элементов в экономике, немедленно был бы обвинен в малодушии, измене и исключен из партии. Любой, кроме Ленина. Но и ему на X съезде, где он предложил нэп, пришлось выслушать немало обвинений со стороны «рабочей оппозиции» и троцкистов в капитулянтстве перед мелкой буржуазией, предательстве интересов рабочего класса и крестьянском уклоне. В итоге съезд все же решил, что «разверстка, как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража, заменяется натуральным налогом»³⁰³. Излишки продовольствия и сырья, оставшиеся после уплаты налога, могли обмениваться на фабрично-заводскую продукцию в пределах местного оборота. Это, в свою очередь, вело к восстановлению рынка сельхозпродукции, а значит – рыночных отношений как таковых. Партия была в шоке.

Молотов тоже был не в восторге от отступления перед буржуазией, но говорил о нэпе как о блестящем образце ленинского тактического гения, способного брать на вооружение лозунги противников, в данном случае – меньшевиков³⁰⁴. Молотов не считал нэп долговременным политическим поворотом, кардинально менявшим взгляды Ленина на пути построения социализма, как это нередко считалось. «Переход к нэпу, значительно облегчив условия развития многих миллионов крестьянских хозяйств, вывел страну из тяжелого политического кризиса, принимавшего угрожающий характер для существования советской власти... Переход к нэпу Ленин назвал “стра-

тегическим отступлением”. Однако это отступление отнюдь не означало изменения политики партии и Советского государства. Поскольку стало очевидным, что в данных исторических условиях *непосредственный* переход к социалистическому производству и распределению невозможен, партия сделала вывод о необходимости другого подхода к осуществлению строительства социализма. Ленин разъяснял: “Не удалась лобовая атака, перейдем в обход, будем действовать осадой и сапой”... Нэп стал политикой коммунистической партии, которую рабочий класс вместе со всеми трудящимися поставил у власти “в мелкокрестьянской стране” в период еще не развернувшейся международной социалистической революции»³⁰⁵.

...В наши дни российское руководство живет в городе (или за городом) и ездит на работу в Кремль. В начале 1920-х годов Молотов вместе со всем партийным и государственным начальством жил в Кремле, а на работу больше ходил в город. Кремль был выбран как место жительства лидеров страны прежде всего из соображений обеспечения их безопасности и давал возможность за ними приглядывать. Молотов получил квартиру на третьем этаже «Кавалерского корпуса» Кремля, где в то время соседствовал с семьями Бубнова, Уншлихта, Томских. На втором этаже жили Калинин, Енукидзе, позднее – Микоян и Петровский³⁰⁶. Спустя 20 лет адресом Молотова будет: г. Москва, Кремль, корпус 5, квартира 36, этаж 3. Сейчас на месте этого корпуса стоит стекляшка Кремлевского дворца.

Из коридора белая дверь вела во внутренний коридор квартиры, по стенам которого стояли высокие книжные шкафы с застекленными полками. Они благополучно пережили XX век и теперь хранят в себе часть семейной библиотеки. В конце коридора с левой стороны – дверь на кухню. Направо – вход в большую столовую. По одну сторону от столовой – спальни, по другую – небольшой кабинет. Маленькие окошки в толстенных стенах. В этой квартире Молотов проживет вплоть до 1950-х.

Внутри Кремля – суeta чиновников в кожанках и галифе, прогуливающиеся вожди революции и военачальники, женщины с сумками или колясками, детвора, прыгающая через скакалку на Соборной площади или катающаяся на санках со склонов Тайнинского сада. Гудки автомобилей, крик петухов, плач детей, запахи бензина, кухни, отхожего места, духов. Как замечал Батрак, в то время было «трудно указать более жизнерадостного человека, чем Вячеслав Михайлович. Соседи по кремлевской квартире Молотова в шутку называли его “веселый секретарь”. Когда он бывал дома, из его квартиры раздавались обычно мотивы оперных арий и народных песенок»³⁰⁷.

Вскоре песни зазвучали еще радостнее – к их исполнению присоединился девичий голос. Молотов женился.

Это был настоящий партийный роман. Летом 1921 года секретарь ЦК председательствовал на Международном женском конгрессе. Бог весть каким образом в море красных косынок его участниц он разглядел делегатку от Запорожской организации Полину Жемчужину. Она была моложе Молотова на семь лет. Ее настоящее имя – Перл Семеновна Карповская. Родилась она на станции Пологи Александровского уезда Екатеринославской губернии (недалеко от Запорожья) в большой семье, глава которой был портным. Но он умер, когда девочке было восемь месяцев. Мать, на руках которой осталось еще шестеро детей, вынуждена была братья за любую поденную работу. С одиннадцати лет с ней трудилась и Полина. В 14 лет она отправилась работать на табачную фабрику в Екатеринославе, как тогда назывался Днепропетровск. Там она проработала шесть лет и ушла, заболев туберкулезом. Семью разбросало по миру. Старший брат еще в начале Первой мировой войны эмигрировал в США. Полина успела поработать еще кассиршей в аптеке, а после революции безоговорочно пошла за большевиками. В 1918 году вступила в партию и вскоре возглавила женотдел Запорожского губкома. В 1919 году от войска Деникина губком бежал в Киев. Оттуда ЦК КПБ(У) разослал партработников по действующим армейским частям. Перл Карповская попала в один из полков 9-й армии, дислоцировавшийся возле Дарницы. Однако через пару месяцев белогвардейское наступление рассеяло этот полк, пришлось бежать обратно в Киев, уничтожив личные документы.

В Киеве девушка укрылась в Михайловском монастыре, а затем отправилась домой в Запорожье. Но там ее знали, и на следующий день после приезда деникинская контрразведка уже обыскивала дом родителей. Она перебралась на партийную работу в Харьков, где обрела тот псевдоним, под которым вошла в историю. Вот как она рассказывала об этом следователю в 1949 году: «В Харьков я прибыла приблизительно в октябре или в ноябре 1919 года, связалась с Дашевским, который оказался заведующим паспортным отделом Харьковской городской подпольной партийной организации. Дашевский выдал мне новый паспорт на имя Жемчужиной П. С.»³⁰⁸. «Перл» – значит «жемчужина». В книге Н. Мехлера «В деникинском подполье» описывалось житье в одной из харьковских конспиративных квартир: «Третьим постоянным жильцом была Полина Семеновна Жемчужина, молодая, веселая женщина, сестра милосердия одного из военных госпиталей. Она... “ненавидела” большеви-

ков и вместе с мадам Брунзель вырабатывала стратегические планы решительного разгрома “латышей, евреев, китайцев и чрезвычайек”, которые погубили Россию»³⁰⁹.

После Гражданской она вернулась в Запорожье. «В 1921 году украинской партийной организацией я была делегирована на международный женский конгресс, состоявшийся в Москве, после окончания которого осталась работать в бывшем Рогожско-Симоновском районе города Москвы участковым партийным организатором, – читаем в протоколе ее допроса 1949 года. – Принимая участие в работе международного женского конгресса, я познакомилась с Молотовым, который являлся тогда секретарем ЦК ВКП(б), и с конца 1921 года стала его женой»³¹⁰. Эта была любовь с первого взгляда. И на всю жизнь.

Полину легко было любить. Она была красивой женщиной, что было видно даже тогда, когда она перешагнула далеко за порог пенсионного возраста. Есть немало описаний ее внешности в молодости. Из них я доверю слово женщине, исключительно наблюдательной и во вкусе которой я не сомневаюсь – Ольге Аросевой, народной артистке: «Она сама была маленького роста, но имела нос несколько длиннее, чем полагается даже, однако прямой и правильный. У нее были яркие зеленые глаза, фигура как у женщины из библейской древности. Золотистые, почти рыжие волосы она укладывала косой вокруг головы. Говорила низким голосом, командуя всеми в доме, в том числе и мужем-вождем; очень много курила и великолепно одевалась»³¹¹. К этому только одна поправка. Мы с сестрой Ларисой, прочитав этот пассаж, после обсуждения пришли к выводу, что глаза у бабушки были все-таки иссиня-голубые.

Полина была человеком сильной воли, умной и прозорливой, чрезвычайно аккуратной, организованной – под стать своему мужу. Поселившись в Кремле, она сразу навела порядок в холостяцком хозяйстве секретаря ЦК. Квартира стала обрывать мебелью – казенной, с бирками, простой, но аккуратной; всегда натертый пол блестел. Вскоре все соседи и соседки заговорили, что у Молотовых лучшая квартира в Кремле. Из всех соседок наиболее близкой подругой Полины стала почти ее одноклассница Надежда Аллилуева – супруга Сталина. Молодые женщины знали друг о друге и делах своих мужей почти всё. Таким образом связка Сталин – Молотов нашла подкрепление еще и на уровне спутниц жизни.

Галина Ерофеева – жена будущего помощника Молотова и мать известного писателя Виктора Ерофеева, неоднократно встречавшаяся с бабушкой, замечала (и не она одна): «Главное, что ее отличало от других жен высокопоставленных мужей –

это безупречный вкус»³¹². Незаметно Полина станет главной законодательницей кремлевских мод и светских стандартов. Не обошла она, естественно, своим вниманием и мужа. То, что Молотов по стилю одежды стал отличаться от остальных представителей руководства страны задолго до того, как стал наркомом иностранных дел, объясняется, безусловно, влиянием супруги. На руководящую службу теперь ходил сытый, довольный и уж вовсе не холостяцкого вида молодой человек.

Чем занимался ответственный секретарь ЦК? Легче сказать, чем он не занимался. Он ведал всем, что находилось в ведении партии и ее аппарата. О характере решавшихся ответственным секретарем ЦК вопросов говорят адресованные ему записки Ленина, которых только в Полном собрании сочинений вождя насчитываются сотни. По любому вопросу, требовавшему партийного решения, санкции или достойному внимания членов Политбюро, Ленин пересылал бумаги Молотову или обращался к нему напрямую. Партия, которая в годы Гражданской войны находилась в тени советских и правительственных органов, после ее окончания стремительно начала выходить на первые роли. Хотя Ленин заседал и в Совнаркоме, и в Совете труда и обороны, уже при нем Политбюро превратилось в сверхправительство. Именно Ленин начал трактовать решения ПБ как высшие законы страны, подлежащие неукоснительному выполнению.

Да, он неоднократно говорил о том, что нельзя смешивать функции партийного и государственного аппаратов. В письме Молотову в марте 1922 года Ленин предлагал «разграничить гораздо точнее функции партии (и ЦК ее) и Соввласти; повысить ответственность и самостоятельность совработников и совучреждений, а за партией оставить общее руководство работой всех госорганов вместе, без теперешнего слишком частого, нерегулярного, часто мелкого вмешательства»³¹³. Однако эти его пожелания звучали гораздо реже, чем высказывания и мысли, на деле утверждавшие неограниченную власть партии, ее господство над громадным и все растущим госаппаратом. А те функции, которые выполняло Политбюро в Центре, на местах начинали прибирать к своим рукам бюро губкомов и другие нижестоящие парторганы. При этом партия большевиков, как и до революции, оставалась всего лишь общественной организацией, не упомянутой в Конституции.

По уставу партии, функции ее высших органов были определены весьма расплывчато. По идее Политбюро должно было решать вопросы политической значимости, Оргбюро – организационные, а Секретариат – рассматривать менее важные,

текущие вопросы и готовить заседания Политбюро и Оргбюро. Но на практике строгого разделения функциональных обязанностей между этими руководящими органами не было, и решения Секретариата и Оргбюро, если они не опротестовывались в вышестоящем органе, наряду с постановлениями Политбюро становились одинаково обязательными для всей партии.

Каждый четверг Молотов пересекал Ивановскую площадь Кремля и к десяти утра приходил на заседание Политбюро ЦК РКП(б). Такой порядок заседаний ПБ – по четвергам – установился еще во время секретарства Крестинского, а затем превратился в «ленинскую традицию». Политбюро собиралось в зале заседаний Совнаркома, примыкавшем к кабинету Ленина в первом корпусе Кремля, где сейчас работает президент России. Было в нем неуютно и прохладно: Ленин не терпел штор на окнах и температуру окружающей среды выше четырнадцати градусов. Почти во всю длину неширокого зала тянулись два покрытых красным сукном стола с проходом посередине. В торце одного из них – кресло председателя, которое занимал Ленин.

Он давал четверть часа на сборы недисциплинированным сотрудникам или, как сам говорил, «на милости». Регламент жесточайший – обычно Ленин предоставлял на выступления две минуты и следил за оратором с хронометром в руках. Не терпел, когда кто-то шептался, тут же показывал рукой: «Пишите». При этом сам он слушал ораторов не слишком внимательно. Как отмечала его секретарь Фотиева, Ленин имел обыкновение «одновременно заниматься множеством других дел»³¹⁴. Оживлялся он только тогда, когда кто-нибудь давал «классового петуха». На заседаниях Политбюро Молотов как ответственный секретарь ЦК занимал место по правую руку от вождя. В его обязанности входили, во-первых, составление повестки дня заседаний и подготовка документов для обсуждения. А во-вторых, – редактирование всех постановлений. Стенографистка решения записывала, Молотов тут же правил и отдавал Ленину. Тот осуществлял окончательную редакцию, после чего Молотов подписывал постановление как секретарь ЦК. После этого решение партии вступало в силу.

Идет заседание ареопага. Ленин с шутками подгоняет одного за другим докладчиков, ожидающих своей очереди в соседней комнате и по сигналу буквально вбегающих в зал. С правой от Ленина стороны стола – за Молотовым – полулежит со скучающим видом и часто запускает руку в пышную шевелюру Зиновьев. За ним – Каменев, на которого Ленин все больше перекладывает работу по Совнаркому, называя его «лошадкой ис-

ключительно способной и ретивой, которая два воза везет»³¹⁵. Дальше – Бухарин, идеолог партии, главный редактор «Правды». Напротив Молотова – Сталин, который, как и Ленин, тоже редко сидит на месте, ходит курить трубку за печку или прохаживается вдоль стола. За ним – Троцкий, который заседания ПБ, в отличие от других совещаний, старался не пропускать и выглядел весьма импозантно. «Он появлялся одетый во что-то вроде белой униформы без знаков отличия, в широкой плоской фуражке, тоже белой; хорошая выправка, широкая грудь, очень темная бородка и волосы, блеск пенсне, не такой свойский, как Ленин, что-то авторитарное в манере держаться»³¹⁶. Наконец, Михаил Калинин, олицетворявший советскую власть.

Впрочем, в полном составе Политбюро почти никогда не собиралось, его члены постоянно болели, лечились и восстанавливались после болезней – напряжение военного времени брало свое. Потребовался отпуск Троцкому, который находился в состоянии крайнего изнеможения. Зиновьев в начале 1920-х пережил два инфаркта, постоянные проблемы с сердцем были и у Каменева. В мае 1921 года Сталина свалил острый приступ гнойного аппендицита. Молотов ходил навещать Кобу в его кремлевской квартире, где тот лежал худой и бледный. Систематическое отсутствие кого-либо из членов Политбюро означало, помимо прочего, что Молотов часто имел на заседаниях решающий голос.

На протяжении 1921-го и значительной части 1922 года главная интрига в ПБ заключалась в том, что все по-прежнему «дружили против» Троцкого. Стойкого и последовательного противника он обрел и в лице Молотова, между ними регулярно начали вспыхивать довольно острые стычки. Дмитриевский вспоминал случай на заседании Политбюро, когда Троцкий в споре с Молотовым бросил резкую фразу о ничтожествах, желающих встать наравне с вождями. Все смолкли, выжидаяще посматривая на Молотова. А тот улыбнулся и, заикаясь от волнения больше обычного, сказал: «Не всем же быть гениями, товарищ Троцкий. А сильнейший всегда тот, кто побеждает»³¹⁷.

Троцкий довольно быстро понял, что Молотов, сменивший его людей в руководстве аппаратом, представляет прямую угрозу его позициям в партии. Позднее он так охарактеризует Молотова: «У него есть упрямство и трудолюбие. Последним качеством он отличается от Сталина, который ленив. Честолюбие Молотова исходит от его происхождения: оно стало разворачиваться после того, как он неожиданно для себя на буксире Сталина поднялся на большую высоту. Он пишет как старый канцелярист и так же говорит; к тому же он сильно заикается.

Но он успел выработать большую административную рутину и знает, как играть на клавиатуре аппарата»³¹⁸.

Вся последующая борьба Троцкого за лидерство была схваткой именно с партаппаратом, и в качестве главного, таранного аргумента он использовал лозунг бюрократического перерождения партии под гнетом аппарата. Символом, живым олицетворением этого перерождения Троцкий выбрал Молотова. Именно в ходе и в целях этой вендетты с Молотовым троцкисты прилепили ему кличку «каменный зад» (судя по всему, авторство принадлежало известному остро слову Карлу Радеку). Что ж, мало кто был способен так долго и терпеливо сидеть за письменным столом, на многочисленных заседаниях и совещаниях, как Молотов. Никто из троцкистов этим качеством уж точно не обладал.

Молотов относился к Троцкому не лучше, чем тот к нему. Неприязнь, как мы помним, начала складываться со времен основания «Правды». Принародные оскорбления также не способствовали возникновению дружеских чувств. Молотов упоминал и неоднократные личные просьбы самого Ленина «врезать» по Троцкому. Кроме того, именно Троцкий был в первых рядах критиков нэпа как позорной капитуляции перед буржуазией и предвестия скорой кончины советской власти. Молотов писал: «У Троцкого был на этот счет определенный нюх. Он, видимо, чувствовал уже себя в новой роли – в роли выразителя и идеолога этих гнилых, антиреволюционных настроений, продолжая, однако, прятать подлинные свои чувства и затаенные цели в цветистых публичных выступлениях, способность к чему у него вряд ли кто будет отрицать. Именно в эти дни Троцкий временами уже явно терял равновесие и, беспардонно злорадствуя по поводу многочисленных затруднений, с которыми непоколебимо боролись партия и рабочий класс, доходил до прямых ренегатских заявлений в Политбюро, вроде вырвавшегося у него выкрика: “Кукушка уже прокуковала!”... Нужно было видеть в этот момент Владимира Ильича, который взволнованно поднялся со своего председательского места с восклицанием: “Ну, это уж слишком!”, призвал к порядку распоясавшегося лидера, но и на этот раз не дав волю чувствам»³¹⁹.

Именно Ленин ввел регулярную практику проведения предварительных совещаний перед заседаниями Политбюро без Троцкого. Молотов рассказывал: «Троцкий выступает с речами: “Ничего не выходит!” Я удивлялся, как Ленин выдерживал это? Ленин же видел насквозь Троцкого. Тогда Ленин решил: “Давайте поедем к Зиновьеву сговариваться, как быть?” Мы трое – Ленин, Каменев и я, два члена Политбюро и я вот, кандидат, по-

ехали к Зиновьеву. Он был на Морозовской даче под Москвой, немного не здоров»³²⁰. Традицию предварительных совещаний большинства членов ПБ с целью нейтрализации меньшинства затем в полной мере на вооружение возьмет Сталин.

Частое общение и совместные политические сражения сделали Молотова прилежным учеником ленинской школы и стали основой возникновения неплохих личных отношений с вождем. «В связи с подготовкой дел в Политбюро мне повседневно приходилось либо встречаться с В. И., либо чаще беседовать по телефону, обмениваться столь привычными в его текущей работе короткими записочками, выполнять его поручения, готовить материалы. Иногда это выходило за обычные рамки»³²¹. После работы он мог пригласить Молотова к себе в рабочий кабинет или квартиру на чай со смородиновым вареньем. Кабинет был незамысловат: большой письменный стол, несколько карт на стенах, большая зеленая пальма, занимавшая чуть ли не треть помещения, два книжных шкафа, два-три жестких стула и кожаное кресло, куда усаживался посетитель. Под письменным столом, обеспечивая тепло для ног, лежала огромная шкура белого медведя. Молотов заведет у себя дома такую же.

Воспоминания об одном визите к Ленину, в мае – начале июня 1921 года, Молотов через сорок с лишним лет положит на бумагу: «В беседе мной были поставлены три вопроса: а) о необходимости дополнительных, более решительных мер для ликвидации “антоновщины” (кулацкого мятежа) в Тамбовской губернии; б) о необходимости замены секретаря Тульского губкома Меерзона, который демагогически заигрывал с тульскими рабочими (детали не помню); в) о неорганизованности в тогдашней работе секретаря ЦК т. Ем. Ярославского, который в результате приема многочисленных посетителей засыпал работу Секретариата ЦК рассмотрением многочисленных мелких вопросов и просьб, что не дало возможности заниматься секретарям ЦК более крупными вопросами.

Как мне помнится, мои вопросы были внимательно выслушаны Лениным, и по ним были приняты меры. В этой беседе Ленин поделился со мной своими мыслями о положении дел в стране. Ленин с большой прямоотой говорил тогда об исключительно тяжелом положении в стране (как “карточный домик”)... Меня тогда удивил сам характер нашей беседы. В. И. говорил со мной с какой-то чудесной теплой прямоотой, хотя и без сентиментальности... Я много раз думал о неоднократном указании В. И., что я должен в Секретариате ЦК заниматься именно политической работой, и всегда придавал этим словам

Ленина большое значение, будучи благодарен ему за выраженное ко мне политическое доверие, а вместе с тем, и за выраженное этими словами доверие к моим способностям и во всяком случае – за стремление В. И. поднять мою работу на более высокий уровень. Вместе с тем, я чувствовал, что в этих словах была своего рода критика моих недостатков, привычек. С этого времени я особенно стал заботиться о том, чтобы моя работа, действительно, была главным образом политической»³²².

...Из Кремля, через Троицкую и Кутафью башни, рано утром пешком и без охраны Молотов отправлялся в штаб-квартиру партии – в ее Центральный комитет. Он тогда помещался на Воздвиженке, 5, – в четырехэтажном здании XVIII века классического стиля, которое благополучно дожило до наших дней и хорошо известно москвичам как Музей архитектуры им. Щусева. Вся работа Секретариата и Оргбюро – секретная, Политбюро – совершенно секретная. Штат – минимальный. Начало работы в 8 утра, еда на месте – кое-как, конец рабочего дня – в час ночи. Личный секретариат Молотова первоначально состоял из четырех человек. Первый помощник – коллега по питерскому СНХ и отличившийся на «Красной Звезде» Васильевский. Второй – Герман Тихомирнов, младший брат покойного Виктора. Они на правах старых знакомых с Молотовым на «ты», чего нельзя сказать о двух других – Бородаевском и Белове. Вскоре появится и еще один помощник – Борис Бажанов, который из команды Молотова переместится в секретариат Сталина, а затем через Иран сбежит за границу, где к концу жизни опубликует мемуары. Бажанов выполнял функции руководителя технического секретариата Оргбюро. О стиле Молотова как руководителя Бажанов напишет: «Это очень добросовестный, не блестящий, но чрезвычайно работоспособный бюрократ. Он спокоен, выдержан. Ко мне он был всегда крайне благожелателен и любезен и в личных отношениях со мной очень мил. Да и со всеми, кто к нему приближается, он корректен, человек вполне приемлемый, никакой грубости, никакой заносчивости, никакой кровожадности, никакого стремления кого-нибудь унижить или раздавить»³²³.

Молотов председательствовал на заседаниях Секретариата, где кроме трех секретарей ЦК, имевших право решающего голоса, присутствовали с правом совещательного голоса заведующие всеми отделами аппарата ЦК. Он председательствовал и на заседаниях Оргбюро, главная задача которого заключалась в подборе и распределении руководящих партийных работников центральных ведомств и регионов. Одновременно возглавлял несколько постоянных (не говоря уже о временных)

комиссий ЦК, важнейшими из которых являлись циркулярная и бюджетная.

По любому крупному вопросу – будь то о проведении полевой или чистке партии – ЦК готовил директивы, рассылавшиеся всем региональным организациям. Этим и занималась циркулярная комиссия. В дополнение к циркулярам Молотов ввел практику направления закрытых информационных писем о международном и внутреннем положении для ориентации местных структур. На места шел и журнал «Известия ЦК», наполненный директивами и указаниями. Главным его редактором был, конечно, Молотов. Как председатель бюджетной комиссии, он ведал партийной казной и отвечал за финансирование программ, требовавших партийной санкции. Бажанов, секретарствовавший и в этой комиссии, вспоминал: «С одной стороны, Бюджетная комиссия обсуждает и утверждает смету отделов ЦК. Тут присутствуют заведующие отделами, стараются отстоять свои интересы, и Молотов с ними спорит (но решает, конечно, он). С другой стороны – и здесь дело идет об огромных суммах, – Бюджетная комиссия утверждает бюджеты всех братских иностранных компартий»³²⁴.

Качество как партийного, так и всего государственного аппарата после Гражданской войны оставляло желать много лучшего. Он унаследовал все родимые пятна знаменитой бюрократии Российской империи и добавил к ним немало своих. Большое количество императорских чиновников продолжало работать в госструктурах: в Наркомате финансов они составляли 97,5 процента от всех сотрудников и даже в НКВД – 48,3 процента. В госаппарат хлынули все желавшие как-то устроиться в новой жизни. С 1917 по 1921 год число госслужащих выросло в пять раз – с 576 тысяч до 2,4 миллиона³²⁵. В таком обилии чиновников царских времен, засилье «мелкобуржуазного элемента» и в неэффективности госструктур крылись главные причины стремления Ленина опереться именно на партаппарат.

Но и с ним была беда. Член Ставропольского губкома Лизарев направил в ЦК докладную записку, где в числе распространенных явлений в парторганах назвал пьянство, протекционизм, укрывательство преступлений, расхлябанность, бандитизм, грабеж, истязания, безделье. Ленин отписал Молотову: «Записка Лизарева архиважна. Надо обратить сугубое внимание и проверить через вполне объективных людей»³²⁶. Изучение ситуации показало, что Лизарев был не далек от истины. О масштабах еще одного бедствия свидетельствует циркулярное письмо Молотова 1922 года, где говорится, что «громадное распространение взяточничества... грозит развращением и

разрушением аппарата рабочего государства»³²⁷. Квалификация руководящих работников оставляла желать лучшего. Партия быстро росла, насчитывая к 1921 году более 700 тысяч человек. Сколько точно – никто сказать не мог, так как строгий учет членства в РКП(б) отсутствовал. Но в основном рост шел за счет тех, кого Молотов называл «примазавшимися»: «Хочешь жить – плати партвзносы». Одновременно шел отток из партии, достигавший в некоторых уездах до 10 процентов ежемесячно. Отношение к членству в партии оставалось наплевательским – каждый день терялось до тысячи партбилетов. Позднее утрата партбилета стала оборачиваться серьезными неприятностями.

Не будет большим преувеличением сказать, что именно Молотов стал одним из главных творцов той модели партийного аппарата, которая просуществовала в практически неизменном виде с начала 1920-х годов до распада СССР. При этом машина однопартийного государства носила на себе печать его фантастического педантизма, скрупулезности и систематизма.

На основе решения X съезда была проведена массовая чистка РКП(б). С 1 июля 1921 года был приостановлен («за определенными небольшими исключениями») прием в партию. Чистка имела целью, говорил Молотов, «изгнать из рядов нашей партии те чуждые ей элементы, которые вошли в партию главным образом в последние годы революции, после победы Советской власти в России»³²⁸. Разработка инструкций по проведению чистки была поручена комиссии в составе, полностью воспроизводившем Русское бюро ЦК времен Февральской революции – Молотов, Залуцкий, Шляпников³²⁹. Своя рука – владыка. Исключали не столько по политическим мотивам, сколько за «пассивность», взяточничество, карьеризм, пьянство и злоупотребления служебным положением. В 1922 году Ленин выступил также за резкое ужесточение условий приема. На 1 января 1924 года, подведет итог Молотов, «в партии было 350 тыс. членов и 120 тыс. кандидатов. Таким образом, количественный состав партии сократился почти в два раза»³³⁰.

Выстраивалась система взаимодействия с региональными парторганизациями и учета местных ответработников. Были подготовлены большие «простыни» отчетности (23 позиции), которые ежемесячно должны были заполнять губкомы, райкомы и уездкомы³³¹. Деятельность парторганизаций стала более жестко регламентироваться спускаемыми из Оргбюро документами. Только в 1921 году были подготовлены «Инструкция по технике, учету и отчету по распределению партработников», «Положение о специальном учете ответственных работников», «Инструкция по постановке на учет в Губкомах, Укомах, Рай-

комах и в ячейках РКП», «Инструкция по учету штрафных, выбывших и исключенных», «Положение о едином партийном билете» и т. п.

Создавалась система повышения квалификации. Как писал Молотов, «десятки тысяч членов партии оказались в коммунистических университетах и совпартшколах, а также на рабфаках и в вузах, в партийных организациях развернулась широкая сеть различного рода кружков по специально партийным вопросам теории марксизма. Одним словом, партия вошла в период культурного и политического роста»³³². Однако уровень слушателей был таков, что изучению основных предметов часто должны предшествовать курсы русского языка и арифметики. В 1922 году только 0,6 процента членов партии имели высшее образование и 6,4 процента – среднее.

Для прямого контроля за местными организациями по инициативе Молотова был введен институт ответственных инструкторов ЦК. Ими руководил Организационно-инструкторский отдел ЦК, возглавить который он пригласил Кагановича. В особенно ответственных случаях Молотову приходилось и самому выезжать на места. Так, «3 ноября 1921 г. Кавказское бюро РКП(б) на своем пленуме с участием секретаря ЦК РКП(б) тов. Молотова приняло решение о создании Федерации Закавказских республик»³³³. Это из книги Лаврентия Берии «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье».

Надо было наладить элементарный учет внутри партии. В 26 губерниях была запущена всероссийская перепись членов РКП(б). Она успешно продвигалась, но только до тех пор, пока под нее в Горках не попал Ленин. Заполнив анкету из пятидесяти девяти пунктов с подпунктами, среди которых были вопросы о деде с отцовской стороны, о желании обучаться каким-либо ремеслам, о читаемых газетах и связях с деревней, вождь вышел из себя и 14 февраля 1922 года устроил Молотову мощнейший разнос (едва ли не единственный за все время их совместной работы)³³⁴. Но задел для создания системы, получившей название «номенклатура», был создан.

Отдельным и весьма трудоемким направлением работы ответственного секретаря ЦК был разбор внутрипартийных склок, которые шли повсеместно – в Питере, на Украине, в Туркестане, наркоматах, ведомствах и между ними. В Северной столице большинство парторганизаций во главе с лидерами молодой поросли Комаровым и Углановым взбунтовалось против Зиновьева и его команды, обвинив их в бюрократизме. Острый конфликт вспыхнул между Центральным правлением каменноугольной промышленности (ЦПКП) во главе с Пятаковым и

новым партийным начальником Донбасса Рухимовичем. «На-го-няй (*вежливо*): если еще раз *поссоритесь*, обоих прогоним и посадим»³³⁵, – предупреждал Ленин. Он призывал Молотова свято соблюдать резолюцию «О единстве партии»: «В настоящее время пролетарская политика нашей партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него»³³⁶.

Партаппарат начинал заниматься экономикой, и получалось это довольно плохо. «Партийная организация остается в роли партийного агитатора и пропагандиста, стоящего рядом, стоящего около, стоящего возле, иногда стоящего над работой соответствующих хозяйственных органов»³³⁷, – писал Молотов. Первой и главнейшей экономической проблемой, в решении которой пришлось принять участие, стал голод. Он поразил районы, где прокатились белые и красные армии. К лету 1921 года количество голодающих оценивалось в 10 миллионов человек, к осени – до 28 миллионов.

Ленин долго не решался на получение помощи извне. Лишь в конце июня Политбюро утвердило Комиссию по помощи голодающим в составе Троцкого, Каменева, Молотова и Чичерина. Соглашение правительства РСФСР с Американской администрацией помощи было заключено 20 августа, и в нем было оговорено условие невмешательства в наши внутренние дела. Однако этих мер предосторожности Ленину оказалось недостаточно. «Т. Молотов... Ввиду договора с американцем Гувером предстоит приезд массы американцев. Надо позаботиться о надзоре и осведомлении... Состав комиссии: Молотов, Уншлихт, Чичерин. Право замены лишь членами партии и очень ответственными с согласия Молотова»³³⁸. В Комиссии по помощи голодающим Молотов заседал раз в два дня. Голодающие губернии были освобождены от государственных хлебных сборов, организовывалась поставка хлеба по тем направлениям, по которым его раньше в России не возили, – из Нечерноземья на юг и восток.

Голод 1921–1922 годов унес больше пяти миллионов жизней и стал последним отзвуком катастрофы Гражданской войны. С началом нэпа производство начало быстро расти. Совнарком разрешил создание частных предприятий с числом занятых не более двадцати человек, началась сдача в аренду небольших предприятий. Вкупе с заменой продрозверстки на продналог и

госинвестициями в восстановление промышленности это позволит за год почти удвоить производство. Михаил Булгаков, переселившийся в Москву осенью 1921 года, рассказывал: «В Москве есть все: обувь, материи, мясо, икра, консервы, деликатесы – все! Открываются кафе, растут как грибы... Цены сообщить невозможно, потому что процесс падения валюты принял галопирующий характер, и иногда создается разница при покупке днем и к вечеру»³³⁹.

В 1921 году эмиссия составила 16 триллионов, а в 1922-м – около двух квадриллионов рублей. Во время очередной беседы один на один Ленин поделился своими мыслями с Молотовым, который вспоминал: «В те времена никто уже не расплачивался рублями и копейками. За извозчика на вокзал, например, приходилось расплачиваться столькими-то сотнями тысяч, а то миллионами рублей, причем миллионы иронически называли “лимонами”». Положение было такое, что и на «лимоны»-то много не купишь; на рынке, где чем только не торговали, предпочитали за хлеб и картошку получить пиджак, кофту, вязаный платок, ботинки. Такого рода товарообмен был в большом ходу.

«Вот Преображенский предлагает решить вопрос о денонминации. Возможно, что придется это сделать. Но надо продумать дело хорошенько, прежде чем решить... Сделай самую малую оплошность, сколько-нибудь отягчающую нынешнее положение, и построенное нами здание может рухнуть, рассыплется, как картонный домик... Только в конце года было принято решение о проведении финансовой реформы и денонминации, и это сыграло свою положительную роль (как известно, обмен на новые рубли был в этот период произведен дважды, в конце 1921 года и в конце 1922 года, что в итоге дало такой результат: один рубль 1922 года заменил 1 миллион рублей в середине 1921 года)»³⁴⁰. Финансовая реформа была проведена наркомом финансов Сокольниковым (Бриллиантом) при непосредственной помощи Николая Кутлера, бывшего министра земледелия в кабинете Витте. Именно по его рекомендациям был воссоздан Госбанк, выпущена новая валюта – золотые рубли, или червонцы.

В конце 1921 года Ленин дал слабину. Мучили головные боли и бессонница, возможно, он перенес серию микроинфарктов. За этим последовало предписание врачей: воздержание от работы. Ленин взбунтовался и добился уменьшения нагрузки, а не ее полной отмены. Эпизодически он продолжал появляться в Кремле. Его приоритеты просматривались в ложившихся на стол Молотова посланиях из Горок, которые становились

все более жесткими, раздраженными и безапелляционными: предотвращение эксцессов свободного рынка, реконструкция репрессивного аппарата, развертывание антицерковной кампании, искоренение эсеро-меньшевистской оппозиции, меры против интеллигенции, выход из международной изоляции.

Вновь ленинские письма запестрели предложениями об ужесточении репрессий. 20 февраля 1922 года на стол Молотова легла копия письма Ленина наркому юстиции Курскому: «Усиление репрессий против политических врагов Соввласти и агентов буржуазии (в особенности меньшевиков и эсеров); проведение этой репрессии ревтрибуналом и нарсудами в наиболее быстром и революционно-целесообразном порядке; обязательная постановка ряда образцовых (по скорости и силе репрессии)»³⁴¹. Бурную ярость Ленина вызвало появление сборника статей ведущих русских философов Бердяева, Степуна, Франка «Освальд Шпенглер и закат Европы». Книгу Ильич назвал «литературным прикрытием белогвардейской организации»³⁴². Если в 1921 году Ленин призывал Молотова «избегать, безусловно, всякого оскорбления религии»³⁴³, то в январе – феврале 1922 года он добивался принятия постановлений Политбюро и ВЦИКа об изъятии церковных ценностей и объявил борьбу с религией работой всех государственных учреждений.

Ленин все больше разочаровывался в нэпе. «Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому»³⁴⁴. 6 марта 1922 года, впервые после долгого перерыва появившись на публике (на Всероссийском съезде металлистов), он ошеломил собравшихся несколько раз повторявшимися заявлениями о том, что «отступление в смысле того, какие уступки мы капиталистам делаем, закончено... наше экономическое отступление мы теперь можем остановить. Достаточно»³⁴⁵. Молотов, как и многие другие, был вдохновлен: «Доклады и статьи Ленина с первых месяцев 1922 года – это новый и поистине могучий взлет орла, который со своей высоты видит и, можно сказать, не только видит, но и чувствует новые, увлекающие вперед, светлые перспективы. Кто пережил это время, всегда будет помнить, как воодушевляли, как всех нас поднимали эти боевые ленинские призывы – “достаточно отступать”, “отступление окончено”, и, значит, – как ни строги ленинские требования учиться новому, преодолевать все и всякие бюрократические привычки и замашки, – значит, мы уже вступили в новую полосу подъема, стоим на верном, надежном и твердом пути строительства социализма... Больше-

вики выше подняли головы! В наши жилы влился свежий приток красной, большевистской, крови»³⁴⁶.

Путаные и до истерики взвинченные речи Ленина на состоявшемся весной 1922 года XI съезде, в которых он провозгласил концепцию обострения классовой борьбы («борьба с капиталистическим обществом стала во сто раз более ожесточенной и опасной») и несколько раз обещал поставить к стенке и расстрелять из пулеметов эсеров и меньшевиков как «худших и вреднейших элементов белогвардейщины»³⁴⁷, встретили восторженно. Впервые Ленина на партийном форуме никто не критиковал. Не было ни одного голоса против «остановки отступления».

Но внутрипартийные разногласия никуда не исчезли, в полной мере проявившись при обсуждении доклада об оргработе, с которым 28 марта выступил Молотов. Рязанов (Гольдендах) нашел, что Ленин «преподносил нам сегодня нечто вроде сахарных пряников, тогда как Молотов нам преподнес нечто вроде бича или плети». Троцкий воспользовался случаем, чтобы в очередной раз поставить вопрос об обуздании партаппарата, очищающего руководящие органы от его сторонников³⁴⁸. Молотов в ответном слове был само хладнокровие и просто проигнорировал критику. А аргументы Троцкого отверг, заявив, что перемещения партработников осуществлялись по деловым соображениям³⁴⁹.

При выборах нового ЦК в проекте его состава после фамилий Молотова и Куйбышева в скобках было написано «секретарь». А после фамилии Сталина – «Генеральный секретарь». Кадровые решения съезда были закреплены 3 апреля на пленуме ЦК. В полноправные члены ПБ добавились Томский и Рыков. Предложенная Каменевым на пост генсека кандидатура Сталина не встретила возражений. На следующий день «Правда» сообщила: «Избранный XI съездом РКП Центральный Комитет утвердил Секретариат ЦК РКП в составе: т. Сталина (генеральный секретарь), т. Молотова и т. Куйбышева». Молотов стал вторым секретарем ЦК, коим оставался следующие восемь лет.

Второй секретарь

Борис Бажанов, сведущий в партийных интригах, уверенно рассматривал назначение Сталина в контексте начинавшегося создания антитроцкистской «тройки» – Зиновьева, Каменева и Сталина, – которая будет руководить страной при больном Ленине и сразу после его смерти. «Расчет Зиновьева: нужно сбросить

силь Троцкого, а Сталин – явный и жестокий враг Троцкого. Зиновьев и Каменев предпочитают Сталина. Немного не хватило, чтобы во главе партийного аппарата, автоматически шедшего к власти, не стал Молотов, вернее, не остался Молотов»³⁵⁰. Что касается самого Молотова, то его даже сместила сама мысль, что кто-нибудь другой при живом Ленине мог решить столь важный вопрос. Причина назначения именно Сталина? Ленин просто не видел лучшей кандидатуры. И никто в Политбюро не мог в полной мере понять, какие возможности создает для Сталина новый пост, хотя бы потому, что никто, кроме него, партстроительством не занимался.

Сталин, обосновавшись в кресле Генерального секретаря, нашел партийную машину уже на полном ходу и не стал практически ничего менять, кроме графика работы, да и то частично. Новый распорядок выглядел так: «Назначить по понедельникам и четвергам (в 11 ч. утра) обязательные заседания Политбюро и по средам (в 12 ч. дня) заседания тройки Политбюро (т. Каменев, Сталин, Молотов)»³⁵¹. Эта новая полуформальная «тройка» готовила повестку дня заседаний и фактически предreshала решения ПБ. В «Правде» был опубликован и график дежурства партийного руководства: «Секретариатом ЦК утвержден следующий порядок приема в ЦК ежедневно с 12–3 часа дня: в понедельник – Молотов и Куйбышев, во вторник – Сталин и Молотов, в среду – Куйбышев и Молотов, в четверг – Куйбышев, в пятницу – Сталин и Молотов, в субботу – Сталин и Куйбышев. Адрес ЦК: Воздвиженка, 5»³⁵².

Команда ЦК пополнилась новыми людьми, которые если к тому моменту и не были, то по всей логике внутрипартийной иерархии становились верными сталинцами. Третий секретарь ЦК – Валериан Куйбышев – выпускник Омского кадетского корпуса и недоучившийся военный врач, семь лет провел в ссылке, руководил губкомом в Самаре, зачищал от басмачей Закаспий, был в президиуме ВСНХ. Грамотный, читающий, организованный и энергичный, как охарактеризует его Молотов. Руководить своим личным секретариатом Сталин пригласил Амаяка Назаретяна, переведя его из Кавказского бюро ЦК РКП(б). Секретарем и порученцем Сталина был Иван Товстуха, член Французской соцпартии и синдиката парижских шоферов, пришедший из наркомнаца. Из Рабкрин пришел в ЦК Лев Мехлис. Супердоверенным лицом был Александр Поскребышев, сын вятского сапожника и фельдшер по первой профессии. Вскоре в аппарате секретариата появится юный сотрудник, который станет главой советского правительства – Георгий Маленков. Из родного Оренбурга он ушел добровольцем на Туркестан-

ский фронт, а потом через рабфак поступил в Москве в Высшее техническое училище, которое так и не окончил. Протекцию ему составила энергичная супруга, уже работавшая в ЦК.

Сталин прекрасно понимал аппаратную работу. Он знал, что нужно держать под контролем, чтобы располагать реальной властью, – принятие решений и их исполнение, расстановку кадров, регионы. В развитие установки Сталина – «каждого работника изучать по косточкам» учраспред ввел систему индивидуальных характеристик всех ответственных работников. Оценивались мотивы работы, уровень дисциплинированности, характер, ум, восприимчивость к знаниям, умение руководить и множество других параметров. 12 декабря 1922 года Молотов направил циркулярное письмо губкомам (обкомам) с предписанием наладить учет ответственных работников уездов (районов). Их учетные листки должны были отныне отправляться в ЦК, о любых кадровых перемещениях нужно было сообщать ежемесячно³⁵³.

Для формирующейся номенклатуры у руководителей ЦК были не только кнуты, но и довольно большие пряники. Система привилегий руководящих партработников была легализована и формализована в августе 1922 года решениями XII Всероссийской партконференции, принятыми по докладу Молотова: «Положение теперь требует от нас, чтобы мы приняли, как партия, определенные и твердые меры к тому, чтобы создать сносные условия жизни для партийных работников, посвящающих свои знания целиком революции и партии, целиком зависящих от партийной работы. Мы должны эти условия создать, и то уравнительное стремление, которое еще осталось, не должно чрезмерно мешать этой работе... Мы теперь приходим к денежной оплате труда...»³⁵⁴ Чем второй секретарь разочаровал собравшихся (и что вызвало единственное возражение в прениях), так это предложением запретить хозяйственную деятельность, которую активно развернули многие партийные органы в условиях нэпа³⁵⁵. Хотя партийным руководителям так и не суждено было стать «олигархами», предложенные Молотовым блага и привилегии были распространены в общей сложности на 15 325 партработников по всей стране. Изменения в положении аппарата и рост влияния исполнительных органов партии были закреплены в новом Уставе РКП(б), который был разработан комиссией под руководством Молотова и принят той же XII конференцией.

Через членов партии ЦК контролировал и работу правоохранительной системы. Спад волны мятежей привел к сужению масштабов террора – с 36 тысяч осужденных за контрреволю-

ционную деятельность в 1921 году до шести тысяч в 1922-м. Террор теперь применялся против тех групп «эксплуататорских классов», которые Ленин определил в качестве наиболее опасных. А именно: духовенства, социалистов и интеллигенции.

Нельзя сказать, что Молотов (как, кстати, и Сталин, Зиновьев, Каменев) был в первых рядах антицерковной кампании, которая развернулась в форме операции по изъятию церковных ценностей для борьбы с голодом. Как отмечал академик РАН Николай Покровский, «Молотов, бывший тогда фигурой несамостоятельной, все же позволял себе иногда некоторую оппозицию по отношению к глобальному (троцкистско-ленинскому) плану разгрома РПЦ и искоренения религии»³⁵⁶. Циркулярную шифрограмму «о вовлечении значительных рабочих и крестьянских масс в кампанию по изъятию церковных ценностей» Молотов отправил не во все регионы, а только в восемь губерний.

Большие последствия имели события в уездной Шуе, где 15 марта толпа оказала сопротивление изъятию ценностей, были убитые и раненые. По их следам Ленин направил Молотову «строго секретное» письмо: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления». Молотов позволил себе еще один акт непослушания. На первой странице письма он написал: «Согласен. Однако предлагаю распространить кампанию не на все губернии и города, а на те, где действительно есть крупные ценности, сосредоточив соответственно силы и внимание партии»³⁵⁷.

Письмо Ленина рассматривалось в Политбюро. Молотов стоял на своем – за ограниченный масштаб реквизиций, и, хотя и недолго, ему это удавалось, поскольку 22 марта соответствующее постановление ПБ было принято с его поправкой. Но на следующий же день Троцкий предложил исключить из постановления «по вопросу о деятельности духовенства в связи с изъятием ценностей из церквей поправку Молотова»³⁵⁸. Поправку не просто изъяли. ПБ специальным постановлением осудило мягкость и гнилой либерализм Молотова³⁵⁹. Линия Ленина–Троцкого победила. Молотов и Калинин разослали от имени ЦК и ВЦИКа циркуляр, в котором предупреждали уже все без исключения губкомы и исполкомы, что «неполное изъятие церковных ценностей будет рассматриваться как нерадение местных органов»³⁶⁰.

Многие биографы Ленина обращали внимание на то, что еще до революции он уделял борьбе с социалистами и либера-

лами куда больше времени и внимания, чем с царским самодержавием. И Молотов если в церковных делах еще допускал известный либерализм, то в преследовании эсеров и меньшевиков мягкости не проявлял. В 1921 году, когда потребовались реальные и мнимые виновники мятежей, Дзержинскому была передана выписка из письма Ленина Молотову: «Поручить ВЧК разработать систематический план: 1. Ликвидация с-р и усиление надзора; 2. То же меньшевиков...»³⁶¹ Ленин решил, что настало время для показательных судебных процессов – первых в Советской России. Молотов не руководил подготовкой процесса, но держал руку на пульсе мероприятий по его политическому обеспечению. Он отметил на эту тему в прессе: «Под всевозможными прикрытиями в масках беспартийности, аполитизма и т. п. идут в массы эти предатели революции. Партия должна раскрывать их приемы и вовремя отражать удары врагов»³⁶².

Суд проходил в Колонном зале Дома союзов. Пленумом ЦК было решено: приговор трибунала в отношении двенадцати представителей первой группы подсудимых, осужденных на казнь, «утвердить, но исполнением приостановить». Остальные получили различные сроки заключения, что, впрочем, особого практического значения не имело, поскольку все они были обречены провести остаток жизни в тюрьмах, лагерях и ссылках.

После эсеров пришла пора интеллектуалов. Взгляд председателя Совнаркома на интеллектуальную сферу был утилитарным, что объяснялось гораздо большим его вниманием к развитию образования и науки, нежели искусства. Перепись 1920 года выявила 54 миллиона взрослых, не умеющих читать и писать. Еще в годы Гражданской войны бюрократическая конкуренция между Наркомпросом, пытавшимся монополизировать учебно-научную систему, и другими комиссариатами, стремившимися создавать собственные аналитические центры, привела к формированию десятков новых исследовательских организаций – экономического, военного, медицинского, сельскохозяйственного профиля. Люди науки стали попадать в привилегированную касту, вновь обрели право на вознаграждение «за научные, педагогические и научно-популярные сочинения», смогли получить дополнительную комнату сверх жилищных норм «для надомной работы в профессиональных целях»³⁶³.

ЦК требовал взамен политической лояльности, ударной работы и решительно вмешивался, когда наблюдались отклонения от этих требований. У Ленина художественные критерии были по преимуществу политическими. Для Молотова это тоже было существенно, но он не пренебрегал и художественными достоинствами. Постепенно аппарат ЦК приблизился к состав-

лению чего-то похожего на список «литературной номенклатуры», куда попадали пользующиеся расположением властей поэты и писатели.

Как-то я поинтересовался у деда, голосовал ли он когда-нибудь в Политбюро против Ленина. Он задумался буквально на секунду и тут же ответил: «Да, когда Ленин собрался закрыть Большой театр. Он считал его осколком дворянской культуры, на который не стоит тратить народные деньги». Постреволюционная эпоха подарила самые смелые творческие эксперименты, количество новых театров, клубов, политических кабаре стремительно росло. Но Ленин театр недолго любил за его чрезмерную... театральность. Иное дело кино. Хотя приписываемая Ленину фраза о наиважнейшем для нас искусстве принадлежала не ему, а Троцкому, председатель Совнаркома видел в кино и широкие пропагандистские перспективы, и возможности пополнения бюджета – через создание системы кинопроката. Театр же выступал для Ленина бездонной бочкой, в которой исчезали бюджетные ассигнования.

В сентябре 1921 года он поручал Молотову «отменить решение Президиума ВЦИКа о выдачи 1 млрд (миллиарда) на театры. *Помимо НКпроса!!* Это незаконно. Это верх безобразия»³⁶⁴. Большой скандал вызвало письмо Молотову от Ленина по поводу закрытия Большого театра: «...Оставить из оперы и балета лишь несколько десятков артистов на Москву и Питер для того, чтобы их представления (как оперные, так и танцы) могли окупаться, т. е. устранением всяких крупных расходов на обстановку и т. п. ...Из сэкономленных таким образом миллиардов отдать не меньше половины на ликвидацию неграмотности и на читальни»³⁶⁵. Молотов голосовал на заседании ПБ против. Луначарский тоже не сдавался. 14 января он пишет Молотову: «Категорически протестую о принятии такого решения без предупреждения меня и без выслушания моих доводов. Категорически требую пересмотра этого вопроса в моем присутствии»³⁶⁶. Политбюро сократило госдотации, но Большой и Мариинку не закрыло.

К лету 1922 года Кремль созрел к решительным действиям против оппозиционной интеллигенции. 17 июля Ленин направил Сталину письмо, в котором предложил список кандидатов на высылку из страны. В нем были и известные философы, историки – Потресов, Пешехонов, Изгоев, Франк, Розанов, Рожков и др. Ленин считал, что «надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго»³⁶⁷. Первые массовые аресты прошли по всем крупнейшим университетским центрам страны в ночь с 16 на 17 августа. К ленин-

ским кандидатурам были добавлены ректоры обоих столичных университетов, такие светила мировой величины, как Артоболевский, Бердяев, Лосский, Кондратьев, Степун, Сорокин, Ильин, Карсавин, Булгаков и многие-многие другие ученые-гуманитарии, медики, агрономы, профессора технических и естественных наук, которые составили бы честь любой стране мира. Но только не России.

...Молотова в мире знают в первую очередь как многолетнего министра иностранных дел. Но школу практического решения международных вопросов он начал проходить еще в ленинские времена. После окончания Гражданской войны страна находилась фактически в дипломатической изоляции.

Большевистское руководство признавало полное несоответствие международной обстановки ортодоксальной схеме марксизма-ленинизма. Мировая (или хотя бы европейская) революция не произошла, но и Советская Россия каким-то образом уцелела. Ленин начинает склоняться к идее подготовки «длительной осады» мира капитала. Это было связано с осознанием того непреложного факта, который он в одном из писем Молотову сформулировал как «разрыв между величию начатых осуществлением задач и нищетой, как материальной, так и культурной»³⁶⁸.

Поворот к «длительной осаде» в первую очередь затронул Коммунистический интернационал. Еще в 1920 году на его II конгрессе было не только принято «21 условие» приема в Коминтерн, жестко привязавшее все входившие в него партии к колеснице РКП(б), но и впервые заявлено о возможности сотрудничества с реформистскими рабочими организациями, предложена теория антиколониальных революций, не социалистических по своему характеру³⁶⁹. Этот поворот Ленин оформил на III конгрессе КИ летом 1921 года, преодолев сопротивление Бухарина и Зиновьева³⁷⁰. Смена приоритетов в коминтерновской политике была заметна и на Востоке. В Китае это нашло выражение в образовании «единого антиимпериалистического фронта КПК и руководимого Сунь Ятсеном Гоминьдана посредством индивидуального вступления коммунистов в эту партию при безусловном сохранении их политической самостоятельности»³⁷¹.

Молотов не только обсуждал в ПБ вопросы Коминтерна. Он занимался его финансированием по схеме, описанной Бажановым: «На заседания ни один представитель компартии никогда не допускается. Докладывает только генеральный секретарь Коминтерна Пятницкий. Молотов распределяет манну беспрекословно и безапелляционно – соображения, которыми он

руководствуется, не всегда для меня ясны... Скрытый перевод средств обеспечивается монополией внешней торговли»³⁷².

Внешняя политика Советской России была двухслойной. На одном уровне Коминтерн занимался дестабилизацией режимов в капиталистических странах. На другом – Наркомат иностранных дел пытался наладить отношения с теми же странами. Главным неформальным партнером России с начала 1920-х годов становилась Германия. Инициатором сближения выступал главнокомандующий рейхсвером генерал Х. фон Зект. В Москве германское руководство нашло заинтересованных партнеров, увидевших возможности для создания с немецкой помощью современного военно-промышленного комплекса и повышения квалификации комсостава. Появлялась возможность сформировать альянс двух партий Версальской системы. Ллойд Джордж, желая решить сразу две главные мировые проблемы – русскую и германскую – путем возвращения Москвы и Берлина в мировую экономическую систему, предложил провести общеевропейскую конференцию в Генуе. Советское руководство моментально ответило согласием. На специально созванной Чрезвычайной сессии ВЦИКа 27 января 1922 года была избрана делегация на Генуэзскую конференцию. Ее возглавил Ленин, но ехать он не собирался. Подготовка к конференции стала центральным вопросом в работе Политбюро, причем Молотов выступал фактическим координатором, взаимодействуя и с Лениным, и с полпредами, и с руководителями Наркоминдела – Чичериным и Литвиновым.

Молотов вспоминал Чичерина как исключительно культурного, европейски образованного человека, искусного переговорщика. Титулярный советник в императорском МИДе и меньшевик, Чичерин всегда был на подозрении. Но чувствовалось, что к Чичерину Молотов испытывал более теплые чувства, чем к его заместителю Максиму Литвинову (Меер–Меноху Валлаху). Литвинова он характеризовал как человека умного, обходительного, хорошо знавшего за границу, хорошего дипломата. До революции он осуществлял «эксы», занимался контрабандой оружия, сидел во французских и английских тюрьмах. Недоверие к нему, как объяснял Молотов, было связано с привычкой «болтать много лишнего» с иностранцами. Играл роль и фактор его супруги Фэйви Лоу, сохранявшей английское подданство.

Молотов довел до членов делегации инструкции Ленина: поразить своих собеседников суммой советских контрпретензий, примерно вдвое превышающих размер довоенных и военных долгов России, и выдвиганием идей пацифизма и всеобщего сокращения вооружений, привлечь внимание к восстановле-

нию народного хозяйства России; никакой коммунистической пропаганды.

15 апреля советская делегация отклонила предложенную Лондоном схему – реституция собственности, признание доверенных и военных долгов при отсрочке погашения последних, свобода деятельности иностранных предпринимателей в России – и вручила документ о контрпретензиях. Переговоры зашли в тупик. Вот только германская делегация, остановившаяся в Рапалло, об этом не знала. Чтобы не остаться в международной изоляции, немцы согласились ночью подписать договор, вынутый из портфеля Чичерина. Это был первый равноправный договор, заключенный двумя государствами после обретения ими статуса республики. Ради отношений с Германией Ленин по существу жертвовал взаимодействием с западными странами. В 1922 году на Германию приходилась уже треть советского импорта (к 1932 году этот показатель достигнет 47 процентов). Два изгоя Европы нашли друг друга.

После Рапалло Генуэзская конференция по инерции катилась еще больше месяца, после чего трансформировалась в конференцию на уровне экспертов в Гааге, тоже не принесшую существенных результатов, – ни в деле политического признания России, ни на ниве развития ее внешнеэкономической деятельности. Молотов подчеркивал: «Итоги Генуи и Гааги подводят черту под попытки немедленно сделать общий переход к новым международным отношениям Советской России с буржуазным капиталистическим миром в ближайшее время. Результаты Генуи и Гааги показывают, с одной стороны, крах империалистических стремлений мирным путем, путем сговоров и дипломатии лишить Советскую Россию отвоеванных кровью и мечом прав на существование социалистической республики. Но вместе с тем этот крах свидетельствует, что перед Советской Россией лежит путь постепенного и длительного отвоевывания новых позиций у капиталистического интернационала. После Генуи и Гааги, таким образом, стало совершенно ясно, что перед партией, по крайней мере, на ближайшее время, есть только один путь – путь внутреннего строительства, путь преодоления внутренних трудностей социалистического развития»³⁷³.

Без Ленина

Болезнь Ленина вновь обострилась, ему становилось все хуже. Преходящие нарушения мозгового кровообращения, апатия, навязчивые состояния, слабость. 23 апреля 1922 года

врачи решились извлечь из его шеи пулю Каплан. Появились признаки улучшения здоровья, однако 25 мая в Горках Ленин перенес удар, парализовавший всю правую половину тела. 30 мая он пригласил к себе Сталина, просил его достать цианистый калий³⁷⁴. Тот отказался. По рассказам Молотова, вопрос обсуждался на ближайшем же (оно состоялось 1 июня) заседании Политбюро, и поведение Сталина было признано правильным. Именно с конца мая, в предчувствии ухода Ленина, в Кремле начинает функционировать новый руководящий триумвират: Каменев председательствовал на заседаниях ПБ, СНК и к тому же возглавлял Моссовет. Сталин – в Секретариате и Оргбюро (хотя по факту чаще в председательском кресле оказывался более дисциплинированный Молотов). Зиновьев командовал Коминтерном и Петроградом. Договорившись между собой, они могли провести через ПБ или правительство любое решение.

С мая по октябрь Ленин безвыездно находился в Горках, гораздо чаще других (12 раз) его посещал Сталин, и именно на него все больше выплескивалось раздражение. Как только Ленин вновь обрел способность писать (12 июля), он отправил свое первое письмо не Сталину, а Каменеву, причем выдержал его в самом язвительном по отношению ко всей руководящей верхушке форме. Это письмо никогда не публиковалось в ленинских собраниях сочинений, но его фотокопия лежала у Молотова в личном архиве. И понятно почему. «Т. Каменев. Ввиду чрезвычайно благоприятного факта, сообщенного мне вчера Сталиным из области внутр. жизни нашего ЦК, предлагаю ЦК сократить до Молотова, Рыкова и Куйбышева, с кандидатами Кам., Зин. и Томск. Всех остальных на отдых, лечиться. Сталину разрешить приехать на авг. конференцию. Дела зашевелятся – выгодно, кстати, и с деловой точки зрения. Ваш Ленин. P.S. Приглашаю на днях Вас к себе. Хвастаю моим почерком: среднее между каллиграфическим и паралитическим (по секрету)»³⁷⁵.

Ленин появился в Кремле 2 октября вопреки возражениям врачей и Политбюро. На следующий день он председательствовал на заседании Совнаркома. «Оно было особенно многолюдно, – свидетельствовала Фотиева. – Пришли все, кто имел хотя бы отдаленное право присутствовать на заседаниях Совнаркома...»³⁷⁶ Молотов тоже был в зале. Ленин стремился поразить собравшихся способностью выполнять свои обычные обязанности, но слабость его и раздраженность были налицо. Коллеги старательно избегали полемики, но их вежливость только усиливала его возбуждение. Так было и на всех последующих

заседаниях. Помимо «тройки» в списке посетителей Ленина появляется и Молотов. Возобновились знаменитые ленинские записочки, вновь касавшиеся всех аспектов государственного управления. Так, последнее полученное Молотовым послание от Ленина относилось к финансированию программы развития хлопководства в Армении³⁷⁷.

Присутствие на заседаниях Политбюро не вполне здорового Ленина начало тяготить «тройку». Многие серьезные решения старались принимать без его участия – когда его не было или ближе к концу заседания, когда Ленин из-за усталости уходил в свою квартиру. Ленин также все более разочаровывался в главных людях своей команды. Разочаровывался настолько, что к концу года у Ильича вызрела хорошо известная по его «завещанию» мысль убрать Сталина с поста Генерального секретаря. Почему? Троцкий доказывал, что Ленин готовил почву для передачи власти ему, Троцкому. Молотов уверял, что виной всему была Крупская, невзлюбившая Сталина в связи с неоднократными резкими выговорами ей за несоблюдение установленного ПБ для больного Ленина режима. Ключ к разгадке мне видится в словах Марии Ульяновой, которая упоминает частное письмо Ленина с опасением, «что под Владимиром Ильичом, так сказать, подкапываются»³⁷⁸. Глубоко ошибочно думать, будто Ленин в 1922 году уже покончил счеты с жизнью и судорожно искал себе преемника. Никаких признаков такого поиска нет. Весьма примечательно, что, предложив позднее уволить Сталина с поста генсека, он никого не предложил взамен, если не считать варианта с Молотовым во главе ЦК из трех человек. «Старик» намеревался править сам.

У опалы Сталина был и еще один аспект, на который мало обращают внимания, – идеологический. Ленин начинал усматривать во взглядах Кобы такие моменты, которые свидетельствовали о его стремлении открыть дорогу националистическим, рыночным веяниям в противовес интернационализму и «прекращению отступления». Сталин оказывался более правым политиком, чем Ленин, который видел все более родственную душу в Троцком. Основные политические конфликты конца 1922 года – вокруг монополии внешней торговли и по проблеме образования Союза ССР – содержательно представляли собой ленинские обвинения Сталина в недостаточной революционности.

11 августа 1922 года была создана Комиссия Оргбюро ЦК РКП(б) во главе со Сталиным по установлению формы единого государства и выработке общей для всех конституции. Молотов вошел в нее чуть позднее. В конце августа проект

резолуции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками был готов: республики должны были вернуться в статусе автономий в состав России, на долю которой приходилось 92 процента территории и 70 процентов населения будущего объединения. Это получило название сталинского плана «автономизации». Его поддержали, хотя и без энтузиазма, ЦК всех республик кроме одной – Грузии. Комиссия Оргбюро ЦК РКП(б) собралась на свое первое заседание 23 сентября. Молотов председательствовал. Центр представляли также Сталин, Орджоникидзе, Сокольников; Украину – Петровский, Белоруссию – Червяков, Азербайджан – Агамалы оглы, Армению – Мясников, Бухару – Фейзула Ходжаев. Член комиссии Мдивани не приехал из-за болезни, послав вместо себя Цинцадзе, который при обсуждении постановления ЦК КП Грузии один выступил в его защиту.

В первый день успели рассмотреть и одобрить главный параграф: «Признать целесообразным заключение договора между советскими республиками Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении и РСФСР о формальном вступлении первых в состав РСФСР, оставив вопрос о Бухаре, Хорезме и ДВР открытым и ограничившись принятием договоров с ними по таможенному делу, внешней торговле, иностранным и военным делам и прочее». На второй день заседание приняло гораздо более острый характер – появился Мдивани. С поправками проходит второй пункт резолюции: «Постановление ВЦИК РСФСР считать обязательными для центральных учреждений всех республик». Мдивани – против, Мясников воздержался. Пункт третий – внешняя политика, оборона, транспорт. Они оказываются в компетенции РСФСР, имеющей своих уполномоченных в республиках. В ведении республик предлагалось оставить вопросы юстиции, просвещения, внутренних дел, земледелия, здравоохранения, социального обеспечения. С оговорками о необходимости еще раз все обсудить в самих республиках резолюция была одобрена³⁷⁹.

Один экземпляр Молотов направил в Горки. Изучив резолюцию, Ленин 26 сентября вызвал к себе Сталина на ковер и изложил ему собственный план «федерализации», который заключался не во вступлении всех республик в состав РСФСР, а в слиянии их вместе с Россией в формально равноправный Союз Советских Республик Европы и Азии. Обычно принято было считать, что Ленин, питая ненависть к царской «тюрьме народов» и национальному высокомерию, решил положить конец политике русификации, дать свободу, равноправие и самоуправление всем народам и их республикам. А Сталин и Моло-

тов – великорусские националисты – собрались их поставить под жесткий контроль Москвы. Но ведь ни в одном другом случае Ленин никогда в принципе не высказывался за децентрализацию государственного или партийного управления.

Открытый союз республик был нужен Ленину в первую очередь для того, чтобы к нему в дальнейшем могли присоединяться другие страны Европы и Азии, свергающие капитализм. Не входило же, скажем, Германии, Англии или Японии после победы там социалистической революции в состав РСФСР. Современный историк вопроса А. Косаковский совершенно справедливо замечает: «Такая позиция Ленина, остававшегося по сути своей в первую очередь революционером, была основана на сохраняющейся у него вере в торжество грядущей мировой революции. С ее наступлением федеральное устройство государства, право на самоопределение открывают возможность присоединения к союзу все новых и новых республик. В отличие от Ленина, Сталин в своих взглядах на решение национального вопроса выступал в первую очередь как державник, а уж потом как революционер»³⁸⁰. В сталинских и молотовских идеях неделимости России Ленин видел препятствие на пути реализации глобальных планов соединения пролетариев всех стран в единую семью народов под эгидой Москвы и Коминтерна. И именно во имя этого ему нужна была формальная децентрализация, которую он намеревался на практике свести к нулю с помощью жесткой вертикали партийных органов, спецслужб и армии.

6 октября Ленин занял кресло председателя на специально обсуждавшем этот вопрос пленуме ЦК, где получил также твердую поддержку от Каменева и Бухарина. Хотя до конца пленума Ленин недосидел (разболелся зуб), Сталин в конфликт вступить не стал. Комиссия Оргбюро ЦК пересмотрела свою первоначальную резолюцию в духе ленинских требований: «Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских Республик и РСФСР об объединении их в Союз Социалистических Советских Республик с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава Союза»³⁸¹. Владимир Путин был прав, когда в начале 2016 года сказал, что Ленин заложил бомбу под будущее государство.

Единственное, что смогла сделать Комиссия Оргбюро – предложить свое название нового государства – СССР. Ленин одержал легкую победу, но вовсе не успокоился: «Т. Каменев! Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его

всеми здоровыми зубами»³⁸². Война была объявлена Сталину. Ленинский проект «федерализации» был поддержан всеми республиками, за исключением, естественно, Грузии, где ряд членов местного ЦК предложил войти в состав СССР не через Закавказскую Федерацию, а самостоятельно. Расхлебывавший эту кашу первый секретарь Закавказского крайкома Георгий (Серго) Орджоникидзе с присущей ему прямоотой назвал верхушку КПГ «шовинистической гнилью»³⁸³. Он не церемонился со своими соотечественниками и по ходу дела избил одного из сторонников Мдивани – Кабакидзе, который назвал его «сталинским ишаком».

Молотов называл Орджоникидзе человеком чувства и сердца, что часто подводило его в жизни, поскольку он не всегда мог сдерживать эмоции. Но тепло отзывался о нем, считал его своим другом, который обладал волей, мужеством, твердостью характера и дружелюбием. Сын дворянина и выпускник Тифлисской фельдшерской школы, он ссылался в Енисейскую губернию, откуда бежал за границу, участвовал в революции в Персии, учился в ленинской школе в Лонжюмо. Со Сталиным судьба его тесно свела в Царицыне, где Орджоникидзе оказался в качестве чрезвычайного комиссара Юга России.

В октябре – ноябре комиссия ЦК во главе со Сталиным и Молотовым готовила Конституцию СССР и декларацию о его образовании. «Я, например, связывался не только с центральными комитетами национальных компартий, но и губкомами, – вспоминал Каганович. – Я систематически докладывал Секретариату ЦК и лично товарищам Сталину и Молотову. Это была большая и глубокая организационно-интернационалистская работа...»³⁸⁴ На Украине «боротьбисты» популяризировали идеи конфедерации с сильно урезанными правами Москвы. Значительная часть парторганизаций Башкирии и Татарии по примеру Грузии требовала ликвидации РСФСР, чтобы войти в Союз самостоятельно.

В конце ноября Ленин потребовал отправить в Грузию специальную комиссию во главе с Дзержинским для изучения ситуации и наказания Серго. 13 декабря Ленин пригласил Сталина и беседовал с ним два часа. Судя по всему, на повышенных тонах. Это был последний разговор «Старика» со Сталиным. После этого Ленин, чрезвычайно редко писавший Троцкому, отправил ему записку с просьбой «взять на себя на предстоящем пленуме защиту нашей общей точки зрения о безусловной необходимости сохранения и укрепления монополии внешней торговли»³⁸⁵. Это была еще одна проблема, по которой Сталин и Ленин расходились.

Активность на ниве либерализации внешней торговли развернул Сокольников, доказывавший, что для возрождения внутренней экономики нужна частная торговля с границей. И на октябрьском пленуме ЦК большинство партийного руководства, включая Каменева, Сталина, Молотова, Бухарина, поддержало резолюцию в пользу частичного «открытия шлюзов». Через пять дней Ленин разразился разгромным письмом Сталину: «Но на деле это есть срыв монополии внешней торговли»³⁸⁶. «Тройка» обещала «исправиться», но Ленин уже обратился за поддержкой к Троцкому, которого не посещали крамольные мысли о свободе торговли.

В конце ноября – начале декабря 1922 года у Ленина было пять тяжелых приступов. Он все реже появлялся в своем рабочем кабинете, письма и пакеты оставались на столах скучавших секретарей невскрытыми или без ответа. Последнюю личную встречу Молотова и Ленина зафиксировала дежурившая в приемной утром 1 декабря Надежда Аллилуева: «Владимир Ильич в 11 ч. 20 м. звонил Лидии Александровне, просил на 12 ч. назначить Молотову. Был Молотов и Сырцов вместе с 12 до 1 ½»³⁸⁷. Последний раз на заседании Политбюро Молотов видел Ленина 7 декабря. А уже 13 декабря – после разговора со Сталиным – врачи предписали ему полностью прекратить работу. Писать он уже не мог. 15 декабря Ленин надиктовал секретарше письмо Сталину для членов Политбюро: «Я кончил теперь ликвидацию своих дел и могу уехать спокойно. Кончил также соглашение с Троцким о защите моих взглядов на монополию внешней торговли»³⁸⁸. Однако уехать ему не удалось, в ночь на 16-е произошел новый удар, у Ленина опять парализовало правую сторону тела.

На пленуме 18 декабря приняли все предложения вождя по монополии внешней торговли и образованию СССР. Сталин получил право распоряжаться режимом работы Ленина в соответствии с рекомендациями доктора Форстера. 21 декабря Оргбюро утвердило отчет Дзержинского о проверке в Грузии: было принято решение о смещении Мдивани и его сторонников со всех постов в Грузии. В тот же день Каменев сообщил о письме Ленина Троцкому с просьбой выступить о монополии внешней торговли на съезде. И это при абсолютном запрете Форстера на контакты Ленина с коллегами³⁸⁹. Молотов рассказывал, что Сталин был в ярости, и вся она в итоге выплеснулась на Крупскую, обеспечившую тайную связь Ленина с внешним миром. Сам Молотов в этом конфликте был полностью на стороне Сталина, который, по его словам, стоял на страже интересов здоровья Ленина. Хотя он и не оправдывал грубость Сталина,

при нем выкрикивавшего в адрес Крупской самые неприятные вещи: «Я не буду ходить перед ней на задних лапках! Спать с Лениным – еще не значит разбираться в болезнях и ленинизме! Из-за того, что она пользуется с Лениным одним нужником, я не могу ценить ее так же, как его!» В таком настроении Сталин снял трубку, позвал к телефону Крупскую, грубо отчитал ее и пригрозил партийными санкциями.

23 декабря 1922 года Ленин позвал секретаря Володичеву: «Я хочу продиктовать письмо к съезду». В периоды «оттепели» конца 1950-х – начала 1960-х и перестройки Михаила Горбачева было модно обосновывать поворот к социализму с человеческим лицом ссылками на последние работы Ленина. Я много раз говорил с дедом о ленинском «завещании». Он был о нем высокого мнения, хотя отмечал, что диктовалось оно Лениным в минуты нечастых просветлений сознания. Молотов также говорил, что никакой перемены взгляда на социализм в своих последних работах Ленин не совершал. При этом из них выделял статью «О кооперации». Но спрашивали его чаще всего о «Письме к съезду», где Ленин давал характеристики шести членам высшего руководства партии и предлагал товарищам «обдумать способ перемещения Сталина с этого места, назначить на его место другого человека, который во всех отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.»³⁹⁰.

Молотов обращал внимание своих собеседников на тот факт, что в «Письме к съезду» Сталин не только выдвинут вперед в качестве одного из «двух выдающихся вождей современного ЦК» наравне с Троцким. В устах Ленина (и в восприятии партийной массы, а особенно – в аппарате) «грубость» Сталина воспринималась как гораздо меньший грех, нежели «небольшевизм» Троцкого, «неслучайность октябрьского эпизода» Зиновьева и Каменева, «немарксизм» Бухарина и невозможность положиться в серьезном деле на Пятакова. Ленин даже в «Письме» никого не характеризовал лучше, чем Сталина, и никем не предложил его заменить. Полагаю, из «Письма» мог следовать только один вывод: в стране нет никого, кроме Ленина, кто был бы достоин ею управлять. Отсутствие своей собственной фамилии в списке охарактеризованных товарищей Молотов скромно объяснял своей молодостью и тем, что из «молодых» Ленин по-прежнему выделял только Бухарина и Пятакова. Главную причину появления письма Молотов видел в хамстве Сталина в отношении Крупской. При этом Молотов считал, что Ленин был абсолютно точен в своей характеристике Сталина.

Но каковы бы ни были обстоятельства появления «Письма», в нем ясно виделось намерение Ленина на предстоявшем XII съезде поставить вопрос о замене Сталина на посту генсека. Знал ли тот о подобной опасности? Молотов уверял, что о содержании ленинских записок даже ему было известно практически сразу. Откуда? Ответ дает записка Фотиевой на имя Каменева от 29 декабря 1922 года: «Т. Сталину в субботу 23/XII было передано письмо Владимира Ильича к съезду, записанное Володичевой. Между тем, уже после передачи письма выяснилось, что воля Владимира Ильича была в том, чтобы письмо это хранилось строго секретно в архиве, можно (так в тексте. – В. Н.) быть распечатано только им или Надеждой Константиновной и должно быть предъявлено кому бы то ни было лишь после его смерти». Фотиева просила никому не сообщать об оплошности. Каменев на этом же листке написал письмо Сталину, предложив ознакомить с заявлением Фотиевой «тех членов ЦК, которые узнали содержание письма Владимира Ильича (мне известно, что с содержанием его знакомы гг. Троцкий, Бухарин, Орджоникидзе и ты)»³⁹¹.

Ленин продолжал диктовать. 27–29 декабря появилась статья «О придании законодательных функций Госплану». В ней он решил поддержать неоднократно им ранее отвергавшуюся идею Троцкого о необходимости максимальной централизации государственного контроля над экономикой через Госплан. Статью эту Крупская передала Зиновьеву только в начале июня 1923 года, вопрос о публикации рассматривался в Политбюро. «За» был только Троцкий. Молотов подал свой голос за предложение Зиновьева: «Н. К. тоже держалась того мнения, что следует передать только в ЦК. О публикации я не спрашивал, ибо думал (и думаю), что это исключено»³⁹².

30 декабря 1922 года вошло в историю как день образования Советского Союза. Об этом событии на I съезде Советов СССР объявил Сталин, максимально избавившийся от своего правого «национализма» в пользу ленинского интернационализма и назвавший новое государство прообразом «грядущей Мировой Советской Социалистической Республики»³⁹³. А в декларации об образовании СССР, которая станет первой частью Конституции 1924 года, будет записано, что Союз открыт не только для уже существующих республик, но и для тех, что оформятся в будущем.

В те же минуты, когда Сталин провозглашал создание нового государства, Ленин вызвал Володичеву, чтобы начать диктовать ей очередной материал – «К вопросу о национальностях или об автономизации». Осудив национализм большой нации

и поддержав национализм нации маленькой, Ленин вернулся к «грузинскому делу» и заключил: «Политически-ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского»³⁹⁴. Это письмо тоже предназначалось для XII съезда.

В первые дни 1923 года Ленин надиктовал несколько «Страничек из дневника», в которых говорилось о необходимости преодолеть «азиатскую бескультурность» через развитие школьного образования, а затем принялся за вопросы кооперации. Статья, которую он продиктовал 4 и 6 января, поначалу не вызвала, как и другие писания больного Ленина, большого интереса в партийном руководстве. «Правда» после долгих колебаний опубликовала ее только в конце мая. Однако скоро она окажется в центре внутривнутрипартийной борьбы из-за двух идей Ленина, сформулированных весьма нечетко. Во-первых, в противоречии со всей предыдущей теорией марксизма он намекнул на наличие в СССР предпосылок для строительства социализма вне зависимости от победы революции во всемирном масштабе. А во-вторых, утверждал, что создать общество нового типа можно достаточно быстро путем вовлечения масс населения в процесс кооперирования.

Молотов доказывал, что статья «О кооперации» обосновывала возможность построения социализма в одной отдельно взятой стране, а главным способом решения этой проблемы называла массовую коллективизацию. Эта сталинско-молотовская интерпретация ленинского кооперативного плана не совпадала с троцкистско-зиновьевской, а затем и бухаринско-рыковской позициями и создавала основу для размежеваний в РКП(б) на все 1920-е годы. Левые отрицали, что Ленин верил в возможность победы социализма в одной стране. Правые не были уверены, что ленинский кооперативный план означал сплошную коллективизацию и сворачивание рыночных отношений.

Две последние ленинские статьи были посвящены борьбе с бюрократизмом. Ленин предлагал на предстоявшем съезде партии выбрать 75–100 новых членов ЦКК из рабочих и крестьян, которые вместе с 300–400 служащими Наркомата рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин) должны будут создать орган совместного партийно-государственного контроля и «присутствовать в известном числе на каждом заседании Политбюро»³⁹⁵. Статья «Как нам реорганизовать Рабкрин» вызвала в Политбюро некоторое замешательство. С какой стати создавать еще одну супербюрократическую структуру из людей, ничего не понимающих в управленческой работе, которую им

предстояло контролировать? «На немедленно созванном по моему предложению Политбюро все присутствовавшие: тт. Сталин, Молотов, Куйбышев, Рыков, Калинин, Бухарин были не только против плана т. Ленина, но и против самого напечатанного статьи. Особенно резко и категорически возражали члены секретариата»³⁹⁶, – свидетельствовал Троцкий.

К теме Рабкрин Ленин вернулся в статье «Лучше меньше, да лучше», которую опубликуют 4 марта. Если она и привлекла внимание, то скорее резким критическим тоном: «Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрин, нет и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать»³⁹⁷. Поскольку Рабкрином до весны 1922 года ведал Сталин, посвященные восприняли статью как очередной выпад против генсека.

Вновь воспылав праведным гневом против великорусских шовинистов Сталина, Дзержинского и Орджоникидзе и понимая, что участие в работе предсъездовского пленума ЦК для него проблематично, Ленин 5 марта надиктовывал послание Троцкому: «Я бы очень Вас просил взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии»³⁹⁸. И сразу вслед за ним последовало выношенное и выверенное по времени письмо Сталину (с копиями Каменеву и Зиновьеву): «Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее... Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу вас взвесить, согласны ли вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения»³⁹⁹. Генсек сумел подавить в себе первый порыв – ответить Ленину в духе кавказских представлений о роли женщины в семье настоящего мужчины. Хотя ответил тоже грубовато: «Нельзя играть жизнью Ильича... Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения “отношений” я должен “взять назад” сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя “вина” и чего, собственно, от меня хотят»⁴⁰⁰.

Троцкому не захотелось бросаться в бой против Сталина с открытым забралом. На пленуме, сославшись на плохое самочувствие, он отмолчался. Сам же Ленин с этого времени был способен произносить только односложные слова. «Завещание» Ленина на XII съезде оглашено не было: запечатанный конверт с «Письмом к съезду» по воле Ленина мог быть вскрыт либо им самим, либо Крупской после его смерти. Ленин был жив, но вскрыть свое послание был не в состоянии. ЦК сообщил народу об ухудшении здоровья Ленина 13 марта. А на следующий день

в «Правде» была напечатана статья Карла Радека «Лев Троцкий – организатор побед», которая была воспринята в партии как готовность Троцкого подобрать власть из рук умиравшего Ленина. Борьба за престолонаследие перешла в открытую фазу. Троцкий напишет: «На борьбе с троцкизмом Сталин стал “теоретиком”, а Молотов вождем»⁴⁰¹.

В начале 1923 года все еще делали вид воплощенной скромности, всячески подчеркивая приверженность коллективному руководству. При решении вопроса о том, кому вместо больного Ленина читать политический доклад на XII съезде, Сталин предложил кандидатуру Троцкого. Тот, напротив, доказывал, что Сталин, как Генеральный секретарь, сделает это лучше. В итоге доклад достался Зиновьеву. Троцкий взял на себя доклад о промышленности, Сталин – по национальному вопросу, а также организационный отчет, Молотов возглавил редакционную комиссию по подготовке резолюций по оргвопросам.

В центре развернувшейся весной 1923 года дискуссии оказались тезисы Троцкого по промышленной политике, которые обсуждались в марте – апреле на нескольких заседаниях Политбюро, а затем на двух пленумах. Вот как Молотов трактовал суть разногласий: «Весь 1923-й и начало 1924 года троцкисты всё нажимали, что мы слишком слабо занимаемся индустриализацией. Надо как можно скорей индустриализировать, иначе погибнем. Мы говорим: “Нет, не погибнем! Если мы с мужиком не поссоримся, мы не погибнем”. А весь смысл в том, чтобы подготовиться к этому. Невозможно было ничего еще получить от мужика. Мужик-то еще не ожил. Сверхиндустриализация – это болтовня, на деле вы не за индустриализацию, потому что вы не верите в возможность союза с крестьянством, а верите только в западного рабочего, а он пока не торопится»⁴⁰².

Троцкий наносил контрудар по Сталину в связи с национальным вопросом, имея в рукаве такой козырь, как еще никем не озвученные ленинские записки против национализма генсека. Открыть карты он решил за два дня до начала XII съезда, разослав их всем членам ЦК, как и статью «К вопросу о национальностях и об “автономизации”». Декорации к XII съезду, который открылся 17 апреля 1923 года в роскоши Большого Кремлевского дворца, были расставлены. На этом фоне почти незамеченным прошел политический отчет Зиновьева, который не только подтвердил «завершение отступления», но и пошел дальше, провозгласив задачу «победы над нэпом».

Виртуозно отбился Троцкий. Внеся в речь о промышленности все требовавшиеся от него поправки, он тем не менее призвал пройти нэп «по сокращенному учебнику», чтобы не

дать развиваться вредным последствиям от появления на свет «рыночного дьявола». Немного сложнее пришлось Сталину в нацвопросе. Ленинские записки и статью передали на обсуждение глав делегаций. Поддержку Троцкому в борьбе с великорусским шовинизмом оказали Бухарин и Раковский, но это не помешало принятию резолюции с осуждением «местного национализма» Мдивани, а вовсе не Сталина. Съезд действительно увеличил состав ЦК с двадцати семи членов до сорока и пятнадцати кандидатов, а ЦКК – с пяти человек до пятидесяти и реорганизовал Рабкрин. Однако если Ленин видел смысл своих нововведений в усилении контроля *над партией* и ее руководством, то Сталин и Молотов трансформировали их в усиление контроля *со стороны партии*. Молотов предложил именно такую редакцию постановления съезда: «Основной задачей ЦКК является работа по обеспечению во всех отношениях партийной линии в деятельности всех советских органов»⁴⁰³. Увеличивать состав ЦК и ЦКК за счет своих людей многим даже понравилось – с тех пор эти органы росли от съезда к съезду. Главное кадровое изменение после XII съезда: на место Куйбышева, командированного руководить ЦКК–Рабкрином, секретарем ЦК был выдвинут Ян Рудзутак, ставший также кандидатом в члены Политбюро.

На свой 33-й день рождения Молотов получил письмо от отца:

«Дорогие Веча и Поличка. Здравствуйте!

Настоящим поздравляю Вечу с днем Ангела и Поличку с дорогим именинником, с искренним пожеланием доброго здоровья, благоденствия, счастливой семейной жизни, в делах же и службе пользоваться всегда скорыми успехами, а главное быть здоровыми. Ну как, Веча, дела на политическом горизонте, все ли обстоит благополучно?

Здесь откуда-то распространился слух, что Франция с Германией разодрались и будто бы Англия с Турцией и что в драку намерены втянуть и Россию из-за каких-то там проливов и Черного моря, которое будто бы занимает своими судами Англия. Слухи насколько верны – не ручаемся. Здесь же по этому поводу не заметно никаких активных действий; только своим чередом идет обучение новобранцев с деревянными палками вместо ружей. В военкомате тишина необычная довольно.

А вот что налогами, так просто задушили нас, как городских жителей, так и мужиков, а особенно торговцев. Некоторые артели заплатили по несколько миллиардов, и только за 3 месяца с апреля вновь надо платить опять миллиарды, то многие, как

слышно, прекращают дело. Кроме торговцев и жителям очень обременительно. Вот и с нас налоги почти каждую неделю. Не успеешь один внести, уже несут повестку на другой. Хорошо что Зина еще зарабатывает немного, то и отдуваемся.

А в последнее время врачам, занимающимся частной практикой, предлагают патенты на 3 месяца за 75 миллионов. За службу же в больнице платят всего 60 миллионов. Ведь это прямо эксплуатация. А за гарнизонного врача ничего не платят. А предшественнице ее мукой платили. Да и что же это за жалованье врачам; тогда как Володе Чиркову из отдела труда послали инвалида-ученика, мальчишку с обязательством принять и обучать его в пекарне булочной и платить ему 88 млн. Да застраховать его на 22 млн. А он пока только может разве принести дров в пекарню и больше ничего, да подмести. А врачи учились несколько лет, так их плата 60 млн. Так где же справедливость?

Вот Зина и собирается отсюда бежать в Казань через неделю, пока зимняя дорога. Если что заработает, то только на налоги, а на провизию ничего не остается, то питаться приходится неважно. Хорошо, что было еще молоко, так как корова все время давала молоко. Но для поборов нужны конечно средства, то в силу необходимости корову придется продать. За нее предлагают 1 ½ миллиарда. И вот с этими средствами и ехать. Меня тоже Зина зовет с собою в Казань, но я пока не решил этого вопроса. Тогда на кого же оставим дом и хозяйство? Выписываю домой Володю, и он согласен переехать, только вот уволят ли его со службы? Он секретарит в Волисполкоме, заместителя пока не находится, и мне оставаться одному тоже без мамы теперь скучно.

Да, Веча, не стало у меня моего Ангела хранителя и Вашей любящей Вас дорогой мамочки. Очень и очень без нее скучно мне живется. Отлетел от нас Ангел хранитель и оставил меня, да еще больного канителиться в сем мире юдоли плача и вздыхания, но что поделаешь, "судьбы Господни неисповедимы", приходится все посылаемые испытания переносить с терпением, которого правда у нас запасы небольшие. Здоровье мое все еще пока не важно, и даже еще к пищеводу прибавились и другие: часто болит голова, колотья в груди и часто расстройства желудка. Так вот, дорогой Веча, как у нас дома дела.

Относительно поездки в Казань я лично отлагаю до парохода, а Зина решила ехать по зимней дороге, чтобы не канителиться на пароходе с багажом. Но вот Зина скоро уедет, а налогов предстоит еще масса. То вот я не знаю, вправе ли облагать меня налогами? Так как в настоящее время я больной

инвалид и безработный, то оттуда у меня средства для оплаты налогов, а их ожидается не мало. На днях были опять с регистрацией и переписывали, какие имеются строения и сколько под ними земли с садами и огородами. Я толковал по этому поводу с налоговым инспектором, что меня бы не следовало обкладывать как безработного и инвалида. Он сказал, что это их не касается. Раз имеете дом, то платить обязаны. Тогда хоть беги из дома. Поэтому у меня вопрос о поездке в Казань стоит как насущный, только не полагаюсь на квартирантов. Квартиранты, правда, находятся и просят квартиру, но без себя плохая на них надежда. Испортить, порушить – это ихнее дело, что уже испытано во время нашего жития в Кукарке и в Вятке.

Веча, вот меня интересует эта налоговая политика. Чего этим правительство хочет достигнуть, чтобы сравнять население как в городах, а также и в деревне, чтобы ни у кого ничего не осталось?..

Относительно строительства. Чего бы не начали, ничего не выходит. Поневоле вспомнишь поэта: “Суждены нам благие порывы, но свершить ничего не дано”. Вот пример нашего строительства – “Народный Дом”. Навозили массу материалов, кирпича, камня и прочего, выкопали для закладки ямы, и тем дело кончилось. Как было еще в бытность твою в Нолинске, так и по сейчас. Затем на площади хотели разбить парк. Площадь обнесли тыном, насадили тысячи полторы деревьев и кустарников. Сколько народу работало, и все это ни к чему. В настоящее время опять та же площадь: ни одного деревца не осталось... Ну, будьте здоровы. Любящий Вас и благодарный. Папа Михаил»⁴⁰⁴.

Это было последнее письмо от Михаила Прохоровича. В том же году его не станет.

Быстро росший аппарат ЦК партии переехал в большое серое здание на Старой площади, где он будет размещаться до последних дней существования КПСС. Из воспоминаний Бажанова: «5-й этаж дома отведен для секретарей ЦК и наших секретных служб. Поднявшись на 5-й этаж, можно пойти по коридору направо – здесь Сталин, его помощники и секретариат Политбюро; пойти же по коридору налево – здесь Молотов и Рудзутак, их помощники и секретариат Оргбюро. Если пойти по первому правому коридору, первая дверь налево ведет в бюро Каннера и Мехлиса. Только через него можно попасть в кабинет Сталина, и то не прямо, а пройдя сквозь комнату, где дежурит курьер (это крупная женщина, чекистка Нина Фомен-

ко). Дальше идет кабинет Сталина. Пройдя его насквозь, попадаешь в обширную комнату, служащую для совещаний Сталина и Молотова. Сейчас же за ней кабинет Молотова. Сталин и Молотов много раз в течение дня встречаются и совещаются в этой средней комнате»⁴⁰⁵.

На заседаниях Секретариата теперь председательствовал Рудзутак. На заседаниях Оргбюро – Молотов. В 1923 году кадровые вопросы составили 40 процентов от всех, рассмотренных в Оргбюро. XII съезд предложенной Молотовым резолюцией объявил подбор не только партийных, но и советских, хозяйственных, кооперативных и профсоюзных руководителей важнейшей партийной задачей⁴⁰⁶. Была создана комиссия под руководством Молотова и Кагановича, которая готовила всеобъемлющее постановление «О назначениях», одобренное Оргбюро 12 июня. Не прошло мимо ЦК и утверждение первого союзного правительства, которое было образовано на сессии ЦИК СССР в июле 1923 года во главе с Лениным. Его заместителями стали Каменев, Рыков, Цюрупа, Чубарь и Орехашвили. В ноябре появилось постановление Оргбюро, сопровождавшееся двумя списками должностей. Первый – номенклатура № 1 – включал до четырех тысяч наиболее важных постов, назначения на которые утверждались Политбюро или Оргбюро. По номенклатуре № 2 ведомства сами предлагали людей на должности, но по согласованию с учетно-распределительным отделом ЦК и с санкции одного из его секретарей. За год количество ответработников, состоявших на учете в ЦК, выросло с пяти до пятнадцати тысяч.

В июле Зиновьев и Бухарин отправились отдыхать в Кисловодск, где на досуге в пещерах размышляли о судьбе страны. Суть их последующих предложений заключалась в реорганизации руководящих органов партии – упразднении Оргбюро и избрании нового Секретариата в составе Троцкого, Сталина и Зиновьева. Молотов видел в «пещерной платформе» «интригу против Сталина и всей нашей группы». Тогда же Зиновьев писал Каменеву: «На деле нет никакой тройки, а есть диктатура Сталина... Мы этого терпеть больше не будем»⁴⁰⁷. Генсек был в курсе этой переписки: Дзержинский не дремал. Сталин тут же отвечает в Кисловодск: «Вы не прочь подготовить разрыв, как нечто неизбежное... Действуйте, как хотите. Дней через 8–10 уезжаю в отпуск (устал, переутомился)».

Уход Сталина означал бы триумф Троцкого. Сговориться удалось на том, что Секретариат сохранили, а в Оргбюро ввели Бухарина, Зиновьева и Троцкого. На такую уступку Сталин мог пойти спокойно: он не мог заподозрить этих лидеров партии в

Веча Молотов. Самая ранняя фотография

Мать Анна Яковлевна и отец Михаил Прохорович

Дом семьи Скрябиных в Нолинске

Семья Скрябиных (слева направо): Владимир, Вячеслав, бабушка Екатерина Сергеевна, Виктор, дед Проход Наумович, Михаил, Анна Яковлевна, Николай, Сергей, Михаил Прохорович

Нолинский хор.
М. П. Скрябин —
во втором ряду
второй слева

Казанский реалист

Возвращение
с маевки.
Казань, 1908 г.
Художник
Н. Ромадин

Пропаганда
в рабочем кружке.
Художник
И. Дегтярев

Нерзлучная
четверка
революционеров
Казанского
реального
училища.
Слева направо:
А. Аросев,
Н. Мальцев,
В. Тихомирнов,
В. Скрябин.
1909 г.

Печатание
революционных
листовок.
Казань, 1909 г.
Художник
И. Дегтярев

Каникулы на берегу Вои.
Вячеслав Скрябин — крайний справа, сестра Зина — стоит

Обыск
на квартире
В. М. Молотова
22 марта 1909 года.
*Художник
И. Дегтярев*

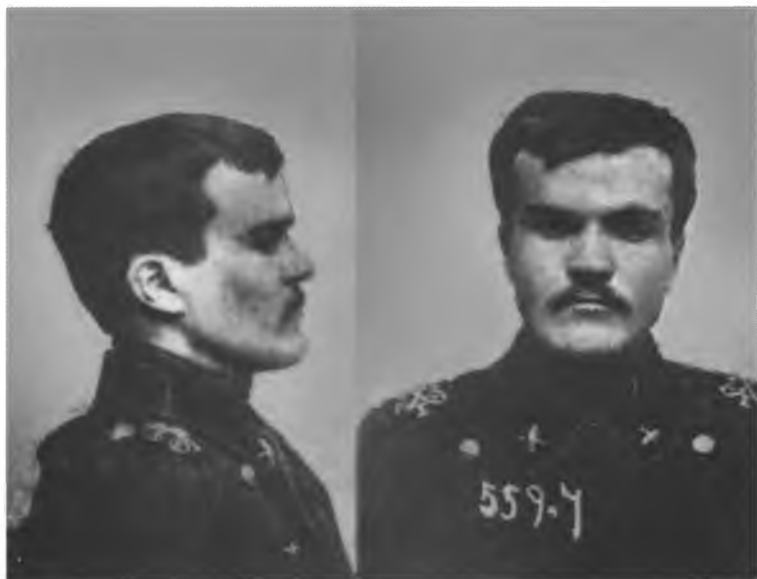
В. Молотов
и Н. Мальцев.
1911 г.

Расклейка
первомайских
листовок.
Вологда, 1911 г.
Художник Ф. Лехт

Студент-
политехник

Учетная карточка студента Политехнического института им. Петра Великого. 1913 г.

В редакции «Правды», 1912 г. Художник Н. Денисовский

Совещание представителей большевистских организаций Москвы в Сокольниках 1 июня 1915 года. Художник А. Нюренберг

СКРЯБИНЪ-ВЛЧЕСЛАВЪ-6-ЧЛ-1915-3483.

III. Молотов по кличке
СКРЯБИН,
Вечеслав : Михайлов.ч.

Мещ., Вятской Губ. Арестован
6 Июня 1915 г. в г. Москве
по делу Р.С.Д.Р.П.
ныне секретарь
■ Ц.К. Р.К.П. ■

В день ареста в Москве. 6 июня 1915 г.

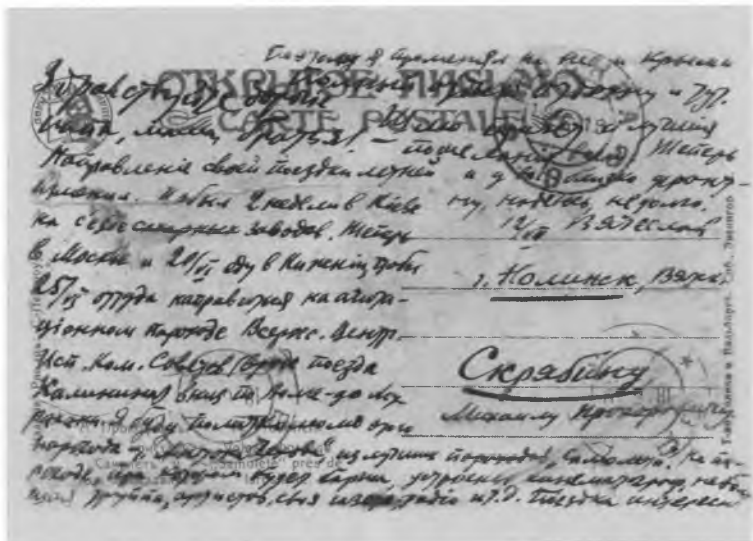
В иркутской ссылке. 1915 г.

Молотов в революционную пору

В. М. Молотов среди солдат в февральские дни 1917 года (Петроград).
Художник А. Нюрнберг

Весточка домой из Москвы. 1919 г.

Среди агитаторов и пропагандистов парохода «Красная Звезда». 1919 г.

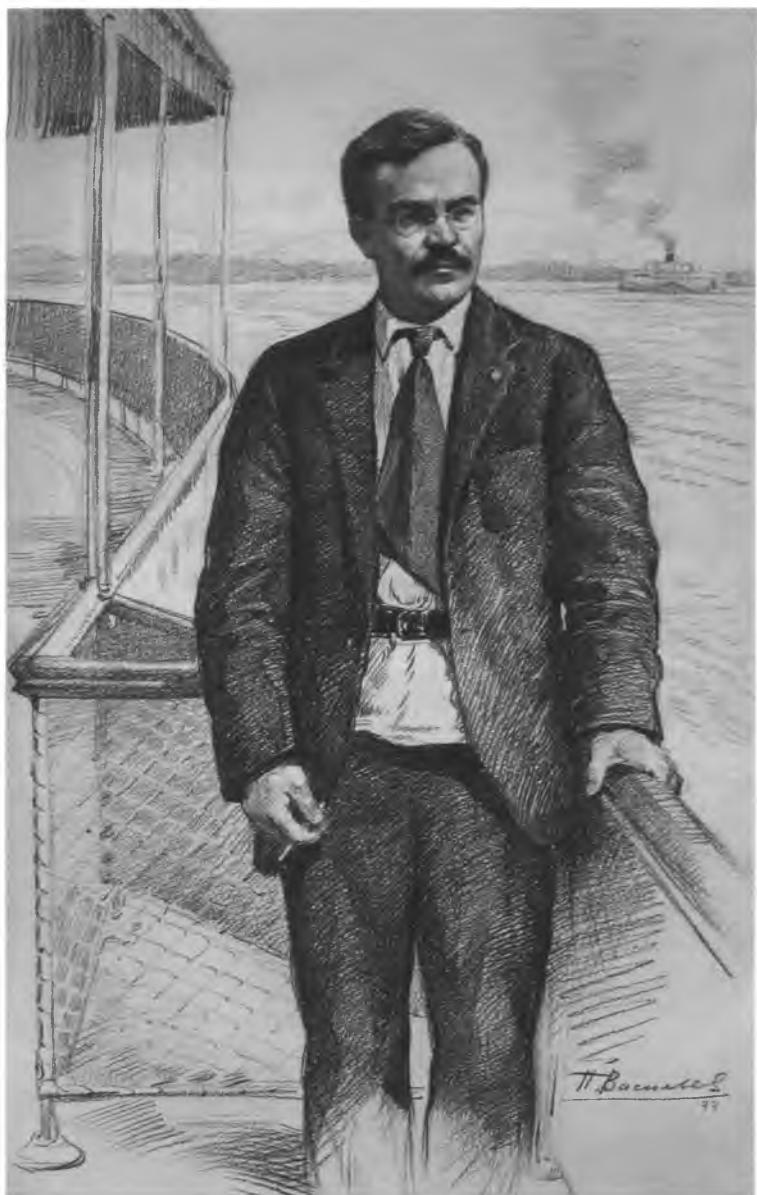

Митинг во время стоянки агитпарохода. 1919 г.

Уполномоченный ВЦИКа Молотов на пароходе «Красная Звезда». 1919 г.

В. М. Молотов на пароходе «Красная Звезда».
Художник П. Васильев

готовности действительно заниматься организационной работой. Они ею и не занимались.

Наметившийся в «тройке» раскол пока дальше не пошел. Сталин, Зиновьев, Каменев вновь были по одну сторону баррикады, отражая атаку Троцкого на руководство ЦК, предпринятую с начала октября. Как тогда писал Молотов, «осенние затруднения в хозяйственной жизни страны и перелом в революционном движении германского пролетариата, приковавшем к себе еще недавно главное внимание авангарда нашего пролетариата, – заставили партию сосредоточить свое внимание на внутреннем положении в стране и прежде всего на положении в самой партии»⁴⁰⁸. В стране с ничтожной товарной массой и неудовлетворенными элементарными потребностями все производители испытывали проблемы с реализацией своей продукции: экспортные каналы не были налажены, а города сидели без денег, поскольку безденежные крестьяне не были в состоянии покупать промышленную продукцию. Брат Володя, который оказался в Нолинске на семейном хозяйстве, писал Молотову: «Это не советская власть, а власть деспотов. И это определение очень правильное. Другого выражения придумать никак нельзя, т. к. советская власть не должна раздевать народ – крестьян, а должна помочь, а тот, кто раздевает народ и грабит, есть разбойники с большой дороги. Вот у меня какое мнение сложилось о советской власти. И такое мнение не только у меня, а у большинства крестьян, служащих и рабочих... Теперь я тебе скажу о настроении массы к войне. Верно, можно мобилизацию провести успешно, но долго ли солдаты будут в окопах – это большой вопрос?»⁴⁰⁹

Если уж в Нолинске судачили о мобилизации и войне, то что было говорить о столицах. 1923 год начался с того, что правительство Пуанкаре оккупировало Рурскую область. В Великобритании после падения Ллойд Джорджа лорд Керзон выступил с ультиматумом, угрожая разрывом торгового соглашения и отзывом английского представителя из Москвы, если не будет положен конец деятельности советских агентов в Иране, Афганистане, Индии и не прекратится дискриминация британского бизнеса в СССР. В Швейцарии белоэмигрантом Конради был застрелен Воровский – секретарь советской делегации на Лозаннской конференции. В СССР в «ответ Керзону» и мировой буржуазии шли демонстрации протеста. Контригру затеяли в Германии: ПБ выделило на революцию 300 миллионов золотых рублей, группа революционеров во главе с Радеком отправилась туда как костяк будущего немецкого совнаркома. Армия рвалась в бой, чтобы омыть сапоги в Висле и Рейне за униже-

ние российско-польской войны 1920 года. «Из провинциальной Москвы, из полуазиатской России мы выйдем на широкую дорогу европейской революции, – уверял Троцкий. – Она приведет нас к революции мировой»⁴¹⁰.

Сталин и Молотов не были принципиальными противниками мировой революции. Но они видели все угрозы прямой военной конфронтации нищей России с крупнейшими державами Запада. Видели они и то, что война (при любом ее течении) вела на вершину власти армейские круги во главе с тем же Троцким. ЦК не поддержал его глобальные проекты⁴¹¹. 8 октября Троцкий направил письмо с обвинениями Политбюро и аппарата партии в отрыве от масс и некомпетентном хозяйственном руководстве, требовал обновления аппарата и увеличения приема в партию рабочих от станка⁴¹². Через неделю в ЦК поступило «заявление 46-ти», под которым поставили свои подписи представители всех левых фракций – децистов, «рабочей оппозиции», профсоюзной платформы Троцкого: Белобородов, Косиор, Медведев, Муралов, Преображенский, Пятаков, Сапронов, Серебряков, В. Смирнов, Сосновский, Шляпников и др. Требовали вывести из-под партийного диктата государственные органы, двинуть войска на Европу, пересмотреть нэп в пользу подлинно коммунистических принципов.

ЦК нанес ответный удар, обвинив Троцкого в антиленинизме и игнорировании своих прямых обязанностей: «Он ни разу не посетил заседаний Совнаркома ни при тов. Ленине, ни после отхода его от работ. Он ни разу не внес ни в Совнарком, ни в СТО, ни в Госплан какое бы то ни было предложение по хозяйственным, финансовым, бюджетным и т. п. вопросам»⁴¹³. Одновременно на свет божий были извлечены все неллицеприятные высказывания Ленина о Троцком. Троцкий ответил 23 октября письмом, в котором уверял, что всегда шел вместе с Лениным – будь то вопросы монополии внешней торговли или создания СССР. Политбюро отреагировало созывом 25–27 октября объединенного пленума ЦК и ЦКК, куда пригласило секретарей десяти крупнейших парторганизаций и двенадцати оппозиционеров. Пленум осудил выступления Троцкого и «46-ти» как акты фракционности. Ему был объявлен выговор. При этом Сталин выступил в роли примирителя, отвергнув предложения Каменева и Зиновьева, требовавших исключения Троцкого из партии.

После пленума Троцкий уехал охотиться на уток. Во время охоты он промочил валенки на подтаявшем болоте и слег с гриппом и высокой температурой. «Тройка» была настрое-

на настолько примирительно, что даже некоторые заседания Политбюро стали проходить в квартире Троцкого. По свидетельству последнего, Сталин в этот момент во имя достижения компромисса с ним был готов «сдать» Молотова⁴¹⁴. ПБ и ЦКК выступили с резолюцией, в которой были учтены едва ли не все претензии оппозиционеров, включая привлечение рабочих от станка. Резолюция требовала также, чтобы руководящие органы не считали критику проявлением фракционности. Это было приглашением к открытой дискуссии. И Троцкий на эту удочку клюнул. 9 декабря в «Правде» появляется его статья «Новый курс», полная жесткой критики ЦК и Политбюро.

Похоже, Сталин и Молотов только этого и ждали. Была вновь разрешена внутривнутрипартийная дискуссия, и ПБ сочло себя вправе обрушиться на оппозиционеров публично и со всей силой. В массы пошли Сталин, Зиновьев (видимо, его перу принадлежит термин «троцкизм»), Каменев, Бухарин. Не отставал и Молотов, выступавший в парторганизациях, в печати и на партийных форумах. Он свидетельствовал: «В отдельных организациях некоторое число ячеек (в особенности в нерабочих районах) и определенная часть коммунистов (преимущественно из советского аппарата) первое время с известным сочувствием отнеслась к выступлениям “оппозиции”»⁴¹⁵. Сильные позиции троцкистов оказались на Урале и в Сибири, в союзных республиках, где у них находилось немало сторонников в борьбе с великодержавниками из Москвы. В вузовских организациях студенты откликались на лозунги Троцкого о молодежи как «барометре революции». И на стороне Троцкого оказалась значительная часть военного руководства. Командующий Московским военным округом Муралов пришел к Троцкому с предложением: «Лев Давыдович, я возьму роту красноармейцев и поставлю эту сталинскую клику к стенке»⁴¹⁶. Но Троцкий команду на путч не дал.

У Политбюро тоже были немалые козыри: партаппарат, пропагандистская машина, спецслужбы, авторитет ленинского штаба партии. Оппозицию били ее же оружием, обвиняя «недовольных партийных вельмож, видящих существо демократизма в смене одних лиц другими»⁴¹⁷. Молотов уверял: «За особенно “яркими” выступлениями против партийного аппарата прямо чувствовался чуждый пролетариату голос мелкобуржуазных элементов (стоящих за пределами партии), истолковавших принципы внутривнутрипартийной демократии в слишком расширительном смысле, “в смысле ослабления диктатуры пролетариата”»⁴¹⁸.

Внешнеполитические сюжеты, связанные с германской революцией, рассосались сами собой. В октябре 1923 года части рейхсвера вступили в Саксонию и Тюрингию. Более того, попытку прийти к власти предприняли уже совсем другие силы – 9 ноября в Мюнхене Адольф Гитлер организовал пивной путч. Российские творцы германской революции бесславно вернулись домой.

Экономическую платформу оппозиции дезавуировали совместными усилиями. Каменев и Рыков убеждали, что партия не отступится от ленинской концепции нэпа в пользу военного коммунизма. Молотов на XIII партконференции обвинил троцкистов в «левом ребячестве и мелкобуржуазности»⁴¹⁹. Поддержав необходимость усиления планового начала, Политбюро подчеркивало, что возврат к «главкократическому администрированию» времен военного коммунизма исключен. Шаг за шагом ЦК начал восстанавливать контроль над армией. Январский (1924 года) пленум ЦК назначил комиссию по исследованию положения в армии, которая признала «необходимость усиления кадров, центрального военного аппарата путем усиления коммунистического ядра»⁴²⁰. В новом составе РВС Троцкий обнаружит себя в компании сталинистов, его заместителем станет Фрунзе.

Ключевым для общего успеха ЦК в дискуссии была безоговорочная победа в столице и на заводах. «Партия преодолела осеннюю оппозиционную лихорадку, – писал Молотов в 1924 году. – К началу этого года стрелка настоящего нашего барометра – пролетарской массы – уверенно стала на пункте: нет больше искусственной бури, нет ливня речей, нет града нападок»⁴²¹. В начале января на заседании Исполкома Коминтерна Зиновьев публично выпорол Троцкого перед всем цветом мирового пролетарского движения. Тот вышел из борьбы и уехал на Кавказ. На открывшейся 16 января XIII партконференции против резолюции, подводившей итоги дискуссии, было подано лишь три голоса. Троцкий опять проиграл внутрипартийную схватку, причем уже даже не Ленину, а «товарищам Картотековым», как он с презрением называл секретарей ЦК.

После завершения конференции партийное и советское начальство задержалось в Москве на Всероссийский и Союзный съезды Советов. Вечером 21 января в Кремле раздался звонок Марии Ульяновой: «Только что, в 6 часов 50 минут, скончался Ленин». Молчание, замешательство, но вот уже Молотов с другими руководителями усаживаются в аэросани и мчатся в Горки. Дороги – два часа. «Ленин лежит на столе, – это Зиновьев специально завел дневник. – На него надели двубортный

пиджак. Цветы. Сосновые ветви. Он лежит в большой комнате. Ее окна выходят на веранду. Мороз»⁴²². Молотов, как и остальные, попрощался с вождем – и обратно в Москву. На 2 часа ночи назначен экстренный пленум ЦК. Возвращались на поезде, на час опоздали. 50 человек сидели в безмолвии. Решения принимались быстро. Провести траурное заседание съезда Советов. Его должна была подготовить специальная комиссия Политбюро под председательством Молотова. Он вошел и в комиссию похорон.

Со Старой площади во все парторганизации ушли сообщения о кончине Ленина. Большой Троцкий предпочел продолжить отпуск в Тифлисе. Вопрос о преемственности власти решался без него и кулуарно. Как говорил Молотов, «после смерти Ленина, когда собрались у Зиновьева в Кремле человек пять, в том числе Сталин и я, и что-то около завещания начали <обсуждать>, я сказал, что считаю все оценки Ленина правильными. Сталину, конечно, это не понравилось. Хотя у меня со Сталиным были самые хорошие отношения, но я и тут не пошел против Ленина, а считал нужным поддержать завещание, чтобы Сталин это почувствовал»⁴²³. Было решено «Завещанию» ход не давать – до следующего съезда партии. Сталин обещал исправиться и, как считал Молотов, в течение нескольких лет свое обещание держал, «пока снова не зазнался». В качестве основы постленинской власти рассматривалось «коллективное руководство», олицетворять которое по-прежнему должна была «тройка».

В 11 часов утра 22 января Калинин открыл XI Всероссийский съезд Советов. Весть о смерти Ленина «отозвалась воплями скорби и боли. Людское горе грозило вылиться в массовую истерику»⁴²⁴. На следующее утро Молотов вместе со всеми членами ЦК, наркомками, делегациями с мест приехал в Горки. Гроб несли на руках до ближайшей станции Герасимово – пять верст. Метель, холод. Под ногами еловые ветки, которые бросали тысячи крестьян из ближайших деревень, толпой окружившие процессию. За окнами промерзшего траурного поезда – людская стена, выстроившаяся вдоль железнодорожного полотна. На Павелецком вокзале гроб опять взяли на плечи, и людской поток проводил его до Дома Советов.

Отстояв в почетном карауле, члены комиссии по организации похорон собрались, чтобы обсудить, что делать с телом. Идея сохранить тело Ленина в мумифицированном виде, чтобы выставить на всеобщее обозрение, вызвала острую дискуссию. Молотов считал решение правильным: «Для того периода это нужно было. Крупская же была против. Решением ЦК это сделали. Сталин настаивал. Мы поддержали»⁴²⁵. Против бальзамирования и

Мавзолея были и все Ульяновы, а в ПБ – Каменев и Бухарин. Тем не менее большинство свое мнение продавило. Сохраняющееся тело вождя мирового пролетариата должно было придать дополнительную значимость той вере, которую он основал. Столь же нетленным, святыней должен был стать и образ Ленина.

Тело Ленина выставили в Доме Советов. Позакрывались фабрики, заводы, конторы – все шли отдать последний долг. Поезда в Москву были забиты. 25 января Молотов собрал заседание комиссии ПБ «по организации заседания II Съезда Советов СССР, посвященное памяти Владимира Ильича». Пошли по повестке. «Тов. Молотову поручить установить порядок открытия, участия оркестра и хорового пения». Ораторы: Калинин, Бухарин, Зиновьев, Клара Цеткин, Томский, рабочий, крестьянин, работница, товарищи с Востока, из Закавказья, от молодежи, от армии, от науки... Каменев готовил «постановление о склепе». Зиновьев должен был написать документы о переименовании Петрограда в Ленинград и о выпуске сочинений Ленина на различных языках. Луначарскому предложили представить «проекты подписей для склепа», а Бухарину – написать обращение к человечеству. Памятники Ленину решили воздвигнуть в Москве, Ленинграде, Минске, Ташкенте, Харькове и Тифлисе. Открывшийся вечером того же дня съезд прошел по утвержденному сценарию.

В воскресенье 27 января всю неделю бушевавшая пурга неожиданно стихла. Тучи разошлись, резко похолодало. В 8 часов у гроба стал меняться почетный караул, отразивший сложившуюся иерархию в высшем руководстве страны. Первыми встали Зиновьев, Каменев, Сталин и Калинин. Их сменила четверка: Молотов вместе с Бухариным, Рыковым, Томским. На Красной площади затянутый в алое полотно гроб с телом Ленина установили на высоком деревянном помосте. Траурный митинг шел несколько часов. В четыре дня по всей России взрели фабричные и паровозные гудки, автомобильные клаксоны, раздался грохот артиллерийских орудий. Молотов подставил свое плечо под гроб. Несли восьмером, помимо Молотова – Зиновьев, Каменев, Сталин, Бухарин, Томский, Дзержинский, Рудзутак.

У Кремлевской стены под руководством Щусева соорудили деревянный мавзолей. Дверь, четыре ступени вниз, тесная усыпальница. Встали вокруг гроба, поклонились. Доносившиеся снаружи грохот, выстрелы, гудки, траурные мелодии и пение внезапно стихли. Руководители страны уже давно ушли, а на площади продолжал толпиться народ. К утру следующего дня люди разошлись, чтобы опять вернуться. Что-то было в этих большевиках помимо диктатуры.

Глава третья

НЭПОВЕЦ. 1924–1927

Больших круглых очков Ленин не носил.

Вячеслав Молотов

После Ленина

Возвращались с работы, со Старой площади в Кремль, ближе к полуночи и часто вместе. Шли без охраны по пустынной ночной Москве, засыпанной снегом. В шубах, ушанках, валенках.

– Подайте, господа хорошие! – прицепился нищий.

Сталин снял варежку, полез в карман, достал десятку, подал. Пошли дальше.

– У, буржуи проклятые! – прозвучало вслед.

Генсек ЦК ВКП(б) и его первый заместитель засмеялись.

– Вот и пойми после этого наш народ! Мало дашь – плохо, много дашь – тоже плохо, – произнес Сталин. Молотов с ним спорить не стал.

После смерти Ленина работы прибавилось. Сталин вечерами писал статьи об основах учения почившего вождя, которые войдут в его канонические «Вопросы ленинизма». Отдать вопросы теории на откуп другим руководителям партии означало заранее смириться с ролью второго плана в борьбе за лидерство. Молотову добавился «ленинский призыв», который девятым валом обрушился на партию после взрыва эмоций, рожденного кончиной Ленина. Люди десятками тысяч записывались в коммунисты. «Если нужен был ответ оппозиционерам на их нападки за оторванность партии от рабочего класса, если нужно было опровергнуть обвинение партии в том, что она опутана “секретарским бюрократизмом”, якобы стоящим на пути ее здорового развития, то этот ответ дан с исключительной наглядностью и убедительностью Ленинским призывом»⁴²⁶.

Наследники не были изобретателями культа личности, переименования городов и заводов. Это была давняя традиция российских руководителей – строить города имени себя (вспомним Санкт-Петербург или Екатеринбург), против которой не возражал и сам Ленин. Еще в 1919 году в столице появились

Ленинская слобода, Ульяновская улица, застава Ильича. Поэтому никто не удивился, когда появился Ленинград, институт Ленина с архивом и музеем в здании бывшей Московской думы и т. д. Но и сподвижники не должны быть забытыми: одновременно с Ленинградом возникали Зиновьев, Каменев, Троцк, Сталино, Сталинград.

Никто в партийной верхушке первоначально не замахивался на то, чтобы полностью заменить вождя, но подспудная борьба за первенство началась моментально. В литературе преобладает мнение, что она была беспринципной: идеология была лишь *средством* борьбы за власть, «различия во взглядах... носили второстепенный характер, их можно было достаточно легко привести к «общему знаменателю»»⁴²⁷. Я вынес твердое убеждение, что для Молотова, как и для всей ленинской когорты революционеров, готовых во имя идеи идти в тюрьмы и ссылки, их взгляды, мягко говоря, играли большую роль. Как замечал английский философ и разведчик Исайя Берлин, родившийся в России и работавший в СССР, «каковы бы ни были личные просчеты Троцкого и Зиновьева, Бухарина и Молотова, чекистов или даже самого Сталина, нет никаких оснований сомневаться в искренности и глубине их убеждений»⁴²⁸.

В партии после смерти Ленина наметилось как минимум четыре основных идеологических течения – троцкисты, зиновьевцы, сталинцы, бухаринцы. «Тройку» по-прежнему спланивало одно общее желание: не допустить к власти четвертого – Троцкого. Из числа его сторонников наибольшим авторитетом пользовались Муралов, член коллегии Наркфина Преображенский, заместители председателя ВСНХ Пятаков и Смилга, Радек, замнаркома путей сообщения Серебряков, нарком почт и телеграфов Иван Смирнов. Троцкисты по-прежнему стояли на крайних левых позициях, доказывая, что с нэпом давно пора кончать и приступать к введению планового хозяйства и индустриализации, запускать механизм перманентной пролетарской революции. Их ударным лозунгом оставался призыв к борьбе с бюрократическим перерождением партии и засильем партаппарата. «Я не преувеличу, если скажу, что значительная доля творчества Сталина и его помощника Молотова была направлена на организацию вокруг меня прямого саботажа»⁴²⁹, – продолжит жаловаться Троцкий.

По набору формальных полномочий оставлял позади себя других претендентов на лидерство Каменев, который открыто о своих претензиях на первенство не заявлял. Чего нельзя было сказать о Зиновьеве. Многие видели в нем естественного преемника Ленина, в том числе Круппская, считавшаяся хранитель-

ницей его заветов. Впрочем, как вспоминал Молотов, фактор Надежды Константиновны компенсировался тем, что Мария Ильинична Ульянова откровенно симпатизировала Бухарину, а Анна Ильинична – скорее Сталину. Из участников группы Зиновьева – Каменева следовало бы отметить Сокольников – члена ЦК и наркома финансов, Залуцкого – секретаря Северо-Западного бюро ЦК и Ленинградского губкома, Григория Евдокимова – заместителя председателя Ленинградского совета, Михаила Лашевича – председателя Сибирского ревкома и командующего Сибирским военным округом, Якова Цейтлина – секретаря ЦК комсомола и др. Идейно эта группировка размещалась правее троцкистов, но явно левее двух других. Как и Троцкий, она видела в нэпе опасность перерождения советской власти и уступок капиталистическому строю, но при этом не считала, что с нэпманами и кулаками уже пора кончать. В отличие от Троцкого зиновьевцы полагали, что условия для революционных действий за рубежом ухудшаются из-за вступления в «полосу замедленного развития мировой революции»⁴³⁰.

Бухарин к моменту смерти Ленина одреифовал на правый фланг партии, где обнаружил идейное родство с Рыковым и Томским. Рыков после смерти Ленина занял пост, принадлежавший самому вождю, – председателя Совета народных комиссаров. Об обстоятельствах назначения поведал Борис Бажанов: «Члены тройки боятся, что если будет назначен один из них, для страны это будет указанием, что он окончательно наследует Ленина – как № 1 режима, а это не устраивает остальных членов тройки»⁴³¹. Правые были единственными большевиками, которые из всех ленинских цитат выбрали: «Нэп – это серьез и надолго». У правых было немало сторонников в совнаркомовском аппарате и в профсоюзах, но наибольшую активность в пропаганде их идей демонстрировала группа молодых «красных профессоров», сложившаяся в своего рода кружок Бухарина: Александр Слепков – редактор журнала «Большевик» и заведующий агиткомом Коминтерна, Алексей Стецкий – член ЦКК, Дмитрий Марецкий – историк и экономист.

Что касается сталинской группы, то в 1924 году она сильно с бухаринцами не спорила. Главный механизм влияния – партия. В 1924–1925 годах 72,9 процента членов уездных исполкомов и 78,9 процента – губернских были членами РКП(б). На средний и низовый номенклатурный слой, полностью обязанный своим продвижением и карьерой секретариату и аппарату ЦК, сталинская группировка в первую очередь и опиралась. В 1937 году Сталин в узком кругу скажет: «Известно, что Троцкий после Ленина был самый популярный в нашей стране. По-

пулярны были Бухарин, Зиновьев, Рыков, Томский. Нас мало знали, меня, Молотова, Ворошилова, Калинина. Тогда мы были практиками во времена Ленина, его сотрудниками. Но нас поддерживали средние кадры, разъясняли наши позиции массам. А Троцкий не обращал на эти кадры никакого внимания. Главное – в этих средних кадрах. Генералы ничего не могут сделать без хорошего офицерства»⁴³².

Помимо Генерального секретаря и Молотова костяк сталинской группировки составляли: Дзержинский, в 1924 году возглавивший ВСНХ, сохраняя при этом пост председателя ОГПУ; Рудзутак – кандидат в члены ПБ, а с февраля 1924 года еще и нарком путей сообщения, а также Калинин, Куйбышев, Каганович. Среди региональных организаций наиболее сильные позиции у них были на Юге, откуда выдвинулись Орджоникидзе – первый секретарь Закавказского бюро ЦК, Микоян, возглавлявший Юго-Восточное бюро ЦК, Киров (Костриков) – руководитель ЦК компартии Азербайджана.

Когда Троцкий и другие левые обвиняли Сталина и его команду в «термидорианском перерождении», они были в чем-то правы. Действительно, Старая площадь после смерти Ленина оказалась умереннее Троцкого, Зиновьева и Каменева, выступая в роли «партии порядка». Не будет преувеличением сказать, что именно сталинцы (не без поддержки бухаринцев) стали основными творцами своеобразной «оттепели», которая, как показывает опыт, нередко наступает после смерти авторитарного вождя. Из ленинского наследия сторонники Сталина любили цитировать пассажи, оправдывавшие передышку в прямом штурме остатков капиталистического строя.

Серьезной проблемой после смерти Ленина осталось все еще не оглашенное его «Завещание» с предложением снять Сталина с поста генсека. Активность проявляла Крупская, настаивавшая на выполнении завета – огласить письмо на ближайшем съезде. За два дня до открытия XIII съезда РКП(б), 21 мая 1924 года, на пленуме ЦК «Завещание» зачитал Каменев. Затем Зиновьев заявил, что «по одному пункту» опасения Ленина не обоснованы: нет никакой необходимости снимать Сталина с поста Генерального секретаря. Каменев поддакнул. Троцкий предпочел промолчать. Пленум принял постановление: «Перенести оглашение зачитанных документов, согласно воле Владимира Ильича, на съезд, произведя оглашение по делегациям»⁴³³. Сталин обещал учесть критические замечания Ленина. Впечатление делегатов описал Микоян: «Указание Ленина о том, чтобы иметь товарища, который обладал бы всеми положительными сторонами Сталина и был свободен от его не-

достатков, мы выполнить не могли, потому что не могли даже придумать, кто мог быть таким человеком. Ведь он в этом же письме, как говорится, “всех помазал”»⁴³⁴.

Политический отчет ЦК на съезде делал Зиновьев, организационный отчет – Сталин. За Молотовым был записан доклад о партийных вопросах, касавшийся главным образом ленинского призыва. Зиновьев не без удовольствия играл роль первого лица, завершив речь прямым обращением к троцкистам: «Есть одно средство действительно ликвидировать дискуссию и кончить ее раз навсегда – это выйти на эту трибуну и сказать: права была партия и неправы были те, которые утверждали, что мы стоим на краю гибели»⁴³⁵. Все взоры устремились на Троцкого. Ожидавшие большого скандала были разочарованы – он вышел маленьким. «Товарищи, никто из нас не хочет и не может быть правым против своей партии, – Троцкий не был бы самим собой, если бы на этом остановился. – Бюрократизация партийного аппарата, поскольку она наблюдается, является одной из причин, которые... толкают к превращению случайных, эпизодических, временных разногласий в группировки, а эти группировки – на путь фракций»⁴³⁶.

Даже столь умеренного несогласия с генеральной линией хватило, чтобы Троцкому досталось от партийного руководства, припомнившего ему грехи дискуссии 1923 года:

– Вам известны статьи некоторых товарищей, трактовавших, например, взгляды Ленина на оппортунизм; они были в таком духе, что каждый прочитавший их большевик видел, что в них выражены не взгляды Ленина, что из-за этих статей выглядывает вовсе не лицо Ленина, а лицо в больших круглых очках. А ведь известно, что больших круглых очков Ленин не носил⁴³⁷, – съязвил Молотов.

Троцкого с трудом избрали в ЦК – с незначительным перевесом голосов над необходимой планкой. После съезда, как обычно, собрался пленум ЦК, на котором Сталин неожиданно попросил выполнить указание Ленина и освободить его от поста Генерального секретаря⁴³⁸. Недолгое замешательство, и вот уже все дружно уговаривают Сталина взять свое устное заявление обратно. Место Ленина в ПБ занял перешедший из кандидатов Бухарин. Пленум также выдвинул лозунг «Лицом к деревне», сформировал и специальную комиссию по работе в деревне во главе с Молотовым.

После XIII съезда инициатором нового конфликта стал уже Сталин, который 17 июня 1924 года на курсах секретарей уездных комитетов вдруг пожаловался на снижение теоретического уровня коммунистов и «беззаботность» к вопросам

теории, проиллюстрировав это на примере... Каменева и Зиновьева: «Недавно я читал в газете доклад одного из товарищей о XIII съезде (кажется, Каменева), где черным по белому написано, что очередным лозунгом нашей партии является будто бы превращение «России *нэпмановской*» в Россию социалистическую». И тут же атаковал Зиновьева: «Я, говорит, за диктатуру партии... Видимо, кое-кто из товарищей полагает, что у нас диктатура партии, а не рабочего класса. Но это же чепуха, товарищи»⁴³⁹. Каменев и Зиновьев отреагировали не сразу, но резко. С юга Каменев отправил телеграмму Сталину и Зиновьеву: «Поражен публичным выступлением Сосо с намеками на пренебрежение теорией в нашей узкой среде». Сталин опровергать самого себя отказался. Каменев требовал от Зиновьева: «Прошу тебя наблюсти за ликвидацией инцидента, если нужно через семерку»⁴⁴⁰.

Обращаю внимание на слово «семерка». Своей формализацией она была обязана как раз этому конфликту. На полях августовского пленума он разбирался на совещании пятнадцати – семнадцати ведущих членов ЦК. Сталин оказался в гордом одиночестве: даже Молотов не видел необходимости серьезно ломать копья из-за теоретических придирок. После этого Сталин подал уже письменное заявление об уходе⁴⁴¹. Но отпускать Сталина с его поста по-прежнему никто не захотел, и «было выработано в первый раз нечто вроде писаной конституции на счет того, как нам жить дальше. У нас председательствовал тогда тов. Рудзутак, мы ему дали эту конституцию спрятать, а потом порвать»⁴⁴². В соответствии с «конституцией» в состав «семерки» входили Бухарин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Сталин, Томский, Куйбышев. Кандидаты в «семерку» – Дзержинский, Калинин, Молотов, Угланов и Фрунзе. Повестка дня заседаний «семерки», проходивших по вторникам, полностью совпадала с повесткой очередных, собиравшихся по четвергам заседаний Политбюро. Троцкий был отстранен от процесса подготовки решений.

Вдохновленные успехом в парировании атаки Сталина на теоретическом фронте, Зиновьев и Каменев решили развить контрнаступление, взяв под свой контроль московскую парт-организацию и поставив ее руководителем Николая Угланова, который работал у Зиновьева в Петрограде. Сталин не стал мешать. Как вспоминал Бажанов, «Молотов занялся обработкой Угланова». В совещательной комнате «я вижу Сталина, Молотова и Угланова. Угланов, увидев меня, побледнел, и вид у него был крайне испуганный... Я сразу сообразил, в чем дело... Угланов был подвергнут молотовской предварительной обработ-

ке, и сейчас заключался между Сталиным и Углановым тайный пакт против Зиновьева»⁴⁴³. Действительно, соблюдая этот пакт, Угланов полтора года будет вести двойную игру, после чего его открытый переход на сторону сталинской группировки окажется одним из решающих факторов ее успеха.

А пока триумvirат продолжал сражение с Троцким, который в Кисловодске писал книгу «О Ленине». Предисловие было опубликовано в «Большевике» – как и шестидесятистраничная статья «Уроки Октября». Из книги следовало, что Ленин сумел взнудать инертную партию и повести ее на штурм власти, благодаря принятию на вооружение идей перманентной революции. Вождь Октября – Троцкий, Каменев с Зиновьевым – трусы и паникеры, а Сталин – второстепенная фигура. Жесткий ответ последовал ото всех. Молотов тоже выступил с большой статьей «Об уроках троцкизма», опубликованной в специальном сборнике «Ленинизм или троцкизм?» вслед за статьями Каменева и Сталина. «Вот теперь перед нами полная картина, на которой нарисованы Ленин и Троцкий в Октябрьские дни: один – Ленин – жалким заговорщиком, другой – Троцкий, который “на 9/10” провел это восстание. Перед нами Ленин – неудачник “конспиративного заговора” и рядом Л. Троцкий – герой “тихого” восстания... Целые страницы диалогов Троцкого с Лениным, очень живо восстановленных теперь Троцким, должны во что бы то ни стало доказать, что Троцкий если чем и отличался от Ленина в эту эпоху, то разве только одним – большей дальнорзоркостью, большим умением выходить из самых трудных положений... Разлагающие партию статьи Троцкого не достигнут сейчас поставленной в них цели: партия в Октябре перешагнула через ошибки отдельных товарищей, а теперь перешагнет через ошибки Троцкого и пойдет дальше»⁴⁴⁴. Сыграла свою роль пресса, печатавшая осевшие в архивах и личных коллекциях письма Троцкого времен его дореволюционной вражды с Лениным.

Лидеры партии двинулись в массы. Требования изгнать Троцкого из партии были самыми распространенными в резолюциях, принимавшихся на местах. Были и исключения. Так, Молотову не удалось переубедить партийцев Московского участка Октябрьской железной дороги, которые приняли такую резолюцию: «Заслушав доклад тов. Молотова о внутрипартийном строительстве, ячейка постановляет: “Ячейка с тревогой следит за травлей, которая ведется по отношению к тов. Троцкому как в печати, так и в выступлениях Сталина и на собраниях членов ЦК”»⁴⁴⁵. Но это сильно контрастировало с дискуссией 1923 года, когда за Троцким шли десятки тысяч.

Троцкий в Кисловодске читал ежедневные порции хулы в его адрес и молча капитулировал.

За два дня до открытия январского (1925 года) пленума ЦК он направил письменное заявление, в котором просил освободить его от обязанностей председателя Реввоенсовета. «Я уступил военный пост без боя, даже с внутренним облегчением, чтобы вырвать у противников оружие инсинуации насчет моих военных замыслов»⁴⁴⁶. Зиновьев и Каменев потребовали немедленного снятия Троцкого со всех постов, Сталин не дал этого сделать. «Тов. Троцкого партия считает нужным использовать, но на другой работе, т. к. в Красной армии должен быть товарищ, который целиком и безоговорочно разделяет линию партии и ЦК, т. к. Красная армия не допускает ни шатаний, ни колебаний, ни выступлений, которые могут оказаться неожиданными для партии, что было у тов. Троцкого»⁴⁴⁷, – скажет Молотов на курсах уездных работников при ЦК. На смену Троцкому двинули Фрунзе, его заместителем стал Ворошилов. «Троцкий теперь пишется “Трокий” – “ЦК” выпало», – гласил актуальный политический анекдот года. Но в Политбюро он остался.

Против «новой оппозиции»

Питирим Сорокин, изгнанный из страны на «философском пароходе» (а позднее составивший славу Гарварду), в «Социологии революции» выявил общую закономерность: «Люди, обученные непреклонным учителем – голодом, холодом, болезнями, нуждой и смертью, стоят перед дилеммой: погибнуть, продолжая революционный дебош, или все же найти иной выход... И вот требование безграничной свободы сменяется жаждой порядка; хвала “освободителям” от старого режима сменяется восхвалением “освободителей” от революции, иными словами – организаторов порядка»⁴⁴⁸. У сталинской группировки не было острого желания продолжать «революционный дебош». «Оттепель» затронула даже политическую сферу и такую святую святых, как Коммунистическая партия. Новая Конституция, принятая в 1924 году, не имела специальной главы о диктатуре пролетариата (эта запись сохранялась в республиканских конституциях), но содержала внушительный раздел о правах трудящихся, включавший свободу выражения мнений, собраний, митингов, шествий, союзов, свободу совести, равные права граждан независимо от расовой и национальной принадлежности.

Весьма «либеральным» стал прием в партию в рамках ленинского призыва. «Установленные партийным уставом ограничительные условия приема – рекомендации и стаж рекомендуемых, были отменены... Партия предоставила рабочим возможность входить в ее организации без этих формальных ограничений»⁴⁴⁹, – свидетельствовал Молотов. Всего в 1924 году в нее вступили 316 тысяч человек (прирост на 63,6 процента), а в 1925-м – 322 тысячи (увеличение еще на 39,7 процента). Омолаживание партии означало также перехват лозунга Троцкого об опоре на новое поколение. Более того, началась работа с настолько юными гражданами, о которых Троцкий даже не мечтал: в 1924 году пионерские организации, ранее существовавшие только в детских домах, распространились на школы; для совсем маленьких возникли октябрятские организации. Оппозиция ничего не могла возразить на провозглашенное устами Молотова в качестве основной линии в организационной работе «развертывание внутрипартийной демократии», которое вытекало «из курса на развертывание массовых организаций»⁴⁵⁰. Он призывал «бросить прежние циркулярчики, бумажечки, разговорчики, назначения, надо бросить всю эту музыку»⁴⁵¹.

Молотов играл в тот момент не последнюю роль и в деле «либерализации» экономики, которая оставалась в тяжелом положении. В 1924 году индекс выпуска промышленной продукции России составил 47,5 – за 100 принимался уровень 1913 года (в США этот индекс составлял 133,2, Германии – 81,8, Великобритании – 87,8, Франции – 117,9, Италии – 140,7, Японии – 223,3)⁴⁵². Как видим, многие страны еще залечивали раны войны, но СССР это удавалось хуже других. Валовой сбор зерна составил 72,5 процента от довоенного. Стимулов расставаться с произведенным у крестьян было мало, поскольку худосочная промышленность была не в состоянии удовлетворять растущий крестьянский спрос. Заколдованный круг: индустриализация невозможна без качественного скачка в сельском хозяйстве, который невозможен без успехов индустриализации. Ответ на вопрос, как из него вырваться, и станет центральным во внутриполитической борьбе предстоявшего пятилетия.

Батрак повествует о том, чем занялся Молотов после назначения его председателем комиссии по работе в деревне: «Взяв с собою своего помощника по секретариату ЦК и стенографиста, отправился он в наиболее захолустные деревни. Устраивал собрания крестьян, вел с ними беседы, принимал жалобы, опрашивал их и заставлял стенографиста все это записывать.

Объехали деревень сорок. Это была довольно тяжелая работа. Кочевали из деревни в деревню»⁴⁵³. По результатам этой поездки Молотов написал обширную записку в ЦК. Он не оценивал ситуацию как критическую, хотя и отмечал ропот недовольства в крестьянской среде, пренебрегаемый парторганизациями. «Крестьянство всюду подчеркивало свое доверие и уважение к центральной власти, жалуясь на многочисленные беспорядки в местных органах и недостатки и злоупотребления отдельных местных работников»⁴⁵⁴. Во многих деревнях участники встреч с секретарем ЦК за словом в карман не лезли.

Практические рекомендации касались в основном совершенствования советской и партийной работы в деревне. Прежде всего Молотов предлагал оживить Советы. «На поверхности общественно-политической жизни в деревне удастся легче держаться враждебным нам кулацким элементам деревни. Плохо, если батрачество и беднота и дальше не будет “рваться к власти” и тем самым и дальше будет облегчать растущим кулацким и вообще враждебным нам элементам в деревне организовать деревню против нас, помимо советов, и вопреки советам... Мне кажется, надо прямым лозунгом практической работы в деревне сделать сейчас следующее: *установи крепкую, постоянную, притом личную и непосредственную связь, хотя бы на первое время, с группой 5–7 передовых крестьян твоей волости, только тогда ты можешь стать настоящим руководителем парторганизации в деревне*»⁴⁵⁵.

В сентябре 1924 года комиссия Молотова по работе в деревне была преобразована в расширенное Совещание по работе в деревне при ЦК РКП(б), которое должно было готовить специальный пленум ЦК по селу. Серьезное влияние на его подготовку оказали события в Грузии, которая в конце лета была охвачена крестьянским восстанием – крупнейшим в стране после крестьянской Вандеи 1921 года. Вопрос рассматривался на Политбюро, где была создана комиссия по Грузии в составе Молотова, Орджоникидзе и Зеленского. Комиссия рекомендовала ряд мер, призванных стимулировать экономическое развитие республики. Но примечательными были призывы к большему учету интересов крестьянства даже ценой сокращения руководящей роли партии. «Необходимо отказаться от стремления к обязательному замещению места председателя сельсовета и других советских должностей коммунистами. Стремиться к выявлению и выдвижению на предсельсовета честных сочувствующих нам беспартийных крестьян, пользующихся уважением крестьянства, не допуская навязывания непопулярных кандидатур»⁴⁵⁶, – говорилось в резолюции комиссии.

«То, что произошло в Грузии, – отмечал Сталин, – может повториться по всей России, если мы не изменим в корне самого подхода к крестьянству»⁴⁵⁷. Такой настрой был характерен для октябрьского (1924 года) пленума ЦК, на котором Молотов выступал с главным докладом. Обратив внимание на «обострение политических настроений деревни», свидетельством чему явились грузинская ситуация, раскрытая в том же году «подпольная кулацко-белоофицерская организация» в Крыму, повсеместное оживление кулацких настроений, он подчеркивал, что главные задачи партии в этих условиях заключаются в разрушении стены недоверия со стороны беспартийной крестьянской массы.

– Необходимо усилить борьбу со всякими формами административного произвола, взяточничества, продажности, бюрократизма и прочими недостатками и извращениями в советском аппарате. Тут нужно вести борьбу как с остатками и пережитками так называемого «военного коммунизма» в нашей работе в деревне, так и с отвратительными наростами последнего периода, периода нэпа. Содержание работы деревенских ячеек страдает тем, что здесь, в сельских ячейках и волостных комитетах партии, недостаточно уделяется внимания... таким вопросам, как землеустройство, агрономическая помощь, мелиорация, школа, изба-читальня, распространение газет, местный суд и т. д. ... Вопрос о кулачестве. Нередко грешат слишком огульным окрещиванием именем кулачества даже таких слоев крестьянства, которые не должны быть отрываемы от основных масс крестьянства, и которые, наоборот, мы должны отрывать от кулачества⁴⁵⁸.

В основу кампании «лицом к деревне» были положены сформулированные Молотовым идеи оживления Советов, восстановления законности и правопорядка и укрепления деревенских партийных ячеек. Но в работах Молотова уже в первый год после смерти Ленина можно встретить и идеи о кооперировании крестьянства. На октябрьском пленуме он подчеркивал, что «только при кооперативной организации крестьянства деревня будет наиболее уверенно шагать по социалистической дороге»⁴⁵⁹. Молотов имел в виду все виды кооперации – кредитную, сбытовую, а не только производственную. Но в статье «Линия партии в крестьянском вопросе» он честно предупреждал: «Вполне, например, вероятно, что уже через 5–10 лет партия будет подчеркивать не лозунг “лицом к деревне”, а например... “деревня, вперед к крупному хозяйству”»⁴⁶⁰.

На протяжении всего 1925 года продолжалась линия на либерализацию экономической политики. По инициативе мо-

лотовского Совещания по работе в деревне произошел переход от натурального к денежному налогообложению, причем средний объем налогообложения в расчете на одно хозяйство за год упал на 42 процента. Весной произошло снижение цен на сельхозмашины, были увеличены государственные кредитные ресурсы, расширены права сдачи земли в аренду и применения наемного труда, ослаблен контроль за мелкой крестьянской торговлей.

...«Тройка, на время восстановленная для завершения борьбы с Троцким, окончательно распалась в марте»⁴⁶¹, – свидетельствовал Бажанов. Главным камнем преткновения теперь стала теория построения социализма в одной стране. На заседании Политбюро Каменев, поддержанный Зиновьевым, заявил, что «техничко-экономическая отсталость СССР является непреодолимым препятствием для построения социализма»⁴⁶². Зиновьев предложил тезисы «О задачах Коминтерна и РКП(б)», где доказывал, что победа социализма возможна только в международном масштабе. Сталинская группировка на пленуме ЦК отвергла проект Зиновьева, и он вынес разногласия на XIV партконференцию, где предупреждал против опасности «национальной ограниченности»: «Речь идет о таких настроениях, которые можно свести к формуле: какое нам дело до международной революции, мы можем соорудить себе келью под елью»⁴⁶³. Сталинцы ответили: комиссия по выработке резолюции, не называя имен, отвергла как «троцкистское» мнение о том, что построение полного социалистического общества невозможно в СССР без государственной помощи более развитых в технико-экономическом отношении стран⁴⁶⁴.

На таком фоне провокационно прозвучало знаменитое бухаринское «Обогащайтесь!». Реакция левых группировок была предсказуемо негативной, а квинтэссенцией их позиции стала книга Юрия Ларина «Советская деревня»: партии необходимо вступить в союз с крестьянской беднотой, создать производственные коллективы, то есть колхозы, а не кооперативы, за которые ратовали середняки. На предшествовавшем XIV конференции пленуме ЦК Молотов выступил с едва ли не самой «капиталистической» за всю свою жизнь речью:

– Нужно обратить внимание на недопустимость причисления к кулакам середняка и старательного культурного крестьянина, по отношению к которому партия ведет линию поддержки их хозяйственного развития. Но при теперешнем развитии, при теперешней нашей политике на допущение рыночных отношений мы будем в известной мере допускать даже кулака. Мы допускаем развитие крепкого хозяйства, допускаем,

по крайней мере на ближайший период, укрепление капиталистических элементов, т. е. кулачества. Борьба с кулацкой экономикой будет вестись не раскулачиванием, не арестами, не штрафами, а соответствующими мерами налоговой политики, политикой землеустройства, работой кооперации, которая в этом деле сыграет грандиозную роль...⁴⁶⁵

В резолюции по докладу Молотова, с которым он выступал на конференции, было записано: «Элементы капитализма, которые в ближайшие годы будут неизбежно нарастать, будут преодолеваться средствами экономической борьбы и растущим кооперированием основной массы крестьянства». Призвав к развитию «всех возможных форм коллективного земледелия» – колхозов, коммун и т. п., конференция основным типом объединения крестьянских хозяйств назвала «сельскохозяйственное кредитное товарищество с посредническими функциями»⁴⁶⁶. Одновременно давалась установка на вытеснение капиталистических элементов из кооперации, а кулаков – из советских органов. Был дан и первый импульс индустриализации: конференция одобрила трехлетний план развития металлургической промышленности с выделением на эти цели 350 миллионов рублей.

Вместе с тем сталинское руководство ЦК нашло форму отмежевания от лозунга «Обогащайтесь!», не задевая отношений с Бухариным. Дождавшись публикации в «Комсомольской правде» статей Стецкого с апологией этого лозунга, Молотов, Андреев и Сталин 2 июня отправили в редакцию письмо: «Лозунг этот не наш, он неправилен, он вызывает целый ряд сомнений и недоразумений... Наш лозунг – социалистическое накопление»⁴⁶⁷. Если целью ЦК являлась социальная стабильность в деревне, то успехи были налицо. В 1925–1926 годах ОГПУ фиксировало, что «антисоветские лозунги, призывы стали редки, а если случаются, то не в столь откровенной форме»⁴⁶⁸.

После XIV партконференции правительство поручило Госплану разработать концессионные планы. В соответствии с постановлением Президиума ЦИК «О товарных и фондовых биржах» госпредприятия, кооперативные организации, владельцы частных предприятий могли состоять членами бирж, где совершались сделки по покупке и продаже предприятий, иностранной валюты, золота и серебра в слитках, государственных ценных бумаг и акций предприятий. Вслед за товарными биржами начали возрождаться местные рынки. Реакция на эти экономические реформы в партийной среде была, мягко говоря, очень тяжелой. На курсах уездных партработников в июле 1925 года Молотову пришлось отбиваться от вопросов, больше похожих

на горькие упреки, предупреждения об опасности усиления антисоветских партий и кулачества, о мелкобуржуазном переждении в условиях «неонэпа».

Столь же много вопросов вызвало сентябрьское постановление ЦК «О работе специалистов», предписывавшее прекратить травлю интеллигенции в печати, облегчить доступ детей специалистов в вузы, улучшить жилищные условия, дать спецам налоговые льготы, премии⁴⁶⁹. Без этого невозможно было рассчитывать на возрождение и развитие интеллектуального потенциала. Академия наук, ставшая всесоюзной, была признана высшим ученым учреждением страны. На базе лабораторий и других академических учреждений создавались крупные НИИ, которым предстоит сыграть важнейшую роль в создании оборонного щита: Институт металлов, Государственный физико-технический и рентгенологический институт, Государственный радиевый институт, Оптический институт, Химический институт и много других. Тогда же для поощрения «тесной связи науки и жизни» была учреждена Ленинская премия.

На середину 1920-х пришелся и очевидный всплеск культурной жизни, шло настоящее и во многом уникальное художественное возрождение. Все культурные эксперименты начала XX века – символизм и экспрессионизм, беспредметность и кубизм, футуризм и супрематизм, акмеизм и имажинизм, «заумь» и реализм – продолжили свое шествие, черпая вдохновение в видениях нового мира. 18 июня 1925 года Политбюро с участием Молотова приняло постановление, выводы которого были вполне в духе оттепели: «Поддерживая материально и морально пролетарскую и пролетарско-крестьянскую литературу, помогая “попутчикам” и т. д., партия не может предоставить монополии какой-либо из групп, даже самой пролетарской по своему идейному содержанию: это значило бы загубить пролетарскую литературу прежде всего»⁴⁷⁰. Вместе с тем партийно-государственная монополия на СМИ осталась в основном нетронутой. На заседании Оргбюро ЦК 25 мая 1925 года Молотов доказывал: «Надо поставить ясную задачу руководить не всеми двумя тысячами издательств, а основными, главнейшими. Но надо твердо руководить этим делом, а мы до сих пор почти не руководили. У нас в этом отношении имеется почти полная анархия, царит литературная анархия»⁴⁷¹.

За другими культурными фронтами следили менее строго. Переполненные книжные магазины с полупустыми полками, за несколько минут расходящиеся в киосках газеты, включая «Правду» и «Известия», аншлаги во всех театрах – и самые внимательные читатели и зрители на самой вершине власти. Ста-

лин в день прочитывал до пятисот страниц, причем в это число обязательно входила современная художественная литература. Молотов старался не отставать и до самой смерти сохранил привычку не пропускать ни одной значимой литературной новинки – будь то советская или зарубежная. В театре генсек и его первый заместитель часто появлялись вместе. Следили они, хотя и менее пристально, за другими сферами культуры.

Но все же партийное руководство в середине 1920-х волновало не столько высокое искусство, сколько вещи куда более приземленные. В сфере первоочередного внимания Молотова на культурном фронте была прежде всего ликвидация неграмотности. В выступлении на Оргбюро ЦК в апреле 1925 года он говорил:

– Я предлагаю считать необходимым приложить все усилия для полной ликвидации неграмотности к сроку, намеченному к 10-й годовщине Октябрьской революции. Предложить местным парткомам, губернским и национальным центральным комитетам партии сообщить в месячный срок о том, какие меры ими предпринимаются для выполнения этого постановления⁴⁷².

Количество начальных и средних (в них обучение длилось девять лет) школ достигло 104 тысяч, и в них учились более 10 миллионов детей, на треть больше, чем до Первой мировой войны. Еще 400 тысяч человек посещали занятия в техникумах, профтехучилищах, школах фабричного заводского ученичества (ФЗУ), школах рабочей и крестьянской молодежи⁴⁷³. С этим была связана задача создания по стране сети сельских библиотек. В сентябре 1925 года Молотов докладывал об ассигнованиях на эти цели 5,5 миллиона рублей: «Одна библиотека на волость – это минимум, что мы должны выполнить в связи с разворотом к деревне во всей нашей работе»⁴⁷⁴.

...В июле 1925 года Сталин уехал на юг. На хозяйстве Политбюро он оставил Молотова. Защищенной телефонной связи с южными курортами тогда не существовало, и директивы шли в письменной форме. Именно поэтому появился на свет такой уникальный исторический источник, как переписка членов ПБ и письма Сталина Молотову. Многие из них стали достоянием истории только потому, что дед их сохранил.

Главным объектом внимания оставался Троцкий, который получил назначения на должности руководителя Главного концессионного комитета, Научно-практического управления промышленности и Электротехнического управления. Тогда Сталина волновало «дело Истмена». Этот американский корреспондент написал книгу о революции, в которой Троцкий

был объявлен ее творцом, а ЦК изображался сборищем недоумков. Заставили Троцкого осудить Истмена как фальсификатора. Материалы дела были направлены членам ЦК, но Молотов и Бухарин были против того, чтобы знакомить с ними Коминтерн. Сталин решительно поправил: «Ты и Бухарин поступили неправильно, голосовав против предложения о документах по Истмену»⁴⁷⁵. В то же время Сталин рекомендовал Молотову отмежевываться от планов Зиновьева и Каменева, по-прежнему считавших необходимым форсировать изгнание Троцкого из Политбюро: «Своим ответом на книгу Истмена Троцкий предопределил свою судьбу, то есть спас себя»⁴⁷⁶.

Другим направлением антитроцкистской работы стало... замедление планов строительства Днепрогэса. В качестве нового главного электротехника страны Троцкий выступил с идеей форсированного строительства электростанции. Сталин заподозрил, что «партия (и ВСНХ) может быть незаметно втянута в дело Днепростроя, требующее до 200 миллионов рублей, если мы вовремя не примем предупредительных мер. Я думаю, что ни в этом году, ни в будущем году мы по состоянию своих финансов не можем заняться Днепрогэсом». Примечательно, что в этом вопросе Сталин и Молотов тогда потерпели поражение – «семерка» поддержала планы строительства.

В конце августа Сталин писал Молотову: «Бухарин говорит, что ты теперь сильно перегружен. Я постараюсь быть в Москве 10-го или еще раньше, чтобы разгрузить тебя»⁴⁷⁷. Подкрепление в Москве было необходимо. Зиновьев направил для публикации в «Правду» свою статью «Философия эпохи», где делал вывод о том, что нэп в условиях задержки с мировой революцией таил в себе опасность перерождения.

– Когда т. Молотов прислал мне эту статью (я был тогда в отъезде), я ответил грубой и резкой критикой, – расскажет Сталин на ближайшем съезде. – Да, товарищи, человек я прямой и грубый, это верно, я этого не отрицаю (смех)... Вот как я ответил тогда Молотову: «Статья т. Зиновьева “Философия эпохи” представляет искривление партлинии в духе Ларина... Среднее крестьянство и кооперативный план Ленина исчезли. Смешивать Бухарина со Столыпиным, как это делает т. Зиновьев, значит лгать на Бухарина»⁴⁷⁸.

Зиновьев не успокоился и выпустил том своих статей под названием «Ленинизм». Две основные мысли. Во-первых, кулак – непримиримый враг советской власти, что подкреплялось набором цитат из Ленина, который называл кулака «пиявкой, вампиром на теле народа»⁴⁷⁹. Отвергался лозунг «Обогащайтесь!», напоминалось, что нэп – временное отступление,

с которым пора заканчивать. Во-вторых, Зиновьев доказывал, что «окончательно победить в одной стране пролетарская революция не может»⁴⁸⁰. Это было объявлением войны не только против Бухарина, но и против Сталина.

Залуцкий обвинил ЦК в термидорианском перерождении: «Кулачество растет, крепнет, а они этого не видят или даже скрывают, затушевывают... Да и кто из них может видеть? Молотов, что ли? Конечно, он хороший парень, но в вожди-то он не годится. Он сидит, как раздатчик благодати, и раздает “эполеты” – кому секретаря губкома, кому предгубисполкома и т. п. Его слушают, ему хлопают; докладывают, что все обстоит благополучно, – ну, он и доволен»⁴⁸¹. Поскольку обижал он не только Молотова, ЦК попросил Залуцкого написать заявление об уходе. Зиновьевцы расценили это как зажим внутривнутрипартийной демократии. Так же восприняли они и отказ опубликовать статьи Каменева и Крупской с критикой взглядов Бухарина. На эту тему в ЦК была направлена «Секретная докладная записка. (Для нескольких товарищей по списку)». Под посланием стояли подписи Каменева, Зиновьева, Крупской и Сокольников. Так появилась «новая оппозиция». Ответом им стало письмо Бухарина, Дзержинского, Калинина, Куйбышева, Молотова, Рыкова, Рудзутака, Сталина и Томского, обвинивших авторов «платформы 4-х» во фракционной деятельности.

Переход от эпистолярного жанра к прямой схватке состоялся в начале октября, когда, как вспоминал Бажанов, «на Политбюро решался вопрос о дате съезда и кто будет делать на съезде политический отчет ЦК. Съезд было решено созвать на середину декабря, и по предложению Молотова большинство Политбюро голосовало за поручение политического доклада ЦК на съезде Сталину. Большинство на Политбюро было для Зиновьева и Каменева потеряно. Они немедленно подали заявление в Политбюро с требованием открытия дискуссии»⁴⁸².

Проходивший 3–10 октября 1925 года пленум в полном составе обсуждал вопросы повестки дня, а в кулуарах те же члены ЦК за вычетом троцкистов решали реальную судьбу партии. Зиновьевцы готовы были покинуть ЦК, но генсек решил не наказать обстановку и уговорил их вернуться⁴⁸³. На официальной же части пленума центральными стали вопросы, которые докладывал Молотов, – о работе в деревне и о порядке дня и сроках созыва XIV съезда. В его выступлении по сельской тематике легко различимы уступки зиновьевцам. Осуждалось уже не только левачество в ларинском духе, но и недооценка опасностей нэпа. Молотов выступал против двух уклонов в крестьянском вопросе:

– Первая опасность, которую мы не должны упускать из виду, заключается в недооценке отрицательных сторон нэпа, отрицательных сторон политики на большее вовлечение в товарооборот теперешнего мелкого частного крестьянского хозяйства, на почве которого растут и элементы капитализма и все еще увеличивается количество деревенской бедноты. Но есть и другая опасность. Эта опасность заключается в недооценке всей необходимости нэпа, являющегося, по выражению Ленина, уступкой крестьянину-собственнику, и всей той важнейшей роли и того крупнейшего значения, которое крестьянин-средняк имеет в нашей деревне⁴⁸⁴.

Одним из ключевых моментов доклада Молотова стал поворот партии к организации деревенской бедноты. Сталин позднее отметит: «Нужно было выставить лозунг организации особых бедняцких групп или фракций для открытой политической борьбы за привлечение середняка и изоляцию кулака во время выборов в Советы, выборов в кооперацию и т. д. Это именно и сделал тов. Молотов в тезисах о работе среди бедноты в результате своей трехмесячной работы в деревенской комиссии ЦК, единогласно одобренных октябрьским пленумом ЦК... Это то новое, что принадлежит целиком тов. Молотову, это его идея — лозунг организации»⁴⁸⁵. Резолюцию о «двух уклонах», предложенную Молотовым, приняли единогласно. По другому его докладу пленум, несмотря на возражения «новой оппозиции», подтвердил, что делать политический доклад на съезде будет все-таки Сталин, и отказался открыть внутривнутрипартийную дискуссию.

Наступление на редуты «новой оппозиции» продолжилось на заседании ПБ 15 октября, когда было принято решение об усилении партийного контроля над СТО и Госпланом, для чего устанавливались два дня в месяц для специальных заседаний ПБ по вопросам хозяйственного строительства. Оттачивалась и идеологическая платформа для борьбы с «новой оппозицией», которая играла, безусловно, на самых популярных в партии лозунгах – избавления от нэпа и форсирования мировой революции. Сталин предложил в «Правде» концепцию фактически «новой революции», заявив о существовании всех предпосылок для скачкообразного превращения «нашей страны в страну индустриальную, а России нэповской – в Россию социалистическую». Задача состояла в том, чтобы «двинуть вперед переоборудование нашей государственной промышленности и ее дальнейшее развертывание на новой технической базе» и «вовлечь миллионные массы крестьянства в кооперацию и насадить кооперативную общественность в деревне»⁴⁸⁶.

Предсъездовская борьба шла не только на идейном, но и на организационном фронте: стороны стремились максимизировать представительство своих сторонников среди делегатов. Ленинградская губернская партконференция поддержала лозунги «новой оппозиции». На Украине новый первый секретарь Каганович железной рукой обеспечил представительство твердых сталинцев. А самым серьезным ударом для оппозиции стало ее поражение в Москве: Угланов со всей партийной верхушкой столицы перешел на сторону Сталина. Московская конференция солидаризировалась с выступлением на ней Молотова, который заявил: «Мы хорошо знаем, что в деревне имеется кулацкая опасность, но мы не впадаем от этого в панику, мы учитываем трудности развития страны в условиях нэпа и говорим, что на этом пути мы должны укреплять нашу опору – бедноту в деревне, организовать ее вокруг нас и вместе с тем спланировать и больше смыкаться со всей основной массой деревни»⁴⁸⁷.

На XIV съезде, который вошел в учебники истории как съезд индустриализации, собственно об индустриализации сказано было довольно немного. В блеске Андреевского зала Сталин прочел доклад, основанный на идеях его же недавней статьи в «Правде». Отталкиваясь от озвученной Молотовым на октябрьском пленуме концепции двух уклонов, Сталин заявил:

– Вы спросите, какой уклон хуже? Нельзя так ставить вопрос. Оба они хуже, и первый и второй уклоны.

Но при этом он подчеркнул, что партия должна сосредоточить усилия на борьбе с тем уклоном, который преувеличивает кулацкую опасность, поскольку эти идеи гораздо более популярны в партии и за ними стоит авторитет видных лидеров. Другой выпад касался социализма в одной стране:

– И без помощи со стороны мы унывать не станем, караул кричать не будем, своей работы не бросим (*аплодисменты*) и трудностей не убоимся⁴⁸⁸.

Намеков на оппозицию в организационном докладе Молотова не было вообще. Главными были объявлены три задачи: рост массовых пролетарских организаций и оживление их работы, усиление влияния в них партии и роста вокруг нее беспартийного пролетарского актива⁴⁸⁹.

После исчерпания повестки первого дня работы съезда в президиум поступило заявление от сорока трех делегатов с просьбой предоставить слово для содоклада Зиновьеву: «Ленин думал, что у нас островок социализма, да и тот затонул... Местами кулак начинает возвращать себе раскулаченную землю... Против сползания мы обязаны бороться, хотя бы и в

меньшинстве»⁴⁹⁰. Сталинисты солидаризировались с «новой оппозицией» в критике «перегибов нэпа», но не считали пока атаку на кулака актуальной задачей.

– Есть ли какой-нибудь спор о том, что партия должна бороться против отрицательных сторон нэпа? Конечно, никакого спора в нашей партии по этому вопросу нет и не должно быть, – доказывал Молотов. – Но перед нами сейчас главный вопрос не в том, чтобы сломить растущую опасность влияния 3–4 процентов кулачества в деревне, якобы угрожающих Советской власти, – перед нами теперь главная трудность заключается в том, как подойти и как организовать и сплотить вокруг себя основную массу деревни⁴⁹¹.

Оппозиция требовала осуждения взглядов Бухарина и его школы, считая их наибольшей угрозой для партии, а Сталина – покровителем антиленинской линии правых. Сталинцы брали бухаринцев под защиту, отмежевываясь от лозунга «Обогащайтесь!»:

– Когда превращают отдельные ошибки в особую линию, это является уже желанием создать такое положение в партии, которое порождает бы недоверие к самым лучшим работникам нашей партии, одним из которых является, по признанию всей партии, тов. Бухарин⁴⁹², – говорил Молотов.

Сталин разразился тирадой об ошибках Зиновьева и Каменева времен Октября, по сравнению с которыми, по его мнению, ошибки Бухарина были детскими игрушками. Пассаж речи генсека в защиту Бухарина, опубликованный в собрании его сочинений, обрывается словами: «Чего собственно хотят от Бухарина?» Но в протоколах съезда зафиксировано продолжение: «Крови Бухарина требуете? Не дадим вам его крови, так и знайте»⁴⁹³. «Новая оппозиция» обвинила ЦК в осуществлении переворота в московской организации. Угланов в ответ напомнил обстоятельства своего появления в столице:

– Когда товарищи Зиновьев и Каменев рядили меня в Москву на работу, они при этом вели со мной такие разговоры, из которых я понимал, что они прививают мне по пути свои разногласия со Сталиным⁴⁹⁴.

Наконец, «новая оппозиция» настаивала на реформировании руководящих органов, создании «полновластного Политбюро» и отставке Сталина. Произнести эти слова было поручено Каменеву:

– Мы против того, чтобы создавать теорию «вождя», мы против того, чтобы делать «вождя». Я пришел к убеждению, что т. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба.

В защиту генсека сталинцы и бухаринцы выступили активно и единым фронтом⁴⁹⁵. Подвел итог дискуссии Сталин:

– Поклонов в отношении вождей не будет. Партия хочет единства, и она добьется его *вместе* с Каменевым и Зиновьевым, если они этого захотят, *без них* – если они этого не захотят⁴⁹⁶.

Молотов отыгрался на теме реформы ПБ:

– Ну, товарищи, был когда-то у меньшевиков лозунг «полновластная государственная дума», этим заменялся тогда лозунг «учредительного собрания». Но чтобы у нас требовали «полновластного Политбюро» – до этого еще не доходили. Я знаю, что у нас председателем Политбюро состоял в течение последних лет неизменно товарищ Каменев. Не знаю, о чем он до сих пор думал, если председательствовал на таком Политбюро, у которого никакой власти не было. Нужно, говорят, полновластное Политбюро, но полновластие понимается такое, если у товарищей Зиновьева и Каменева будет большинство. Съезд ждет, съезд хочет, съезд надеется, съезд уверен, что ленинградская организация в целом, вся как одна, преодолевая колебания отдельных товарищей, преодолевая неуверенность перед огромными трудностями в среде отдельных частей рабочих, пойдет по тому пути, по которому идет партия, по которому идет наш партийный съезд. (*Аплодисменты. Все встанут, кроме товарищей ленинградцев.*)⁴⁹⁷

Против «Обращения» съезда с осуждением оппозиционеров голосуют только 36 делегатов – размеры меньшинства, неопасные для ЦК, становятся ясными. Каменева лишают возможности выступить с уже включенным в повестку дня докладом о хозяйственной политике. Доклад Зиновьева о работе Коминтерна заслушали, но 100 человек воздержались при голосовании по предложенной им резолюции. На съезде появились «откликнувшиеся на “Обращение” посланцы ленинградского пролетариата», которые стали выходить на трибуну со словами горячей поддержки решений съезда. А что же Троцкий? Его забавляло все происходящее, особенно унижение его давних оппонентов Зиновьева и Каменева. Сближению троцкистов и зиновьевцев в тот момент препятствовало то обстоятельство, что одним из пунктов обвинений «новой оппозиции» в адрес команды Сталина было «покровительство Троцкому»⁴⁹⁸.

XIV съезд заканчивал свою работу поздно ночью 31 декабря. Уже 1 января 1926 года собрался пленум ЦК. В новом составе Политбюро не было Каменева (его перевели в кандидаты в члены ПБ), зато впервые появлялись фамилии Молотова, Калинина и Ворошилова. Кандидатами были избраны Дзер-

жинский, Рудзутак, Угланов и Петровский⁴⁹⁹. Так Молотов стал полноправным членом Политбюро и оставался таковым в течение следующих трех десятилетий. Партию переименовали – РКП(б) в ВКП(б), отразив преобразование Советской России в СССР. На заседании Политбюро 11 января Каменева лишили еще и должности председателя СТО (вместе с упразднением самой должности все полномочия руководителя СТО перешли к председателю Совнаркома Рыкову) и, несмотря на его отчаянное сопротивление, назначили наркомом торговли. Молотов при сем не присутствовал – он был в городе на Неве.

Постановление ЦК о командировании к ним докладчиками о работе XIV партсъезда группы членов ЦК Ленинградский губком получил 4 января. Молотов вспоминал: «Я был во главе, организатором этого дела, ударной группы “дикий дивизион”, как нас называли зиновьевцы... Зиновьев пригласил нас к себе любезно в кабинет: “Что вам нужно, может быть, выяснить? Вы скажите, мы расскажем, как, что?”»⁵⁰⁰. Приехавших губком планировал сразу отправить на городское собрание партактива, где их ждали бы неизбежные обструкция, позор и изгнание. Но те, люди опытные, сразу всё поняли. Вот что пишет по этому поводу Батрак: «Делегация не пошла на эту удочку. Тов. Молотов заявил им:

– Отчетную кампанию надо начинать не с партактива, а чтобы выявить подлинное мнение ленинградской организации, нужно начать ее с низовых партийных коллективов.

После этого в течение двух недель ходили изо дня в день на собрания партийных коллективов по фабрикам и заводам»⁵⁰¹.

Жили эмиссары Политбюро в «Европейской», где продолжалась обычная жизнь, описанная современником. «Не желаете ли марафету? В баре гостиницы “Европейская” десятка три девиц демонстрируют свои румяна и дешевые колечки мужчинам в фуражках и шубах, стаканами пьющих спиртное, треть из них составляют воры, другую треть – взяточники, а остальные – рабочие и товарищи, одолеваемые хандрой, которая к трем часам пополуночи раздражается драками и поножовщиной»⁵⁰². Но высоким гостям из Москвы было не до этого праздника жизни. Они убеждали работяг-партийцев в справедливости политики ВКП(б). Работенка была не для слабонервных. Как было написано в вышедшей в 1940 году книге «Революционная деятельность В. М. Молотова среди питерских рабочих», «собрания проходили бурно. Зиновьевская шайка посылала на эти собрания самых прожженных двурушников, махровых оппозиционеров, которые пытались сорвать их наглыми выпадами, криком, шумом»⁵⁰³.

Люди из Центра свое дело делали, первичные организации одна за другой принимали резолюции в поддержку позиции ЦК. Зиновьев явно переоценил собственные возможности. Оставались два наиболее крепких орешка – «Красный Треугольник» и Путиловский, которых сознательно оставили на потом. На «Треугольник» пошли впятером – Молотов, Калинин, Ворошилов, Петровский, Киров. Две тысячи человек в заводской столовой, в основном представительницы прекрасного пола. «Драка была невероятная, характер собрания таков, какого я с октябрьских дней не видел, но даже не представлял, что может быть такое собрание членов партии. Временами в отдельных частях собрания дело доходило до настоящего мордобоя! Говорю, не преувеличивая»⁵⁰⁴, – сообщал Киров по горячим следам Орджоникидзе. Молотов хорошо помнил это собрание и через полвека: «Начинаем голосовать – пока что по второстепенным вопросам. Половина – за, половина – против. Никак... Они путали нам ряды, у нас складывалось большинство, но еще не очень очевидное. Неуверенное, неясное, потому что в этой массе много рук за одно, много рук за другое. Не поймешь. Они тоже дали свои лучшие силы, только Зиновьева не было, а остальные там были крупные ораторы... Тут уж я сказал Калинин: “Становись на стол и кричи, что ты председатель, и команду!” Он встал на стол: “Дорогие товарищи, те, кто за ЦК, – направо, кто за ленинградскую группу, оппозицию, – налево!” Кое-как утихомирили зал... И потом, когда стали голосовать окончательно, я не помню точно, то ли большинство наше, то ли половина на половину»⁵⁰⁵. Молотов не случайно запомнил, как закончилось голосование, – точный итог подвести не удалось (хотя, конечно, ЦК отрапортовал о своей победе).

К партсобранию на «Красном Путиловце» стороны готовились, как к последнему бою. Сторонники ЦК 20 января заменили охрану завода, чтобы зиновьевцы со стороны туда не проникли, и на тот же день назначили собрание. Оппозиционеры из заводского парткома поспешили расклеить объявления с другой датой – для срыва явки, а когда поняли, что это не работает (охрана не выпускала коммунистов с предприятия), тараном проломили заводскую стену, чтобы запустить на собрание две-три сотни проверенных комсомольцев. Не помогло: «Огромное большинство коммунаров-краснопутиловцев решительно отмежевалось от оппозиции, лишило полномочий бюро коллектива и осудило райком и губком»⁵⁰⁶. ЦК мог праздновать победу за явным преимуществом. Молотов вновь появился в городе в начале февраля, чтобы констатировать:

– Партаппарат, оторвавшийся от массы, противопоставивший себя парторганизации, наскочил на такие препятствия, которые он преодолеть не смог. Организация сломала сопротивление своего партаппарата, радикально изменила его состав, реорганизовала весь аппарат снизу⁵⁰⁷.

Только победитель определяет, кто нарушает нормы внутрипартийной демократии. Главным докладчиком на XXIII чрезвычайную городскую конференцию, открывшуюся 10 февраля, ЦК не побоялся прислать Бухарина, который был наиболее сильным аллергеном для ленинградской организации. Молотов и Бухарин остановились в одном номере в «Европейской», где впервые, пожалуй, познакомились чисто по-человечески. Дед вспоминал Бухарина как общительного, остроумного человека, с которым было весело проводить время. Решения XIV съезда были одобрены, Киров – избран первым секретарем вместо Зиновьева.

Против «объединенной оппозиции»

В среде зиновьевцев, теснимых от рычагов власти, быстро вызревала готовность к союзу с Троцким, к которому, как к мощному политическому магниту, уже подтянулись остатки разгромленных в предыдущие годы группировок децистов, «рабочей оппозиции» и «рабочей группы». Троцкий писал: «При первом же свидании со мною Каменев заявил: «Стоит вам с Зиновьевым появиться на одной трибуне, и партия найдет свой настоящий центральный комитет»⁵⁰⁸. При этом Зиновьев и Каменев раскрыли перед Троцким все секреты кремлевской политической кухни, детали функционирования «семерки» и т. д. Направлением первого удара по большинству ЦК были выбраны экономическое положение страны и экономическая политика правительства. Урожай выдался неплохим, но у крестьян вновь не было стимула продавать зерно.

– Мы рассчитывали осенью этого года, что урожай будет хорош, что в этом году мы обеспечим себя крупными хлебными заготовками, большим вывозом хлеба за границу и тем самым получим денежную иностранную валюту, получим возможность покупать за границей для нашей промышленности и сельского хозяйства то, что мы хотим. Мы рассчитывали, что урожай этого года обеспечивает нам исключительно быстрый темп развития нашей промышленности. Оказывается, мы тут кое в чем основательно просчитались⁵⁰⁹, – признавался Молотов в феврале 1926 года.

После объявления политики индустриализации вложения в промышленность сократились с 1,1 миллиарда рублей до 700–800 миллионов. Дореволюционные производственные мощности были уже практически полностью задействованы. Коррупция процветала пышным цветом.

– Распоряжение громадными капиталами, принадлежащими государству, предоставлено людям, заинтересованным только в чисто потребительском их использовании и не понимающим своей ответственности перед государством, – возмущался Молотов на заседании Политбюро 31 марта. – Миллиардные капиталы растраниваются направо и налево без всякого контроля⁵¹⁰.

Критики нэпа получали все новые подтверждения своей правоты на фоне безработицы, резкой имущественной дифференциации, спекуляции, перебоев в снабжении. Роль тарана взял на себя Троцкий: «Политика партийного руководства сдвинула свой классовый стержень: от пролетариата к мелкой буржуазии, от рабочего к спецу, от батрака и бедняка к кулаку. За спиной аппарата стоит ожившая внутренняя буржуазия»⁵¹¹. Сталинцы поначалу довольно спокойно наблюдали за оформлением «объединенной оппозиции». Для Каменева и Зиновьева по-прежнему был уготован кнут. Троцкому Сталин, напротив, предлагал пряник в виде возможности полного восстановления отношений⁵¹². Идя во многом ему навстречу, ЦК согласился посвятить следующий – апрельский – пленум чисто экономическим вопросам.

При бурном обсуждении резолюции предстоявшего пленума на Политбюро, расскажет Молотов, «мы получили поправки т. Троцкого в полтора раза большие, чем сама резолюция, и поправки т. Каменева – тоже немножко большие, чем сама резолюция»⁵¹³. Каменев во многом повторял аргументацию «новой оппозиции». Троцкий предлагал приступить к выработке пяти-восьмилетнего плана ускоренного развития промышленности в условиях враждебного окружения; увеличить сельхозналог в пользу промышленности; заморозить или снизить розничные цены⁵¹⁴. При всей критичности анализа платформы оппозиционеров сталинцы частично признавали их правоту.

– Мы всегда были и будем стоять за максимальное развитие промышленности, – пояснит Молотов суть разногласий на пленуме. – Наша политика была бы ошибочна, вредна и неправильна, если бы она при сохранении смычки с мужиком не давала развития промышленности. Но она себя оправдала тем, что при сохранении и укреплении смычки мы добились колоссального разбега в развитии промышленности и подошли к

такому периоду, когда мы уже говорим не просто о развитии, а об индустриализации Советского Союза... У них нет другой политики и других предложений, кроме общих голых фраз о нажиме на крепкого мужика и увеличении расходов самого государства. Решения последнего пленума ЦК заключаются в том, что не только надо нажимать на мужика, не только брать сколько можно с деревни для индустриализации страны, но и к самому себе предъявлять такие требования, которые дали бы максимум для индустриализации нашего советского хозяйства. Говоря о режиме экономии, о борьбе с расточительностью, об упрочении кооперативного аппарата, государственного аппарата, о сокращении расходов во всех органах, мы говорим, что мы должны работать гораздо лучше, быть гораздо требовательнее к самим себе, мы должны работать гораздо экономнее, выгоднее для рабочего класса и для крестьян⁵¹⁵.

С апрельским пленумом 1926 года решительный поворот к политике ускоренной индустриализации связан больше, чем с XIV съездом. «Мы не можем растянуть строительство индустрии на сто лет»⁵¹⁶, – говорил на пленуме Сталин. Молотов тоже поменял акценты и приоритеты: «Курс на индустриализацию – это не только курс на развитие производительных сил в условиях нэпа, но и курс на преодоление нэпа. На этой основе мы можем преодолевать этот переходный период и идти действительно к тому обществу, которое является обществом социалистическим»⁵¹⁷. Впервые в решении партийного форума были слова об ускорении темпа развития промышленности. После года снижения налогов на крестьянство началось их повышение, коснувшееся наиболее зажиточных 15 процентов крестьян. Отход от нэпа начался. Троцкому на апрельском пленуме и после досталось от ЦК немало, но все-таки меньше, чем другим оппозиционерам: он воспринимался как идейный противник, а Зиновьев и Каменев – как предатели. Молотов задавался вопросом:

– Кто к кому пришел? Зиновьев к Троцкому или Троцкий к Зиновьеву? Мне ясно одно: Троцкий остался Троцким. Троцкий и теперь борется за свою прежнюю линию: «Я прав не только теперь, но и раньше и всегда был прав». А что касается тов. Зиновьева, то ему приходится говорить в 1926 году не то, что в 1923 году. Я думаю, что больше фактических данных за то, что поворачивается лицом тов. Зиновьев к тому, против кого он был ожесточеннейшим и крайним противником⁵¹⁸.

На пленуме и после него оппозиция попыталась добиться открытия внутрипартийной дискуссии, но большинство им этой возможности не предоставило. «Наш ЦК состоит из 63 че-

ловек, из них 6–7 человек будут занимать линию, несогласную с большинством, это не такое положение, когда нет другого выхода, как открытая дискуссия перед партией»⁵¹⁹, – объяснял Молотов. Но дискуссия продолжилась и без специального разрешения. Следующим поводом для атаки оппозиции стала целая цепь международных событий – в Китае, Великобритании и Польше.

В Китае Гоминьдан и его лидер Чан Кайши сочли себя достаточно сильными, чтобы попытаться объединить страну, приняв военный поход из Кантона на север. Поддержка СССР в этом деле была жизненно необходимой, гоминьдановцы стали проситься в Коминтерн. Президиум ИККИ во главе с Зиновьевым решил просьбу Чана поддержать. Но ПБ выступило против, опасаясь, что это может «развязать империалистическую пропаганду», направленную на дискредитацию Гоминьдана и задач национальной революции⁵²⁰. План гоминьдановского «северного похода» Москва одобряла как конечную цель военных приготовлений, но не как ближайшую задачу. В ответ Чан Кайши осуществил «переворот 20 марта», начав разоружение контролируемых компартией отрядов. Многие коммунисты оказались под арестом. «Переворот» был интерпретирован «объединенной оппозицией» в Москве как свидетельство провала политики ЦК, настаивавшего на вхождении КПК в Гоминьдан в рамках политики «единого фронта». В конце апреля Зиновьев обратился в ПБ с требованием разрыва китайских коммунистов с Гоминьданом, но, не получив поддержки, заменил его на предложение «об усилении работы компартии в Гоминьдане и о сосредоточении огня против правых гоминьдановцев»⁵²¹. Однако сюрприз преподнес Чан Кайши, начав «северный поход» на Пекин вопреки позиции Политбюро ЦК ВКП(б).

Еще один повод для столкновений дала всеобщая забастовка в Англии, оживившая надежды на пришествие британской революции. 4 мая Политбюро рекомендовало английской компартии «начать переводить стачку на политические рельсы, выдвинув в подходящий момент лозунги: долой правительство консерваторов, за подлинное рабочее правительство». 5 мая была создана комиссия для «быстрого решения вопросов, связанных с английскими делами» под председательством Лозовского и с участием Сталина, Молотова, Чичерина и секретаря ВЦСПС Догадова. 7 мая ПБ постановило «принять предложение тт. Сталина, Молотова и Догадова перевести немедля 2 милл. рублей»⁵²². Зиновьев предлагал английской компартии «при необходимости выдвинуть лозунг создания Советов рабочих депутатов»⁵²³. Однако 12 мая в результате соглашения Ген-

совета тред-юнионов с правительством и шахтовладельцами всеобщая забастовка была прекращена. Сталин и Молотов решили отыграть назад и готовиться к следующим боям. 14 мая на заседании ПБ Зиновьев потребовал отмены этого решения как акта «небывалой еще в истории международного рабочего движения *измены*»⁵²⁴. Сталин направил членам советской делегации в ИККИ письмо, где обвинил Зиновьева в стремлении блокироваться «со всеми ликвидаторскими и ультралевыми элементами Коминтерна против ВКП»⁵²⁵.

По мере того как забастовочное движение в Великобритании шло на спад, политическая борьба вокруг него в Москве только обострялась. 28 мая Молотов информировал отбывшего на отдых Сталина: «Опять “тезисы”, опять Зиновьев! По-моему, это ничтожество и беспринципность вопиющая, а по существу, трусливая жалкая ревизия ленинизма в вопросах тактики Коминтерна... Главное вот что. Больше невозможно терпеть подобные вещи в Коминтерне»⁵²⁶. Тем временем в Москву после отдыха в Германии вернулся Троцкий и «потребовал немедленного разрыва блока с Генеральным советом (тред-юнионов. – В. Н.). Зиновьев, после неизбежных колебаний, присоединился ко мне»⁵²⁷.

Молотов отправил Сталину послание: «Бухарин пишет контртезисы Зиновьеву. Последний вместе с Троцким нас страшно торопит... Наши тезисы должны резко защищать правильность линии ИККИ, ВКП и ВЦСПС и разоблачать не только ультралевизну в Коминтерне, как этому учил Ленин. Разоблачить авантюристический отзовизм в вопросе о разрыве с Генсоветом. Лучше тебе приехать в Москву, тогда [мы] отложим решение вопроса с Англией до 1-го июня»⁵²⁸. Коба ответил: «Не понимаю, как могут они торопить вас, когда вы имеете большинство. Отложите вопрос еще на неделю и пошлите их к черту... Видимо, они хотят на английском вопросе отыграть и вернуть всё проигранное раньше. Надо их поставить на место»⁵²⁹. Сталин приходил к выводу, что «мы имеем не новую полосу бурного натиска революции, а продолжающуюся стабилизацию... Отклонение тезисов Гриши может вызвать шантаж на счет отставки, чего пугаться не следует ни в коем случае. В приезде, я думаю, не требуется»⁵³⁰.

Действительно, справились сами. На бурном заседании Политбюро 3 июня 1926 года Троцкий и Зиновьев обвинили Сталина, Молотова и Бухарина в правом оппортунизме, требовали выхода ВЦСПС из Англо-русского комитета. Молотов не скрывал эмоций:

– Товарищ Зиновьев написал тезисы, заглавие которых, по-

моему, должно быть такое: «Братцы, скажите мне, ради Бога, куда я иду, чего я хочу, ведь я сам этого не знаю. Хочу быть левым, хочу, чтобы никто не подумал или не заметил, что я оппортунист, а поэтому, куда иду, чего хочу, все это не важно, а важно одно: чем по внешности “левее”, тем лучше». По-моему, судьба этих тезисов товарища Зиновьева – судьба «Философии эпохи» для Коминтерна⁵³¹.

Политбюро приняло решение: «а) Тезисы, представленные Зиновьевым по вопросу об уроках английской всеобщей стачки, отвергнуть. б) Принять в основе проект тезисов об уроках английской стачки, предложенный тт. Бухариным, Молотовым и Томским»⁵³². После этого поле боя переместилось в Коминтерн. Молотов сообщал Сталину 22 июня: «Троцкий и Зиновьев все делают, чтобы сорвать Англо-Русский комитет. Из документов увидишь, что мы сопротивляемся этому всячески. Но работать они нам страшно мешают»⁵³³.

В мае 1926 года в Польше маршал Пилсудский осуществил военный переворот, похоронив конституционные порядки. Поскольку Пилсудский был борцом с царским самодержавием, социалистом и революционером, Зиновьев и часть польской компартии предложили рассматривать его движение как антифашистское. Однако Политбюро сочло Пилсудского диктатором, русофобом, угнетателем украинского и белорусского меньшинств. А 29 мая было принято предложенное Бухариным и Молотовым указание польской компартии: «Голосование за Пилсудского считаем преступлением»⁵³⁴. Теперь Троцкий и Зиновьев обвинили сталинскую команду в покровительстве польским правым коммунистам во главе с Барским⁵³⁵. Сталина подобная критика выводила из себя, он писал Молотову: «Я уверен, что ошибки польских коммунистов, о которых так сладострастно пишет теперь Зиновьев, целиком навеяны им глубоко оппортунистической позицией Зиновьева о якобы революционном характере авантюры Пилсудского». И в следующем письме: «Надо бы и по польскому вопросу разоблачить Гришу, который сам *протащил* Барского, а теперь пытается подбросить его вам. Действительно, наглость Гриши не знает пределов»⁵³⁶.

Последней каплей, переполнившей терпение сталинцев в отношении «объединенной оппозиции», стало создание ее конспиративного центра, представители которого проводили по всей стране нелегальные собрания. По цековским источникам, удалось набрать до четырех тысяч, по троцкистским – 8 тысяч. ОГПУ предоставило массу информации, но на суд партийных инстанций Сталин и Молотов вынесли лишь одно дело –

так называемое «дело Лашевича». 6 июня в дачной местности по Савеловской железной дороге собралось около семидесяти сторонников оппозиции. Докладчиком выступал зиновьевец Лашевич, занимавший пост первого зампреда Реввоенсовета. Кто-то из участников собрания «доложил» секретарю Краснопресненского РК Мартемьяну Рютину, а тот – в ЦКК, который объявил Лашевичу строгий выговор с предупреждением. Соединив все деяния оппозиции, Сталин в послании Молотову от 25 июня приходит к выводу: «До появления группы Зиновьева оппозиционные течения (Троцкий, Рабочая оппозиция и др.) вели себя более или менее лояльно, более или менее терпимо. С появлением группы Зиновьева оппозиционные течения стали наглеть, ломать рамки лояльности. Поэтому группа Зиновьева является сейчас наиболее вредной, и удар должен быть нанесен на пленуме именно этой группе»⁵³⁷.

Оппозиция вовсе не была настроена ждать развязки молча. Именно в преддверии июльского пленума 1926 года она и оформилась как «объединенная». Молотов предупреждал о последствиях: «Никакой свободы группировок или фракций ни раньше, ни теперь, ни дальше партия допустить не может»⁵³⁸. Интрига пленума получилась такой, что нарочно не придумаешь. Бой разгорелся сразу же – с предложенной Молотовым дежурной резолюции о пере выборах Советов. Восемь членов ЦК – Муралов, Крупская, Каменев, Пятаков, Зиновьев, Лашевич, Троцкий и Петерсен – объявили пленуму: «Мы голосуем против резолюции, внесенной тов. Молотовым от имени большинства Политбюро», поскольку она «увеличивает долю представительства мелкой буржуазии в Советах»⁵³⁹. Но резолюция Молотова прошла.

Главный докладчик по хлебозаготовкам – Каменев выступает с резкой критикой всей хозяйственной политики. Его поддерживает Пятаков, доказывавший, что частный капитал в деревне набрал огромную силу и это представляет прямую угрозу советскому строю. Не выдерживает председатель ВСНХ Дзержинский. Свидетельствовал Микоян: «Мы сидели с Дзержинским рядом около трибуны. Он мне стал говорить, что больше Пятакова замом терпеть не сможет»⁵⁴⁰. Дзержинский взшел на трибуну и произнес яркую, предельно раздраженную речь:

– Вы занимаетесь политиканством, а не работой, – бросил он Каменеву и Пятакову. – Нельзя индустриализироваться, если говорить со страхом о благосостоянии деревни. Вы являетесь самым крупным дезорганизатором промышленности. Конечно, все хорошее исходит только от последователей тов. Троцкого, а все дурное исходит от того, кто с ним не соглашается⁵⁴¹.

Эти слова, встреченные аплодисментами, стали последними для Дзержинского. Через три часа – в перерыве между утренним и вечерним заседаниями 20 июля – он умер от разрыва сердца. Решив прервать работу пленума, чтобы похоронить товарища, члены ЦК, отойдя от первого стресса, так и не смогли остановиться. Куйбышев сделал доклад по делу Лашевича, возмущаясь нежеланием Зиновьева отмежеваться от своих сподвижников, ведущих раскольническую политику. На эффект взорвавшейся бомбы рассчитывал сам Зиновьев, поведавший изумленному пленуму о существовании «семерки», ее «конституции» и т. д. Закончил свое выступление сожалением, что в свое время не послушал совета Ленина о перемещении Сталина с поста генсека. Троцкий огласил заявление 13-ти, где перечислялись все не раз называвшиеся грехи сталинско-бухаринского руководства⁵⁴². Сталинцы ответили резолюцией, в которой утверждалось, что «оппозиция решила перейти от легального отстаивания своих взглядов к созданию всесоюзной нелегальной организации, противопоставляющей себя партии и подготовляющей, таким образом, раскол ее рядов»⁵⁴³.

22 июля хоронили Дзержинского. Молотов как организатор похорон шел впереди гроба. Было решено издать последние речи Дзержинского. Молотов написал предисловие и сделал это с большей симпатией к автору. Но отголоски борьбы с оппозицией попали и туда. «Попытки на почве якобы “защиты интересов промышленности” сделать Дзержинского другом оппозиции, так называемых “сверх-индустриалистов” (а лучше сказать, горе-индустриалистов!), всегда плачевно кончались жалким крахом... Его предсмертная речь была особенно ярким выражением этого настроения. В ней в полной мере сказывается, насколько чужд был Дзержинский всякому хныканью, всякому “крикливому пессимизму”, всякой панике перед трудностями»⁵⁴⁴.

В день похорон Дзержинского оппозиция стала настаивать на зачитании прямо в зале пленума «Завещания» Ленина и его писем с критикой Сталина по национальному вопросу. Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) вышел на трибуну и... начал читать. Медленно, с расстановкой. Тишина стояла гробовая. Сталин прочел все от начала до конца. Сделав драматическую паузу, оглядел ряды оппозиции и произнес: «Еще что прочесть?» Зал молчал. Тогда Сталин предложил прочитать еще письмо Ленина об исключении Зиновьева и Каменева из партии за раскрытие планов Октябрьского восстания Временному правительству. И сделал это, несмотря на бурные протесты⁵⁴⁵. Партия была сыграна. Зиновьев был исключен из состава Политбюро,

его заменил Рудзутак. Но борьба с «объединенной оппозицией», как оказалось, только начиналась.

Сразу после пленума Молотов отправился в отпуск, а в середине августа, когда отбыли Троцкий и Сталин, вернулся руководить ЦК. Вновь в центре полемики оказались Китай и Англия, ожидалось столкновение по международной проблематике на запланированной на конец октября XV партконференции. Сталин писал: «Дело идет к тому, что нам не миновать постановки вопроса о снятии Григория с КИ»⁵⁴⁶. «О снятии Зиновьева согласен целиком»⁵⁴⁷, – отвечал Молотов. Но насколько сталинская группировка не готова была идти на компромисс с левыми по внешнеполитическим вопросам, настолько она была уже расположена поддержать значительную часть социально-экономической платформы оппозиции. «1926 год – последний год абсолютного роста частного сектора в промышленности, а с конца года он начал вытесняться вводимыми сверхналогами и всевозможными ограничениями, в том числе прекращением кредитования, снабжения дефицитными материалами»⁵⁴⁸, – пишет ведущий знаток десятилетия Гимпельсон.

Со второй половины года началось постепенное сворачивание товарных бирж; вводился запрет на экспорт червонца и на операции с ним за границей, что стало решающим шагом к отмене конвертируемости рубля. Антиэнэповская кампания началась и в СМИ. Частная торговля все чаще клеймилась как спекуляция. Ранее утвержденные темпы экономического роста представлялись явно недостаточными. Молотов писал Сталину 5 сентября: «...Считаю принятый Госпланом план бесхребетным... Жаль, нет тебя и Рыкова. Последнему, по-моему, нельзя было уезжать в момент обсуждения контрольных цифр на месяц! Буду гнуть – за индустриализацию, за снижение цен, подрыв частника, за сокращение госаппарата, за резервы»⁵⁴⁹. 20 сентября Политбюро под председательством Молотова приняло сомнительное с точки зрения рыночной экономики, но давно отстаивавшееся левыми предложение о значительном повышении заработной платы рабочим в промышленности. «Насчет зарплаты вышло у вас, кажется, недурно. Важно, чтобы низшие слои получили что-нибудь ощутительное»⁵⁵⁰, – хвалил Сталин своего заместителя.

Но это отступление влево не остановило очередного наступления левых. На сей раз Сталин обвинялся в грехе «центризма» – полустанка на пути «к двум разновидностям оппортунизма: меньшевизму и эсеровщине»⁵⁵¹. Молотов и Бухарин в Москве нервничали, зная о намерении оппозиции пойти в первички и предлагая превентивные шаги и компромиссы. Сталин

сохранял олимпийское спокойствие на Юге, считая целесообразным предоставить оппозиции возможность самой сломать себе шею. Так, Молотов узнал о настрое Крупской «на Брестский мир» со Сталиным и предложил вступить с ней в контакт для раскола рядов оппозиции. «Переговоры с Крупской не только неуместны теперь, но и политически вредны, – решительно возражал генсек. – Крупская – раскольница... Ее и надо бить как раскольницу... Не исключено, что завтра Зиновьев выступит с заявлением о “беспринципности” Молотова и Бухарина, о том, что Молотов и Бухарин “предлагали” Зиновьеву (через Крупскую) “блок”, а он, Зиновьев, “с негодованием отверг это недопустимое заигрывание и пр. и пр.”»⁵⁵². Никаких компромиссов! Причем теперь главная мишень для контратаки – Троцкий. 23 сентября Сталин просвещает Молотова: «Если Троцкий в бешенстве и он думает “открыто ставить ва-банк”, тем хуже для него. Вполне возможно, что он вылетит из ПБ теперь же – это зависит от его поведения»⁵⁵³.

26 сентября 1926 года на собрании сотрудников Коммунистической академии контрольные цифры Госплана были раскритикованы Преображенским, Пятаковым и другими троцкистами. Партячейка Рязано-Уральской железной дороги приняла резолюцию в защиту оппозиции. Схватка руководства МК с ведущими оппозиционерами развернулась на московском заводе «Авиаприбор», закончившись не в пользу лично принимавших участие в собрании Троцкого, Зиновьева, Пятакова, Радека и других их лучших ораторов. 4 октября Политбюро в отсутствие по-прежнему отдохнувшего Сталина по предложению Молотова осудило вылазку оппозиции на «Авиаприборе» и обратилось в ЦКК с просьбой расследовать факты нарушения партдисциплины. На следующий день «Правда» опубликовала речь Молотова на курсах уездных партработников, где он заявил об образовании в ВКП(б) оппозиционного блока:

«Этот блок объединил “течения” от Медведева и Шляпникова до Троцкого и Зиновьева включительно под явной гегемонией троцкизма. У него нет никакой ясной программы, нет никакого принципиального обоснования, у него ничтожное количество сторонников. Но есть один пункт, объединяющий сейчас бывших лидеров и остатки оппозиционных группочек в нашей партии. Этот пункт: радикальное изменение партийного режима... Среди них есть немало талантов, умеющих владеть пером и словом. Однако при всех имеющихся у них плюсах нельзя не отметить у них хотя бы одного очень существенного минуса или, если хотите, недостатка. Виднейшие из лидеров оппозиции немало лет провели в эмиграции, в условиях значи-

тельного отрыва от рабочего класса нашей страны, в условиях, которые не давали им возможности участвовать в практической работе по строительству партии, непосредственной революционной борьбе.

Мы должны требовать от каждого члена партии и, в том числе, от всех товарищей, которые теперь лидерствуют в оппозиционном блоке, выполнения такого элементарного условия: не мешать строительству, не мешать работе, не навязывать вопреки решениям партии дискуссии (*аплудисменты*). Шесть лидеров оппозиции вместе с целым хвостом своих помощников пытались навалиться на одну рабочую ячейку и потерпели поучительно жалкое поражение (*аплудисменты*). Однако факт выступлений против решений партии со стороны лидеров оппозиции, мечущихся теперь в дискуссионной лихорадке, налицо»⁵⁵⁴.

Апогей борьбы пришелся на 7 октября, когда состоялось 153 оппозиционных выступления по всей стране. Результат оказался плачевным. Даже на «Красном Путиловце», куда Зиновьев приехал лично, его выступление с критикой линии ЦК и соответствующую резолюцию поддержали лишь 25 человек. Сталин подъехал в Москву к заседанию Политбюро 11 октября, когда поражение оппозиции стало очевидно всем, даже ей самой. Генсек требовал полного идейного и организационного разоружения. Молотов тоже был резок:

– Зиновьев в Суук-Су надеялся на Ленинград, Троцкий в Кисловодске надеялся на Москву. Эти надежды пышно цвели на курортах. Вот мы приедем со свежими силами, восстановим за собой Москву и Ленинград. На основе внутривнутрипартийной демократии массы расколотили эту идею, анатомировали ее. Ответ может быть только один: подчинитесь, сдайте фракционное оружие, прекратите болтовню, начинайте работать, вернитесь в свои заброшенные учреждения: НТО, Главконцесском, Госплан и работайте⁵⁵⁵.

Акт о капитуляции, хотя далеко не безоговорочной, оппозиция обнародовала 16 октября. В заявлении, под которым стояли подписи Зиновьева, Каменева, Троцкого, Сокольников и Евдокимова, признавалось нарушение ими партийной дисциплины после XIV съезда⁵⁵⁶. Казалось, конфликт, хотя бы временно, потушен. Но здесь ситуацию взорвала... «The New York Times». Неутомимый троцкист Истмен опубликовал текст ленинского «Письма к съезду». Затем его перепечатали на первых полосах все газеты мира. Как выяснилось, текст «Завещания» был доставлен гонцом от «объединенной оппозиции» в Париж Суварину. Сталин и Молотов были в ярости.

Порядок дня XV партконференции на заседании ПБ был дополнен вопросом «О внутрипартийном положении» с докладом Сталина. Тут сорвался Троцкий, обвинивший Сталина в вероломстве, нарушении перемирия и разжигании в партии братоубийственной войны, жертвой которой станет революция: «Первый секретарь выдвигает свою кандидатуру на должность могильщика революции!» Сталин выбежал из зала, хлопнув дверью. Заседание утонуло в криках. На открывшемся 23 октября пленуме ЦК доклад Ярославского от имени ЦКК звучал как приговор: «То, что нам известно, рисует картину, которую можно охарактеризовать как попытку создания внутри ВКП(б) другой партии»⁵⁵⁷. Постановлением пленума от обязанностей члена Политбюро освобождался Троцкий, кандидата в члены Политбюро – Каменев. А работа Зиновьева в Коминтерне признавалась невозможной⁵⁵⁸. Зиновьевцы и троцкисты лишились представительства в высшем партийном ареопаге. Навсегда.

Всю первую неделю XV конференции Троцкий, Зиновьев и Каменев, имевшие мандат с правом совещательного голоса, молчали. Тем более что делавшие основные доклады по экономической политике Бухарин, Рыков и Томский звучали все левее. Но на седьмой день на трибуну конференции взошел Сталин с докладом «О социал-демократическом уклоне в нашей партии», в котором припомнил оппозиции всё. Отстраняемые от власти вожди прервали молчание и попытались защищаться и контратаковать в духе борьбы «за единство партии против могильщиков революции». Каменева высмеяли, Зиновьеву не дали договорить, а Троцкого выслушали до конца с уважительной ненавистью. Общий настрой делегатов выразил под хохот зала Молотов: «Можно только спросить их, какая им больше нравится внутрипартийная демократия – “авиаприборовская” или “краснопутиловская” (аплодисменты, смех). Я думаю, что товарищ Зиновьев как ленинградский патриот будет все-таки предпочитать “краснопутиловскую”, но зато товарищ Троцкий наверняка “авиаприборовскую” (смех)»⁵⁵⁹. Оппозиция на конференции не получила ни одного голоса.

Исполком Коминтерна тоже собирался на очередной пленум – не в последнюю очередь, чтобы формально уволить Зиновьева. 18 ноября ПБ постановило пополнить состав делегации от ВКП(б) когортой верных сторонников большинства, включая Молотова. После пятичасового доклада Сталина «Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии» Троцкий, Зиновьев и Каменев не удержались от полемики – на глазах у двухсот изумленных иностранных делегатов. «Мы продолжаем стоять на точке зрения Ленина, который оценивал нашу эпоху

как эпоху мировой революции»⁵⁶⁰. Пленум Исполкома Коминтерна побил все рекорды по продолжительности – он шел почти месяц. Зиновьев был снят с поста председателя Исполкома Коминтерна, а сама эта должность упразднена. Молотов, введенный кандидатом в члены Политсекретариата ИККИ, был отпущен Сталиным в отпуск до окончания пленума. 23 декабря генсек направил Молотову письмо, проникнутое благодушием: «Не надо торопиться с приездом – можешь свободно остаться еще на неделю (или даже больше) сверх срока... Расширенный пленум ИККИ прошел недурно. Резолюцию XV конференции утвердили единогласно (воздержался один бордигианец из Италии). Наши оппозиционеры – дурачье. Черт толкнул их полезть сечья, – ну, и высекли»⁵⁶¹.

...Основания для благодушия были. Зима 1926/27 года прошла спокойно. Оппозиция затихла. Каменев отправился послом к Муссолини. Троцкий редактировал свое собрание сочинений. Молотов занимался подготовкой к февральскому пленуму ЦК, на котором планировалось обсудить цены в промышленности, госбюджет и перевыборы в Советы.

Провозгласив в большой правдинской статье «оживление Советов» главным лозунгом, Молотов назвал лишь одну социальную группу *pop grata* в Советах – кулачество⁵⁶². О демократизации Советов Молотов говорил на трех подряд январских заседаниях Оргбюро. 10 января он ставил задачу резкого расширения кадрового резерва:

– Мы все время вертимся в кругу одних и тех же лиц 1918 года. Это факт. Вы думаете, что сейчас нет кадров людей, нет новых людей, которых можно бы двигать? Не может этого быть. Нужно этот новый слой двинуть⁵⁶³.

2 февраля Молотов выступил против увеличения количества коммунистов в Советах и насаждения в них единомыслия:

– В теперешних условиях в Советах должны быть и недовольные. Мы не хотим, чтобы в Советах были одни коммунисты. Надо, чтобы в Советах был большой процент беспартийных. Мало этого: если бы мы составили Совет из одних квалифицированных рабочих, хорошо бы это было? Нет, это было бы плохо, надо, чтобы в Совете были и неквалификационные рабочие... Совет из казенных депутатов плох, но и из довольных он тоже плох⁵⁶⁴.

Февральский пленум взял курс на административное уменьшение цен, чему должно было также помочь снижение себестоимости и отпускных цен на предприятиях. Рекомендовалось ввести общественный контроль над торговлей с привлечением Советов, рабоче-крестьянских инспекций, Наркомторга и проф-

союзов. То есть ценам приказано было упасть – по указанию из Центра и под контролем общественности. Пленум поручил Политбюро ускорить разработку ориентировочного пятилетнего плана, что Молотов теперь вполне поддерживал: «Нам необходимо по крайней мере пятилетний план развития промышленности для того, чтобы ориентироваться, как в этом году мы должны развивать нашу промышленность, куда направлять деньги, на какие отрасли, какие районы поднимать, какую промышленность обновлять, какие новые заводы строить»⁵⁶⁵.

Причины для очередного тура внутрипартийной схватки и для окончательной утраты Сталиным и Молотовым какого-либо благодушия обнаружились в основном на берегах Туманного Альбиона. 23 февраля 1927 года последовала «нота Чемберлена», в которой советское правительство обвинялось во вмешательстве во внутренние дела Великобритании и предупреждалось о возможном разрыве в связи с этим дипломатических отношений⁵⁶⁶. Это заявление было встречено потоком информации о зловещих замыслах Лондона, что внутри СССР сдетонировало кампанию «военной опасности». «Население старалось запастись предметами первой необходимости: солью, керосином, мукой и т. д.»⁵⁶⁷. Тема «военной угрозы» дала повод оппозиции начать кампанию против недостаточности оборонных усилий, которые мог бы обеспечить творец Красной Армии Троцкий, и против защищаемого сталинистами Генерального совета профсоюзов, не сказавшего ни слова в осуждение «ноты Чемберлена»⁵⁶⁸.

Добавился Китай, где не без усилий англичан была создана 300-тысячная «армия умиротворения государства» под командованием Чжан Цзолина, выступившая против армии Чан Кайши, а в Шанхае стали сосредоточиваться британские, американские, французские и японские военнослужащие. 6 апреля с благословения англичан чжанцзолиновцы захватили советское постпредство в Пекине, за этим последовали нападения на советские консульские учреждения в Шанхае, Тяньцзине и Гуанчжоу. Чан Кайши, оказавшись на пороге столкновения с войсками великих держав, меньше всего был готов терпеть какую-либо оппозицию в собственном Гоминьдане. 12 апреля, договорившись с представителями западных стран о невмешательстве, он предпринял меры по разоружению рабочих отрядов, связанных с компартией, и развязал полноценный «белый террор». Гоминьдан раскололся: близкий Коминтерну и КПК Уханьский центр исключил Чан Кайши из партии, а он в ответ создал в Нанкине правительство правого Гоминьдана. Вся политика Москвы в Китае в течение нескольких дней пошла пра-

хом. Оппозиция в ВКП(б) сочла случившееся «Мукденом» для сталинской группировки.

К апрельскому пленуму ЦК Зиновьев написал пространные «Тезисы по китайскому вопросу». Большинство согласилось их обсудить, но отвело на рассмотрение кризиса в Китае не более трех-четырёх часов, причем по предложению Молотова соответствующее заседание не стенографировалось. Докладывал Рыков, и в результате все, кроме оппозиционеров, одобрили политику Политбюро. Тезисы Зиновьева даже не раздали. Решениями Политбюро советские военные советники были отозваны из ставки Чан Кайши и частей НРА и прикомандированы к Национальному правительству в Ухане. Связи Москвы и Коминтерна с той частью Гоминьдана, которая примкнула к нанкинскому правительству, прекратились.

Между тем 11 мая в Лондоне полиция заняла помещения торговой делегации СССР и акционерного общества «Аркус». Политбюро создало комиссию в составе Сталина, Молотова, Бухарина, Рыкова, Томского (при обязательном участии Литвинова и Карахана) для принятия «от имени Политбюро всех тех мер, которые являются необходимыми в связи с лондонским налетом»⁵⁶⁹. Решения этой комиссии будут иметь далекоидущие последствия. 23 мая британский кабинет единогласно принял решение о разрыве дипломатических отношений с СССР и аннулировании двустороннего торгового соглашения. 24 мая на заседании пленума ИККИ, где Троцкий и Зиновьев громили Политбюро, появился Сталин: «Создается нечто вроде единого фронта от Чемберлена до Троцкого»⁵⁷⁰. Тот в ответ заявил, что «никто не помог Чемберлену сильнее, чем Сталин с его ложной политикой, особенно в Китае»⁵⁷¹.

25 мая оппозиция сочла своевременным направить в ЦК и в ИККИ «Заявление 83-х», под которым поставили свои подписи видные лидеры оппозиции с дореволюционным стажем: Евдокимов, Зиновьев, Муралов, Пятаков, Радек, Серебряков, Иван Смирнов, Сафаров, Смилга, Троцкий и др. «Вся наша партийная политика страдает от курса направо... Это все элементы неонэпа. За ними стоит устряловец-спец, а в следующем ряду – нэпман и кулак под фирмой крепкого мужика»⁵⁷². Оппозиция требовала созыва специального пленума ЦК для обсуждения разногласий и гласности для себя при подготовке XV съезда. В начале июня белогвардеец Борис Каверда застрелил на варшавском вокзале полпреда Петра Войкова. На следующий день Сталин писал Молотову: «Чувствуется рука Англии. Хотят спровоцировать конфликт с Польшей... От нас требуется максимум осмотрительности»⁵⁷³. Советская реакция вовне была

сдержанной. Однако внутри страны убийство Войкова перевело военную угрозу в ожидаемую реальность. «Заявление 83-х» разрослось до заявления трехсот, в том числе за счет полпредов – Каменева, Крестинского, Раковского, Преображенского, Владимира Косиора, Авилова-Глебова, Антонова-Овсеенко и многих других. «Раскрыл я с тихим шорохом глаза страниц... И потянуло порохом от всех границ». Это ощущение Владимира Маяковского, отраженное в стихотворении «Ну что ж!», разделяла тогда вся страна. В самом Кремле возникли опасения по поводу чрезмерного раздувания темы военной опасности. Об этом Молотов говорил на специально созванном совещании в отделе печати ЦК:

– В Центральном комитете много раз стоял перед нами вопрос о том, что за последние месяцы военная агитация увеличивается – явно уменьшились поступления в сберегательные кассы. Военная агитация увеличивается – очереди возникают, нехватка ряда товаров тоже факт. Военная агитация налицо – хлебозаготовки под ударом. Однако можем ли мы из этого сделать вывод, что нужно свернуть военную агитацию? В основном то, что мы сейчас делали и делаем в области военной агитации, вытекало из действительного нашего международного положения⁵⁷⁴.

Другим следствием военной тревоги стало очевидное закручивание гаек. На следующий день после убийства Войкова Сталин давал инструкции Молотову: «Надо дать ОГПУ директиву о повальных обысках и арестах монархистов и всякого рода белогвардейцев по всему СССР с целью их полной ликвидации всеми мерами»⁵⁷⁵. Политбюро создало комиссию Ворошилова, которая разработала меры физической охраны центральных учреждений и руководителей страны. С этой поры они уже не ходили по улицам. Другая комиссия – в составе Рыкова, Бухарина и Молотова – готовила дополнительные мероприятия «в связи с усилением активности белогвардейщины и ролью в этом иностранных правительств»⁵⁷⁶. Был ужесточен режим секретности для госучреждений как внутри страны, так и особенно для зарубежных. Прежде всего засекречивалась деятельность по финансированию комдвижения. 7 июля по сообщению комиссии Молотова ПБ утвердило: «В аппарате полпредства (только в 5-ти городах – Берлине, Вене, Стокгольме, Шанхае и Ухане) имеется особо доверенное лицо, через которое т. П-й (Пятницкий. – В. Н.) дает указания и получает извещения о людях и деньгах, особо приходящему в полпредство лицу. Работник полпредства имеет сношения с компартией исключительно через приходящее лицо, которое не должно быть официальным

лицом в компартии... Всякая связь К. И. с другими полпредствами безусловно в течение июля заканчивается и впредь не производится»⁵⁷⁷.

И конечно, «военная тревога» серьезнейшим образом повлияла на военно-политическое мышление и оборонное строительство СССР. Военные ждали войну не раньше, но и не позже начала 1930-х годов⁵⁷⁸. Готовность к ней СССР рассматривалась как крайне низкая. Мощности советских военных заводов определялись как вдвое уступающие возможностям оборонных предприятий в 1916 году. Потребности вооруженных сил стали одним из решающих аргументов в пользу ускоренной индустриализации.

Распространена точка зрения о том, что сталинская группировка раскручивала тему «военной опасности» с целью использовать ее против троцкистско-зиновьевской оппозиции. Однако «военную тревогу» левая оппозиция трубила гораздо сильнее, чем Политбюро, обвиняя именно сталинистов в *недооценке* опасности нападения на СССР и в недостаточности оборонных усилий. Эта тема – помимо термидорианского перерождения – отчетливо звучала, когда в июне 1927 года Зиновьева и Троцкого вызвали сначала на комиссию ЦИКа, а затем и на президиум ЦКК с намерением исключить обоих из состава ЦК ВКП(б)⁵⁷⁹. Центральная контрольная комиссия приняла решение рекомендовать следующему пленуму ЦК исключить Троцкого и Зиновьева из своих рядов. Но Сталин, ознакомившийся на отдыхе со стенограммой рассмотрения дела, остался крайне недовольным, о чем и сообщал Молотову: «Допрашивали и обвиняли не члены ЦКК, а Зиновьев и Троцкий... Позор! Неужели эту “стенограмму” отдадут в руки Троцкому и Зиновьеву для *распространения*! Этого еще не хватало»⁵⁸⁰. Стенограмма у оппозиционеров окажется.

Лето вновь прошло в борьбе, где в центре был опять Китай. О значении темы говорит хотя бы тот факт, что ей посвящено больше 90 процентов всей переписки 1927 года между южной резиденцией Сталина и снова находившимся на хозяйстве в Москве Молотовым. Поначалу оставалась в силе линия Политбюро об участии КПК в левоминьдановском уханском национальном правительстве при финансовой поддержке из Москвы⁵⁸¹. Но становилось очевидным, что и новая линия не приносит успеха. «Боюсь, что Ухан сдрейфит и подчинится Нанкину, – делился Сталин своими опасениями с Молотовым 27 июня. – Но нужно всемерно настаивать на неподчинении Ухана Нанкину, пока есть возможность настаивать»⁵⁸². Опасения генсека были не беспочвенными. Командующий войсками

уханского правительства Фэн Юйсян договорился с Чан Кайши о совместных действиях. Политбюро сочло заключенный Фэнгом «блок с изменником Чан Кайши» ударом в спину революции⁵⁸³. Оппозиция протестовала против «сокрытия правды» о событиях в Китае и требовала немедленного выхода КПК из Гоминьдана.

Политбюро фактически согласилось с левыми в необходимости выхода КПК из уханского национального правительства⁵⁸⁴. Это отступление ПБ не очень понравилось Сталину: «Значит, оппозиция доняла-таки Бухарина и Молотова потоком новых “тезисов”, и они поддались, наконец, *шантажу*... Но другого пути нет, и – все равно – в конце мы должны были прийти к этому пути»⁵⁸⁵.

11 июля 1927 года Сталин вновь писал Молотову о китайских делах: «Я думаю, что скоро придется поставить вопрос о выходе из ГМД. Почему – расскажу по приезду»⁵⁸⁶. Однако события опережали политиков. 15 июля уже в самом Ухане левые гоминьдановцы развязали «белый террор» против коммунистов. Троцкистско-зиновьевская оппозиция после этого уже не замолкала ни на день, клеймя провалы сталинской стратегии и тактики. На этом фоне в ПБ было направлено заявление группы высших военачальников – Муралова, комкора Витовта Путны, военного советника в Китае Виталия Примакова и многих других, которые солидаризировались с оппозицией и объявляли неадекватной всю политику военного строительства. На июльско-августовском (1927 года) пленуме ЦК уже первые голосования – о снятии с обсуждения вопроса об исключении из ЦК Троцкого и Зиновьева и рассмотрении по существу заявления 83-х (предложения Раковского и Пятакова) – выявили расстановку сил: у левых – 13 голосов. Склока шла беспрецедентная.

Бухарин вместе с Чичериным выступал содокладчиком по основному вопросу – о международном положении и угрозе войны.

– Я считаю, что настоящая защита СССР заключается в том, чтобы прежде всего в среде коммунистов сломать хребет тем, кто говорит о термидорианстве, о вырождении ГПУ и нашей Красной Армии.

– Лжете как бесчестный каналья! – кричал Троцкий Ворошилову.

– Сами вы каналья и отъявленный враг нашей партии, – не оставался в долгу нарком обороны⁵⁸⁷.

Тяжелая артиллерия пошла в ход 1 августа, когда Троцкий представил доклад «О военной опасности и политике обороны», а Сталин ответил речью «Международные отношения и

оборона СССР». Если генсек излагал больше теорию вопроса, Молотов развил мысль о пораженчестве оппозиции:

– Троцкий не находит ничего лучшего, как сказать, что в тот момент, когда войска империалистов будут в восьмидесяти километрах от Москвы, надо ударить со всей решительностью против политики партии, якобы недостаточно твердой, якобы недостаточно смелой, якобы недостаточно левой – значит, докатиться до пораженческой идеологии⁵⁸⁸.

Это выступление настолько встревожило оппозицию, что она внесла на пленум пространный документ под названием «Заявление по поводу речи тов. Молотова о повстанчестве оппозиции». В нем, в частности, говорилось: «Произнося по отношению к оппозиции слово “повстанчество”, ядро сталинской фракции хочет приучить партию к мысли о разгроме оппозиции»⁵⁸⁹. Впрочем, в очередной раз вовремя показавшись, оппозиция пока избежала худшего. До поры до времени пленум снял с обсуждения вопрос об исключении Зиновьева и Троцкого из ЦК, ограничившись объявлением им строгого выговора с предупреждением. Но перемирие было самым коротким из всех. И последним.

Левая оппозиция восприняла итоги июльско-августовского пленума как свой успех. Зиновьев и Троцкий пребывали в убеждении, что «хотели нас исключить из ЦК, но не решились, ибо за нами масса большевиков. Поэтому, не сокращая фракционной работы, продолжаем завоевывать партийные массы»⁵⁹⁰. Их сторонники работали над подготовкой альтернативной «Платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б)». «Пишущие машинки стучали ночи напролет в неприкосновенных пока еще кремлевских апартаментах»⁵⁹¹. К началу сентября более чем стостраничный документ усиленно размножался, как и другие материалы оппозиции, на стеклографах, печатных машинках и типографским способом. Платформа была подана в Политбюро 3 сентября за теми же тринадцатью подписями членов ЦК. Молотов поминался как автор двух оппортунистических ошибок: лозунга «создания беспартийного крестьянского актива через оживление Советов», что приводит и к усилению «руководящей роли верхних слоев деревни»; а также «теории... насчет того, что нельзя будто бы требовать приближения рабочих к государству, так как наше государство уже само по себе рабочее», что представляет «наиболее злокачественную формулу бюрократизма»⁵⁹².

8 сентября состоялось объединенное заседание ПБ и президиума ЦКК для обсуждения платформы оппозиции с докладами Муралова, Троцкого, Зиновьева, Петерсона, а также резолю-

ции заседания, которую готовил Молотов. От перемирия не осталось и следа. Стенограмма хорошо передает накал страстей:

– Смысл того, что перед XV партсъездом появляется платформа оппозиции буквально по всем вопросам партийной политики, заключается в том, что партия готова к расколу, что в нашей партии пытаются создать новую партию на новой платформе, – заявил Молотов (Троцкий с места: вы даже о повстанчестве говорили). – Я это повторяю. Платформа ваша доказывает, что вы повстанческую линию против ЦК ведете дальше и после объединенного пленума ЦК и ЦКК. То, что здесь товарищ Троцкий заявил на настоящем объединенном заседании, что в этой платформе принимало участие 150–200 товарищей, говорит, что это была партийная оппозиционная конференция.

– Отдельные приезжающие товарищи, – возмущался Троцкий. – Мы с ними советовались, с отдельными приезжавшими товарищами (*шум, разговоры*). Никакой конференции не было (*звонок председателя, шум, крики*).

О термидорианстве и бонапартизме выступили Зиновьев и Евдокимов. Тогда Молотов наступил на действительно «больной мозоль» левых. Он достал из папки бумагу:

– 15 октября настоящего года за подписью председателя фракции правления Центросоюза тов. Любимова ЦК ВКП(б) получил документ, который я частично должен буду процитировать. Здесь говорится: «ЦК ВКП(б) командировал в Центросоюз для ответственной работы тов. Евдокимова. Но, к сожалению, тов. Евдокимов за время своего пребывания в Центросоюзе и до настоящего времени не приступил вплотную к работе».

– Самые низкие способы борьбы применяете, – возмущился Зиновьев.

– Факты, товарищ Зиновьев. Я привожу эти факты (*шум, крики, волнение в зале*). «Тов. Евдокимов совершенно не оправдал возлагающихся на него надежд, как на практического работника, и является в составе правления Центросоюза и в составе работников Центросоюза не нужным. Председатель фракции Центросоюза Любимов» (*смех*).

Калинин поинтересовался:

– А сколько времени он был там на работе? (*Смех*.)

На что Молотов ответил:

– До этого т. Евдокимов имел годичный отпуск (*смех*).

– Я прошу по личному вопросу в конце заседания, – заявил Евдокимов.

– Я думаю, – заметил Молотов, – что придется взять слово по личному вопросу и товарищу Зиновьеву по части Госплана и другого. (*Смех. Аплодисменты.*)⁵⁹³

Оппозиционеры не имели привычки ходить на работу. Политбюро запретило распространение «платформы 13-ти» вплоть до ее рассмотрения очередным пленумом. После истории с платформой борьба с троцкистско-зиновьевской оппозицией приобрела не просто жесткий – жестокий характер. Сталин рассказывал болевшему на юге Орджоникидзе: «12 сентября ГПУ искало военных заговорщиков и наткнулось на некоего Щербакова (беспартийный, сын фабриканта), у которого оказалась нелегальная типография оппозиции (непосредственно замешаны Мрачковский и другие оппозиционеры)... Через два дня получили наглое письмо Преображенского, Серебрякова и Шарова, где они признают себя “организаторами типографии” и “требуют освобождения арестованных” (арестованы были только беспартийные)»⁵⁹⁴.

Троцкий отбыл на юг, Преображенскому с Серебряковым пришлось брать огонь на себя (в октябре их исключат из партии). Однако Троцкому пришлось возвращаться в Москву, где Исполком Коминтерна поставил на 27 сентября исключение его из своего состава. Выступив в последний раз перед представителями братских (но не ему лично) партий, Троцкий вновь окунулся в революционную работу внутри страны.

«В разных концах Москвы и Ленинграда происходили тайные собрания рабочих, работниц, студентов, собиравшихся в числе от 20 до 100 и 200 человек для того, чтобы выслушать одного из представителей оппозиции, – вспоминал он в изгнании. – В течение дня я посещал два-три, иногда четыре таких собрания»⁵⁹⁵. Ярославский информировал Орджоникидзе: «Они не скрывают уже факта существования подпольной техники. Идет бешеная подготовка в виде подпольной подготовки кадров»⁵⁹⁶.

В середине октября в Ленинграде состоялась юбилейная сессия ЦИК СССР, посвященная десятилетию Октябрьской революции. По этому поводу прошла демонстрация трудящихся. Троцкого и Зиновьева поставили слегка в стороне от главного грузовика-трибуны с Калининым и Кировым в центре. В восприятии Троцкого это выглядело так: «Возле нашего грузовика образовалась скоро многотысячная заплата»⁵⁹⁷. Вдохновленные вниманием ленинградских демонстрантов, лидеры оппозиции решили сыграть ва-банк.

К юбилейной сессии ЦИКа Политбюро решило сделать трудящимся ряд подарков, среди которых был переход к семичасовому рабочему дню. Троцкий не утерпел и обрушился на «бесстыдные фокусы» сталинской команды, которая своими новациями способна только утробить экономику. С «платфор-

мой 13-ти» и критикой перехода на семичасовой рабочий день оппозиционеры пошли в массы... и провалились. «Оппозиция поднимала главным образом те темы, которые находились за пределами понимания рабочих: Гоминьдан, Англо-русский комитет, перманентная революция, термидор, Клемансо и т. д. и т. п. Вокруг оппозиции сомкнулась стена безразличия и враждебности»⁵⁹⁸. На объединенном пленуме ЦК и ЦКК, собравшемся 21 октября 1927 года, к ней не было проявлено ни тени снисходительности. Зиновьев покинул трибуну под оглушительный свист зала и со словами: «Вам придется либо дать нам говорить с партией и в партии, либо – арестовать нас всех (смех)». Троцкий выразил уверенность, что режим Сталина «поджидает неожиданный и мгновенный крах». Стенограмма пестрит эпитетами, которыми прерывалась речь Троцкого: «Предатель! Сволочь! Либерал! Лжец! Каналья! Презренный фразер! Ренегат! Гад!» Зиновьев и Троцкий были исключены из состава ЦК. При этом пленум дал разрешение на развертывание предсъездовской дискуссии. Молотов говорил по итогам пленума на активе МК:

– Ни один товарищ, будь то сторонник линии Центрального Комитета или сторонник оппозиции, не может привести из всей истории нашей партии одного примера, который бы показывал, что в нашей партии когда-нибудь существовала какая-нибудь группа, которая бы выступала против Центрального Комитета с особой платформой по всем вопросам политики партии. Это есть начало для создания новой партии, антиленинской, антибольшевистской – новой троцкистской партии... Мы видим, что из всего этого вытекает, товарищи, что исключение товарищей Зиновьева и Троцкого из состава Центрального Комитета партии в настоящее время является минимумом того, что могли решить ЦК и ЦКК. (*«Правильно». Аплодисменты.*)

В условиях разрешенной предсъездовской дискуссии слово на активе МК получили и оппозиционеры, в том числе и недавний глава МК Каменев. Но они стали легкой добычей Молотова:

– Оппозиция выступала здесь, но она не страшна, но только смешна. Есть межа, есть рубеж, есть XV съезд, после которого руки оппозиции должны быть связаны, после которого никакой оппозиции в нашей партии не должно быть (*аплодисменты*)⁵⁹⁹.

Однако дожидаться съезда ни у оппозиции, ни у ЦК терпения не хватило. «Ленинградский триумф» не давал Троцкому и Зиновьеву покоя. Было принято решение на десятилетие Октября двинуть массы на улицы под лозунгами «Против кулака, нэпмана и бюрократа!», «Против оппортунизма!», «Выполним

завещание Ленина!». Зиновьев и Лашевич поехали поднимать сторонников в Питер, Троцкий остался в Москве. ПБ тоже было наготове. В статье Молотова «О партии», вышедшей в «Правде» накануне празднеств, помимо приличествующих поводу юбилейных слов содержалось прямое предупреждение оппозиции, которая «все дальше запутывается в антипартийной нелегалитине». В Ленинграде оппозиционной колонне позволили пройти перед официальной трибуной, несколько сотен сторонников левых «по-товарищески потолкались» с конной милицией⁶⁰⁰.

В Москве поползли слухи, будто на параде армия поднимет мятеж. С утра Троцкий в компании Каменева и Муралова объезжал в автомобиле свои порядки. Но армия не взбунтовалась. Тогда оппозиционные колонны смешались с демонстрантами и двинулись на Красную площадь. Но попытки поднять плакат или выкрикнуть лозунг при подходе к Мавзолею пресекались многочисленными правоохранителями. Так и прошли оппозиционеры в неловком молчании перед трибуной, с которой их приветствовали руководители партии. Троцкий попытался обратиться к демонстрантам на площади Революции. Последующее ему не понравилось: «В качестве добровольцев по борьбе с “троцкистами” поднимались на помощь аппарату заведомо нереволюционные, отчасти прямо фашистские элементы московской улицы»⁶⁰¹. Под крики «Долой Троцкого, еврея и предателя!» он вынужден был ретироваться, скрывшись у своего сподвижника Белобородова. Жил он на улице Грановского (ныне – Романов переулок) в доме 3, квартира 62. Вот уж ирония судьбы! Этот адрес станет местом прописки Молотова после его опалы. И этот же адрес много лет стоял в штампе прописки моего советского паспорта.

14 ноября Пленум ЦК и ЦКК исключил из партии Троцкого и Зиновьева за подстрекательство к контрреволюционным демонстрациям и восстанию. Каменева, Смильгу, Раковского, Евдокимова вывели из состава ЦК, Бакаева, Муралова – из ЦКК. Начались массовые исключения троцкистов и зиновьевцев из партии: если начиная с XIV съезда до середины ноября 1927 года такая участь постигла 970 оппозиционеров, то за следующие два с половиной месяца – 2288⁶⁰². «На квартире Белобородова всегда дежурило несколько военных оппозиционеров, – вспоминал Троцкий. – Они сопровождали меня при моих передвижениях по городу»⁶⁰³. 16 ноября в знак протеста против исключения лидеров левых из партии застрелился заместитель Троцкого в Главном концессионном комитете Адольф Иоффе. Многотысячная процессия от центра города до Новодевичьего монастыря с пением траурных и революционных песен стала

последним явлением троцкистов и их вождя широкой публике.

XV съезд партии прошелся по оппозиции «жесткой метлой» (наиболее понравившееся делегатам словосочетание). Вслед за Троцким и Зиновьевым исключили из партии их активных соратников – Каменева, Пятакова, Радека, Раковского, Смильгу и сапроновских «децистов». На пленуме ЦК, собравшемся после съезда, Сталин напомнит: «Уже три года прошу ЦК освободить меня от обязанностей генерального секретаря ЦК»⁶⁰⁴. Но, как и следовало ожидать, единогласно, при одном воздержавшемся (им был сам Сталин) он был переизбран генсеком.

Еще на съезде и после него бегство из оппозиции приняло массовый характер. Это происходило на фоне реализации решения Политбюро о широком вовлечении в партию новых членов в связи с десятилетием Октября. К февралю 1928 года количество заявлений превысит 150 тысяч.

Разгромленным в очередной раз троцкистам и зиновьевцам было предложено «по собственному желанию» занять мелкие государственные посты в отдаленных уголках страны. Те в принципе не возражали, но только при условии, что назначения будут происходить «с согласия оппозиции и отвечать здоровью и безопасности отправляемых лиц и их семей». Зиновьев и Каменев не смогли расстаться и вместе поехали в Калугу. Троцкому была предложена Астрахань, но тот заявил, что ему противопоказан влажный приморский климат. 12 января 1928 года ГПУ объявило ему, чтобы он был готов отбыть в Алма-Ату. Двое крепких молодых людей, одним из которых был начальник охраны Молотова по фамилии Погудин, взломали дверь и вынесли его через дверь черного хода во двор, усадили в машину и повезли на пустынный полустанок. Оттуда поезд и унес Троцкого в столицу солнечного Казахстана. Михаил Булгаков записал в дневнике: «Анекдот: когда Троцкий уезжал, ему сказали “Дальше едешь, тише будешь”»⁶⁰⁵. Классик оказался неправ.

Кооператор

В декабре 1927 года на XV съезде был взят курс на создание крупных аграрных хозяйств. Но на «съезде коллективизации» ни слова не было сказано о том, как это будет сделано. Молотов имел к этому историческому повороту самое прямое отношение. 9 сентября, в тот день, когда оппозиция представила в ЦК «платформу 13-ти», он получил тревожное письмо от начальника Центрального статистического управления Милютина,

который говорил «о крайне серьезных затруднениях, которые мы будем иметь на хлебном рынке в нынешнем году»⁶⁰⁶. Несмотря на довольно приличный урожай (чуть меньше, чем в 1926 году), в закрома Родины ссыпалось вдвое меньше зерна, чем годом ранее. В нескольких городах пришлось даже вводить продовольственные карточки.

В ЦК все сильнее зрело желание кардинальных перемен, способных сделать экономическое развитие страны менее зависимым от настроений крестьянской массы и более подвластным плановому началу. 1 октября 1927 года было принято решение вынести вопрос о работе в деревне в качестве основного на XV съезд. Разработка тезисов была поручена комиссии Молотова. Он обратился с просьбой представить рекомендации к крупнейшим экономистам-аграрникам, засел за специальную литературу, в том числе и зарубежную. Привлеченные эксперты были недовольны положением дел в деревне. Так, Александр Чаянов докладывал Молотову, что после революции государство, к сожалению, смогло сохранить в своих руках лишь небольшие земельные площади, что не позволило развиваться совхозам и колхозам. «В итоге производящий аппарат нашего сельского хозяйства, ликвидировав крупные формы помещичьего хозяйства и значительную часть уже образовавшихся в начале войны фермерских хозяйств, в еще большей степени, чем раньше, оказался состоящим из хозяйств неизжитого еще докапиталистического семейного типа, с обострением, благодаря обеднению, кабальным взаимоотношениям в области сдачи и найма инвентаря и рабочего скота»⁶⁰⁷.

Кроме того, в поступавших в комиссию Молотова предложениях ставились задачи технического перевооружения сельского сектора, увеличения бюджетных расходов. Николай Кондратьев писал ему, что «провозглашенная правительством политика на интенсификацию, индустриализацию и механизацию сельского хозяйства, ведущая к технической реорганизации ее основ, является вполне правильной... Между тем, некоторое увеличение вложений в сельское хозяйство (на земледелие, колонизацию, мелиорацию, на сельскохозяйственную индустрию и т. д.) при наших условиях может дать значительный толчок росту сельского хозяйства и повышению его продукции, может подвести более прочный базис под индустриальное развитие страны и смягчить перенаселение»⁶⁰⁸. Никто не возражал против того, чтобы поставить сельское хозяйство в плановые рамки – в 1927 году «плановики» одержали полную и окончательную победу.

Именно изложенные выше идеи ложились в основу готовившихся комиссией Молотова тезисов. Но были и другие мнения, причем тоже весьма авторитетные. «Наблюдающийся острый недостаток на рынках, особенно промышленных районов, наиболее ходовых продуктов питания и предметов широкого потребления объясняется, помимо ряда причин, также в значительной мере спекуляцией, охватывающей наиболее широко заготовительные рынки (мука, растительное масло, кожевенное сырье и полуфабрикаты, шерсть, пряжа и т. д.), – докладывал зампред ОГПУ Генрих Ягода. – ...Здесь нужно применение быстрых репрессий, производящих на рынке немедленное оздоровляющее влияние»⁶⁰⁹. Полемика вокруг аграрного вопроса шла не о том, проводить или не проводить коллективизацию, а об оптимальном соотношении репрессивных и экономических мер при ее осуществлении.

Молотов вспоминал: «До XV съезда мы с Бухариным вырабатывали все решения по коллективизации, я был докладчиком, подготавливали этот проект. Потом переделывали, изучали трое: Сталин, Бухарин и я»⁶¹⁰. Тезисы были поддержаны единогласно, то есть выражали редкий для 1920-х годов образец консенсусного документа. Что же объединяло тогда руководство партии? В результате Октября и последовавшей «аграрной революции наша деревня осередничилась». Однако в условиях нэпа стал нарастать процесс расслоения, приводящий к росту прослойки кулачества и сельскохозяйственного пролетариата. Задача партии в этих условиях состояла в том, чтобы «противопоставить развитию капиталистических элементов развитие социалистических элементов»⁶¹¹.

Как это сделать? Выход виделся, как сформулировал на съезде Сталин, «в переходе мелких и распыленных крестьянских хозяйств в крупные и объединенные хозяйства на основе общественной обработки земли, в переходе на коллективную обработку земли на базе новой высшей техники»⁶¹². Молотов в заключительном слове констатировал, что «задача перехода от индивидуального мелкого хозяйства к крупному коллективному земледелию, эта основная задача, судя по выступлениям товарищей, целиком одобряется съездом». Отказ от нэпа не предлагался. «Этой политики мы придерживались, придерживаемся и будем придерживаться, пока существует мелкое крестьянское хозяйство». Форсировать процесс социалистического преобразования деревни он тоже не считал необходимым. «Требуется немало лет для того, чтобы перейти от индивидуального к общественному (коллективному) хозяйству», – говорил Молотов.

В то же время, и в докладе это прозвучало наиболее отчетливо, столкновение с кулачеством воспринималось как неизбежность.

– Вопрос о переходе к крупному общественному хозяйству – вопрос классовой борьбы в деревне. Зажиточно-кулацкая верхушка в своей массе не может сочувствовать этому делу. Но мы должны найти и найдем сочувствие у огромной, у преобладающей массы деревни, у середняков и бедняков, и должны опереться на их добровольное согласие, поддержав рядом мер соответствующую инициативу крестьян⁶¹³.

В докладе Молотова на XV съезде впервые была предложена некоторая система аргументации в пользу того, что еще чаще называлось кооперированием, нежели коллективизацией. Во-первых, налицо были малоземелье подавляющего большинства крестьян и чересплосица. Во-вторых, Молотов делал упор на неспособность мелких хозяйств (да и относительно крупных тоже) поднять решение задачи даже не механизации сельского хозяйства, а «ликвидации безынвентарности и безлошадности». В-третьих, речь шла о необходимости повышать рентабельность аграрного производства, которое в огромной массе не приносило прибыли и работало себе в убыток. «В 8 миллионах наиболее слабых крестьянских хозяйств даже применение лошади сейчас нерентабельно, даже хороший плуг в некоторой части хозяйств не окупает себя целиком, не говоря уже о том, что он недоступен для наиболее слабых хозяйств, а сельскохозяйственные машины – жатка, сеялка и молотилка всех сортов – они совершенно нерентабельны». Только за этим следовал аргумент из арсенала политической экономии, а не чистой экономики: «На стороне зажиточно-кулацкой части деревни лежат сейчас преимущества более крупного хозяйства, а потому он экономически бьет маломощное и среднее хозяйство. Вот в этом основное экономическое противоречие нашей деревни, из которого мы должны найти во что бы то ни стало выход, выход для бедняка и середняка». Способ продвижения в деле кооперирования Молотов описывал следующим образом:

– Убеждение плюс поощрение пролетарским государством элементов развивающегося крупного общественного крестьянского хозяйства – вот наш метод коллективизации деревни... Никаких фантазий, никакого принуждения в отношении крестьянина при переходе к крупному хозяйству мы не можем допустить. Но этот переход уже рвется из всех пор социально-экономического развития деревни.

Под бурные аплодисменты вставшего зала Молотов закончил свою речь выражением уверенности, что «союз рабочих и

крестьян осуществит свою основную задачу: не будет ни рабочих, ни крестьян, не будет классов в нашей стране, а все мы станем членами единого социалистического общества»⁶¹⁴.

Курс на коллективизацию был взят. При этом Молотов выступил как большой энтузиаст кооперирования, чем другие докладчики. При всех призывах к «осмотрительности, осторожности, неторопливости, постепенности», он был единственным, кто говорил о хороших перспективах «обобществления крупного сельского хозяйства не когда-нибудь, через десять лет и больше, а сегодня, теперь же, на наших глазах, в наших условиях»⁶¹⁵. Ни сроков, ни форм осуществления коллективизации съезд не устанавливал. Равно как не предусматривал проведения никаких чрезвычайных мер в деревне. Жизнь и политическая практика внесли немедленные коррективы.

22 декабря 1927 года на первом же заседании избранного после съезда состава ПБ было принято решение: «Назначить завтра, 23 декабря, в 11 часов утра внеочередное заседание Политбюро для обсуждения вопроса о хлебозаготовках и экспорте хлеба»⁶¹⁶. Группа высших руководителей направлялась по регионам в качестве уполномоченных ЦК по хлебозаготовкам. Молотову, как полагается, выпал самый ответственный участок – Украина, на которую приходилось 37 процентов общего плана хлебозаготовок. Точнее, незаготовок, поскольку к 1 декабря годовое задание было выполнено всего на 51 процент. 28 декабря Молотов сел на поезд и следующие десять ночей провел в спецвагоне вместе с небольшой группой ответработников, председателем Хлебопродукта Лобачевым и охраной.

В Харькове 30 декабря Молотов собрал заседание Политбюро ЦК КПУ, устроил разнос местному начальству во главе с Кагановичем и добился принятия нужных постановлений. «По линии снабжения деревни промтоварами было решено: не менее 80 процентов всех товаров, поступающих в ближайшие месяцы, отправлять на село; выделить особый фонд сложных с/х машин и двигателей в размере 40 процентов общего их количества для продажи за наличный расчет; Наркомторг и кооперативные органы обязать распределять товары по районам в прямой зависимости от количества заготовленного хлеба (не допуская товарообмена). По линии финансовых мероприятий: срочное взыскание всех причитающихся с крестьянства платежей (сельхозналог, госстрах, недоимки); срочное проведение самообложения на местные нужды деревни на основе нового декрета...» Разнос сочетался с посильной помощью. Политбюро КП(б)У просило Центр «в связи с усилением хлебозаготовок на Украине» выделить дополнительное количество сельхозмашин

по импорту. Молотов внес соответствующее ходатайство на союзное Политбюро, и уже 5 января 1928 года было принято постановление о дополнительном импорте тракторов на сумму в 5 млн руб. в качестве развития хлебозаготовок»⁶¹⁷.

Из Харькова путь Молотова лежал в Мелитополь, и там он сильно испортил местному начальству новогоднее застолье. Слово Батраку: «Наговорил им Вячеслав Михайлович очень много горьких истин. “Вы сидите на хлебе, а рабочие промышленных центров голодают. Вы – не коммунисты, а середняки”, – звучало в ушах у каждого. До приезда Молотова подготовительную работу и рассылку работников на места по проведению хлебозаготовок собирались проделать в несколько недель. А после выступления все это было сделано в несколько часов. Вместо торжественной встречи Нового года, мелитопольские работники к утру уже были на местах и проводили хлебозаготовительную кампанию»⁶¹⁸. Переговорив на обратном пути в штабном вагоне с партийными, советскими и хлебозаготовительными начальниками Запорожья, Кривого Рога, Кременчуга, Полтавы, 6 января Молотов вернулся в Москву. Политбюро результаты вояжа понравились, особенно самому генсеку: «Ну я бы тебя расцеловал, так ты там действовал»⁶¹⁹.

И тут же Политбюро принимает новое решение: отправить по делам хлебозаготовок Молотова на Урал, а Сталина – в Сибирь. Поездка Молотова проходила по маршруту Свердловск – Челябинск – Уфа и по содержанию мало чем отличалась от украинской. Только выполнение плана хлебозаготовок там шло гораздо хуже: 32–35 процентов от планов на 1 января 1928 года. Визит Молотова запомнился уральцам. На апрельском (1928 года) пленуме ЦК и ЦКК руководитель Уральского обкома Шверник заявил, что «после того, как приехал из ЦК тов. Молотов, наше руководство делается более конкретным руководством... Я не знаю, может быть, у украинцев иначе дело, но у нас, по крайней мере (смех), мы обижаться на это не обижаемся, а приносим глубокую благодарность за это.

– Украинцы наоборот, – заметил Косиор (смех, шум, разговоры)»⁶²⁰.

Во многих книгах можно найти фразу Молотова, произнесенную якобы на Урале, которая используется для доказательства окончательного отхода от нэповской политики: «Надо ударить по кулаку так, чтобы перед нами вытянулся середняк». Источник информации один – Моисей Фрумкин, раскритикованный Молотовым там же, на Урале, за чрезмерную уступчивость. Сам Молотов замечал: «Попытку т. Фрумкина извратить мою

мысль и произвольно “цитировать” никем не записывавшуюся речь на Уральском обкоме оставляю на совести автора»⁶²¹.

И, уж конечно, поездка Молотова на Урал не стала какой-то существенной вехой в дрейфе от нэпа. Более существенную роль сыграло сибирское турне Сталина, который телеграфировал Молотову: «Разнузданная конкуренция наших заготовителей, свободная деятельность спекулянтов и кулаков, попустительство низового аппарата и инертность парторганизаций создали почву для взвинчивания цен, разложили рынок и подорвали заготовки, несмотря на наличие промтоваров»⁶²². Генсек предложил применять не только к спекулянтам и перекупщикам, но и к потенциальным спекулянтам – «держателям хлеба» статью 107 УК, которая, помимо прочего, предусматривала конфискацию имущества. Сталиным ставилась принципиальная задача – преодолеть зависимость политики индустриализации от «кулацких капризов». Он пояснял: «Существуют два пути создания крупных хозяйств в земледелии: путь *капиталистический*, осуществляемый посредством массового разорения крестьян и организации крупных капиталистических имений, эксплуатирующих труд, и путь *социалистический*, осуществляемый посредством объединения мелких крестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства, – без разорения крестьян и без эксплуатации труда. Наша партия избрала социалистический путь создания крупных хозяйств в земледелии»⁶²³.

В борьбе с «хлебной стачкой кулаков», как назвал ее Сталин, руководство впервые с начала нэпа прибегло к мерам, которые лишали крестьян права по своему усмотрению распоряжаться излишками зерна. Шаг в целом оказался эффективным. Сталин с тех пор больше не ездил на хлебозаготовки. А для Молотова это стало ежегодной повинностью на пять лет. По возвращении Сталина 9 февраля 1928 года ПБ приняло решение создать комиссию в составе Рыкова, Сталина, Молотова, Микояна и Бухарина, которой уже через два дня нужно было «закончить работу по составлению текущей директивы, связанной с хлебозаготовками»⁶²⁴. Единодушно было Политбюро и при рассмотрении вопроса о поощрении колхозного строительства. Созданной тогда комиссии под председательством Молотова поручалось «наметить практические мероприятия для развертывания работы в области развития коллективных хозяйств». И уже 23 февраля по представлению Молотова ПБ дало директиву, «чтобы из сумм, ассигнованных правительством в этом году по бюджету и кредиту, не менее 10 процентов пошло на организацию новых колхозов»⁶²⁵.

Итак, в начале 1928 года в отношениях сталинцев и бухаринцев царило относительное спокойствие. Когда же оно нарушилось? Молотов относил разрыв к маю и винил в нем правых. Правые называли начало марта и винили во всем Молотова. Через год Томский заявит: «Первый сильный взрыв произошел на открытом заседании ПБ при рассмотрении промфинплана в марте 1928 года, где тов. Молотов довольно резко напал на тов. Рыкова»⁶²⁶. Это был дежурный вопрос. Молотов раскритиковал план за недостаточные темпы строительства металлургических предприятий. Рыкова прорвало, и он сразу же написал заявление: «Сталину, Молотову, Бухарину. За последнее время был целый ряд признаков, говорящих за то, что большинство Политбюро недовольно руководством СНК и СТО... Я в качестве председателя СНК и СТО работать больше не буду». Завязалась переписка. «Считаю, что никто не может ставить вопрос о смене т. Рыкова, т. к. это явная нелепость и безусловная нецелесообразность, – полагал Молотов. – Но считаю свое выступление безусловно законным. От этого права говорить на Политбюро и резко критиковать решения наркоматов и СНК ни в коем случае не могу отказаться». Бухарин: «Считаю, что такие вопросы, как об индустрии и т. д., лучше предварительно ставить на повестку». Сталин: «Присоединяюсь к Молотову и Бухарину. Ошибка состоит в том, что мы не провентилировали вопрос до Политбюро». Но Рыков не успокаивался: «Я, кажется, доказал, что такими вещами не шучу»⁶²⁷.

Что так оскорбило Рыкова, ведь стычки на Политбюро случались и раньше? Томский позже объяснит: «Критиковать Рыкова, конечно, можно... но вопрос в тоне и обоснованности критики»⁶²⁸. Молотов на это замечание Томского отвечал: «В результате того, что мы немного поспорили в Политбюро, ничего худого не вышло, вышла же порядочная польза для нашей металлической промышленности – несколько крупнейших гигантов-заводов были двинуты вперед; кроме средств для начатых заводов, нашлись средства и для закладки нескольких новых крупнейших металлических заводов; предполагавшееся первоначально увеличение финансирования металлопромышленности на десять миллионов было доведено до 37 миллионов рублей. Из-за этого стоило поспорить»⁶²⁹.

В результате конфликта удельный вес расходов на капитальное строительство за один год удваивался и оказалось возможным сооружение флагманов первой пятилетки. Правых беспокоили не только чрезмерные темпы индустриализации. Они были уверены, что за демаршем Молотова стоял Сталин.

Бухаринцы начали искать контрмеры. Впрочем, пока маневры шли под ковром.

Другое важное событие весны 1928 года – Шахтинское дело тоже не раскололо Политбюро. 1 марта Политбюро рассмотрело телеграмму секретаря Северо-Кавказского крайкома Андрея Андреева, который сообщил о раскрытии крупной заговорщицкой организации в городе Шахты. Ягода добавил подробности: «Деятельность этой организации направляется из Польши (Дворжанчик, бывш. акционер Донецко-Грушевского рудоуправления) и Германии (Шкаф, бывш. председатель акц. о-ва ДГРУ, Ауэрбах и Игнатьев, бывш. акционеры ДГРУ, – некоторыми членами акц. о-ва “Ропит” и Парамоновым) через Московский (ВСНХ СССР) и Харьковский (правление Донугля) центры»⁶³⁰. Была создана комиссия под руководством Рыкова и с участием Орджоникидзе, Сталина, Молотова и Куйбышева, которой давалось право решать срочные вопросы по Шахтинскому делу от имени ПБ⁶³¹.

Очевидно, что сомнения в отношении обоснованности дела в ПБ имелись. Политбюро отложило начало очередного пленума ЦК на десять дней и послало в Донбасс Томского, Молотова и Ярославского. Объехали весь Шахтинский район, беседовали в шахтоуправлениях, компетентных и партийных органах, спускались под землю в Луганске, Алчевске, Кадиевке. Молотов признавал, что «ни у ГПУ, ни у прокуроров нет ни одного листочка доказательств, нет ни одного документа, ни одной записки, и до сих пор по Шахтинскому делу нет никаких материалов, кроме личных показаний»⁶³². По мере расследования дела сомнения в справедливости обвинений развеивались, о чем Томский, вернувшись, сообщил на заседании ПБ⁶³³. На апрельском пленуме ЦК доклад по Шахтинскому делу произносил Рыков:

– Главный вывод заключается в том, что дело не только не было раздуть, но что оно больше и серьезнее, чем можно было ждать при раскрытии его. В основном подтвердилось то, что группа привилегированных в прошлом специалистов, из которых многие были раньше собственниками предприятий, занималась вредительской работой не только в Шахтинском районе, но и во всем Донбассе. Эта группа была связана с контрразведкой, именно с польской контрразведкой...⁶³⁴

Молотов, отдав должное криминальной стороне вопроса и приведя «ряд примеров того, как не только в Шахтинском районе теперь раскрывается явно преступная деятельность наших врагов-вредителей», ставил ряд принципиальных вопросов, связанных с кадрами:

– До сих пор вопросы индустриализации страны мы обсуждали в такой связи: индустриализация и средства для нее, индустриализация и техника, индустриализация и план и т. п. Шахтинское дело выдвигает перед нами вопрос об индустриализации в такой постановке: индустриализация и вопрос о людях, вопрос о кадрах, вопрос о руководителях⁶³⁵.

Судебный процесс по Шахтинскому делу начался в мае в Колонном зале Дома союзов – на скамье подсудимых сидели 53 инженера, в том числе трое граждан Германии. Слушания шли так долго, что даже архитерпеливый Молотов не выдержал. «Не слишком ли растянулся Шахтинский процесс? – писал он Сталину в середине июня. – Объективность его ведения для наших спецов абсолютно необходима, но надо считаться с тем, чтобы не притупилось общественное внимание к “Шахтам” и смыслу этого дела. Если дело протянется пару месяцев – боюсь, не бросили бы читать о нем»⁶³⁶. Приговор обсуждался на Политбюро. «За расстрел “шахтинцев” голосовали Бухарин, Рыков и Томский, тогда как Сталин и его союзники считали возможным ограничиться более мягкой мерой наказания»⁶³⁷. В итоге 11 человек были приговорены к смертной казни (шестерым из них расстрел был заменен десятью годами тюрьмы), 38 получили от одного до десяти лет, четверо отделались условными сроками. В июле на московском партактиве Молотову пришлось отвечать на возмущенные вопросы «насчет мягкости приговора по “шахтинскому делу”». Он ответил:

– Нам, не просто людям, которые имеют много власти и много пороха в сердце, а как хозяевам дела, надо действовать с умом, и когда надо привлечь необходимых нам людей, то мы будем действовать или ценой, или подкупом, или лаской. Я знаю, что у рабочих настроение против этого приговора, но этот приговор носил такой характер не потому, что мы слабы, а именно потому, что мы очень крепки и не просто машем руками, а действуем с умом, с расчетом, как хозяева⁶³⁸.

Это был первый крупный показательный процесс с 1922 года. После него начались гонения на «спецов», в среде которых действительно существовали протестные настроения. Прокатилась волна дел, сопровождавшихся арестами представителей менеджерского звена на железных дорогах, на кораблестроительных заводах Ленинграда, Брянском заводе «Красный профинтерн», в золотодобывающей промышленности.

У Шахтинского дела было еще одно следствие: инициатива Молотова, связанная с необходимостью по-новому взглянуть на проблему своих, советских кадров для индустриализации, не осталась «безнаказанной». 17 апреля Политбюро

поручило ему возглавить комиссию по улучшению работы высших и средних технических учебных заведений. План работы определил состав рабочих групп комиссии. Он включал такие вопросы, как командирование за границу выпускников втузов; постановка учебного дела и связь втузов с производством; комплектование, состав учащихся, распределение и использование окончивших втузы; материальная база втузов; создание техникумов; подготовка инженеров и техников в связи с планом развития промышленности⁶³⁹.

На апрельском (1928 года) пленуме ЦК резолюция о «хлебозаготовках», которую редактировали Микоян, Бухарин и Молотов, устроила абсолютно всех. В ней была одобрена чрезвычайная заготовительная кампания и осуждены допущенные перегибы. После пленума Сталин сам выступал на московском партактиве, а Бухарин обращался к ленинградскому. На заседании Политбюро генсек однозначно заявил: «Я думаю, что о фракциях Рыкова и Сталина пишут оппозиционеры (скрытые)»⁶⁴⁰. Не заметила какой-то существенной внутривнутриполитической борьбы и Александра Коллонтай, весной посетившая Москву: «Вячеслав Михайлович считает, что наше положение – хорошее, крепкое. Оппозиция разбита, партия едина. Однако другие говорили мне, что оппозиция “засела по уголкам”, притихла, но это временно. Дискуссий, как было осенью, уже не слышно. Все заняты практической работой, и мое впечатление, что работают более организованно»⁶⁴¹.

В плоскость открытого противостояния разногласия в ЦК перейдут в результате экстраординарных мер, принятых в связи с новыми экономическими осложнениями. В апреле встали хлебозаготовки. Госкомстат давал крайне неблагоприятный прогноз на урожай. Микоян утверждал, что выручка от импорта хлеба составила только 45 миллионов рублей по сравнению с 230 миллионами годом раньше⁶⁴² (в июне хлебные биржи Европы потрясет сенсация – СССР закупил 9 миллионов пудов пшеницы!). Именно перспектива импорта зерна, уничтожавшая какие-либо надежды на успех индустриализации, стала той красной чертой, за которую сталинцы не могли отступить»⁶⁴³.

23 апреля генсек выносит на Политбюро вопрос «Об организации новых совхозов». Было принято решение в течение трех-четырех лет «иметь в них годовое производство товарного хлеба в размере 100 миллионов пудов. Поручить всестороннюю разработку этого вопроса комиссии в составе тт. Калинина, Кубяка, Молотова, Микояна, Квиринга, Баумана и Яковлева (РКИ)»⁶⁴⁴. Началась также беспрецедентная в годы нэпа кампания по усилению хлебозаготовок весной – в период сева и не

езде закончившейся распутицы. 24 апреля Молотов и Микоян собрали в ЦК руководителей региональных парторганизаций Центрального Черноземья и Поволжья:

– Цифры говорят о том, что фактически заготовки прекратились... Известную роль, несомненно, сыграло и то, что, начиная с центральных органов, мы тут подняли борьбу против перегибов в заготовительной кампании. Однако эта борьба против перегибов, совершенно необходимая и законная, особенно в связи с посевной кампанией, не должна прекратить наш нажим по части хлебозаготовок⁶⁴⁵.

Результат нового раунда чрезвычайных мер был явно обескураживающим. Молотов прямо признает это на июльском пленуме ЦК:

– За последние месяцы мы порядочно испортили успехи, достигнутые нами усилением общественно-политической работы в деревне в начале года, так как в последние месяцы были затронуты так называемые «страховые запасы» хлеба у части середняков, что сопровождалось в некоторых районах применением чрезвычайных мер в отношении этой части среднего крестьянства⁶⁴⁶.

Недовольство хлебными трудностями и эксцессами заготовительной кампании было массовым, оно прокатилось также по крупным городам и затронуло армию. В Кабарде в выступлениях протеста приняли участие 30 тысяч человек, в Николаеве – 1,5 тысячи. В Семипалатинске пятитысячная толпа ворвалась в здание горисполкома, разгромила магазины. В очередях за хлебом раздавались самодельные листовки с призывами к свержению власти коммунистов. Безработные громили биржи труда. В армии, состоявшей в основном из селян, нарастали «крестьянские настроения», подстегиваемые письмами из дома⁶⁴⁷.

Теперь уже сторонники Бухарина не видели возможности поддерживать сталинскую политику. Марецкий и Астров выступили в «Правде» со статьями о приоритете индивидуальных крестьянских хозяйств, о необходимости не только ликвидировать перегибы, но и отказаться от экстраординарных мер вообще. Сталинская команда начала разворачивать кампанию против «правой угрозы», пока еще не называя имен.

Именно на этом, начальном этапе открытой полемики Молотов отбыл в отпуск, который провел в компании коллег в Мухалатке. Микоян писал своей супруге в Москву: «Мы с Молотовым ездим верхом, играем в теннис, в кегельбан, катаемся на лодке, стреляем, словом, отдыхаем прекрасно»⁶⁴⁸. Политика тоже никуда не исчезала. 4 июня Молотов предложил в повест-

ку дня предстоявшего пленума ЦК – в дополнение к международным и аграрным делам – «поставить и доклад о всеобщем обучении – иначе опять упустим год, сверстаем бюджет без выделения необходимых средств для этого дела»⁶⁴⁹. Так впервые вопрос об образовании стал предметом специального рассмотрения на пленуме.

Самым примечательным в летней переписке генсека с его заместителем было то, что в ней не было ни слова о правах. И это несмотря на то, что 1 или 2 июня Бухарин направил Сталину письмо с предложением полностью пересмотреть политику партии в деревне: «Наши экстраординарные меры... идейно уже провалились, переросли в новую политическую линию, отличную от линии XV съезда»⁶⁵⁰. Однако у Сталина негативных эмоций это письмо не вызвало. Почему? Ответ дает письмо Сталина Молотову от 10 июня: «Мне кажется, что за июнь – июль удастся собрать без Украины не более 20-ти, максимум – 25 млн пудов. Между нами будет сказано – этого нам, оказывается, хватит вообще для основных нужд»⁶⁵¹. У генсека появилась уверенность, что прежние панические виды на урожай не оправдались, а значит, нет необходимости в чрезвычайных мерах. Именно так понял начальника Молотов. «С хлебом, значит, выкрутимся. Это хорошо. Однако теперешние нормы снабжения явно тяжелы. Ты прав, что мы проморгали план снабжения. Надо было раньше взяться за его урезку»⁶⁵².

В Москву Молотов вернулся 21 июня, и в тот же день – сразу на Политбюро. Разница с доотпускной обстановкой почувствовалась мгновенно. Высшая партийная инстанция была расколота.

Глава четвертая

ТВОРЕЦ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА». 1928–1930

Сидели бы мы, как дураки, как жалкие либералишки, без хлеба, без промышленности, с разваленной деревней.

Вячеслав Молотов

Против правой оппозиции

«Россия не испытала бы многих постигших ее ужасных несчастий, если бы ее повели правые коммунисты, а не Сталин»⁶⁵³. Эти слова меньшевика Николая Валентинова, подавшегося из Москвы в Париж как раз в 1928 году, рефреном повторяют множество авторов. Что ж, очень может быть. Никому не дано знать, что случилось бы с СССР в 1930–1940-е годы, откажись его руководство от ускоренной индустриализации, коллективизации и курса на построение социализма в одной стране в ущерб мировой революции. Исторические альтернативы не проверяемы. Более уместна постановка вопроса: а был ли у бухаринцев шанс повести страну?

Такие знатоки эпохи, как В. Л. Данилов и Е. Н. Гимпельсон, уверены, что «бухаринская альтернатива» изначально была обречена на поражение, поскольку к концу 1920-х годов соотношение сил в руководстве партии, а значит и страны, было полностью в пользу сталинского большинства⁶⁵⁴. Как реальные шансы правых оценивал ведущий биограф Бухарина американец Стивен Козн: «Весной и ранним летом 1928 г. политическое могущество правых должно было выглядеть вполне внушительным; это опровергает мнение о том, что Сталин уже являлся к тому времени всесильным Генсеком, каким он сделался в последующие годы»⁶⁵⁵. Представляется, в июне 1928 года, когда началась открытая схватка, ничего не было предрешено. Но исход битвы решился очень быстро – уже после июльского пленума ЦК, – хотя сама она еще продолжалась.

Бухаринцы не были беззащитными мальчиками для битья. Они контролировали правительство, центральные наркоматы – Госплан, Наркомфин, Наркомзем, Наркомтруд, Наркомпрос, у них были сильны позиции в спецслужбах. Глава ОГПУ Менжинский поддерживал генсека, но два его первых заместителя – Ягода и Трилиссер склонялись к правым, а сам Буха-

рин был членом коллегии ОГПУ, причем самым влиятельным. Одиннадцатимиллионные профсоюзы справедливо считались вотчиной Томского. Как-то он, находясь подшофе, шепнул Сталину на ухо: «Скоро наши рабочие начнут стрелять в вас, так будет»⁶⁵⁶. У правых были рычаги воздействия на институты, формирующие общественное мнение, включая высшие учебные заведения (через Наркомпрос) и средства массовой информации: Бухарин и его молодняк держали в руках крупнейшие центральные газеты. На стороне Бухарина стояло руководство Московской партийной организации во главе с Углановым. Были основания рассчитывать на поддержку со стороны Украинской и Северокавказской организаций, где недовольство политикой хлебозаготовок было наивысшим.

Какова была цель правых? Прежде всего завоевать большинство в высших партийных органах. Об этом, как о само собой разумеющемся, скажет Томский на XVI съезде ВКП(б):

– Борьба внутри ЦК, борьба за свою линию внутри партии, независимо от того, какие бы формы эта борьба ни принимала, не могла идти иначе, как за завоевание большинства⁶⁵⁷.

О механике и арифметике завоевания большинства Бухарин расскажет Каменеву. В ЦК правые рассчитывали на 30 голосов (общая численность ЦК – 71 человек) и предполагали, что столько же будет у Сталина при нейтралитете остальных. В Оргбюро правые, учитывая позиции москвичей и профсоюзников, имели даже большинство. В Секретариате ЦК у них было авторитетное меньшинство – двое (Угланов и Александр Смирнов) против троих (Сталин, Молотов, Косиор). Что же касается Политбюро, то к голосам Бухарина, Рыкова и Томского, по расчетам правых, должны были присоединиться обещавшие им поддержку Калинин и Ворошилов; предполагалось, что Куйбышев и Рудзутак займут нейтральную позицию или проявят нерешительность. После этого им не составило бы большого труда разобраться с оставшимися – Сталиным и Молотовым. Главной целью было смещение генсека, о чем правые будут говорить не только в кулуарах, но и заявят публично. Было не все ясно относительно преемника. Коэн приходил к выводу: «Очевидно, на эту должность претендовал Томский, хотя, по логике вещей, кандидатом на нее мог быть и Угланов, активно добивавшийся смещения Сталина»⁶⁵⁸.

Первым локальным сражением, как считал Молотов, стала полемика вокруг письма замнаркома финансов Моисея Фрумкина, направленного 15 июня в ПБ: экономическое положение страны сильно ухудшилось из-за зимней хлебозаготовительной кампании и зажима середняка. Авторами этой ошибки объ-

являлись члены сталинской команды, прежде всего Молотов. Здесь Фрумкин и привел его слова о середняках, якобы произнесенные на Урале. Замнаркома предлагал вернуться к решениям XIV и XV съездов, признать кулацкие хозяйства полезными еще на ряд лет, «не вести расширения колхозов в ударном и сверхударном порядке»⁶⁵⁹. Хотя нет свидетельств, что Фрумкин действовал с ведома Бухарина или Рыкова, у команды генсека не было ни тени сомнения, что это так. Молотов смеялся над самим предположением, что один из «коренников» бухаринской группировки мог пойти на столь ответственный и рискованный шаг по собственной инициативе.

Правые же, даже если они письмо не санкционировали, увидели в нем способ поставить перед Политбюро общий вопрос – о правильности реализуемой стратегии. Они предложили Сталину (и он с этим согласился) выработать на ПБ коллективный ответ Фрумкину. Однако генсек предпочел не пускать дело на самотек и подготовил проект ответа самостоятельно. В нем говорилось, что, следуя советам Фрумкина, невозможно было ликвидировать дефицит в 128 миллионов пудов хлеба до весеннего сева, в результате чего «мы имели бы теперь голод среди рабочих, голод в промышленных центрах, срыв нашего строительства, голод в Красной Армии». Да, извращения в хлебозаготовках надо искоренять, а с кулаками бороться экономическими методами. Однако «обвинять в этих извращениях т. Молотова или т. Кубяка, как делает это Фрумкин, и утверждать, что партия не ведет борьбы с подобными извращениями, – значит допускать величайшую несправедливость и впадать в непопозволительную запальчивость»⁶⁶⁰.

Маневр Сталина вызвал раздраженную реакцию правых. В итоге опросом ПБ 25 июня было принято нечто похожее на «порицание» генсека, ответ которого был признан «правильным, но неполным»⁶⁶¹. Но в тот же день с осуждением письма Фрумкина выступил Молотов, которого никакие обещания не связывали. Он заявил, что «паника перед трудностями и потеря способности объективной оценки положения – плохие помощники в деле преодоления неизбежных затруднений на пути крепнущего пролетарского государства... Странные “цитаты” потребовались т. Фрумкину, однако не просто для нападок на меня, а явно для того, чтобы атаковать линию ЦК»⁶⁶².

При обсуждении проекта резолюции июльского пленума по хлебозаготовкам Бухарин зачитал 20 страниц текста и предложил на слух принять их в качестве решения. Тезисы критикуют, Молотов даже демонстративно хлопает дверью. Создается комиссия по их доработке, где большинство у сталинцев. Пред-

ложения Бухарина и Рыкова включаются в проект решения пленума. В итоге на пленум, где планируется решительный бой против сталинской группировки, правые идут без платформы. Всё, за что они хотели бороться, уже записано в проекте решения. Отсюда столь странное течение июльского пленума. В разгар, безусловно, острого внутрипартийного кризиса главные фигуры ограничились крайне расплывчатыми формулировками.

– В чрезвычайных мерах были свои плюсы и свои минусы, – говорил на пленуме Рыков. – Если бы их не применяли, мы имели бы еще худшее положение, потому что невыдача хлеба в рабочих центрах, ясное дело, вызвала бы еще большее осложнение в виде общего кризиса... Что плюсы чрезвычайных мер перевешивают минусы – это несомненно, но это не значит, что нельзя говорить об этих минусах...⁶⁶³

Пикировка Бухарина с Молотовым была хотя и симптоматичной, но мимолетной:

– Наша главная решающая задача – как вести наступление на кулака такими методами и так, чтобы от этого середняк не пострадал, – уверял Бухарин.

– Но налог все-таки середняк должен платить, а это составляет не менее чем три четверти всего налога, что немного его «задевает», – возразил Молотов.

– А кто же против этого спорит, что приходится задеть, но повышение ставки, Вячеслав Михайлович, для середняка – одно, а повышение ставки для кулака – другое... Когда аграрная страна ввозит хлеб, а вывозит продукты промышленности, ясно, что эта стоящая дыбом экономика может поставить дыбом и классы⁶⁶⁴.

Сталин говорил, как о само собой разумеющемся, об отмене чрезвычайных мер. Однако из-за невозможности осуществить индустриализацию за счет ограбления колоний, побежденных стран или займов извне существуют «ножницы цен». «Это есть нечто вроде “дани”, нечто вроде сверх налога, который мы вынуждены брать временно для того, чтобы сохранить и развить дальше нынешний темп развития индустрии». А «по мере нашего продвижения вперед сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться»⁶⁶⁵.

Безусловно, и теория «дани», и концепция обострения классовой борьбы были для бухаринцев неприемлемы. Но они не отважились выступить против Сталина – решили отыграться на Молотове. Тот, в отличие от генсека, 10 июля нанес правым ряд чувствительных уколов. Он соглашался, что ответ «должен

стоять в *решительной ликвидации чрезвычайных мер* в деревне и притом *ликвидации немедленной*». Основа для следующей кампании – *«повышение заготовительных цен на хлеб»*. При этом увеличение оптовых цен неизбежно отразится на повышении цен розничных, *«придется кушать не белый, а серый хлеб»*. Затем Молотов перешел к *«ошибочным мнениям и извращениям партийной линии»*, которые толкали бы к *«прямой сдаче на милость кулаку»*. В этом контексте досталось Осинскому за теорию *«размычки между городом и деревней»*, Угланову – за *«ставку на увеличение роли частника»*. Но наибольшее беспокойство правых вызвал жесткий выпад Молотова против Астрова за статьи в «Правде», где *«однобоко говорилось о чрезвычайных мерах и о поддержке индивидуального крестьянского хозяйства»*⁶⁶⁶. Всем было известно, что Астров – alter ego Бухарина.

Томский обвинил Молотова в вынесении на пленум сора из избы Политбюро и прошелся и по всему спектру его ошибок (имея в виду, естественно, и генсека):

– Я боюсь вот чего – все мы за нэп, но немножко веет от некоторых речей таким душком: хорошо, если бы этот нэп был, но без нэпманов, без кулаков и без концессионеров. Вот это был бы прекрасный нэп (*смех*)⁶⁶⁷.

До конца пленума оставалась пара дней. Планы правых рушатся на глазах. Ничего похожего на бунт против Сталина со стороны ЦК не происходит. Вот-вот пленум завершится просто принятием очередной резолюции, совершенно безопасной для генсека и его команды. И здесь, похоже, Бухарин запаниковал. Иначе невозможно объяснить, зачем ему потребовалось идти на контакт с Каменевым, которого за хорошее поведение и раскаяние – вместе с Зиновьевым – только что восстановили в партии. Каменев по горячим следам их разговор тщательно записал:

(Открывается дверь и входит Бухарин.) «Вид взволнованный и замученный до крайности. Очень волнуясь, сказал следующее. Говорил час без перерывов... Дело в ЦК и в партии зашло так далеко, что вы (а также, вероятно, и троцкисты) неизбежно будете в него втянуты и будете играть в его решении важную роль... Мы считаем, что линия Сталина губительна для всей революции. С ней мы можем пропасть. *Разногласия между нами и Сталиным во много раз серьезней всех бывших у нас разногласий*. Я, Рыков и Томский единогласно формулируем положение так: «Было бы гораздо лучше, если бы мы имели сейчас в Политбюро вместо Сталина Зиновьева и Каменева». Его (Сталина) задача теперь отобрать у нас московскую и ленинградскую

“Правду” и сменить Угланова, который целиком с нами. Теперь дело не в “кукушке”, а действительно решаются судьбы революции... Он предлагал ни одного расстрела по Шахтинскому делу (мы голоснули против), во всех переговорах идет на уступки... Линия губительная, но он не дает возможности даже обсуждать. Ловит, пришивает уклоны. Нас он будет резать.

Я: “Каковы же ваши силы?”

Бухарин: “Я, Рыков, Томский, Угланов (абсолютно, питерцы вообще с нами)... Андреев за нас. Украинцев Сталин сейчас купил, убрав с Украины Кагановича. Потенциальные силы наши громадны, но 1) середняк цекист еще не понимает глубины разногласий, 2) страшно боится раскола, поэтому, уступив в чрезвычайных мерах, затруднил наше нападение на него. Мы не хотим выступать раскольниками, ибо тогда нас зарежут. Но Томский в последней речи на пленуме показал явно, что раскольник – Сталин. Ягода и Трилиссер – с нами. Ворошилов и Калинин изменили в последний момент. Я думаю, что Сталин держит их какими-то особыми цепями. Наша задача постепенно разъяснить гибельную роль Сталина и подвести середняка цекиста к его снятию. Оргбюро – наше. В пятницу доклад Рыкова. Там поставим точки над “i”. В “Правде” я буду печатать ряд статей, может быть, нужен еще удар, чтобы партия поняла, куда он ее ведет. Тон – абсолютной ненависти к Сталину и абсолютного разрыва»⁶⁶⁸.

Из этого разговора следует, что блицкриг против Сталина не получился, и Бухарин переходил к длительной осаде и поиску влиятельных союзников. Конечно, он не думал, что его разговор с Каменевым станет достоянием гласности – вели же правые много месяцев подобные разговоры в своем кругу. Но здесь снова был просчет. Бухарин почему-то рассчитывал на сочувствие левых. Но симпатий не было. А содержание разговора Каменев тут же изложил в письме Зиновьеву. Тот сделал вывод: «Снятие Сталина этой группой означало бы то, что на место Сталина ставится *правый*. Уже в самом штабе, в самой сердцевине этой группы сидит прямой враг, классовый враг. Если этот *правый* “хвост” будет отрезан у Сталина, это, во всяком случае, богоугодное дело»⁶⁶⁹.

Крепость позиций правых была протестирована на пленуме по, казалось бы, не имеющему отношения к сути разногласий вопросу. Молотов от имени своей комиссии по образованию нарисовал картину ужасающего неблагополучия: не было плана подготовки специалистов, преподавательский состав плохо оплачивался, не отвечал современным требованиям и «по политическим настроениям в значительной степени далек

от нас». Во всех технических вузах страны по всем специальностям обучалось 117 очных аспирантов и 104 – заочных. Даже в самом передовом вузе – Московском высшем техническом училище «библиотека является образцовой на 1835 г. Учебники зарабатываются до дыр, до того, что некоторые страницы, наиболее боевые, читать невозможно. На станках марка тоже 1847 г.». В стране, разворачивавшей индустриализацию, на сто рабочих приходилось 0,98 инженера и столько же техников.

– Если мы поставим перед собой задачу «догнать и затем превзойти» передовые индустриальные страны, то ясно, что это мы можем сделать только и исключительно на основе новейших достижений техники, делая это, во-первых, путем перенесения к нам этих достижений и привлечением значительного слоя специалистов из капиталистических государств и, во-вторых, путем максимального поднятия дела подготовки специалистов из среды рабочего класса и вообще из трудящейся массы в нашей стране⁶⁷⁰.

Молотов предлагал кратное повышение расходов на техническое образование. Готовивший заключение правительства замнаркома финансов – не Фрумкин, но тоже правый – Кузнецов представил отрицательное заключение: нет средств⁶⁷¹. Точку было предложено поставить июльскому пленуму. Так же, как и в другом вопросе – о ведомственной подчиненности технических вузов. Спор, внешне совершенно технократический, тоже стал политическим. Правые добивались сохранения вузов в ведении наркома просвещения Луначарского, а значит, через него – и Рыкова; Молотов тянул их под крыло ВСНХ – Куйбышева и Наркомата путей сообщения, то есть Рудзутака. По обоим вопросам пленум поддержал подход Молотова:

– Общая сумма прибавки против прошлого года составит примерно 55 миллионов рублей. Постановление предусматривает повышение стипендий студентов вообще и особенно учащихся во вузах и промышленных техникумах. Кроме того, предусмотрено повышение зарплаты для преподавателей (в вузах – не менее чем на 15 процентов, во вузах – не меньше чем на 30 процентов). В результате ассигнования на материальные нужды самих вузов увеличатся против прошлого года примерно больше чем в 5 раз.

Не вызвали возражений и предложенные Молотовым организационные мероприятия, которые он объединил в четыре группы: «Во-первых, темп подготовки специалистов; во-вторых, научный уровень подготовляемых специалистов; в-третьих, знание производства и связь с этим производством; и, в-четвертых, чтобы это были, что само собой разумеется,

действительно красные специалисты». Под темпами понималось сокращение времени подготовки выпускников вузов с сохранившихся с дореволюционных времен шести–девяти лет до привычных нам пяти лет. Таким образом, сроки обучения в советских вузах – результат деятельности комиссии Молотова 1928 года.

Требовалась ускоренная подготовка молодых специалистов для нужд индустриализации. Изъятие ряда вузов из Наркомпроса и передача их ВСНХ и НКПС осуществлялись для того, «чтобы наладить их связь с производством, добиться быстреего усвоения нашими новыми специалистами всех элементов новейшей заграничной техники, с которой имеет теперь много дел именно ВСНХ, а не Наркомпрос»⁶⁷². Между Молотовым и Луначарским возникла перепалка, правые внесли соответствующие поправки в резолюцию. При голосовании по поправкам Луначарского председательствовал Рыков. И после каждого голосования произносил:

– Мало⁶⁷³.

Мало. Такая оценка числа сторонников правых заставила их отказаться от попытки сбросить Сталина и уйти в тень, сделав вид, что ничего не произошло. Бухарин переключился на площадку Коминтерна, намереваясь мобилизовать, без особого успеха, против Сталина его руководство. «Бухарин мне много врал, – напишет Пятницкий. – Я сказал ему свое мнение о классовой борьбе в деревне и прибавил, что за Рыковым в партии ни одна собака не пойдет»⁶⁷⁴. В преддверии VI конгресса Коминтерна ПБ решило впервые в истории вынести место его проведения за стены Кремля, предложив «всего лишь» Колонный зал Дома союзов. Бухарин пожаловался Каменеву: «Вовне Сталин ведет правую политику: выгон Коминтерна из Кремля провел он... Томский формулировал так: я (Томский) правее тебя (Бухарина) в международных делах на 30 километров. Но я (Томский) левее Сталина на 100 километров»⁶⁷⁵.

В кулуарах конгресса поползли слухи, что Бухарин является следующим кандидатом на отправку в Алма-Ату. Чувствуя, что теряет почву под ногами, Бухарин кинулся за помощью в ПБ. То милостиво разрешило «огласить на сеньорен-конвенте за подписями членов Политбюро заявление о вздорности этих слухов и вредности их распространения»⁶⁷⁶. Бухарин сам его написал. Подписались все члены и кандидаты в члены ПБ, включая даже отсутствовавшего в Москве Калинина. Его Молотов позднее информировал: «Дорогой М. Ив.! Посылаю тебе прилагаемое заявление членов ПБ для сеньорен-конвента VI конгресса КИ. Тебе понятно, почему в теперешних условиях это было необхо-

димо... Не обижайся, пожалуйста, за это»⁶⁷⁷. Если у кого-то до этого и были сомнения в отношении драки в ПБ, то теперь они окончательно развеялись.

А 1 августа Политбюро постановило: «Принять предложение тов. Сталина о замене его, ввиду отъезда в отпуск, т. Молотовым в составе Польской и Германской комиссий конгресса КИ»⁶⁷⁸. То есть Молотов не только остался за старшего в Политбюро, но и должен был выполнять роль «смотрящего» за Бухариным на VI конгрессе КИ. 5 августа Сталин давал Молотову наставление «глядеть в оба», чтобы делегаты не попали под влияние правых: «Нельзя пропустить случая “сшибить таких деятелей” с руководящих постов»⁶⁷⁹. Вал работы на VI конгрессе все больше захлестывал, и 16 августа ПБ даже приняло решение: «Освободить Молотова на два-три дня от текущей работы для участия в работах комиссии по выработке текста программы Коминтерна»⁶⁸⁰. Через неделю Микоян делился со Сталиным своими наблюдениями: «Работа идет, в общем, ничего. Молотова безбожно заездили. Бедняга выносит лошадиную нагрузку работы»⁶⁸¹. Вячеслав Михайлович в эти дни курсировал между Старой площадью и рабочей дачей в Архангельском (по Калужскому шоссе), где готовилась программа Коминтерна.

«Здравствуй, Коба! Пишу из Архангельского (дача), где сижу третий день над поправками к программе (их 960 – всех не читал, но главные прочел)... Некоторые, по-моему, ухудшающие, но громадное большинство – хорошие. Против неудачных, принятых в первой стадии узкой комиссией, буду сегодня еще бороться; Бухарин уступил местами излишне, по мягкости своей... Страшно жаль и прямо неудобно, что тебя здесь сейчас нет: ведь программа есть программа!»⁶⁸²

Программу приняли в начале сентября, был сформирован Политсекретариат ИККИ из одиннадцати человек, где ВКП(б) теперь представляли Бухарин, Молотов, Пятницкий и Куусинен. Делегаты конгресса отправились изучать пролетарские традиции в городе на Неве, куда Молотов их тоже сопровождал. «Вчера приехал из Ленинграда, где пробыл 2 дня. Впечатление хорошее. Иностранцев с конгресса, особенно Тельмана, там встречали всюду с необыкновенным энтузиазмом и прямо местами на руках носили... Мне кажется, что 6-й конгресс провел большую работу и дает важный толчок к улучшению дела. Меня включили в Политсекретариат, и я бы хотел известное участие в его работе принять. Надо будет выделить для этого известное время. Но должен сказать, что из аппарата Исполкома иной раз так и прет запахом кислой капусты оппортунизма. Прямо тошнит от этих Пепперов, да и Беннетов в Коминтер-

не. Того и другого надо отшить от американской и английской компартий, которые они явно *портят*»⁶⁸³, – информировал Молотов Сталина 10 сентября. Стоит ли говорить, что в ходе вскоре начавшейся в Коминтерне чистки от правых и заведующий агитпропотделом Пеппер (он же Позер Поганини, он же Джонс) и Беннет (он же Липец, он же Петровский, он же Макс) были изгнаны из коминтерновского аппарата.

Летом 1928 года стали падать оплоты правых в средствах массовой информации. Один из секретарей «Правды» Вениамин Попов-Дубовский пожаловался Молотову: «Никакой редакционной коллегии не существует, существует ответственная, вернее безответственная обособленная группа из части редакторов... В дальней комнате идут непрерывные совещания и шушуканья, и оттуда выносятся готовые решения, оттуда всё направляется и всё исправляется»⁶⁸⁴. Решением ПБ Слепкова уволили из редакции «Правды», а Астрова – из редколлегии «Большевика». Вслед за ними вылетели Марецкий, Зайцев и Цейтлин, замененные Ярославским, Круминым и Савельевым, которых Бухарин и его соратники сразу же нарекли «политкомиссарами» и приняли в штыки. «Меня вы ставите в положение невыносимое политически, – жаловался он Сталину в августе. – Нельзя потерпеть месяц!.. Кончим конгресс, и я буду готов уйти куда угодно без всяких драк, без всякого шума и без всякой борьбы»⁶⁸⁵.

Очень ощутимой стала потеря бухаринцами Московской парторганизации. Это был ответ на серию публикаций Угланова, Рютина, ректора Коммунистического университета Мартына Лядова (Мандельштама), где разговоры о правой опасности назывались клеветой и слухами, разногласия в партии рассматривались как нормальное явление и содержались намеки на неадекватность политики генсека. Эти мысли прозвучали и на объединенном пленуме МК и МКК 11 сентября, после чего выступил Молотов:

– Рассуждения о пользе «драчки в ЦК» не имеют ничего общего с большевизмом и с интересами партии. Против оживления троцкистских элементов, представляющих из себя одну из разновидностей мелкобуржуазного влияния на наши ряды, партия вела и будет вести борьбу. Но партия должна вести систематическую борьбу и против всяких других попыток оживления мелкобуржуазных настроений, против всяких оппортунистических шатаний⁶⁸⁶.

На следующий день Молотов, не скрывая своего раздражения, отправил письмо Сталину: «Насчет Угланова – главное. Больше нельзя терпеть ни одного дня того, что он допускает»⁶⁸⁷.

Оргбюро ЦК занялось проверкой работы районных парторганизаций столицы. 21 сентября Рютин был приглашен в Оргбюро, где Молотов его серьезно пропесочил. Угланов и Рютин ринулись к Бухарину, но застали того в состоянии полной депрессии⁶⁸⁸. «Сталинская расправа над москвичами была тяжким ударом для Бухарина, Рыкова и Томского и, возможно, решающим эпизодом борьбы за власть»⁶⁸⁹, – констатировал Стив Коэн.

19 октября на внеочередном пленуме ЦК появился Сталин. В тексте его речи, опубликованной в собрании сочинений, Молотов выделит карандашом только один абзац: «Победа правого уклона в нашей партии означала бы громадное усиление капиталистических элементов в нашей стране. А что значит усиление капиталистических элементов в нашей стране? Это значит ослабление пролетарской диктатуры и усиление шансов на восстановление капитализма»⁶⁹⁰.

На очередном, ноябрьском, пленуме в центре внимания вновь были вопросы экономической политики. Повод дала статья Бухарина «Заметки экономиста». Написанная в крайне наукообразной форме, она содержала критику некоторых аспектов «нашей» экономической политики, которую при большом воображении можно было воспринять как критику сталинской политики индустриализации⁶⁹¹. Сталин раскритиковал ее за «эклектизм» и «несерьезное обращение» с цифрами⁶⁹². Бухарин, отдохнувший в Кисловодске, молчал и вышел из ступора только тогда, когда узнал, что Рыков при обсуждении бюджета дал согласие на более высокие темпы индустриализации.

Бухарин поспешил в столицу, где рассказал Каменеву: «Потребовал созыва ПБ. Молотов не согласился, ругался, кричал, что я мешаю дружной работе, что мне надо лечиться и т. д. и тому подобное. ПБ было созвано. Мне удалось внести значительные изменения, хотя и после этих изменений резолюция не перестала быть каучуковой. Подвели итоги: Москву разгромили, решили форсировать наступление, составили одиннадцать пунктов требований снятия сталинских людей. Когда показали Сталину эти требования, он заявил: нет ни одного пункта, который нельзя было бы выполнить. Выделили комиссию (Рыков, Бухарин, Сталин, Молотов, Орджоникидзе). Прошел день, другой, третий. Сталин комиссию не созывает. Открылся пленум ЦК. Обсужден первый доклад, на носу второй. Мы в ультимативной форме потребовали созыва комиссии. Сталин на комиссии кричал, что он не допустит, чтобы один человек мешал работе целого пленума, “что это за ультиматумы, почему Крумин должен быть снят?” и т. д. и тому подобное. Я разозлился, наговорил ему резкостей, выбежал из комнаты»⁶⁹³.

За этим последует заявление тройки о коллективной отставке. Через полгода Молотов вспомнит об этом эпизоде как акте нелояльности:

– Этот коллективный шаг представлял явную попытку нажать на ЦК перед принятием важнейших политических резолюций на ноябрьском пленуме ЦК. Правда, после длительного обсуждения в Политбюро товарищи сняли свое заявление, однако самый факт этого коллективного выступления трех членов Политбюро представлял из себя проявление фракционности⁶⁹⁴.

Сталин предложил компромисс, согласившись уменьшить капитальные вложения в тяжелую промышленность. Угланову был предложен пост наркома труда. Это позволило избежать большой драки на пленуме, однако не устроило Бухарина. Тот не только бойкотировал пленум, но и перестал с тех пор появляться в Коминтерне и в «Правде». Впрочем, на заседания Политбюро Бухарин продолжал ходить. Рыков выступил на ноябрьском пленуме с основным докладом, главный смысл которого заключался в следующем: «На первых этапах реконструкции мы не можем обойтись без перекачки средств в промышленность из других отраслей народного хозяйства, и в частности сельского. Но эту перекачку можно и нужно проводить, не задевая чрезмерно основную фигуру крестьянина-середняка».

При этом по настоянию Сталина председатель Совнаркома включил в свое выступление изрядную дозу критики правой опасности⁶⁹⁵. Разоблачение правого уклона содержалось и в содокладах, с которыми выступили Кржижановский и Куйбышев, и в речах четырех десятков членов ЦК. Некоторые усматривали этот уклон у Рыкова, особенно резко его разоблачали Ломинадзе и Шацкин. Сталин выступил, почти не называя имен, если не считать многострадального Фрумкина. Была заявлена главная стратегическая цель (позднее она была подчеркнута Молотовым в 11-м томе собрания сочинений Сталина):

– Мы догнали и перегнали передовые капиталистические страны в смысле установления нового политического строя, Советского строя. Это хорошо. Но этого мало. Для того чтобы добиться окончательной победы социализма в нашей стране, нужно еще догнать и перегнать эти страны также в технико-экономическом отношении. Либо мы этого добьемся, либо нас затрут⁶⁹⁶.

Пленум единогласно осудил правый уклон и постановил: «Основной задачей партии, ее генеральной линией является линия на дальнейшую индустриализацию страны, на возмож-

но более быстрый рост социалистического сектора народного хозяйства, на кооперирование хозяйства, рост коллективных форм сельскохозяйственного производства (колхозы, совхозы) и т. д.»⁶⁹⁷.

А что же Молотов? Он взял слово лишь на восьмой день заседаний, 23 ноября, в качестве основного докладчика по, казалось бы, дежурному вопросу «О вербовке рабочих и регулировании роста партии». Посетовав на невыполнение задачи доведения численности рабочих в партии до 50 процентов, на протекционизм, шкурничество, подхалимство в ВКП(б), сокращение числа исключаемых членов, на рост правой прослойки, Молотов сделал вывод:

– Нельзя без конца кричать о язвах, не делая из этого практических выводов в отношении чистки партии от разложившихся элементов. По-моему, генеральная чистка партии стучится к нам в двери⁶⁹⁸.

Такая инициатива, поддержанная пленумом, не сулила бухаринцам ничего хорошего. Сразу после его окончания состоялся пленум МК, где Угланов был снят. Первым секретарем Московской организации 27 ноября 1928 года был избран Молотов.

Учитывая, что у него и без того дел было с головой, новое назначение рассматривалось как сугубо временное. Молотов приходил для того, чтобы перетрясти столичную партийную верхушку, сделать ее наконец-то безопасной для ЦК. И новая метла стала мести. Всего он возглавлял МК чуть больше четырех месяцев – 130 дней. За это время бюро горкома было обновлено более чем на 60 процентов, из 157 прежних членов усидели лишь 58. Среди заметных потерь были Бухарин, Рютин, Лядов, среди заметных пополнений – Каганович. Из шести заведующих отделами горкома на своих постах удержалось двое, из шести секретарей районов – тоже двое⁶⁹⁹. Нейтрализовав Москву, Молотов в апреле 1929 года сдал пост первого секретаря МК Карлу Бауману, члену Оргбюро ЦК и опытному партийному аппаратчику.

В конце 1928 года последовали удары по позициям Бухарина в Коминтерне и Томского – в ВЦСПС. После того как Бухарин перестал появляться в штаб-квартире Коминтерна на Моховой, аппарат организации перестал функционировать. 9 декабря на Президиуме ИККИ неожиданно появились Сталин и Молотов. Они обрушились сначала на правых коммунистов в КПГ, а затем и на их покровителей в ИККИ – Эмбер-Дро, Серра и Клару Цеткин, связанных с бухаринцами. Дорога к чистке Коминтерна от правых была открыта.

10 декабря открылся VIII съезд профсоюзов. Томский с удивлением обнаружил, что уже не вполне контролирует свою вотчину: решением ПБ была создана парткомиссия по руководству съездом, куда, кроме Томского, Бухарина, Угланова и лидеров профсоюзов, вошли также Молотов, Куйбышев, Рудзутак, Каганович и Орджоникидзе.

Томский на съезде в завуалированной форме возражал против форсированной индустриализации, которая изматывает рабочий класс и превратит профсоюзы в «арестные дома». Он настаивал на традиционной роли профсоюзов эпохи нэпа – они существуют для обслуживания масс⁷⁰⁰. Парткомиссия минимальным большинством голосов отвергла этот взгляд как «узкую и аполитичную цеховщину», настаивая на выдвигании нового лозунга: «Профсоюзы – лицом к производству». Томскому было предложено в заключительном слове фактически опровергнуть самого себя. Терпение покинуло его в заключительный день съезда, и он сам объяснит почему: «В 4 часа утра, в день закрытия съезда, во время заседания комиссии на маленькой записочке мне пишет тов. Молотов: “А что ты думаешь, если Кагановича ввести в президиум”. Я сразу же ответил, что я против этого. Однако вопрос ставится на голосование, и сразу накаляется атмосфера... Что знаменовало введение тов. Кагановича? Это значило, что все пойдет через голову ВЦСПС»⁷⁰¹. Томский хлопнул дверью. К руководству профсоюзами он так и не вернулся, хотя и был избран съездом председателем ВЦСПС, а ПБ настаивало на продолжении его работы.

Молотов же после профсоюзного съезда отправился в становившееся уже традиционным новогоднее турне за хлебом. Батрак приводил новые свидетельства его большевистского поведения: «Проездом остановился в Тамбове, где было созвано заседание бюро губкома. Секретарем губкома был в то время Рябинин, товарищ Молотова еще с подпольного времени. На заседании основным стоял вопрос о хлебозаготовках. Причем выяснилось, что губком не предпринял нужных мер, чтобы обеспечить своевременное и успешное проведение хлебозаготовительной кампании. Тогда Молотов, чтобы поднять чувство ответственности губкомовцев перед партией за возложенное дело, предложил вынести выговор секретарю губкома Рябинину»⁷⁰². Вернулся Молотов в Москву накануне еще одного – на сей раз завершающего – раунда борьбы с правой оппозицией, который открыли... троцкисты.

По прибытии в Алма-Ату Троцкий занялся привычным делом – свержением режима. Превратив жену и сына в секретариат, Троцкий, по его собственным словам, в апреле – октябре

1928 года отправил «800 политических писем, в том числе ряд крупных работ. Отправлено было около 550 телеграмм. Получено свыше 1000 политических писем, больших и малых, и около 700 телеграмм, в большинстве коллективных... Сверх того из Москвы получено было 8–9 секретных почт, т. е. конспиративных материалов, пересланных с нарочным; столько же отправлено нами в Москву»⁷⁰³. Он был в курсе всего происходящего в Москве и по всей стране. Уже в конце лета на его стол легли запись беседы Бухарина с Каменевым и мысли Зиновьева по этому поводу. Как они к нему попали? Ответ позднее найдут чекисты: Михаил Швальбе (брат бывшего личного секретаря Каменева) предоставил их в 1928 году «в распоряжение представителя центра троцкистского подполья М. Югова»⁷⁰⁴. От того документы попали к секретарю Троцкого Эльцину, была изготовлена масса копий.

Троцкий по достоинству оценил попавший в его руки материал: «Бухарин *конспиративно* бегаёт к Каменеву с черного хода и обещает “отдать” Сталина и Молотова за Каменева и Зиновьева. Буквально. Каменев, конечно, согласился бы на эту операцию, но понимает, что бухаринское политическое обещание стоит не дороже его экономических прогнозов. От хорошей жизни вождь Коминтерна, всемогущий Балаболкин не стал бы бегать по вчерашним исключенцам, озираясь на собственную тень»⁷⁰⁵. Но Троцкий не спешил: мастер эффектов ждал эффективного публичного момента или не хотел подставлять своих недавних сподвижников Каменева и Зиновьева.

Но возник новый фактор: Политбюро в октябре 1928 года запретило Троцкому эпистолярную деятельность и пригрозило выслать из страны, если он не прекратит подрывную работу. Тот пообещал сражаться до конца дней, поскольку отказаться от борьбы могут лишь прогнившие бюрократы и презренные ренегаты. В ответ ПБ 7 января 1929 года постановило: «Выслать за границу за антисоветскую работу»⁷⁰⁶. Это была большая ошибка Сталина и Молотова. В места, которые они совершенно не контролировали, уезжал всем сердцем их ненавидевший профессиональный революционер, который имел множество почитателей в СССР и во всем мире, обладал имиджем признанного политического лидера, был талантливым публицистом, оратором и конспиратором. Высылался человек, знавший всю подноготную советской власти, компартии, владевший сенсационной подборкой архивных материалов. И он не видел для себя будущего без борьбы против ненавистного ему режима, не знал другой цели, кроме его свержения.

Приобретая дом на турецком острове Принкипо, он приступил к бурной литературно-политической деятельности. С появлением трудов Троцкого любые противники СССР были избавлены от необходимости искать аргументы для антисоветской пропаганды. Когда начнется холодная война, эти аргументы окажутся еще больше востребованы для глобальной антисоветской кампании. Джордж Оруэлл, работавший в управлении спецпропаганды британского Форин оффис, пишет с Троцкого персонаж Эммануэля Голдстейна – загадочного противника Старшего Брата в романе «1984». И без того сильные ряды троцкистов, как и зиновьевцев, будут крепнуть уже в мировом масштабе.

Но еще до отъезда Троцкий взорвал бомбу. Он дал команду своим сторонникам обнародовать бухаринские откровения Каменеву. Они сразу оказались в руках председателя ЦКК Орджоникидзе. «Мой секретарь тов. Семушкин приносит мне этот самый документ, – расскажет Серго. – Я созвонился с Молотовым, он мне сказал, что есть такой документ и у него. Звоним в ГПУ. Из ГПУ нам говорят, что они перехватили сто таких листовок, а может быть, и больше»⁷⁰⁷. По стране гуляла листовка, написанная Троцким от имени большевиков-ленинцев (оппозиции) под заголовком «Партию с завязанными глазами ведут к катастрофе». В ней делался вывод: «Партия может и должна очиститься от бюрократической мути и возродить подлинное большевистское единство на основе ленинской линии»⁷⁰⁸. Бухарин испытал сильнейший шок, от которого, похоже, не оправится. Юная Анна Ларина, которой предстояло стать супругой Бухарина, вспоминала: «Н. И. побледнел, руки и губы его дрожали. “Значит, Каменев донес, подлец и предатель!” – воскликнул потрясенный Бухарин. Н. И. считал, что его предали, и был совершенно деморализован случившимся»⁷⁰⁹. Рыков был в гневе и орал на Бухарина, заикаясь больше, чем обычно:

– Б-баба ты, а не политик! П-перед кем ты разоткровенничался? Нашел перед кем душу изливать! Мало они терзали?! М-мальчик-бухарчик!⁷¹⁰

Орджоникидзе стремительно вел партийное расследование. Каменев, Зиновьев, Сокольников да и сам Бухарин не сильно отпирались. На заседании, состоявшемся 30 января, Орджоникидзе делал акцент на тайном сколачивании очередной оппозиции. Бухарин резко перевел разговор в политическую плоскость, заявив, что цель «гнусной и провокаторской прокламации» – «подорвать мое партийное имя». Была создана комиссия, в которую, помимо Орджоникидзе, вошли также

Сталин, Молотов, Киров, Рудзутак и Ярославский. Удалось уговорить войти в нее и самого Бухарина. 6 февраля в кабинете Сталина Бухарину предложили проект весьма мягкого соглашения: «похоронить» историю с Каменевым при условии признания ошибок, прекратить бойкот работы в «Правде» и Коминтерне, вернуться к «дружной работе в Политбюро». Бухарин отказался, сделав встречное предложение: ему дадут испытательный срок, в течение которого он будет заниматься исключительно теоретическими вопросами. В ответ появился другой проект – не примирение с правыми, а их осуждение⁷¹¹.

Правые подвергли встречной критике политические ошибки генсека и его стиль руководства. «Тов. Сталину нужно учесть *совет* (очень мудрый), данный Лениным, и не отступать от *коллективности в руководстве*». Сталин на объединенном заседании ПБ и Президиума ЦКК впервые поименно перечислил участников «группы правых» – Бухарин, Рыков, Томский – и заявил, что они «ответили на предложение компромисса объявлением войны». Слухи о расколе в Политбюро все активнее просачивались в партию. Скандал начал наносить ущерб и в международном масштабе: «“Запись” т. Каменева... облетела, наконец, целиком или в выдержках все буржуазные газеты. Получилась, таким образом, дискредитация Политбюро ЦК, ЦК нашей партии и ее руководства на радость врагам рабочего класса»⁷¹².

Тезисы по пятилетке на рассмотрение ПБ 15 апреля вынесли генсек и его сторонники. Бухарин, Рыков и Томский при голосовании воздержались. На следующий день стартовал пленум ЦК, предшествовавший XVI партконференции. Сам он длился восемь дней, и на тринадцати заседаниях обсуждался вопрос «О внутривнутрипартийных делах», превратившийся в «дело группы Бухарина». Главный его фигурант много внимания уделил Молотову:

– Смысл этой истории вовсе не в том, что Молотов говорил сначала одно, потом другое, что он шатался, колебался и прочее. Или *теперешний Молотов должен исключить из партии Молотова до XV съезда, или Молотов XV съезда должен исключить теперешнего Молотова*.

И затем перешел к главному:

– То, что проповедовал тов. Пятаков и вся троцкистская оппозиция, то, что тов. Микоян критиковал как ставку на *термидорианство*, то, что он называл установкой на *капиталистическое* развитие, теперь в еще более острой форме проповедуется т. Сталиным, особенно гениально углублено т. Куй-

бышевым и целым рядом других товарищей. *Это есть полная идейная капитуляция перед троцкистами.*

И далее – в некотором противоречии с ранее сказанным:

– Сколько раз нужно сказать, что мы за индустриализацию, что мы за взятые темпы, что мы за представленный план?.. Сколько раз нужно сказать, что мы за колхозы, что мы за совхозы, что мы за великую реконструкцию, что мы за решительную борьбу против кулака, чтобы перестали на нас возводить поклепы? Вы новой оппозиции *не получите!* Вы ее иметь *не будете!* И ни один из нас никакой «новой» и «новой» оппозиции возглавлять *не будет!*⁷¹³

Молотов выступал на седьмом заседании пленума и был жестким:

– В обвинениях против партийного режима товарищи Бухарин, Рыков и Томский во многом повторили троцкистов, во многом скатились к троцкистской клевете. В критике Коминтерна они совсем скатились в правооппортунистическое болото. Они все дальше уходят по пути оформления своей особой линии, противостоящей политике партии.

Досталось тезисам правых по пятилетке за упор на рыночные принципы:

– Лозунг «нормализации рыночных отношений» может иметь для кулака только одно значение: он может означать лишь требование отмены государственного регулирования цен и отказа государства от борьбы со спекуляцией. Рабочий в городе и бедняк в деревне скорее согласятся на дополнительные меры нажима против кулака и спекулянта, чем остаться без хлеба⁷¹⁴.

Рыков возражал:

– Представьте себе, если мы систематически на протяжении трех-четырёх-пяти лет будем применять чрезвычайные меры, явится ли это осуществлением новой экономической политики? Ни одного документа, ни одного выступления нашего вы не найдете, где бы мы ни защищали индустриализацию, колхозы, максимально возможных темпов строительства нового общества. Разногласия – в том, *какими путями* обеспечить наиболее быстрый темп социалистического строительства⁷¹⁵.

Затем рекорд поставил Сталин: его выступление длилось на протяжении всего вечернего заседания.

– У нас не семейный кружок, не артель личных друзей, а политическая партия пролетариата. Ежели сказать по совести, ни тов. Бухарин, ни тов. Томский теперь уже не в состоянии работать с пользой для дела на тех постах, на которых они работали

до сих пор. Я имею в виду «Правду», Коминтерн и ВЦСПС. Надо снять этих товарищей с занимаемых ими постов, предупредив их, что в случае малейшей попытки неподчинения постановлениям ЦК, – ЦК будет вынужден вывести их из состава Политбюро⁷¹⁶.

Решение это не было опубликовано в печати, но разослано всем организациям партии и роздано делегатам XVI партконференции, на которой о правых говорил не Сталин, а Молотов. Почему? Вспоминал Каганович: «В одной из бесед в Секретариате ЦК товарищ Сталин сказал, что это не случайность, а сделано сознательно, поскольку мы сейчас стараемся сдерживать широкую дискуссию. “Мы, – сказал т. Сталин, – поручим тов. Молотову выступить с информационным докладом о прошедшем апрельском пленуме ЦК и ЦКК, о его решениях. В этом же докладе т. Молотов расскажет и о моем выступлении”. Доклад т. Молотова на XVI конференции имел очень большое значение для делегатов конференции и для всех членов партии»⁷¹⁷. Вот только в стенограмму конференции он не вошел, и страна о нем не узнала. Она узнала о пятилетнем плане, индустриализации и коллективизации.

Томский и Бухарин получили должности в президиуме ВСНХ. Но деятельность правых была под пристальным вниманием ПБ. Выступление Бухарина на Всесоюзном съезде безбожников и опубликованную в «Правде» статью «Теория “организованной бесхозяйственности”» Политбюро признало продолжением «в замаскированной форме борьбы против партии и ее ЦК»⁷¹⁸. 19 июля партийная верхушка была ознакомлена с откровениями Бухарина в беседах на отдыхе в Теберде с комсомольцем Платоновым, которой положил на бумагу бухаринские оценки – мягко говоря, не лестные – руководства партии и ее курса. Томский писал Рыкову: «Был “приятно” поражен, прочитав ответ комсомольца... тибердинскому мудрецу!.. Впечатление произвело на нашу публику самое неприятное»⁷¹⁹. 21 августа Сталин соглашается с Молотовым: «Ты прав, говоря, что Бухарин катится вниз. Печально, но факт. Что же, стало быть, “судьба”»⁷²⁰.

Рыков выступил на московском областном съезде Советов. 30 сентября Сталин пишет Молотову, Ворошилову и Орджоникидзе: «Читали ли вы речь Рыкова? По-моему, она представляет речь *беспартийного советского чиновника*, подыгрывающегося под тон “лояльного”, “сочувствующего” советам. Ни одного слова о партии! Ни одного слова о правом уклоне! Ни одного слова о том, что достижения партии, которые Рыков жульнически приписывает теперь себе, добыты в борьбе с правыми,

в том числе и с Рыковым!.. Как вы можете терпеть (а значит и *покрывать*) это политическое лицемерие... Я узнал, что Рыков продолжает у вас *председательствовать* по понедельникам и четвергам. Верно ли это? Если верно, почему вы допускаете эту комедию? Кому и для чего она нужна? Нельзя ли покончить с этой комедией? Не пора ли покончить?» По понедельникам и четвергам заседало Политбюро.

Молотов на полях начертал: «Целиком со всем сказанным согласен. Речь Рыкова не читал, а только пробежал глазами заголовки. Прочту. Видно мне, однако, и теперь, что Сталин прав. Не согласен лишь, что мы “покрываем” Рыкова. Надо, однако, поправить дело так, как предлагает Сталин»⁷²¹. А в ответном письме сообщал, что «Рыкову и Бухарину мы спуска не даем ни в чем. Проводим свое вопреки их меньшевистским жульническим и вопреки их антипартийному саботажу работы партии в некоторых областях». 5 октября ПБ решило, что на предстоящем пленуме по основному вопросу – о контрольных цифрах на 1929/30 хозяйственный год – выступать будут Кржижановский и Куйбышев, но не Рыков. Ленинская традиция председательствования предсовнаркома на заседаниях Политбюро была нарушена. Во главе стола сел Молотов.

Между тем член ячейки Промакадемии Воробьев, который активно контактировал с правыми и посещал квартиру Угланова, раскаялся и в деталях описал их настроения и высказывания. 7 октября Сталин писал Молотову: «Читал стенограмму ячейки промышленной академии. Придется поставить вопрос на Пленуме ЦК. Надо думать, что Бухарин вылетит из Политбюро»⁷²². Главный вопрос ноябрьского пленума обозначил Гамарник:

– Откажутся Бухарин, Рыков и Томский от правого уклона – все мы отнесемся к этому с большой радостью, а не откажутся – будем бить и бить свирепо. Мы должны знать, можем ли мы сохранить в нашем руководящем штабе Бухарина, Рыкова и Томского⁷²³.

Бухаринцы решили не каяться. От их имени пространное, как всегда, заявление зачитал Рыков. Там целиком и полностью признавалась генеральная линия партии. «Мы решительно за индустриализацию и взятые темпы, за строительство колхозов и совхозов и намеченные темпы. Мы за беспощадную борьбу с кулачеством. Мы за опору на бедноту, всемерную ее организацию против кулачества, за прочный союз с середняком. Мы были против чрезвычайных мер “как длительного курса”»⁷²⁴.

Даже на верную сподвижницу – Крупскую заявление трех не произвело впечатления:

– Надо было просто кратко сказать об отказе от ошибок, а не высчитывать, кто кого обидел, в какой газете что было написано⁷²⁵.

Молотов взял слово на шестом заседании пленума, 13 ноября:

– Трое лидеров правых не могут отрицать успехов партии. Еще бы Рыков, Бухарин и Томский не признали этих элементарных фактов! Но если и после этого они заявляют, что они стоят за другой, чем у партии «метод» проведения генеральной линии, если и теперь они заявляют, что их «метод» дал бы желательные результаты «менее болезненным путем», – то разве мы не видим, что в этих декламациях лидеры правых продолжают противопоставлять не просто один конкретный метод другому конкретному методу, а в действительности противопоставлять одну политику другой политике, одну линию другой линии. Подойдите же принципиально, по-большевистски к основным проблемам политики партии и откажитесь от того, что вы наговорили полулиберального, полутроцкистского, правоуклонистского, взятого напрокат из чуждого идейного багажа. И тогда действительно разногласия будут сняты, и все мы будем работать на одной позиции⁷²⁶.

Пленум постановил: Бухарина «как застрельщика и руководителя правых уклонистов вывести из состава Политбюро». Рыков и Томский были предупреждены, что «в случае малейшей попытки с их стороны продолжить борьбу против линии и решений ИККИ и ЦК ВКП(б) партия не замедлит применить к ним соответствующие организационные меры»⁷²⁷.

Модернизатор

В 1929 году Политбюро решилось на модернизационный рывок, который вошел в историю как курс на форсированную индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства. Это был один из самых противоречивых эпизодов советской истории, сопровождавшийся множеством человеческих трагедий. Так уж ли нужен был этот рывок? Сторонники отрицательного ответа на этот вопрос исходят из того, что нэп был адекватной времени экономической моделью, которая уже обеспечивала модернизацию СССР, поддерживая высокие темпы роста промышленности, сельского хозяйства, внешне-экономических связей и оборонных возможностей страны. И лишь злая воля Сталина, Молотова и их команды уничтожила эту идиллию.

Как замечают авторитетные современные историки экономики из Института российской истории РАН, «роль личности в формировании и крушении новой экономической политики значительно преувеличена. Многие происходило помимо воли политических и интеллектуальных лидеров»⁷²⁸. НЭп изначально представлял собой не какую-то стройную экономическую модель, а систему вынужденных мер, центральной из которых являлась замена продразверстки натуральным продналогом. Возникли лишь отдельные элементы рынка, что не могло позволить проявиться преимуществам рыночной экономики: свободной конкуренции, ценовому саморегулированию, наличию рынка труда, трансграничного перемещения капитала и т. д. Конкуренция была невозможна, поскольку вся крупная промышленность находилась в руках государства, была объединена в сохранившие монопольное положение тресты и синдикаты, имевшие к тому же от власти налоговые и другие привилегии. Цены не были либерализованы, правительство всегда вмешивалось в ценообразование по основной номенклатуре товаров. Рынок труда не возник из-за сохранившейся архаичной системы экономики, общинной организации деревни, отсутствия географической и социальной мобильности. А масштабные внешнеэкономические связи оставались мечтой из-за идеологического железного занавеса, хронической дефицитности советского госбюджета и торгового баланса, непризнания дореволюционных российских долгов, отсутствия доступа к мировым кредитным ресурсам. НЭп был крайне эклектичной экономической моделью, не позволявшей развиваться рынку, а внутри правящей партии не было *никого*, кто настаивал бы на *расширении* рыночного начала. Споры, в том числе и со стороны правых, шли только *о степени его ограничения*.

Но, может быть, нэп действительно дал впечатляющий рост? К 1926 году страна действительно вышла на уровень ВВП 1913 года. Но СССР рубежа 1920–1930-х годов ничем не отличался от России начала XX века: неразвитая аграрная страна, без промышленности, подавляющее большинство населения которой жило в деревне. Ее отставание от других ведущих стран росло, а доля в мировой экономике падала. По подсчетам Пола Кеннеди, индекс валового индустриального потенциала Советского Союза в 1928 году (уровень Великобритании в 1900 году принимается за 100) составлял 72, тогда как у США – 533, Англии – 135, Германии – 158. Тот же индекс, пересчитанный в душевых показателях, составил в Советском Союзе 20 процентов от английского уровня начала века. Доля нашей

страны в мировом промышленном производстве сократилась с 8,2 процента в 1913 году до 5,3 процента в 1928-м, тогда как доля США достигла 39,3 процента, Германии – 11,6 процента, Англии – 9,9 процента, Франции – 6 процентов⁷²⁹. В целом промышленность СССР росла быстро, что нельзя было сказать о производстве средств производства, «темпы индустриализации во второй половине 20-х годов отставали от темпов износа оборудования»⁷³⁰. А многих отраслей экономики не существовало и вовсе.

Решения о темпах и масштабах индустриализации и коллективизации были приняты в условиях острого дефицита всех ресурсов. Городам не хватало хлеба, промышленности не хватало квалифицированных рабочих и оборудования. Машины простаивали из-за отсутствия топлива и сырья, поставки которых зависели от деревенской экономики. Транспорт не мог обеспечить растущие промышленные перевозки. Контролируемые цены не имели никакой связи с неконтролируемыми. И ни те ни другие «не имели экономического смысла»⁷³¹. Юрий Жуков замечает: «Россия убирала хлеб косами, которые покупала у Германии. Мы уже строили Турксиб, вторую колею Транссибирской магистрали – а рельсы покупали в Германии. Страна не производила ни электрических лампочек, ни термометров, ни даже красок. То есть по нынешним меркам это было что-то такое африканское»⁷³². Не было никакой надежды, что новые отрасли промышленности могли быть созданы с помощью рыночных механизмов, ни у одного нэпмана на это не было и не могло быть средств. Молотов скажет: «Надо чем-то жить государству! Очень трудное положение. Нам же денег никто не давал. Как быть? Вот как Сталин плохо поступал, грубо, некультурно, варварски. А поставить бы этих неварваров в те условия, пусть обеспечат жизнь государства, чтобы оно не лопнуло»⁷³³.

Никакой частный капитал не мог создать военное производство. Это всегда подчеркивал и Молотов, кто бы ни спрашивал его о главных причинах «большого рывка»: «Откладывать нельзя было. Фашизм начинался. Нельзя было опаздывать»⁷³⁴. Состояние оборонки в годы нэпа было хуже, чем остальной промышленности, что особенно удручало на фоне масштабных военных приготовлений западных держав. В 1928 году в СССР было произведено 25 танков – типа МС-1 (малый советский), скопированных с французского «Рено»⁷³⁵. А потребность в них по любым планам оперативного развертывания исчислялась многими тысячами. Отсюда, кстати, и та исключительная секретность, которая стала окружать всю военную сферу, – нельзя

было показать слабость ни собственному населению, ни потенциальному противнику.

Состояние обороны обсуждалось на закрытых заседаниях Политбюро 1 и 8 июня 1929 года. В решении, которое готовила комиссия во главе с Ворошиловым с участием Сталина и Молотова, говорилось об «огромных недостатках» в деле подготовки страны к войне. По всем оценкам, на приведение оборонных возможностей на уровень ведущих держав требовались десятки миллиардов рублей, тогда как весь годовой бюджет страны измерялся единицами миллиардов.

Аграрный сектор был кошмаром для творцов советской плановой экономики, на что обращал внимание Владимир Мау: «Получалось, что в СССР существует многомиллионный слой людей, фактически (экономически) находящихся вне сферы влияния властей: крестьянство может продать зерно государству, а может и не продать. Это выходило за рамки плана, становящегося высшим законом хозяйственной жизни»⁷³⁶. Хлебозаготовительная кампания ежегодно превращалась в ужас для всех – и для крестьян, и для власти.

Один из центральных вопросов: возможно ли было увеличение производства товарного зерна и рост за счет этого инвестиций в промышленность на путях нэпа – через повышение закупочных цен на сельхозпродукцию и ослабление хлебозаготовок, как это предлагали Бухарин и другие правые? Напрасными оказались надежды, что в условиях нэпа крестьяне завалят страну хлебом. Динамика валового сбора зерна во второй половине 1920-х годов (в миллионах тонн) выглядела удручающе: 1926 год – 76,8; 1927-й – 72,3; 1928-й – 73,3; 1929-й – 71,7⁷³⁷. Особенно плохо обстояло дело именно с товарным хлебом: в 1928 году его производство составило только 48,4 процента от уровня 1913 года, и это привело к заметному сокращению хлебного экспорта. Сказывалось и то, что нишу России после мировой войны на зерновом рынке заняли США, Канада, Аргентина, Австралия. Льноводство так и не воспрянуло из-за нашествия в 1920-е годы хлопчатобумажных тканей. Оборот внешней торговли страны упал по сравнению с 1913 годом на 40 процентов в текущих ценах, а в «золотых» – на 75,8 процента. В 1928 году дефицит торгового баланса составил 153,6 миллиона рублей⁷³⁸. Нэповский СССР импортировал товары в долг.

Аграрный сектор не генерировал средства для индустриализации – сказывались его отсталость и малотоварность. К 1929 году в СССР насчитывалось 24–25 миллионов крестьянских хозяйств, в основном мельчайших и чересполосных. Уровень механизации тягловой силы не достигал и 2 процен-

тов. На территории РСФСР 28,3 процента хозяйств не имели никакого рабочего скота, на Украине – 38,3 процента⁷³⁹. Но могло ли положение действительно спасти повышение хлебозаготовительных цен? Тоже нет. Как показал историк Юрий Бокарев, из-за низкой производительности хозяйств внутренние закупочные цены на хлеб и так были выше мировых, по которым зерно можно было продать. Рентабельность экспорта была обеспечена только однажды, в 1926–1927 годах, когда правительство резко снизило заготовительные цены⁷⁴⁰. Но это, как мы видели, привело к нерентабельности производства, к массовому недовольству крестьян и чрезвычайщине. После этого закупочные цены вновь были повышены, и тогда нерентабельным вновь стал экспорт. Выхода из этого порочного круга нэп не предлагал. До революции львиную долю товарного зерна давали помещичьи и капиталистические латифундии, уничтоженные в 1917 году. Насытить аграрный рынок могли только крупные хозяйства – это Сталин и Молотов хорошо понимали. Но не было ли выходом развитие кулацких хозяйств? По сравнению с дореволюционными латифундиями они были маленькими и не очень товарными. И, конечно, для роста кулацеских хозяйств у власти должна была находиться другая партия.

Нэп также консервировал архаичную, средневековую в своей основе общинную организацию деревни и социальную структуру общества, не давая развития важнейшим факторам модернизации: перетоку населения из деревни в город, из сельского хозяйства – в промышленность. Было непонятно, откуда брать рабочую силу для индустриализации. Ситуация со временем даже ухудшилась. По оценкам известного демографа Анатолия Вишневского, доля населения, занятого в промышленности и строительстве, составляла в 1913 году 9 процентов, а в 1928-м – 8 процентов. Пятилетки все поменяют. «Как будто включили огромный насос, который безостановочно перекачивал миллионы и миллионы мужчин, женщин и детей из деревни в город, превращал селян в горожан»⁷⁴¹.

На XVI партконференции (организационную комиссию по ее проведению возглавлял Молотов) был утвержден пятилетний план, предусматривавший увеличение продукции промышленности в 2,8 раза, причем группы «А» – в 3,3 раза.

– Осуществление пятилетки означает более чем трехкратное увеличение промышленной продукции по сравнению с довоенным временем⁷⁴², – информировал Молотов в июне 1929 года руководство Коминтерна.

Главное во всех мероприятиях – темпы и еще раз темпы! Стартовало массовое социалистическое соревнование на фабриках, заводах, транспорте, в строительстве, призванное ускорить темпы индустриализации. Развивалось движение ударных бригад, вошли в практику принятие встречных повышенных планов, переход на сменность, непрерывку и другие начинания⁷⁴³. В июне – ноябре 1929 года Политбюро серией решений увеличило плановые задания по ключевым отраслям. Упор был сделан на ускоренное сооружение 50–60 ударных объектов, на которые пришлось почти половина всех капиталовложений, предусмотренных на сооружение полутора тысяч предприятий. Более чем на 40 процентов были увеличены задания по производству чугуна и стали. Было подписано соглашение с Фордом о строительстве автомобильного завода в Нижнем Новгороде. Помимо Сталинградского теперь предусматривалось введение в строй еще двух тракторных заводов – в Челябинске и Харькове.

– В этом году намечено почти удвоение сельскохозяйственного машиностроения, – докладывал Молотов в Коминтерне. – Для будущего года план сельскохозяйственного машиностроения предполагается снова удвоить. Этой осенью на полях СССР появится такое количество тракторов, которое по мощности будет соответствовать почти ста тысячам тракторов типа Фордзона⁷⁴⁴.

Для аккумуляции инвестиционных ресурсов пришлось пойти на размещение займов среди населения. Крупнейшим источником доходов стала продажа водки. Помогала и эмиссия: так, в 1930 году денежная масса в обращении увеличивалась в два с лишним раза быстрее, чем продукция промышленности. Возобновился экспорт зерна, наибольшую сумму за его вывоз удалось выручить в 1930 году – 883 миллиона рублей. В тот же год продажа нефтепродуктов и лесоматериалов дала более 1 миллиарда 430 миллионов рублей. Пушнина и лен добавили еще почти полмиллиарда⁷⁴⁵. Накопления предприятий изымались в госбюджет, а значит, пропадала необходимость в тех восьмидесяти шести видах бюджетных платежей, которые использовались в период нэпа. Остались два – отчисления от прибыли и налог с оборота⁷⁴⁶.

Вводилась «непрерывная неделя». 10 августа 1929 года Сталин писал Молотову: «Само собой понятно, что это дело надо двинуть вперед, отбрасывая прочь возражения Угланова и прочих нытиков. Это будет одним из величайших достижений нашей производственной политики и практики»⁷⁴⁷. Молотов объяснял: «Особое значение имеет переход предприятий и учреждений на так называемую “непрерывку”, т. е. на 4-днев-

ную рабочую неделю с пятым днем отдыха. В результате этого количество свободных дней отдельного рабочего отнюдь не уменьшается, но работа на предприятиях и учреждениях идет круглый год (кроме пяти дней основных революционных праздников), что увеличивает работу предприятий на 60 дней в году»⁷⁴⁸.

В стране наблюдался небывалый размах строительных работ. «Поездами, на подводах, а то и пешком десятки и сотни тысяч людей двинулись в районы, где намечалось возводить гиганты советского машиностроения, металлургии, химии. Газеты заполнились сообщениями о Магнитогорске, Кузнецке, Хибинах, Бобриках, Березниках, Днепрострое»⁷⁴⁹. Естественно, что безработица заметно шла на убыль. Молотов констатировал: «Так, за 1929 год общее количество безработных сократилось на 19 процентов. Увеличение количества безработных продолжается лишь по группе неквалифицированного труда»⁷⁵⁰.

Весной была создана комиссия во главе с Янсоном, которая выработывала предложения о труде заключенных. 27 июня Политбюро приняло постановление об использовании труда уголовников, осужденных на три года и больше. Концентрационные лагеря ОГПУ были переименованы в исправительно-трудовые, их сеть расширялась. Создавались новые в отдаленных районах – в целях их колонизации и разработки природных богатств. Заключенные становились трудовым ресурсом, причем весьма дефицитным⁷⁵¹. В Бутырской тюрьме было создано конструкторское бюро «Внутренняя тюрьма» (КБ ВТ) – первая «шарашка», где свои таланты могли использовать осужденные за вредительство специалисты авиапрома⁷⁵².

...Продовольственные трудности 1928–1929 годов накалили обстановку и в деревне (даже в печати говорилось о тысячах случаев насилия в отношении хлебозаготовителей и официальных лиц), и в городах, где в феврале 1929 года вновь появились карточки на продукты. Это стало решающим стимулом форсирования социалистической трансформации села. Плановые задания по коллективизации за год выросли в четыре раза. С одной стороны, коллективизация должна была обеспечить хлебозаготовки. При закупочной цене, недостаточно высокой для того, чтобы заинтересовать продавца, государство могло выполнить план хлебозаготовок только с помощью разверстки. Коллективизация создавала тот механизм принуждения, который позволил изымать у деревни излишки по устраивавшей государство цене. С другой стороны, как говорил Молотов, «деревня сразу поднялась к коллективизации. Начался бурный

процесс, какого мы и не предполагали. Получилось гораздо лучше, удачнее»⁷⁵³.

Это не значит, что обходились без принуждения, но оно не было определяющим. Историки проблемы подтверждают, что «темпы коллективизации на практике оказались более быстрыми, чем вначале предполагалось: к июню 1929 г. в колхозах было уже более миллиона крестьянских хозяйств или примерно столько, сколько первоначально планировалось достигнуть к концу пятилетки»⁷⁵⁴. Летом и осенью в основных зерновых районах – на Северном Кавказе, Нижней и Средней Волге, в степной Украине – выносятся решения о выполнении заданий пятилетки по коллективизации в течение одного года.

Ускорению коллективизации способствовало и создание машинно-тракторных станций, которые предоставляли услуги сельхозтехники на условиях аренды исключительно коллективным хозяйствам. 4 апреля Политбюро для рассмотрения вопроса о целесообразности организации общесоюзного центра МТС сформировало комиссию под руководством Молотова, которая 3 мая вынесла на ПБ положительный вердикт⁷⁵⁵. Молотов уверял, что «машинно-тракторные станции быстро приобретают огромный авторитет у крестьянской массы и дают толчок в организации целой сети колхозов вокруг этих станций. Таким путем подготавливается почва для действительно массовой коллективизации крестьянского хозяйства, причем в данном случае на практике получается наивыгоднейшее сочетание работы органов советской власти и крестьянской кооперации»⁷⁵⁶. В июне был учрежден Трактороцентр для организации сети государственных МТС, размах деятельности которых ограничивался лишь количеством тракторов – осенью 1929 года на всю страну их было 35 тысяч, в основном американского производства⁷⁵⁷. 5 сентября Политбюро утвердило Молотова еще и председателем президиума Совета Трактороцентра⁷⁵⁸.

27 июня Политбюро решило признать «целесообразным установление порядка доведения плановых заданий по хлебозаготовкам до отдельных сел и деревень». Стало возможным наложение штрафов за их невыполнение – в пятикратном размере «по отношению к наложенной повинности или заданию»; при повторном нарушении – лишение свободы и принудительные работы сроком до года⁷⁵⁹. Ознакомившись с проектом постановления ПБ, Сталин инструктировал Молотова: «При всех его достоинствах оно, по-моему, совершенно недостаточно... Мой совет: дать немедленно директиву органам ГПУ открыть немедленно репрессии в отношении городских (связанных с городом) спекулянтов хлебных продуктов (т. е. арестовывать и высылать их

из хлебных районов), чтобы держатели хлеба почувствовали *теперь же* (в начале хлебозаготовок), что надежда на спекулянтов плоха, что хлеб можно сдавать без скандала (и без ущерба) лишь государственным и кооперативным организациям»⁷⁶⁰. Соответствующие директивы Политбюро 15 августа выдает ОГПУ.

Сталин не успокаивался, подстегивая Молотова: «Дело теперь в *исполнении* решения Политбюро. Нет нужды доказывать, что все заготовительные организации (особенно на Украине) будут *обходить* это решение... А хлебозаготовки в нынешнем году – основное в нашей практике, если на этом сорвемся, все будет смято. А опасность срыва будет расти, если вы не будете налегать на *исполнение* решений ЦК со всей *жесткостью* и *неумолимостью*»⁷⁶¹. Именно ОГПУ начнет играть растущую роль в операциях по хлебозаготовкам. 29 августа Сталин писал Молотову: «Хлебозаготовки пошли хорошо. Держитесь твердой политики в отношении Сибири, Казахстана, Башкирии. Никаких уступок Эйхе и другим товарищам, желающим улизнуть от тяжелой обязанности. Мы должны и можем накопить 100 миллионов пудов *неприкосновенного запаса*, если мы в самом деле большевики, а не пустые болтуны. Если с хлебом выиграем – выиграем во всем, и в области внутренней, и в области внешней политики»⁷⁶².

В статье, опубликованной 7 ноября, Сталин провозгласил 1929-й «годом великого перелома на всех фронтах социалистического строительства... Партия сумела целесообразно использовать наше отступление на первых стадиях новой экономической политики для того, чтобы потом, на последних ее стадиях, организовать перелом и повести успешное наступление на капиталистические элементы»⁷⁶³. На ноябрьском пленуме ЦК, который исключил Бухарина из ПБ, центральным был вопрос о коллективизации. Молотов выступил в прениях:

– Крестьянин бедняк и середняк в деле коллективизации идет впереди наших организаций во многих отношениях. Какой пятилеткой можно сейчас охватить колхозное движение, когда деревня переворачивается вся вверх дном и действительно превратилась в клокочущее море? Мы можем только радоваться тому, что колхозное движение перехлестывает через некоторые наши бумажные планы. То, что у нас имеется 90 миллионов пудов неприкосновенного запаса, то, что Украина и некоторые другие районы уже закончили хлебозаготовки, то, что в ближайшие месяцы мы заканчиваем хлебозаготовительный план на 100 процентов, определяет перспективы всего нашего социалистического строительства в этом году. Пока

на нас не решаются прямо напасть господ империалисты, мы должны использовать момент для решающего сдвига в хозяйственном подъеме и коллективизации миллионов крестьянских хозяйств⁷⁶⁴.

По докладу Молотова пленум принял также решение о союзном Наркомземе, его создание обосновывалось необходимостью обеспечения единства в руководстве аграрным сектором «на основе использования опыта руководства советской промышленностью»⁷⁶⁵.

После пленума Молотов уехал в отпуск. Сталин писал ему 5 декабря: «Молотштейну привет! Какого черта забрался в берлогу, как медведь, и молчишь? Как у тебя там, хорошо ли, плохо ли? Пиши. У нас дело идет пока что неплохо. 1) Дела с хлебозаготовками идут. Сегодня решили увеличить неприкосновенный фонд продовольственных до 120 миллионов пудов. Поднимаем нормы снабжения в промышленных городах... 2) Бурным потоком растет колхозное движение. Машин и тракторов, конечно, не хватает (куда там!); но уже простое объединение крестьянских орудий дает колоссальное увеличение посевных площадей (“У наших правых от удивления глаза на лоб лезут”)⁷⁶⁶. К 25 декабря было заготовлено зерна в два раза больше, чем годом ранее, и в 2,5 раза больше, чем в 1927 году⁷⁶⁷.

В декабре работала комиссия по темпам коллективизации, которую возглавил нарком земледелия Яковлев. Представленный ею 22 декабря на рассмотрение ПБ проект был достаточно осторожным: провести коллективизацию основных зерновых областей в два или три года. Но 27 декабря – впервые за много месяцев – Сталин выступил с публичной речью на конференции аграрников-марксистов, где сделал ряд существенных дополнений к решениям ноябрьского пленума:

– Теперь мы имеем возможность повести решительное наступление на кулачество, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс и заменить его производство производством колхозов и совхозов.

И предупредил, что когда нэп «перестанет служить делу социализма, мы его отбросим к черту». От политики «ограничения эксплуататорских тенденций кулачества» партия переходила к «политике ликвидации кулачества как класса»⁷⁶⁸. Именно от кулаков ожидалось наибольшее сопротивление политике коллективизации, которое подавлялось на корню. Сталин в письме Молотову говорил о необходимости «пересмотреть темпы, установленные в последнее время плановыми и прочими организациями, и наметить более короткие сроки коллективизации по основным хлебным районам»⁷⁶⁹. Молотов, учитывая

важность принимаемых решений, заспешил в Москву. 5 января 1930 года Политбюро приняло постановление, которое в окончательном виде гласило: «В пределах пятилетия вместо коллективизации 20 процентов посевной площади, намеченных пятилетним планом, мы сможем решить задачу коллективизации огромного большинства крестьянских хозяйств, причем коллективизация таких важнейших зерновых районов, как Нижняя Волга, Средняя Волга и Северный Кавказ, может быть закончена в 1–2 года, коллективизация зерновых районов в целом – в 2–3 года, а важнейших районов потребляющей полосы и основных сырьевых районов – в 3–4 года»⁷⁷⁰. Если на 1 октября 1929 года уровень коллективизации составлял 7,5 процента от числа крестьянских хозяйств, то к 20 января он достигнет уже 21,6 процента, к 1 февраля – 32,5 процента, а к 20 февраля – 52,7 процента (13 675,9 тысячи хозяйств)⁷⁷¹.

13 января на совещании представителей зерновых районов Молотов сделал особый упор на инициативу партийных органов и Советов на местах:

– Многие говорили, что партия очень выпятилась в хозяйственных делах, в частности в деле хлебозаготовок. Но если бы партия не выпятилась, сидели бы мы, как дураки, как жалкие либералишки, без хлеба, без промышленности, с разваленной деревней. Теперь говорят о правах Советов. Это, по-моему, пустые разговоры. Чего о правах заботиться? Если декретов нет, действуй без декретов. Нельзя дожидаться декретов, потому что у нас такие неповоротливые ЦИКи, Совнаркомы и Наркоматы, что нельзя этих декретов дожидаться. В тех местах, где нам еще могут встретиться такие «кулацкие советы», то есть советы, в которых все еще сильно прямое или косвенное влияние кулачества, мы должны особенно поработать над сплочением батрацко-бедняцкого ядра и вместе с середняком разгромить кулачество, вышибив кулака и из этих позиций. На организации труда в колхозе, на поднятии производства, на развитии сельского хозяйства должен сосредоточить свое внимание колхоз. Но этим не исчерпываются нужды колхозной массы. Бедняку и середняку, как никогда, теперь нужны школа, больница, библиотека и другие культурные учреждения. Все это нельзя оставить в прежнем положении. Нельзя оставить в прежнем положении дороги, во многих случаях уже теперь нельзя крупному колхозу обойтись без телефона и т. д. Все это – задачи советов⁷⁷².

Из выступления Молотова было очевидно, что к тому времени еще не были приняты окончательные решения ни о формах, ни о масштабах раскулачивания.

– Мы наметили комиссию, которая практически должна этот вопрос подработать. Внесем на Политбюро. Словом, тут тройка: т. Каганович, т. Сталин и я. Мы договорились о создании «кулацкой» комиссии (смех). Тут надо решить еще вопрос, куда выселять, сколько, в какие места. Найдем. Очевидно, нам придется репрессивных мер порядочно применять. Надо подумать, на какие работы их выселять, может быть, на лесозаготовки, может быть, можно их послать на новые земли, на поднятие целины. Может быть, нам придется совхоз организовать из кулаков, ничего, поставим во главе этого совхоза парочку коммунистов, а они будут работать. Тут борьба будет в эту весну бешеная. Кто еще не догадался об этом, тот на своей шкуре это почувствует⁷⁷³.

Решение вопроса о судьбе кулачества действительно было поручено комиссии ПБ, которая была создана 15 января во главе с Молотовым. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января предусматривало: «Отменить в районах сплошной коллективизации в отношении индивидуальных крестьянских хозяйств действие законов об аренде земли и применении наемного труда в сельском хозяйстве... Конфисковать у кулаков этих районов средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке, кормовые и семенные запасы». Кулаки делились на три категории. «Первая категория – контрреволюционный кулацкий актив немедленно ликвидировать путем заключения в концлагеря, не останавливаясь в отношении организаторов террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций перед применением высшей меры репрессии; б) вторую категорию должны составить остальные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков, которые подлежат высылке в отдаленные местности СССР и в пределах данного края в отдаленные районы края; в) в третью категорию входят оставляемые в пределах района кулаки, которые подлежат расселению на новых отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках».

Количество ликвидируемых кулацких хозяйств предполагалось дифференцировать по районам и должно было составить 3–5 процентов от фактического числа хозяйств. ОГПУ предложило меры в отношении первой и второй категории провести в течение четырех месяцев (февраль – май) и, исходя из приблизительного расчета, направить в концлагеря 60 тысяч и подвергнуть выселению в отдаленные районы 150 тысяч кулаков. «Районами высылки должны быть необжитые и малообжитые

местности с использованием высылаемых на с/х работах или промыслах (лес, рыба и проч.)».

ЦК указывал, что «проведение этих мероприятий должно находиться в органической связи с действительно массовым колхозным движением бедноты и середняков и являться неразрывной составной частью процесса сплошной коллективизации. Решениям о конфискации кулацкого имущества и выселении кулаков должны предшествовать постановления общего собрания членов колхоза и собрания батрачества и бедноты»⁷⁷⁴. В раскулачивании действительно была заинтересована бедняцко-батрацкая часть деревни, поскольку конфискованное у кулаков имущество передавалось в колхозы и самим неимущим. Во многих случаях сводились личные счеты. И, конечно, неудержим был энтузиазм партактива, который впервые за много лет дождался дела по сердцу. С мест требовали доведения до них ускоренных темпов раскулачивания. Тяжесть такой политики усугублялась тем, что на откуп местным властям было дано право решать, кого именно считать кулаком. Арестовывали все кому не лень: и бригады по организации колхозов, и бедняцко-батрацкие группы, и сельские советы, и уполномоченные по коллективизации, и партийные и советские работники, и милиция, и органы ОГПУ.

Вслед за решением ПБ шли директивы парторганизациям об опасности увлечения раскулачиванием в ущерб коллективизации. «ЦК указывает, что политика партии состоит не в голом раскулачивании, а в развитии колхозного движения, результатом и частью которого является раскулачивание». Сталин и Молотов шлют секретарю Среднеазиатского бюро ЦК Зеленскому послание: «Перенесение ускоренных темпов коллективизации из центра СССР в районы Средней Азии считаем необоснованным. Требуется тщательный учет специфических условий этих районов, особенно Таджикистана. Отнеситесь к этому предупреждению серьезно и двигайте дело коллективизации в меру действительного вовлечения масс». 31 января Сталин, Молотов и Каганович отправляют телеграмму секретарю Средне-Волжского обкома партии Хатаевичу: «Ваша торопливость в вопросе о кулаке ничего общего с политикой партии не имеет»⁷⁷⁵. И так далее.

11 февраля прошло совещание руководителей партийных организаций национальных районов.

– Не прямая коллективизация и тем паче не голое раскулачивание, а подготовительные мероприятия и прежде всего по линии развертывания всех видов кооперации, – предупреждал Молотов. – Мы не хотим бумажной коллективизации. А в Азер-

байджане, есть такой слух, для того, чтобы вовлечь побольше крестьян в колхозы, раздают сахар (смех)⁷⁷⁶.

20 февраля Политбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное постановление «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах», в котором осуждалась спешка. Вместе с тем постановление допускало и там наличие районов сплошной коллективизации и осуществление мер по ликвидации кулацких (байских) хозяйств. На следующий день состоялось совещание руководителей потребляющих районов (Ленинградской, Московской, Западной, Иваново-Вознесенской областей, Нижегородского края и Крымской АССР). Молотов выступал с краткой вступительной речью⁷⁷⁷. Эти регионы тоже торопили Центр, требуя предоставить им право приступить к раскулачиванию.

Происходившее в СССР вызвало понятный интерес в мировом комдвижении. Было решено 18–28 февраля созвать расширенное заседание ИККИ «с вызовом всех членов Президиума, дополнив порядок дня докладом Молотова о положении в СССР»⁷⁷⁸.

– За последние три декады в колхозы вошло столько крестьянских хозяйств, сколько было объединено в колхозах за предшествующие 12 лет, – докладывал Молотов. – В колхозном движении мы имеем три главных формы. Простейшей формой является *товарищество* по совместной обработке земли, где обобществлен только труд. Здесь еще не обобществлены даже основные средства производства. Высшей формой колхозного движения является *коммуна*. В ней обобществлены как сельскохозяйственные машины и скот, так и быт. Преобладающей же и основной формой колхозного движения на данном этапе является сельскохозяйственная *артель*. В ней проведено обобществление основных средств производства, то есть сельскохозяйственных машин, рабочего скота, хозяйственных построек и предприятий. Закрепить сельскохозяйственную артель означает закрепить основную форму колхозного движения в теперешних условиях⁷⁷⁹.

Коминтерну была представлена благостная картина, но уже тогда стало ясно, что ситуация с коллективизацией выходила из-под контроля. В информационных сводках, докладных записках, телеграммах партийных и советских органов, донесениях военных сообщалось о фактически развернувшейся крестьянской войне. Секретно-политический отдел ОГПУ называл цифру массовых крестьянских выступлений – 13 756. Из них на первые три месяца 1930 года приходилось почти три четверти⁷⁸⁰. Подразделения дивизии ОГПУ им. Дзержинского и

армейские части с применением артиллерии и авиации вели бои с «кулацкими бандами» в Центрально-Черноземной области, Северном и Нижневолжском краях, на Урале, в Башкирии и Дагестане. Непокойно было на Северном Кавказе и Украине. Колхозы сталкивались и с пассивным сопротивлением крестьян, сокращавших запашку, трудившихся ровно столько, сколько надо было для обеспечения своей семьи, массово уничтожавших тягловый скот. На XVII съезде ВКП(б) в 1934 году будет заявлено о потере 26,6 миллиона голов крупного рогатого скота (42,6 процента всего поголовья) и 63,4 миллиона овец (65,1 процента поголовья)⁷⁸¹. В целом поголовье скота по СССР превысит уровень 1928 года лишь в 1958 году.

28 февраля Политбюро принимает экстренное постановление: «Поручить комиссии в составе т. Сырцова, Сталина, Молотова, Калинина, Рыкова, Микояна, Ворошилова, Яковлева и Юркина окончательно решить вопрос об уставе колхозов... Срок работы – 24 часа с тем, чтобы устав 2 марта был опубликован в печати. Поручить т. Сталину в тот же день выступить со статьей в газетах. Поручить той же комиссии в тот же срок определить размер семенной помощи районам, пострадавшим от недорода, а также размер помощи фуражом»⁷⁸². Устав и статья Сталина «Головокружение от успехов» были напечатаны в «Правде». Партия сыграла отбой в деле форсированной коллективизации. 10 марта ПБ приняло постановление о борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении, в котором звучал протест против «исключительно грубого, безобразного, преступного обращения с населением со стороны ряда низовых работников (мародерство, дележка имущества, аресты середняков и даже бедняков и т. п.), являющихся иногда жертвою провокации со стороны примазавшихся контрреволюционных элементов», против «принудительного обобществления жилых построек, мелкого скота, птицы, нетоварного молочного скота и попытки перескакивания с артельной формы колхоза к коммуне». ЦК обязывал парторганизации «немедленно прекратить в какой бы то ни было форме насильственную коллективизацию»⁷⁸³.

Если крестьяне в массе своей одобрительно отнеслись к постановлению и статье Сталина, то у низовых партийных и советских работников они вызвали недоумение. Руководство страны разъехалось для разъяснения новой линии партии. Молотов отправился на Северный Кавказ и выступил на заседании партактива в Ростове-на-Дону:

– Есть ли в данный момент твердое большинство на стороне коллективизации? Мне кажется, что мы должны ответить,

что такого твердого большинства за коллективизацию в деревне мы еще не создали. Твердых сторонников коллективизации в деревне на Кубани имеется от одной четверти крестьянства до одной трети, не больше. Понятно, что завоевать бедняка без организации середняка невозможно, и без систематической борьбы с кулаком это тоже невозможно. Как же обстоит дело с организацией бедноты? Из рук вон плохо, безобразно. С другой стороны, борьба с кулаком ведется, конечно, во многих случаях не так, как этого требует партия. Мне кажется, что эта борьба с кулаком в таких районах, как Кубань, в большинстве случаев проводится руками ГПУ с надеждой, что ГПУ нас спасет и выручит. Пусть ГПУ куда угодно высылают, а нам бы было легче работать. Аркадия какая-то⁷⁸⁴.

Молотов в апреле признавал, что «грубые антисередняцкие ошибки создали угрозу для наших взаимоотношений с середняцкой массой в деревне, но мы имеем уже основание сказать, что принятыми партией мерами в основном эти ошибки мы исправили»⁷⁸⁵. Начался «весенний отлив» – уровень коллективизации снизился с 56 процентов на начало марта до 23,6 процента в мае. Но при выходе из колхозов уже не так просто было вернуть скот, сельхозинвентарь, семена, землю, что опять вызывало массовое недовольство: в марте произошло более 6,5 тысячи массовых выступлений. Участников крестьянских восстаний относили к кулакам первой категории, независимо от их экономического положения. С 15 апреля по 1 октября 1930 года было арестовано по первой категории 142 724 человека, менее трети которых (45 559 человек) являлись кулаками, а две трети – участниками массовых выступлений⁷⁸⁶. Именно они составят наибольшую часть беспощадно репрессированных в 1937–1938 годах.

Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б) (26 июня – 13 июля) Сталин выдержал в предельно оптимистическом ключе:

– В противоположность капиталистическим странам, где царят теперь экономический кризис и растущая безработица, внутреннее положение нашей страны представляет картину растущего подъема народного хозяйства и прогрессивного сокращения безработицы. Выросла и ускорила темпы своего развития крупная промышленность. Окрепла тяжелая промышленность. Социалистический сектор промышленности продвинулся далеко вперед. Выросла новая сила в сельском хозяйстве – совхозы и колхозы. Если года два назад мы имели кризис зернового производства и опирались в своей хлебозаготовительной работе главным образом на индивидуальное

хозяйство, то теперь центр тяжести переместился на колхозы и совхозы, а зерновой кризис можно считать в основном разрешенным. Основные массы крестьянства окончательно повернули в сторону колхозов. Сопротивление кулачества отбито. Внутреннее положение СССР еще более упрочилось⁷⁸⁷.

Съезд, осудив перегибы, счел необходимым закрепить «достигнутые успехи» и вновь ориентироваться на более высокие темпы коллективизации. 25 июля Политбюро признало необходимым «исходить из возможного роста коллективизации» и установило такие ориентиры: для основных зерновых районов – 65–75 процентов хозяйств; для остальных зерновых районов – 35–45 процентов; для потребляющих и окраинных районов – 15–20 процентов. С осени был взят курс на организацию «нового колхозного прилива» при выдвижении на первый план экономических и организационных инструментов. Колхозам и колхозникам, в отличие от частных, предоставлялись налоговые льготы. В декабре объединенный пленум ЦК и ЦКК принял решение коллективизировать в целом по СССР не менее половины хозяйств в 1931 году⁷⁸⁸.

Прерванное весной раскулачивание продолжилось. Существуют различные оценки количества раскулаченных. Точно известна численность высланных семей: в 1930 году она составила 115 231, в 1931-м – 265 795. Какая-то часть кулацких семей (200–250 тысяч) успела «самораскулачиться», то есть бросить свое имущество и бежать в города, на стройки. Примерно таким же был результат раскулачивания 400–450 тысяч семей третьей категории. В 1932–1936 годах было раскулачено еще порядка 100 тысяч. В сумме эти цифры превышают миллион крестьянских хозяйств (примерно 4–5 процентов от общего числа)⁷⁸⁹.

Коллективизация и рекордный урожай позволили заметно поднять хлебозаготовки. СССР вновь стал экспортером зерна. В начале августа Сталин торопит Молотова: «Форсируйте вывоз хлеба вовсю. В этом теперь гвоздь. Если хлеб вывезем, кредиты будут». В конце месяца: «Нам остается еще 1–1½ месяца для экспорта хлеба: с конца октября (а может быть и раньше) начнет поступать на рынок в массовом масштабе американский хлеб, против которого нам трудно будет устоять. Еще раз: *надо форсировать вывоз хлеба изо всех сил*». 28 августа: «Микоян сообщает, что заготовки растут, и каждый день вывозим хлеба 1–1½ миллиона пудов. Я думаю, что *этого мало*. Надо бы поднять (теперь же) норму ежедневного вывоза до 3–4 миллионов пудов *минимум*. Иначе рискуем остаться без наших новых металлургических и машиностроительных (Автозавод, Челябинский завод и пр.) заводов»⁷⁹⁰.

Молотов налегал. 13 сентября он телеграфировал Сталину и Микояну: «Сегодня состоялось специальное заседание Политбюро с участием вызванных секретарей основных заготовительных областей. Впервые за все годы никто из областников не жаловался на невыполнение данных им планов. Известно, что урожай этого года примерно на один миллиард больше урожая прошлого года. Увеличение же заготовительного плана по сравнению с заготовками прошлого года принято на 483 млн пуд., включая в эту цифру 70 млн гарнца... Политбюро приняло сегодня постановление об увеличении заготовительного плана ориентировочно на 100 млн пуд., предполагается также дать такой темп заготовок, чтобы в конце ноября в основном закончить хлебозаготовки»⁷⁹¹.

Секретари областей, не осмелившиеся возразить против повышения планов заготовок на ПБ, начали спорить на проходившем в тот же день большом совещании под председательством Молотова, который жестко поставил их на место:

– Это будет чистейшим оппортунизмом, если мы будем считать план невыполнимым. Мы 400 миллионов пудов оставляем мужику. Я думаю, учитывая всю нашу обстановку, надо считать план выполнимым⁷⁹².

Встал вопрос и о том, что колхоз должен делать с остатками хлеба. Молотов ответил:

– Наша задача заключается в том, чтобы заявить ему, что он ни одного пуда не может продать на частный рынок, а все должен продавать государству, кооперации. В отношении колхозов наша линия состоит из двух элементов: во-первых, единый твердый план, а с другой стороны дополнение – ни пуда хлеба на частный рынок для спекуляции.

К концу 1930 года более половины крестьянских хозяйств основных зерновых районов были коллективизированы, удалось собрать неплохой урожай – по официальным данным, рекордный – 83,5 миллиона тонн, хотя некоторые исследователи называют цифру – не более 78 миллионов⁷⁹³. Хлебозаготовки принесли государству 22 миллиона тонн зерна, или в два раза больше, чем в последние годы нэпа.

Глава Коминтерна

Еще 9 апреля 1929 года делегация ВКП(б) решила: «Считать необходимым, чтобы т. Молотов два дня в неделю работал целиком в ИККИ»⁷⁹⁴. Причина была прозрачна: готовилась замена Бухарину как руководителю Коминтерна. 6 июня Полит-

бюро решило информировать Президиум ИККИ «о снятии т. Бухарина с коминтерновской работы». Доклад на X пленуме ИККИ делал уже Молотов. Главная мысль – нарастание в ближайшие годы революционного подъема:

– Грандиозный конфликт (локаут – забастовка) в Руре, всеобщая стачка в Лодзи, боевая забастовка нескольких десятков тысяч текстильщиков в Северной Франции, редкая по своему упорству забастовка сельскохозяйственных рабочих в Чехословакии, всеобщая забастовка текстильщиков Бомбея. Стоит только указать на то, что во Франции в первые месяцы текущего года было больше 100 стачек ежемесячно. Такие события, как майские баррикады в Берлине, как вооруженное сопротивление рабочих полиции в Пабианицах, свидетельствуют о тенденциях к перерастанию экономической борьбы рабочих масс в высшие формы революционной борьбы. В ряде стран – Польша, Балканы – явно растет революционное брожение в крестьянских массах. Теперь нельзя еще говорить о том, что мы стоим накануне пролетарского восстания. Но было бы совершенно непростительной близорукостью, если бы мы не помнили того, что революционный подъем не отделяется китайской стеной от непосредственной революционной ситуации⁷⁹⁵.

Особый упор делался на противодействие социал-демократии, особенно ее левому крылу, «потому что социал-демократия перерождается в социал-фашизм. Роль социал-фашизма заключается в том, чтобы через с.-д. организации и через реформистские профсоюзы создать известную массовую поддержку для фашизма, против рабочего класса, против пролетарской революции»⁷⁹⁶. X пленум решил, что Бухарин вместе с Эмбердро, Серра и другими на деле «проводит идейно-политическое основание под политику правых элементов во всем Коммунистическом Интернационале», и вывел Бухарина из президиума ИККИ⁷⁹⁷. Серра был исключен и из компартии Италии, ее возглавил Пальмиро Тольятти.

Распространена точка зрения о том, что Сталин и Молотов, придумав теории социал-фашизма и «класс против класса», обрекли компартии на сектантство и маргинализацию, уничтожили возможность единого фронта с социалистами и тем самым проложили Гитлеру дорогу к власти. Это не совсем так. Сталин и Молотов не изобретали термин «социал-фашисты» – так еще с 1922 года в партийной прессе назывались итальянские социалисты за их роль в приходе к власти Муссолини. Реальность превращения социал-демократии из правого крыла рабочего класса в крыло буржуазии и даже фашизма была отмечена Зиновьевым и по его инициативе отражена в решениях

V конгресса Коминтерна в 1924 году. Этот термин стал ходовым в комдвижении. А автором лозунга «класс против класса» был Бухарин. В неспособности создать единый рабочий фронт вина коммунистов никак не больше, чем социал-демократов, которые были их принципиальными противниками. «Антикоммунизм лежал в основе их политики уже с 1918 года, заставив их скорее следовать “меньшему злу” Гинденбурга и Брюнинга, чем объединяться с коммунистами против Гитлера»⁷⁹⁸, – замечал Дойчер. Были ли у руководителей СССР основания говорить о социал-фашизме? Они считали, что да. В 1929 году по приказу полицей-президента Берлина социал-демократа Цергибеля расстреляли рабочую демонстрацию, 33 человека были убиты, сотни раненых. В ответ произошли баррикадные бои. Молотов говорил на пленуме ИККИ:

– Уроки кровавых расправ социал-демократической полиции, действовавшей в майские дни в Берлине в союзе и при прямой поддержке всех социал-реформистских организаций, не могут пройти бесследно для широких масс пролетариата. Известно, что на последнем партийтаге вождь социал-демократической партии Вельс прямо провозгласил лозунг фашистской диктатуры для борьбы с революционным пролетариатом⁷⁹⁹.

Именно при поддержке социал-демократии в Германии была запрещена рабочая боевая организация «Союз красных фронтовиков» – единственная сила, способная противостоять на улицах нацистским штурмовикам. А когда Гитлер придет к власти и приступит к победоносному маршу по Европе, именно социал-демократы – Марсель Деа во Франции, Анри де Ман в Бельгии, Хокон Мейер в Норвегии – станут опорой многих марionеточных фашистских режимов⁸⁰⁰.

Размежевание с социал-демократией не столько диктовалось Москвой, сколько было требованием самих компартий. Они не только не маргинализировались, проводя политику «класс против класса», а, напротив, заметно укрепили свои позиции. Так, численность КПГ со 130 тысяч в 1928 году поднялась до 360 тысяч в конце 1932 года. На выборах в мае 1928 года за нее проголосовали 3,3 миллиона человек, а в ноябре 1932 года – 6 миллионов, или 17 процентов всех избирателей. И дело было не только в идеологии. «Распространение рабочих газет и заводских многотиражек, создание рабочих театров и групп досуга, повышенное внимание женскому и молодежному вопросам, по мнению ряда историков, выгодно отличали коммунистов от их неповоротливых и идеологически инертных социал-демократических соперников»⁸⁰¹. Росту влияния коммунистов способствовали и предсказанные в Москве завершение

стабилизации 1920-х годов и начало кризиса, который получит название Великой депрессии. В 1929–1933 годах падение промышленного производства в развитых странах Запада составит 44 процента, мирового товарооборота – 61 процент. Это происходило на фоне расстройств финансовой системы, что привело к обострению борьбы за рынки сбыта и сферы приложения капитала, к торговым таможенным и валютным войнам.

Революционные лозунги советских руководителей Коминтерна предназначались для собственной – исключительно левой – партии, для мобилизации коммунистов за рубежом. Но, как подчеркивают Макдермотт и Агню, даже «для большинства западных историков не требует доказательства, что главной детерминантой политики Коминтерна в течение всех 30-х гг. был советский *raison d'état*... Вера в мировую революцию давно улетучилась из коридоров Кремля; профессиональная дипломатия была признана лучшей гарантией сохранения мира»⁸⁰².

В Англии на выборах в мае 1929 года победу одержали лейбористы. В Москве приход к власти социал-соглашателей большого восторга не вызвал. Молотов на Исполкоме Коминтерна говорил, что в условиях подъема рабочего движения «разоблачение истинного классового лица правительства Макдональда будет происходить быстрее, чем обычно»⁸⁰³. Но приход лейбористов открывал возможность восстановления дипотношений, условием чего Лондон сделал признание Москвой долгов царского правительства, претензий по собственности английских граждан и прекращения коммунистической пропаганды в Великобритании. 6 июня Политбюро, напротив, решило: «Не вступать ни в какие переговоры с Англией о долгах, кредитах и пропаганде до фактического восстановления нормальных дипломатических отношений»⁸⁰⁴. Полпред в Париже Довгалевский отбыл в Лондон с полномочиями вести переговоры не о порядке обсуждения спорных вопросов, но об их существовании. Ему предложили не терять время и приступить к переговорам по существу немедленно. 30 июля Молотов на этот счет информировал Сталина⁸⁰⁵.

Генсек 9 августа пояснял Молотову, что принять британское предложение «значит: обескуражить Италию, Германию, Францию и т. д., признавших нас без предварительных условий, и толкнуть их к разрыву с нами; усилить те элементы в Америке, которые не хотят нас признать; оправдать образ действий консерваторов, порвавших с нами»⁸⁰⁶. Бухарин, Рыков, а также Литвинов, возглавивший НКВД после ухода Чичерина (по болезни), предлагали начать переговоры по британским претензиям. Сталин внушает Молотову 21 августа: «Литвинов не

прав. Литвинов не хочет понять, что Гендерсон *подменил* вопрос о *процедуре* вопросом о *разрешении* (а не только о *переговорах*) спорных (всех!) вопросов. Пойти на это – значит зачеркнуть наши завоевания по дипломатической части, вооружить врагов против себя и загнать себя в тупик»⁸⁰⁷. ПБ подтвердило, что «обсуждение материальных вопросов (о долгах и пр.) по существу возможно лишь после восстановления нормальных отношений»⁸⁰⁸.

9 сентября Сталин вновь шлет инструкции: «Не Гендерсон теперь опасен, который уже прижат нами к стене, а Литвинов, который Уайзу и прочим мерзавцам верит больше, чем логике вещей... Короче: *никаких* отступлений от нашей позиции... Мы были бы последними людьми, если бы не сумели ответить этим наглцам коротко и ясно: «*ни хера вы не получите*»⁸⁰⁹. 5 ноября без каких-либо уступок Москвы палата общин одобрила восстановление дипотношений с СССР. А весь британский эпизод, помимо прочих, будет использован в полемике с правыми. На ноябрьском пленуме ЦК Молотов скажет:

– При проведении той линии, которая обеспечила нам благоприятный итог в виде англо-советского протокола, нам пришлось вести жесточайшую борьбу против тт. Бухарина и Рыкова. В ряде случаев они скользили в ту сторону, куда тянул Гендерсон, – на предварительное обсуждение спорных вопросов по существу. Политбюро не пошло за ними⁸¹⁰.

Но главный международный кризис 1929 года вновь разворачивался на востоке, теперь – в районе КВЖД. Чан Кайши взял курс на вытеснение иностранного присутствия. С западными державами он предпочел путь переговоров, с Советским Союзом, чьи дипломаты были выдворены еще в 1927 году, язык силы. Были заявлены претензии на КВЖД, тем более что там не было ни советских войск, ни даже железнодорожной охраны. За отказом Москвы последовали высылка советского управляющего Емшанова, аресты советских сотрудников, установление явочным порядком маньчжурского управления над железной дорогой, вооруженные столкновения на границе. Советское правительство после тщетных протестов отозвало весь персонал дороги, прекратило железнодорожную связь с Китаем. МНР и Маньчжурия, где проходила КВЖД, в Москве рассматривались и как «буферные зоны безопасности» СССР, и как мосты к контролируемым КПК советским районам Китая.

18 июля Политбюро постановило: «Послать ноту китайскому правительству, поручив ее редактирование комиссии в составе тт. Рудзутака, Ворошилова, Сталина, Молотова, Карахана, Стомонякова. Организовать по всей стране массовые протесты

против насилий китвластей... Передвинуть немедленно из Сибири в район Благовещенска одну пехдивизию, а другую дивизию держать в состоянии готовности для возможного в случае необходимости передвижения на Дальвосток»⁸¹¹. Посреднические функции выполнял германский посол Дирксен, но мирное разрешение конфликта оказалось невозможным из-за возражений китайской стороны против возвращения Емшанова.

ПБ приняло решение о формировании особой Дальневосточной армии во главе с Блюхером. 11 августа Молотов сообщал Сталину и Ворошилову: «Приказ о Блюхере подан 6 августа. Пока опубликовано краткое сообщение о назначении Блюхера в харьковских газетах. Опубликование в центральных газетах задержали для того, чтобы больше заинтриговать через иностранных корреспондентов за границу харьковскими сообщениями. Видимость некоей секретности, нам казалось, произведет больший эффект». Сталин пишет на телеграмме: «Следует опубликовать приказ о Блюхере полностью и немедленно»⁸¹². На Восток перебрасывались воинские части.

29 августа Молотов информировал: «Передаю главные пункты сегодняшнего постановления Политбюро о Китае: "Дирксену устно сообщается, без передачи китайскому правительству, что мы готовы назначить *нового* управляющего и *нового* помощника управляющего КВЖД, если будет назначен новый председатель КВЖД, и что мы нашу поправку о немедленном назначении управляющего и его помощника понимаем в том смысле, что они назначаются *одновременно* с подписанием текста совместной декларации... Решено в устном разговоре с Дирксеном выдвинуть предложение о ведении переговоров в Москве, начав их 15 сентября"»⁸¹³. Сталин с раздражением отвечал: «Дело не только и даже не столько в том, чтобы ликвидировать так или иначе "конфликт". Дело также в том, чтобы своей твердой позицией *разоблачить* до конца и подорвать авторитет правительства Чан Кайши как правительства лакеев империализма, желающих стать образцом "национальных правительств" колониальных и зависимых стран... Этого не видят Литвинов и Карахан (и еще кое-кто). Но тем хуже для них»⁸¹⁴.

Советское командование располагало информацией о скоплении китайских войск для захвата пограничного Имана (Дальнереченск) с целью перерезать железную дорогу между Хабаровском и Владивостоком. Было принято решение об упреждающей атаке в районе Мишаньфу. Боевые действия начались 17 ноября ударами авиации, за которой последовало наступление 9-й кавбригады комбрига Вайнерха. В результате двухдневной Мишаньфуской операции противник потерял око-

ло 1,5 тысячи солдат и офицеров⁸¹⁵. Нанкин после этого пошел за урегулирование на советских условиях: возвращение к статус-кво до начала конфликта, немедленное освобождение всех российских граждан. Говоря на Президиуме ИККИ о переменах в отношениях с Англией и конфликте на КВЖД, Молотов подчеркивал:

– В обоих случаях СССР, как известно, вышел победителем. Восстановление прерванных отношений с СССР по инициативе великобританского правительства нельзя не считать нашим крупнейшим успехом. Известно, что и конфликт на КВЖД разрешился не в пользу инициаторов провокации на Дальнем Востоке. Китайские помещики и капиталисты и стоящие за их спиной империалистические силы, пытавшиеся захватить КВЖД, получили внушительный урок⁸¹⁶.

На XVI съезде ВКП(б) Молотов впервые выступал с отчетом делегации ВКП(б) в Коминтерне, сделав обзор всей мировой ситуации.

– Развертывающийся в странах капитализма *экономический кризис* ведет к подрыву капиталистической стабилизации. На почве растущего кризиса мирового капитализма обостряются все *противоречия* капиталистической системы. В области международных отношений теперь все более и более обостряются противоречия *между* капиталистическими странами. Борьба за мировую гегемонию приобретает невиданное напряжение. Наряду с этим противоречия *между* странами империализма – с одной стороны, и колониями и зависимыми странами – с другой, также обнажаются и обостряются. Это в особенности относится к Индии и Китаю. В то же время происходит дальнейшее обострение противоречий *внутри* капиталистических стран. Вместе с тем изменяется и характер классовой борьбы в странах капитала. Борьба пролетариата против буржуазии все больше переходит в контрнаступление. Нарастание элементов *нового революционного подъема* – бесспорный факт⁸¹⁷.

В решениях съезда отмечалось, что в борьбе против правого и левого оппортунизма секции Коминтерна «добились укрепления единства и большевистской консолидации своих рядов», то есть «очистились» от «уклонистов» и иных инакомыслящих, «обновили свои ряды»⁸¹⁸. Главной опасностью в мире назывался фашизм. «В результате обострения противоречий капитализма буржуазия для удержания своего господства все более пользуется методом насилия, методом открытой диктатуры... Сюда относятся такие факты, как фашизация Югославии, Австрии, Румынии и Финляндии. Здесь фашистские элементы открыто

стали у власти. Рост фашизма за счет буржуазных партий за последнее время особенно ярко проявляется в Германии»⁸¹⁹.

Молотов уделял особое внимание именно Германии. 22 июля 1930 года были подготовлены рекомендации для КПГ «К вопросу о борьбе против национал-фашизма в Германии»: необходимо «сорвать с фашистов маску борцов за национальную независимость и социальное освобождение немецкого народа», разъясняя, что «только социалистическая революция и Советская власть способны разорвать в клочки план Юнга и Версальский договор». 3 августа по заявлению Молотова ПБ постановило: «Выдать ГКП сто тысяч рублей в валюте для специальной задачи»⁸²⁰. Деньги пошли на избирательную кампанию по выборам в рейхстаг, назначенные на 14 сентября.

Другим приоритетом был Китай. Молотов на XVI съезде хвалил КПК:

– Несмотря на жесточайшие репрессии правительства Го-миньдана, коммунистическая партия укрепляет свое влияние в рабочих массах. Она имеет до 60 тысяч организованных в профсоюзы членов, увеличивает выпуск революционной литературы, издает несколько коммунистических нелегальных газет. По последним данным, в восьми провинциях из 636 уездов – 241 уезд находится под влиянием революционного движения и Красной армии. Китайская Красная армия состоит из 14 корпусов и насчитывает свыше 60 тысяч бойцов⁸²¹.

ЦК КПК взял курс на организацию революционных выступлений. Но «фронтальная атака» на ряд крупных городов закончилась провалом. Особенно тяжелым было поражение в Чанша. 13 августа Сталин телеграфировал Молотову: «Китайцы уже наглумили, поторопившись с захватом Чанша. Теперь они хотят наглупить во всем Китае. Этого нельзя допустить»⁸²². В адрес руководства КПК ушла выверенная Молотовым телеграмма: «Тов. Ли Лисян совсем не хочет считаться с фактами, что в советских районах нет еще действительного совпра, нет еще настоящей Красной Армии, а в других частях страны нет еще массовых выступлений пролетариата промышленных центров и нет еще сильного брожения миллионных масс деревни. Зато есть у империалистов в настоящее время в одном только Ханькоу военные силы, равноценные десяти дивизиям, не меньше – в Шанхае. При таких условиях нет еще серьезных шансов захвата крупнейших городов... Наша задача в деле действительной подготовки восстания во всем Китае сейчас заключается в том, чтобы, опираясь на постоянную Красную Армию, хотя бы в одном обеспеченном районе создать и укрепить советское правительство Китая»⁸²³.

После восстановления дипотношений с Англией и завершения конфликта на КВЖД «военная тревога» несколько спала. Но это не отразилось на планах военного строительства. Напротив, 11 января 1930 года Тухачевский написал докладную записку на имя Ворошилова: с учетом внешних вызовов к концу пятилетки РККА должна насчитывать 260 стрелковых и кавалерийских дивизий, 50 дивизий артиллерии и минометов, 40 тысяч танков и 50 тысяч самолетов. Начальник Генштаба Борис Шапошников ответил, что это потребует армии численностью больше 11 миллионов человек, призыва всего мужского населения от 14 до 45 лет, выпуска 1500 пушек в месяц; оборонные ассигнования в объеме почти 60 миллиардов рублей за пятилетку (было запланировано 2,5 миллиарда)⁸²⁴. Ворошилов проинформировал Сталина, который заключил: «Осуществить такой “план” – значит наверняка загубить и хозяйство страны, и армию. Это было бы хуже всякой контрреволюции»⁸²⁵.

Но Сталин не был минималистом в оборонных вопросах. 1 сентября он указывал Молотову: «Поляки наверняка создают (если уже не создали) блок балтийских (Эстония, Латвия, Финляндия) государств, имея в виду войну с СССР... Чтобы обеспечить наш отпор и поляко-румынам, и балтийцам, надо создать себе условия, необходимые для развертывания (в случае войны) не менее 150–160 пехотных дивизий, т.е. дивизий на 40–50 (по крайней мере) больше, чем при нынешней нашей установке... Откуда взять деньги?.. Нужно отбросить ложный стыд и прямо, открыто пойти на максимальное увеличение производства водки на предмет обеспечения действительной и серьезной обороны страны»⁸²⁶. Мысль была не оригинальной: русский флот после Цусимы тоже восстанавливался за счет питейного акциза.

Одновременно Кремль занялся крамолой в рядах Красной Армии, реагируя на многочисленные сведения о нелояльности военных. В деле «Генштабисты» фигурировало более 350 человек, включая Тухачевского. Дело «Весна» началось в августе 1930 года, когда в Москве и других городах прошли аресты бывших генералов и офицеров царской армии. Арестованным инкриминировались подготовка вооруженного восстания и шпионаж. 31 человек был приговорен к расстрелу⁸²⁷. Всего по стране было арестовано более трех тысяч человек. Обычный приговор – пять лет, иногда десять, с почти обязательным досрочным освобождением. Многие из этих людей, впрочем, будут повторно арестованы во время массовых репрессий.

Ничего удивительного, что повышенное внимание вызвали показания Какурина и Троицкого на Тухачевского. Мен-

жинский известил Сталина: «Я доложил это дело т. Молотову и просил разрешения до получения ваших указаний держаться версии, что Какурин и Троицкий арестованы по шпионскому делу. Арестовывать участников группировки поодиночке – рискованно... Считаю нужным отметить, что сейчас все повстанческие группировки созревают очень быстро». Получив это письмо, Сталин информирует Орджоникидзе: «Материал этот, как видишь, сугубо секретный: о нем знает Молотов, я, а теперь будешь знать и ты. Стало быть, Тухачевский оказался в плену у антисоветских элементов и был сугубо обработан тоже антисоветскими элементами из рядов правых... Видимо, правые готовы идти даже на военную диктатуру». Вместе с Орджоникидзе и Ворошиловым Сталин проверит показания против Тухачевского. 23 октября 1930 года генсек писал Молотову: «Что касается Тухачевского, то он оказался чист на 100 процентов. Это очень хорошо»⁸²⁸.

Как стать премьером

Подготовку к окончательному решению проблемы правых и смещению Рыкова Сталин начал сразу же после XVI съезда партии. Причиной и поводом стали как накопившиеся претензии к работе Совнаркома и хозяйственных наркоматов, так и раздражение от продолжавшейся активности ряда правых оппозиционеров. Сперва генсек взялся за «совещание замов» – собрание председателя СНК и СТО, его заместителей, ключевых наркомов, несколько раз демонстративно добиваясь отмены его решений.

Затем был конфликт по поводу кризиса разменной монеты: в условиях инфляции и обесценения бумажных денег усилился интерес к монете, которая исчезала из оборота, что превращалось в проблему политическую. Летом, когда Молотов остался на хозяйстве, по инициативе наркома финансов Брюханова совещание замов предложило закупить за границей серебра для чеканки монеты на 4 миллиона рублей. ПБ по требованию Сталина, усмотревшего признаки вредительства, отвергло это предложение и 20 августа поручило чекистам «усилить меры борьбы со спекулянтами и укрывателями разменной монеты, в том числе в советско-кооперативных учреждениях». 2 сентября Сталин инструктирует Молотова: «Придется, по-моему, обновить верхушку Госбанка и Наркомфина за счет ОГПУ и РКИ после того, как эти последние органы проведут там проверочно-мордобойную работу»⁸²⁹. Молотов жаловался, что

«банки не могли контролировать заводы и фабрики, тресты и союзные объединения, которые получали деньги, а Госбанк не знал положения отдельных предприятий. Оказалось такое положение, что рвачи, или люди с рваческими настроениями, вырвали много личных денег, они программу не выполнили, а денег забрали много»⁸³⁰. 15 октября Политбюро освободило от должности председателя Госбанка Пятакова и наркома финансов Брюханова⁸³¹.

Потом Сталин поставил перед Молотовым вопрос о руководстве Наркомата торговли: «Либо мы должны сменить Микояна, что нельзя считать доказанным, либо надо его подпереть крупными замами, что, кажется, не вызывает разногласий...» В качестве такого зама он предложил Розенгольца, которого предстояло забрать у Орджоникидзе из Рабкринана⁸³². Орджоникидзе вспылал, обвинив ПБ в грабеже его ценных сотрудников. Молотов 29 августа объяснялся с ним, делясь одновременно наболевшим – претензиями к хозяйственным наркоматам: «Как не жаль, а другого выхода, как обидеть РКИ, нет... Дела у нас идут не совсем гладко. Промфинплан, говорят, выполним на 94 процента. Это позорно... Спят наши финорганы насчет борьбы за оздоровление денежного обращения. Конечно, не только спят, но, как это неизбежно при отсутствии борьбы за дело и линию, плывут по течению мелкобуржуазной стихии, мечтая о новой разменной монете, об импорте потребтоваров, о повышении цен на промтовары и т. д. и не ведут по-настоящему борьбу за промфинплан, за ликвидацию кредитной неразберихи (выпущено свыше 700 миллионов рублей за летние месяцы из-за перекредитования), не мобилизуются деньги через имеющиеся у нас каналы и т. д. Стараемся теперь это дело подтянуть»⁸³³. 10 сентября ПБ назначило Розенгольца заместителем наркома внешней и внутренней торговли СССР. А 15 ноября был решен вопрос о разделении Наркомторга СССР на два: Наркомат снабжения – Микоян и Наркомат внешней торговли СССР – Розенгольц⁸³⁴.

В ноябре Молотов резко критиковал практику планирования:

– То, что у нас делается в этой области, это кошмарно. Основная основа у нас плановое хозяйство. А что тут делается? Полная неразбериха. Беспомощность, масса мелкобуржуазных предрассудков в работе всех наших органов, прежде всего хозяйственных. Это мы можем проследить по материалам наших газет, когда читаешь, что завод построили, но нет металла, завод построили не на том месте и т. д.⁸³⁵

Не укрепляла позиции Рыкова в правительстве продолжавшаяся активность правых. Так, генсеку стало известно о

беседах, которые Рютин, возглавивший Управление кинофотопромышленности, вел с коллегами на отдыхе в Эссентуках: о губительной политике правящего ядра ЦК по главе со Сталиным, которая привела к провалу коллективизации, финансовому краху и т. д. 13 сентября Сталин инструктирует Молотова: «Мне кажется, что в отношении Рютина нельзя будет ограничиться исключением. Его придется, спустя некоторое время после исключения, выслать куда-либо подальше от Москвы. Эту контрреволюционную нечисть надо разоружить до конца»⁸³⁶. Президиум ЦКК исключил его из партии «за предательски-двурушническое поведение в отношении партии и за попытку подпольной пропаганды правооппортунистических взглядов». А 13 ноября Рютин был арестован по обвинению в контрреволюционной агитации. Впрочем, коллегия ОГПУ признала это обвинение недоказанным, и Рютин был освобожден.

С лета 1930 года начались аресты крупных специалистов из центральных хозяйственных ведомств, которые обвинялись в принадлежности к «Промпартии» и «Трудовой крестьянской партии». Материалы давала в основном разведка. Павел Судоплатов утверждал, что «оперативные разработки, начиная с 20-х годов и дела “Промпартии”, имеют закордонные первоисточники, включая сигналы от агентуры в российских эмигрантских кругах. Агентура поставляла информацию то об антисоветских высказываниях, то о враждебной болтовне за рубежом советских граждан, имеющих вполне официальные контакты с бывшими соотечественниками, входящими в эмигрантские организации»⁸³⁷.

По делу «Промпартии» проходили директор Теплотехнического института Рамзин, заместитель председателя сектора Госплана профессор Иконников, зампред производственного сектора Ларичев, председатель Научно-технического совета ВСНХ Чарновский и др. К «Трудовой крестьянской партии», по версии следствия, принадлежали профессор Кондратьев – бывший эсер, товарищ министра продовольствия во Временном правительстве, возглавлявший Конъюнктурный институт Наркомата финансов, профессора Макаров и Чайнов из Наркомата земледелия РСФСР, Юровский – член коллегии Наркомата финансов, Садырин – бывший член ЦК кадетов, входивший в правление Госбанка СССР, работавшие в Госплане СССР меньшевики Громан и Базаров, известный нам Николай Суханов, трудившийся в 1920-е годы в советских торгпредствах в Берлине и Париже. Они обвинялись в создании разветвленной сети ячеек в наркоматах и органах власти регионов, установлении связей с правительствами западных стран и центрами белой эмиграции.

Сталин писал Молотову: «Я думаю, что следствие по делу Кондратьева – Громана – Садырина нужно вести со всей основательностью, не торопясь. Это дело очень важное. Все документы по этому делу нужно раздать членам ЦК и ЦКК. Не сомневаюсь, что вскоре вскроется *прямая* связь (через Сокольникова и Теодоровича) между этими господами и правыми (Бухарин, Рыков и Томский). Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев надо обязательно расстрелять»⁸³⁸. Арестованные подтвердили контакты с правыми, которые действительно существовали. Показаниями оказались скомпрометированы Калинин и Рыков. «Очень хорошо, что ПБ открыл атаку против Рыкова и К^о, – ободрял генсек Молотов. – Хотя Бухарина и не видно будто бы в этом деле, но он, несомненно, является главным поджигателем и наускивателем против партии. Понятно, что в партии Суханова – Кондратьева, где он (Бухарин) будет *“крайним левым”*, он будет чувствовать себя лучше, чем в ВКП, где он может быть лишь *прогнанным насквозь пораженцем и дохлым оппортунистом*»⁸³⁹.

Между тем в показаниях арестованных появились сведения о террористических планах. Вернувшись в Москву, генсек прямо сказал по телефону Бухарину, что на руководителей правых падает моральная ответственность за поощрение заговоров с целью устранения Сталина. Тот предложил «переговорить по душам», а когда Сталин отказался, ответил эмоциональным письмом. «Или то, что я не лижу тебе зада и не пишу тебе статей а la Пятаков – или это делает меня *“проповедником террора”*». 20 октября конфликт обсуждался на закрытом заседании Политбюро, которое поддержало Сталина. Бухарин обвинил его в нарушении существовавшего между ними «перемирия» и демонстративно покинул заседание. ПБ в его отсутствие приняло решение: «Обязать т. Сталина немедленно прекратить хождение по городу пешком. Поручить т. Ворошилову ускорить дальнейшую очистку Кремля от ряда живущих там не вполне надежных жильцов»⁸⁴⁰.

25 ноября ПБ постановляет: «Для руководства ходом дел на процессе Промпартии создать комиссию в составе тт. Литвинова (с заменой Крестинским), Молотова, Сталина, Ворошилова, Менжинского, Янсона и Крыленко. Созыв за т. Молотовым»⁸⁴¹. На объединенном пленуме ЦК и ЦКК в декабре 1930 года Молотов рассказывал о трех группировках:

– Первая – откровенно капиталистическая группировка «Промпартии» в лице Рамзина, Ларичева, Осадчего, Шейна и др.; вторая – эсеровско-кулацкая группировка Кондратьева, Садырина, Юровского, Чайнова и К^о и третья – группировка «со-

ветских» меньшевиков в лице Громана, Суханова, Шера и им подобных. Ни одна из этих группировок, несмотря на разницу их политических оттенков и влияний в известной среде, не имела каких-либо корней в массах. Однако в известных условиях, в обстановке нападения на СССР, эти контрреволюционные группировки представляли бы несомненную опасность. Известно, что вредители ставили ставку на правых в госаппарате⁸⁴².

И новое дело. 21 октября некто Резников написал на имя Мехлиса: председатель правительства РСФСР Сергей Сырцов и его сторонники установили контакты с группой первого секретаря Закавказского крайкома Ломинадзе на почве недовольства руководством. Генсек распорядился вызвать Сырцова. Найти его удалось уже ближе к вечеру: выяснилось, что он проводил собрание с единомышленниками по вопросу смещения Сталина как легальными, пропагандистскими, так и нелегальными методами. Его режиму не отводили и нескольких месяцев⁸⁴³. Другие участники это подтвердили. Совместными усилиями ЦКК и ОГПУ у всех, включая Сырцова и Ломинадзе, были получены признания в антипартийной деятельности. 23 октября Сталин писал из Москвы наконец-то выбравшемуся в отпуск Молотову: «Посылаю тебе два сообщения Резникова об антипартийной (по сути дела правоуклонистской) фракционной группировке Сырцова – Ломинадзе. Невообразимая гнусность... Играли в переворот, играли в Политбюро и дошли до полного падения»⁸⁴⁴.

4 ноября объединенное заседание Политбюро и Президиума ЦКК рассматривало по докладу Орджоникидзе вопрос «О фракционной работе тт. Сырцова, Ломинадзе, Шацкина и др.». Молотов успел вернуться:

– Выслушав здесь речи товарищей Сырцова, Ломинадзе и Шацкина об их политических взглядах, приходишь к выводу, что нам приходится заниматься воистину жалкой политической группой. Но почему нам все же стоит этой группой заняться? Потому что в активизации этих элементов мы не можем не видеть одного из маневров правых элементов в нашей партии, которые во главе с тт. Бухариным, Рыковым и Томским перешли к тактике отталчивания – отталчивания до поры до времени! – а на деле целиком поддерживают, покрывают и вдохновляют борьбу околопартийных элементов с партией. Это мы, члены ЦК, видим даже в самом Политбюро, где т. Рыков, формально не объявляя войны, занимался этим же самым и в последние недели, когда ЦК приходилось усиленно работать над исправлением ряда ошибок хозяйственных, финансово-кредитных и других органов⁸⁴⁵.

Было принято решение вывести Сырцова и Ломинадзе из ЦК. Резолюция, подготовленная комиссией с участием Молотова, была утверждена только через месяц. В ней говорилось, что Сырцов и Ломинадзе организовали «лево-правый» блок, платформа которого совпадает с взглядами «правого уклона»⁸⁴⁶.

О своем намерении сменить Рыкова Сталин, судя по документам, дал понять Молотову в письме от 13 сентября: «Наша центральная советская верхушка (СТО, СНК, Совещание замов), – писал Сталин, – больна смертельной болезнью. СТО из делового и боевого органа превратили в пустой парламент. СНК парализован водянистыми и по сути дела антипартийными речами Рыкова. Совещание замов... теперь имеет тенденцию превратиться в штаб... противопоставляющий себя Ц[ентральному] Комитету партии. Ясно, что так дальше продолжаться не может. Нужны коренные меры. Какие – об этом расскажу по приезде в Москву»⁸⁴⁷. Не последнее место в ряду претензий к Рыкову была его слабость, о которой писал знаток нравов советской элиты Саймон Монтефьоре: «Его пьянство было столь сильным, что в кремлевских кругах водку даже называли “рыковкой”»⁸⁴⁸.

22 сентября Сталин полностью раскрыл перед Молотовым свои планы реорганизации правительства: «1) Мне кажется, что нужно к осени разрешить окончательно вопрос о советской верхушке. Это будет вместе с тем разрешением вопроса о руководстве вообще, т. к. партийное и советское переплетены, неотделимы друг от друга. Мое мнение на этот счет: а) нужно освободить Рыкова и Шмидта и разогнать весь их бюрократический консультантско-секретарский аппарат; б) тебе придется заменить Рыкова на посту ПредСНК и ПредСТО. Это необходимо. Иначе – разрыв между советским и партийным руководством. При такой комбинации мы будем иметь полное единство советской и партийной верхушек, что несомненно удвоит наши силы... Все это пока между нами. Подробно поговорим осенью. А пока обдумай это дело в тесном кругу близких друзей и сообщи возражения»⁸⁴⁹.

Члены Политбюро обсуждали этот вопрос 7 октября. Ворошилов информировал Сталина о результатах этого обсуждения: решение сместить Рыкова поддержано единогласно. Однако по вопросу о новой кандидатуре многие члены Политбюро не согласились со Сталиным. «Я, Микоян, Молотов, Каганович и отчасти Куйбышев считаем, что самым лучшим выходом из положения было бы унифицирование руководства. Хорошо было бы сесть тебе в СНК и по-настоящему, как ты умеешь, взяться за руководство всей страной»⁸⁵⁰. Молотов думал так же и не сразу

дал согласие Сталину. «Он мне написал письмо, что меня надо назначить. Я ему ответил, что я не случайный член Политбюро, конечно. Если я подойду, если народ найдет, что я подхожу, пусть будет так, но было бы лучше, если бы тебя на это место. Так было принято, при Ленине так было. Ленин был фактическим лидером партии и Председателем Совнаркома»⁸⁵¹. Орджоникидзе в письме Сталину высказался определенно: «Конечно, вместо Рыкова надо посадить Молотова...»⁸⁵²

В начале декабря Сталин писал Горькому: «15-го созываем пленум ЦК. Думаем сменить т. Рыкова. Неприятное дело, но ничего не поделаешь: не поспевает за движением, отстает чертовски (несмотря на желание поспеть), путается в ногах. Думаем заменить его Молотовым. Смелый, умный, вполне современный руководитель. Его настоящая фамилия не Молотов, а Скрябин. Он из Вятки. ЦК полностью за него»⁸⁵³.

В первые два дня работы объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), открывшегося 17 декабря, шло рутинное обсуждение. Молотов выступил по теме «Пере выборы и перестройка Советов» и позволил себе лишь минимальный намек:

– Мне кажется, что для работы по-большевистски мало одного признания прошлых ошибок, мало одного того, что тот или иной товарищ признал, что в течение, скажем, 2–3 лет он шел по неправильному пути. Для работы по-большевистски необходима еще безусловная солидарность с той работой, которую ведет партия в данный момент, и, следовательно, солидарность с теми перспективами борьбы, которые намечены партией⁸⁵⁴.

Утром 19 декабря выступление Рыкова в прениях по докладу Куйбышева о контрольных цифрах на 1931 год несколько раз прерывалось репликами с мест, в которых ему напоминали о прежних прегрешениях. На вечернем заседании с заключительным словом выступил Куйбышев, который заявил, что «товарищ Рыков не стал в ряды активных борцов за генеральную линию»⁸⁵⁵. Затем слово было предоставлено Косиору:

– Я думаю, что мы в настоящее время не имеем в Совете народных комиссаров положения, похожего на тот мощный единый кулак, который должен проводить нашу партийную линию. Положение, которое создалось в Совнаркоме, а вы все знаете это, большинство знает по личному опыту, по наблюдению, – это положение является совершенно нетерпимым: такого единства, которое нам нужно, сейчас товарищ Рыков нам не обеспечивает... Вместо т. Рыкова предлагаю утвердить председателем Совнаркома т. Молотова. *(Продолжительные аплодисменты всего зала.)*

Косиор предложил также вывести Рыкова из ПБ, заменив его Орджоникидзе, заместителями председателя СНК утвердить Рудзутака, Куйбышева, а также Андреева, который становился руководителем ЦКК.

– Кто против предложения? Кто воздержался? Нет. Принято единогласно. *(Продолжительные аплодисменты всего зала.)*⁸⁵⁶

Среди самых важных бумаг, которые Молотов хранил дома вдали от чужих глаз, есть три небольших листочка с карандашным текстом:

«Сейчас, ввиду моего нового назначения, не могу не сказать несколько слов и о себе, и о своей работе.

Я рос в большевистской партии и связан с нею многими годами непрерывной работы. У меня как у коммуниста нет и не может быть большего желания, чем быть на деле учеником Ленина. Мне недолго пришлось работать под непосредственным руководством Ленина, но для меня как для коммуниста всегда было и остается главной задачей – усвоение учения Маркса–Ленина и активное участие в деле воплощения в жизнь марксистско-ленинского учения. В течение последних десяти лет в качестве секретаря ЦК мне пришлось проходить школу большевистской работы под руководством лучшего ученика Ленина, под непосредственным руководством тов. Сталина. Я горжусь этим.

До сих пор мне приходилось работать главным образом в качестве партийного работника. Заявляю вам, товарищи, и на работу в Совнарком я иду в качестве партийного работника, в качестве проводника воли партии и ее Центрального Комитета»⁸⁵⁷.

Именно эти слова Молотов произнес 19 декабря 1930 года.

Глава пятая

ПРЕМЬЕР. 1931–1935

*Капитализм с его Аль Капоне идет к гибели,
а наше дело с его ударниками социализма
идет к полной победе.*

Вячеслав Молотов

Молотовский Совнарком

Должность председателя правительства в России – не си-некура. И какая-то проклятая. Первый премьер Сергей Витте был изгнан со своего поста, Петр Столыпин – убит. Следующие в «министерской чехарде» Горемыкин, Штюрман, Трепов, Голицын славы себе не снискали. Все следовавшие за Лениным главы правительства – Рыков, Молотов, Сталин, Маленков, Булганин, Хрущев – еще при жизни или сразу после смерти разоблачались как фракционеры, уклонисты, диктаторы, антипартийные элементы или волюнтаристы.

Политический смысл назначения Молотова лежит на поверхности – группа Сталина делала решающий шаг в установлении своего контроля над государственным аппаратом. Что же касается государственно-управленческого смысла, то его уловил Дерек Уотсон: «Не было попытки создать кабинет. Это была попытка партийного руководства использовать правительственную машину как инструмент для осуществления ускоренной индустриализации и коллективизации»⁸⁵⁸. Разрыв между партией и государственным аппаратом ликвидировался, чему способствовали реформы в Совнаркоме, проведенные в соответствии с постановлениями ПБ «по вопросам Молотова» от 23 и 30 декабря 1930 года⁸⁵⁹.

Впервые установилась практика принятия совместных постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) (де-факто – Политбюро) по наиболее важным вопросам. Молотов вел заседания Политбюро и вообще становился профессиональным председательствующим. Скрупулезный британский историк подсчитал, что он занимал кресло председателя на 86,26 процента заседаний ПБ, проходивших с 1930 по 1941 год⁸⁶⁰. В начале 1930-х для решения бесконечной череды вопросов и четырех заседаний Политбюро в месяц не хватало. А с 1933 года ПБ собиралось в среднем дважды в месяц – центр принятия решений постепен-

но перемещался в кабинет Сталина⁸⁶¹. В отсутствие Сталина партийными делами теперь руководил Каганович, к которому перешли полномочия второго секретаря.

Молотов, как правило, открывал все партийные конференции и съезды, председательствовал на пленумах ЦК ВКП(б), на заседаниях Совнаркома и реформированного Совета труда и обороны, в состав которого вошел и Сталин, что резко повысило значимость этого органа.

– Наше общее мнение заключается в том, что СТО должен на деле превратиться в боевой орган хозяйственного руководства и должен быть соответственно реорганизован, – объяснял Молотов это решение, принятое в январе 1931 года. – В связи с этим мы пришли к выводу о том, что в состав СТО должен войти и тов. Сталин. Это будет иметь большое значение для поднятия авторитета советских органов⁸⁶².

Молотов руководил и двумя важнейшими структурами, действовавшими при СТО – Комитетом по ценам и Комитетом резервов. Естественно, по должности он председательствовал в Совнаркоме. В декабре 1930 года ПБ упразднило распорядительные заседания СТО СССР – инстанцию, рассматривавшую оборонные вопросы, и ее заменила Комиссия обороны при СНК и ПБ в составе Молотова, Сталина, Ворошилова, Куйбышева и Орджоникидзе. Ее называли также «Комиссией Молотова», и она принимала все ключевые решения по развертыванию военно-промышленного комплекса и оборонного строительства – даже без их предварительного обсуждения на ПБ.

Новым правительственно-партийным органом становилась Комиссия исполнения, в которой Молотов тоже председательствовал. Ее задачи он видел в том, чтобы вести повседневную борьбу с бюрократическими извращениями в учреждениях, не допускать подмены живого дела нагромождением бумажных постановлений, проверять на деле работу специалистов и всего аппарата⁸⁶³. В состав Комиссии входили председатель СНК, нарком РКИ, секретарь ЦК и секретарь ВЦСПС, а опиралась она на аппарат Рабкрин и контролирующую силу профсоюзов.

Молотовский Совнарком производил на современников и историков сильное впечатление. «Некоторым, как Сталину, за пятьдесят. Но большинство были крепкими энергичными фанатиками под сорок, одни из самых динамичных администраторов, которых когда-либо видел мир, способные строить города и заводы, несмотря на любые препятствия, но также уничтожающие своих врагов и ведущие войну с собственным крестьянством. Одетые во френчи и сапоги, это мачо – пьющие, могущественные, популярные в империи – звезды со свер-

кающим эго, колоссальной ответственностью и с маузерами на поясе»⁸⁶⁴, – писал Монтефьоре. Зримую картину воссоздал Сергей Дмитриевский: «Председательствует Молотов. Самый сильный в стране после Сталина человек. Твердая воля. Ясный и упорный ум... Иной раз здесь собирается человек до пятидесяти. Все люди, вышедшие из войны и революции. Избранные случаем, судьбой, люди сегодняшней страны, те, от кого, в их совокупности, зависит многое и в настоящем ее, и в будущем. Это Совнарком, значение которого сильно поднялось после того, как его председателем стал Молотов»⁸⁶⁵.

Михаил Смиртюков, которому предстоит много лет возглавлять Управление делами правительства, пришел на работу в аппарат СНК в 1930 году. Самой яркой чертой Молотова-премьера он называл «умение точно оценивать свои возможности... Кроме того, Вячеслав Михайлович был очень сильным организатором. Он поставил работу Совнаркома так, что все делалось быстро и слаженно. Решения правительства при нем были краткими и ясными... Вы можете посмотреть в архиве документы Совнаркома этого периода. Вы не найдете там ни одного проекта решения, в который Молотов не внес бы правок... У него постоянно было желание все улучшать. Например, Молотов ввел систему ускоренного оформления решений правительства. В одном из столов в зале, где проходили заседания Совнаркома, был встроен микрофон, и секретарь заседания тихо диктовал только что принятые решения машинисткам, находившимся в соседнем помещении. Там же сидели юристы, которые выверяли текст. Потом отпечатанные карточки с решениями приносили Молотову, он вносил свою правку, и к концу заседания протокол был готов. И тут же всё отправлялось исполнителям – в наркоматы и на места»⁸⁶⁶. Но не только в решениях было дело. Сам Молотов на посту премьера так публично формулировал свое кредо: *«Поменьше писать постановлений, а принятые постановления проводить в жизнь на деле, на практике, по существу!»*⁸⁶⁷

Еще один управделами, поработавший с Молотовым, – Чадаев, вспоминал, что «это был человек непрерывного действия, решительный, волевой человек, который умел отдавать себя целиком, без остатка на службу государства. Он был в полном смысле аскет, до чрезвычайности скромен в своих потребностях и желаниях... Только дело, только работа была его целью. И во имя ее он не считался со временем, отдавая ей все свои силы, разум, волю. Его одержимость заражала других, и они готовы были день и ночь работать, чтобы выполнить задание Молотова, получить его одобрение. Но он был скуп на похвалу.

И как бы хорошо ни была выполнена работа, считал это само собой разумеющимся. Но в то же время он был внимателен, чуток, отзывчив, всегда реагировал на просьбы и нужды сотрудников. Но Молотов был и беспощаден к тем, кто плохо работал, проявлял недисциплинированность и, не колеблясь, строго наказывал провинившихся. Он обладал хорошим качеством привлекать и располагать к себе людей, заражать их своим энтузиазмом. Иногда шуткой заставлял делать больше, чем приказанием. В аппарате его называли «многожильным наркомом», отдавая дань его исключительной работоспособности»⁸⁶⁸.

В первые годы премьерства решения по текущим вопросам Молотов «принимал совершенно самостоятельно». Этому способствовало и наличие у предсовнаркома команды авторитетных заместителей. «Заместителями Молотова были крупные хозяйственники, работавшие еще с Лениным: Орджоникидзе, Куйбышев, Рудзутак, Чубарь. Прямо об этом, конечно, не говорилось, но чувствовалось, что Сталин для них – только первый среди равных. Все они были или членами, или кандидатами в члены Политбюро, и Сталину волей-неволей приходилось считаться с их мнением»⁸⁶⁹.

Начало 1930-х годов стало временем серьезных институциональных изменений в системе государственного управления. Главная идея заключалась в том, чтобы, во-первых, отразить в структуре управления сам факт создания тысяч новых предприятий, число которых продолжало расти в геометрической прогрессии. Управлять такой машиной, какой становилась советская экономика, из одного центра, коим выступал ВСНХ, было невозможно. Во-вторых, необходимо было создать механизм управления теми отраслями экономики, которых ранее не было. «Не нужно объяснять, что наши реорганизации вызываются не одной любовью к новшествам, что это диктуется бурными темпами роста нашего хозяйства, что вполне понятно, как в результате этого наш костюм становится тесен, и что его приходится поэтому перекраивать в соответствии прежде всего с быстро растущей социалистической индустрией»⁸⁷⁰, – говорил Молотов.

Ликвидировались «совещания замов» и «подготовительная комиссия», готовившие ранее заседания СНК. Их функции переходили к аппарату Совнаркома и отдельным комиссарам. Управлению делами предписывалось «срочно пересмотреть аппарат СНК (структуру и личный состав), максимально упростив и сократив его и обеспечив поднятие партийной и специально-научной квалификации основной группы работников аппарата управления делами СНК». Госплан во главе с Куйбышевым –

около тысячи человек – Молотов видел главным инструментом выработки и координации социально-экономической политики. Произошло и некоторое изменение принципов планирования, о чем говорил председатель Совнаркома:

– Раньше годовые задания по народному хозяйству мы называли просто контрольными цифрами, теперь же называем народно-хозяйственным планом. Теперь методы планирования, применявшиеся в промышленности, мы в известной и все возрастающей мере переносим и на сельское хозяйство, что стало возможным лишь благодаря крупнейшим успехам социалистического производства сельского хозяйства.

Впервые в плане предусматривались резервы, что «увеличивает предпосылки для проведения действительно гибкого планирования и, следовательно, обеспечивает возможность необходимых хозяйственных маневров в течение года»⁸⁷¹. На политическом уровне устанавливалось относительно небольшое количество плановых показателей. Так, директивы по второй пятилетке (1933–1937 годы), утвержденные по докладу Молотова на XVII партконференции, включали в себя 11 натуральных показателей – добыча угля, нефти, производство кокса, электроэнергии, чугуна, минеральных удобрений, тракторов, зерна, посевные площади, урожайность зерновых, параметры рабочей силы – и 5 стоимостных – национальный доход, продукция промышленного производства и машиностроения, капиталовложения и потребление на душу населения⁸⁷².

Логика реформ Молотова вела к выделению из ВСНХ, который под руководством Орджоникидзе ведал индустрией, отдельных отраслей и переподчинение промышленности Совнаркому. Орджоникидзе покушение на свою епархию переносил плохо. 23 декабря 1931 года на Политбюро при обсуждении внесенного Молотовым плана реорганизации ВСНХ он вспыл и заявил о своей отставке. «Для рассмотрения заявления т. Орджоникидзе об его взаимоотношениях с т. Молотовым» было назначено специальное заседание Политбюро. Конфликт был исчерпан по-товарищески. Решением ЦИКа и Совнаркома от 5 января 1932 года на месте прекратившего свое существование ВСНХ были созданы три новых наркомата: тяжелой промышленности, оставшийся под контролем Орджоникидзе и отвечавший до 1936 года за гражданскую и оборонную индустрию, а также легкой и лесной промышленности, которые возглавили Лобов и Любимов. Далее разукрупнение шло уже внутри наркоматов. Так, в Наркомтяжпроме были созданы Главэнерго, Главнефть, Главуголь, Главчермет, Главхим, ставшие зародышами будущих самостоятельных наркоматов⁸⁷³.

Конфликты между Молотовым и Орджоникидзе, требовавшие вмешательства высших партийных инстанций, случались и дальше. В 1933 году Совнарком принял постановление «О преступной засылке некомплектных комбайнов в МТС и совхозы» и потребовал от НКТП прекратить подобную практику, а от прокуратуры – наказать виновных. В августе шел процесс, на котором обвинитель Андрей Вышинский, помимо прочего, обещал добраться и до допустивших это безобразие чинов из Наркомтяжпрома. Орджоникидзе добился от ПБ резолюции, осуждавшей Вышинского⁸⁷⁴. Сталин был возмущен и писал Молотову: «Выходку Серго насчет Вышинского считаю хулиганством. Как ты мог ему уступить? Ясно, что Серго хотел своим протестом сорвать кампанию СНК и ЦК за комплектность. В чем дело?»⁸⁷⁵ Молотов, как мог, оправдывался: «Ты знаешь отношение Калинина к таким делам – он всегда “за хозяйственников”, “обиженных” судом и РКИ, в данном случае, тем более. Вышинский под напором Орджоникидзе сразу же заявил, что он допустил грубую ошибку и вообще держался униженно. На меня посыпались личные нападки гнуснейшего типа со стороны Орджоникидзе, что все это – дело моих рук, за спиной ЦК, работать с М. невозможно и пр. Несмотря на это и несмотря на то, что Каганович молчаливо соглашался с Орджоникидзе, я не должен был сдаваться»⁸⁷⁶.

Наркомат почт и телеграфа 17 января 1932 года был переименован в Наркомсвязь, и его возглавил Рыков. До ноября 1933 года в его ведении находились и вопросы радиофикации, которые затем отошли в подчинявшийся непосредственно СНК Радиокomitee. В феврале 1933 года было создано Главное управление кинофотопромышленности при СНК, которое ведало кинофабриками – «Мосфильмом», «Ленфильмом», «Союзтехфильмом», «Союзкинохроникой», прокатными пунктами, частью киносети, фотохимтрестами. Новому органу поручался и контроль за содержанием картин, и утверждение планов производства фильмов, в том числе выпускавшихся на многочисленных республиканских киностудиях – «Украинфильм», «Белгоскино», «Арменкино», «Узбеккино», «Туркменфильм» и т. д.⁸⁷⁷

Многочисленные структурные изменения происходили в управлении сельским хозяйством, что отражало очевидные проблемы отрасли в связи с эксцессами коллективизации. 11 марта 1931 года постановлением СНК были ликвидированы Колхозцентр, Трактороцентр, Союз союзов сельскохозяйственной кооперации. Их функции перешли к совнаркомовским структурам – Наркомзему, Наркомснабу, Наркомсовхозу. 1 октября

1932 года ПБ приняло решение о выделении из системы Наркомзема совхозов, сосредоточив его внимание на колхозном строительстве, и организации отдельного Наркомата зерновых и животноводческих совхозов.

В январе 1933 года Молотов пойдет на ликвидацию Наркомата труда, обвинив его в «бюрократизме и стагнации». Его функции (такие как условия труда, социальные гарантии) частично перейдут к ВЦСПС, а частично – к другим наркоматам, которые самостоятельно занялись набором и распределением трудовых ресурсов. В сентябре 1933 года управление фондами социального страхования, санатории, дома отдыха, рабочие инспекции и другие организации, ранее подотчетные Наркомату труда, перешли в руки профсоюзов.

Силовые структуры, как это было и ранее, замыкались больше на первое лицо, а не на правительство, но и Молотов играл большую роль в принятии касающихся их решений. Так же обстояло дело и с международными вопросами. В ноябре 1931 года для их рассмотрения была создана специальная комиссия в составе Сталина, Молотова, Кагановича и Орджоникидзе, затем – комиссия «по советско-польским делам», куда вошли Сталин, Молотов, Литвинов и Стомоняков. Именно этими комиссиями принимались важнейшие внешнеполитические решения. Затем возник еще один орган Политбюро – «комиссия т. Молотова по делам внешней торговли» (она же «комиссия т. Молотова по иностранным делам»), которая имела решающее слово по вопросам валютных лимитов, экспортно-импортных планов⁸⁷⁸.

Нововведением, оказавшим заметное воздействие на работу молотовского Совнаркома, стало создание отраслевых отделов ЦК – промышленного, транспортного, сельскохозяйственного, планово-финансово-торгового, – которые присматривали за соответствующими наркоматами. А политико-административный отдел контролировал силовые структуры, суд и прокуратуру. В связи с этим заметно расширились полномочия Кагановича. Парработники разбились на «Вячеславовичей» – сторонников Молотова и «Лазаревичей» – сторонников Кагановича. Чтобы понять истинную расстановку сил в аппарате, высчитывали, чьих портретов в кабинетах больше – Молотова или Кагановича⁸⁷⁹. В ЦК восходила и звезда Андрея Жданова, который из секретаря Горьковского обкома стал заведующим сначала сельскохозяйственным, а затем еще и планово-финансово-торговым отделами ЦК. «Сталин Жданова больше всех ценил, – замечал Молотов. – Просто великолепно к Жданову относился»⁸⁸⁰. После XVII съезда, прошедшего в начале

1934 года, страной руководила «шестерка»: Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Орджоникидзе и Жданов.

Уотсон в книге «Молотов и советское правительство» суммировал: «Совнарком не стал “кабинетом” или “правительством”, но он превратился в удивительно отлаженный орган, чьи процедуры могут вполне быть сравнимы с правительствами и кабинетами современных западных стран. Он проводил регулярные, заранее подготовленные заседания, дискуссии основывались на подготовленной повестке дня и документы рассылались заранее. Секретариат Совнаркома был высокоорганизованным аппаратом, а голосование *опросом* было весьма продвинутой системой принятия решений. Если процедуры отдавали дань бюрократической традиции русского государства больше, чем чему-либо еще, тот факт, что они пережили 1930-е годы, говорит о значимости Совнаркома»⁸⁸¹.

Молотов(ы) и Сталин(ы)

Автору нашумевших книг о том, как Сталин готовился нападать на Германию, Виктору Суворову нельзя отказать в образности. Он пишет: «Однажды я собрал около сотни списков вождей в том порядке, в котором они появлялись в советской прессе. Если быстро прокрутить эти списки на экране компьютера в режиме слайд-шоу, получится удивительный калейдоскоп: имена Сталина и Молотова неподвижно висят вверху списка, а фамилии всех, кто ниже по рангу, мелькают в дикой пляске». Между ними существовало четкое разделение ролей. «Сталин играл роль некоего Верховного существа, которое с недостижимых вершин взирало на происходящее, а Молотов... осуществлял повседневное непосредственное руководство. Сталин руководил всем, а Молотов был там, где в данный момент совершалось самое главное событие»⁸⁸².

Отношения Молотова со Сталиным нельзя назвать простыми. Никита Хрущев рассказывал о предвоенных годах: «Ближе всего к Сталину в смысле принимаемых по тому или иному вопросу решений стоял Молотов... Он производил на меня в те времена впечатление человека независимого, самостоятельно рассуждающего, имел свои суждения по тому или иному вопросу, высказывался и говорил Сталину, что думает. Было видно, что Сталину это не нравилось, но Молотов все-таки настаивал на своем. Это, я бы сказал, было исключением. Мы понимали причины независимого положения Молотова. Он был старейшим приятелем Сталина»⁸⁸³.

Маршал Георгий Жуков делился своими впечатлениями с писателем Константином Симоновым: «Участвуя много раз при обсуждении ряда вопросов у Сталина в присутствии его ближайшего окружения, я имел возможность видеть споры и препирательства, видеть упорство, проявляемое в некоторых вопросах, в особенности Молотовым; порой дело доходило до того, что Сталин повышал голос и даже выходил из себя, а Молотов, улыбаясь, вставал из-за стола и оставался при своей точке зрения»⁸⁸⁴.

«Я не тот человек, который Сталину в рот заглядывал, я спорил с ним, говорил ему правду»⁸⁸⁵, – подтверждал Молотов. Степень его независимости в принятии решений в первой половине 1930-х годов была высокой. «Сталин спросит: “Важный вопрос?” – “Важный”. Он тогда лезет до запятой. А так, конечно, принять постановление о том, сколько кому дать на одно, на другое, на третье, – все это знать невозможно... Значит, тут на доверии к его заместителям, а то и наркомам, членам ЦК»⁸⁸⁶.

Молотов очень высоко ценил генсека. «Сталин очень талантливый, очень инициативный... Много было, конечно, хороших людей, но вершиной выделялся один Сталин. Подошел по характеру – очень крепкий характер, определенность, ясность, то, чего большинству не хватало... На определенном этапе Сталин сделал то, что никто не сделал и не мог бы сделать. Если говорить о Ленине и Сталине, я сказал бы так: один – гений, другой – талант»⁸⁸⁷.

Но были и суждения критического толка. 24 декабря 1962 года датирована молотовская записка «Об “этатизме” И. В. Сталина»: «В беседах И. Сталин иногда вспоминал, что В. И. Ленин будто бы в шуточной форме отмечал и критиковал “этатизм” И. Сталина. Сталин, насколько помнится, несерьезно относился к этому важному, мудрому замечанию Ленина. Он, пожалуй, даже иронически высказывался по поводу этого замечания... Между тем, у Сталина действительно был уклон к этатизму, опасное преувеличение роли государства. Сталин обладал огромным революционно-политическим чутьем, что не раз давало весьма положительные результаты. Пример: статья И. Сталина “Головокружение от успехов”, когда он вовремя уловил опасный ход перегибов, торопливости в проведении коллективизации в начале 1930 года. Это спасло от многих несчастий, хотя, разумеется, не могло обеспечить того, чтобы дальше все пошло “гладко”, без сучка и задоринки.

Но, мне кажется, Сталин недостаточно разобрался в экономических вопросах. Этот недостаток сказывался, например, в вопросах капитального строительства, в государственном

Выступление В. М. Молотова на красноармейском митинге в Сарапуле в 1919 году. Художник Ф. Лехт

Президиум Нижгубисполкома. 1919—1920 гг.

Среди моряков Волжской военной флотилии. 1920 г.

Секретарь ЦК РКП(б)

Именно такой
встретил свою Полину Молотов

На съезд.
Слева направо:
В. М. Молотов,
Г. Е. Зиновьев,
Л. М. Каганович,
М. И. Калинин,
М. П. Томский

Молотов на 3-й
сессии ЦИКа.
Февраль 1927 г.

Полина
Жемчужина
на даче

Молотовы
и Сталины

Самые дорогие —
Светлана
и Полина

Будни
главы
правительства

Председатель Совнаркома Молотов с директорами фабрик

В отпуске

Городошник

На теннисном корте

На лыжне

В. М. Молотов и К. Е. Ворошилов на трибуне Мавзолея В. И. Ленина.
12 марта 1935 г.

На Тушинском аэродроме. *18 августа 1935 г.*

На канале Москва — Волга вместе с Рудзутаком, Межлауком, Антиповым и Ягодой. 4 сентября 1935 г.

В. М. Молотов и И. П. Павлов. 1935 г.

Дни Таджикистана в Москве. 1937 г.

Дни Узбекистана в Москве. 1937 г.

На трибуне Мавзолея А. А. Андреев, И. В. Сталин, Л. М. Каганович,
В. М. Молотов, А. А. Жданов

На съезде

Новый год. Светлана Молотова читает стихи

П. Жемчужина — творец советской парфюмерной промышленности

Справа налево: брат Владимир с сыновьями Владом (он будет жить в семье Молотовых) и Левой

Накануне войны

планировании. Нередко этот недостаток сказывался в таком вопросе, как цены на товары, в частности в ценах при заготовках сельскохозяйственных продуктов... Недостаток понимания экономических вопросов иногда толкал И. Сталина к грубому, необоснованному, а то и прямо вредному администрированию. Думаю, что у него было увлечение делами крупного строительства при посредстве лагерников, да и крайним расширением самих лагерей.

На мой взгляд, Сталин быстро и глубоко схватывал вопросы техники. Это всегда сказывалось при рассмотрении вопросов военной техники: авиации, артиллерии, танков, морских судов. В этих вопросах Сталин легко ориентировался и, хотя совершенно не любил математическую сторону техники, хорошо улавливал прогресс в технике и активно толкал вперед дела военной техники. В этих делах, естественно, на экономическую сторону обращалось мало внимания.

В вопросах экономики Сталин не старался углубляться. Но у него была склонность к реорганизациям в госаппарате. Поскольку после социалистической революции впервые во весь рост встали вопросы государственного хозяйства и государственного строительства – в промышленности, на транспорте, в торговле, все больше и в сельском хозяйстве, а кроме того, в области культуры. Это, так сказать, толкало к этатизму, к преувеличению роли государства в различных областях жизни страны. И такое «настроение» у Сталина нередко сказывалось. Ленин не мог этого не заметить, как определенную, вредную однобокость и узость, а Сталин не только неправильно, но, пожалуй, немного иногда гордился этим, самолюбовался»⁸⁸⁸.

Молотов называл и другие его недостатки. В том же 1962 году родилась и другая записка: «В вопросе о культе личности Сталина допускается много перехлестываний – перехлестываний, недопустимых для коммуниста. Но правильно, что сам по себе культ личности Сталина (и вообще кого-либо) недопустим, вреден для партии, представляет большую опасность для дела революции. Несомненно, что культ личности Сталина принес много вреда партии и стране, вызвал много жертв, привел к гибели не одной тысячи коммунистов и честных беспартийных людей и подчас губил преданнейших нашей партии людей. Нельзя забывать и о том, что из КПСС культ личности был перенесен в другие компартии, особенно в компартии Китая (Мао Цзэдун), Кореи (Ким Ир Сен), Монголии (Чойбалсан), Венгрии (Ракоши) и др.»⁸⁸⁹. Впрочем, Робертс заметил: «К концу 1930-х концепция руководства Сталина – Молотова стала общим мес-

том в советском политическом дискурсе, и вместе с культом личности Сталина развился малый культ Молотова»⁸⁹⁰.

Теперь их кабинеты располагались в Первом корпусе Кремля и были очень разными. Помощник Молотова Владимир Ерофеев описал кабинет Сталина как «вытянутый, не очень широкий зал. Он контрастировал с кабинетом Молотова, где всегда было светло и часто солнечно, потому что он выходил на большую внутреннюю кремлевскую площадь с Царь-пушкой и орудиями на подставках у старого арсенала. Здесь же в зале царил полумрак, поскольку его окна глядели в маленький, закрытый со всех сторон дворик»⁸⁹¹. На протяжении многих десятилетий Молотов был самым вхожим в кабинет Сталина лицом. С 1928 по 1953 год он заходил туда более двух тысяч раз. А количество других встреч в формальной и неформальной обстановке измерить невозможно. На «ты» со Сталиным общались Орджоникидзе, Калинин, Молотов, Ворошилов, Киров, Бухарин, Каменев, Микоян⁸⁹². По мере выбывания соратников круг сузился. Громыко применительно к 1940-м годам подмечал: «Некоторые проявления фамильярной формы общения со Сталиным могли себе позволить лишь Ворошилов и Молотов»⁸⁹³.

За что Сталин ценил Молотова? Будущий председатель Госплана Николай Байбаков авторитетно свидетельствовал: «Заслужить доверие Сталина можно было исключительно реальными результатами при выполнении крупных, ответственных, истинно государственных задач и ничем кроме, никакими царедворческими ухищрениями, ни лестью»⁸⁹⁴. Выносить Сталина было непросто, и чем дальше, тем сложнее. Байбаков отмечал основное требование Сталина к высшим руководящим работникам: «Советскому наркому нужны прежде всего “бичьи” нервы (так он произнес “бычьи”) плюс оптимизм»⁸⁹⁵. Какие же тогда нервы требовались председателю Совнаркома?

Сталин и Молотов жили в одном доме в Кремле, нередко заходили друг к другу по вечерам. До конца 1931-го – начала 1932 года их квартиры располагались по адресу: Кремль, Коммунистическая улица, дом 2. Затем они перебрались в квартиры в Потешном дворце⁸⁹⁶. Квартира Сталина была немного больше молотовской – шесть-семь комнат, у Молотова – четыре-пять»⁸⁹⁷. С конца 1920-х годов у обоих вошло в привычку смотреть один-два фильма в неделю, обычно после полуночи. «Ни один фильм, о котором начинали говорить в народе, не минул небольшого кинозала в Кремле, а позже и киноустановки на даче Сталина»⁸⁹⁸.

Но вот дачи Сталина и Молотова находились в разных местах. Сталин сперва облюбовал для себя бывшую дачу нефте-

промышленника Зубалова – недалеко от Усова на нынешней Рублевке. Затем была построена Ближняя дача в Волынском, которая с 1934 года стала своего рода вторым (после кремлевского кабинета Сталина) пунктом управления Советским Союзом. До 1937 года дача Молотова была в Мещерине, затем в Горках-2 – тоже на Рублевке.

Высшее руководство страны много общалось в неформальной обстановке – чаще всего на квартире и даче Сталина. То, что называлось обедом, начиналось порой в 10–11 вечера. Микоян отмечал, что в начале 1930-х годов Сталин «умел спокойно выслушать и высказаться недлинно, но метко, быстро схватывая, о чем говорили, любил, чтобы кто-нибудь вечером бывал у него. Бывали Молотов, Ворошилов, я, Орджоникидзе, Киров, когда приезжал. Тогда не было обильного обеда, обильной выпивки, больше сидели за чаем... Атмосфера во время этих обедов была товарищеская, особенно до войны»⁸⁹⁹. Но «после смерти жены, а особенно в последние годы он очень изменился, стал больше пить, и обеды стали более обильными, состоявшими из многих блюд. Сидели за столом по 3–4 часа, а раньше более получаса никогда не тратили... Одновременно с едой обсуждались разные вопросы, он даже говорил, что это вроде политического клуба»⁹⁰⁰. Действительно, это был самый важный в стране политический клуб.

На даче Сталина часто звучал патефон: Глинка, Римский-Корсаков, Мусоргский, хор Пятницкого и русский фольклор, грузинские мелодии. Порой за рояль садился Жданов. Под его аккомпанемент Сталин вместе с Молотовым и Ворошиловым пели «Да исполнится молитва Твоя» и другие произведения церковной классики. Пели и революционные, и белогвардейские песни⁹⁰¹. Был и бильярд, на котором Молотов охотно играл. В оранжерее рос лимонник. Сталин любил огород, у него выращивали кур и цесарок. Молотов отдавал предпочтение цветам, особенно розам. Зная это, многие навещавшие его дарили самые причудливые разновидности роз.

У Молотова была одна немаловажная полуформальная функция. С начала 1930-х годов в Большом Кремлевском дворце – в Георгиевском и Андреевском залах – возникла практика званых обедов от имени Реввоенсовета для выпускников военных академий. Постепенно набор официальных приемов расширился, но функцию тамады, как правило, выполнял Молотов. Вместе со Сталиным они утверждали и культурную программу приема, в которой могло участвовать до пятисот артистов и музыкантов⁹⁰².

У них был общий портной – полковник спецслужб Абрам Легнер. Сталин предпочитал френчи, фуражки и сапоги, а Мо-

лотов – гражданские костюмы с галстуком, шляпы и ботинки. Женщин в Кремле обшивала в его же мастерской Нина Гупало, мать Алексея Аджубея, который позднее станет зятем Хрущева.

Молотов, как и раньше, оставался «на хозяйстве» в те периоды, когда Сталин уезжал на юг. «Меня угнетает мысль о том, что из-за меня портится или может испортиться отпуск у Молотова (который раз?)»⁹⁰³, – сокрушался Сталин в послании 7 августа 1932 года. Но сам он сильно нервничал, когда отпуск председателя Совнаркома затягивался, особенно совпадая со сталинским. 12 сентября Сталин писал Молотову: «Мне несколько неловко, что я послужил причиной твоего возвращения из отпуска. Но если отвлечься от этой неловкости, то ясно, что оставить центральную работу на одного Кагановича (Куйбышев может запить) на долгий срок, имея к тому же в виду, что Каганович должен разрываться между местной и центральной работой, – значит поступить опрометчиво. Через месяц я буду в Москве, и тогда можешь уехать в отпуск»⁹⁰⁴.

Сталин не любил море, отдавая предпочтение горной местности, воды Мацесты почитал как целительные для суставов. «Сталин спортом не занимался, – подтверждал Молотов. – В море не купался. Стрелять любил, да. Немножко – прогулка, но тоже маловато, по-моему»⁹⁰⁵. Молотов, напротив, обожал море и все, что с ним связано – плавание, греблю, лодки, солнце, меньше – рыбалку. С 1929 года он практически постоянно отдыхал в Сочи – в Верхней Мацесте (дома отдыха ЦИКа «Пузановка», «Блиновка» и «Зензиновка»), затем на даче № 3 и в доме отдыха ЦИКа «Мюссера»⁹⁰⁶.

Сталин и Молотов продолжали дружить семьями. Надежда Аллилуева после работы в секретариате Ленина трудилась в редакциях газет, училась в Промышленной академии на факультете текстильной промышленности, специализировалась по производству искусственного волокна. Полина Жемчужина начала московскую карьеру инструктором в Рогожско-Симоновском райкоме партии. Поступила учиться на рабфак им. Покровского, а затем окончила двухгодичные курсы марксизма. С 1927 года она руководила партийной ячейкой на парфюмерной фабрике «Новая Заря», в 1929–1930 годах трудилась инструктором Ленинского райкома партии, а оттуда вернулась на «Новую Зарю» директором.

8 мая 1929 года у Молотовых родилась долгожданная дочь, которую назвали Светланой. Как и дочь Сталина. В паспорте было записано, что родилась она в Москве, а на самом деле – в Берлине, что было большой партийной тайной. Поскольку роды ожидались сложными, решили не рисковать и доверить-

ся немецким врачам. Выезжать на летний отдых в Германию или рожать там детей не считалось чем-то экстраординарным. В Германии, например, появились на свет племянники жены Сталина – Сергей и Саша Аллилуевы⁹⁰⁷.

«Полина знала о Надежде Сергеевне много больше, чем кто бы то ни было в Кремле, – пишет Лариса Васильева. – Это она, Жемчужина, в последний день жизни Надежды Аллилуевой, после публичной ссоры Надежды со Сталиным, вышла со взволнованной Надеждой на улицу, и они долго гуляли по Кремлю. Аллилуева жаловалась. Жемчужина слушала. Успокаивала. Пыталась понять и ее, и Сталина. После того, как Надежду Аллилуеву прислуга нашла мертвой, первыми были вызваны Енукидзе и Жемчужина»⁹⁰⁸.

Версий причин самоубийства, разумеется, много. Была она и у Молотова: «Ревность, конечно. По-моему, совсем необоснованная. Парикмахерша была, к которой он ходил бриться. Супруга этим была недовольна. Очень ревнивый человек... У нас была большая компания после 7 ноября 1932 года, на квартире Ворошилова. Сталин скатал комочек хлеба и на глазах у всех бросил этот шарик в жену Егорова. Я это видел, но не обратил внимания. Будто бы это сыграло роль... С этого вечера она ушла вместе с моей женой, Полиной Семеновной. Они гуляли по Кремлю. Это было поздно ночью, и она жаловалась моей жене, что вот то ей не нравилось, это не нравилось... Про эту парикмахершу. Она очень ревновала его. Цыганская кровь. В ту ночь она застрелилась... Сталин поднял пистолет и сказал: "И пистолетик-то игрушечный, раз в году стрелял".

– Я был плохим мужем, мне было некогда ее водить в кино, – сказал Сталин...

Я никогда не видел его плачущим. А тут, у гроба Аллилуевой, вижу, как у него слезы покатались. И сказал очень так грустно: "Не уберег"⁹⁰⁹.

После смерти Надежды Аллилуевой «Жемчужина становится как бы первой среди кремлевских жен. В основном только ей дозволялось присутствовать в мужской компании кремлевских бонз – Сталина, Ворошилова и других членов Политбюро, в правительственных ложах Большого и прочих академических театров. Однако она не только отражала свет, излучаемый ее сановным супругом, но стремилась сделать собственную карьеру»⁹¹⁰. Она была необычной женщиной.

«Жены высших начальников были по преимуществу портфелями с портфелем или домашними хозяйками. Жемчужина среди них, как бы ныне сказали, "звезда", человек образцовой советской биографии. В ней сочеталась звездная выделанность

и выхоленность с советской железной идейностью и оптимизмом – ее бы Любви Орловой играть»⁹¹¹, – пишет журналист Татьяна Блажнова. А Галина Ерофеева говорила: «Полина Семеновна Жемчужина – жена Молотова была единственной достойной женщиной из всех жен членов тогдашнего Политбюро. Она... была образованна, прекрасно умела поддерживать разговор. При этом всегда оставалась настоящей женщиной – была обаятельна и очень хорошо одевалась»⁹¹².

Работая с 1932 по 1936 год управляющим трестом ТЭЖЭ, она стала творцом советской парфюмерной промышленности, убедив в ее необходимости для СССР сначала собственного мужа. «Молотов, который всегда уважал ум супруги и не сомневался в ее вкусе относительно одежды, обещал этот вопрос обдумать, – писал его британский биограф Бернард Бромедж. – Он проконсультировался с коллегами. Многим идея понравилась: России не пристало в чем-то отставать, и они достаточно слышали от своих жен, что пора избавляться от бесцветного однообразия, идущего от ранних революционных дней. Женщины всегда добиваются, чего хотят»⁹¹³. Сталин также проявлял личное внимание к этому проекту, понимая, помимо прочего, его рентабельность. 22 октября 1933 года он с юга давал распоряжение Молотову и Кагановичу: «Прошу тресту ТЭЖЭ дать на 50 тысяч рублей ввезти импортных эфирных масел для выпуска парфюмерии на внутренний рынок, чем будет улучшено качество продукции, а стоимость продукции увеличится сверх программы на десять миллионов рублей»⁹¹⁴.

В 1934 году «за успешное выполнение и перевыполнение трестом жировой и парфюмерной промышленности производственной программы и овладение техникой производства, обеспечившей выпуск высококачественной продукции», Полина была награждена орденом Ленина. В 1936 году ее назначили начальником «Главпарфюмера» Управления текстильно-галантерейной промышленности Наркомата легкой промышленности РСФСР и наградили орденом Трудового Красного Знамени. «Я, кроме положительного, ничего о ней сказать не могу. Под ее руководством эта отрасль развивалась успешно... Отрасль развивалась настолько, что я мог поставить перед ней задачу, чтобы советские духи не уступали по качеству парижским, – напишет ее начальник Микоян. – Тогда эту задачу в целом она почти что выполнила: производство духов стало на современном уровне, лучшие наши духи получили признание»⁹¹⁵.

Похоже, сама Полина расценивала достижения подведомственной ей отрасли без фанатизма. Кира Аллилуева – племянница супруги Сталина вспоминала: «Гости, из числа особо при-

ближенных, сидели у Сталина в гостях в его кремлевской квартире, ужинали. Среди них была и супруга Молотова – Полина Семеновна Жемчужина... Иосиф Виссарионович ее и спрашивает: “Ну, Полина Семеновна, вы как? Справляетесь?” А она: “Мы сейчас такие прелестные духи выпускаем – “Красная Заря”, “Красный мак”. Все так довольны!” – “Да, – закивал Сталин, – я чувствую, так приятно от вас пахнет!” – “Конечно, приятный запах!” – обрадовалась похвале Полина Семеновна. И тут маму как черт дернул, она говорит: “Помилуйте, Полина Семеновна, да от вас же французскими духами пахнет! ‘Шанель № 5!’ Поэтому и запах такой хороший!” Потом дома, правда, каялась: “Ну, что за черт меня за язык дернул! Прямо распирало сказать правду!”»⁹¹⁶.

В ноябре 1937 года Жемчужина стала заместителем наркома пищевой промышленности Микояна. В 1938 году, проведя полноценную избирательную кампанию (дома хранятся кадры ее страстного предвыборного выступления), Жемчужина была избрана депутатом Верховного Совета РСФСР от округа, который включал в себя часть Ростова-на-Дону, Азов и Батайск.

Слабая сторона Жемчужиной – родственники за границей: старший брат в Америке. Как управляющая ТЭЖЭ, она посещала косметические фирмы Германии и Франции, побывала и в США. «Она ездила в Америку за идеями, находя время и на обед с миссис Рузвельт, и на поездку к брату Сэму Карпу – бывшему оператору бензоколонки в Бриджпорте, штат Коннектикут, который порой выступал торговым агентом советского правительства в США, – писал Бромедж. – Она возвратилась в Россию, оставив воспоминания о своем очаровании, и с записными книжками, полными рецептов, набросков модной одежды и дизайнерских идей»⁹¹⁷.

А вскоре после ее возвращения Политбюро принимает постановление: «Подтвердите от имени Амторга Торговой палате и запрашивающим фирмам, что компания Карпа действительно имеет поручение от советских объединений»⁹¹⁸. Да, речь шла о брате Жемчужиной – Семен Семенович оказался человеком весьма энергичным. 6 ноября глава Амторга Розов телеграфирует: «Компаньон Карпа Вульф имел свидание с отставным адмиралом Бристолем, который заявил, что, по их мнению, Морское министерство не будет возражать против передачи нам планов последних моделей существующих линейных кораблей»⁹¹⁹. Естественно, успехи торгово-экономических отношений между СССР и США зависели не столько от энергии Карпа, сколько от большой политики. «Госсекретарь США Корделл Хэлл поставил в известность военно-морского министра К. Свэнсона, что про-

даже американской судостроительной компанией “Бетлехем” кораблей корпорации “Карп” не нарушает никаких существующих договоров и законодательных актов... В свою очередь президент Рузвельт дал ясно понять министерству о своей поддержке контракта, но оппозиция внутри морского ведомства продолжала препятствовать соглашению»⁹²⁰. Семен дошел до высших сфер, и от него в Москве ждали чудес. Но чудес не бывает...

Полина Семеновна дома была главным человеком, и ее заботы распространялись и на детей Сталина. «Полина ставит образование двух девочек Светлан на серьезные рельсы: иностранные языки – английский, немецкий, французский, музыка. Гимнастика. Если Светлана Сталина не хочет целиком исполнять программу Полины Семеновны, Жемчужина не настаивает, но свою дочку она выучит всему. Обе Светланы вместе посещают саму Дорис Харт-Максину и берут у нее уроки английского языка», – пишет Лариса Васильева. Дорис, британская коммунистка, была голосом англоязычного Всесоюзного радио. «У Полины всегда все самое лучшее. У Молотовых самая лучшая квартира в Кремле. Позднее Молотову, под внимательным присмотром Полины Семеновны, построят самую лучшую дачу: исключительность объясняется необходимостью проводить на этой даче правительственные и международные приемы»⁹²¹.

В действительности Полина к строительству дачи отношения не имела. У Светланы Сталиной читаем: «Все дачи, построенные в свое время хорошими архитекторами за государственный счет, “переходили по наследству” к следующим владельцам. Молотов жил на бывшей даче Ягоды»⁹²². Вспоминал племянник Молотова Владимир Владимирович, более известный в семье как Владик: «Это был большой двухэтажный дом с верандой. На первом этаже была столовая с кожаными диванами, стульями, обитыми кожей, и обеденным столом. Еще была гостиная, где крутили фильмы... На даче Вячеслав Михайлович больше работал, чем отдыхал, поэтому у него там было два кабинета – один наверху, рядом со спальней, где он обычно сидел, другой внизу, где он принимал посетителей. Еще была бильярдная и библиотека»⁹²³.

Американский посол Дэвис 14 марта 1937 года напишет в своем дневнике о визите его супруги на дачу Молотова: «Марджори отправилась к мадам Молотовой на обед. Это было довольно необычно – группа жен комиссаров, все они активно работают инженерами, докторами и менеджерами фабрик. Мадам Молотова, супруга премьера, стала комиссаром по кос-

метике. Она замечательная женщина. Та манера, с которой она организовала эти шикарные парфюмерные магазины и косметические салоны красоты, свидетельствует о большом управленческом мастерстве. Она и другие серьезные дамы, которые трудятся инженерами, врачами и т. д., проявили большой интерес к Марджори, особенно в том смысле, что женщина ее склада должна сильно интересоваться производственными вопросами и сама быть “трудящейся”. Идея провести “обед для курочек” – нечто новое в советском опыте. Поэтому я попросил Марджори надиктовать ее отчет, пока все еще свежо в памяти. Вот он:

“В тот день, когда мы шли по фабрике (одной из четырех, которыми она управляет), которые производят парфюмерию, крема и т. д., мадам Молотова спросила, не хотела ли бы я с ней пообедать. Мы с удовольствием согласились, но даже не представляли себе, каким редким и интересным окажется наш опыт. День настал, и мы поехали – час по дороге в Рублевских лесах – проехали несколько больших вилл и, наконец, увидели зеленый забор и охрану. Ворота открылись, и по дороге к дому мы увидели еще множество охранников.

Дом современный, большой (но никак не дворец, ни изнутри, ни снаружи), довольно простой. Хороший вкус: просторно, не заставлено в “уютной” или “обжитой” манере, но с любой точки зрения адекватно. Прихожая, большие лестницы, комната для верхней одежды. Просторная гостиная. Никаких фотографий или безделушек. Столовая с большими створчатыми окнами. Стол украшен цикламенами – каждая длиной около 3-х футов. На полу по всей комнате стоят восемь или десять горшков с сиренью – белой и сиреневой – красивые большие гроздья, множество цветов.

Справа от мадам Молотовой – жена мистера Кеннана, секретаря посольства, мисс Уэллс, мадам Чубарь, мадам Крестинская, мадам Стомонякова. Стол был уставлен закусками. Обед был изысканным и состоял из множества блюд: три вида мяса, шесть видов рыбы, одна из них особенная – с большим носом, длиной около восьми дюймов, ее ловят в Волге. Мне пришлось есть, несмотря на рекомендации посольского доктора, *очень долго*... Вся атмосфера была очень сердечной, очень старались, чтобы мы хорошо провели время, и им это удалось. НО! Если бы кто-нибудь из них знал язык. Через переводчика общение было, мягко говоря, сложным.

Интересной была реакция на этот обед, когда я вернулась. Я обнаружила Джо в библиотеке с одним журналистом, который сильно удивился, узнав, где я была, и задал дюжины вопросов. Затем на ужине в тот вечер в бельгийской миссии я сидела

рядом с британским послом лордом Чилстоном, который почти взорвался от восторга от моей обеденной истории, два или три раза переспросив: “Где, вы сказали, был обед?” Потом, удостоверившись в том, что это была мадам Молотова и все происходило на ее даче, он сказал: “Вы, американцы, удивительные люди! Я здесь нахожусь семь лет и никогда не мог засунуть и носок ботинка в их дома. А вы приезжаете, и через несколько недель в вашу честь устраивают обед. Я это не понимаю!”»⁹²⁴.

Полагаю, цикламены и сирень появились специально для зарубежных гостей. Дед и бабушка не были большими любителями цветов в горшках в доме.

Очевидно, что для остальных жен руководства Полина не могла быть лучшей подругой и становилась объектом нескончаемых великосветских сплетен. А маленькая Светлана росла в, мягко говоря, необычной для ее сверстников обстановке. Жизнь в Кремле для детей – особый опыт. С одной стороны, это возможность играть в салочки и казаков-разбойников на Соборной площади, прятаться в Царь-колоколе, играть в снежки и кататься на санках в Тайницком саду. С другой – это жизнь на режимном объекте, за стенами, под неусыпным взором охраны, возможность видеть вечно занятых родителей разве что за завтраком. В школе № 25 тоже были строгости. Марфа Пешкова – дочь Максима Горького, попавшая в нее после солнечной Италии, школу невзлюбила: «Дети ходят по струнке, женщины-учительницы снуют, подслушивают, кто что говорит. Есть в классе мальчик-наушник. Учились там также иностранцы – дети Поля Робсона, дети руководителей иностранных компартий под чужими именами. Помню, приехали в школу двое иностранцев, их должна была встречать отличница Светлана Молотова. Гости поднимались, Светлана спускалась, наряженная, как принцесса, и куда-то их повела. Все это казалось странным, неестественным»⁹²⁵.

К концу 30-х годов в семье Молотовых постоянно жило трое детей. Помимо Светланы – племянник Владик и девочка Соня. Брат Молотова Владимир умер в 1936 году, и его сын сначала бывал у Молотовых наездами. Но затем Владик переселился к ним. «Правда, комнату мне там отдельную не дали — кровать поставили в библиотеке. После переезда в Кремль в моей жизни произошли и другие перемены: школу я посещал ту же самую, но привозили меня туда на машине. Машина в данном случае была совсем не роскошью – действительно, было бы странно, если бы к кремлевским воротам каждый день подходил мальчик и говорил: дяденьки, пропустите, я здесь живу»⁹²⁶. Соня тоже рассказывала свою историю. Ее отец – рабочий,

мать мыла посуду на правительственных дачах. Жили в доме, где была приемная Калинина. Там Соню увидела Полина Семеновна и пригласила в гости к Светлане. Соня иногда оставалась ночевать, а потом и целыми днями стала жить в Кремле. Родители не возражали. Дело дошло до того, что в школе ей выдали похвальную грамоту: «Соне Молотовой»⁹²⁷.

Индустриализатор

Задачи, которые предстояло решать молотовскому Совнаркому, в феврале 1931 года сформулировал Сталин в речи перед работниками промышленности:

– Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут⁹²⁸.

Экономическую политику СССР, начиная с 1931 года, порой называют «неонэпом», отмечая возвращение к некоторым практикам предшествовавшего десятилетия. Молотов утверждал, что нэп вообще никто не отменял, и многие его элементы дожили до последних лет существования СССР⁹²⁹. Были осуждены теории отмирания товарно-денежных отношений и их замены на прямой продуктообмен. Материальные стимулы объявлялись долгосрочной основой экономического развития. Молотов считал, что «без осуществления принципа хозрасчета на практике, от завода до хозобъединения включительно, без того, чтобы на деле заставить считать рубли и копейки по каждой хозяйственной статье, нельзя навести нужного порядка в промышленности и во всей хозяйственной работе»⁹³⁰.

Принципы «социалистического хозрасчета» внедрялись со второй половины 1931 года и весь 1932 год, что означало переход от карточно-нарядной системы к финансовым платежам и обязательствам. Накопления предприятий аккумулировались в госбюджете через отчисления с прибыли и налог с оборота. Это позволило осуществлять массивные бюджетные инвестиции в производство. При этом основным инструментом регулирования становились определяемые сверху твердо-расчетные цены на товары и услуги – «социалистические цены», порой далекие от реальных. Для смягчения продовольственных проблем предприятиям было предложено создавать собственные хозяйства – заводские огороды и животноводческие фермы.

В деле повышения производительности, которая росла гораздо медленнее, чем хотелось (6,6 процента в 1931 году), на первый план выходили вопросы организации труда. Среди

главных задач Молотов называл борьбу «с обезличкой в отношении к машинам и механизмам и борьбу с уравниловкой в заработной плате, а также переход от самотека к организованному набору рабочей силы», «проведение сдельщины в оплате труда»⁹³¹. За первую пятилетку количество занятых в промышленности и строительстве вырастет с 3,7 до 8,5 миллиона человек. 7 миллионов были заняты на сезонных стройках. Безработица была ликвидирована⁹³². Росло и молодело население страны. В докладе о плане на 1931 год Молотов назвал цифру: за шесть лет население страны выросло на 20 миллионов человек и достигло 161 миллиона⁹³³.

Большевики вновь учились торговать. В начале 1931 года для торговли на валюту с иностранцами появилось Всесоюзное объединение «Торгсин», которое за год обросло пятьюдесятью отделениями во всех регионах страны. С 1932 года в магазинах «Торгсина», где было все, разрешили покупать товары на драгоценные металлы и валюту советским гражданам, благодаря чему бюджет получил в 1931 году 8 миллионов рублей, в 1932-м – 49,2 миллиона, в 1933-м – 106,3 миллиона⁹³⁴. Открылись коммерческие магазины. Молотов ставил перед кооперативами задачу «максимально развернуть сеть магазинов и тем самым улучшить порядок снабжения рабочих», что требовало «увеличения сети на сотни и тысячи магазинов». Цены в кооперативной торговле регулировались таким образом, чтобы обеспечить, словами Молотова, «нормальный процент прибыли – 2 процента по городской сети и 3 процента – по сельской сети. Проценты эти, конечно, как будто не большие, но ясно, что при развитии торгового оборота, при огромном обороте, который имеется у кооперативной системы, это имеет значение»⁹³⁵. По инициативе Молотова 18 сентября 1931 года было принято решение создавать универмаги ВСНХ, доступные для рабочих и служащих прикрепленных к ним заводов и фабрик. В розничном обороте доля коммерческой торговли выросла с 3 процентов в 1931 году до 24 процентов в 1934-м. Остальная часть фондов распределялась по карточкам и через систему закрытых распределителей. Торговля оживала, но и цены росли. Лиля Брик в мае 1931 года путешествовала на поезде из Москвы в Свердловск: «В ресторане ели рябчиков, жареные грибы и свежие огурцы. Дорого невысказанно!»⁹³⁶ В 1932 году коммерческие цены превышали карточные в 7,7 раза, в 1933 году – в 12–15 раз.

Отказывались от «спецедействия». В январе 1931 года директор металлургического завода в Днепропетровске Горбачев пожаловался Сталину на травлю со стороны партийной организа-

ции. Результатом стало решение Политбюро о запрете на снятие «директоров заводов всесоюзного значения без санкции ЦК и ВСНХ СССР». В июне Молотов возмущался: «До сих пор есть постоянные дежурные ГПУ, которые ждут, когда можно будет привлечь того или иного специалиста к ответственности. Ясно, что в таких случаях создают дело». 10 июля Политбюро лишило ОГПУ права на аресты коммунистов без ведома и согласия ЦК, а на аресты специалистов (инженерно-технический персонал, военных, агрономов, врачей) – без согласия соответствующего наркома. В тот же день объявлялась амнистия специалистам, осужденным к принудительным работам, отменялись ограничения к назначению специалистов на руководящие должности. Дети инженерно-технических сотрудников получали равные права с детьми рабочих при поступлении в вузы⁹³⁷.

Советское руководство исходило из неизбежности интеграции в мировую систему хозяйства: для целей индустриализации требовалось приобретать целые заводы, нанимать иностранных специалистов, расплачиваясь твердой валютой. В 1929–1940 годах в СССР было ввезено 300 тысяч новейших станков, причем 80 процентов импорта технологий пришлось на годы первой пятилетки. Советский Союз был единственной крупной страной, увеличившей в годы Великой депрессии свой импорт. «Очевидно, здесь имело значение и то обстоятельство, что капиталисты, торгующие с СССР, не встречаются у нас с такими фактами, как банкротство тех, с кем торгуешь»⁹³⁸, – иронизировал Молотов. Удельный вес СССР в мировом импорте промышленного оборудования составил в 1930 году 30 процентов, а в 1932-м – 50 процентов. Американские, немецкие и другие западные инженеры участвовали в проектировании и строительстве предприятий. Производство, таким образом, строилось по самым передовым технологиям⁹³⁹.

Валюту давал только экспорт, в том числе хлеба. Вывоз зерна в 1930 году достиг 4,8 миллиона тонн, а в 1931-м – 5,2 миллиона тонн при валовых сборах соответственно 83,5 и 69,5 миллиона тонн. Но затем масштабы экспорта стали сокращаться – 1,8 миллиона тонн в 1932 году и около 1 миллиона в 1933 году. Валюту давал не только хлеб. В 1932–1933 годах, когда мировые цены на сырье резко упали, выручка за проданное зерно составила 369 миллионов рублей, а за нефтепродукты и лес – 1,4 миллиарда. В 1933 году выручка от экспорта зерна составила лишь 8 процентов от общих экспортных доходов⁹⁴⁰.

Несмотря на все сложности во взаимоотношениях с западным миром, ухитрялись получать кредиты. Сталин и Молотов, находясь в отпуске, 5 сентября 1931 года телеграфируют в Центр:

«Старое соглашение Пятакова с французами лишается всякого смысла для нынешней обстановки, когда мы имеем лучшие условия кредита в Германии, Италии, Англии. Либо французы принимают итало-германские условия кредита, либо могут убраться к черту»⁹⁴¹. Вместе с тем положение с валютой было отчаянным, и Сталин с Молотовым всячески боролись с аппетитами своих коллег, стремившихся решить проблемы лично курируемых отраслей именно с помощью импорта. В 1931 году образовался огромный дефицит внешней торговли – 300 миллионов золотых рублей. Молотов предлагает решительно пересмотреть импортный план в сторону уменьшения. Сталин 24 сентября пишет ему: «Ты прав, что ввиду новых обстоятельств (финансовый кризис в Англии и т. п.) придется *сократить* наш импорт»⁹⁴². Розенгольц отрапортует о сокращении сальдо до 134 миллионов в 1932 году и об активном балансе в 150 миллионов золотых рублей в 1933-м. Этому способствовал и значительный рост экспорта, в структуре которого 70 процентов приходилось уже на долю промышленной продукции⁹⁴³. И это при том, что в отношении СССР, как водится, действовали многочисленные ограничения.

Кроме того, на Западе началась кампания против наплыва дешевых зарубежных товаров, душащих местное производство. Великобритания выступила за адресный бойкот советских товаров, поскольку в их создании якобы использовался принудительный труд. «Господа консерваторы, известные не с сегодняшнего дня как матерые рабовладельцы, особенно известные по этой части в колониях, упражняются сейчас в криках о принудительном труде в Советском Союзе»⁹⁴⁴, – бушевал Молотов. В США был даже принят закон против ввоза иностранных товаров, произведенных «при помощи труда заключенных».

При этом советский премьер, отрицая использование заключенных в основных отраслях экономики, не скрывал «того факта, что *труд заключенных*, здоровых и способных к труду, у нас применяется на некоторых коммунальных и дорожных работах. Мы делали это раньше, делаем теперь и будем делать впредь. Это выгодно для общества. Это полезно для преступников, ибо приучает к труду и делает их полезными членами общества... Какой бы вой ни поднимала буржуазная пресса за границей, мы не откажемся от этих работ и от применения труда заключенных в этом строительстве. Пусть и труд заключенных идет на пользу народов СССР»⁹⁴⁵.

Летом 1931 года получила одобрение инициатива ОГПУ о широком использовании заключенных на стройках, лесозаготовке, на шахтах – преимущественно в отдаленных неосвоен-

ных районах, куда иными способами привлечь рабочую силу было невозможно. Аббревиатура «ГУЛАГ» появилась еще до премьерства Молотова – 9 ноября 1930 года, когда приказом ОГПУ был объявлен штат Главного управления лагерей. 2 июня 1931 года в составе ГУЛАГа был организован Отдел по спецпереселенцам, который занимался в основном выселяемыми кулаками. Первым крупным строительным объектом стал Беломорканал. В ноябре постановлением СТО для добычи золота в верховьях реки Колымы был образован «Дальстрой». Его «владения» за первые шесть лет существования увеличились с 400 тысяч до миллиона квадратных километров. В постановлении Совнаркома от 25 ноября 1932 года названы важнейшие проекты ОГПУ: окончание работ на Беломорстрое; строительство канала Москва–Волга и БАМа; Колыма; работы на Ухте и Печоре; заготовка дров для Москвы и Ленинграда⁹⁴⁶. Численность исправительно-трудовых лагерей постоянно росла: в 1930 году среднегодовое количество заключенных в них составляло 190 тысяч человек, в 1934-м – 620 тысяч, в 1938-м – 1 миллион 313 тысяч, в 1941 году – 1 миллион 560 тысяч⁹⁴⁷.

...В высшем руководстве шли постоянные споры о темпах индустриализации. Сталин, по словам Микояна, «поддерживал всемерно это дело, иногда в борьбе с Молотовым как Председателем Совнаркома, который экономил деньги»⁹⁴⁸. Молотов полагал, что инвестиции в строительство новых производств стоило умерить, чтобы запускать в дело уже сооруженные. Он приводил пример со Сталинградским тракторным заводом, который был построен рекордными в мировой практике темпами, но затем несколько месяцев не мог начать выпуск продукции: «Со строительными задачами даже крупнейшего масштаба мы уже начали справляться сравнительно неплохо. Другое дело – с организацией новых сложных производств. Тут сильно сказывается наша производственная слабость и наша техническая отсталость»⁹⁴⁹.

В 1932 году Молотову удалось своего добиться: в августе впервые за годы индустриализации было принято решение о существенном сокращении капитальных вложений, наиболее крупном – в тяжелую промышленность. В мае 1934 года Молотов вновь убеждал Куйбышева: «Нам нужно передвигать все материальные ресурсы в сторону *производства*, а этого нельзя сделать без сокращения некоторых чрезмерно раздутых планов строительства»⁹⁵⁰.

Рост в годы первой пятилетки и без того был ощутим, особенно в машиностроении. «По сравнению с 1913 г. продукция машиностроения в 1932 г. возросла в 10 раз. Мы добились того,

что в мировой продукции машиностроения удельный вес СССР с 4 процентов в 1928 г. вырос до 21,4 процента в 1933 г.». Для промышленного роста создавалась адекватная сырьевая база, скачкообразно увеличивалось производство чугуна, марганца, серного колчедана, селитры, цинка, меди, олова, хлопка. Был создан ряд новых отраслей химической промышленности – азотная, коксохимическая, анилокрасочная, калийная, апатитовая и др.⁹⁵¹ Высокая зависимость от внешних поставок сохранялась по ферросплавам, никелю, свинцу, алюминию, взрывчатым веществам. Но главным сдерживающим фактором в промышленности, особенно в военной, станет неспособность наладить производство больших объемов высококачественной стали.

С приходом Молотова в СНК обозначился поворот сначала к расширению военных программ, а затем и к созданию разветвленной системы массового оборонного производства. В этих целях изначально создавались не только предприятия, но и целые отрасли. Сталин тоже менял отношение к оборонным вопросам и в письме Тухачевскому 7 мая 1932 года извинялся за свою прежнюю жесткость в оценке его предложений о резком увеличении оборонного потенциала. «Нет нужды доказывать, что не количество дивизий, а прежде всего их качество, их насыщенность техникой и по-новому организованной – будет вполне достаточно для того, чтобы отстоять независимость нашей страны на всех без исключения фронтах. А такая армия нам более или менее по силам»⁹⁵². Непосредственной причиной изменения его позиции стала агрессия Японии в Маньчжурии, о чем чуть ниже.

Производство вооружений по плану 1931 года должно было вырасти на 125 процентов, причем скорректированный в марте мобилизационный план предусматривал переход на производство исключительно «новых и модернизированных образцов». В итоге план был реализован всего на 68 процентов⁹⁵³. В 1932 году оборонный бюджет вырос на беспрецедентные 120 процентов, капитальные вложения в промышленность вооружений – на 57 процентов. Вместе с тем высшее политическое руководство сдерживало растущие запросы военных. В июле 1932 года Сталин писал Молотову и Кагановичу: «Военный бюджет 1933 г. (включая всё, в том числе и увеличение жалования красноармейцам и начсоставу в 1933 г.) должен быть составлен в пределах 5–6 миллиардов руб. и лишь в случае крайней необходимости может быть доведен до 6 (шести) миллиардов... План развертывания армии (в 1933 г.) в случае войны, представленный штабом, слишком раздут, до безобразия раздут и очень обременителен для государства»⁹⁵⁴.

Машинизация армии была провозглашена главной задачей первой пятилетки, число танков планировалось увеличить в 15 раз. Первоначально сосредоточились на легких колесно-гусеничных танкетках, малых и средних маневренных танках. Производство брони обеспечивали Ижорский, Мариупольский и Кулебакский заводы, Подольский крекинг-завод, началось создание броневой базы на Урале. Моторы изготавливали на Нижегородском заводе, сборка танков шла на Сталинградском тракторном и Харьковском паровозостроительном заводах.

В начале 1930-х годов началась революция в авиастроении – переход от дерева к металлу. Это требовало качественных прорывов в производстве моторов, комплектующих, приборов, вооружений, авиационного топлива. Первоочередной упор Сталин и Молотов решили сделать на тяжелые бомбовозы, бронированные армейские разведчики, войсковые разведывательные истребители, самолеты связи. Перед комиссией во главе с Куйбышевым была поставлена задача в течение двух-трех лет опередить зарубежных конкурентов. По ее предложению СТО увеличил план производства самолетов до 7490 в 1932 году и до 34 300 машин в 1935 году. Предписывалось построить 104 аэродрома для легкой авиации, 67 – для тяжелой, реконструировать 52 аэродрома⁹⁵⁵.

С очень низкой точки создавалась система ПВО: к 1932 году в СССР было всего 762 зенитных орудия. Постановление СНК от 5 апреля 1932 года «О состоянии и развитии противовоздушной и противохимической обороны» предлагало строить ее «главным образом на мощном развитии воздушного флота, в частности истребительной авиации (перехватчиков), а также на усилении зенитных средств, развертывании сети службы ВНОС (войска воздушного наблюдения, оповещения и связи. – В. Н.) и применении прочих средств местной защиты». Намечалось строительство завода точной электромеханики (ЗАТЭМ) с расчетом на выпуск уже в 1933 году 400 приборов управления артиллерийским зенитным огнём (ПУАЗО) «Сперри» и 200 звукоулавливателей «З-Т-4», нового прожекторного завода в Москве, заводов по производству зеркальных отражателей в Павшине и Константиновке, запустить производство аэростатов заграждения. В мае 1932 года в молотовскую Комиссию обороны обратился Тухачевский с докладом об организации Реактивного научно-исследовательского института. Соответствующее решение СТО примет в октябре следующего года, отметив перспективность применения реактивных двигателей «в артиллерии, авиации и химии». Первым директором Реак-

тивного института стал Иван Клейменов, а его заместителем – Сергей Королев.

Программу судостроения Комиссия обороны утвердила 11 августа 1931 года. Упор делался на «сочетании и одновременном развитии надводного и подводного флотов, береговой обороны, морской авиации, минно-позиционных средств» с большим акцентом на подводный компонент⁹⁵⁶. Разворачивались дополнительные производственные мощности в Мариуполе, Архангельске и Хабаровске, расширялись порты, строилась база подводных лодок во Владивостоке, куда были направлены все выпускавшиеся подлодки. Параллельно была запущена программа создания морской авиации.

Артиллерия отказывалась от трехдюймовок. В мае – июне 1931 года Комиссия обороны приняла решение о внедрении сразу десяти новых артиллерийских систем. К 1934 году надо было перевооружить 25 корпусных артиллерийских полков и 30 полков артиллерии резерва Главного командования (АРГК). С 1932 года на вооружение поступили 45-мм противотанковая пушка и 203-мм гаубица. Усилиями КО была создана собственная авторемонтная база РККА, нередко исправлявшая заводской брак. Химическая промышленность активно увеличивала производство таких отравляющих веществ, как иприт, фосген, адамсит, разрабатывались и новые ОВ – люизит, синильная кислота⁹⁵⁷.

Беда была со связью. В постановлении Комиссии обороны от 20 июля 1931 года отмечалось преобладание «имущества старых заготовок (периода империалистической войны)», а обеспеченность РККА радиостанциями по нормам военного времени оценивалась в 3,7 процента. В октябре 1931 года КО приняла решение о поставке в РККА шести тысяч радиостанций и телемеханических устройств – радиомачт, радиомаяков, пеленгаторных станций, телефонов, световых устройств. Флагманом выступал ленинградский завод «Светлана», намечался запуск заводов точной электромеханики, «Радиоприбор», «Мосрадио», «Радиолампа»⁹⁵⁸.

Госплан фиксировал невыполнение годовых заданий оборонной промышленности – если в 1929 году отраслевой план был выполнен на 100,2 процента, то в 1932-м – лишь на 80,7 процента⁹⁵⁹. Тем не менее за пять лет количество самолетов выросло с 1000 до 5 тысяч, танков – с 73 до 10 тысяч, военных грузовиков – с 1000 до 12–14 тысяч, артиллерийских орудий – с 7 до 17 тысяч, тяжелых пулеметов – с 26 до 51 тысячи. СССР уже не уступал ни одной стране мира по количественным параметрам боевой техники, но производственный потенциал

ведущих западных стран, то есть их способность нарастить ее выпуск в военное время, сильно превышал советский.

Итоги выполнения плановых заданий первой пятилетки – вопрос темный. Еще в 1932 году было официально заявлено о завершении пятилетки за четыре года и три месяца. Затем Молотов не менее официально говорил о выполнении планов по промышленности лишь на 93,7 процента и объяснял причину отставания: «Международная обстановка и необходимость значительного усиления обороноспособности страны с переключением ряда предприятий на производство современных средств обороны заставили СССР пожертвовать некоторыми интересами в развитии общей промышленности»⁹⁶⁰. В трудах западных историков называется цифра в 60 процентов⁹⁶¹. Но мало кто спорит с тем, что Советский Союз демонстрировал самые высокие в мире темпы экономического роста, что были построены 1500 крупных промышленных объектов, появились новые отрасли экономики. В 1933 году Сталин говорил: «У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь. У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь...»⁹⁶² Далее перечислялись химическая, авиационная промышленность, производство сельскохозяйственных машин.

Молотов, подводя итоги пятилетки, отнес к ее успехам подъем тяжелой промышленности, что позволило получить «собственную базу для завершения технической реконструкции всего народного хозяйства», ускоренную перестройку «сельского хозяйства на базе коллективизма и высокой машинной техники», ликвидацию безработицы и «создание новой металлургической базы на востоке, в Уральско-Кузнецком районе». Производство тракторов выросло в 38 раз, автомобилей – в 30 раз. Горьковский автозавод выпустил первые легковые автомобили, которые Молотова, впрочем, не сильно впечатлили:

– Оказалось, что в некотором отношении эти автомобили еще совсем плохи. Это прежде всего относится к кузову и его внутренней обшивке, к устройству дверей и ручек и т. п. Но нам ведь нужен не просто хороший мотор для автомобиля, не просто прочное шасси и руль – нам нужен, проще сказать, хороший легковой советский автомобиль и притом такой, чтобы в нем можно было ездить *не хуже*, чем в буржуазном автомобиле⁹⁶³.

В пищевой промышленности, отчитывался Молотов, в первую пятилетку создан ряд новых отраслей:

– Мясная индустрия с такими мощными и первоклассно технически вооруженными предприятиями, как Московский и Ленинградский мясокомбинаты; мощная консервная промышленность; механизированное хлебопечение в таких городах, как Москва, Ленинград и др.; маргариновая, гидрогенизационная, плодоовощная и ряд других отраслей. Много сделано в техническом перевооружении рыбной промышленности. Организовано крупное холодильное хозяйство в наиболее важных индустриальных центрах⁹⁶⁴.

Молотов называл три основных провала плана первой пятилетки: «Мы не выполнили задания по поднятию производительности труда в промышленности. Мы не выполнили также наметки пятилетки в отношении роста урожайности. Мы находимся здесь все еще на очень низком уровне, значительно более низком, чем в наметках пятилетки. Мы не выполнили, и чувствуем каждый день, что не выполнили, задач по реконструкции транспорта, железнодорожного в особенности»⁹⁶⁵. Ну и, конечно, медленно росло производство товаров широкого потребления.

Все эти проблемы оказались в центре уже составленного второго пятилетнего плана. Молотов рассказывал, что тот доклад, с которым он выступал на XVII партконференции по второй пятилетке, – первый в его жизни, который был заранее написан и зачитывался им по тексту. Слишком уж он был детальным, с обилием цифр и таблиц. Резолюцию по докладу писали ночью накануне конференции на даче Молотова вторым – с Куйбышевым и Межлауком.

В докладе Молотова были определены узловые точки роста экономики СССР: «Производство электроэнергии должно подняться в течение второй пятилетки в шесть раз. Машиностроение должно подняться не менее чем в 3–3½ раза. По основным видам топлива – по нефти и углю – намечается рост в 2½–3 раза. Наконец, по производству предметов широкого потребления намечено увеличение продукции не менее, чем в 2–3 раза».

Завершил же он свою речь на XVII партконференции словами, встреченными овациями:

– У нас есть непоколебимая уверенность в том, что капитализм с его Аль Капоне идет к гибели, а наше дело с его ударниками социализма идет к полной победе⁹⁶⁶.

Принятый план ввода новых предприятий в абсолютных цифрах – 133 миллиарда рублей – втрое превышал затраты в годы первой пятилетки, причем темпы увеличения капитальных затрат в легкой и пищевой промышленности были почти в два раза выше темпов тяжелой промышленности⁹⁶⁷. Изна-

чально планом второй пятилетки предполагалось сохранить оборонные расходы на стабильном уровне. Но приход к власти фашистов в Германии заставил внести существенные коррективы. За вторую пятилетку на нужды Наркомата обороны было потрачено не 28,8 миллиарда рублей, как было предусмотрено вначале, а 50,4 миллиарда⁹⁶⁸. Потребовалась и более жесткая централизация управления промышленностью. В ведении республик остались лишь предприятия местной промышленности, выпускавшие в основном ширпотреб из местного сырья. К середине 1930-х годов была ликвидирована вся система совнархозов, трестов и синдикатов, а предприятия лишились права устанавливать цены, распоряжаться капиталовложениями и продукцией⁹⁶⁹.

Коллективизатор

В 1931 году недород поразил пять крупных хлебопроизводящих районов: Зауралье, Башкирию, Западную Сибирь, Поволжье, Казахстан. Но, несмотря на это, государственные заготовки хлеба увеличились. Колхозы везли на элеваторы не только товарное, но и значительную часть продовольственного зерна. В деревню дополнительно направили 50 тысяч уполномоченных. Микоян докладывал, что на 25 октября годовой план хлебозаготовок был выполнен лишь на 54,5 процента⁹⁷⁰. 5 декабря Сталин и Молотов направили крайкомам и обкомам телеграммы, призывавшие использовать в отношении колхозов, не выполнивших планы хлебозаготовок, такие меры, как досрочное взыскание кредитов, прекращение обслуживания МТС, принудительное изъятие имевшегося зерна.

Новый, 1932 год Молотов встретил на Украине, куда отправился 28 декабря (вернулся он в Москву 3 января). 29 декабря 1931 года выходит постановление Политбюро ЦК КП(б)У, которое, «заслушав и обсудив сообщение представителя ЦК ВКП(б) – т. Молотова, признает, что полное выполнение установленного плана хлебозаготовок на Украине (510 млн пуд.) является безусловной необходимостью и диктуется всей политической и, в частности, международной обстановкой». Украинский ЦК объявлял январь «ударным, боевым месяцем окончания хлебозаготовок»⁹⁷¹.

11 января 1932 года ПБ обязало ЦК компартий республик, крайкомы и обкомы помимо «установленного для области (края, республики) годового плана хлебозаготовок продолжать заготовки сверх плана». Несмотря на посредственный урожай –

69 миллионов тонн, было тем не менее заготовлено рекордное количество зерна – 22,8 миллиона тонн. Воодушевленное успехами хлебозаготовок, правительство наметило на следующий год план в 29,5 миллиона.

В первой половине 1932 года вновь начался массовый выход из колхозов – только в РСФСР их покинуло 1,37 миллиона хозяйств, на Украине – 41,2 тысячи. Среди называвшихся в Москве причин были отмечены «продовольственные трудности», «низкая оплата трудодня», «обобществление последней коровы». В Казахстане и Таджикистане начались откочевки, в том числе и за рубеж – в Китай, Афганистан. На Украине и в Казахстане фиксировался голод. В первом квартале года было зарегистрировано 576 крестьянских выступлений против хлебозаготовок, во втором – более тысячи. В городах количество людей, получавших продовольствие по карточкам, увеличилось с 26 миллионов в 1930 году до 40 миллионов в 1932-м. Нормы для рабочих сократились, а для членов их семей карточки вообще перестали выдавать. Начались антиправительственные выступления в городах⁹⁷². Продовольственный вопрос стал центральным. Руководству страны предстояло пройти по узкой грани: с одной стороны, недостаточная заготовка продовольствия грозила голодом в городе и армии, с другой – жесткие меры по увеличению заготовок неизбежно вели к голоду в деревне.

Первоначальные шаги были в пользу деревни. 16 февраля 1932 года вышло постановление СНК и ЦК «О сборе колхозных семенных фондов и о мерах семенной и продовольственной помощи районам, пострадавшим от засухи». В качестве крайнего срока окончания засыпки семян для Украины, Нижней Волги, Северного Кавказа, Крыма и Средней Азии устанавливалось 10 марта, для остальных регионов – 1 апреля. «Вместе с тем, – подчеркивал Молотов, – необходима усиленная работа по организации огородов и пригородных хозяйств, по развертыванию разного рода подсобных хозяйств у рабочих кооперативов, столовых общественного питания и т. п.». Постановление ЦК от 27 марта обязывало партийные, советские и колхозные организации содействовать колхозникам в покупке и выращивании личного скота, чтобы у каждого из них «были своя корова, мелкий скот, птица». Правда, на местах не спешили возвращать скот крестьянам, рассматривая это как недопустимое отступление перед частнособственническими настроениями. Часто и возвращать было нечего – все давно ушло на мясозаготовки⁹⁷³.

Постановление Политбюро от 1 апреля, принятое по докладом Сталина и Молотова, предусматривало «увеличить в

1932 г. фонды завоза промтоваров в деревню по 12 планируемым товарам на 329,3 млн руб. сверх утвержденного Госпланом фонда в размере 1,5 млрд руб., по непланируемым товарам на 275 млн руб., а всего на 604,3 млн руб.»⁹⁷⁴. План хлебозаготовок на 1932 год после корректировок был уменьшен до 20,6 миллиона тонн (на 30 процентов ниже первоначального). 20 мая было принято постановление о порядке торговли колхозов, колхозников и единоличников и уменьшении налога на торговлю сельскохозяйственной продукцией⁹⁷⁵. «Уменьшая план хлебозаготовок в этом году для колхозов и трудящихся крестьян, мы приняли увеличение плана хлебозаготовок для совхозов и особо указали на то, что после окончания хлебозаготовок должна беспрепятственно развернуться колхозная торговля хлебом. Это постановление должно быть выполнено в точности»⁹⁷⁶, – подтверждал Молотов. Впрочем, меры эти не привели к умиротворению деревни, но вызвали скачок цен на городских базарах.

В середине мая Молотов был командирован на Урал. Не успел он вернуться, как комиссии во главе с Молотовым было предписано выехать на Украину, чтобы принять меры для максимального развертывания посевной кампании. 26 мая он прибыл в Харьков, провел заседание украинского ПБ и по итогам направил в Москву телеграмму. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило немедленно выдать Украине семенную ссуду в размере 52 800 тонн из фондов Комитета резервов, а также перебросить в республику зерно из Белоруссии и из Новороссийского порта. 5 июня ПБ решило дополнительно завезти на Украину 26 080 тонн зерна из Средней Азии⁹⁷⁷. В июле Молотов назовет общую цифру семенной и продовольственной помощи проблемным регионам: «Для этой цели государство выделило за последние месяцы 107 млн пудов зерна»⁹⁷⁸.

Аграрная политика в решающей степени зависела от видов на будущий урожай, размеры которого оценивались профильными ведомствами. Первые оценки Комзага были очень оптимистичными – 90,7 тонны, что было выше планового показателя. Но затем под влиянием негативных погодных факторов эта цифра покатила вниз. 20 июня, по сведениям Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ), она составила 76,4 миллиона, 1 июля – 73,3 миллиона тонн⁹⁷⁹. 7 июня Молотова назначили председателем комиссии, ответственной за урожай 1932 года. В середине июня украинское руководство вновь запросило продовольственную помощь. Сталин 15 июня высказал мнение, что «Украине дано больше, чем следует. Дать еще хлеб незачем и неоткуда»⁹⁸⁰. Было выделено продовольст-

вие в ограниченном объеме за счет неиспользованной семенной ссуды. 18 июня Сталин писал Кагановичу и Молотову, что хотя ЦК и СНК приняли постановление о снижении плана хлебозаготовок, в целях «стимулирования посевной работы»⁹⁸¹ доводить до села сниженные планы не следует.

Украине по-прежнему уделялось особое внимание. Сталин 2 июля писал Молотову и Кагановичу: «Если поедете на украинскую конференцию (а я на этом настаиваю), примите там все меры к тому, чтобы переломить настроение работников, изолировать плаксивых и гнилых дипломатов (невзирая на лица!) и обеспечить подлинно-большевистские решения конференции»⁹⁸². Молотов и Каганович отправились в Харьков. 6 июля с их участием состоялось заседание ПБ, на котором был признан «правильным установленный ЦК ВКП(б) план хлебозаготовок селянскому сектору в размере 356 млн пудов»⁹⁸³. Они рассказывали Сталину по горячим следам: «Все члены Политбюро, включая Скрыпника, высказались за снижение плана, ссылаясь на недосев зерновых – 2,2 млн гектар и гибель озимых – 0,8 млн гектар. Мы категорически отклонили пересмотр плана, потребовав мобилизации партсил для борьбы с потерями, разбазариванием хлеба и на укрепление колхозов»⁹⁸⁴. Новая техника в первую очередь поступала на Украину. Молотов отмечал, что «45 процентов всех посевных площадей на Украине уже обслуживаются машинно-тракторными станциями»⁹⁸⁵.

Погодные условия не предвещали ничего катастрофического. Засухе подверглись некоторые районы Украины и Северного Кавказа, Нижнее Поволжье, но по сравнению с предыдущим годом недород был значительно меньше. 24 июля в письме Молотову и Кагановичу Сталин подтверждает установку на «безусловное выполнение плана хлебозаготовок по СССР». Однако он полагал, что «придется сделать исключение для особо пострадавших районов Украины. Это необходимо не только с точки зрения справедливости, но и ввиду особого положения Украины, общей границы с Польшей и т. п. Я думаю, что можно было бы скостить колхозам особо пострадавших районов половину плана, а индивидуалам треть»⁹⁸⁶.

Но крестьяне всеми правдами и неправдами оттягивали выполнение хлебозаготовок, не надеясь на обещанное авансирование в ходе уборки. Сводки ОГПУ были полны сообщениями о «росте неорганизованного отходничества», «массовых выходах из колхозов», «разборе скота, имущества и сельскохозяйственного инвентаря», «самочинном захвате и разделе земли и посевов»⁹⁸⁷. Сталин инициировал издание закона в защиту общественной собственности. Закон от 7 августа вводил

«в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества». Общее число осужденных достигнет 54 645 человек, к высшей мере будут приговорены 2110 человек, реально расстреляны – около тысячи⁹⁸⁸.

11 августа Сталин пишет Кагановичу: «Дела на Украине из рук вон плохи. Плохо по партийной линии. Говорят, что в двух областях Украины (кажется, в Киевской и Днепропетровской) около 50 райкомов высказались против плана хлебозаготовок, признав его нереальным. Это не партия, а парламент, карикатура на парламент»⁹⁸⁹. 16 августа Сталин и Молотов дают указание Кагановичу: «Ввиду тяжелого положения на Украине считаем совершенно необходимым срочное привлечение войск как к уборочной, так и прополочной работе». В тот же день планы хлебозаготовок на Украину были в очередной раз (негласно) снижены на 655 тысяч тонн. Ожидали новых оценок урожая. 20 августа ЦУНХУ назвало 67 миллионов, Наркомзем – 71,1 миллиона⁹⁹⁰. Мало, но ничего катастрофического.

Между тем начал выясняться полный провал хлебозаготовок. 22 октября ПБ приняло решение: «В целях усиления хлебозаготовок командировать на две декады полномочные комиссии под руководством В. М. Молотова на Украину и под руководством Л. М. Кагановича – в Северо-Кавказский регион»⁹⁹¹. Украинское ПБ вместе с Молотовым признали «ход хлебозаготовок за октябрь исключительно неудовлетворительным: на 25 октября выполнено только 39 процентов годового плана хлебозаготовок». Премьер направил Сталину телефонограмму: «Я высказался за возможность пойти на снижение плана на 60–70 млн с тем, чтобы оставшийся план в 165–175 млн пуд. вместо 250 млн пуд. был выполнен безусловно полностью... Пришлось жестко покритиковать украинскую организацию и особенно КП(б)У за крайнюю демобилизованность в хлебозаготовках, наличие которой члены ЦК полностью подтвердили». На следующий день Молотов добавлял: «Окончательно дополнительное снижение плана хлебозаготовок установлено для Украины в 70 млн пуд.».

Знакомство с ситуацией на месте вскрыло и множество фактов воровства и коррупции со стороны новоиспеченного (другого и не было) колхозного начальства. 5 ноября Молотов и секретарь ЦК КП(б)У Хатаевич дали директиву обкомам: «В сообщениях областных органов ОГПУ имеется много сведе-

ний о расхищении, преступном разбазаривании и сокрытии колхозного хлеба при участии и под руководством правлений колхозов»⁹⁹². В ноябре – начале декабря в связи с хлебозаготовками на Украине было арестовано 1230 человек, в том числе 340 председателей колхозов. На объединенном заседании ПБ и Президиума ЦКК 27 ноября Молотов делился свежими впечатлениями от поездок по Украине:

– Приезжаешь, например, в район, богатый хлебом, но проваливающий план хлебозаготовок, и, как правило, встречаешься здесь с руководителями, спокойно и по внешности рассудительно доказывающими, что у них все обстоит более или менее благополучно, что иначе и не может быть. Эти люди готовы «сожалеть» насчет срыва хлебозаготовок, «признавать» свою вину и вообще заниматься «самокритикой» и, изображая себя «проводниками» генеральной линии, на деле прикрывать все и всякие факты перерожденчества в партийной организации, воровства и саботажа хлебозаготовок в колхозах, потакательства кулаку и прочей антисоветской сволочи со стороны местных советских и партийных органов. 200 тысяч колхозов создано, но не всеми этими колхозами мы по-большевистски уже овладели⁹⁹³.

После снижения плана заготовок и возвращения части зерна в деревню (5,76 миллиона тонн) у крестьян по идее должно было остаться больше хлеба, чем годом раньше, и больше, чем будет оставаться в последующие годы, когда голода не было⁹⁹⁴. Но, похоже, был просчет в оценке урожая. Подсчитали его уровень биологический – на корню, тогда как были серьезные потери при уборке и особенно хранении, которое организовывалось по принципу «подальше от хлебозаготовителей». 10 декабря на ПБ заслушали Косиора и работу по хлебозаготовкам на Украине признали неудовлетворительной. Кагановичу и Постышеву поручили немедленно выехать на Украину. В письме ЦК КП(Б)У секретарям райкомов, главам исполкомов и уполномоченным обкомов содержалось указание – «все без исключения колхозные фонды, в том числе и семенной», забирать в счет выполнения плана хлебозаготовок в тех колхозах, где план выполнен не был⁹⁹⁵. К этому вынуждала ситуация в городах, в некоторых из них по карточкам выдавалось 200 граммов хлеба в день – как позднее в блокадном Ленинграде. Регионы, выполнившие планы хотя бы на 80 процентов, оставляли в покое, остальные заносили на «черные доски» – туда не поставляли промышленную продукцию. В результате заготовок 1932 года оба сектора – социалистический и частный – дали 18,5 миллиона тонн зерна – примерно на 10 процентов меньше сокращенного

плана, причем основные недопоставки пришлись на Украину и Северный Кавказ.

Меж тем голод охватил многие регионы страны. Пензенский историк аграрной политики Виктор Кондрашин пишет: «Хлебозаготовки 1932 г. и связанная с ними кампания по засыпке семенных фондов стали непосредственной причиной голода, так как лишили деревню хлеба, а нередко и всего продовольствия. В 1933 г. интенсивность голода в сельских районах Поволжья, Южного Урала, Дона и Кубани была высока. В эпицентрах голода наблюдалась массовая смертность, имели место случаи людоедства, захоронений умерших в общих могилах без гробов»⁹⁹⁶. Однако в Москве ощущения катастрофы не было. Постановлением «О семенной и продовольственной помощи колхозам и совхозам Северного Кавказа и Украины», подписанным Сталиным и Молотовым 18 февраля, предусматривалось: «Определить размер семсуды совхозам и колхозам по Северному Кавказу в 15 300 тыс. пудов... Для оказания продовольственной помощи нуждающимся колхозам отпустить на время весенних полевых работ 2 млн пуд. зерна (ржи и кукурузы) с расчетом их завоза до распутицы. Сверх того отпускать ежемесячно до нового урожая, начиная с марта мес., для рабочих Зернотреста, Сортсептреста и Госпромсовхозтреста 1200 т, для рабочих МТС – 400 т, для специалистов на селе (учителя, агрономы, медработники) – 800 т и для красноармейцев-переселенцев – 350 т»⁹⁹⁷. 25 февраля вышло распоряжение «субсидировать посевное зерно» для следующего урожая – 325 тысяч тонн было выделено Украине. 28 февраля ПБ приняло решение развернуть в Москве, Ленинграде и Харькове свободную продажу хлеба в специальных магазинах. Эта практика привилась, и к осени торговля хлебом велась уже в 145 городах, было выручено 950 миллионов рублей⁹⁹⁸.

Решения о выделении продовольственной помощи принимались в Москве на основе поступающей с мест информации. Наиболее угрожающей выглядела ситуация в Казахстане. Начали раздаваться и серьезные сигналы с Украины. В начале марта киевский областной отдел ГПУ называл такие цифры: 26 525 голодающих семей, количество умерших от всех причин – 12 801⁹⁹⁹. В Донецкой области было зафиксировано 1008 голодающих семей. ОГПУ Северо-Кавказского края располагало информацией («по далеко не полным данным») о 740 умерших от голода. По сводке ГПУ УССР от 12 марта, по всей Украине в феврале – марте насчитывалось 2487 умерших. «Преобладающее количество голодающих – колхозники. К ним относятся, главным образом, многосемейные хозяйства, выработавшие

незначительное количество трудодней»¹⁰⁰⁰. Руководствуясь именно этой сводкой, 15 марта Косиор сообщал в ЦК: «В настоящее время наряду с сообщениями о ходе подготовки к севу из всех областей поступают сообщения о тяжелом продовольственном положении и с требованием помощи. Если в прошлом году замалчивали о тяжелом положении в районах, то в этом году наоборот – всячески стремятся выпятить наиболее тяжелые случаи, собрать и обобщить цифры... Пока что 60 процентов всех сведений о количестве голодающих и больше 70 процентов зарегистрированных случаев смертей приходится на Днепропетровск». Он сообщал о выделении помощи из республиканских резервов Днепропетровской, Одесской, Киевской областям, Донбассу и информировал, что «уже в начале сева безусловно потребуются продовольственная помощь Киевской обл., Донбассу, АМССР, а также Днепропетровской, Харьковской и Винницкой обл.»¹⁰⁰¹.

1 апреля ОГПУ сообщало о начале голода на Нижней Волге и в Центрально-Черноземной области. 3 апреля поступила такая же информация по Дальневосточному краю и Уральской области. «Наряду с этим по Уралу наблюдается рост эпидемических заболеваний (сыпняк, брюшняка, цинга)»¹⁰⁰². В апреле крестьянам на Украине стали отпускать зерно из армейских запасов, кормить вышедших на посевную. Дополнительно республике было выделено 80 тысяч тонн зерна на продовольственные нужды. Общая помощь Украине к апрелю превысила 560 тысяч тонн. Северный Кавказ получил семенную ссуду в размере 240 тысяч тонн. Только помощь голодающим районам страны в 2,5 раза превышала объем зернового экспорта за тот же период. Полностью остановить экспорт тоже было опасно: на Западе уже всю говорили о конфискации советской собственности за границей и об отказе в кредитах в случае невыполнения СССР своих обязательств¹⁰⁰³.

Крестьяне, даже в голодающих районах, вышли на посевную. Выступая на съезде колхозников-ударников Средней Волги, Молотов констатировал, что сев шел заметно лучше, чем в предшествовавшие два года, немного уступая лучшему в советское время 1930 году.

– Самая важная черта наших колхозов, отличающая эту весну от прошлой весны, заключается в том, что *в широкой колхозной массе произошел перелом в отношении к колхозному труду, к колхозной дисциплине*¹⁰⁰⁴.

Каковы были масштабы голода и носил ли он «национальный» характер, направленный против украинцев, как утверждают даже на официальном уровне, например в Киеве или Ва-

шингтоне? Мнение о голоде как о национальном геноциде было и остается весьма маргинальным в научной литературе. «Доказать, что это был геноцид, сложно, так как пострадали и южные области России, а часть запасов продовольствия направлялась в украинский регион»¹⁰⁰⁵, – считает британский историк Ричард Саква. Но в любом случае это была трагедия, унесшая огромное количество жизней. Масштабы ее вряд ли удастся когда-то восстановить. В литературе разброс цифр по количеству жертв голода очень широк – от 600 тысяч до 15 миллионов человек по всему СССР¹⁰⁰⁶. При этом следует делать поправку на крайнюю политизированность темы «голодомора». Она проявилась в годы холодной войны и «развилась в среде украинской эмиграции, связанной корнями с ОУН-УПА, в Канаде, Великобритании, Германии, США. Как правило, эти эмигрантские группы концентрировались вокруг редакций пропагандистских СМИ, работавших против СССР... Особую роль в этом процессе сыграла книга Роберта Конквеста “Жатва скорби”»¹⁰⁰⁷. Когда Конквест скончался в августе 2015 года в возрасте девяноста восьми лет, журнал «The Economist» в большом некрологе отдал ему дань большого уважения как человеку, во многом определившему понимание всей гнусности Советского Союза мировой общественностью. «Конквест был случайным историком. Он работал, как и Джордж Оруэлл, в том подразделении Форин оффис (сейчас, к сожалению, закрытом), которое анализировало власть и политику Кремля и конфиденциально делилось информацией с журналистами. Для него Сталин был уличным головорезом, а Ленин маньяком»¹⁰⁰⁸. Уточним: подразделение Форин оффис занималось спецпропагандой.

Обычно данные об особой, антиукраинской направленности голодомора подтверждаются тем обстоятельством, что по итогам переписи 1937 года в СССР число украинцев сократилось на 4,7 миллиона человек по сравнению с 1926 годом, тогда как количество русских выросло. Между тем имели место факторы, подмеченные академиком Валерием Тишковым: «Именно в эти годы сотни тысяч белорусов и миллионы украинцев, особенно потомки смешанных браков, выбирали однозначно русскую национальность. Отчасти это произошло не только по причине этнической ассимиляции, а и по тривиальной причине упразднения самой категории “малоросс”, которая предполагала одновременное отношение к русским и превращение категории “великоросс” в “русских”»¹⁰⁰⁹. Точно так же в 1990-е годы произошло сокращение на 3 миллиона человек количества русских на Украине и на 1,5 миллиона – украинцев в России. Не от голода же они умерли.

Сам Молотов считал разговоры о массовом голоде несостоятельными. «Мне приходилось в эти годы ездить на хлебозаготовки. Так что я не мог пройти мимо таких вещей. Не мог. Я тогда побывал на Украине два раза на хлебозаготовках, в Сычеве, на Урале был, в Сибири – как же, я ничего не видел что ли? Абсурд! Нет, это абсурд. На Волге мне не пришлось быть. Там, возможно, было хуже»¹⁰¹⁰.

Что же было? Статистика смертности на Украине в 1933 году присутствует, и она точная. По данным Центрального управления народно-хозяйственного учета Госплана СССР, составленным на основании справок Управления народно-хозяйственного учета УССР, в 1932 году на Украине от всех причин умерло 668,2 тысячи человек, в 1933 году – 1 миллион 850,3 тысячи (средняя смертность за десятилетие без этих двух лет – 465,6 тысячи)¹⁰¹¹. Таким образом, в 1932–1933 годах всего на Украине умерло 2 миллиона 518,5 тысячи человек, то есть на 1,5 миллиона человек больше, чем можно было ожидать, исходя из среднегодовой статистики. Но вот что примечательно. Голод в России – явление за века хорошо изученное. Смертность от голода начинается зимой, достигает пика в марте – апреле и к началу лета сходит на нет. В 1933 году все было не так. Январь показал минимальную за предшествовавшие полгода смертность в украинских селах – 43,9 тысячи. Дальше картина выглядела так: февраль – 60,6 тысячи, март – 135,8, апрель – 174,2, май – 253,2, июнь – 361,2, июль – 278,8. В селах РСФСР в целом пик смертности приходился на июль, Нижней Волги – на июнь, Северного Кавказа – на апрель¹⁰¹². Когда сходит снег, люди в деревнях не умирают от голода. В чем же причина такой высокой летней смертности?

В 1933 году был огромный всплеск заболеваемости малярией, особенно по Украине (по СССР было инфицировано 6,3 миллиона человек, из них 2 миллиона – на Украине), и сыпным тифом (886 тысяч по всей стране, 213 тысяч – на Украине)¹⁰¹³. Именно эти заболевания дают ярко выраженный летний пик заболеваемости. Не случайно, что с лета 1933 года Политбюро на регулярной основе занималось вопросами борьбы с эпидемическими заболеваниями. То есть количество умерших в тот год именно от голода установить невозможно, хотя голод мог способствовать распространению эпидемий.

Никаких мер по ужесточению политики в отношении деревни весной и летом 1933 года не применялось. Напротив, 8 мая 1933 года Молотов и Сталин подписали директиву-инструкцию: «Немедленно прекратить всякие массовые выселения крестьян... Аресты могут быть производимы только орга-

нами прокуратуры, ОГПУ или начальниками милиции». Устанавливалось, что «максимальное количество лиц, могущих содержаться под стражей... кроме лагерей и колоний, не должно превышать 400 тыс. человек на весь Союз ССР»¹⁰¹⁴. В двухмесячный срок тюремное население сокращалось вдвое. 13 июня 1933 года вышло постановление «О хлебофуражном балансе до нового урожая», где говорилось: «Предрешить, что весь хлеб, заготавливаемый в июле месяце, используется для перебросок на внутреннее снабжение...»¹⁰¹⁵

Положение выделось настолько стабильным, что СНК и ЦК 10 августа приняли решение: «В связи с определившейся более высокой по сравнению с наметками урожайностью (выше средней) увеличить задание по натуроплате колхозами МТС сверх 130 млн пуд., установленных прежним решением ЦК, на 40 млн пуд.»¹⁰¹⁶. Были приняты постановления СНК и ЦК «О помощи бескорванным колхозникам в обзаведении коровами». Госорганы закупали коров и телят и продавали их по льготным ценам колхозникам. На совещании по коллективизации Сталин выступил против сокращения приусадебной земли у колхозников, поддержал идею разрешить частникам в животноводческих регионах иметь и две коровы. Уборка урожая и заготовка хлеба проходили без чрезвычайных мер. Колхозы тех регионов, где были выполнены госпоставки и заложен семенной фонд, получили право продажи продукции государству, кооперативам, на рынках и железнодорожных станциях. ПБ решило снизить цены на хлеб, реализуемый в порядке свободной торговли в государственных магазинах.

В докладе к годовщине Октября Молотов отмечал:

– Основные сельскохозяйственные кампании и прежде всего посев и уборка урожая прошли в этом году в большинстве колхозов лучше, чем в прошлом году. К настоящему моменту большинство областей и краев уже закончили или заканчивают выполнение плана по зернопоставкам. К данному моменту мы заготовили хлеба по крайней мере на 100 миллионов пудов больше, чем за весь прошлый год. Нечего и говорить о том, что, останься СССР до настоящего момента при господстве мелкого единоличного крестьянского хозяйства, мы были бы теперь не в состоянии обеспечить основные запросы государства на сельскохозяйственные продукты¹⁰¹⁷.

Но валовые сборы зерна составили в 1933 году 68,4 миллиона тонн, в 1934 году – 67,6 миллиона. При возросших государственных заготовках (соответственно, до 23,4 и 26,8 миллиона тонн) это означало сохранение в деревне весьма низкого уровня потребления¹⁰¹⁸.

Тем не менее на XVII съезде Молотов заявил:

– К настоящему времени, когда коллективизированы две трети крестьянских хозяйств и колхозы вместе с совхозами охватывают 84,7 процента от всей посевной площади зерновых культур, мы имеем право сказать о том, что дело коллективизации в нашей стране полностью победило, остатки кулачества обречены на скорую и окончательную гибель, а перед остальными индивидуальными крестьянскими хозяйствами путь только один – к постепенному переходу на рельсы коллективизации¹⁰¹⁹.

Высокий уровень хлебазаготовок 1934 года позволил поставить вопрос об отмене с 1 января 1935 года карточной системы на хлеб, муку и крупу. На ноябрьском пленуме ЦК основной доклад по этому вопросу делал Молотов:

– Когда мы вводили карточную систему, наши заготовки хлеба из урожая 1928 года составляли всего 650 миллионов пудов. В этом году по хлебопоставкам и хлебозакупкам, особенно благодаря успеху хлебозакупок, которые мы проводим по повышенным ценам, мы сможем иметь в распоряжении государства не менее полутора миллиардов пудов хлеба. 92 процента хлеба дали колхозы и совхозы¹⁰²⁰.

Чрезвычайщина в аграрной сфере подошла к концу.

Культурный революционер

Культурная революция 1930-х годов имела четыре основные составляющие. Во-первых, ставилась задача создания образованного общества и интеллектуальной элиты, способных решать задачи модернизации страны. Во-вторых, надо было коренным образом трансформировать идеологию: от революционного космополитизма – к советскому патриотизму. При этом усилия по продвижению идеалов коммунизма в качестве общечеловеческих ценностей не снимались с повестки дня. В-третьих, необходимо было перебросить мостик от великой русской культуры к советской, которая тоже претендовала на звание мировой. Это должно было помочь приумножению числа сторонников СССР и советской модели на планете. В-четвертых, следовало сформировать новую, советскую общегосударственную идентичность (реализация этой цели больше относится ко второй половине 1930-х годов).

Главное – грамотность. Молотов говорил в 1933 году:

– В старой России только $\frac{1}{3}$ населения в возрасте от 8 лет и выше была грамотной, причем в теперешних республиках Средней Азии грамотность населения не достигала выше 2 про-

центов. К настоящему моменту на Украине и в Белоруссии мы имеем почти стопроцентную грамотность, в РСФСР и Закавказье около 90 процентов. Но, что особенно важно, так это то, что и в Средней Азии мы добились уже громадного сдвига: в Таджикистане грамотных до 30 процентов, в Туркменистане – свыше 60 процентов, в Узбекистане – свыше 70 процентов¹⁰²¹.

15 мая 1934 года на Политбюро была утверждена новая структура школьного образования. Общий срок обучения увеличивался с девяти до десяти лет. К набору школьных предметов добавились ранее отсутствовавшие история и география. Налаживалась и подготовка квалифицированных рабочих, способных создавать и обслуживать современную технику. Создавались втузы, техникумы, открывались рабфаки, ФЗУ, школы массовых профессий, профессионально-технические курсы, вечерние рабочие школы. Набиравшее силу высшее образование позволило влить новую кровь в прежние научные школы, где тон задавала еще дореволюционная профессура.

– Большим успехом советской власти за истекший период надо считать поворот к социализму среди старой интеллигенции. Не без колебаний, не без перебежек туда и сюда произошел этот перелом. Но, пожалуй, ни с чем не сравним тот успех партии и советской власти, который мы имеем в создании новой интеллигенции и особенно ее технических кадров¹⁰²², – говорил Молотов.

За научными экспедициями, рекордными перелетами следила вся страна. В 1934 году ледокол «Челюскин», направлявшийся Северным морским путем во Владивосток, был затерт льдами в Чукотском море. Операция по спасению с льдины 104 полярников во главе с Отто Шмидтом дала стране первых Героев Советского Союза, коими стали обеспечившие эвакуацию летчики. СССР начал претендовать на мировое первенство в науке, устремлялся ввысь. 30 сентября 1933 года советские стратонавты во главе с Прокофьевым, достигнув высоты 19 тысяч метров, направили радиogramму Сталину, Молотову и Ворошилову об установлении мирового рекорда. Организаторы и участники полета были награждены орденами Ленина.

В ноябре 1933 года Молотов взял под персональную опеку Академию наук: «Отчислить Академию наук от ЦИК Союза ССР и подчинить ее во всех отношениях Совнаркому СССР»¹⁰²³. Академию, которая тогда располагалась в Ленинграде, было решено перевести в столицу. В августе 1934 года Молотов пишет в ПБ: «Прошу утвердить принятое СНК СССР решение об отпуске из резервного фонда СНК СССР 3 млн рублей на расходы по переезду учреждений Академии наук из Ленинграда в

Москву (1230 тыс. на текущие расходы по переезду и 1770 тыс. рублей – на приспособление отводимых помещений и монтаж оборудования)»¹⁰²⁴.

Молотов состоял в личной переписке с ведущими учеными, которые через председателя правительства решали свои профессиональные и личные проблемы. Но бывала переписка и по политическим вопросам. Так, в конце 1934 года академик Иван Павлов направил в Совнарком письмо с критикой советских порядков: «Чем это отстает от средневековой инквизиции?»¹⁰²⁵ В ответе Молотов выразил «свое откровенное мнение о полной неубедительности и несостоятельности высказанных... политических положений. Чего стоит, например, одно противопоставление таких представительниц “культурного мира”, как империалистические державы – Англия и Соединенные Штаты, огнем и мечом прокладывающих себе путь к мировому господству и загубивших миллионы людей в Индии и Америке, также и теперь ни перед чем не останавливающихся, чтобы охранять интересы эксплуататорских классов, – противопоставление этих капиталистических государств нашему Советскому Союзу, спасаемому от гибели миллионы людей путем быстрого выхода из войны в 1917 году и провозглашения мира и успешно строящему бесклассовое общество подлинной высокой культуры и освобожденного труда, несмотря на все трудности борьбы с врагами этого нового мира. Можно только удивляться, что Вы беретесь делать категорические выводы в отношении принципиально-политических вопросов, научная основа которых Вам, как видно, совершенно неизвестна. Могу лишь добавить, что политические руководители СССР ни в коем случае не позволили бы себе проявить подобную ретивость в отношении вопросов физиологии, где Ваш научный авторитет беспорен»¹⁰²⁶.

Главным культурно-идеологическим проектом 1930-х годов стало утверждение социалистического реализма в качестве литературно-художественного канона. 23 апреля 1932 года вышло постановление ЦК «О перестройке литературно-художественных организаций». Разгонялись творческие союзы, организованные по классовому признаку, – ассоциации пролетарских писателей (РАПП), революционных художников (АХРР), пролетарских музыкантов (РАПМ) и т. д., а заодно – «марксистские общества» историков, экономистов, философов. Были распущены все литературные группировки. «Авангард был попросту прикрыт административным решением»¹⁰²⁷. Предлагалось создать единый Союз писателей СССР.

Сталин и Молотов были читателями номер один страны. Писателем под первым номером был Горький. Он состоял не

просто в фаворе. В 1932 году состоялся внеплановый юбилей его творчества – отмечалось сорокалетие публикации рассказа «Макар Чудра». Имя Горького было присвоено Нижнему Новгороду, Московскому Художественному театру, БДТ и учреждавшемуся Литературному институту. Писателю предоставили новую жилплощадь – особняк Рябушинского на Малой Никитской. Молотов вспоминал: «Когда Горький вернулся на Родину, он стал проповедником наших идей, агитатором за партию. Очень подружился со Сталиным. Даже хотел в партию вступить, очень хотел. Но Сталин ему говорит: “Алексей Михайлович, вы нам нужны беспартийный!” Правильно, конечно. У нас с ним были замечательные отношения. И вероятно, многим это не нравилось»¹⁰²⁸.

Молотов встречался с Горьким много раз, отвечал на его обращения и просьбы¹⁰²⁹. 26 октября 1932 года 50 писателей, в том числе и беспартийные, были приглашены в особняк Горького на встречу со Сталиным, Молотовым, Ворошиловым и Кагановичем. Генсек произнес речь, в которой уничижительно отозвался о прежних рапповских начальниках и славил собравшихся писателей, назвав их «инженерами человеческих душ»¹⁰³⁰. Молотов в одном из выступлений потом цитировал Горького: «Он растет, этот процесс, растет вширь и вглубь, это – процесс оздоровления всей страны, возрождения к новой жизни, к творчеству новой культуры. Исчезают древние городки Окуровы, гнездища тупых мещан, людей ленивого ума, мелких паразитов, которые всю жизнь жульнически старались разбогатеть на крови рабочих, крестьян и умирают полунищими. Вместо Окуровых в центрах промышленности создаются новые социалистические города, уничтожая в стране древний идиотизм мещанства, скопища деревянных особнячков в три окна, душевные чуланы, где веками хранился старинный хлам церковных суеверий, где изо дня в день непрерывно шла мелкая борьба зоологического индивидуализма слепых, себялюбия, самости, ячества, зависти, жадности и всякой гадости. Исчезает под напором тракторов и комбайнов, перед силой новой сельскохозяйственной техники жуткий идиотизм деревни, с ее рабским подчинением стихийным силам природы, с ее безыдейностью, с ее животной покорностью судьбе»¹⁰³¹.

Писателем номер два становится Алексей Толстой. В 1930 году он писал: «Меня часто спрашивают – почему я пишу Петра? Потому что мы с вами не свалились с неба на равнины СССР. Сегодняшний день – в его законченной характеристике – понятен только тогда, когда он становится звеном сложного исторического процесса. За границей, в частности в

Германии, прилежно и внимательно изучают русскую историю от экономики до поэзии, чтобы до конца понять, как это так случилось, что русские, еще пятнадцать лет тому назад считавшиеся немцами навозом для европейской цивилизации, полудикарями, с семьюдесятью пятью процентами неграмотности, с первобытным земледелием и прочее и прочее – в пятнадцать лет, переродясь прежде всего волевым образом, создали гигантскую тяжелую промышленность, мощную оборону страны, ликвидировали неграмотность и на глазах у всего мира, целясь на тысячи лет вперед, строят социализм»¹⁰³². Молотов рассказывал: «Алексей Толстой утверждал, что ему очень много дала Советская власть: “Без нее я бы стал в лучшем случае каким-нибудь Потапенко!”»¹⁰³³.

Но и расхождений, даже с советскими классиками, было немало. В августе 1934 года прошел Первый съезд Союза советских писателей (377 делегатов с решающим голосом и 220 – с совещательным голосом), гостями которого были Луи Арагон, Андре Мальро, Фридрих Вольф, Якуб Кадри, Ху Ланьчи и др. Каганович информировал Сталина: «Вчера мы, ознакомившись с докладом М. Горького к съезду писателей, пришли к заключению, что в таком виде доклад не подходит. Ввиду серьезности наших изменений и опасности срыва доклада мы (я, Молотов, Ворошилов и т. Жданов) поехали к нему, и после довольно длительной беседы он согласился внести поправки и изменения. Настроение у него, видимо, неважное... Мне эти разговоры запомнили т. Крупскую»¹⁰³⁴.

Писатели не бедствуют, любая проза и поэзия расходуется сразу. «Никуда не уйти от того факта, что немало талантливых и честных творческих людей питали к Сталину уважение, а подчас и преклонялись перед ним, – пишет историк Е. С. Громов. – И восхваления его в стихах и в прозе нередко пронизаны вполне искренними чувствами»¹⁰³⁵. Конечно, далеко не все творцы были в восторге от политики партии и правительства. Так, в ноябре 1933 года Осип Мандельштам написал знаменитое стихотворение о Сталине:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
И слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,
Как подкову, дарит за указом указ:
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него – то малина,
И широкая грудь осетина.

Жена Мандельштама впоследствии утверждала, что «тонкошеие вожди» относилось именно к Молотову, в котором Мандельштама неприятно поражали торчащая из воротника тоненькая шея и крошечная голова¹⁰³⁶. Полагаю, или Мандельштам, или его супруга Молотова с кем-то спутали. Дед вообще-то был плотного телосложения, носил рубашку с воротом 42-го размера, а шляпу – 60-го. Кстати, до своего ареста Мандельштам получал совнаркомовскую пенсию в 200 рублей. «Докладчиком по этому вопросу выступал Молотов. Он мотивировал необходимость дать пенсию в связи с заслугами в русской литературе при невозможности использовать в литературе советской»¹⁰³⁷.

Тон театральной жизни по-прежнему задавал Большой, отдававший – вслед за Сталиным – дань классике. Но классикой дело вовсе не ограничивалось. На грани классики и поп-музыки творил гениальный Исаак Дунаевский. Набирала почитателей и чисто популярная музыка. «Тремя вещами горжусь я в своей жизни: тем, что первым начал читать советские рассказы на эстраде; что придумал театрализованный джаз, что первым начал петь советские лирические песни»¹⁰³⁸, – писал в мемуарах Леонид Утесов. Сталин и Молотов были самыми внимательными, влиятельными и нередко благодарными кинокритиками. Эйзенштейн, Александров были в восторге от встреч с руководителями страны. В 1932 году Александр Довженко снял фильм «Иван», который был подвергнут жесточайшей критике на Украине, что заставило режиссера перебраться из Харькова в Москву. Он написал Сталину и был принят «ровно через двадцать два часа после того, как письмо было пущено в почтовый ящик... Он так тепло и хорошо, по-отечески представил меня товарищам Молотову, Ворошилову и Кирову, что мне показалось, будто он давно и хорошо меня знает»¹⁰³⁹.

Классицизм возвращался в изобразительное искусство и архитектуру. Художественное творчество ненавистного пролеткультовцам реалиста Репина было объявлено образцовым. «Восстановлена Академия художеств, сменена экспозиция в Третьяковской галерее: авангард загнали в крохотную комнат-

ку... Великолепные бесплатные мастерские и продовольственные пайки в то голодное время получили художники»,¹⁰⁴⁰.

Взаимоотношения творцов и власти не были бескорыстными. Архив Молотова полон просьбами вполне материального плана. Работавшая с ним Шила Фицпатрик обнаружила: «Писатели, музыканты, ученые, артисты и художники – все обращались к Молотову, называя его в своих письмах по имени и отчеству и переводя свои притязания на личную почву, как и подобало клиенту, пишущему патрону. Молодой писатель Павел Нилин... был одним из тех, чье обращение к Молотову оказалось успешным (он получил однокомнатную квартиру площадью 18 квадратных метров – вдвое больше старой). Писатель А. Н. Толстой, легендарный владелец “неисчерпаемого счета в банке”, получил дачу не то в восемь, не то в десять комнат, правда, просил одиннадцать. Просьбы защитить от клеветы и нападок тоже часто встречались в почте Молотова. Беспартийный ученый молил о защите от травли со стороны влиятельного коллеги-коммуниста; историк просил пресечь клеветнические слухи, будто он дружил с троцкистом; поэт жаловался на разгромную рецензию на свое произведение в “Правде”... Группа философов-коммунистов стремилась заручиться поддержкой Молотова в полемической атаке на “идеализм” в физике, предпринятой ими на страницах своего журнала, а П. Л. Капица в то же время писал Сталину и Молотову письма в защиту “идеалистов”... А. А. Фадеев в письме Молотову выражал общее недовольство литературного сообщества тем, что нет Сталинской премии по литературе (этот недочет быстро исправили)»,¹⁰⁴¹.

После того как на XVII съезде ВКП(б) окончательно возторжествовала теория построения социализма в одной стране, неотъемлемой частью идеологии стал советский патриотизм, потеснив революционно-интернациональные идеи. Возвращались многие элементы традиционной культуры. В репертуаре музыкальных и хоровых коллективов появились русские народные песни и танцы. Постановление 1934 года «О преподавании гражданской истории в школах СССР» осуждало прежние подходы, когда «вместо преподавания гражданской истории в живой и занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности с характеристикой исторических деятелей учащимся преподносились абстрактные определения общественно-экономических формаций». Было дано указание подготовить к изданию новые учебники по истории, основаны исторические факультеты МГУ и ЛГУ. Были возвращены к работе выдающиеся историки, пос-

страдавшие в 1929–1930 годах (Бахрушин, Готье, Греков, Тарле, Черепнин и др.)¹⁰⁴².

Идеи советской власти, социализма и коммунизма находили широкий отклик. На фоне западной депрессии СССР воспринимался многими как один из динамичных экономических и культурных центров мира. Герберт Уэллс, Бернард Шоу, Ромен Роллан, Анри Барбюс, Луи Арагон, Теодор Драйзер, Эрнест Хемингуэй, Лион Фейхтвангер, Рабиндранат Тагор – эти самые востребованные представители мировой элиты побывали в СССР и написали эссе и книги, полные восхищения, иногда открытого, иногда плохо скрываемого. Андре Жид утверждал: «Захватывающе интересно пребывание в этой необъятной стране, мучающейся родами, – кажется, само будущее рождается на глазах. Там есть хорошее и плохое. Точнее было бы сказать: самое лучшее и самое худшее... Кто может определить, чем СССР был для нас? Не только избранной страной – примером, руководством к действию. Все, о чем мы мечтали, о чем помышляли, к чему стремились наши желания и чему мы готовы были отдать силы, – все было там. Это была земля, где утопия становилась реальностью»¹⁰⁴³.

Но во властной элите зарубежных стран отношение к СССР было иным.

Начало Второй мировой

В начале 1930-х годов Советский Союз продолжал, говоря словами Литвинова, «танцевать на немецкой ноге». Был продлен Берлинский договор 1926 года. Вспоминал посол Герберт фон Дирксен: «Чтобы отметить это событие, Крестинский пригласил меня и руководящих работников посольства на завтрак, на котором, как нам сказали, в роли хозяина будет выступать Молотов, к тому времени сменивший Рыкова на посту премьер-министра. Событие совершенно исключительное, поскольку Молотов вообще-то терпеть не мог общаться с иностранцами. Но поскольку мы довольно бегло говорили по-русски... у нас состоялся приятный завтрак с интересной беседой»¹⁰⁴⁴. В сентябре 1931 года Советский Союз посетили руководители танкового управления рейхсвера Кейтель, Адам и фон Браухич. Строгое политическое руководство и уважительное отношение к армии в СССР произвели на них сильное впечатление¹⁰⁴⁵.

Кремль начал процесс планомерного возвращения в клуб великих держав и был заинтересован в максимально возможном расширении внешнеполитических контактов. Последовал

зондаж возможности налаживания отношений с Парижем, опасавшимся роста германского реваншизма. Процесс сближения завершился весьма успешно: пакт о ненападении между СССР и Францией был парафирован 10 августа 1931 года. При этом одним из условий его подписания французской стороной была названа нормализация Москвой отношений с Польшей. Начались переговоры с Варшавой, над которыми надзирала упоминавшаяся комиссия ПБ «по советско-польским делам» с участием Молотова. В декабре 1931 года он официально подтвердил: «СССР приступил к переговорам о пакте ненападения с Польшей. В последнее время нам сделано предложение о заключении пакта о ненападении со стороны Румынии, Финляндии и Эстонии»¹⁰⁴⁶.

Это вызвало очевидное раздражение Берлина. Особенно беспокоила Германию перспектива признания Советским Союзом территориальной целостности Польши¹⁰⁴⁷. Но наиболее серьезный вызов мировому порядку и безопасности СССР пришел с востока. 18 сентября 1931 года Квантунская армия приступила к реализации идеи расширения жизненного пространства Японии. К концу декабря она оккупировала юго-запад Маньчжурии, в феврале 1932 года заняла основной центр советского влияния в Китае – Харбин. 9 марта было провозглашено создание марионеточного государства Маньчжоу-Го во главе с последним императором Китая Пу И в качестве регента. Появилась весьма протяженная советско-японская сухопутная граница – от Владивостока и чуть ли не до Читы, на которой стали скапливаться японские войска, готовые к броску в Монголию и СССР. Агрессия Токио не вызвала серьезных протестов великих европейских держав. Но с точки зрения Москвы (и истории) Вторая мировая война началась именно тогда.

– Особенность данного момента заключается в том, что все больше стирается грань между мирным положением и войной, – вползают в войну и воюют и без открытого объявления войны¹⁰⁴⁸, – говорил Молотов в январе 1932 года.

Необходимость противодействия японской агрессии играла теперь решающую роль в выработке политики Кремля на китайском направлении. В момент нападения Японии 300-тысячные войска Чан Кайши были заняты карательным походом против Красной армии КПК. Были арестованы тысячи коммунистов, в том числе генсек ЦК Сян Чжунфа, которого казнили. Чан Кайши сопротивления японскому вторжению оказать не смог, да и не захотел, считая Японию менее опасным врагом, чем КПК. В этих условиях Сталин и Молотов дали добро на создание в Центральном советском районе (провинции Цзянси и

Фуцзянь с населением 3–5 миллионов человек) Китайской Советской Республики. Самопровозглашенная и не признанная даже СССР республика, продолжая бои с гоминьдановцами, объявила войну Японии. Москва же, опасаясь спровоцировать Токио, заявила о нейтралитете в японо-китайской войне, разрешила использовать КВЖД для японских военных перевозок и предлагала Японии заключить договор о ненападении¹⁰⁴⁹. В апреле 1932 года Молотов говорил: «Начиная с белогвардейских выродков, господствовавших ранее в России, помещиков и капиталистов, и кончая агентами империалистических держав и китайскими генералами, готовыми любой ценой отстаивать свои генеральско-помещичьи интересы, – все они стремятся сорвать мирные переговоры СССР с Японией»¹⁰⁵⁰.

Москва втягивалась в дипломатический диалог и с Японией, и с Гоминьданом. Чан Кайши сделал предложение о восстановлении дипломатических отношений, чем озадачил ПБ. Молотов и Каганович сообщали 12 июня: «Восстановление отношений, да еще путем подписания пакта о ненападении, будет ставить своей целью затруднить установление нужных нам отношений с Маньчжоу-Го. Можно быть уверенными, что китайцы прямо включают в пакт о ненападении какие-либо пункты, прямо связывающие нас в нашей маньчжурской политике»¹⁰⁵¹. Реакция Сталина была настороженной: «Предложение нанкинцев о пакте ненападения – сплошное жульничество. Вообще нанкинское правительство состоит сплошь из мелких жуликов. Это не значит, конечно, что мы не должны считаться с этими жуликами или их предложением о пакте ненападения; но иметь в виду, что они мелкие жулики, все же следует»¹⁰⁵².

Молотов и Каганович 19 июня информируют Сталина, что «среди японцев имеется настроение пойти на пакт с нами, оговорив, во избежание претензий Китая, заключение пакта “ввиду разрешения основных вопросов”». На следующий день генсек ответил: «Если японцы действительно пойдут на пакт, то это, возможно, потому, что они хотят этим расстроить наши переговоры с китайцами о пакте, в который японцы, видимо, серьезно верят. Поэтому нам не следует обрывать переговоры с китайцами, а наоборот, надо их продолжить и затянуть, чтобы поугатать японцев перспективой нашего сближения с китайцами и тем самым заставить их поторопиться с подписанием пакта с СССР»¹⁰⁵³. Отсюда решение ПБ: переговоры с японцами и имитация диалога с Чан Кайши.

Ситуация на Дальнем Востоке настоятельно подталкивала Кремль к поиску союзников или хотя бы «друзей против» Японии. В этой связи взоры все чаще обращались на Соединенные

Штаты. 16 июня Молотов запросил согласие Сталина на прием делегации деловых кругов США и получил ответ: «САСШ – дело сложное. Поскольку они пытаются вовлечь нас лаской в войну с Японией, мы их можем послать к матери. Поскольку же нефтяники САСШ согласны дать нам 100 миллионов рублей в кредит, не требуя от нас политических компенсаций, было бы глупо не брать от них денег»¹⁰⁵⁴. И уже 28 июня Сталин настраивал Молотова на сближение и с Гоминьданом, и с США: «Мы должны давить на Японию перспективой сближения СССР с Нанкином и Америкой, чтобы заставить их поторопиться с заключением пакта с СССР»¹⁰⁵⁵.

Однако советско-японский договор оказался неприемлем для японских военных, среди которых преобладали сторонники войны с СССР. В итоге ПБ сделало выбор: 12 декабря 1932 года были восстановлены дипломатические и консульские отношения с Китаем. На следующий день японское правительство в знак крайнего недовольства официальной нотой отклонило предложение Москвы заключить пакт о ненападении. Советско-японские отношения вступили в полосу открытой конфронтации. И одновременно все более тревожные сводки приходили с Запада.

20 июля президент Гинденбург издал чрезвычайный декрет и ввел в Германии военное положение. Это заставило соседей озаботиться обеспечением собственной безопасности. 25 июля договор с Москвой о ненападении подписала Польша, а 29 ноября – Франция. СССР оказался связан договорными обязательствами с двумя злейшими врагами Германии, а также заключил однотипные договоры о взаимном ненападении, неучастии во враждебных комбинациях и о нейтралитете с Хельсинки, Таллином и Ригой. Молотов с удовлетворением подчеркивал: «Мы считаем, что, с точки зрения интересов всеобщего мира, надо занести в актив советской власти такие факты, как подписание и ратификация пактов о ненападении со стороны Польши, Финляндии, Латвии и Эстонии. Пакт о ненападении подписан СССР также с Францией. Дело, однако, остается незавершенным, поскольку этот пакт Францией еще не ратифицирован. Ввиду отказа от подписания соответствующего пакта со стороны Румынии, остается на западе только одно государство, граничащее с СССР, отказывающееся от пакта о ненападении»¹⁰⁵⁶.

Договоренность с Румынией упиралась в непризнание Москвой аннексии Румынией в 1918 году никогда ей до этого не принадлежавшей Бессарабии. Опасение Германии в Европе несколько спало после прихода к власти правительства фон Шляйхера, выступавшего за сотрудничество с европейскими

державами и с СССР. Это позволило Молотову 23 января 1933 года заявить на сессии ЦИКа: «Особое место в наших взаимоотношениях принадлежит Германии».¹⁰⁵⁷

Через несколько дней оптимизм в отношении Германии рухнул: президент Гинденбург поручил формирование нового правительства Адольфу Гитлеру. В феврале запылало зарево пожара рейхстага – в трехстах метрах от советского полпредства на Унтер ден Линден. Начались истеричная антикоммунистическая кампания, нападения на советские учреждения и граждан. Десятки тысяч коммунистов были арестованы. Все сколько-нибудь видные коммунисты после пыток были казнены, в основном обезглавлены¹⁰⁵⁸. 5 марта 1933 года прошли выборы в рейхстаг, на которых НСДАП получила 17,2 миллиона голосов (288 мандатов), СДПГ – 7,1 миллиона (120), КПП – 4,9 миллиона (82 мандата). Но большинство у нацистов, набравших 44 процента голосов, получилось только в альянсе с немецкими националистами – НСДАП вошла в коалицию с Немецкой национальной народной партией. 15 марта мандаты коммунистов были признаны недействительными, а 24 марта – принят закон о чрезвычайных полномочиях рейхсканцлера. В июле из кабинета вышвырнут и националистов. Программа Гитлера конечной целью предусматривала «создание предпосылок для мирового господства германо-арийской расы».

Первой реакцией европейских стран стал антигерманский порыв. Французский министр иностранных дел Жозеф Поль-Бонкур предложил заключить пакт о взаимопомощи в случае агрессии. Идею поддержал президент Чехословакии Бенеш – от имени Малой Антанты, куда входили также Румыния и Югославия. В Варшаве говорили о необходимости превентивной войны, что не было безумием: у Германии была лишь 100-тысячная армия, без флота, без авиации и с демилитаризованной Рейнской зоной. Но в этот момент Лондон выступил с инициативой, которая станет первым шагом в политике умиротворения агрессора. Премьер Макдональд приехал в Рим, откуда прозвучала идея пакта «согласия и сотрудничества», или «пакта четырех» – Англии, Франции, Италии и Германии. И он был подписан. Пакт не вступит в силу, поскольку его не ратифицируют ни французский, ни британский парламенты. Но в Москве появилось ясное понимание предпочтительности для западноевропейских столиц сделки с Гитлером против СССР, нежели альянса с Советским Союзом против нацизма.

С момента прихода Гитлера к власти ни на день не было ни малейшего сомнения, что война с Германией неизбежна. Программные документы НСДАП недвусмысленно говорили о

захвате и колонизации Советского Союза и истреблении большей части его расово неполноценного населения, и Молотов не раз их процитирует. В июне на столы Сталина и Молотова легло донесение ИНО ОГПУ о беседе Гитлера с министром труда Зельдте: «Германия должна при содействии Англии вооружиться и после этого совместно с Англией осуществить интервенцию в России»¹⁰⁵⁹. В октябре Германия вышла из Лиги Наций, а ее представители покинули конференцию по разоружению. Япония так же демонстративно вышла из Лиги, когда та отказалась признать Маньчжоу-Го. Молотов скажет:

– Германия сделала это, по-видимому, в связи с желанием развернуть свои вооружения. И одним из стеснений в этом деле она признала свое участие в Лиге Наций. С другой стороны, Япония сделала свое заявление о выходе из Лиги Наций в связи с желанием полностью развязать себе руки в китайской интервенции. Случилось так, что даже Лига Наций в известной мере стала на пути «свободы» действий интервентов¹⁰⁶⁰.

СССР и Германия резко снизили планку отношений. Советское правительство прекратило сотрудничество с Германией в военной сфере. В связи с недопуском советских журналистов на Лейпцигский процесс ПБ решило отозвать корреспондентов из Германии и выдворить представителей немецкой прессы из СССР. Товарооборот за первые девять месяцев 1933 года упал на 45,7 процента. Но почему же Москва не порвала с Берлином окончательно и бесповоротно? Прежде всего потому, что этого не сделала ни одна другая страна. Полпред Хинчук не без оснований уверял ЦК: «Если мы открыто признаем, что от советско-германских отношений осталось пустое место, то это лишь понизит нам цену в глазах противников Германии»¹⁰⁶¹. Возможности чем-то восполнить поставки из Германии были крайне ограничены. Орджоникидзе и Розенгольц сигнализировали Сталину, Молотову и Ворошилову о критической зависимости промышленности, особенно оборонки, от импорта из Германии отдельных профилей проката, качественной стали, метизов, труб, ферросплавов. Ставилась задача к 1935 году выйти на полное импортозамещение по этим позициям. «Пока же этого не произошло, любой просвет в нормализации отношений с Германией воспринимался в Москве с облегчением»¹⁰⁶². Была избрана гибкая формула, которую озвучил Молотов:

– Оставаясь верным своим принципам защиты всеобщего мира и независимости страны, СССР не имеет со своей стороны оснований к перемене политики в отношении Германии. С другой стороны, политика идеологов воинствующего национал-социализма, вроде Розенберга и других, прямо этому

противоположна. Поскольку эта политика насквозь пропитана реакционными вожделениями и захватническими империалистическими планами, она несовместима с укреплением дружественных отношений с СССР. И мы думаем, что она несовместима с великим будущим Германии¹⁰⁶³.

Оценки внешних вызовов и военные планы СССР кардинально менялись: Германия в случае атаки на Польшу или альянса с ней становилась главной угрозой. А активность Японии делала реальной войну на два фронта. Япония активно «обжиwała» Маньчжурию, строя железные дороги, аэродромы и военные предприятия. Чан Кайши подписал с Токио «соглашение о перемирии», по которому японцы добились признания «политических изменений» в Маньчжурии. В имперском генеральном штабе планировали завершить подготовку к войне с СССР в 1934 году, чтобы забрать Приморье, Забайкалье и Сибирь¹⁰⁶⁴. Происходили многочисленные инциденты на советско-маньчжурской границе, на КВЖД, с рыболовецкими судами, на территории СССР шли аресты многочисленных белогвардейских шпионов, связанных с японской разведкой¹⁰⁶⁵. Как уступку Японии со своей стороны СССР рассматривал переговоры о продаже КВЖД, которые начались в Токио 26 июня 1933 года. Делегация Маньчжоу-Го отрицала право собственности СССР на дорогу и предлагала цену на порядок ниже той, на которую рассчитывало советское правительство. Москва заявила о невозможности продолжения переговоров в таких условиях.

10 октября Сталин предупреждал в послании Молотова, Кагановича и Ворошилова: «Имейте в виду, что японцы наверняка готовят нам войну, и мы должны быть всегда начеку»¹⁰⁶⁶. А 21 октября предлагал: «По-моему, пора начать широкую, осмысленную (не крикливую!) подготовку и обработку общественного мнения СССР и всех других стран насчет Японии и вообще против милитаристов Японии»¹⁰⁶⁷. Молотов на призыв откликнулся и заявил в докладе по поводу годовщины Октября:

– Когда мы читаем изо дня в день сообщения из японской и маньчжурской печати о смехотворных планах некоторых японских деятелей насчет захвата Сибири, насчет отторжения Приморья, когда эти планы и рассуждения становятся все более откровенными и наглыми, – мы вынуждены насторожиться, тем более, что события на КВЖД и в пограничных районах свидетельствуют о том, что господа авантюристы все более склонны переходить от слов и статей к провокационным действиям и выступлениям. При этом мы заявляем открыто то, что известно всему миру: бессильное правительство Маньчжурии не является серьезной величиной в этих вопросах. Всем известно, что ответ-

ственность за эти действия целиком ложится на японское правительство как на действительного хозяина Маньчжоу-Го¹⁰⁶⁸.

Поиски противовесов Германии и Японии шли повсюду, даже, казалось бы, в столь неподходящем месте, как Италия. Гитлер и Муссолини далеко не сразу стали союзниками, соревнуясь за лидерство в мировом фашистском движении, за влияние на Австрию. В июне постпред в Италии Потемкин сообщил Сталину и Молотову о предложении Муссолини подписать пакт о ненападении, поведая и о расчетах дуче: он хочет «дать понять Франции и Малой Антанте, что нормализация наших взаимоотношений с ними отнюдь не влечет за собой охлаждения между СССР и Италией; продемонстрировать свою независимость английскому правительству». 19 июня Сталин дает указание Молотову и Кагановичу: «Немедля дать согласие Муссолини»¹⁰⁶⁹. Договор был подписан Муссолини и Потемкиным 2 сентября и ратифицирован в октябре обеими сторонами.

Японский и германский факторы заставляли форсировать сближение с Соединенными Штатами, где президентом был избран Франклин Рузвельт, настроенный на партнерство. 10 октября от него пришло послание на имя Калинина с сожалением, что «два великих народа... находятся теперь без практического метода прямого сношения друг с другом»¹⁰⁷⁰. Сталин торопил Молотова и Кагановича с ответом: «Обстановка теперь такова, что наш положительный ответ может дать желательное решение вопроса. Мы получаем плюс также на Дальвосте»¹⁰⁷¹. Молотов и Каганович подготовили ответ и предложили направить в США Литвинова, согласовав со Сталиным и его визиты (по пути) в Берлин и Париж¹⁰⁷². 28 октября Литвинов встретился с главой германского МИДа Нейратом. В центре обсуждения был конфликт с журналистами, который стороны сочли исчерпанным. 31-го Литвинова принял Бонкур¹⁰⁷³.

Переговоры с Рузвельтом начались 7 ноября и продолжались десять насыщенных дней. Сталин и Молотов из Москвы в ручном режиме управляли действиями Литвинова. Рузвельт поставил условиями дипломатического признания отказ от преследования религии в СССР и допущение деятельности американских священников, прекращение коммунистической пропаганды, роспуск Коминтерна и отказ от поддержки американской компартии. Сталин и Молотов 11 ноября телеграфируют: «Мы решительно против всего того, что отдает духом капитуляции и особых прав иностранцев в СССР... По вопросу о пропаганде ограничиться одною из существующих формул с признавшими СССР иностранными государствами. Никаких дальнейших уступок не будет и не должно быть»¹⁰⁷⁴.

В тот же день Литвинов вновь встречался с президентом. «Говорилось больше всего о религии и пропаганде, и, в конце концов, Рузвельта удовлетворил мой проект письма о религии... После длительных споров Рузвельт признал, что требовать от нас изгнания Коминтерна невозможно». Но одновременно президент вручил Литвинову список из одиннадцати дополнительных требований: гарантии от ареста американских граждан, нераспространение на них статей об экономическом шпионаже, отказ от претензий за интервенцию в Россию во время Гражданской войны, признание долгов Керенского и финансовых обязательств царского правительства, компенсации за национализацию собственности, признание юрисдикции американских судов по имущественным искам к СССР, бестамовенный допуск оборудования для будущего посольства и консульств США, юрисдикция американских судов в советских портах, признание гражданства натурализовавшихся в США эмигрантов из СССР. Литвинов считал «нецелесообразным огульное отклонение всех одиннадцати американских предложений»¹⁰⁷⁵.

Телеграмма от Сталина и Молотова не заставила себя долго ждать: «1. По вопросу о религии ссылка в Вашем письме на наши законы абсолютно необходима. Американским священникам при отсутствии персональных отводов мы готовы разрешить въезд. 2. Не можем принять предложения Рузвельта об арестах, но готовы сказать в нотах о восстановлении отношений, что “граждане одной из договаривающихся сторон пользуются на территории другой стороны режимом наибольшего благоприятствования”... 3. На отказ от наших контрпретензий без отказа американцев от претензий к нам пойти не можем. 4. Предложение Рузвельта о юрисдикции американских консулов по отношению к американским судам в советских портах неприемлемо. Готовы сказать, что “режим торговых судов каждой из договаривающихся сторон в порту другой стороны определяется общими нормами международного морского права”. 5. По вопросу об экономическом шпионаже скажите, что этот вопрос нормируется нашим внутренним законодательством, но разъясните, что собирание экономической информации мы шпионажем не считаем. 6. По пунктам девятому о беспощинном ввозе имущества дипломатических и консульских сотрудников и одиннадцатому о признании американского гражданства за бывшими русскими подданными, натурализовавшимися в Америке, возражений не имеем»¹⁰⁷⁶.

По долгам царского и Временного правительств Рузвельт настаивал на сумме в 150 миллионов долларов минимум, уве-

ря, что меньшую сумму не удастся провести через конгресс. Литвинов постепенно поднимал планку с нуля до разрешенных ему из Москвы ста миллионов. 15 ноября Сталин с Молотовым указывают: «Желательная комбинация – лишь после обмена нотами о восстановлении отношений приступить к переговорам о долгах и претензиях. Эту позицию отстаивайте до последней степени. Лишь в крайнем случае можно пойти на одновременные переговоры о долгах»¹⁰⁷⁷. В итоге сумма в 100 миллионов в увязке с предоставлением займа Советскому Союзу Рузвельта устроила. 16 ноября переговоры завершились успехом. Молотов сможет с полным основанием отчитаться перед VII съездом Советов:

– Нам не пришлось менять своей позиции и идти на какие-либо жертвы при восстановлении этих отношений¹⁰⁷⁸.

Назначенный послом Буллит приехал в Москву с ознакомительным визитом 11 декабря и провел переговоры с Калинин, Сталиным, Молотовым, Ворошиловым, Литвиновым. Причем Сталин, не имевший обыкновения принимать послов, заявил, что Буллит может его видеть, когда пожелает. И устроил в честь его отъезда прием в Кремле. Молотов говорил Буллиту о высокой вероятности войны с Японией, называя крайним сроком 1935 год. Посол лишь выразил надежду на то, что СССР сможет развиваться в мирных условиях¹⁰⁷⁹.

Но в Токио возникла уверенность, будто Буллит заключил в Москве тайное соглашение о сотрудничестве против Японии, что охладило там некоторые горячие головы как раз в тот момент, когда шла борьба по поводу направления будущей экспансии. Армейское руководство предлагало идти на север, флотское – на юг, дипломаты призывали вообще подождать с войной лет пять-шесть. Император Хирохито принял решение: освоить ресурсы Маньчжурии и Китая, чтобы нарастить военный потенциал, имея в виду экспансию в южном направлении¹⁰⁸⁰. В конце февраля 1934 года после освобождения из-под ареста совслужащих КВЖД возобновились переговоры о продаже железной дороги. Летняя переписка Сталина, Молотова и Кагановича в основном была посвящена деталям сделки с Японией. Соглашение будет подписано только 23 марта 1935 года. СССР смог получить лишь пятую часть от минимальной рыночной цены КВЖД и был вытолкнут из Маньчжурии.

1933–1934 годы – это и время принятия основополагающих решений на европейском направлении. 19 декабря 1933 года Политбюро приняло принципиально новую стратегию, направив усилия на создание системы коллективной безопасности в Европе. Главное заключалось в том, чтобы «а) вступить при на-

личии необходимых условий в Лигу Наций и заключить в рамках этой организации региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии (Восточный пакт); б) согласиться на участие в этом соглашении Бельгии, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии или некоторых из этих стран, но с обязательным участием Франции и Польши»¹⁰⁸¹. Переговоры предлагалось начать после проработки проекта вместе с Францией, чем и занялся в Париже Довгалецкий.

Франция была крайне сложным партнером. Не в последнюю очередь потому, что правительства ее Третьей республики имели мимолетную судьбу и сменялись чаще чем раз в год, что означало порой и смену политического курса, и забытые обещания. Стратегия безопасности Парижа сводилась к накоплению неохотно заключаемых двусторонних договоров – с Польшей, Чехословакией, Румынией. Теперь этот список был готов пополнить СССР. Франция, как и Польша, «не была настолько слепа, чтобы не видеть преимущества разрушения прежних тесных связей между Москвой и Берлином. Месье Эррио, лидер французской Радикальной социалистической партии, и месье Пьер Кот, министр авиации, направились с официальным визитом в Москву осенью 1933 года»¹⁰⁸². Делегация летела на самолетах, и впервые зарубежных гостей сопровождал почетный эскорт советских истребителей. Кот плодотворно общался с советскими военачальниками, которые дали французам понять, что те могут занять место немцев в военном сотрудничестве с СССР. В августе 1934 года в Париж прилетит эскадрилья советских АНТ-6¹⁰⁸³.

Эррио отработывал политическую повестку, что предполагало встречу с Молотовым. Тот в это время собрался в отпуск и вместе с Кагановичем предложил Сталину: «Считаем возможным, чтобы Молотов принял Эррио в Мухалатке. В маршрут Эррио Крым входит». Но Сталин снова подпортил Молотову отпускные планы: «Прием Эррио в Крыму могут счесть как интимный, что нежелательно. Лучше принять его в Москве, где вообще бывают приемы на общих основаниях»¹⁰⁸⁴. Молотову пришлось отложить поездку в Крым. Он отмечал, что после визита Эррио «наше сотрудничество с Францией вступило в новую стадию и имеет хорошее будущее»¹⁰⁸⁵.

Выход Германии из Лиги Наций побудил Париж дать положительный ответ на вопрос о заключении с Москвой договора о взаимной помощи. Но при этом руководство Франции позволило увлечь себя идеей «восточноевропейского Локарно» с участием Германии, чтобы избежать упреков и подозрений с ее

стороны. Москва согласилась и с такой схемой. На XVII съезде ВКП(б) Сталин не исключил возможность диалога с Берлином, озвучив концепцию Real Politik настолько четко, насколько это вообще возможно:

– Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной. У нас не было ориентации на Германию, так же как у нас нет ориентации на Польшу и Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР. И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идем на это дело без колебаний¹⁰⁸⁶.

Очень многое в тот момент зависело от Варшавы. Молотов отмечал «наличие новых, более благоприятных обстоятельств для развития деловых и культурных связей СССР с Польшей. Мы придавали и придаем этому большое политическое значение»¹⁰⁸⁷. Но 26 января 1934 года в Берлине было подписано германско-польское соглашение о ненападении сроком на десять лет. «Правящая санационная свора соединилась со смертельным врагом Польши – немецким фашизмом»¹⁰⁸⁸, – заметит в своем воззвании по этому поводу польская компартия. Предотвратив сближение Варшавы с Москвой, Гитлер установил весьма узкие рамки отношений с СССР, стремясь «не разрывать... германо-русские отношения» и не «давать русским поводов для такого разрыва»¹⁰⁸⁹.

Позиция Польши была главным фактором успеха или неудачи Восточного пакта. 27 сентября глава ее МИДа Бек информировал, что Варшава может присоединиться к пакту лишь при условии участия в нем Германии. Кроме того, Польша отказывалась принять на себя обязательства в отношении Литвы и Чехословакии, к которым она имела собственные территориальные претензии. Воспользовавшись убийством главы МВД Перацкого, режим санации создал по немецкому образцу концентрационный лагерь в Березе-Картузской, отправив туда тысячи коммунистов¹⁰⁹⁰. Позиция Польши вызывала недовольство в Москве. Молотов уверял, что «мы в достаточной и очевидной форме проявили стремление к дальнейшему развитию советско-польских отношений. Мы, однако, не можем говорить о нашем удовлетворении уже достигнутыми в этом направлении результатами». В отношении Германии тон становился все более жестким:

– Остается ли в силе заявление господина Гитлера о необходимости перехода к «политике территориальных завоева-

ний» на востоке Европы и о том, что «когда мы (национал-социалисты) говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь иметь в виду лишь *Россию* и подвластные ей окраинные государства»? По-видимому, полагал Молотов, это заявление остается в силе, ибо только при этом предположении становится понятным многое в теперешних отношениях германского правительства с Советским Союзом, равно как и к проекту Восточного пакта¹⁰⁹¹.

Чтобы прозондировать немецкую позицию, Москва предложила Берлину выступить с совместным заявлением по вопросу о независимости прибалтийских государств. 12 марта в Эстонии премьер Карл Пятс осуществил военный переворот и провозгласил себя регентом государства. В мае такой же госпереворот в Литве организовал Ульманис. Действовали по одной схеме: роспуск парламента, запрет политических партий, военное (чрезвычайное) положение, предоставление главе государства неограниченного права издавать указы, менять министров, вносить изменения в конституцию. И – создание правящей партии, подозрительно похожей на НСДАП¹⁰⁹². Пятс и Ульманис чем дальше, тем больше будут демонстрировать откровенные прогерманские симпатии. Тем не менее даже на прибалтийском направлении Москва не сдавалась.

– Дружественность своей политики в отношении этих государств советская власть подчеркнула специальным заявлением о признании неприкосновенности и полной экономической и политической независимости этих стран, – замечал Молотов. – К сожалению, нельзя пройти мимо такого факта, что Польша и Германия отклонили свое участие в этом деле¹⁰⁹³.

Советский Союз заметно активизировал свое участие во всех возможных международных форматах, включая конференцию по разоружению. Более того, он вступил в Лигу Наций. Молотов объяснил, почему СССР, много лет критиковавший ее как бессмысленный орган, изменил свою позицию:

– Лигу Наций в свое время усиленно стремились превратить в орудие, направленное своим жерлом против Советского Союза. Но эта идея не удалась. Из Лиги Наций стали уходить наиболее воинственные, агрессивные элементы. Лига Наций оказалась для них в данных условиях стеснением, неудобством. Но большинство участников Лиги Наций сейчас по тем или иным соображениям не заинтересованы в развязывании войны. Поэтому мы сочувственно отнеслись к предложению тридцати государств о вступлении СССР в Лигу Наций. Нечего уже говорить о том, что приглашение СССР в Лигу Наций тридцатью государствами отнюдь не умаляет международного

авторитета Советского Союза, а говорит об обратном. Мы записываем этот факт в свой актив¹⁰⁹⁴.

Серьезные перемены происходили в политике Коминтерна, который Молотов, став премьером, продолжал возглавлять. Через несколько часов после того, как Гитлер объявил КПГ вне закона, было сделано заявление ИККИ с призывом ко всем коммунистам создавать «единый фронт борьбы» совместно с социал-демократическими рабочими массами и социал-демократическими партиями¹⁰⁹⁵. Но возможности для деятельности компартий были минимальными. Из семидесяти двух партий, представленных на XIII пленуме ИККИ в ноябре – декабре 1933 года, только 16 имели легальный статус и еще семь – полулегальный. Компартии были запрещены не только в Германии, но и в Италии, Польше, Болгарии, Японии, большинстве латиноамериканских стран. Крупнейшими секциями КИ оставались ВКП(б), стоявшая особняком КПК, а также насчитывавшие едва по 30 тысяч членов французская и чехословацкая компартии¹⁰⁹⁶.

На Лейпцигском процессе, где в поджоге рейхстага обвинялись в основном болгарские коммунисты как революционные агенты Коминтерна, Георгий Димитров (которого вообще-то не было в Берлине в день пожара) закончил свое последнее слово, перекрикивая судью: «Колесо истории вертится, движется вперед, в сторону советской Европы, в сторону всемирного Союза Советских Республик. Это колесо, подстегиваемое пролетариатом под руководством Коммунистического интернационала, не удастся остановить ни истребительными мероприятиями, ни каторжными приговорами, ни смертельными казнями»¹⁰⁹⁷. На глазах у мирового комдвижения появлялся новый яркий лидер. Суд Димитрова оправдал, но его и соратников не освободили, а перевели в берлинскую тюрьму гестапо. Совнарком предоставил Димитрову советское гражданство, шла широкая международная кампания за его освобождение. 27 февраля Димитрова экстрадировали в Москву, где он с радостью был встречен советским руководством.

Во Франции 27 июля 1934 года Морис Торез подписал с председателем соцпартии Леоном Блюмом пакт о единстве действий. Это дало двум партиям дополнительные места на кантональных выборах. А в октябре Торез озвучит лозунг сотрудничества уже не только с социалистами, но и с радикалами в рамках антифашистского Народного фронта. В Испании в октябре началась всеобщая забастовка. В Астурии вспыхнуло вооруженное восстание под предводительством «рабочих альянсов», олицетворявших единый фронт коммунистов с социалистами и анархо-синдикалистами. В эти дни был озвучен

по сути новый курс Коминтерна. 11 октября ИККИ выступил с обращением к Социнтерну с предложением «немедленных совместных выступлений для оказания поддержки борющемуся испанскому пролетариату»¹⁰⁹⁸.

К концу 1934 года в воздухе пахло грозой.

– Пацифистские разговоры уходят в прошлое, – скажет Молотов на VII съезде Советов. – Пацифисты уже не в моде... О войне против Советского Союза давно уже открыто говорят некоторые влиятельные круги Японии. Нельзя забывать и о том, что в Европе теперь есть правящая партия, открыто провозгласившая исторической своей задачей захват территорий в Советском Союзе. Не видеть приближения новой войны – значит закрывать глаза на главную опасность¹⁰⁹⁹.

Враг был беспощадным. По Европе прокатилась волна громких политических убийств. Накануне нового, 1934 года в резиденции румынских королей в Синае был убит премьер-министр Дуки. Убийца – член фашистской «железной гвардии» Константинуеску. 15 июня на варшавской улице Фоксал убивают главу польского МВД Бронислава Перацкого. 30 июня Гитлер сам приезжает на виллу в Висзее под Мюнхеном, где лично отдает приказ убить Эрнста Рэма, предававшегося там оргиям с бойцами возглавляемых им штурмовых отрядов. Тысячи убитых штурмовиков. Застрелены Грегор Штрассер – теоретик левого гитлеризма, баварский премьер фон Кар и десятки других видных германских политиков. 25 июля 1934 года гитлеровцы организовали путч в Вене, в ходе которого был убит австрийский канцлер Дольфус. 9 октября Барту приветствует в Марселе одного из лидеров Малой Антанты – короля Югославии Александра I Карагеоргиевича. Террорист из хорватских усташей вскакивает на подножку автомобиля и убивает обоих. Нити заговора приведут в Берлин.

У Сталина, Молотова и их команды не было желания рисковать страной или становиться следующими.

Оппозиция и террор

В начале 1930-х годов Троцкий писал: «Все полученные нами в последнее время письма свидетельствуют, что наиболее популярной поговоркой в партийных кругах, особенно в Москве, является “Долой Сталина”»¹¹⁰⁰. Начал складываться альянс участников всех прежних оппозиционных течений и новых антисталинских группировок. Левые сходились с правыми. Рютин в соавторстве с группой бухаринцев – Слепковым, Марец-

ким, Петровским, старым большевиком Каюровым – написали двухсотстраничный текст и, как могли, распространяли его в массах. Каменев и Зиновьев признаются, что обсуждали с рютинцами вопрос о «восстановлении ленинского Политбюро». Сталин назывался в платформе «злым гением революции», устранение его группировки уставными методами считалось невозможным. Следовал вывод: «Или дальше безропотно ждать гибели пролетарской диктатуры... или силою устранить эту клику»¹¹⁰¹.

2 октября 1932 года вопрос о «контрреволюционной группе Рютина – Слепкова» был вынесен на объединенный пленум ЦК и ЦКК, где рютинская платформа характеризовалась как «призыв к восстанию». 9 октября Президиум ЦКК установил связь подпольной группы с лидерами бывшей «рабочей оппозиции», «объединенной оппозиции» 1926–1927 годов и некоторыми из правых. Молотов скажет, что «хвостами своими Рютины-Каюровы переплелись как со Слепковыми-Углановыми, так и с Зиновьевыми-Каменевыми... На деле формула рютинцев – белогвардейский клич к восстанию против советской власти и большевистской партии. Это, впрочем, даже неловко назвать “кличем”, это всего лишь жалкий вопль некоей белогвардейской группки перерожденцев»¹¹⁰². Среди исключенных из партии двадцати четырех участников рютинской группы оказалось восемь бывших правых, три зиновьевца и три троцкиста. Коллегия ОГПУ дала Рютину десять лет тюрьмы, Каменев и Зиновьев были отправлены в административную ссылку, а Угланов получил работу на прииске в Западной Сибири. На открытых процессах 1936–1938 годов отсчет создания подпольных центров и блоков будет вестись именно от рютинской группы¹¹⁰³.

Вслед за этим, в ноябре 1932 года, стало известно содержание разговоров наркома снабжения РСФСР Эйсмонта о Сталине: «Вот мы завтра пойдем с Толмачевым (начальник Главдортранса СНК РСФСР. – В. Н.) к А. П. Смирнову, и я знаю, что первая фраза, которой он нас встретит, будет: “И как это во всей стране не найдется человека, который мог бы ‘его’ убрать”»¹¹⁰⁴. Смирнов был участником всех троцкистских оппозиций и оставался членом ЦК и кандидатом в члены Оргбюро. 27 ноября на совместном заседании ПБ и президиума ЦИКа слушался вопрос о группе Смирнова, Эйсмонта и др. Молотов выступал одним из основных обвинителей:

– За спиной Эйсмонтов и Толмачевых виден не только тов. Смирнов, но известные всем лидеры правой оппозиции. Кто эти оппозиционеры, из кого они берутся? Прежде всего – из старых оппозиционеров, особенно в лице прошедших длитель-

ную оппозиционную «школу». Можно понять отчаяние людей, не имеющих никакой связи с массами и вместе с тем ненавидящих партию и ее политику. Но когда в среде коммунистов становятся возможны речи вроде того, что руководителей партии «надо убрать», то здесь от такого рода речей до эсеровских актов – один шаг¹¹⁰⁵.

Деятельность оппозиции была предметом рассмотрения на объединенном пленуме ЦК и ЦКК. Сталин произнес: «Ведь это только враги могут говорить, что убери Сталина, и ничего не будет». Оппозиционеры в очередной раз каялись. Эйсмонт и Толмачев были заключены на три года в политизолятор. В октябре 1932-го – апреле 1933 года, как продолжение дела Рютина, шли аресты по делу «антипартийной контрреволюционной группы правых Слепкова» и других («бухаринская школа»). Были задержаны Айхенвальд, Астров, Зайцев, Марецкий, Слепков, Цейтлин, отправленный в Сибирь Угланов. Большую роль сыграли показания Астрова, который подтвердил, что слышал в среде правых разговоры о «дворцовом перевороте» и выкрики: «Дайте мне револьвер, я застрелю Сталина». Доказать террористические намерения следствию не удалось. 34 человека были приговорены к двум – восьми годам тюрьмы или ссылке на один – три года. Угланов получил должность управляющего рыбтрестом в Тобольске¹¹⁰⁶.

В январе 1933 года Сталину и Молотову были направлены материалы по результатам слежки за троцкистами, ранее заявившими о своем разрыве с оппозицией: сохранилась глубоко законспирированная организация, насчитывающая более двухсот человек во главе с самим Смирновым. Она имела филиалы в Ленинграде, Горьком, Киеве, Ростове, группы в Госплане, Наркомтяжпроме. В ходе начавшихся арестов находили переписку с Троцким, антиправительственные листовки. Сроки тюремного заключения от трех до пяти лет и высылки до трех лет получили 88 человек, включая Смирнова, Тер-Ваганяна, Преображенского.

Серьезные опасения вызывал рост оппозиции в союзных республиках, распространение сепаратизма на национальной почве. «Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину мы можем потерять, – писал Сталин с юга в августе 1932 года. – Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет, и его агентура на Украине во много раз сильнее, чем думает Реденс или Косиор. Имейте также в виду, что в Украинской компартии (500 тысяч членов, хе-хе) обретается не мало (да, не мало!) гнилых элементов, сознательных и бессознательных петлюровцев, наконец, прямых агентов Пилсудского. Как

только дела станут хуже, эти элементы не замедлят открыть фронт внутри (и вне) партии, *против* партии. Самое плохое, что украинская верхушка *не видит* этих опасностей»¹¹⁰⁷. Началась борьба с националистическими проявлениями. В январе 1933 года Молотов говорил:

– Мы указываем теперь на то, что ввиду обострения классово-вой борьбы на ряде участков в период развертывания борьбы за ликвидацию капиталистических элементов будет усиливаться и великодержавный шовинизм, и местный национализм, и поэтому необходимо усилить борьбу против шовинистов – в первую очередь великодержавных, антисемитов и т. п., а также против шовинистов местного типа – петлюровцев, алаш-ордынцев, мусаватистов и пр. ... Отрыв Украины от Москвы подорвал бы в корне основы большевизма, и этот факт был бы началом конца всего мирового большевизма¹¹⁰⁸.

У Советского Союза были хорошая разведка и неплохая контрразведка. И на столы руководителей страны ложилась вполне достоверная информация о работе на территории Советского Союза иностранных спецслужб. Молотов подтверждал:

– В Маньчжурии под определенным иностранным покровительством усиленно завозились остатки белогвардейщины. Белогвардейцы в Маньчжурии и в Париже открыто строят планы об отрыве от СССР Дальнего Востока и создании при иностранной поддержке «буферного государства» на Дальнем Востоке с участием известных нам по интервенции 1918–1919 годов международных проходимцев вроде генерала Гайда и его шайки¹¹⁰⁹.

Персонал японской разведки в Польше, Румынии, Латвии, Эстонии, Финляндии, на Ближнем Востоке за один только 1934 год вырос втрое. Советская разведка, которая читала всю японскую зашифрованную переписку, доложила о планировавшихся взрывах мостов и тоннелей на Уссурийской железной дороге, планах использования мусульманского движения для внутренней дестабилизации СССР. Вдоль границ СССР были организованы японские военные миссии, являвшиеся одновременно разведывательными центрами, которые занимались заброской агентов на советскую территорию. В Харбине под покровительством японских спецслужб находилась штаб-квартира Российского фашистского союза¹¹¹⁰.

Следили за деятельностью подрывных центров в Европе. Во Франции, как утверждал Молотов, «открыто и систематически русские белогвардейцы ведут теперь усиленную кампанию за объявление войны против СССР»¹¹¹¹. Дело «Виккерс», похоже,

выявило серьезную агентурную сеть Великобритании и вызвало острый конфликт с Лондоном. В обвинительном заключении по этому делу говорилось: «Берк, Риддл, Макдональд, А. Аннис, Г. Аннис, Шипли Поллит, Уотерс, Нордуолл и Кларк занимались военным и политическим шпионажем, тогда как Джул, Джолли, Корнелл, Маккракен, Кашни, Грегори, А. Смит, Фэллоуз, Ноуелл, Чарнок, Уотмауф – занимались шпионажем политэкономическим». Процесс по этому делу широко освещали английские журналисты, среди которых был и юный Ян Флеминг, черпавший вдохновение для будущей бондианы¹¹¹².

Сбор информации об СССР, особенно о его военном потенциале, активно велся спецслужбами Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы. «Это не исключало, а нередко подразумевало передачу ими разведанных спецслужбам ведущих европейских стран»¹¹¹³.

Естественно, что гитлеровцы тоже активизировали работу против СССР, моментально начали создание антисоветских эмигрантских организаций. В июне 1933 года на стол Сталину и Молотову ложится добытый разведкой «Меморандум германскому правительству о необходимости поддерживать белогвардейские организации»¹¹¹⁴. Агент «А-256» («Августа») сообщал, что Геббельс поддерживает «национально-большевистскую» группировку в СССР, которая «имеет значительное количество своих сторонников в крестьянстве, в Красной Армии и связана с видными работниками Кремля – оппозиционерами, которые добиваются экономических реформ и падения Сталина». В декабре 1934 года агент «Венера» подтверждал, что нацисты совместно с троцкистами разрабатывают террористические планы и что эта совместная организация имеет в СССР много сторонников, в основном в Красной Армии. Не случайно, что военная контрразведка и парторганы в армии работали без устали. Только в 1933 году из РККА было уволено больше 22 тысяч человек, в 1934–1936 годах – еще столько же. Но из высшего командного состава до середины 1936 года был арестован только комкор Гай (Бжишкян), который в пьяном виде поведал публике, что «Сталина нужно убрать, все равно его уберут»¹¹¹⁵.

Однако примечательно, что в середине 1933 года появляются очевидные признаки смягчения режима. Это объяснялось переломом в политических и общественных настроениях в пользу Сталина, желанием наладить связи с европейскими странами. Как писал историк Бордюгов, «намечаются попытки упрочения политического режима, как это ни парадоксально, путем освобождения его от тех крайностей, которые затрудняли обретение нового положения в Европе и заключение новых

союзов»¹¹¹⁶. Осенью возвратили в Москву из второй ссылки Зиновьева и Каменева, в декабре восстановили в партии. На XVII съезде они дружно каялись, наговорив, по законам того времени, на многолетние сроки. После съезда Бухарина назначили ответственным редактором «Известий», Зиновьев стал членом редколлегии «Большевика» (правда, вскоре прокололся замечанием по поводу Энгельса и был изгнан из редакции). Каменев, отказавшись от ответственной партийной работы, предпочел возглавить Институт мировой литературы, Литературный институт и издательство «Academia».

Смягчение режима проявилось и в нормотворчестве. В феврале 1934 года Молотов отмечал на VII съезде Советов, что ограничение избирательных прав – это временная мера, необходимая только до тех пор, пока старые эксплуататорские классы представляют угрозу. На тот момент это ограничение касалось двух миллионов человек, но скоро и эта категория должна была исчезнуть¹¹¹⁷. Постановлением Политбюро от 10 июля 1934 года ОГПУ вошло как одно из подразделений во вновь созданный Наркомат внутренних дел. При этом НКВД лишился значительной части судебных функций. В тот же день постановлением «О работе судов и прокуратуры» определялся новый порядок судопроизводства в связи с «предстоящей передачей на рассмотрение судебных органов дел, проходивших ранее во внесудебном порядке»¹¹¹⁸. На совещании прокуроров в августе 1934 года Молотов заявил, что основным недостатком работы ОГПУ являлось стремление полагаться на признания обвиняемых, не уделяя внимания сбору иных доказательств. Он ставил задачу повышения профессионального уровня подготовки судей, прокуроров и следователей и рассказывал про обсуждение в Кремле вопросов «о необходимости восстановить юридические факультеты, создать литературу и ответственных работников для прокуратуры и судов»¹¹¹⁹. С этим действительно была беда: даже в 1936 году 65 процентов следователей имели низшее образование, а еще 19 процентов – среднее.

На заседании ПБ обсуждался доклад Ягоды о раскрытии ряда молодежных групп, занятых изучением марксизма, в которых велись разговоры и о возможности прибегнуть к индивидуальному террору. Политбюро постановило, что высшая мера может применяться только при неопровержимых доказательствах не просто «террористических намерений», а прямой подготовки террористических актов¹¹²⁰. Количество осужденных по делам, расследовавшимся ОГПУ–НКВД, сократилось с 240 тысяч в 1933 году до 79 тысяч в 1934-м.

Успокоение было недолгим. 5 августа начальник штаба артебризиона Осоавиахима Нахаев вывел отряд курсантов в центр столицы, где обратился к ним со словами: «Долой старое правительство, да здравствует новая революция, да здравствует новое правительство»¹¹²¹. Нахаев приказал идти на Кремль, но курсанты приказ выполнять не стали. Сталин 8 августа писал Кагановичу: «Дело Нахаева – сволочное дело. Он, конечно (конечно!), не одинок. Он призывал вооруженных людей к действию против правительства – значит, его надо уничтожить»¹¹²². 19 августа замнаркома внутренних дел Прокофьев сообщает Сталину о том, что «группа работников Сталинского металлургического завода (ЗСК) ведет шпионскую работу в пользу Японии»¹¹²³. 19 сентября Политбюро приняло постановление по телеграмме Молотова из Западной Сибири: «Принять предложение т. Молотова: предоставить т. Эйхе право давать санкцию на высшую меру наказания в Западной Сибири в течение сентября и октября месяцев 1934 г.»¹¹²⁴. Речь шла о приговорах, выносимых именно по делу работников ЗСК.

Во время того визита Молотова в Сибирь произошла история, которую ему поставят в вину на XXII съезде КПСС, охарактеризовав как «пример его крайнего цинизма», поскольку он не взял под защиту невинных людей, обвиненных в покушении на него. Водителем Молотова в Прокопьевске был некто Арнольд, до Первой мировой войны живший в Финляндии, Германии, Голландии, Норвегии и Англии, а также в США, где сидел в тюрьме, служил в армии. В СССР он попал в числе американских специалистов. Каким образом он оказался за рулем машины Молотова, непонятно. Только происшествие едва не закончилось трагически. «Автомобиль с Молотовым внезапно свернул с дороги и покотился с насыпи. Она была довольно высокая. Автомобиль потерял устойчивость и опрокинулся. Молотов почувствовал, что их неудержимо тянет вниз. Он обреченно закрыл глаза... Когда спустя какое-то мгновение Молотов открыл глаза и выглянул из машины сквозь лобовое стекло, он похолодел от ужаса – автомобиль висел над самым краем глубокого придорожного оврага... Опрокинувшуюся машину с помощью шахтеров, разъезжавшихся на грузовиках после встречи по домам, кое-как оттащили от опасного места и вновь поставили на колеса. От сильного удара транспортное средство имело весьма удручающий вид и не заводилось. Молотова пересадили в фанерную кабину грузовой полупортки и доставили в Прокопьевск»¹¹²⁵. За эту историю Арнольду был объявлен выговор, тот написал письмо Молотову, который переслал его в крайком партии. Выговор был снят¹¹²⁶.

Но дело вновь всплыло годом позже, когда Арнольд был арестован. На процессе 1936 года Муралов скажет: «В Прокопьевске мы пытались в 1934 году совершить террористический акт против Молотова, но акт оказался неудачным... Я поручил это Шестову. Он сказал мне, что у него есть уже подготовленная группа, во главе которой состоял, кажется, Черепухин, и что подготовлен шофер, который готов пожертвовать своей жизнью для того, чтобы лишить жизни Молотова. Но в последний момент шофер сдрейфил, не рискнул пожертвовать своей жизнью». Участники покушения дали признательные показания. Сам Арнольд на суде подтвердил: от убийства Молотова его «остановила трусость», вместо катастрофы получилась авария¹¹²⁷. И чему Молотов не должен был верить? На склоне лет он делился ощущением, что «покушение было вполне реальным»¹¹²⁸.

Далее последовало убийство Кирова. Молотов не подтверждал выстроенную с подачи Хрущева версию: Киров был исключительно популярным политиком, которому недовольные Сталиным участники XVII съезда предложили возглавить партию. После этого генсек якобы избавился от основного конкурента в борьбе за власть, а затем – и от делегатов «съезда победителей». История с оппозицией Сталину на съезде и поданных против него сотен голосов носит полумифический характер. Конечно, среди делегатов было множество оппозиционеров, и кто-то мог предложить Кирову возглавить партию – Молотов не исключал такой возможности. Но Киров никогда бы не поверил в искренность такого человека и воспринял бы это как «подставу». При отсутствии яркой дореволюционной биографии у Кирова не было ни малейшего шанса получить поддержку в партии. Количество проголосовавших на съезде против Сталина сейчас невозможно установить. Цифра в 292 голоса была названа, как по команде, тремя членами счетной комиссии уже после XX съезда, в 1960 году. И, конечно, Киров никогда бы не пошел против Сталина. Молотов говорил: «Так, как к Кирову, Сталин на моей памяти относился потом только, пожалуй, к Жданову»¹¹²⁹. Молотов отмечал и отсутствие у Кирова серьезных амбиций союзного масштаба. «Он вообще в ЦК не работал. В конце XVII съезда мы сидели в своей компании, в комнате президиума, и Сталин говорит Кирову: “Теперь тебе пора переходить на работу в Москву”. Я поддержал Сталина: “Да, правильно”. Киров так на меня набросился: “Да что ты говоришь! Да я здесь не гожусь, да я в Ленинграде не хуже тебя могу, а здесь что я смогу?” Ругался последними словами, очень боялся, что его могут перевести».

1 декабря Сталин проводил совещание с участием Молотова, Кагановича, Ворошилова и Жданова. «Я был в кабинете Стали-

на, – рассказывал Молотов, – когда позвонил Медведь, начальник ленинградского ОГПУ, и сказал, что сегодня в Смольном убит товарищ Сергей. Сталин сказал в трубку: “Шляпы!”»¹¹³⁰. Версия о том, что уже в тот же вечер Сталин призвал искать виновных среди зиновьевцев, пошла гулять со слов Бухарина, но того в кабинете точно не было. Впрочем, трудно было найти человека, так или иначе не связанного с Зиновьевым в Ленинграде. Литерный поезд привез Сталина, Молотова и других в Ленинград утром следующего дня. С вокзала члены Политбюро направились в больницу им. Свердлова, где находилось тело. Посетили вдову Кирова и затем приехали в Смольный, где прошло заседание комиссии по организации похорон. Гроб с телом Кирова решено было установить во дворце Урицкого, доступ для прощания был открыт в 18.00. «На набережных нескончаемые колонны людей теряются в сумерках»¹¹³¹, – описывал прощание с Кировым Алексей Толстой. В первую смену почетного караула встали Сталин, Молотов, Ворошилов, Жданов.

3 декабря в Смольном «говорили с убийцей Кирова Николаевым, – вспоминал Молотов. – Замухрышестого вида, исключен из партии. Сказал, что убил сознательно, на идеологической основе. Думаю, что женщины там ни при чем. Я думаю, он чем-то был, видимо, обозлен, исключен из партии, обиженный такой. И его использовали зиновьевцы»¹¹³². Ситуация выглядела крайне подозрительно. Сталин потребовал, чтобы к нему привезли охранника Кирова – Борисова, который почему-то отстал от охраняемого в момент убийства. Но как раз по пути к Сталину грузовик, на котором Борисова везли, врезался в стену, и он погиб. По ходу выяснилось, что Николаев ранее, 15 октября, задерживался чекистами, причем в портфеле его были пистолет и записная книжка с маршрутом Кирова. Но по указанию руководства Ленинградского УНКВД был отпущен.

Не доверяя ленинградским чекистам, Сталин заменил следственную группу. Контроль над следствием был поручен заместителю председателя КПК Николаю Ежову. В Москву Сталин и Молотов вернулись вечером 3 декабря, тем же поездом было доставлено тело Кирова. «На вокзале гроб поставили на артиллерийский лафет, и процессия направилась к Дому Союзов. Впереди шел Сталин, за ним другие члены Политбюро, – запомнил Микоян. – После смерти Ленина и того горя, которое все тогда пережили, это было вторым по своей глубине горем для партии и страны»¹¹³³.

«О Кирове я речь произносил на похоронах. Сталин сказал: “Ты сегодня выступал, как оратор”»¹¹³⁴, – вспоминал Молотов.

– Мы потеряли близкого и любимого человека, товарища исключительной чуткости и человеческой теплоты, смерть которого для нас ничем не возвратимая потеря. Враги рабочего класса знали, в кого они посылают предательскую пулю. Они стреляли нам в грудь. Они стремились нанести удар как можно ближе к сердцу партии¹¹³⁵.

Между тем в Ленинграде, постоянно ширясь, шло расследование, отработывавшее как основную политическую версию. 13 декабря на стол Сталина и Молотова ложится протокол допроса Николаева: «Подтверждаю, что входил в группу б. оппозиционеров в составе Котолынова, Шатского, Юскина и др., проводивших к.-р. работу... Участники группы состояли на платформе троцкистско-зиновьевского блока. Считали необходимым сменить существующее партийное руководство всеми возможными средствами... Убийство Кирова было санкционировано участником группы Котолыновым и Шатским от имени всей группы... Я должен был изобразить убийство Кирова как единоличный акт, чтобы скрыть участие в нем зиновьевской группы»¹¹³⁶. Все сопроцессники Николаева, кроме него самого и Юскина, в прошлом являлись активными оппозиционерами, чьи подписи стояли под платформами 13-ти и 83-х 1927 года. Серьезно облегчало работу следователей то, что практически у всех арестованных при обыске находили оружие. У многих обнаруживали платформу Рютина, заявления и письма вождей оппозиции. У Емельянова нашли архив ленинградской оппозиции. Появились показания, что на квартирах многих из задержанных устраивались широкие встречи с приезжавшими в Ленинград Зиновьевым и Каменевым. 16 декабря их арестовали.

22 декабря НКВД опубликовал данные предварительного расследования, согласно которым убийство было совершено Николаевым в качестве члена «террористической подпольной антисоветской группы, образовавшейся из числа участников бывшей зиновьевской оппозиции в Ленинграде». На проекте заключения Сталин начертил: «Молотову и др. членам ПБ. Предлагаю собраться завтра или сегодня ночью. Лучше сегодня в 9 часов»¹¹³⁷. Выездная сессия Военной коллегии Верховного суда приговорила к расстрелу 14 человек, включая Николаева, Котолынова, Шатского, непосредственно обвиненных в организации убийства Кирова. 9 января 1935 года Особое совещание при НКВД рассмотрело уголовное дело «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других». Их обвиняли в «содействии контрреволюционной зиновьевской группе». По делу «Московского центра» проходили 19 человек во главе с Каменевым и Зиновьевым, которым

предъявили обвинения в подпольной контрреволюционной деятельности. Все получили от пяти (Каменев) до десяти (Зиновьев) лет заключения. Руководство Ленинградского управления НКВД судили за преступную халатность и отправили на Колыму. 28 января Молотов докладывал VII съезду Советов:

– Белогвардейские вырождаки из зиновьевцев, воспитанные презренным «вождем» провокаторского двурушничества, явились организаторами этого злодеяния. Врагу безразлично, кто будет исполнителем его воли – пусть это будет и прикрывшийся коммунистическим билетом преступник, за спиной которого спряталась кучка беспринципных карьеристов и любителей высоких постов. Миллионные массы рабочих и крестьян на выстрел в Ленинграде ответили по-своему, ответили с исключительной силой сплочением своих рядов вокруг советской власти, вокруг товарища Сталина. (*Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овации. Все встают.*)¹¹³⁸

С убийством Кирова нередко связывают и начатые в тот период меры по выселению неблагонадежных граждан из приграничных регионов и из столиц. На самом деле эти шаги, связанные с противодействием трансграничному шпионажу, были запланированы еще до убийства Кирова¹¹³⁹. Из Ленинграда «за нарушение правил проживания и закона о паспортной системе» выселили 1074 граждан из «бывших». Это событие, помимо прочего, вызвало очередное письмо академика Павлова председателю Совнаркома в защиту его знакомых. Тот терпеливо отвечал: «Многоуважаемый Иван Петрович! В Ленинграде действительно предприняты специальные меры против злостных антисоветских элементов, что связано с особым приграничным положением этого города и что правительству приходится особо учитывать в теперешней сложной международной обстановке. Разумеется, возможны при этом отдельные ошибки, которые должны быть выправлены, но заверяю Вас в том, что имеются достаточные данные о незаконных и прямо предательских по отношению к родине связях с заграницей определенных лиц, по отношению к которым (и их пособникам) применены репрессии. При первом случае, когда мне представится возможность лично с Вами поговорить, сообщу Вам некоторые соответствующие подробности». И дописал от руки: «Уважающий Вас В. Молотов»¹¹⁴⁰.

Глава шестая

ПРЕМЬЕР-2.0. 1935–1939

*Мы по-настоящему верим только
в свои собственные силы.*

Вячеслав Молотов

Конституционалист

25 января 1935 года – еще одна потеря. Умер Куйбышев, ему было 47 лет. На похоронах Молотов не скрывал эмоций:

– Мы, работавшие с ним бок о бок до последнего дня, будем особенно больно и долго чувствовать потерю Валериана Владимировича, которого все хорошо его знавшие горячо любили¹¹⁴¹.

В день смерти Куйбышева Сталин направил членам ПБ письмо с неожиданным предложением: «Систему выборов надо менять не только в смысле уничтожения ее многостепенности. Ее надо менять еще в смысле замены открытого голосования закрытым, тайным голосованием... Обстановка и соотношение сил в нашей стране в данный момент таковы, что мы можем только выиграть политически на этом деле». Сталин предлагал: «1. Собрать через день-два после открытия VII съезда Советов Пленум ЦК ВКП(б) и принять решение о необходимых изменениях в Конституции Союза ССР. 2. Поручить одному из членов Политбюро ЦК ВКП(б) (например, т. Молотову) выступить на VII съезде Советов от имени ЦК ВКП(б) с мотивированным предложением»¹¹⁴². Это было совсем не то, что можно было ожидать после убийства Кирова, которое не стало прелюдией к Большому террору.

28 января Молотов выступал перед высшим органом государственной власти страны с отчетным докладом о работе правительства, который получился весьма сенсационным. Во внешнеполитическом разделе прозвучала мысль о том, что «идет соревнование и вместе с тем сотрудничество двух противоположных общественных систем». О возможности сотрудничества двух систем раньше в СССР не говорили. Молотов призвал к единству действий против возможных агрессоров, причем и Германии с Японией предлагалась нормализация отношений. В экономическом разделе он обратил внимание на темпы эко-

номического роста в СССР. Если принять 1929 год за 100 процентов, то по итогам 1934 года объем промышленной продукции составил 239 процентов, тогда как в мире в целом – 76 процентов, в США – 67, Англии – 96, Германии – 86, Франции – 71. **Главный вывод:**

– Социализм одержал в нашей стране победу. Нэп в его последней стадии все еще живет, продолжая свою работу на социализм. Более того, такие испытанные орудия нашего хозяйственного развития, как торговля и деньги, взятые нами из арсенала буржуазного общества и по-своему приспособленные к нуждам советской власти, будут еще долго жить и выполнять важнейшее для социализма дело... И вот мы можем теперь сказать: *Россия нэповская стала Россией социалистической!* (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

Но основную новость Молотов приберет на конец:

– Советская конституция должна быть подвергнута такой переработке, чтобы в ней были закреплены такие завоевания Октябрьской революции, как создание колхозного строя, ликвидация капиталистических элементов, победа социалистической собственности в Советском Союзе. В нашей Конституции должны получить отражение также задачи развития советского демократизма до конца, задачи развития как старых, так и новых форм участия трудящихся в управлении государством¹¹⁴³.

На полях Съезда Советов 1 февраля прошел пленум ЦК. Места Кирова и Куйбышева в Политбюро заняли Микоян и Чубарь, должности кандидатов – Жданов, ставший первым секретарем Ленинградского обкома, и Эйхе. Отъезд из Москвы Жданова открыл дорогу Ежову, который был введен в Секретариат ЦК. Руководителем Московского областного комитета был назначен молодой Никита Хрущев. Пленум поддержал идею реформирования Конституции, и 6 февраля делегаты Съезда Советов слушали еще один детальный доклад Молотова о том, что «пришло время, когда мы можем развернуть советский демократизм до конца». У него никогда не было ни капли сомнения в превосходстве советской системы демократии над западной:

– Этот демократизм коренным образом отличается от буржуазного демократизма, являющегося во всех его разновидностях всего лишь прикрытием диктатуры буржуазии, диктатуры горстки капиталистов над громадным большинством, над трудящимися массами. В то время как в Советском Союзе поставлен теперь вопрос о дальнейшей демократизации... во всех буржуазных государствах мы видим развитие государственной системы в противоположном направлении, в направлении отрицания демократии и перехода к фашизму. В то время как все

новые буржуазные страны ликвидируют остатки избирательных прав населения, Советский Союз все ближе подходит к полной отмене всяких ограничений всеобщего избирательного права. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

При этом, как отмечал Молотов, в СССР постоянно рос уровень политического участия. Если в начале 1920-х годов явка на выборы в Советы не достигала и 40 процентов от имевших право голоса, а на селе не превышала 20–25 процентов, то на выборах 1931 года она достигла 72 процентов, а 1934 года – 85 процентов. Молотов ставил перед съездом три основных вопроса:

– Во-первых, о замене многоступенчатых выборов прямыми. Во-вторых, о замене не вполне равных выборов равными. Наконец, в-третьих, о замене открытых выборов закрытыми.

Завершающую часть доклада Молотов посвятил теме любви к Родине, что было также новым для представителя партии пролетарского интернационализма.

– Советский патриотизм – вовсе не признак национальной ограниченности. Настоящий советский патриотизм растет в массах, как сознание великой революционной силы союза рабочих и крестьян всех наций СССР, объединенных Советами, как сознание великого интернационального значения успехов строительства социализма для трудящихся всех стран¹¹⁴⁴.

Аккредитованные в Москве иностранные журналисты оценили доклад Молотова как настоящую сенсацию, особенно выделяя в нем такие новаторские словосочетания, как «общесоюзный парламент», «ответственность перед родиной», «советский патриотизм». Перемен будет еще много. На открытии первой сессии ЦИКа Союза ССР седьмого созыва была сформирована Конституционная комиссия.

4 мая в Кремле руководители страны дали прием в честь выпускников военных академий. Сталин заговорил о том, что настало время опираться не на тех, кто обладал в прошлом заслугами революционеров, а на людей со специальным образованием. «Надо понять, что при наших нынешних условиях кадры решают всё».

Вышинский, ставший прокурором СССР (профессиональный юрист, человек весьма деятельный), 13 мая послал Сталину и Молотову докладную записку о результатах прокурорской проверки работы органов НКВД по очищению Ленинграда от чуждых элементов. Поступило 2237 жалоб на неправильные действия органов НКВД, из коих прокуратура успела рассмотреть 1719, опротестовав и отменив постановления по 264 жалобам (13,4 процента)¹¹⁴⁵. В мае по приказу Молотова Комиссия

советского контроля при Совнаркомоме (КСК) начала детальную проверку работы судов разных республик. В ноябре 1935 года ее председатель Антипов направил на имя Сталина и Молотова закрытый отчет, где содержались весьма резкие оценки состояния судебной системы: невыполнение постановления СНК о профессиональной подготовке судей, взяточничество, волокита, нарушение процессуальных правил, необоснованные осуждения. Глава Наркомюста Крыленко и председатель Верховного суда Булат оправдывались перед Молотовым, но не очень убедительно¹¹⁴⁶.

21 июня Политбюро утвердило постановление за подписями Молотова и Сталина: «Аресты по всем без исключения делам органы НКВД могут производить лишь с согласия соответствующего прокурора... Разрешения на аресты руководящих работников наркоматов Союза и союзных республик и приравненных к ним центральных учреждений... а также состоящих на службе в различных учреждениях инженеров, агрономов, профессоров, врачей, руководителей учебных и научно-исследовательских учреждений – даются по согласованию с соответствующими народными комиссарами»¹¹⁴⁷. 29 июля вышло постановление Совнаркома и ЦИКа, которое предписывало «снять судимость с колхозников, осужденных к лишению свободы на срок не свыше 5 лет». К весне 1936 года судимость будет снята с 556 790 человек, еще 212 199 колхозников освободят от судимости по решению правительства Украины¹¹⁴⁸.

7 июля состоялось первое протокольное заседание Конституционной комиссии, на которой заместителями ее председателя – Сталина были избраны Молотов и Калинин. Создавались 12 подкомиссий для выработки основных разделов Конституции. Молотову досталась экономическая. В не предназначенном для публикации выступлении Сталин предложил усилить демократические элементы государственного строя, разделив советскую власть на законодательную и исполнительную. 26 сентября Сталин писал Молотову: «Насчет конституции я думаю, что ее ни в коем случае не стоит смешивать с партийной программой. В ней должно быть то, что уже достигнуто. А в программе же, кроме того, – и то, чего добиваемся». В числе новаций предлагался референдум¹¹⁴⁹. Идеологические разногласия проявились достаточно быстро и явственно. Крыленко был категорически против разделения властей, Бухарин – против снятия ограничений в избирательном праве¹¹⁵⁰. Сталин отменил предложение Молотова поставить перспективную задачу ограничения товарно-денежных отношений. В приватном разговоре с Молотовым (и не только с ним) Сталин вдруг сказал,

что в СССР уже нет диктатуры пролетариата. Это его мнение, которое, разумеется, никогда не прозвучало вслух, нашло и завуалированное отражение в самой Конституции, где было сказано, что Советская власть родилась как диктатура пролетариата и затем стала властью всех трудящихся¹¹⁵¹.

В начале декабря 1935 года на совещании комбайнеров башкирский трудящийся Гильба заявил, что хотя и является сыном кулака, но готов бороться за дело социализма. Сталин отреагировал: «Сын за отца не отвечает». Вышинский обратился в ЦК, СНК и ЦИК с запиской, в которой предлагал пересмотр дел осужденных по закону от 7 августа об охране соцсобственности. В подписанном Молотовым и Калининным 16 января 1936 года закрытом постановлении поручалось проверить правильность применения закона. Вышинский доложил Сталину, Молотову и Калининну, что проверено 115 тысяч дел, и в 91 тысяче случаев применение закона было неправильным. Из заключения освобождались 37 425 человек. В декабре ПБ и Совнарком одобрили циркуляр о работе лиц, высланных в административном порядке, разрешавший использовать по специальности инженеров, техников, врачей, бухгалтеров и квалифицированных рабочих. Дети, «высланные или сосланные как иждивенцы своих родителей», подлежали «приему в учебные заведения по месту ссылки или высылки в порядке перевода»¹¹⁵². Символическим знаком было опубликованное 30 декабря 1935 года постановление ЦИКа и СНК, которое разъяснил Молотов: «Специальным декретом правительство сняло всякие ограничения, связанные с социальным прошлым, для поступающих в высшие школы и техникумы. Теперь нет нужды в этих ограничениях, но зато должны повыситься наши требования в отношении действительных знаний и качественного уровня учебы»¹¹⁵³.

Сталин, Молотов, Каганович и Ворошилов 29 марта подписали постановление ПБ по показательному делу семнадцатилетней колхозницы из Северо-Кавказского края Обозной, которой отказали в приеме на курсы трактористов, потому что она была дочерью высланного кулака. Политбюро осудило незаконный отказ как «нарушение указаний партии и правительства»¹¹⁵⁴. 20 апреля 1936 года ЦИК СССР постановил снять с казачества ограничения по службе в РККА¹¹⁵⁵. Восстанавливались казачьи части с традиционной формой – с красными для донских и синими для кубанских казаков околышами фуражек, лампасами, папахами, бешметами и кубанками.

Популярность власти была высокой. Корней Чуковский в дневнике описывает появление Сталина на съезде комсомола 22 апреля: «Что сделалось с залом!.. Я оглянулся – у всех были

влюбленные, нежные, одухотворенные лица... Видеть его, просто видеть – для всех нас было счастьем... Каждый жест его воспринимали с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства... Пастернак шептал мне все время восторженные слова... Домой мы шли вместе с Пастернаком и оба упивались нашей радостью»¹¹⁵⁶.

Первоначальный текст Конституции 30 апреля был разослан членам ЦК и Конституционной комиссии, которая собралась на заседание 15 мая. Новая система государственной власти предусматривала двухпалатный Верховный Совет с действующим в промежутки между сессиями Президиумом. СНК выполняет роль исполнительного и распорядительного органа, образуемого Верховным Советом. Верховный суд формируется Верховным Советом СССР, народные суды избираются населением. Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы. На пленуме ЦК доклад по Конституции делал Сталин. Молотов спорил с ним по вопросу о главном принципе социализма, напоминая Марксову формулу о том, что на первых стадиях социалистического общества действует еще капиталистический принцип «равной оплаты за равный труд». Предлагавшийся Сталиным принцип «от каждого по способности, каждому по труду» Молотов считал на том этапе утопичным. Но начальник настоял на своем. 12 июля проект Конституции опубликовали все газеты страны.

Традиционалист

– Надо не жалея сил изучать культурное наследие, – скажет Молотов на XVIII съезде ВКП(б). – Надо знать его всерьез и глубоко. Надо использовать все, что дал капитализм и предшествующая история человечества, и из кирпичей, созданных трудом людей на протяжении многих веков, строить новое здание – удобное для жизни народа, просторное, полное света и солнца¹¹⁵⁷.

С середины 1930-х годов руководство страны распрощалось с идеями культурного «отречения от старого мира» и попыталось синтезировать социализм и традицию. Наиболее яркая примета: были возвращены права Новому году – празднику, в котором партия видела отголоски религии и даже запретила в 1928 году рубку елок. А в ночь с 31 декабря 1936 года на 1 января впервые за все годы советской власти прошли новогодние балы в московском Доме союзов, ленинградском Александровском дворце, во многих домах культуры¹¹⁵⁸. Была закрыта газе-

та «Безбожник». Накануне Пасхи 1935 года разрешили торговать (сперва на рынках, а затем и в государственных магазинах) продовольственными красителями для яиц, формочками для выпечки куличей.

Возвращалась система персональных званий начальствующего состава армии, привязанных к конкретной должности, – лейтенант, старший лейтенант, капитан, майор, полковник. Это позволяло офицерскому составу предсказуемо рассчитывать на повышение по службе. Не решились пока вернуть звания генералов, зато появилось звание Маршала Советского Союза, присвоенное сразу Ворошилову, Буденному, Блюхеру, Егорову и Тухачевскому. «Мы ввели личные звания для начальствующего состава Красной Армии, чтобы еще больше укрепить и поднять значение руководящих кадров нашей армии»¹¹⁵⁹, – разъяснит Молотов. Штаб РККА был переименован в Генеральный штаб, что стало еще одним обращением к российской традиции.

В конце 1935 года Сталин и Молотов подписали постановление, возвращавшее традиции дореволюционного образования: подчеркивалась необходимость соблюдения в школах дисциплины, восстанавливались пятибалльная система оценок, школьная форма, должности директоров школ. Работа на ниве просвещения давала все большие результаты. Предсовнаркома скажет в докладе о двадцатилетии Октября:

– Общее число учащихся во всех учебных заведениях с восьми миллионов в 1914 году возросло до 38 миллионов в прошлом году. В таких республиках, как Узбекская, Таджикская, Туркменская, Киргизская, количество учащихся возросло в десятки раз. Начальной школой охвачены все дети. Количество учащихся в средних школах возросло в 18 раз по сравнению с дореволюционным временем. Количество учащихся в высших учебных заведениях возросло почти в пять раз. Теперь в наших вузах обучается 540 тысяч студентов. Широко развернулись общеобразовательные школы для взрослых, где учится около 9 миллионов человек. Сверх указанных 38 миллионов учащихся на различных специальных курсах для рабочих и колхозников обучалось 6,3 миллиона человек и в дошкольных учреждениях проходили подготовительное обучение 4,3 миллиона детей. За последние 10 лет расходы на просвещение, взятые в целом, увеличились в 33 раза¹¹⁶⁰.

Символом отношения к подрастающему поколению стал пионерский лагерь «Артек», созданный в 1936 году по инициативе Молотова. После первой смены пионеров пригласили к нему в Кремль. Детвора читала стихи, танцевала, исполняла артековские песни и частушки, одна из которых звучала:

«У “Артека” на носу приютился Суук-Су». Речь шла о дворце императорской фамилии, где размещался дом отдыха Совнаркома. После исполнения частушки Молотов сказал, что понял намек. Суук-Су отошел к лагерю¹¹⁶¹.

Отчитываясь по итогам второй пятилетки, Молотов говорил, что «в вузах у нас учится больше, чем в таких странах, как Германия, Англия, Франция, Италия и Япония, вместе взятых»¹¹⁶². В середине 1930-х годов советское правительство на научные исследования и разработки тратило долю своего ВВП большую, чем США¹¹⁶³. На сессии Академии наук в марте 1936 года Иоффе скажет, что отечественная физика заняла четвертое место в мире, а техническая физика, может быть, даже третье. Другое дело, что высокоцентрализованная система принятия решений превращала внедрение инноваций в трудное бюрократическое занятие, особенно когда такое внедрение угрожало выполнению плановых заданий.

В августе 1935 года ПБ утвердило постановление Совнаркома «Об участках для строительства Академии наук СССР», по которому для зданий Президиума, библиотеки и музеев выделялись территории по Крымской набережной – от Крымского моста до 1-го Голутвинского переулка (там сейчас находятся новая Третьяковка и Президент-отель); для жилищного строительства и строительства институтов – по Большой Калужской (Ленинскому проспекту)¹¹⁶⁴. В ноябре 1936 года Молотов направил в ПБ проект постановления: «Существующие ставки зарплаты по Академии наук значительно отстают от ставок зарплаты научных работников ведомственных научно-исследовательских институтов». Совнарком признал необходимым ввести для академиков и членов-корреспондентов основные оклады в размере 1000 и 500 рублей, а для особо выдающихся академиков (десяти – двенадцати человек) – персональные оклады (3 тысячи рублей). Повышалась также зарплата директорам институтов, руководителям лабораторий, отделов и секторов институтов и научным сотрудникам институтов¹¹⁶⁵.

В феврале 1936 года ПБ ликвидировало Комакадемию, существование которой приводило «к фактической замкнутости и изоляции узкого круга коммунистических кадров научных работников от всей широкой массы научных работников». Постановлением Совнаркома и ЦК, подписанным Молотовым и Сталиным, ее институты – экономики, аграрный, мирового хозяйства и мировой политики, истории, советского строительства и права, философии – передавались Академии наук¹¹⁶⁶.

При Совнаркомоме в 1935 году был создан общесоюзный Комитет по делам искусств, призванный руководить деятельнос-

тью «театров и других зрелищных предприятий, киноорганизаций, музыкальных, художественно-живописных, скульптурных, других учреждений», а также готовящих для них кадры учебных заведений.

Начала работу Всероссийская Пушкинская комиссия для популяризации творчества поэта. «Народ впервые нашел своего поэта, – писал в эмиграции Георгий Федотов. – Через него он открывает собственную свою историю. Он перестает чувствовать себя голым зачинателем новой жизни. Будущее связывается с прошлым»¹¹⁶⁷. За Пушкиным стали учить стихи Лермонтова, Фета, Тютчева, Майкова, других русских поэтов. Постановлением 1936 года была увековечена память далеких от марксизма «революционных демократов» Виссариона Белинского, Николая Добролюбова, Николая Чернышевского.

Советскую литературу начинают признавать за рубежом. Андре Барбюс писал: «Эта литература еще мало им известна, иногда она еще несовершенна или недостаточно глубока (что относится к писателям, перешедшим из буржуазного лагеря), – но зато, обладая менее утонченным стилем, чем наша литература, она гораздо содержательнее, гораздо богаче мыслями»¹¹⁶⁸. Классиком уже признавался Горький, ушедший из жизни 18 июня 1936 года. Молотов навещал больного вместе со Сталиным и Ворошиловым. Последняя записка Горькому от Сталина, Молотова и Ворошилова: «Алексей Максимович! Были у Вас в два часа ночи. Пульс у Вас, говорят, отличный (82, больше, меньше). Нам запретили эскулапы зайти к Вам. Пришлось подчиниться. Привет от всех нас, большой привет»¹¹⁶⁹. На похоронах Горького Молотов сказал:

– Прощаясь сегодня с Алексеем Максимовичем Горьким, мы, его друзья и бесчисленные читатели-поклонники, переживаем такое чувство, что у каждого из нас какая-то яркая частица своей собственной жизни уходит навсегда в прошлое¹¹⁷⁰.

5 сентября 1936 года Молотов и Каганович шлют Сталину предложение установить почетные звания народных артистов СССР, что воскрешало традицию «заслуженных артистов императорских театров». Назывались и первые обладатели высоких титулов: «Присвоить звание народного артиста Союза ССР следующим лицам: народным артистам РСФСР – Станиславскому, Немировичу-Данченко, Качалову, Москвину; народным артисткам РСФСР – Корчагиной-Александровской, Блюменталь-Тамариной, Неждановой; заслуженному артисту РСФСР Щукину (из театра им. Вахтангова), народной артистке УССР Литвиненко-Вольгемут, народному артисту УССР – Саксаганскому, народным артистам Груз. ССР – Васадзе, Хорава и заслуженной

артистке КАССР – Байсентовой»¹¹⁷¹. Оперная певица Нежданова удавалась высших для артиста званий и в Российской империи, и в Советском Союзе.

Влияние на репертуарную политику было весьма ощутимым. В январе 1936 года Сталин с Молотовым демонстративно ушли с оперы Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Вычурная, фальшивая и антихудожественная – такой вердикт вынесла опере статья «Сумбур вместо музыки», навеянная впечатлениями Сталина. А в ноябре Молотов зашел послушать в Московском камерном театре под руководством Таирова комическую оперу «Богатыри» на классическую музыку Александра Бородина по либретто, вышедшему из-под пера коллеги по дореволюционной «Правде» Демьяна Бедного. Тот представил Илью Муромца и других былинных богатырей как кутил и трусов, осуществивших даже крещение Руси по пьяному делу. После того как Молотов покинул театр, больше эту постановку никто не увидит и не услышит. ПБ разъяснило, что спектакль «чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главнейшие из богатырей являются в народном представлении носителями героических черт русского народа; он дает антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси, являющегося в действительности положительным этапом в истории русского народа, так как оно способствовало сближению славянских народов с народами более высокой культуры»¹¹⁷². Разворот к традиции отразился еще в одном решении Молотова. В начале 1937 года после успешного проведения фестиваля народного творчества был создан Государственный ансамбль народного танца под руководством Игоря Моисеева»¹¹⁷³.

Восстанавливались прерванные революцией традиции олимпизма, принявшие характер массового движения за здоровый образ жизни, за развитие физкультуры и спорта, призванные воспитывать для Родины физически и духовно крепкое поколение. Наглядным свидетельством перемен стало проведение с 1936 года розыгрыша чемпионатов и кубка страны по футболу. На смену заводским, пролетарским командам, соревновавшимся под эгидой ВЦСПС, пришел полупрофессиональный спорт. Молотов не был большим поклонником футбола и считал «боление» своего внука перед телевизором, даже когда транслировались большие матчи, пустым времяпрепровождением. Но в то же время он понимал, что для миллионов болельщиков футбол был любимым зрелищем. Для страны, стремившейся к первенству во всем, важным был и фактор спортивных побед. 21 января 1936 года Молотов шлет телеграмму: «Ленинград, улица Чайковского, дом 10, квартира 35. Ботвиннику.

В случае, если решите осуществить Ваше намерение вызвать шахматиста Алехина на состязание о первенстве мира, как Вы писали мне в письме от второго января, желаем Вам полного успеха. Все остальное нетрудно обеспечить»¹¹⁷⁴.

Приложил премьер руку и к изменению архитектурного облика столицы. План генеральной реконструкции Москвы рассматривался на заседании ПБ 17 июля 1935 года. ЦК и СНК предложили «исходить из сохранения основ исторически сложившегося города, но с коренной перепланировкой его путем решительного упорядочения сети городских улиц и площадей»¹¹⁷⁵. 28 мая 1936 года Сталин и Молотов дали согласие на начало «работы по строительству городских мостов, Северного городского канала и реконструкции Яузы, а также канализационных устройств»¹¹⁷⁶. Наиболее существенный вклад Молотова в советскую скульптуру заключался в следующем: «Я был на выставке Веры Мухиной, когда она сделала свою знаменитую скульптуру “Рабочий и колхозница”. Они у нее были голые. Наверное, не очень здорово, когда стоит голая пара с серпом и молотом в руках... Я попросил их все-таки одеть»¹¹⁷⁷.

Сталин и Молотов ковали новую советскую идентичность, причем начинали с создания единых для всего Советского Союза учебников. Важнейшая роль отводилась учебнику истории. 3 марта 1936 года был объявлен открытый конкурс на лучший учебник по истории СССР, пока для начальных классов. Центральным звеном идеологической конструкции образования должен был стать «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст в основном готовили Ярославский и Пospelов. В качестве коллективного редактора книги была назначена высокопоставленная комиссия в составе Сталина, Молотова и Жданова. При жизни Сталина «Краткий курс» выдержит 300 изданий на 67 языках общим тиражом 42 816 тысяч экземпляров¹¹⁷⁸.

Национальная политика менялась в сторону реабилитации национального, в том числе – русскости, которая ранее считалась проявлением великодержавного шовинизма. «Сталин как грузин, инородец, мог позволить себе такие вещи в защиту русского народа, на какие на его месте русский руководитель не решился бы»¹¹⁷⁹, – подтверждал Молотов. Американский специалист по национальным проблемам СССР Терри Мартин назвал главную перемену, которую принесли 1930-е годы: «Русские стали играть ведущую роль в Советском Союзе. Их больше никогда не заставляли стыдиться своего национального прошлого и традиций. Наоборот, они обязаны были ими гордиться... Однако ни при каких обстоятельствах РСФСР не должна была

стать силой, направленной на достижение сугубо русских, узко национальных интересов»¹¹⁸⁰.

В 1935 году в программы национальных школ РСФСР было включено обязательное изучение русского языка. Максимум, чего удалось добиться на первых порах, это проведения четырех уроков русского в неделю. В январе 1936 года Бухарин поместил в «Известиях» статью под заголовком «Крупные успехи латинизации алфавита», в которой радостно сообщал, что на латиницу успешно перешли 68 национальностей, или 25 миллионов граждан СССР. В этом он видел большое положительное значение для дела мировой пролетарской солидарности. Для развития этого начинания президиум Совета национальностей ЦИК СССР предложил созвать всесоюзное совещание по вопросам языка и письменности советских народов¹¹⁸¹. Но против засилья латиницы выступили Сталин и Молотов. По их инициативе письменность кабардинцев демонстративно перевели с ранее выработанного для них латинского алфавита на русский. Дальше это станет общей практикой.

Для поднятия роли русского языка большое значение имело введение всеобщей воинской повинности, закрепленной новой Конституцией. Русский был языком команд, уставов и наставлений. На октябрьском (1937 года) пленуме ЦК было решено ввести обязательное изучение русского языка в школах уже всего Советского Союза. Крупская возражала, полагая, что «начинает показывать немного рожки великодержавный шовинизм». Тем не менее Молотов и Сталин подписали постановление СНК и ЦК: «Ввести преподавание русского языка как предмета изучения в школах национальных республик и областей с 1 сентября 1938 г. ... Изучение русского языка во всех нерусских начальных школах ввести со 2-го класса и во всех неполных средних и средних школах – с 3-го класса обучения»¹¹⁸². Так русский язык впервые обозначил себя как государственный. Не только язык проникал в союзные республики, но и количество живших там русских тоже росло – с 8 процентов в 1926 году до 13,5 процента в 1939 году, причем в Казахстане этот показатель достиг 40,2 процента, а в Киргизии – 20,8 процента¹¹⁸³.

Реабилитировалась не только русскость. Столицу Украины перенесли из промышленного, пролетарского и преимущественно русского по населению Харькова в Киев, который в прошлом был не только центром Киевской Руси, но и местом пребывания националистических правительств – петлюровской Украинской народной республики, гетманской Украинской державы. Это был жест и в сторону общегосударственного патриотизма, и в сторону украинских национальных чувств, кото-

рые в иных случаях третировались как «национал-уклонизм». В начале 1930-х годов в УССР насчитывалось 66 украинских, 12 еврейских и 9 русских театров¹¹⁸⁴. И Украина была не исключением. В 1934 году в СССР издавалось 50 национальных газет тиражом в 10 миллионов экземпляров, что в 4 раза превышало тираж всех российских газет до 1917 года¹¹⁸⁵.

4 декабря 1935 года в Кремле состоялось собрание в честь передовых колхозников Таджикистана и Туркменистана, отличившихся на уборке хлопка. Молотов начал свою речь с обращения «Товарищи!», произнесенного на таджикском и туркменском языках. На многочисленных фотографиях с приемов в Кремле их участники, включая Сталина и Молотова, были одеты в национальные халаты и тюбетейки. Сталин заметил, что «есть, товарищи, одна вещь, более ценная, чем хлопок, это дружба народов нашей страны»¹¹⁸⁶. В развитие этой кампании в декабре в Кремль пожаловали передовые колхозники из Узбекистана, Казахстана и Каракалпакии, затем делегация Армении. В январе 1936 года столицу посетили делегации Азербайджана, Бурят-Монголии, в марте – Грузии. С этого времени началось проведение в Москве декад союзных республик, кульминацией которых становились посещения всеми членами Политбюро больших праздничных концертов национального искусства. Стали проводить торжественные мероприятия, посвященные выдающимся деятелям культуры народов СССР: Навои, Руставели, Шевченко, Абовяну, Кунанбаеву. Произведения этих и многих других авторов, переведенные на русский и другие языки, быстро становились достоянием всей страны. Дети читали сказки разных народов СССР.

Красное знамя с красной звездой, серпом и молотом – официальный стяг СССР. Но после принятия Конституции на опоясывающих герб СССР ленточках исчезли надписи на английском, французском, немецком языках. Вместо этого лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был начертан на языках союзных республик¹¹⁸⁷.

В конце 1936 года на высшем уровне была произведена атака на антисемитизм. На Съезде Советов в ноябре 1936 года на эту тему решительно высказался Молотов:

– Наши братские чувства к еврейскому народу определяются тем, что он породил гениального творца идей коммунистического освобождения человечества, научно овладевшего высшими достижениями германской культуры и культуры других народов – Карла Маркса, что еврейский народ, наряду с самыми развитыми нациями, дал многочисленных крупнейших представителей науки, техники и искусства, дал много славных

героев революционной борьбы против угнетателей трудящихся и в нашей стране – выдвинул и выдвигает все новых и новых замечательных, талантливых руководителей и организаторов во всех отраслях строительства и защиты дела социализма (*продолжительные аплодисменты*)¹¹⁸⁸.

Активно поддерживался Государственный еврейский театр (ГОСЕТ), который возглавлял Михозэлс. Историк Костырченко пишет: «Большое значение имело тогда для Михозэлса покровительство со стороны П. С. Жемчужиной, жены второго человека в государстве – Молотова»¹¹⁸⁹. Очевидно, что кампания «дружбы народов» имела значение и с точки зрения сплочения советского общества перед военными испытаниями, и для наглядного противопоставления СССР нацистской Германии – с ее подчеркнутым расизмом, государственным антисемитизмом.

– Пусть вожаки национал-социализма и все эти молодые и средних лет люди из отрядов СА и СС, фашистской молодежи и прочей сволочи, с отвагой идущей на штурм мирных еврейских квартир, лавчонок, синагог и сберкассовых счетов, пусть они оглянутся на советский великий народ, строящий свою крепость в идеалах высокой правды и любви к человечеству¹¹⁹⁰, – говорил Молотов.

Стахановец

Мария Сванидзе 29 апреля 1935 года записала в дневнике: «Заговорили о метро. Светлана выразила желание прокатиться, и мы тут же условились – я, Женя, няня, она. Вдруг поднялась суматоха. Иосиф тоже решил внезапно прокатиться. Вызвали Молотова. Все страшно волновались, шептались об опасности такой поездки без подготовки. Каганович волновался больше всех... Предлагал поехать в 12 часов, когда прекратится катание публики. Но И. настаивал – сейчас же. В Охотном ряду публика... кинулась приветствовать Вождя. Кричала “Ура!”, бежала следом. Нас всех разъединили, и меня чуть не удушили у одной из колонн. Восторг и овации переходили человеческие меры. И. был весел... Толпа в восторге опрокинула чугунную лампу»¹¹⁹¹.

Ликвидировалась карточная система. 5 августа 1935 года Сталин писал отдохавшему Молотову: «Насчет полной отмены в этом году промышленных и продовольственных карточек ты, конечно, прав. Это дело надо довести до конца»¹¹⁹². А 20 сентября Молотов и Каганович предложили: «Начиная с 1 октября: а) Снизить цены на печеный хлеб, муку, зерно, крупу, мака-

ронные изделия, рис и низкие сорта кондитерских изделий. б) Одновременно ввести единые цены на мясо и мясопродукты, рыбу, сельди, картофель, ликвидировав пайковое снабжение по этим продуктам»¹¹⁹³. Отражением новой ситуации с хлебом стало расширение его экспорта и увеличение запасов, которые очень пригодятся во время войны. Лион Фейхтвангер наблюдал в 1937 году: «Годы голода остались позади, это правда. В многочисленных магазинах можно в любое время и в большом выборе получить продукты питания по ценам, вполне доступным среднему гражданину Союза – рабочему и крестьянину... Но что абсолютно отсутствует – это комфорт»¹¹⁹⁴. В связи с отменой карточной системы ликвидировался Торгсин. При этом закон от 27 марта 1936 года вновь легализовал частную практику в таких сферах, как починка обуви, столярное и плотницкое дело, пошив одежды, парикмахерские услуги, стирка белья, металлоремонт, фотография, сантехнические услуги, ремонт квартир¹¹⁹⁵.

Немаловажным фактором экономических успехов стало стахановское движение. Речь не шла о чем-то экстраординарном: отдельные трудящиеся начали выходить на производительность труда, сопоставимую с западной. Андре Жид заметил: «“Стахановское движение” было замечательным изобретением, чтобы встряхнуть народ от спячки (когда-то для этой цели был кнут). В стране, где рабочие привыкли работать, “стахановское движение” было не нужным... Группа французских шахтеров, путешествующая по СССР, по-товарищески заменила на одной из шахт бригаду советских шахтеров и без напряжения, не подозревая даже об этом, выполнила стахановскую норму»¹¹⁹⁶. В Москве в ноябре 1935 года прошло первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц – стахановцев промышленности и транспорта, на котором прозвучали сталинские слова: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится». Молотов 16 ноября выступал с докладом, и первым в списке помянутых был, естественно, сам Стаханов:

– Начиная с 30 августа этого года отбойный молоток в Донбассе стал делать чудеса. Работа стахановцев дает среднюю производительность в 3, 4, 5 раз больше того, чем давал тот же молоток раньше, а это значит, что стахановцы уже в два раза перекрывают самые высокие нормы работы в капиталистических шахтах Европы. Стандартная выработка американцев – 100 коленчатых валов в час, Бусыгин и его бригада дали уже 127 валов в час. Ткачихи Виноградовы в 1½ раза перекрыли нормы американской текстильной тех-

ники. Трудящиеся Советского Союза не хотят больше стоять в рядах отсталых людей. Считать минуты и секунды своей работы, вносить ритм, соблюдать маршрут, устанавливать порядок во всех процессах производства – значит покончить с беспечностью к позорным простоям и растрате времени, значит вносить культурность в свою работу. Дело, следовательно, *не в перенапряжении рабочего, а в культурном его отношении к своему труду.*

Поддерживал он и роль материальных стимулов:

– Во многих случаях непосредственным толчком к высокой производительности труда стахановцев является простой интерес к увеличению своего заработка, чтобы признать, что стахановско-бусыгинско-виноградское движение понятно простому рабочему, понятно любой работнице. Стахановцы – не исключение, *стахановцем может стать каждый рабочий*»¹¹⁹⁷.

14 декабря 1935 года Молотов выступал на большом совещании в ЦК по вопросам строительства и поставил задачу создания строительной индустрии как самостоятельной высокопрофессиональной отрасли. «К пафосу строительства мы должны на стройках добавить теперь пафос освоения машин и механизмов, пафос освоения новой техники». И завершил выпадом против правых:

– Помните, как нам говорили: «Из будущих кирпичей» нельзя построить «настоящие» фабрики. (Смех.) И этих криков партия не испугалась. Вы знаете, что за эти годы мы настроили немало фабрик, заводов и электростанций и не из каких-то «будущих», а из самых настоящих кирпичей. (*Продолжительные аплодисменты.*)¹¹⁹⁸

По итогам года промышленность увеличила свою продукцию не на 16, а на 20,7 процента. План 1936 года предусматривал увеличение продукции промышленности на 23 процента, затрат на жилищное строительство – на 60 процентов¹¹⁹⁹. В марте пресса рассказала о посещении Молотовым Всесоюзного института экспериментальной медицины в обществе Каминского, который возглавит новый союзный наркомат – здравоохранения. Ему поручалось и исполнение подписанного Молотовым постановления «О защите материнства и детства», которое запрещало аборт иначе как по медицинским показаниям, осложняло разводы, увеличивало штрафы за уклонение от алиментов, устанавливало государственную помощь многодетным семьям и ставило целью увеличение количества роддомов, женских консультаций и детских садов. Новый комиссариат включил в себя сеть санитарных инспекций, а также НИИ, которые несли ответственность за гигиенические меро-

рия, вакцинацию, борьбу с эпидемиями и пропаганду здорового образа жизни¹²⁰⁰.

В 1936 году тяжелая промышленность выросла на 30 процентов, производство товаров народного потребления – на 27 процентов, а продукции ВПК – на 60 процентов. Военные расходы быстро росли: 8,2 миллиарда рублей – в 1935-м, 15 миллиардов – в 1936-м и 17,6 миллиарда – в 1937 году. По темпам роста оборонных расходов Советский Союз в годы второй пятилетки опережал всех¹²⁰¹. Однако по выпуску реальной продукции планы регулярно недовыполнялись: так, в 1937 году выполнение годовых заданий составило лишь 67,8 процента.

К 1937 году в СССР на 57 авиационных заводах трудилась четверть миллиона человек. Для стимулирования отечественной конструкторской мысли активно закупались новейшие образцы авиационной техники и двигателей. Техпомощью, которую тоже требовали от партнеров, считалась продажа одновременно образца самолета, чертежей конструкции, спецификации материалов, технологии, спецификации станков, приспособлений и инструмента для производства, право приглашать инженеров фирмы в Союз¹²⁰². По судостроительной программе также шла широкая международная кооперация – с итальянскими, немецкими, швейцарскими, американскими фирмами. С 1936 года стали разрабатываться планы строительства «большого морского и океанского флота». В его составе должны были появиться линейные корабли, тяжелые крейсера и авианосцы. В конце 1937 года военно-морской флот обретет статус самостоятельного вида вооруженных сил во главе с собственным наркомом¹²⁰³. Всего за годы второй пятилетки были спущены на воду 345 боевых кораблей – один лидер эскадренных миноносцев, 43 сторожевых корабля, 6 тральщиков, 137 подлодок, 8 речных мониторов, 178 торпедных катеров¹²⁰⁴. Большой была программа по коммерческому и промысловому судостроению – около двадцати пяти типов судов: ледоколы для Северного морского пути, гидрографические суда, рыболовные траулеры, сухогрузы, нефтевозы, лесовозы, буксиры, баржи, катера¹²⁰⁵.

«К концу 1936 года военные заводы освоили производство нескольких новых пушек: 37-мм зенитной автоматической, 76-мм полковой, 45-мм противотанковой, 122-мм корпусной. Делали тяжелую 203-мм гаубицу»¹²⁰⁶, – писал конструктор Грабин, участвовавший в ряде заседаний Комиссии обороны под председательством Молотова. Слабым звеном военной промышленности оставалось производство боеприпасов. В августе 1936 года было решено за три года увеличить мощность снарядных заводов в 2,5 раза, причем не за счет нового строительства,

а путем оснащения действовавших предприятий современным оборудованием. Но сдерживала рост производства боеприпасов нехватка пороха: СССР производил его на уровне Японии, отставая в 3,5–4 раза от США и в 2,5–3 раза от Германии¹²⁰⁷.

Буксовала танковая программа, в чем нередко усматривали признаки вредительства. В 1937 году на имя Сталина и Молотова поступил отчет о контрольном испытании боевых танков Т-28. Некоторые из них имели поломки после первых двадцати километров по труднопроходимой местности. Оказалось, что все предшествовавшие испытания проходили на асфальте¹²⁰⁸. Отстающими сферами военного производства в годы второй пятилетки оставались также оптика, связь, транспорт и военно-инженерное имущество. И это при том, что производство продукции оптической промышленности за вторую пятилетку увеличилось на 480 процентов. Решалась задача полной ликвидации зависимости от импорта и максимального совершенствования качества выпускаемой фото- и кинотехники, прицелов для авиации и артиллерии, дальномеров, перископов, биноклей, прожекторных зеркал, микроскопов, лабораторных, контрольно-измерительных, геодезических приборов¹²⁰⁹.

Наибольшие успехи в области телекоммуникаций – как оборонных, так и гражданских – были связаны с освоением новейших американских технологий. 26 августа 1935 года молотовская КО принимает решение: «Утвердить покупку полного комплекта телевизионной мощной стационарной установки (одна передающая станция и 10 приемных) и полного комплекта приемно-передающей самолетной телевизионной установки». Сотрудничество с «Радио корпорейшн», с выдающимся инженером Владимиром Зворыкиным, создавшим в США иконоскоп – первую передающую телевизионную трубку, расширялось. 27 ноября Молотову, Орджоникидзе и Ворошилову приходит на согласование проект договора: «Объектами помощи является все то, что производит и будет производить фирма. Все это передается нам полностью. В частности, мы получаем: телевизию, радиоаппаратуру (приемники и передатчики), радиоцентры, звуковое кино, бильд-аппараты, лампы, фотоэлементы, измерительную аппаратуру и грампластинки». 29 ноября ЦК дал добро на сделку. А в ноябре 1936 года Совет труда и обороны предложил план внедрения достижений американской радиотехники: «В 1937 г. выпустить первые серии радиоприемников Т-6, Т-9, Д-11, приемника для автомобилей американского образца 1937 г.», «первую серию телевизионных приемников и опытную серию самолетных телевизионных станций с комплектами приемников к ним»,

«первую серию усилителей и кинопередвижек по американским образцам»¹²¹⁰. Советский Союз стал телевизионной страной.

Военная тревога

13 января 1935 года Гитлер провел в Саарской области, которая находилась под управлением Лиги Наций, плебисцит, по результатам которого восстановил полный немецкий контроль над этим угольным бассейном¹²¹¹. 3 марта он объявил Германии свободной от обязательств, предусматривающих отказ от авиации, а спустя три дня подписал закон о введении воинской повинности и воссоздании вермахта, что являлось вопиющим нарушением Версальского договора и вызовом Лиге Наций. Все протесты Гитлер отменил. Германия стремительно наращивала свою экономическую и военную мощь, чему немало способствовала политика западных держав, позволивших реструктурировать долги Берлина, который стал крупнейшим импортером сырья и военных материалов из США и Англии¹²¹². В 1935–1936 годах в Германии вступили в строй 160 крупных военных заводов.

Москва в этих условиях уделила основное внимание отношениям с Францией и Англией как наиболее мощными потенциальными противовесами Германии, олицетворявшими собой и Лигу Наций. В конце марта в Москву по дороге из Берлина (и после встречи с Гитлером) прибыли Антони Иден, занимавший в то время пост лорда-хранителя печати Великобритании, и министр иностранных дел Джон Саймон. Иден делился своими первыми впечатлениями: «Нас пригласили в комнату Молотова в Кремле. Он был президентом Совета комиссаров. Эта встреча – первый случай, когда Сталин встречался с политическим представителем Запада – была центральным опытом моей поездки... Сталин сразу произвел на меня большое впечатление, и мое мнение о его способностях никогда не менялось... Я никогда не знал человека, который бы вел себя лучше на встречах». Содержательно переговоры не принесли ничего сенсационного. «Я сказал Сталину, что советское правительство, как мы верим, намерено строить отношения с нами в духе сотрудничества и невмешательства, вытекающего из нашего совместного членства в Лиге Наций. Молотов ответил, что я точно определил отношение советского правительства к правительству Его Величества. Советское правительство не имеет намерений каким-либо образом вмешиваться во внутренние

дела Британской империи... Почти в последнюю минуту мы согласились заявить, что сейчас больше, чем когда-либо, важно построить систему коллективной безопасности в Европе»¹²¹³.

Молотов высоко оценит результаты переговоров с Иденом:

– Значение этого визита видно уже из того, что беседы представителей СССР с Иденом позволили установить, что «в настоящее время нет никакого противоречия интересов между обоими правительствами ни в одном из основных вопросов международной политики»¹²¹⁴.

Но эта оценка не могла отменить реальность: Англия продолжала свою линию на умиротворение Германии. 11 апреля в Стреза – на острове Изола Белла, что на озере Маджоре в Итальянских Альпах – собрались главы правительств Великобритании, Франции и Италии. Они приняли внешне радикальное решение: оказать сопротивление любым попыткам Германии изменить положения Версальского договора с помощью силы. Но Лиге Наций было предложено ограничиться резолюцией «морального порицания» Германии¹²¹⁵. Это могло вызвать у Гитлера только улыбку. Гораздо меньше ему понравился подписанный 2 мая в Париже советско-французский договор, предусматривавший в случае нападения на одну из сторон какого-либо европейского государства оказать друг другу немедленную помощь и поддержку. Правда, договор не сопровождался военным соглашением и ему еще предстояла ратификация во французском парламенте.

Глава французского МИДа Лаваль приехал в Москву, где имел переговоры со Сталиным, Молотовым и Литвиновым. Эти переговоры вошли в историю в основном тем, что именно в их ходе Сталин поинтересовался, сколько дивизий у Ватикана. Но, конечно, Кремль волновала в первую очередь возможность заключения военной конвенции и принятия сторонами конкретных обязательств на случай войны. В коммюнике по итогам встречи ключевыми были слова о том, что Москва выразила «полное понимание и одобрение политики государственной обороны, проводимой Францией в целях поддержания своих вооруженных сил на уровне, соответствующем нуждам ее безопасности». Это был, помимо прочего, сигнал французским коммунистам поддерживать оборонные усилия правительства своей страны, против чего компартии ведущих западных стран с подачи Москвы всегда категорически протестовали.

Вслед за этим приехал президент Чехословакии Бенеш. Опробованная первый раз с Иденом практика – встреча Сталина с зарубежными лидерами в кабинете главы правительства Молотова – была продолжена и с Лавалем, и с Бенешем и будет

продолжаться дальше. Ведь формально Сталин не занимал никаких государственных постов. Был подписан договор о взаимной помощи между СССР и ЧСР. Москва обязывалась прийти на помощь Праге в случае нападения на нее, если Франция окажет такую же помощь. Молотов подчеркивал: «Было указано, что представители обеих стран в настоящее время придают исключительное значение “действительному осуществлению всеобъемлющей коллективной организации безопасности на основе неделимости мира”».

Какими бы необязывающими ни были договоры с Францией и Чехословакией, они оставались основным козырем дипломатии Москвы. Но при этом рабочие контакты с генеральными штабами Франции и Чехословакии так и не начинались, прежде всего потому, что французский Генштаб и разведка выступают против этого. В Париже знали о недовольстве Лондона его сближением с СССР, а также о нежелании восточноевропейских государств допустить советские войска на свою территорию. Идея Восточного пакта медленно умирала. 10 января 1936 года Молотов констатирует:

– Ввиду противодействия Германии, а вслед за нею и Польши, Восточноевропейский пакт о взаимопомощи не имел успеха¹²¹⁶.

А ответом Великобритании на франко-советское сближение стало англо-германское морское соглашение: Германия могла увеличить тоннаж своего военно-морского флота в пять раз, до уровня 35 процентов от тоннажа флота Великобритании. Воинственность Гитлера в глазах британских политиков компенсировалась его безупречным антикоммунизмом и успехами в подъеме немецкой экономики, что открывало новые горизонты для английского бизнеса. Это был тот поворотный пункт, за которым Муссолини, разочарованный в западных демократиях, начал сближение со своим заклятым противником – Германией. Рушился не только Версаль, но и Вашингтонский договор об ограничении морских вооружений, и Япония получила подходящее обоснование для своего решения о выходе из него.

Шокирован был Париж. В шоке была Варшава, где происходили бурные политические события. В апреле в Польше прошла конституционная реформа, которую в советское время характеризовали как «завершение фашизации режима»¹²¹⁷. 15 мая скончался Пилсудский. Польша, как Англия и Италия, начинает дрейф в сторону Германии. «Бек приезжает в Берлин 3 июля, и он ослеплен... Гитлер во время этого пребывания Бека в Берлине разговаривает с ним с гитлеровским красноречием и с по-

токама слов, напоминающими разливы Днепра по весне»¹²¹⁸. Сближение многих стран с Германией на фоне усиления агрессивности Гитлера не осталось в Москве без внимания.

Молотов говорил:

– Зарвавшиеся в своих планах господа национал-социалисты ведут подготовку, как всем известно, именно в этом захватническом направлении, хотя и не в одном этом направлении. Находятся уже всякие подголоски германского капитала и в соседней Польше, вроде пана Студницкого и безголовых панов из краковской газеты «Час», которые настолько распоясались, что открыто болтают в печати о захвате некоторых территорий СССР, что в пьяном бреду снилось разным чудакам уже не раз. (Смех. Аплодисменты.) Подобные же бредни не чужды некоторым элементам соседней с нами Финляндии, все больше ориентирующейся на наиболее агрессивные империалистические государства. У всех на глазах германские фашисты превратили попавшую сейчас в их распоряжение страну в военный лагерь, который благодаря своему расположению в самом центре Европы и является угрозой отнюдь не только для Советского Союза¹²¹⁹.

Новая конфигурация в европейской системе требовала дальнейших кардинальных изменений в политике Коминтерна. Ситуация, при которой его Исполком возглавлял глава советского правительства Молотов, ставила Москву в сложное положение. Поэтому состоявшееся в начале 1935 года решение о том, что его в КИ заменит Георгий Димитров, было вполне логичным. Под влиянием опыта Франции, где компартия вступила в антифашистский фронт не только с социалистами, но и с несоциалистическими партиями, происходил разворот к политике народного фронта. Он был закреплен в докладе Георгия Димитрова на VII конгрессе Коминтерна летом 1935 года. В качестве важнейшей перед компартиями ставилась задача «блокироваться со всеми антифашистскими силами, в том числе и с силами буржуазной демократии», утверждалось, что война против фашизма, кто бы ее ни вел, по своему характеру окажется справедливой. 10 августа Политбюро приняло решение ликвидировать Политсекретариат ИККИ, создать должность Генерального секретаря Исполкома и предложить на нее Димитрова. Молотова в составе новых руководящих органов не было, как и не было никого, кто занимал бы должности в государственных структурах.

Осенью вызов мировому порядку бросил Муссолини. 3 октября 1935 года итальянские войска вторглись на территорию члена Лиги Наций – Абиссинии. 7 октября Совет Лиги Наций

по призыву эфиопского лидера Хайле Силассе признал Италию агрессором, проголосовал за финансовые и экономические санкции. Через два дня это решение подтвердила ассамблея Лиги. Молотов говорил:

– Итало-абиссинская война – типичная империалистическая война за колонии. Фашистская Италия выступает в данном случае в качестве застрельщика нового частичного передела мира, что чревато большими событиями и многими неожиданностями для господствующих капиталистических классов в Европе.

Нельзя сказать, что Москва оказалась впереди планеты всей в борьбе за независимость Эфиопии. Сказалось то, что ориентировалась она на Францию, пытавшуюся сохранить с Римом видимость хороших отношений. Британия тоже была склонна к умиротворению итальянского агрессора. Поэтому Молотов имел все основания утверждать, что «только Советский Союз заявил о том, что он исходит из принципа равноправия и независимости Абиссинии, являющейся к тому же членом Лиги Наций, и что он не может поддержать никаких действий Лиги Наций или отдельных капиталистических государств, направленных к нарушению этой независимости и равноправия»¹²²⁰.

Международные события развивались все стремительнее. 30 января 1936 года во Франции было сформировано новое правительство во главе с Альбером Сарро. 11 февраля во французском парламенте, наконец, начались дебаты о ратификации договора с СССР. 16 февраля в Испании прошли выборы в кортесы, на которых победу одержал Народный фронт с участием коммунистов. Было сформировано первое в истории правительство Народного фронта, как его представляли в Москве. 27 февраля в Бурбонском дворце Парижа после двухнедельной горячей дискуссии палата депутатов большинством в 353 голоса против 164 одобряет пакт с СССР. Гитлер не остается безучастным: 7 марта его войска заняли Ахен, Трир, Саарбрюкен. Фюрер заявил: «На постоянные многочисленные заверения Германии в дружбе и миролюбии Франция ответила альянсом с Советским Союзом, направленным исключительно против Германии, являющимся прямым нарушением соглашений о Рейнской области и открывающим ворота Европы большевизму»¹²²¹. Франция была готова к войне, но только при поддержке Лиги Наций и другого гаранта Версальских соглашений – Англии. Британский кабинет молчал. 12 марта наконец и верхняя палата – сенат ратифицировал советско-французский договор. Для зондажа советских намерений в Москву

отправился главный редактор газеты «Тан» Шастенэ, которому Молотов дал оценку происшедшего:

– Ремилитаризация Рейнской области несомненно усилила угрозу для стран, находящихся к востоку от Германии, и, в частности, для СССР.

– В случае, если бы Германия предприняла нападение на западе, и в случае, если бы Польша осталась нейтральной, какую помощь мог бы СССР практически оказать Франции? – интересовался Шастенэ.

– Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно было бы знать конкретную обстановку, в которой пришлось бы его решать, – осторожно начал Молотов. – Вся помощь, необходимая Франции в связи с возможным нападением на нее европейского государства, поскольку она вытекает из франко-советского договора, который не содержит никаких ограничений в этом отношении, Франции была бы оказана со стороны Советского Союза.

– Все ли существующие в настоящее время в Советском Союзе направления считают одинаково невозможным в настоящих условиях сближение Германии с Советским Союзом?

– Среди определенной части советских людей есть направление, относящееся к современной правящей Германии с совершенной непримиримостью, в особенности в связи со все новыми враждебными выступлениями германских правителей против Советского Союза. Однако главное направление, определяющее политику советской власти, считает возможным улучшение отношений между Германией и СССР¹²²².

Ключевыми в этом интервью были слова о готовности СССР оказать любую необходимую помощь Франции и продолжать диалог с Германией. 22 марта Литвинов получил из Москвы директиву предложить Германии присоединиться к советско-французскому пакту. Отклика с немецкой стороны не последовало¹²²³. В мае на всеобщих выборах во Франции, как и в Испании, побеждает Народный фронт, формирующий правительство во главе с Лионом Блюмом. В западных столицах в успехах народных фронтов увидели скорее свидетельство распространения коммунистических тенденций. В глазах и Муссолини, и Гитлера правительство Народного фронта выглядело олицетворением презренной «еврейско-большевистской» Франции.

Итальянские войска заняли Аддис-Абебу и Хараре. «Когда Муссолини заявил с балкона Пьяцца Венеция в Риме, что Италия провозглашается империей, популярность его режима достигла пика»¹²²⁴. Абиссиния с Эритреей и Итальянским Сомали

стали частью колонии, получившей название Итальянская Восточная Африка. Из числа крупных государств захваты Муссолини не признавали только СССР, Китай и США.

Рим и Берлин поддержали военный мятеж против республиканского правительства Испании, который подняли части, расквартированные в Испанском Марокко. 26 июля Геринг приступил к операции «Волшебный огонь». Глава мятежников генерал Франко незамедлительно получил 20 «Юнкерсов-52», а 30 июля 12 итальянских бомбардировщиков «Савойя-81» вылетели из Сардинии в Испанское Марокко. Британия увидела заманчивую перспективу конфликта Москвы с фашистскими странами и падения «красного» правительства Народного фронта. 31 июля она в одностороннем порядке ввела эмбарго на поставку оружия обеим сторонам конфликта. Решающую роль в судьбе Испании могла сыграть Франция. Но правительство Лиона Блюма оказалось расколотым и приняло решение не вмешиваться во «внутренний конфликт» в Испании. Мятежники начали наступление, получая через Португалию немецкую и итальянскую боевую технику и другую помощь.

Закон и репрессии

В начале 1935 года Сталин получил письмо от брата его первой жены Сванидзе, который тогда возглавлял правление Внешторгбанка: комендант Кремля Петерсон, Енукидзе и Корк по причине «полного расхождения со Сталиным по вопросам внутренней и внешней политики» составили заговор. Арест всей сталинской команды должен осуществить кремлевский гарнизон – в рабочих кабинетах, квартирах или в кинозале¹²²⁵. Енукидзе, крестный отец Надежды Аллилуевой, отвечал за жизнеобеспечение Кремля, включая безопасность. Петерсон – один из самых близких к Троцкому людей – с 1920 года был комендантом Кремля. НКВД завел дело «Клубок». В ходе его был задержан племянник Каменева Борис Розенфельд. Он дал показания о «террористических настроениях» на собственного отца, брата Каменева – Н. Б. Розенфельда и мать – Н. А. Розенфельд, урожденную княжну Бебутову, работавшую в кремлевской библиотеке. Каменев на допросе показал: «Контрреволюционные разговоры, которые мы вели с Зиновьевым при Н. Б. Розенфельде, воспитывали из него последнего врага советской власти и партии и разжигали в нем озлобление по отношению к Сталину», и он «мог дойти до террористических намерений»¹²²⁶.

«Кремлевское дело» было доведено до суда, который состоялся 27 июля. Главными фигурантами были Каменев, его жена (сестра Троцкого), брат, сотрудники библиотеки Розенфельд и Муханова (они работали и с домашними библиотеками Сталина и Молотова) – всего 30 человек. Двое подсудимых из охраны Кремля были приговорены к расстрелу, Каменев и его брат с женой получили по десять лет, остальные – от двух до семи. Енукидзе, обвиненный в засорении аппарата ЦИКа враждебными элементами, попустительстве созданию на территории Кремля террористических групп, моральном разложении и растратах, был исключен из ЦК и отправлен в Закавказье. Петерсона послали помощником коменданта Киевского военного округа. Обо всех деталях дела знали всего несколько человек: Сталин, Молотов, Ворошилов, Ягода и, может быть, Каганович.

Насколько реальной была вина каждого из подсудимых – бог весть. Но высшее руководство страны восприняло угрозу своей безопасности всерьез. Особенно после убийства Кирова. Из Кремля были выведены разнообразные советские учреждения – приемные и канцелярии ЦИКа, ВЦИКа, Центральной избирательной комиссии, их мастерские и столовые, где ежедневно бывали не только сотрудники, но и куда более многочисленные просители. Был начат вывод из Кремля Школы им. ВЦИК. Руководители Московского военного округа получили должности, не предполагавшие нахождения у них в подчинении воинских частей¹²²⁷. Из библиотек начали убирать труды Троцкого, Зиновьева и Каменева. Арестовывались участники группы Сырцова–Ломинадзе (сам Ломинадзе, не дожидаясь задержания, застрелился). В апреле – мае 1935 года Особым совещанием при НКВД Шляпников, Медведев, Масленников были осуждены по делу «московской контрреволюционной организации» – группы «рабочей оппозиции».

В сообщениях, направляемых руководству страны в конце 1935-го – начале 1936 года спецслужбами, особое внимание обращалось на то, что «троцкисты-двурушники в советских учреждениях и хозорганах нередко покровительствовали явным контрреволюционным элементам, не только брали их под защиту, но и непосредственно участвовали в контрреволюционной работе»¹²²⁸. Оснований для таких обвинений было не меньше, чем всегда. Теперь Троцкий и его сторонники к перечню прегрешений советского руководства – кроме традиционного зажима внутрипартийной демократии, преследования оппозиционеров, отказа от установки на мировую революцию и ставки на социализм в одной стране, – добавили политику единого и народного фронтов, отход от идеи диктатуры пролетариата и

обращение к идеям парламентаризма. «После 1935 года, когда стало окончательно ясно, что Сталин намерен повести страну по пути *контрреволюции*, появились признаки того, что подпольная “вторая партия” начинает обрастать боевыми организациями и собирается перейти к решительным действиям. Об этом говорили разработки НКВД»¹²²⁹.

Потоком шла информация о раскрытии террористических групп, готовивших покушения на руководство страны. Состав участников, как и их мотивы, были различными, но у всех были желание и навыки свести счеты с неугодным начальством, которое было источником их бед и притеснений. Фигурантами дел проходили и зиновьевцы, и троцкисты, и царские офицеры, и раскулаченные, и политэмигранты. У большинства обвиняемых был опыт участия в военных действиях, революции, Гражданской войне по разные стороны фронтов, крестьянских восстаниях. Они были бесстрашны, умели обращаться с оружием, и оно у них было. Были ли у Сталина и Молотова основания сомневаться в обоснованности этих обвинений и выводов? Может быть. Но какие? Что такого нового и невероятного, во что невозможно было поверить, узнавали они от Генпрокурора или НКВД? Что, не было недовольных? Что, не готовились теракты? Что, оппозиция не стремилась к консолидации? Или против СССР не работали зарубежные спецслужбы?

25 марта 1936 года Ягода предложил ссыльных троцкистов отправить в отдаленные лагеря, а уличенных в причастности к террору – расстреливать. Но в течение следующих двух месяцев никаких решений на сей счет не было принято. Только 20 мая ПБ опросом приняло решение предложить НКВД направить в отдаленные лагеря на срок от трех до пяти лет троцкистов, находившихся в ссылке и режимных пунктах, и троцкистов, исключенных из ВКП(б), проявлявших враждебную активность. Арестованных троцкистов, уличенных в причастности к террору, было предложено судить Военной коллегией с возможностью применения высшей меры наказания¹²³⁰.

Решающее значение для начала громких судебных процессов имела докладная записка Ягоды от 29 июня 1936 года, адресованная Сталину, Молотову и Ежову. В ней содержались показания Е. А. Дрейцера, который являлся в 1920-е годы «начальником нелегально созданной троцкистами охраны Троцкого», а после восстановления в партии работал в Челябинской области, и Р. В. Пикеля, ранее заведовавшего секретариатом Зиновьева и Коминтерна. Чекисты установили, что «в октябре 1934 г. Дрейцер получал в Москве директиву, написанную лично Троцким: “Убрать Сталина и Ворошилова, развернуть рабо-

ту по организации ячеек в армии” и др. ...Дрейцер по указанию Мрачковского в 1934 г. приступил к организации боевых групп для подготовки террористических актов над руководителями ВКП(б)... Совершенно очевидно, что Дрейцером и его соучастниками создан в г. Москве ряд боевых групп, участников которых он пока скрывает». На первом листе записки визы об ознакомлении всех членов ПБ и приписка Орджоникидзе: «Ну и сволочи»¹²³¹.

Ягода и Вышинский внесли на утверждение в ПБ список из восьмидесяти двух имен наиболее опасных троцкистов, которым можно было предъявить обвинения в подготовке терактов, а также поставили вопрос о необходимости повторного процесса по делу Зиновьева, Каменева и ряда других бывших руководителей, уже находившихся в заключении. 29 июля ЦК утвердил закрытое письмо, извещавшее членов партии о раскрытии троцкистско-зиновьевского блока, который был создан еще в 1932 году под руководством Зиновьева, Каменева, Бакаева и Евдокимова, с одной стороны, и троцкистов Смирнова, Мрачковского, Тер-Ваганяна – с другой. Они ставили целью организацию терактов против руководителей партии и государства, чтобы самим пробиться к власти. «Всё политическое руководство террористической деятельностью взял на себя Троцкий»¹²³².

В связи с процессом троцкистско-зиновьевского центра 1936 года фамилия Молотова упоминается почти исключительно в связи с тем, что она на нем не звучала. Обратил на это внимание перебежчик из разведки Александр Орлов, который писал: «Из официального отчета о процессе “троцкистско-зиновьевского центра” видно, что, перечисляя на суде фамилии руководителей, которых “центр” намеревался убить, никто ни разу не упомянул фамилию Молотова... В СССР принято перечислять фамилии в строго определенном порядке, который показывает место каждого из “вождей” в партийной иерархии; согласно этому порядку Молотов и был назван в показаниях Рейнгольда сразу после Сталина. Но когда протокол этих признаний был представлен Сталину на утверждение, тот собственноручно вычеркнул Молотова. После этого следователям и было предписано не допускать того, чтобы имя Молотова фигурировало в каких-либо материалах будущего процесса. Этот эпизод вызвал в среде руководителей НКВД понятную сенсацию. Напрашивался вывод, что логически должно последовать распоряжение об аресте Молотова, чтобы посадить его на скамью подсудимых вместе с Зиновьевым и Каменевым как соучастника заговора. Среди следователей стал циркулировать слух, что Молотов уже находится под домашним арестом. В НКВД никто, исключая,

быть может, Ягоду, не знал, чем Молотов навлек на себя сталинское недовольство, но, если верить тогдашним упорным слухам, Сталина рассердили попытки Молотова отговорить его устраивать позорное судилище над старыми большевиками.

Вскоре Молотов отправился на юг отдыхать. Его неожиданный отъезд был тоже воспринят верхушкой НКВД как зловещий симптом, более того – как последний акт разворачивающейся драмы... Руководство НКВД со дня на день ожидало распоряжение об аресте Молотова. В “органах” были почти уверены, что его доставят из отпуска не в Кремль, а во внутреннюю тюрьму на Лубянке. Сталин держал Молотова между жизнью и смертью шесть недель и лишь после этого решил “простить” его. К удивлению энкавэдистской верхушки, Молотов вернулся из отпуска к своим обязанностям»¹²³³.

Конечно, Орлов не принадлежал к числу самых информированных людей в стране и не был вхож в верхние эшелоны власти. Но его версия находила подтверждение уже тогда. Так, наблюдательный Троцкий подмечал, что летом 1936 года в советской прессе не было ни цитат, ни восхвалений, ни портретов Молотова¹²³⁴. В «Письме старого большевика», которое опубликовал в начале 1937 года «Социалистический вестник», говорилось, что подготовка к процессу над Каменевым и Зиновьевым велась втайне от части членов Политбюро, в том числе Молотова и Калинина, которые «уехали в отпуск, не зная, какой сюрприз им готовится»¹²³⁵. Историков этот эпизод тоже заинтересовал. О том, что Молотов предлагал помиловать подсудимых, писал Эдвард Радзинский¹²³⁶. Залесский утверждает, что Молотов выступал против *открытого* суда над Каменевым и Зиновьевым¹²³⁷. Конквест полагал, что «Молотов не хотел быть замешанным в уничтожении старых большевиков», а потому «с мая 1936 года и до конца процесса находился под страхом ликвидации»¹²³⁸. Монтефьоре серьезным сигналом опалы называет арест няни дочери Молотова Светланы. Няня была немкой из Поволжья. Молотов жаловался Ягоде, но безрезультатно¹²³⁹. Уотсон полагал, что опала была реальной, и вызвана она была недовольством Сталина заявлениями Молотова о возможности сближения с Германией¹²⁴⁰. Крайне маловероятно: Молотов в те годы не импровизировал с внешнеполитическими заявлениями. Но что-то было. Существенно даже не то, что имя Молотова не звучало на процессе в числе потенциальных жертв террора. Впервые за десять лет в период отпуска – с середины июля до начала сентября – у него не было переписки со Сталиным.

Сам генсек отдыхал с 14 августа по 25 октября, но крайне внимательно следил за процессом антисоветского объеди-

ненного троцкистско-зиновьевского центра, публичность которого была нужна не только для большей убедительности, но и для максимальной международной дискредитации Троцкого и троцкизма. Перед судом предстали 16 человек, из которых 11 были участниками «объединенной оппозиции» во главе с Каменевым и Зиновьевым, а пятеро – молодыми членами германской компартии. После оглашения обвинительного заключения все подсудимые признали себя виновными. «На иностранных корреспондентов признание всех подсудимых произвело ошеломляющее впечатление»¹²⁴¹, – сообщали Сталину из Москвы Каганович и Ежов. Они обратят внимание и на то, что некоторые подсудимые «подробно говорили о связях с правыми, называя фамилии Рыкова, Томского, Бухарина, Угланова. Многие подсудимые назвали запасной центр в составе Радека, Сокольников, Пятакова, Серебрякова, называя их убежденными сторонниками троцкистско-зиновьевского блока»¹²⁴². Обвиняемых на процессе приговорили к расстрелу.

Реакция внешнего мира на первый процесс была довольно сдержанной: приговор показался присутствовавшим дипломатам и корреспондентам убедительным, а казненными оказались главные пропагандисты мировой коммунистической революции. К общему хору гневного осуждения Троцкого и требованиям «беспощадного уничтожения презренных убийц и предателей» присоединились левые круги, в их числе Раковский, Пятаков, Радек, Преображенский. Томский 21 августа на партсобрании возглавляемого им ОГИЗ покаялся в «преступных связях с подсудимыми» и на следующий день застрелился, оставив предсмертное письмо Сталину: «Если ты хочешь знать, кто те люди, которые толкали меня на путь правой оппозиции в мае 1928 года, спроси мою жену лично». Вдова Томского поведала Ежову, что ее покойный супруг имел в виду... Генриха Ягodu. Ежов также написал Сталину, что свидетельства о террористической деятельности троцкистов и зиновьевцев поступали еще в 1933–1934 годах, но на них не обращали внимания¹²⁴³.

Молотов возвратился из отпуска в начале сентября и, как раньше, в паре с Кагановичем приступил к переписке со Сталиным по текущей повестке дня. 4 сентября Молотов и Каганович в связи с неудовлетворительным ходом хлебозаготовок в Западной Сибири, Казахстане, Челябинской и Воронежской областях предложили отправить туда ответственных работников. Сталин – само спокойствие: «По-моему, хлебозаготовки идут неплохо. Нельзя требовать, чтобы темпы все время нарастали,

если на Волге засуха, а уборка в Сибири отстала от прошлогодней на целых две декады в силу климатических условий»¹²⁴⁴.

Но 6 сентября Сталин возвращает внимание своих заместителей к вопросам, связанным с оппозицией. «“Правда” в своих статьях о процессе зиновьевцев и троцкистов провалилась с треском... Она все свела к личному моменту, к тому, что есть люди злые, желающие захватить власть, и люди добрые, стоящие у власти, и этой мелкотравчатой мешаниной кормила публику. Надо было сказать в статьях, что борьба против Сталина, Ворошилова, Молотова, Жданова, Косиора и других есть борьба против Советов, борьба против коллективизации, против индустриализации, борьба, стало быть, за восстановление капитализма в городах и деревнях СССР»¹²⁴⁵. Кампания против оппозиционеров активизировалась. От Норвегии потребовали экстрадиции Троцкого, и он был выслан в Мексику.

Был исключен из ЦК и арестован Пятаков. Под арестом оказались также Сокольников, Серебряков. Была проведена очная ставка Рыкова и Бухарина с Сокольниковым, который подтвердил их связь с троцкистско-зиновьевским центром, но Сталин счел аргументы недостаточно доказательными. 10 сентября газеты поместили сообщение Прокуратуры: звучащие на «процессе 16-ти» обвинения о причастности к преступной деятельности Рыкова и Бухарина не подтвердились. В свете оглашенных на процессе сведений о троцкистском военном подполье были арестованы заместители командующих Ленинградским (Примаков) и Харьковским (Туровский) военными округами, военный атташе в Англии комкор Путна, комдивы Шмидт и Саблин, комбриг Зюк.

Письмо Сталина и Жданова от 25 сентября в адрес Кагановича и Молотова подводило черту под одним этапом борьбы с оппозицией и открывало новый. «Считаем необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года»¹²⁴⁶. НКВД возглавил человек, писавший в графе образование «незаконченное низшее». Любитель петь, он не попал на сцену из-за низкого роста (151 см) и хлипкого телосложения. Целеустремленный, честолюбивый, настойчивый, исполнительный¹²⁴⁷.

29 сентября ПБ опросом принимает единственное в своем роде постановление: «До последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политический и организационный отряд международной буржуазии. Последние факты говорят, что эти господа скати-

лись еще больше вниз и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе. В связи с этим необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами»¹²⁴⁸. Если до середины 1936 года за принадлежность к троцкистам и зиновьевцам были арестованы около пяти тысяч человек, то к концу года – 23 279¹²⁴⁹.

Что такого экстренного произошло 29 сентября 1936 года, что потребовало столь уникального постановления? В тот день ПБ приняло решение, ставившее СССР непосредственно на грань большой войны: начать операцию «Х», схватку с фашистскими державами за Испанию. Мятежники при поддержке португальских «добровольцев» 27 сентября взяли Толедо в 70 километрах от Мадрида. Без помощи извне республиканское правительство было обречено. Без преувеличения, весь СССР следил за испанской драмой. «В каждом доме Советского Союза висит карта Испании, и я сам видел, как в районах вокруг Москвы крестьяне оставляли работу и отказывались от еды, чтобы успеть на радиопередачу о событиях в Испании»¹²⁵⁰, – делился впечатлениями Фейхтвангер. На кону была вся новая политическая линия Москвы, связанная с созданием народных фронтов, заключением пактов с Францией и Чехословакией, столь критикуемая троцкистами всего мира. «Оставшись на позиции невмешательства, Сталину, Молотову, Литвинову пришлось бы очень скоро открыто признать: ошибались они, а их идеологические противники – Троцкий, Зиновьев, Каменев – оказались правы... Предавая Испанскую Республику, группа Сталина совершила бы политическое самоубийство»¹²⁵¹.

Один из лидеров путчистов генерал Эмилио Мола 1 октября, выступая по радио, произнес слова, которые вошли в историю. Он поведал, что наступление на столицу будет вестись четырьмя колоннами, а правительственный центр Мадрида будет атакован пятой колонной. Мола скоро погибнет в авиакатастрофе, но понятие «пятая колонна» закрепится в политическом дискурсе.

Политика невмешательства французского правительства подверглась жесткой критике. Молотов говорил Димитрову: «Мы не свергаем правительство Блюма, но мы критикуем Блюма»¹²⁵². Париж смягчил контроль на пиренейской границе, но время было потеряно. 11 октября Молотов и Каганович согласуют со Сталиным заявление: «Главное снабжение мятежников оружием идет через Португалию и через португальские порты. Минимальной и притом совершенно неотложной мерой положить конец этому снабжению и нарушению соглашения о

невмешательстве должно было явиться немедленное установление контроля над португальскими портами»¹²⁵³. Но Сталин предлагает им гораздо более радикальный текст, который заканчивался фразой: «Не желая оставаться в положении людей, невольно способствующих несправедливому делу, правительство Советского Союза видит лишь один выход из создавшегося положения: вернуть правительству Испании права и возможности закупать оружие вне Испании»¹²⁵⁴.

Советские военные консультанты и военное снаряжение прибыли как раз вовремя, чтобы помочь правительству удержать Мадрид. Присланные из СССР 500 иностранных коммунистов образовали ядро добровольческой интербригады, общая численность которой колебалась от 30 до 50 тысяч бойцов – французов, немцев, итальянцев, поляков, американцев, англичан, бельгийцев, славян из Балканских государств¹²⁵⁵. Помощь шла по самым разным каналам, и решения принимались мгновенно. 13 октября Ворошилов пишет Молотову и Кагановичу: «По решению Политбюро наша фирма приобрела у технического управления чехословацкой армии для друзей 10 000 винтовок, 10 миллионов патронов и дополнительно 170 пулеметов с 2 миллионами патронов... Аванс и аккредитив на всю сумму гарантирован чешским банком. Пароход предоставляется друзьями. Прошу согласия на всю сделку в целом». Танки и самолеты шли по контрактам с Мексикой. Расчеты осуществлялись во многом за счет депонированного в Госбанке СССР золотого запаса Испании. 4 февраля 1937 года Молотов, Ворошилов и Сталин отправляют послание испанскому премьеру Ларго Кабальеро: «Желаем Вам и испанскому народу победы над внутренними и внешними врагами Испанской республики. Считаем своим долгом и впредь помогать Вам по мере возможности»¹²⁵⁶.

Схватка за Испанию резко обострила отношения с фашистскими державами. 9 октября 1936 года на столы Сталина и Молотова легло донесение разведки, в котором говорилось: «Настроения партийных руководящих кругов во главе с Гитлером за последнее время направлены явно на подготовку к войне в сравнительно недалеком будущем... Никаких сдерживающих элементов, ранее все же влиявших на Гитлера, более не существует»¹²⁵⁷. 19 октября в Берлин прибыл министр иностранных дел Италии зять Муссолини граф Чиано. В центре состоявшихся переговоров – сотрудничество в борьбе с большевизмом. 25 октября союзнические отношения между Римом и Берлином были оформлены протоколом. 1 ноября Муссолини дал название новому альянсу: «Ось Берлин – Рим»¹²⁵⁸. В Москве

стало известно также о планах Германии и Японии заключить пакт на антисоветской основе. Затычка произошла в основном из-за внутрияпонских событий, связанных с попыткой военно-переворота. Молотов иронизировал:

– В Японии немало людей, которые решают считать себя свободными от больших внутренних забот, поскольку хотят превратить японские силы в союзника по осуществлению авантюристических планов германского фашизма насчет колоний и всяких захватов. Небольшая кучка разбушевавшихся тогда в Токио фашиствующих офицеров всего лишь на некоторое время, так сказать, «отгеснила» центральную власть в столице государства. Ведь потерявшие было на несколько дней министры так или иначе уже нашлись (*смех, аплодисменты*)¹²⁵⁹.

Но 15 ноября в Берлине Нейрат и его японский коллега Мусьякодзи все-таки подписали Антикоминтерновский пакт и секретный протокол к нему. Гитлер заявил, что теперь он способен победить не только большевизм, но и всю Европу, включая Англию. Для СССР с пактом было все ясно.

– Договор является всего лишь ширмой для тайных захватнических и, в частности, антисоветских планов германских и японских империалистов, – говорил Молотов. – Очевидно, германские фашисты считают, что теперь могут вплотную заняться авантюрами внешнего порядка с подбором достойных для этого дела союзничков. У нас нет других чувств к великому германскому народу, кроме чувств дружбы и искреннего уважения (*бурные аплодисменты*), но господ фашистов лучше бы всего отнести к такой нации, «нации» «высшего» порядка, которая именуется «нацией» современных каннибалов-людоедов (*аплодисменты*)¹²⁶⁰.

18 ноября Германия и Италия признали режим Франко. Начались прямые поставки ему оружия, из Гамбурга в Кадис прибыли немецкий авиалегион «Кондор» с тремястами самолетами и танковый корпус. 27 ноября испанское правительство обратилось в Лигу Наций с жалобой на вооруженную интервенцию Германии и Италии. Это был тот фон, на котором собрался VIII съезд Советов для принятия Конституции. Молотов говорил на нем:

– Теперь фашисты не только не терпят никаких демократических остатков в своих странах, где и без того «молчат, бо благоденствуют». Характерно, что фашисты видят для себя опасность в самом факте существования демократизма, даже если дело идет о демократизме в других странах. Поэтому, не считаясь с государственными границами и нарушая все международные права и обычаи, фашисты известных всем государств

с мечом в руках, с германскими «Хейнкелями» и итальянскими «Савойя» в воздухе вмешиваются во внутренние дела другого государства, где народ не хочет терпеть подобных им господ... Но если говорить начистоту, то в защите интересов мира и мирного труда для народов СССР мы по-настоящему верим только в свои собственные силы¹²⁶¹.

На съезде делегатом от Ленинграда присутствовал Алексей Толстой, передавший царившую там атмосферу: «Калинин занимает председательское место у микрофона... Внизу чей-то голос, перекрывая аплодисменты, запекает, и шум хлопков и крики переходят в песню гордости и победы... Совсем по-новому, особенно звучат слова “Интернационала”. И после песни – снова, с еще большей силой, аплодисменты и приветственные крики. М. И. Калинин тщетно будто уминает руками эти овации, – ему еще долго не дают говорить. Он обращается к благо разумию, просит поберечь время... Напрасно. Сталин с трудом смог начать выступление. Перечисляя по пальцам реальные этапы нашей революции от Октября до построения второй пятилетки, он повторяет рефреном: “Это факт, а не обещание...” И, помянув едкий анекдот из Салтыкова-Щедрина, он как бы разводит руками перед залом по поводу германской критики: “Дуракам закон не писан”»¹²⁶².

Молотов выступал в тот же день. («Появление тов. Молотова на трибуне встречается бурной овацией всего зала. Все встают. Возгласы: “Тов. Молотову ура!” “Да здравствует тов. Молотов – ближайший соратник товарища Сталина!” Мощное “ура” и долго не смолкающие аплодисменты длятся несколько минут».) Он говорил после Алексея Толстого и не преминул заметить:

– Еще один пример советского демократизма. Передо мной выступал всем известный писатель А. Н. Толстой. Кто не знает, что это бывший *граф* Толстой. А теперь? Один из лучших и один из самых популярных писателей земли Советской – *товарищ* Алексей Николаевич Толстой. (*Аплодисменты.*) В этом виновата история. Но перемена-то произошла в хорошую сторону. С этим согласны все мы вместе с самим А. Н. Толстым.

Молотов подчеркнул, что экономической основой Советского Союза является социалистическая система хозяйства, заметив:

– Указание Конституции на допущение мелкого частного хозяйства единоличных крестьян и кустарей без права эксплуатации чужого труда, как и признание личной собственности граждан на их трудовые доходы и имущество, не только не противоречит господствующему положению социалистических

форм хозяйства и социалистической собственности в нашей стране, но является совершенно обязательным дополнением в данных условиях.

Рассказав о существовании во многих странах Запада ценза оседлости, имущественного ценза, об отсутствии гражданства для евреев в Германии, о возможности только для 19 тысяч из 2,2 миллиона негров голосовать в южных штатах США, о лишении права голоса 5,5 миллиона черных в британском Южно-Африканском Союзе, об отсутствии у женщин избирательного права во Франции, Бельгии, Италии, Швейцарии, Югославии, Греции, Японии, Аргентине, Молотов сделал вывод, что «советский строй пропитан демократизмом больше, чем любой другой. Через Советы рабочие и крестьяне, иначе говоря, народные массы управляют государством». Об оппозиции он говорил в контексте международных событий:

– Эти люди, как известно, пошли в угоду и по указке буржуазных государств на самые грязные и на самые гнусные контрреволюционные дела. Нам понятна злоба и беспринципность этих на все готовых буржуазных перерожденцев, ненавидящих нашу партию и всех честных строителей социализма с яростью, достойной ренегатов. Известно, что у них есть подпевалы-пособники также из правых отщепенцев. Что же? Мы знаем, как поступать с отбросами революции¹²⁶³.

Конституция 1936 года зафиксировала победу социализма как начальной стадии коммунизма. СССР в ней определялся как союзное государство, образованное на основе добровольного объединения одиннадцати равноправных республик. Впервые конституционно (ст. 126) было закреплено правовое положение Коммунистической партии как руководящей силы советского общества, ядра всех общественных и государственных организаций. Съезд Советов и ВЦИК были заменены Верховным Советом, состоящим из двух палат – Совета Союза и Совета национальностей, избираемых каждые четыре года. Устанавливалось право на труд, на отдых, на материальное обеспечение и на образование. Вводилось всеобщее избирательное право и прямое тайное голосование. Ограничения в избирательных правах ликвидировались. Были закреплены право выбора места жительства, право обвиняемого на защиту, право на охрану чести и достоинства и т. п. Но реализация гражданских прав регулировалась не только Основным законом, но и актами текущего нормотворчества, которые нередко сводили на нет конституционные положения. Ну а гарантии прав личности выглядели насмешкой в годы массовых репрессий.

Накануне принятия Конституции Съездом Советов, 4 декабря, открылся пленум ЦК, на котором председательствовал Молотов. Главный вопрос повестки дня – утверждение текста Конституции – занял не больше десяти минут. Сразу перешли ко второму вопросу – «О троцкистских и правых антисоветских организациях». Ежов, дебютировавший на пленуме в новом качестве, как начальник НКВД подтвердил факт образования в 1932 году «зиновьевско-троцкистского блока на условиях террора». Молотов предоставил слово Бухарину. Он полностью поддержал Ежова, осудил Зиновьева, троцкистов и покаялся в старых грехах: «Хвосты эти тянутся до сих пор». Но связь с троцкистско-зиновьевским блоком Бухарин отрицал. Рыков тоже солидаризировался с обвинениями в адрес зиновьевско-троцкистского блока и подтвердил, что его намечали в состав правительства СССР после отстранения от власти Сталина. Донецкий секретарь Саркисов, покаявшись в троцкистском прошлом, предложил судить Бухарина и Рыкова. И далее в том же духе. Молотов взял слово ближе к вечеру:

– Товарищи, из всего того, что здесь говорили Бухарин и Рыков, по-моему, правильно только одно: надо дело расследовать, и самым внимательным образом... Почему мы должны были слушать обвинение на процессе в августе месяце и еще оставлять Бухарина в редакции «Известий», а Рыкова в Наркомсвязи? Не хотелось запачкать членов нашего Центрального комитета, вчерашних товарищей. Вы, товарищи, знаете, что по убийству Кирова все нити объективно политически были у нас в руках. Показывали, что Зиновьев и Каменев вели это дело. А мы, производя процесс один за другим, не решались их обвинить. Мы обвиняли их в том, в чем они сами признались, – в том, что они объективно, их разговоры и группировки создавали настроения, которые не могли не повести к этому делу. Вот как мы подошли. Мы были свехосторожны – только бы поменьше было людей, причастных к этому террору, диверсии и так далее¹²⁶⁴.

Пленум продолжился 7 декабря, когда была устроена очная ставка, на которой Радек, Пятаков, Сосновский и некоторые другие уже арестованные политики обвиняли Бухарина. Решение пленума было коротким: «Принять предложение т. Сталина считать вопрос о Рыкове и Бухарине незаконченным. Продолжить дальнейшую проверку и отложить дело решением до следующего пленума ЦК».

В январе 1937 года обвинявшие Бухарина уже сидели на скамье подсудимых в Колонном зале. 17 фигурантов процесса распались на две группы. Первую составили давние соратни-

ки Троцкого – Пятаков, Радек, Серебряков, Муралов, Дробнис, Богуславский. Вместе с зиновьевцем Сокольниковым они исключались из партии, отправлялись в ссылку, но затем вновь получили партбилеты и заняли заметные должности. В другой были хозяйственные руководители местного масштаба, среди них известные нам Шестов и Арнольд. Тема покушения на Молотова прозвучала в показаниях обвиняемых семь раз. В показаниях Радека 11 раз промелькнула фамилия Тухачевского, тогда не привлекая большого внимания обвинителя Вышинского.

Присутствовавший на процессе Фейхтвангер писал:

«Сами обвиняемые представляли собой холеных, хорошо одетых мужчин с медленными, непринужденными манерами. Они пили чай, из карманов у них торчали газеты, и они часто посматривали в публику... Если бы этот суд поручили инсценировать режиссеру, то ему, вероятно, понадобилось бы немало лет и немало репетиций, чтобы добиться от обвиняемых такой сыгранности: так добросовестно и старательно не пропускали они ни малейшей неточности друг у друга, и их взволнованность проявлялась с такой сдержанностью... Очень жаль, что в Советском Союзе воспрещается производить в залах суда фотографирование и записи на граммофонных пластинках. Если бы мировому общественному мнению представить не только то, что говорили обвиняемые, но и как они это говорили, их интонации, их лица, то, я думаю, неверящих стало бы гораздо меньше»¹²⁶⁵.

Кампания осуждения троцкистов продлилась не более трех дней, кульминационным пунктом был 200-тысячный митинг москвичей на Красной площади при 27-градусном морозе с ударными выступлениями Хрущева, Шверника и президента Академии наук Комарова. С начала февраля внимание прессы и общественности резко переключилось на юбилейные даты – Пушкина, Балакирева, Глинки, Бородина, архитектора Баженова, ученых Менделеева и Лебедева. 14 февраля вышло подписанное Молотовым и Сталиным постановление «О финансовых льготах колхозам и колхозникам, пострадавшим от недорода»¹²⁶⁶.

17 февраля перед началом заседания Политбюро к Молотову зашел Орджоникидзе, чтобы обсудить текущие дела, и они вместе отправились на ПБ. Рассматривались резолюции предстоявшего пленума по докладам Жданова о выборах, Сталина – о недостатках партийной работы, Ежова – о вредительстве и содокладам Орджоникидзе и Кагановича о вредительстве в тяжелой промышленности. Выступлений Молотова не планиро-

валось. После заседания Орджоникидзе допоздна сидел в своем наркомате, дорабатывая постановление, затем уехал домой и через несколько часов застрелился¹²⁶⁷. Кто-то говорит, что Орджоникидзе сначала не смог защитить своего брата Папулику, отвести репрессии от наркомата – его первый заместитель Пятаков был только что осужден на процессе. Молотов считал, что история с братом была решающей¹²⁶⁸. В стране объявили траур, глава правительства первым произносил прощальную речь.

23 февраля собрался пленум ЦК. Молотову надо было не только его открывать и вести, но и делать содоклад о вредительстве в промышленности, пользуясь материалом, подготовленным Орджоникидзе. Пленум продолжался 11 дней. Сначала в течение трех из них обсуждали доклад Ежова о деле Рыкова и Бухарина, которые обвинялись в том, что «как минимум, знали о преступной, террористической, шпионской и диверсионной деятельности троцкистского центра, но скрывали это». Они были арестованы.

Молотов делал содоклад 28 февраля, обильно цитируя показания Пятакова, Дробниса, Тамма, Шестова на январском процессе, и приходил к выводу о том, что именно Пятаков был «главным организатором вредительско-шпионской работы преступной шайки в тяжелой промышленности». Но основной упор глава СНК сделал на необходимости не столько искать виновных, сколько делать правильные выводы, ответить на вызовы извне и изнутри повышением производительности, овладением новой техникой, улучшением подготовки кадров. А в заключение затронул международный аспект проблемы:

– Советский Союз соревнуется с капиталистической системой. Борьба приобретает все более крупный масштаб. Об остроте ее свидетельствуют многие меры, которые капиталистические страны принимают в подготовке новых войн. Вредительские шайки всех этих троцкистов и прочих – один из активнейших отрядов в этой подготовке. Забывать об этом, предаваться беспечности – значит забывать о своем первейшем долге перед народом, перед трудящимися... Пока есть время, мы должны использовать каждый момент для того, чтобы подтянуться на слабых участках, чтобы достичь производительности труда и технических норм наиболее развитых капиталистических стран¹²⁶⁹.

Резолюция, принятая пленумом 2 марта по содокладам Молотова и Кагановича, называлась куда более зловеще, чем звучали сами содоклады: «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов». В целях ликвидации последствий этой деятельности наркоматы долж-

ны были в месячный срок разработать «методы разоблачения и предупреждения вредительства и шпионажа». От предприятий требовалось соблюдение технологических процессов, регулярный планово-предупредительный и капитальный ремонт оборудования, контроль за соблюдением условий охраны труда, переподготовка кадров¹²⁷⁰. Сталин в своем выступлении 3 марта говорил в первую очередь о задачах парторганизаций, но тоже не обошел стороной тему бдительности:

– Чтобы построить Днепрострой, надо пустить в ход десятки тысяч рабочих. А чтобы его взорвать, для этого требуется несколько десятков человек, не больше... Стало быть, нельзя утешать себя тем, что нас много, а их, троцкистских вредителей, мало. Надо добиться того, чтобы их, троцкистских вредителей, не было вовсе в наших рядах¹²⁷¹.

Прения по докладу отразили настрой партийной верхушки на расширение репрессий, и Сталину в заключительном слове пришлось даже охлаждать наиболее горячие головы:

– В речах некоторых товарищей сквозила мысль о том, что давай теперь направо и налево бить всякого, кто когда-либо шел по одной улице с троцкистом или кто когда-либо в одной общественной столовой с Троцким обедал. Это не выйдет, это не годится.

Резолюция, принятая по докладу Сталина, осуждала практику подмены партийными организациями хозяйственных органов, призывала возвратиться к чисто политической работе, отказаться от парадности, восстановить отчетность парторганов перед пленумами, по-новому строить работу с кадрами, провести их переподготовку¹²⁷². 6 марта страна узнала о прошедшем пленуме. Но немного. Было сообщено лишь об исключении из партии Рыкова и Бухарина, а также напечатана резолюция по докладу Жданова о выборах. Партийная печать наполнилась материалами о подготовке к выборам.

13 марта Политбюро утвердило важный правовой акт – «О прекращении производства дел о лишении избирательных прав граждан СССР по мотивам социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности». 20 марта принимается решение ПБ: «Воспретить при выборах партийных органов голосовать списком. Голосование производить по отдельным кандидатурам, обеспечив при этом всем членам партии неограниченное право отвода кандидатов и критику последних. Установить при выборах партийных органов закрытое (тайное) голосование»¹²⁷³. 28 апреля совместным постановлением СНК и ЦК «О работе угольной промышленности Донбасса» осудили «практику огульного обвинения хозяйст-

венников, инженеров и техников, а также тактику огульных взысканий и отдачи под суд, применяемую и извращающую действительную борьбу с недостатками в хозорганах»¹²⁷⁴.

1937 год

Репрессии в первые месяцы 1937 года затрагивали преимущественно верхушку Наркомата внутренних дел, которую чистил Ежов. 3 февраля был арестован наркомвнудел Белоруссии Молчанов, ранее возглавлявший секретно-политический отдел НКВД. 11 февраля в Харькове арестовали Енукидзе, который в тот же день признался в заговорщицкой деятельности по делу «Клубок» и назвал соучастников – Тухачевского, Корка, Путну. 2 марта задержан заместитель начальника оперативного отдела НКВД Волович. Сведения о причастности к заговору против первых лиц государства руководителей спецслужб и армии – не шутка. Вот когда ситуация стала кардинально меняться, напоминая спускавшуюся с гор лавину.

Помощник начальника инженерных войск Уральского военного округа Вележев признал участие в троцкистской организации. От него был поручен компромат на командующего Уральским военным округом Гарькавого (брат жены Якира)¹²⁷⁵. 11 марта Гарькавый был арестован. Из Парижа 17 марта пришла телеграмма от полпреда Потемкина, которую он направил после беседы с премьер-министром Даладье: «Из якобы серьезного французского источника он недавно узнал о расчетах германских кругов подготовить в СССР государственный переворот при содействии враждебных нынешнему советскому строю элементов из командного состава Красной Армии»¹²⁷⁶. 28 марта Ежов выписал ордер на арест Ягоды, который признал связь с Енукидзе и Путной.

Пошла череда арестов руководителей НКВД и НКО, на которых давали показания их коллеги как на причастных к «кремлевскому делу» 1935 года. 29 марта арестован бывший секретарь коллегии НКВД Буланов. 1 апреля – Гай (Штоклянд), отвечавший в 1935 году за контрразведку в РККА, 3 апреля – начальник кремлевской Школы им. ВЦИК Егоров, 11 апреля – заместитель Ягоды Прокофьев. Гай и Прокофьев дали показания на Тухачевского, Уборевича, Корка, Шапошникова, Эйдемана, указав на их связь с Ягодой.

Политбюро 14 апреля приняло постановление: «1. В целях подготовки для Политбюро, а в случае особой срочности – и для разрешения вопросов секретного характера, в том числе и воп-

росов внешней политики, создать при Политбюро ЦК ВКП(б) постоянную комиссию в составе тт. Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича Л. и Ежова. 2. В целях успешной подготовки для Политбюро срочных текущих вопросов хозяйственного характера создать при Политбюро ЦК ВКП(б) постоянную комиссию в составе тт. Молотова, Сталина, Чубаря, Микояна и Кагановича Л.»¹²⁷⁷. Объяснение этому решению Сталин в послании остальным членам Политбюро дал скорее бюрократическое¹²⁷⁸. Но оно не было таковым. Власть концентрировалась в руках узкого круга руководителей, как она сконцентрируется после начала войны в Государственном Комитете Оборона и в Ставке. 21 апреля аж на трех полосах газет была опубликована вторая часть доклада Молотова на февральско-мартовском пленуме.

27 апреля следует еще более многозначительное подтверждение озабоченности ПБ: создается Комитет Оборона СССР при Совнарком, который заменил существовавший с ленинских времен Совет труда и оборона СССР и молотовскую Комиссию по оборона. Уотсон обратил внимание на то, что решение ЦИКа об упразднении СТО не было опубликовано ни в прессе, ни в Собрании законов СССР¹²⁷⁹, что само по себе беспрецедентно и свидетельствовало о чрезвычайности принимавшихся тогда решений. Председателем Комитета Оборона назначался Молотов, в ее состав вошли также Сталин, Каганович, Ворошилов, Чубарь, Рухимович, Межлаук. По сравнению с прежней Комиссией по оборона новый Комитет Оборона имел заметно больший аппарат, который готовил к рассмотрению вопросы мобилизационного развертывания и вооружения армии, подготовки народного хозяйства к мобилизации¹²⁸⁰. С апреля 1937 года управление стало осуществляться по принципам военного времени, хотя сама страна об этом еще не знала. Какие для этого были основания? Внутри страны, без сомнения, то, что в Кремле сочли заговором военных.

...Молотов говорил: «Я считаю Тухачевского очень опасным военным заговорщиком, которого в последний момент только поймали. Если бы не поймали, было бы очень опасно. Он наиболее авторитетный. Участвовал ли каждый из обвиненных и расстрелянных в том заговоре, который готовил Тухачевский? Я не сомневаюсь, что некоторые из них участвовали, некоторые могли попасть ошибочно. Или сочувствовали. Но что касается Тухачевского и наличия у него группы военных, связанных с троцкистами, правыми, готовящими заговор, тут сомнений нет»¹²⁸¹.

Существует широко распространенная версия о том, что репрессии против военных были результатом германской провокации. Ее полностью подтверждал, например, глава немецкой разведки Вальтер Шелленберг¹²⁸². Бенеш в своих мемуарах писал о предупреждении, сделанном им Сталину в середине января 1937 года о заговоре во главе с Тухачевским¹²⁸³. Молотов, человек не менее информированный, эту версию не подтверждал: «Дело в том, что мы без Бенеша знали о заговоре, нам даже была известна дата переворота»¹²⁸⁴.

28 апреля Волович рассказывает о заговоре Ягоды – Тухачевского. 30 апреля задержан и Петерсон, который в тот же день признал свое участие в «кремлевском деле» и назвал соучастников: Енукидзе, Тухачевский, Корк, Путна¹²⁸⁵. На Первомайском параде Ворошилов в первый и последний раз демонстративно стоял на трибуне с личным оружием. 2 мая арестовывают командующего Уральским военным округом Горбачева, ранее служившего заместителем командующего МВО Корка. 3 мая арестован комбриг запаса Медведев, 8 мая он признал свое участие в троцкистской организации, возглавляемой Фельдманом. А затем назвал и других – Тухачевского, как «возможного кандидата в диктаторы», Якира, Путну, Примакова и Корка¹²⁸⁶.

10 мая Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Ежов, Чубарь и Микоян принимают решения о превентивных мерах. 11 мая газеты сообщают о создании при командующих военными округами военных советов (ограничение единоначалия командующих), восстановлении института комиссаров, начиная с полков и выше, и одновременно о серьезной перетасовке, смысл которой – спутать карты заговорщиков. Якир из Киева передвигается на Ленинградский округ, Федько из Приморья – на Киевский, Дыбенко – из Приволжского на Сибирский. Тухачевский освобождается от должности замнаркома и отправляется на место Дыбенко, а его должность получает командовавший войсками Ленинградского округа Шапошников¹²⁸⁷. 12 мая арестован Корк, 15 мая – комкор Фельдман. 13 мая Тухачевский просит Сталина о встрече, и такая встреча состоялась. Сталин объяснил, что причина перевода связана с информацией о наличии в окружении маршала лиц, обвиняемых в шпионаже. В тот же день умерла Екатерина Георгиевна – мама Сталина. Он на похороны не едет. Ситуация в Москве напряжена настолько, что он считает опасным покидать столицу хоть на несколько дней¹²⁸⁸.

16 мая начал давать показания Корк: военная организация правых (Путна, Примаков, Туровский) была частью широкой организации, в которую его вовлек Енукидзе. Основной зада-

чей группы был переворот в Кремле, в штаб переворота входили Корк, Тухачевский и Путна. 19 мая Ягода, подтверждая «кремлевский заговор» во главе с Енукидзе и Караханом, назвал группу военных в качестве участников заговора – Корк, Горбачев, Примаков, Путна, Шмидт¹²⁸⁹. Показания дает Фельдман: в организацию его вовлек Тухачевский, называет имена сорока командиров и политработников, в том числе Шапошникова, Гамарника, Дыбенко. Ежов каждый день докладывает лично Сталину, с материалами следствия знакомятся еще Молотов, Каганович и Ворошилов. После показаний Корка и Фельдмана о подготовке на днях военного переворота они дают санкцию на арест Тухачевского¹²⁹⁰.

22 мая арестовывают Тухачевского и комкора Эйдемана. Первый крупный снаряд упал в ближайшее окружение Молотова: полетела голова его заместителя – Рудзутака. 24 мая принимается постановление Политбюро об исключении из партии Рудзутака и Тухачевского и передаче их дел в НКВД¹²⁹¹. Тухачевский 25 мая доставлен в Москву. 26-го после очных ставок с Примаковым, Путной и Фельдманом, знакомства с показаниями он пишет Ежову, что признает «наличие антисоветского военно-троцкистского заговора» и то, что он был во главе его¹²⁹². К 1 июня Тухачевский напишет обширные признательные показания. Вряд ли Тухачевского, получившего в годы Гражданской войны пять орденов за личное мужество, можно было так быстро чем-то запугать. Он полностью признается в заговоре, но будет отрицать обвинения в шпионаже. 28 мая под арестом оказывается командарм 1-го ранга и кандидат в члены ЦК Уборевич.

С 1 июня в течение четырех дней проходило расширенное заседание Военного совета при наркомате обороны, в котором принимал участие и Молотов. У каждого из 120 высших военных при входе в здание на улице Фрунзе (ныне – Знаменка) отбирали оружие и вручали синюю папку с показаниями их недавних коллег. Сталин начал без обиняков:

– Товарищи, в том, что военно-политический заговор существовал против Советской власти, теперь, я надеюсь, никто не сомневается.

Политическими руководителями заговора он назвал Троцкого, Бухарина, Рыкова. «К ним я отношу также Рудзутака, который тоже стоял во главе и очень хитро работал, путал все, а всего-навсего оказался немецким шпионом. Карахан. Енукидзе. Дальше идут: Ягода, Тухачевский – по военной линии, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник – 13 человек...» И затем прозвучала ключевая фраза:

– Хотели из СССР сделать вторую Испанию¹²⁹³.

Каждый в Советском Союзе знал, что такое Испания: сочетание внешней интервенции с пятой колонной. 11 июня на закрытом заседании Специального судебного присутствия во главе с Ульрихом подсудимые подтвердили признательные показания, которые давали на следствии. 13 июня читатели узнали из газет о приведении в исполнение смертного приговора в отношении всех обвиняемых. Это стало и новостью номер один в мире. Первым о подтасованности процесса заявил Троцкий. Все осужденные служили под его руководством, многие были его единомышленниками, а потому удостоились самых высоких оценок. Версия самого Троцкого выглядела так: «Весьма возможно, что в этих кругах выдвигали на место Ворошилова кандидатуру Тухачевского»¹²⁹⁴. Эта версия была с готовностью подхвачена западной прессой, не было ни одной газеты, которая верила бы в обоснованность обвинения.

В СССР же новость о расстреле военных пожила три-четыре дня, когда шли митинги под лозунгами «Смерть шпионам и изменникам Родины». После этого внимание общественности было переключено на поддержку Займа обороны СССР, съезд архитекторов, перелет Чкалова, Белякова и Байдукова через Северный полюс в Америку, а также выборы в парторганизациях, обозначившие первые жертвы чистки партийного руководства. 4 июня потерял работу председатель Дальневосточного крайисполкома Крутов, получивший на областной партконференции 21 голос «за» при 428 «против».

Пленум ЦК открылся 23 июня информацией Ежова о проведенной его ведомством работе, после чего были единогласно приняты решения о выводе ряда коллег из состава ЦК. Из 120 членов, состоявших в нем на 1 мая, потеряли свои посты 36 человек. Юрий Жуков подметил, что никто из них ранее не примыкал ни к каким оппозициям. Но обращало внимание «слишком уж явное пересечение судеб этих партийных и советских работников в годы Гражданской войны с теми военачальниками, которые оказались на скамье подсудимых 11 июня»¹²⁹⁵. Однако в центре внимания пленума оказались вопросы... сельского хозяйства и выборов. С докладами выступили нарком земледелия Чернов, рассказавший о ведении правильных севооборотов и улучшении работы машинно-тракторных станций, а также Яковлев с новыми идеями об улучшении качества семян зерновых культур. Основной для пленума доклад – о новом избирательном законе – в исполнении того же Яковлева прозвучал 27 июня. В нем говорилось о нормах, подтверждающих включение в избирательный бюллетень всех кандидатов в Верховный Совет, выдвинутых общественными организаци-

ями, и альтернативность выборов. Молотов открывал прения и сделал упор на проблемах усиления роли Советов и новых требований кадровой политики. Назвав фамилии нескольких проваливших работу по реализации постановления о защите материнства, строительству детских садов и яслей руководителей, исключенных из ЦК Каминского и Сулимова, Молотов сделал далекоидущий вывод:

– Наши старые критерии старых партийцев теперь во многих отношениях недостаточны. Имеет дореволюционный стаж, потом он имеет хорошее качество, что участвовал в Октябрьской революции, имел заслуги в Гражданской войне, неплохо дрался против троцкистов и против правых. Все это надо понять и учесть как важный элемент в оценке человека. Но это недостаточно. В данное время от нас требуется, чтобы руководители находили известный подход к этим людям и умели на место устаревшего хлама, бюрократившейся или очинивничейся группы работников выдвигать новых людей¹²⁹⁶.

Пленум утвердил текст закона о выборах и постановил созвать на 7 июля сессию ЦИКа для его принятия. А затем в центр внимания ПБ и Совнаркома вернулись вопросы сельского хозяйства: заявки с мест на продовольственную помощь и соответствующие постановления о снижении норм зернопоставок. Если в 1936 году план составлял 735 миллионов пудов (из-за засухи был поставлен только 651 миллион), то в 1937 году – 587 миллионов (получено 671 миллион пудов)¹²⁹⁷.

Но именно в эти летние дни был запущен маховик Большого террора. Полагаю, спусковой крючок следует искать не только внутри страны, но и за ее пределами.

...В 1937 году международная обстановка резко обострилась. В январе в портах южной Испании высадился 50-тысячный итальянский экспедиционный корпус. 30 января Гитлер произнес в рейхстаге знаменитую фразу: «Германия убирает свою подпись с Версальского договора». Европейские соседи дрейфовали в сторону Германии. Полпредство в Праге получило информацию о секретных германо-чешских консультациях¹²⁹⁸. Разведка сообщила Сталину и Молотову: Гитлер уведомил лидера румынских либералов Братиану о мерах, направленных на то, чтобы «договориться с Францией и разбить франко-советскую дружбу, полностью изолировать Чехословакию, поставить под контроль Рейхсвера турецкую армию и создать Союз Балканских государств по борьбе с коммунизмом»¹²⁹⁹. 26 марта в Белграде было подписано соглашение между Югославией и Италией. Геринг в Варшаве встретил понимание собеседников,

когда заявил: «Опасность представляет не только большевизм, но Россия как таковая, независимо от того, существует ли в ней монархический, либеральный или другой какой-нибудь строй»¹³⁰⁰. Агентурные сведения из Латвии сообщали: «Германофильские круги правительства, возглавляемые генеральным секретарем Министерства иностранных дел Мунтерсом, не без участия Ульманиса ведут с Германией секретные переговоры о блоке»¹³⁰¹. Из Эстонии поступала информация о том, что «разговор идет о предоставлении Германии Эстонией базы для германских подводных лодок и пр. подобных концессий»¹³⁰².

В апреле британским послом в Берлине становится Невиль Гендерсон, широко известный своими прогерманскими настроениями. Американский посол Додд сообщил в Вашингтон: «Гендерсон уверил германское правительство, что Лондон не будет возражать против овладения Гитлером Австрией и Чехословакией»¹³⁰³. В мае в Великобритании пришел к власти новый кабинет – Невилла Чемберлена. Одним из его первых шагов стало письменное послание Муссолини с восхищением личностью дуче и предложением наладить добрые отношения между двумя странами¹³⁰⁴. 1 июня Гендерсон заявил, что полностью согласен с Гитлером в оценке большевизма как величайшей угрозы для Европы, затмевающей все другие проблемы¹³⁰⁵.

В Испании, где воевали уже 60 тысяч итальянских солдат и 20 тысяч немецких, 26 апреля произошла трагедия Герники. Немецкая авиация почти полностью стерла с лица земли священный для басков город. Северный фронт республиканцев разваливался под натиском войск фашистских держав и Франко. 19 мая испанское правительство вновь обратилось в Лигу Наций с отчаянным призывом сделать хоть что-то для остановки очевидной агрессии. Англичане и французы поддержали республиканцев морально и передали вопрос в Лондонский комитет по невмешательству. Весной 1937 года делом всего Советского Союза стала судьба испанских детей, которые начали прибывать в СССР. Когда Молотов подпишет в сентябре постановление СНК «О руководстве обслуживания и воспитания испанских детей, находящихся в СССР и вновь прибывающих», речь шла уже о тысячах¹³⁰⁶.

– Советский Союз не только не прятал своего сочувственно-го отношения к республиканской Испании, но открыто заявил, что считает дело Испанской демократической республики близким себе делом, делом всего прогрессивного человечества, – говорил Молотов. – Насколько же далеки от этой честной позиции поддержки испанской демократии правительства тех

государств, которые, однако, не прочь выдавать себя за демократические страны¹³⁰⁷.

В июне 1937 года кабинет Блюма пал, и на смену ему пришло правительство во главе с радикалом Шотаном, который принял «британский план» глухого закрытия границы с Испанией. Это и предопределило в конечном счете поражение Республики. Испания показала несовместимость франко-британской политики умиротворения и советских планов коллективной безопасности, на которых был поставлен крест.

Отношения с США буксовали из-за проблемы царских долгов. Новый посол Дэвис приехал в Москву вовсе не мириться. 25 февраля 1937 года он информировал Рузвельта: «В соответствии с протоколом я подал заявку на официальную встречу с Молотовым, председателем кабинета. После обычного обмена любезностями Молотов заявил, что его правительство надеется на развитие отношений между нашими двумя правительствами по линии большего взаимопонимания, что некоторые договоренности еще не были выполнены и проблемы могут быть решены при практическом подходе к ним. Следуя Вашей мысли, я донес до них ощущение, что вопрос гораздо важнее для них, чем для нас, и следующий шаг должен быть с их стороны»¹³⁰⁸.

Для Дальнего Востока Сталин и Молотов предлагали одновременно Тихоокеанский пакт взаимопомощи с участием СССР, США, Японии, Китая, Англии и Франции, региональный пакт о ненападении (инициатива Австралии) и двусторонний договор с Китаем. Однако Лондон проявил к этим инициативам чисто теоретический интерес. Рузвельт 29 июня объяснил Трояновскому: «Америка вступать в союзы или что-либо подобное не может. Во всяком случае, пакт без Японии не имеет смысла»¹³⁰⁹.

Информация о военных провокациях Японии на границе поступала каждый день. А 7 июля японские войска начали войну с Китаем, и в Пекине именно эта дата официально считается днем начала Второй мировой войны. «Высокопоставленные генералы презирали войска Гоминьдана и считали, что стремительная атака быстро поставит Чана на колени, развязав армии руки и позволив ей концентрироваться против Советов»¹³¹⁰. Вскоре в Китае окажется миллионная японская армия. СССР в каждую минуту мог стать стороной конфликта, в который его активно вовлекал Чан Кайши. Разведка из Берлина подтвердила Сталину и Молотову: немецкое и итальянское правительства обещали Японии «активную военную помощь в том случае, если СССР окажется в дальневосточном конфликте на стороне Китая»¹³¹¹. Шло балансирование на грани тотальной войны.

Тем не менее Москва приняла решение поддержать Китай. Договор с ним был составлен таким образом, чтобы не возлагать на СССР прямых обязательств в войне против Японии, что не давало Токио формального повода для войны с Советским Союзом.

– Свое сочувствие китайскому народу и отношение к японской агрессии Советский Союз выразил уже заключением советско-китайского пакта о ненападении, – скажет Молотов. – Но еще неизвестно ни одного шага, который бы сделали другие государства для противодействия неслыханной агрессии против китайского народа¹³¹².

Фейхтвангер заметил в 1937 году, что «в Советском Союзе каждый на все сто процентов уверен в предстоящей в ближайшем будущем войне... Советские люди знают, что у границ их злобные глупцы с нетерпением выжидают момента для нападения на них и что эти границы они должны действительно охранять»¹³¹³. В Кремле же исходили из того, что война уже идет. Ставка была крайне высока – выживание страны. Гитлер не скрывал стремления завоевать территорию СССР до Урала, уничтожить большую часть населения и поработить оставшуюся. Япония тоже намеревалась завоевать СССР до Урала, только с другой стороны. Японские зверства в отношении мирного населения Китая уже стали легендарными (по жестокости они превосходили нацистские). К тому моменту, когда Германия в 1939 году нападет на Польшу, будут убиты 10 миллионов китайцев.

...В этих условиях летом 1937 года в Советском Союзе начались массовые репрессии. Они шли по трем основным направлениям. Во-первых, в отношении части элиты страны – государственной и партийной номенклатуры, деятелей культуры. Во-вторых, в отношении лиц, ранее с оружием в руках противостоявших советской власти и преступников-рецидивистов. В-третьих, они обрушились на иностранных граждан и представителей ряда национальных меньшинств, преимущественно в пограничных регионах страны. Эти три потока практически не пересекались, хотя логика была общей: поиски пятой колонны. Но принципы причисления к ней были различными.

В первом потоке решающими были картотеки ранее арестовывавшихся оппозиционеров, а также получаемые Ежовым и его сотрудниками показания уже приговоренных судом или подозреваемых в связях с ними. Логика, как замечал Хрущев, была стандартной: «Действительно какой-то арестованный давал показания. А на дававшего показания тоже кто-то дал показания. И таким образом создавалась замкнутая цепь порочной

практики руководства, которое становилось тем самым на путь как бы самоистребления»¹³¹⁴. Представители разных эшелонов советского руководства признавались в антигосударственных преступлениях и тянули за собой других. Нередко это делали и невинные. Имело место и сведение счетов с помощью спецслужб, устранение конкурентов. Антон Антонов-Овсеенко давал емкий ответ на вопрос, почему признавались в преступлениях: «Помимо пыток – лишения сна, избиения, электрошока, они подавляли волю, разрушали психику подопечных химическими средствами и газами. К пыткам физическим добавляли пытки моральные, угрожая расправой над родителями, женами, детьми. Самих подсудимых ожидала казнь, причем каждый знал, что в случае отказа сотрудничать... им предстоит уйти из жизни с позорным клеймом врага народа. Над ними довлела партийная дисциплина или наисквернейшие большевистские предрассудки»¹³¹⁵. Кого-то пытали, кого-то нет. Кто-то был виновен по законам военного времени, большинство, полагаю, нет. И правые, и виноватые шли по одним статьям и реабилитировались потом на одинаковых основаниях.

Очень многих потянули за собой руководители военных, силовых структур, тесно связанные с партийными и советскими органами на местах. И наоборот. «Причиной арестов начальников управлений НКВД была прежде всего их предшествующая деятельность, а также наличие связей – по работе или дружеских – с репрессированными партийными руководителями краев и областей»¹³¹⁶. В разведке, подчеркивал Судоплатов, репрессии «были порождены уходом и бегством на Запад ряда руководящих работников ИНО и Разведупра Красной Армии»¹³¹⁷.

Вал арестов в союзном и российском совнаркомах прошел в июне 1937 года, когда Сталин получил от Ежова свежие признания Рыкова, который назвал участниками группы правых заговорщиков – зампреда СНК Антипова, наркомов Лобова, Гринько, Комарова, Бубнова, Калмановича. Фамилии совпадали с теми, которые в апреле называл А. П. Смирнов. Сталин дал санкции на арест. В Наркомате иностранных дел репрессии пошли вслед за арестом в июне первого зама – Крестинского. НКВД многие годы был тем ведомством, куда «с глаз долой» отправляли многих видных оппозиционеров. Арестовали полпредов – Карахана, Розенберга, Аренса, Антонова-Овсеенко, Асмуса, Давтяна, Карского, Юренева, Тайкиса, Тихменева, Бекзадяна, Подольского и Бродовского. Приятель Молотова по питерскому политеху и «Правде» Федор Раскольников бежал за границу, где отметился резкими антисталинскими публикациями.

Под каток репрессий попал и друг детства Молотова – Александр Аросев. Его жена Гертруда была арестована, когда семья отдыхала в Сестрорецке. Аросев бросился в Москву. «Он был мрачен. Сразу по приезде позвонил Молотову:

– Веча, я прошу тебя сказать, что мне делать?

Молотов повесил трубку...

На какой-то звонок Молотов, наконец, отозвался. Произнес только два слова:

– Устраивай детей»¹³¹⁸.

Политики потащили за собой интеллигенцию. Шила Фицпатрик писала: «Между политической и культурной элитами существовали личные и семейные связи: например, Галина Серебрякова была женой одного из обвиняемых по делу Пятакова и бывшей женой другого; журналист-коммунист Леонид Авербах... был другом и шурином Генриха Ягоды; поэтесса Вера Инбер была дочерью двоюродной сестры Троцкого и т. д.». Среди первых «разносчиков чумы» Фицпатрик называет неизвестного нам Пикеля – писателя и руководителя секретариата Зиновьева¹³¹⁹. Кроме того, в научной и творческой среде более чем где-либо прослеживалось сведение счетов, устранение конкурентов.

Второй поток репрессий получил условное название «кулацкого». Начало ему было положено 2 июля после двухдневных совещаний высшего руководства с первыми секретарями. В соответствии с оперативным приказом НКВД № 00447 репрессиям подлежали: бывшие кулаки, продолжавшие вести активную антисоветскую подрывную деятельность, бежавшие из лагерей и трудпоселков, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических, бандитских формированиях и возобновившие свою преступную деятельность; члены антисоветских партий (эсеры, грузмеки, мусаватисты, иттихадисты и дашнаки), бывшие белые, жандармы, чиновники, каратели, бандиты, бандопособники, переправщики, реэмигранты, скрывшиеся от репрессий, бежавшие из мест заключения и продолжавшие вести активную антисоветскую деятельность; осужденные за особо опасные преступления уголовники, продолжавшие преступную деятельность и связанные с преступной средой. Наиболее опасные элементы зачислялись в первую категорию, подлежавшую расстрелу, менее опасные – во вторую, которым полагался срок от восьми до десяти лет.

Для каждой республики и области утверждались предельные цифры по каждой категории, которые основывались на данных картотек спецслужб и уже выносившихся судебных приговоров. Обозначенные в приказе цифры были меньше,

чем предварительные «заявки» регионов. Всего по стране было разрешено арестовать до 259 450 человек, из них 72 950 – расстрелять¹³²⁰. Но с конца августа в ЦК стали обращаться руководители регионов с настойчивыми просьбами увеличить для них лимиты по репрессиям. С 28 августа по 15 декабря Политбюро санкционировало повысить лимиты по первой категории на 22,5 тысячи человек, а по второй – на 16,8 тысячи человек¹³²¹.

Третий поток репрессий затронул главным образом приграничные районы. В течение июля – октября Политбюро принимает решения об очистке пограничной полосы в Армении, Азербайджане, республиках Средней Азии и Дальневосточного края, которые коснулись курдов, иранцев, афганцев, китайцев и корейцев, переселяемых во внутренние регионы СССР. Наиболее массовым стало перемещение корейцев из районов, граничивших с Маньчжоу-Го, Монголией и Китаем. 29 июля Ежов приказал приступить к аресту всех граждан Германии, «работающих на военных заводах и заводах, имеющих оборонные цеха, железнодорожном транспорте»¹³²². 9 августа Политбюро утвердило приказ НКВД «О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ (Польской организации войсковой)».

В чем была логика репрессий? Объяснений много, давал их и Молотов. Среди главных причин репрессий он всегда называл две. Первая – существование реальной оппозиции, готовой прибегнуть к террору и повстанческой деятельности, а также активность зарубежных разведок. Вторая – непосредственная угроза большой войны. Главная цель – подготовка государства к этой войне и предотвращение ситуации, с которой большевики уже сталкивались в годы Гражданской войны и иностранной интервенции, когда против них объединились силы внешних врагов России и внутренних противников советской власти. «Власов, – считал Молотов, – это мелочь по сравнению с тем, что могло быть»¹³²³.

Пятая колонна для Молотова не была фигурой речи. «При всех ошибках и возможных злоупотреблениях в этом деле, допускаясь со стороны следственных органов, отрицать участие в контрреволюционном вредительстве предателей из числа людей, обладавших партбилетом, невозможно. Нельзя также отрицать, что имелись случаи прямых политических связей некоторых бывших деятелей партии с иностранными империалистическими правительствами»¹³²⁴. В результате репрессий «пострадали не только ярые какие-то правые или не говоря уже троцкисты, пострадали и многие колебавшиеся, которые нетвердо вели линию и в которых не было уверенности, что

в трудную минуту они не выдадут, не пойдут, так сказать, на попятную»¹³²⁵.

Молотов не сомневался в виновности большинства главных фигурантов показательных процессов. Он неизменно советовал всем, кто обвинял его в связи с репрессиями, почитать стенограммы процессов, которые, как он утверждал, невозможно было срежиссировать. «Двенадцать дней в присутствии мировой прессы идет открытый процесс, судят двадцать одного человека, все довольно известные лица. И наши враги в зале сидят. Этого никакая организация ГПУ и прочая наша охрана не могла организовать»¹³²⁶. Тем, кто обращал внимание на недостаточность улик против осужденных, Молотов обычно отвечал: «Сталин немного посмеялся над теми, кто, прежде чем согласиться поверить в заговор, требует предъявления большого количества письменных документов: опытные заговорщики, заметил он, редко имеют привычку держать свои документы в открытом месте»¹³²⁷.

Молотов обращал внимание на то, что тогда «никто и ни разу не поставил в ЦК или перед ЦК вопроса о политической необоснованности основного курса партии... Можно ли, однако, объяснить отсутствие таких протестов и возражений в ЦК и в партии в целом просто малодушием тех десятков и сотен людей, которые входили в состав ЦК, в состав руководящих центральных и местных органов? Нет, нельзя. Очевидно, были немалые основания, чтобы в активе партии создалось мнение, что для проводимых массовых репрессий были известные основания»¹³²⁸. Покушения на высшее руководство страны готовились. В Германии, где режим был жесточе советского, известно более чем о сотне неудавшихся покушений на Гитлера. Молотову было известно как минимум о десятке попыток убить Сталина.

Были ли репрессии оправданными? Молотов признавал множество ошибок, из-за которых погибло большое количество невиновных людей, и считал совершенно неоправданными масштабы чисток. «Эти беспримерные и, безусловно, во многом необоснованные и несправедливые репрессии превзошли все разумные и допустимые размеры. В огне этих репрессий погибло много не просто невинных людей, погибло немало честнейших революционеров, преданнейших партийцев. Никто и никогда не оправдает этой вакханалии репрессий тридцатых годов, а также второй половины сороковых и первых лет пятидесятых годов»¹³²⁹.

Роль Сталина в проведении репрессий для него была очевидной. «Мне, как и другим товарищам из партийного руко-

водства, было и тогда ясно, что при проведении массовых репрессий допускались серьезные ошибки, прямые злоупотребления, – напишет Молотов. – Хотя в те годы соответствующие государственные органы направляли в ЦК многочисленные протоколы следственных дел, в которых были разные “признания” арестованных в контрреволюционных актах, в предательских связях с иностранными капиталистическими государствами и т. п., вынужденный характер этих “признаний” нередко был очевиден. В личных беседах со Сталиным я не один раз предлагал провести основательную партийную проверку работы следственных органов, но это не только не находило поддержки, но и встречало явно отрицательное отношение. Только в отдельных редких случаях давалось согласие на такую проверку»¹³³⁰.

Но Молотов не перекладывал всю вину на Сталина. «Особую ответственность несет за это Сталин. Не могут снять с себя ответственности за эти репрессии и ближайшие соратники Сталина – члены Политбюро ЦК, секретари крупнейших партийных организаций, которые знали и не могли не знать о том, что творилось в партии, в стране». Чуеву он сказал: «Я отвечаю за все репрессии как председатель Совнаркома»¹³³¹.

Однако Молотов не соглашался и с преувеличением масштабов репрессий, и с поголовной реабилитацией всех осужденных. «После смерти Сталина, особенно после выступления Хрущева на XX партийном съезде и позже усиленно раздувались разные, во многих случаях сомнительные, добросовестно не проверенные и явно преувеличенные “сведения” о репрессиях в середине 30-х годов. Нашлись в партии люди, которые готовы были взвалить на руководство партии 30-х годов любые обвинения и прямые поклепы самого злостного характера, хотя в свое время отличались излишней “активностью” в проведении репрессий (тот же Хрущев)»¹³³².

Молотов никогда не относил себя к инициаторам политики репрессий и отрицал, что когда-либо выступал за ужесточение наказаний. Из книги в книгу кочует такая статистика. В 1937–1938 годах в Политбюро из НКВД были представлены 383 списка на арест, которые включали в себя 44 тысячи имен. Из них 39 тысяч были расстреляны. Из этих 383 списков Сталин подписал 362, Молотов – 373, Ворошилов – 195, Каганович – 191 и Жданов – 177. Из этого делается вывод о Молотове как главном инициаторе террора¹³³³. 9 апреля 1964 года Молотов написал в редакцию «Правды» письмо по поводу заявления Суслова о его визах «ВМН» на этих списках: «Суслов хорошо знает, что Молотов не принимал и не мог принимать таких

решений. Указанная приписка могла означать только одно, а именно, что в ЦК было принято соответствующее решение»¹³³⁴. Большое количество его подписей объяснялось тем, что именно Молотов председательствовал на заседаниях ПБ. Он неоднократно говорил, что «дело шло на доверии органам». И о непомерном рвении Ежова¹³³⁵.

Глава правительства хорошо понимал, что и над ним тучи сгущаются. Слухи о том, что «Молотов исчез», ходили в народе¹³³⁶. Признаков недовольства Сталина председателем Совнаркома – и прямых, и косвенных – было предостаточно. 17 августа 1937 года Политбюро сняло с работы заведующего секретариатом Молотова А. М. Могильного, а 28 августа – помощника М. Р. Хлусера¹³³⁷. Могильный покончил с собой, бросившись в шахту лифта. Молотов терял непосредственных подчиненных одного за другим. Из девятнадцати союзных наркоматов и двух приравненных к ним по статусу комитетов с июля по декабрь 13 лишились руководителей¹³³⁸. Отвечая в 1937 году на вопрос: «А вдруг бы Вам пришлось оказаться за решеткой?» Молотов философски замечал:

– Ну и что такого? О господи! Я смотрю на это дело с точки зрения революционной. Я мог не раз погибнуть за все эти годы – и до революции, и после¹³³⁹.

Почему же Молотова не репрессировали в год Большого террора? Смиртюков называл причину: «И кто бы остался на хозяйстве страны? Новым зампредам нужно было время, чтобы освоиться»¹³⁴⁰.

Пишут, что председатель СНК никогда не заступался за тех или иных коллег. Это не так, что подтверждал Каганович: «Возражал я против ареста Косиора. А Сталин отвечает: “Он дал показания”... И другие возражали. Молотов тоже возражал»¹³⁴¹. Сам Молотов рассказывал: «Была назначена комиссия по вопросу о Тевосяне, когда его арестовали. В эту комиссию я входил, Микоян, Берия... Мы пришли в ОГПУ, заслушиваем показания. Приходит один инженер, другой, третий. Все говорят, что он вредитель... Тевосян тут же сидит, дает ответы, разоблачает, кроет их всюю! Мы сопоставили показания и убедились, что все обвинения – чепуха, явная клевета. Его оправдали, он остался членом ЦК, продолжал работать. Сталину доложили – он согласился»¹³⁴². 17 марта 1938 года Завенягин был освобожден с поста замнаркома тяжелой промышленности, и над ним нависла угроза ареста. Он пишет: «Вячеслав Михайлович, верьте мне, я не заслужил это. Никогда ни на минуту я не сомневался в правоте партии и всегда готов за дело партии отдать жизнь... Прошу Вас, Вячеслав Михайлович, поддержите меня в эту тяже-

люю для меня минуту и Вы не ошибетесь»¹³⁴³. Завенягин решением ПБ был назначен начальником строительства Норильского никелевого комбината, а затем стал одним из столпов нашей оборонки.

Боролась Полина Семеновна – естественно, при поддержке супруга. В ее будущем следственном деле мы увидим обвинения в заступничестве за десятки «врагов народа», которые писали ей письма о помощи. «Все письма небезответны – Жемчужина обращается к прокурорам, судьям, просит разобраться, устроить дополнительное расследование. Ей отвечают, разбираются»¹³⁴⁴. Но, уверен, свои усилия, когда они предпринимались, Молотов предпочитал держать в секрете, чтобы не вызывать дополнительных вопросов у НКВД или у Сталина. Смиртюков подтверждал: «Молотов делал то, что мог... Когда решение – наказывать человека или нет – зависело только от него, он не прибегал к репрессивным мерам»¹³⁴⁵.

В целом Молотов полагал, что совсем без репрессий обойтись было нельзя. «Все было напряжено до крайности, и в этот период беспощадно надо было поступать. Я считаю, что это было оправданно, – говорил он на склоне лет. – А теперь это было бы совершенно не оправдано. Или в период войны, когда все почищено и потом подъем, общий подъем, тут уже опасности такой не было. А если бы Тухачевские и Якиры с Рыковыми и Зиновьевыми во время войны начали оппозицию, пошла бы такая острая борьба, были бы колоссальные жертвы. Колоссальные. И та, и другая сторона были бы обречены... А они уже имели пути к Гитлеру»¹³⁴⁶.

На октябрьский (1937 года) пленум ЦК выносился вопрос о предусмотренных Конституцией выборах. И до последнего момента их альтернативность сохранялась. За несколько часов до открытия пленума собралось Политбюро, которое должно было утвердить тезисы доклада Молотова по основному вопросу повестки дня. Похоже, обсуждение было острым. Пленум перенесли на сутки. А альтернативность выборов ушла. На пленуме Молотов выступал лишь с короткой информацией, в которой ключевым было положение:

– Вся работа по выдвижению кандидатов должна быть понастоящему под контролем и руководством парторганизаций. Те кандидаты, которых мы выдвигаем вместе с беспартийными и проводим через собрания, должны быть должным образом проверены парторганизациями.

Молотов доложил также об обсуждении в ПБ вопроса о том, «какое количество беспартийных надо считать нормальным

для введения в состав депутатов в Верховный Совет». Общее мнение Политбюро – до 20 процентов беспартийных. В резолюции, принятой по сообщению Молотова, были заложены принципы того, что затем принято будет называть «нерушимым блоком коммунистов и беспартийных». Ни в выступлении Молотова, ни в резолюции не было ни слова о репрессиях. Но при обсуждении этого вопроса все участники говорили преимущественно о необходимости вести решительную борьбу с врагами народа. Среди первых секретарей нашелся только один, который считал нужным осудить эксцессы репрессий, – руководитель недавно образованной Курской области Пескарев: «Судили по пустякам, судили незаконно, и когда мы, выявив это, поставили вопрос в Центральном комитете, товарищ Сталин и товарищ Молотов крепко нам помогли, направив для пересмотра всех этих дел бригаду из работников Верхсуда и прокуратуры. В результате за три недели работы этой бригады по шестнадцати районам отменено 56 процентов приговоров как незаконно вынесенных». Место Рудзутака в Политбюро решением пленума занял Ежов¹³⁴⁷.

Накануне 20-й годовщины Октябрьской революции Молотов выступал в Большом театре с юбилейным докладом и сделал центральной темой... развитие советской демократии и конституционных прав трудящихся. Репрессиям была посвящена едва ли пара абзацев:

– Всей этой дряни, сколько бы ее ни нанимали на службу иностранные разведки, мы, конечно, прижмем хвост.

Завершался доклад весьма оптимистическими выводами:

– Счастье нашей страны в том, что, не испугавшись трудностей, она вырвалась из капиталистического гниющего общества. И вот двадцать лет, как мы идем своею новой дорогою, идем к коммунизму, сознавая, что на нашу долю выпало счастье проложить верный путь к светлой жизни всего человечества. Ну, а если мир будет нарушен, если собака сорвется с цепи и бросится на нас, на наш дом, что мы скажем на это? Мы ответим: пусть враг попробует испытать моральное и политическое единство социалистического общества!¹³⁴⁸

К нормальности

В конце 1937 года подвели итоги выполнения второго пятилетнего плана и завершения работы по подготовке третьей пятилетки. Были бесспорные достижения и явные провалы. Национальный доход увеличился в 2,2 раза, объем промыш-

ленного производства – в 2,6 раза, сельскохозяйственного – в 2 раза. Добыча каменного угля выросла почти вдвое, чугуна – в 2,5 раза, стали – более чем в 3,3 раза, электроэнергии – в 2,8 раза. Объем продукции тяжелой промышленности возрос в 2,4 раза¹³⁴⁹. Промышленность стала рентабельной. СССР приближался к экономической самообеспеченности: удельный вес импортной продукции в общем потреблении страны снизился до 0,7–1 процента. Торговый баланс был положительным¹³⁵⁰.

«За вторую пятилетку, – отмечал Молотов, – коренным образом обновился производственно-технический аппарат промышленности и сельского хозяйства. В 1937 году с новых предприятий, построенных или целиком реконструированных за первую и вторую пятилетки, получено свыше 80 процентов всей продукции промышленности. Около 90 процентов всех действующих в сельском хозяйстве тракторов и комбайнов произведены советской промышленностью во второй пятилетке. Из наличного парка станков на 1 января 1938 года больше 50 процентов произведено за годы второй пятилетки. По плану второй пятилетки среднегодовой темп был определен в 16,5 процента, а фактически мы добились ежегодного прироста в 17,1 процента.

Выросла и производительность труда, подстегиваемая массовым энтузиазмом – на 82 процента вместо планировавшихся 63-х. Реальная зарплата удвоилась. Вклады в сберкассах выросли с 1 до 4,5 миллиарда рублей»¹³⁵¹.

Но предсовнаркома признавал, что далеко не все отрасли справились с планом. О масштабах проблем можно судить по докладной записке Кагановича, направленной Молотову: по каменному углю выполнение составило 85,1 процента от плана, нефти – 64,9 процента, чугуну – 89,2 процента, меди – 72 процента, олову – 20 процентов. План капитальных вложений был выполнен на 94 процента¹³⁵². Сам Молотов добавит: план по производству электроэнергии выполнен на 96 процентов, а по строительству электростанций – только на 55 процентов; по вводу в эксплуатацию нового жилья – на 41,9 процента, по продукции легкой промышленности – 85 процентов.

«Главной причиной этого является то обстоятельство, – обращал внимание Молотов, – что ввиду международной обстановки пришлось поднять намеченный план развития оборонной промышленности. Зато мы заставили наиболее агрессивных империалистов в отношении СССР быть посмирнее»¹³⁵³.

Тем не менее по темпам роста Советский Союз по-прежнему далеко оставлял позади страны Запада. Его национальный доход в 1937 году превысил уровень 1913 года в 4,6 раза, в то

время как в США – в 1,44 раза, в Англии – в 1,28 раза, во Франции – в 1,17 раза¹³⁵⁴. Однако в Кремле хорошо понимали, что до выхода на уровень жизни наиболее развитых государств СССР еще далеко. Молотов констатировал, что «в смысле размера промышленного производства на душу населения мы еще стоим позади наиболее развитых капиталистических стран»¹³⁵⁵.

Вторая пятилетка закончилась вместе с 1937 годом. Но план на треть (1938–1942 годы) так и не был утвержден. Более того, третий пятилетний план даже не будет опубликован. Официально его утвердят только в 1939 году по докладу Молотова на XVIII съезде партии. Объяснения следует искать либо в нараставшей чрезвычайности положения, либо в репрессиях в Госплане, которые просто не позволили завершить работу над планом. Во всяком случае, в 1937 году наркоматы стали направлять свои планы напрямую в правительство, минуя Госплан¹³⁵⁶.

...8 января 1938 года Маленков представил Сталину записку о том, что Куйбышевский обком под руководством Постышева в течение предшествовавших трех месяцев распустил 30 райкомов партии, руководители которых были объявлены врагами народа. Маленков считал «такие действия Куйбышевского обкома ВКП(б) политически вредными и по своим последствиям явно провокационными»¹³⁵⁷. Сталин предложил вынести вопрос на пленум ЦК. Доклад Маленкова на нем носил говорящее название: «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». По сути, прозвучал призыв положить предел разгулу массовых репрессий. Молотов призывал «различать людей ошибающихся от вредителей». У него 13 января состоялся на эту тему диалог с Постышевым, который уверял, что из руководящей головки в области «почти ни одного человека честного не оказалось».

– Не преувеличиваете ли вы, товарищ Постышев? – сомневался премьер.

– Нет, не преувеличиваю. Вот возьмите облисполком. Люди сидят, материалы есть, и они признаются, сами показывают о своей враждебной и шпионской работе.

– Проверять надо материалы, – говорит Молотов.

– Насаждали очень много враждебных кадров и пихали их из центра. Я говорю о руководстве – областное руководство все оказалось вражеским, и советское, и партийное.

– Ни одного человека из руководства не осталось? – удивляется Молотов. – Дискредитация партии получается, товарищ Постышев, при головотяпстве руководителей в обкоме¹³⁵⁸.

Постышев был выведен из числа кандидатов в члены Политбюро. Его место занял Никита Хрущев, правда, тоже отличившийся по части репрессий. «Хрущев, московский лидер, эффективно приказал расстрелять 55 741 должностное лицо, что перевыполнило квоту Политбюро, – пишет Монтефьоре. – Архивы НКВД показывают, что он был инициатором множества документов с предложениями об арестах. К весне 1938 года он санкционировал арест 35-ти из 38-ми районных и городских секретарей, что дает представление об охватившей всех лихорадке. Поскольку он находился в Москве, то приносил расстрельные списки прямо Сталину и Молотову.

– Не может их быть так много! – воскликнул Сталин.

– Их на самом деле гораздо больше, – отвечал Хрущев»¹³⁵⁹.

После пленума ЦК 15 января Молотов открывал первую сессию только что избранного Верховного Совета СССР. Бурно встреченный собравшимися, он сначала предложил поправки в недавно принятую Конституцию. Она фиксировала структуру правительства, которая постоянно менялась, а это требовало парламентского утверждения. Молотов предложил «иметь в составе Совета народных комиссаров руководителей 26 наркоматов, комитетов и постоянных комиссий, включая Госплан и Комиссию советского контроля», обосновал решения о выделении из Наркомтяжпрома отдельных наркоматов оборонной промышленности и машиностроения, создании Наркомата Военно-морского флота, Наркомата заготовок, о придании самостоятельности Госбанку с подчинением его непосредственно Совнаркому. Весьма недвусмысленной была внесенная Молотовым поправка, дополнявшая Конституцию правом «Президиума Верховного Совета решать вопрос о введении военного положения там, где это будет нужно», намекнув на необходимость «предвидеть кое-что насчет возможных осложнений»¹³⁶⁰. Ситуация могла обернуться в любой момент таким образом, что всех депутатов Верховного Совета и собрать не успеешь.

На заседании 19 января Молотов представил на утверждение Верховного Совета новый состав Совнаркома. У него стало три освобожденных от наркомовских постов заместителя – Чубарь, Косиор и Микоян. Госплан возглавил Вознесенский, Наркоминдел – Литвинов. Бурными и продолжительными аплодисментами встретили назначение Ворошилова на Наркомат обороны и Кагановича – на Наркомат тяжелой промышленности, просто продолжительными – Ежова на НКВД. Имена большинства других наркомов мало что говорили собравшимся. Но вскоре СНК вновь понесет потери – после завершающего

в цепи показательных процессов в отношении высших руководителей.

В марте по делу правотроцкистского блока главными фигурантами выступали Бухарин, Рыков, Ягода, Крестинский, Раковский, обвиненные в том, что поставили своей целью «свержение в СССР существующего социалистического общественного и государственного строя»¹³⁶¹. Врачи Левин, Казаков, секретари М. Горького Крючков и Буланов обвинялись в причастности к терактам – через отравление и неправильное лечение Менжинского, Куйбышева и Горького. Американский посол Дэвис писал 1 апреля: «Мнение как дипломатического корпуса, так и журналистов, присутствовавших на суде, в настоящее время практически пришло к общему заключению, что хотя многое из того, что было показано, было неверным и много приписанных преступлений не было доказано, однако было установлено вне всякого сомнения, что в самом правительстве существовала сильная группа людей, которая в течение последних пяти или шести лет позволила себе перейти с позиции легальной оппозиции или дала себя поставить к позиции незаконной, изменнической деятельности... Совершенно ясно, что Кремль думал последней весной, что налицо была реальная необходимость для защиты самого себя как против дворцовой революции, так и против деятельности иностранных врагов внутри СССР. Сталин и его сотрудники были действительно встревожены и действовали с большой силой и скоростью»¹³⁶².

В апреле был арестован Эйхе, хотя формально его даже не выводили из состава кандидатов в члены Политбюро. Косиор был арестован и расстрелян тоже без формального выведения из состава ПБ. Затем настала очередь Чубаря. «На него показал арестованный Антипов, тоже мой зам, – пояснял Молотов. – ...Сталин не мог на Чубаря положиться, никто из нас не мог»¹³⁶³. Чубаря назначат начальником строительства целлюлозного комбината в Соликамске, где его вскоре арестуют и расстреляют¹³⁶⁴. Эйхе, Косиор и Чубарь были последними представителями высшего руководства страны, чьи имена фигурировали на показательных процессах¹³⁶⁵. В апреле за хроническое невыполнение плановых заданий арестовали наркомов путей сообщения Бакулина и водного транспорта Пахомова. Летом арестовали наркома заготовок Попова, машиностроения – Брускина, пищевой промышленности – Гилинского, наркома связи Бермана, торговли – Смирнова, здравоохранения – Болдырева, легкой промышленности – Шестакова. От утвержденного в январе СНК мало что осталось. И это был уже не тот Совнарком, что в первой половине 1930-х годов. Молотов остался без силь-

ной команды единомышленников, не говоря уже о друзьях, таких, каким был Куйбышев. «Новые зампреды Совнаркома – Булганин, Каганович, Вознесенский, Микоян – были верными соратниками Сталина, – говорил Смиртюков. – И я точно знаю, что люди из аппарата Кагановича следили за каждым шагом Молотова и его помощников. Те, правда, вскоре начали отвечать им тем же»¹³⁶⁶.

И тем не менее все же шло постепенное возвращение к нормальности. В начале 1938 года лимиты массовых репрессий по приказу № 00447 были превышены уже в три раза. Дополнительный лимит, установленный ПБ 31 января, был предоставлен уже не всем, а только приграничным республикам и областям¹³⁶⁷. 29 марта ЦК утвердил текст постановления «О проведении выборов руководящих партийных органов», предусматривавшего возвращение к уставным нормам в парт-организациях. Перевыборы служили репетицией назначенных на лето и осень выборов в Верховные Советы союзных республик и на намеченный на начало 1939 года съезд ВКП(б). 8 апреля прозвучал первый звонок для Ежова, которого по совместительству назначили наркомом водного транспорта. Как полагает Юрий Жуков, «та часть высшего партийно-государственного руководства (среди них, вне всякого сомнения, Сталин, Молотов, Маленков), которая, наконец, осознала всю гибельность продолжения массовых репрессий, попыталась ограничить полномочия чувствовавшего себя всесильным Н. И. Ежова».

20 августа у Сталина и Молотова состоялась встреча с Ежовым. На ней сопротивлявшегося и сразу понявшего последствия Ежова заставили согласиться с заменой Фриновского на посту первого заместителя наркома на человека со стороны – Лаврентия Берия. Это был выбор Сталина, Молотов Берия тогда знал не очень хорошо. Ежов стал активно собирать на Берия компромат, но Берия копал еще быстрее. Ежова стали обкладывать со всех сторон. Его заместителями стали привезенные Берией из Закавказья Меркулов и Деканозов¹³⁶⁸. 15 сентября Политбюро приняло решение о сворачивании операций по «инонациональностям». Представление новых дел в Центр отменялось. В сентябре завершилось представление Ежовым в ПБ списков на арест¹³⁶⁹.

6 ноября Молотов выступал с очередным жизнеутверждающим Октябрьским докладом. Акцент теперь делался не столько на врагах внутри страны, сколько на происках внешних сил:

– Внутренние силы классового врага в нашей стране сломлены и разбиты, но нельзя забывать, что другой конец происхо-

дящей еще в нашей стране классовой борьбы протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств¹³⁷⁰.

14 ноября в партийные органы ушла подписанная Сталиным директива об учете и проверке партийными органами руководящих сотрудников НКВД СССР. В тот день, чувствуя неладное, скрылся и перешел на нелегальное положение нарком внутренних дел Украины Успенский. Сталин, по свидетельству Хрущева, был уверен, что Успенского предупредил Ежов, и это ускорило его падение¹³⁷¹.

15 ноября Политбюро приняло подписанную Молотовым и Сталиным директиву: «Приостановить с 16 ноября сего года впредь до распоряжения рассмотрение всех дел на тройках, в военных трибуналах и в Военной Коллегии Верховного Суда СССР, направленных на их рассмотрение в порядке особых приказов или в ином, упрощенном порядке».

17 ноября ПБ утвердило постановление СНК и ЦК «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В нем отмечалось: «Задача теперь заключается в том, чтобы, продолжая и впредь беспощадную борьбу со всеми врагами СССР, организовать эту борьбу при помощи более совершенных и надежных методов. Это тем более необходимо, что массовые операции по разгрому и выкорчевыванию вражеских элементов, проведенные органами НКВД в 1937–1938 гг., при упрощенном ведении следствия и суда не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и Прокуратуры». Было решено: «1. Запретить органам НКВД и Прокуратуры производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению. В соответствии со ст. 127 Конституции СССР аресты производить только по постановлению суда или с санкции прокурора... 2. Ликвидировать судебные тройки». Устанавливался прокурорский контроль над следствием¹³⁷².

В ночь на 23 ноября Сталин, Молотов и Ворошилов заставили Ежова написать заявление об отставке из НКВД, на время сохранив за ним должности секретаря ЦК, председателя КПК и наркома водного транспорта. На вакантный пост Сталин и Молотов назначили Берия, с чем позднее опросом согласились и остальные члены ПБ. 26 ноября Берия подписал приказ о порядке осуществления недавних постановлений Политбюро, людей начали освобождать из тюрем и лагерей. 1 декабря Молотов и Сталин подписывают постановление ПБ «О порядке согласования арестов», максимально сужавшее возможность самостоятельной деятельности НКВД: «Разрешения на аресты руководящих работников наркоматов Союза и союзных республик и приравненных к ним центральных учреждений... а также состоящих на службе

в отдельных учреждениях инженеров, агрономов, профессоров, врачей, ученых, руководителей учебных и научно-исследовательских учреждений – даются по согласованию с соответствующими народными комиссарами Союза ССР или союзных республик». Рядовых членов партии могли арестовывать с согласия должностного лица не ниже первого секретаря райкома, а руководящих работников – Секретариата ЦК¹³⁷³. Защищенными оказались те, кто в течение года были наиболее уязвимыми – члены партии на руководящих должностях.

Каковы были масштабы репрессий?

По статистике НКВД, по политическим следственным делам в 1937 году было привлечено 936 750 человек, в 1938 году – 638 509 человек. Из них к высшей мере приговорены в 1937 году – 353 074, в 1938-м – 328 618, всего 681 692. Более трети всех осужденных в 1937 году составляют лица категории «бывшие кулаки» – 370 422 человека, далее так называемые «бывшие» (белогвардейцы, дворяне, жандармы) – 114 674 человека, «деклассированный элемент» – 129 957, «служители религиозного культа» – 33 382 человека. По всем делам, не связанным с этими «массовыми» операциями, за два года было расстреляно 47 737 человек и отправлено в лагеря и тюрьмы 413 412 человек. Количество заключенных в лагеря, колонии и тюрьмы составило в 1936 году – 219 418 человек, в 1937-м – 429 311, в 1938-м – 205 509, в 1939 году – 54 666 человек¹³⁷⁴. Из числа осужденных бывшие коммунисты и комсомольцы (все арестованные исключались из партии и комсомола) составили 7 процентов. Партия потеряла около 6 процентов членов. Старые большевики – соратники Ленина в возрасте за 60 – Крупская, Кржижановский, Бонч-Бруевич, Семашко, Муранов, Бадаев, Стасова, Лепешинский, Литвинов, Коллонтай, Землячка и другие не пострадали. Количество репрессированных военных точно не известно. В различных исследованиях общее число уволенных из РККА офицеров оценивается в 24–45 тысяч, из них 11–14 тысяч были восстановлены на службе. Число арестованных – 6–9,5 тысячи. Новейшие исследования дают цифры: 1638 погибших и 3682 офицера, осужденные военными трибуналами в 1936–1941 годах за контрреволюционные преступления¹³⁷⁵. Кровавое колесо...

В тени Мюнхена

Ужесточение государственных режимов было явлением не только советским. Если в 1920 году на всем Европейском континенте западнее Советской России существовали избираемые

представительные органы, то к началу Второй мировой войны они были распущены или лишены реальных полномочий в 17 из 27 европейских государств, а еще в пяти они прекратили полномочия, когда война началась. Во многих странах к власти пришли фашисты. Лишь Британия и Финляндия, а также оставшиеся нейтральными Ирландия, Швеция и Швейцария сохраняли демократические институты¹³⁷⁶.

Мир продолжал движение к катастрофе. Полыхало пламя японо-китайской войны. Москва приступила к реализации «операции Игрек». СССР и Китай 14 сентября 1937 года пришли к соглашению о поставках гоминьдановцам советской военной техники, боеприпасов и снаряжения в счет предоставленного Москвой же льготного кредита. СССР направил оружия и техники в количестве, достаточном для вооружения двадцати дивизий. С сентября 1937 года по июнь 1941-го Советский Союз поставит в Китай 1235 самолетов (китайские ВВС состояли исключительно из советских самолетов, и летчиками зачастую были вовсе не китайцы), 1600 артиллерийских орудий, больше 14 тысяч пулеметов, 50 тысяч винтовок, 180 миллионов патронов, 31,6 тысячи авиабомб, 2 миллиона снарядов¹³⁷⁷.

В Атлантике и Средиземноморье фашисты и франкисты развернули активные пиратские действия, в которых наибольшую опасность представляли итальянские подводные лодки. Молотов справедливо возмущался, что «Италия теперь претендует на то, чтобы бесконтрольно хозяйничать во всем Средиземном море, что не может не затрагивать крупнейших интересов Советского Союза»¹³⁷⁸. В сентябре 1937 года по итогам прошедшей в швейцарском Нионе конференции девяти держав – Великобритании, Франции, СССР, Турции, Греции, Югославии, Румынии, Болгарии, Египта – англо-французский флот взял на себя патрулирование Средиземного моря¹³⁷⁹.

Но в ноябре Чемберлен фактически признал мятежников правительством Испании, обменявшись представительствами. По приглашению Геринга (на охотничью выставку) в Германию прибыл лорд Галифакс. Встретившись с Гитлером в Оберзальцберге, Галифакс от имени своего правительства озвучил идею блока четырех держав – Германии, Италии, Франции и Великобритании и подтвердил готовность Лондона дать добро на изменение статус-кво в Европе. Гитлер заявил о своем намерении аннексировать Чехословакию и Австрию. Рим официально оформил присоединение к Антикоминтерновскому пакту, одновременно сняв неофициально свои возражения против аншлюса Австрии¹³⁸⁰. 11 декабря Муссолини вывел Италию из Лиги Наций.

11 марта 1938 года части вермахта устремились в Вену. В это время Чемберлен на Даунинг-стрит, 10, давал большой обед в честь уже назначенного министром иностранных дел Германии Иоахима фон Риббентропа¹³⁸¹. Австрия, чей суверенитет гарантировался Лигой Наций, превратилась в германскую провинцию. Москва осудила насилие в центре Европы, создающее угрозу всем европейским странам, прежде всего Чехословакии, и подтвердила свою готовность «участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ними и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой бойни»¹³⁸².

14 апреля Лондон заключил соглашение с Италией, которым признавал захват ею Эфиопии и право помогать режиму Франко. 20 апреля Гитлер после грандиозного парада в Берлине по случаю его дня рождения поручил фельдмаршалу Кейтелю «организовать предварительную проработку Генеральным штабом конфликта с Чехословакией»¹³⁸³. СССР довел до Праги готовность выполнить договорные обязательства и оказать любую помощь, в том числе и военную. А Чемберлен предложил Бенешу пойти на максимальные уступки Германии: «Было бы несчастьем, если бы Чехословакия спаслась благодаря советской помощи»¹³⁸⁴.

Летом 1938 года острейший кризис вспыхнул на Дальнем Востоке. Японские войска вторглись на советскую территорию, захватив стратегические высоты – сопки Заозерную (Чанкуфын) и Безьямную. В полную боевую готовность были приведены войска Дальневосточного фронта и Забайкальского военного округа. «Бои у озера Хасан были первым после Гражданской войны вооруженным столкновением с достаточно мощной и искушенной в боях кадровой армией империалистов, – напишет будущий маршал Матвей Захаров. – 31 августа состоялось заседание Главного военного совета с участием Сталина и Молотова. Создавались две армии – под командованием Штерна и Конева – с непосредственным подчинением наркому обороны. Численность войск на востоке возрастала с 250 тысяч на начало 1938 года до 479 тысяч – к концу»¹³⁸⁵. Молотов анализировал события в районе озера Хасан в Октябрьском докладе:

– Как говорится, среди белого дня японская военщина сделала попытку оторвать кусок советской территории на Дальнем Востоке. Вопреки очевидным фактам, вопреки международным договорам они объявили было часть советской территории в районе озера Хасан территорией Маньчжоу-Го, иначе говоря, японской территорией, а после этого пустили в ход не

только свою «испытанную» в таких делах дипломатию, но и японские войска. Разумеется, этот захват советской территории им не удался и не мог удасться. Они просто не поняли, с кем имеют дело. (*Аплодисменты.*) Пришлось убеждать доступными для них аргументами. Нам теперь точно известно, что вопрос о захвате горы Заозерной (Чанкуфын) и, значит, весь вопрос о событиях в районе озера Хасан решался, собственно, не в Токио, а в другом месте – где-то в Европе, а скорее всего в Берлине. Если господа японские и германские фашисты хотели испытать, во-первых, твердость нашей внешней политики и, во-вторых, боевые качества Красной Армии, то по обоим этим вопросам они получили ясный и вразумительный ответ. (*Бурные аплодисменты.*)

В ответ была увеличена помощь Китаю. В начале октября СССР предпринял рейды дальней авиации на японскую авиабазу в Ханькоу: было сожжено не менее 140 самолетов, советские потери составили три машины¹³⁸⁶. К концу года в Китае работало уже пять тысяч советских военных специалистов, включая летчиков-добровольцев (11 из них получают звание героев Советского Союза, свыше двухсот погибли). В распоряжение Чан Кайши была командирована специальная группа высших военных советников, среди которых были будущие легендарные полководцы Чуйков, Рыбалко, Батицкий, Черепанов¹³⁸⁷.

Москва была готова помочь и Чехословакии, на Судетскую область которой заявил претензии Гитлер. Бенеш готов был сопротивляться. Но Чемберлену мерещилась тень лета 1914 года. 15 сентября английский премьер, которому было под семьдесят, впервые в жизни сел в самолет и полетел к Гитлеру. Тот был лаконичен: «Три миллиона немцев, проживающих в Чехословакии, должны вернуться в лоно рейха»¹³⁸⁸. Праге англо-французской нотой было предложено немедленно передать рейху Судеты. Бенеш ультиматум не принял, и 19 сентября Прага официально обратилась с запросом к советскому правительству: окажет ли СССР «немедленную и действенную помощь» Чехословакии, «если Франция останется ей верной и также окажет помощь» и если ЧСР обратится за помощью в Совет Лиги Наций. В тот же день Сталин и Молотов обсуждали этот вопрос на Политбюро. По обоим пунктам был дан утвердительный ответ¹³⁸⁹.

Серьезной проблемой было то, что у двух стран не было общей границы. Требовалось согласие на проход войск со стороны Польши или Румынии. Польша, которая сама уже готовилась в захвату Тешинской области Чехословакии, была категорически против. Румынская позиция полностью зависела от слова Парижа, а Жорж Бонне, кивая на «пассивность СССР»,

разводил руками. Между тем на западной границе СССР к концу сентября ждали приказа танковый корпус, 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 7 танковых, мотострелковая и 12 авиационных бригад. Армия самой Чехословакии в тот момент мало чем уступала немецкой¹³⁹⁰.

Но судьбу ЧСР решили в Мюнхене Чемберлен, Даладье, Гитлер и Муссолини, договорившиеся передать Судетскую область Германии и в трехмесячный срок удовлетворить территориальные претензии Польши и Венгрии. Бенеш принял мюнхенский приговор. Рузвельт прислал британскому премьеру поздравительную телеграмму. Чемберлен рапортовал возрадовавшимся соотечественникам, что привез им вечный мир. В тот же день была подписана англо-германская декларация с обязательством сторон «никогда больше не воевать друг с другом»¹³⁹¹. В Англии только Уинстон Черчилль заявлял о «полном и абсолютном поражении» Великобритании. Молотов такому развитию событий дал жесткую оценку:

– Руководители английского и французского правительств охотно изображают Мюнхенское соглашение Англии, Германии, Франции и Италии как большую победу дела мира, а себя – великими миротворцами. Первым решающим событием в чехословацком вопросе надо признать «победу», одержанную совместными усилиями правительств Англии и Германии не над кем-либо, а над правительством Франции. Два правительства – правительство Англии и правительство Германии – «победили» правительство Франции, добившись отказа Франции от договора о поддержке Чехословакии. Оставалось нетрудное дело, оставалось правительствам четырех государств – Англии, Германии, Франции и Италии – сговориться и «победить» правительство Чехословакии. Сговор фашистских и так называемых «демократических» держав Европы в Мюнхене состоялся, и «победа» над Чехословакией была одержана полная.

Все остальное пошло как по маслу. Германский империализм отхватил от Чехословакии больше, чем он сам мог рассчитывать. Поживилась Польша, как союзник германского фашизма по расчленению Чехословакии. С жадностью откусила солидный кусок Венгрия. Это не значит, что аппетиты малых и больших хищников Европы были удовлетворены. Напротив, их аппетиты только разгорелись и возбудили усиленную борьбу вокруг новых разделов не только Чехословакии, но и некоторых других европейских стран. Советский Союз, напротив, демонстрировал перед всеми странами свою верность заключенным договорам и международным обязательствам и свою готовность к борьбе против агрессии (*бурные аплодисменты*)¹³⁹².

Запад сдавал Восточную Европу Гитлеру, чтобы направить его натиск на Советский Союз. Все договоры рухнули. В соответствии с планом, разработанным начальником Генштаба Шапошниковым и утвержденным Сталиным в ноябре 1938 года, ожидалось вторжение совместной немецко-польской группировки, насчитывающей около 90 дивизий. Японское нападение рассматривалось как менее серьезная угроза, к которому тем не менее тоже серьезно готовились¹³⁹³. Оперативные планы первой половины 1939 года открывали возможность присоединения к немецко-польскому альянсу также Финляндии и балтийских государств.

Тень Мюнхена легла на отношения СССР с Англией и Францией – они отозвали своих послов из Москвы. 6 декабря в Париже Риббентроп и Жорж Бонне подписали декларацию о стремлении к мирным и добрососедским отношениям, а на следующее утро возложили венок со свастикой к могиле Неизвестного солдата и отправились на завтрак в Комитет Франция – Германия. Бонне уверял, что «германская политика отныне ориентируется на борьбу против большевизма. Германия проявляет свою волю к экспансии на восток»¹³⁹⁴.

Список возможных западных партнеров сузился. В нем, по сути, остались лишь США, где японская агрессия в Китае и еврейские погромы в Германии вызывали все большее возмущение. Посол Дэвис, возвращавшийся на родину, вспоминал: «В воскресенье 5 июня мне был назначен прощальный визит к Президенту мистеру Калинину и премьеру мистеру Молотову... Я был очень тронут их словами сожаления. Суть заключалась в том, что на них произвела большое впечатление та серьезность, с которой работал американский посол»¹³⁹⁵. И тут в кабинете Молотова появился Сталин. На полные восхищения слова Дэвиса о том, что Сталин войдет в историю «более великим соиздателем, чем Петр Первый и Екатерина», он ответил, что заслуги принадлежат Ленину, трем тысячам способных плановиков и русскому народу. Сталин назвал две проблемы: контракт на постройку линкора, которого безуспешно добивался Карп, и кредит американского правительства, с помощью которого можно было бы начать гасить долги Временного правительства¹³⁹⁶. Вдохновленный Дэвис попросил еще раз встретиться с Молотовым, и 8 июня тот передал письменное предложение по долгу¹³⁹⁷. Москва признавала задолженность Временного правительства в 50 миллионов долларов, выплату которых обязывалась начать после того, как «правительство США гарантирует правительству СССР кредит на закупку в США американских

товаров в 200 милл. долларов сроком на 10 лет из обычного на денежном рынке процента»¹³⁹⁸.

Рузвельт было согласился положительно решить вопрос с линкором, признавая полезность для США присутствия советского флота в Тихом океане, но идея вновь встретила сопротивление, особенно со стороны адмирала Леги, ссылавшегося на недопустимости попадания в СССР военных секретов¹³⁹⁹. После этого Москве начали морочить голову. Похожая история произошла и с долгами Керенского. Руководитель Амторга Розов писал Молотову: «Дэвис после вторичного свидания с Рузвельтом сообщил: 1) Рузвельт признателен за добрую волю и дружественное отношение, проявленные товарищем Сталиным и Вами как при свидании с Дэвисом, так и в Вашем меморандуме. 2) Учитывая, однако, внутреннюю политику, Рузвельт согласился с предложением Хэлла и его заместителя Уэллеса оставить наш вопрос временно открытым»¹⁴⁰⁰.

Для подозрений Вашингтона в охоте Москвы за американскими секретами были все основания. «Помимо “традиционных” специальных служб – РУ, ИНО НКВД и Службы связи Коминтерна... в Соединенных Штатах стали действовать резидентуры созданной в январе 1938 г. военно-морской разведки (Первого главного управления Наркомата ВМФ) и созданное по распоряжению В. М. Молотова Бюро технической информации при постпредстве СССР, о работе которого знали лишь немногие из советских дипломатов, аккредитованных в Вашингтоне»¹⁴⁰¹.

Постмюнхенская стратегия Гитлера заключалась в том, чтобы разгромить своих главных соперников поодиночке, избегая войны на два фронта. Планировалось в марте покончить с Чехословакией, до осенней распутицы – с Польшей, в 1940 году – разгромить Францию и, по возможности, Англию и уже в 1941 году осуществить «главную цель» – уничтожить СССР. В этой стратегии на первом этапе важно было добиться нейтрализации Советского Союза. Именно поэтому появились первые сигналы о возобновлении советско-германских отношений. 22 декабря из Берлина последовало предложение начать кредитные и торговые переговоры. 12 января 1939 года на новогоднем приеме для дипкорпуса полпред Мерекалов стал соавтором политической сенсации: «Обходя послов, Гитлер подошел ко мне, поздоровался, спросил о жите в Берлине, о семье, о моей поездке в Москву, подчеркнув, что ему известно о моем визите к Шуленбургу в Москве, пожелал успеха и распрощался. За ним подходили по очереди: Риббентроп, Ламерс, ген. Кейтель и Майснер»¹⁴⁰².

Немецкие жесты в сторону Москвы и антизападный настрой Гитлера не остались без внимания в Лондоне и Париже. 26 января Бонне заявил о сохранении в силе договора с СССР. В Москву в срочном порядке прибыли новые послы Великобритании и Франции. Но их встречи с советским руководством не добавили определенности в отношениях.

Муссолини меж тем дал согласие на предложение Гитлера превратить Антикоминтерновский пакт в трехсторонний военный альянс. Участником пакта, несмотря на недвусмысленное предупреждение Москвы, стала Венгрия, что привело к разрыву с ней дипломатических отношений. Усилилась помощь «антикоминтерновцев» генералу Франко, что сделало положение республиканского правительства катастрофическим. Хуан Негрин и Мендес-Аспе писали Молотову: «Продолжающаяся уже более 29 месяцев война против вторжения тоталитарных стран исчерпала непосредственные, имевшиеся в распоряжении Испании экономические ресурсы». Умоляли предоставить заем на 100 миллионов долларов. Основания сомневаться в способности республиканцев сопротивляться были, Микоян наложил на письмо отрицательную резолюцию. К ней добавилось не менее решительное: «*Вопрос решен. Молотов*»¹⁴⁰³. 21 января поверенный в делах Сергей Марченко передает крик отчаяния испанского правительства: «В письме на имя Молотова Негрин просит о самом срочном отпуске двухсот тысяч винтовок, трех тысяч легких пулеметов... Если не будет принято немедленных мер, то может наступить непоправимая катастрофа. Негрин уверен, что противник играет последнюю карту, если удастся остановить его, французское и английское правительства... вынуждены будут под нажимом общественного мнения оказать Испании существенную и решающую помощь»¹⁴⁰⁴. Наивные надежды! Англия и Франция сдали Испанию с еще большей легкостью, чем Чехословакию. Гражданская война закончится в апреле полным поражением республиканцев.

На столь тревожном международном фоне прошел XVIII съезд ВКП(б). 10 марта Сталин в самой резкой форме осудил страны-агрессоры – Германию, Японию и Италию, которые развязали «новую империалистическую войну». Но при этом он жестко критиковал «неагрессивные страны» за отступление перед агрессорами:

– В политике невмешательства сквозит стремление, желание не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участниками войны

увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга. И дешево, и мило»¹⁴⁰⁵.

Главный вывод, который сделал Сталин и который услышал остальной мир: «Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками». На Западе перевели последнюю фразу как «таскать каштаны из огня» – под таким названием выступление станет известно миру. Сталин сказал также о возможности победы коммунизма в отдельно взятой стране. Закладывалась основа для расхождения Молотова с партийной ортодоксией. Позднее он напишет: «Можно ли считать случайным, что Ленин говорил о возможности победы социализма в одной стране, но нигде, ни одного раза не говорил о возможности победы коммунизма в одной, отдельно взятой стране?»¹⁴⁰⁶ Молотов не мог себе представить, как коммунистическое общество (социалистическое – куда ни шло) может существовать в капиталистическом окружении. На съезде же Молотов докладывал пятилетний план и поставил амбициозную цель:

– Пришло время практически взяться за решение основной экономической задачи СССР: *догнать и перегнать также в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединенные Штаты Америки*, решить эту задачу окончательно в течение ближайшего периода времени. Решив эту задачу, мы сделаем СССР самой передовой страной в мире во всех отношениях.

Доклад Молотова на съезде оказался главным источником информации о планах на третью пятилетку. Вскоре все плановые корректировки засекретят по соображениям национальной безопасности:

– По плану третьей пятилетки *народный доход* страны возрастет (в ценах 1926–1927 годов) с 96 миллиардов до 174 миллиардов рублей, то есть в 1,8 раза. Прирост народного дохода должен составить 78 миллиардов рублей, то есть больше, чем за обе первые пятилетки, вместе взятые. Объем продукции по промышленности СССР на 1942 год, на последний год третьей пятилетки, устанавливается в 180 миллиардов рублей (в ценах 1926–1927 годов) против 95,5 миллиарда рублей в 1937 году, то есть рост на 88 процентов. Среднегодовой темп роста промышленной продукции устанавливается в 13,5 процента, то есть несколько меньший, чем во вторую пятилетку. Надо, однако, учесть, что каждый процент прироста промышленной продукции к концу третьей пятилетки будет составлять 1,8 миллиарда

рублей против 950 миллионов рублей в конце второй пятилетки.

Выше среднего темпа должны были расти машиностроение, электроэнергетика, химическая промышленность, производство качественных сталей, «большевистскими темпами» предлагалось увеличивать добычу угля, нефти и газа. Из крупных промышленных строек Молотов выделил «Второе Баку» между Волгой и Уралом, две величайшие в мире гидроэлектростанции в районе Куйбышева, завершение строительства Московского и Горьковского автозаводов, Магнитогорского металлургического комбината, Криворожский и Запорожский металлургический заводы, БелГРЭС, Мингечаурскую ГЭС. Вместе с тем план требовал «решительного отказа от *гигантомании* в строительстве, которая стала болячкой некоторых хозяйственников», большего упора на скоростное строительство средних и малых предприятий. Основные управленческие резервы виделись в усилении борьбы с бесхозяйственностью, освоении и использовании новой техники, дальнейшем повышении производительности труда, усилении критики недостатков. Рост продукции сельского хозяйства должен был составить 52 процента. Ставилась задача «повысить народное потребление в полтора-два раза, увеличить среднюю зарплату рабочих и служащих на 35 процентов. Расходы на социальное страхование, просвещение, здравоохранение, пособия многодетным матерям должны были вырасти больше чем в 1,7 раза. В конце выступления Молотов вновь вернулся к теме соревнования двух систем:

– Надо признать, что нас на соревнование никто не вызывалет. (*Общий смех, аплодисменты.*) Можно даже сказать, что мы вообще непрошеными на свет явились. Но, явившись на свет, мы хотим постоять и постоим за дело Октября. (*Аплодисменты.*)... Мы идем в это соревнование, уверенные в своих внутренних силах, уверенные в нашей победе¹⁴⁰⁷.

Как знать, где была бы советская экономика, если бы не война. По оценке знатока военной экономики М. Харрисона, в 1939 году по размеру ВВП (он считал в миллиардах международных долларов в ценах 1985 года) советская экономика была второй в мире. Ее ВВП составил 308 миллиардов долларов, уступив Соединенным Штатам – 788 миллиардов, но опередив Германию – 273 миллиарда, Великобританию – 215 миллиардов, Японию – 135 миллиардов и Италию – 114 миллиардов¹⁴⁰⁸.

Отзвучали аплодисменты в адрес Молотова. И – небывалый случай – ПБ по настоянию Сталина принимает постановление: «1. Признать неправильным, что т. Молотов в своем докладе... не остановился на итогах дискуссии и на анализе основных

поправок и дополнений к тезисам. 2) Предложить т. Молотову исправить это положение»¹⁴⁰⁹. Тому, чтобы «исправить сделанное в докладе упущение», Молотов посвятил заключительное слово, в котором остановился и на предсъездовской дискуссии. Глава правительства выделил четыре проблемы, которые считал ключевыми: переселение на Дальний Восток, создание металлургической базы в районе Курской магнитной аномалии, начало строительства Волго-Донского канала и развитие нефтяной промышленности в Приуральском регионе¹⁴¹⁰.

Но вот о чем Молотов действительно не говорил, представляя на съезде пятилетний план, так это о ВПК. Оборонная промышленность, согласно первоначальным наметкам, должна была удвоить производство. Реально план постоянно пересматривался в сторону повышения. Еще 5 июля 1938 года Молотов подписал постановление СНК СССР «О росте продукции промышленных наркоматов», которым устанавливалось повышение годового роста до 21 процента, причем для Наркомтяжпрома рост составлял 16 процентов, а для Наркомата оборонной промышленности – 56 процентов¹⁴¹¹. В феврале 1939 года в ЦК состоялось большое совещание, одоббившее ускоренную программу создания военной техники. 2 марта 1939 года Молотов и Сталин подписали постановление о дополнительном многомиллиардном плане капитальных работ для оборонных наркоматов¹⁴¹².

По завершении XVIII съезда состоялся пленум ЦК нового созыва. 22 марта Политбюро, с которым СССР вступит в войну, было утверждено в составе: Андреев, Ворошилов, Жданов, Каганович, Калинин, Микоян, Молотов, Сталин и Хрущев. Кандидатами стали Берия и профсоюзный руководитель Шверник. Из Секретариата ЦК вывели Кагановича, который сосредоточился теперь на хозяйственной работе в СНК, зато ввели Маленкова, избранного также и в Оргбюро.

Продолжились изменения в молотовском Совнаркоме, на сей раз по большей части структурные. В конце 1938 года заместителем Молотова стал Николай Булганин, ранее занимавший пост председателя СНК РСФСР, а затем ставший председателем правления Госбанка. Совнарком продолжал расти как на дрожжах. 11 января Наркомоборонпром, который возглавлял М. Каганович, был разделен на четыре наркомата: авиационной (НКАП – нарком М. Каганович), судостроительной промышленности (НКСП – Тевосян), боеприпасов (НКБ – И. П. Смирнов) и вооружений (НКВ – Ванников). 24 ноября произошло уже даже не разукрупнение, а упразднение вотчины Лазаря Кагановича – Наркомтяжпрома. На его основе возникли наркоматы

топливной промышленности (Л. Каганович), электростанций и электропромышленности (Первухин), черной металлургии (Меркулов), цветной металлургии (Самохвалов), химической промышленности (Денисов). 5 февраля настала очередь Наркоммаша, который был разделен на наркоматы тяжелого (Малышев), общего (Паршин) и среднего машиностроения (Лихачев).

Весной 1939 года комитеты промышленности стройматериалов (Соснин) и по строительству (Гинзбург) были преобразованы в наркоматы. Возник совершенно новый комитет – по геологии, который возглавил Малышев. Наркомат легкой промышленности был разделен на два – легкой (Лукин) и текстильной (Косыгин) промышленности. Наркомат водного транспорта, от руководства которым освободят Ежова, тоже на два – морского (Дукельский) и речного флота (Шашков). Вместо Наркомата пищевой промышленности возникли три новых – пищевой промышленности (Зотов), мясной и молочной (Смирнов) и рыбной (Жемчужина)¹⁴¹³. Да-да. Несмотря на отчаянное сопротивление самого Молотова, его супруга стала первой женщиной-наркомом в его правительстве. На XVIII съезде она стала и кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Вскоре «за образцовую стахановскую работу, успешное освоение рыбного лова и высокие показатели по обработке рыбы» Полина получила орден «Знак Почета».

29 марта без какой-либо огласки был арестован, а затем освобожден от должности Ежов. Это был последний отзвук отбывавшего урагана. После этого до конца премьерства Молотова в Совнаркоме произойдет немало перемен, но они будут связаны с повышениями, понижениями или освобождениями от работы в связи с провалами отрасли, выходом на пенсию и т. д. А единственным наркомом, которого снимут и понизят после предъявления политических обвинений, окажется Полина Жемчужина.

Молодые наркомы требовали к себе большего внимания, что порой вызывало раздражение Молотова. Так, Смиртюков рассказывал о конфликте премьера с Косыгиным. «У Алексея Николаевича возникли проблемы, связанные с перевозкой сырья для промышленных предприятий по железным дорогам, и, придя на прием к В. М. Молотову, он попросил его оказать содействие в переговорах с Наркоматом путей сообщения. Молотов встал из-за стола, подошел к Косыгину и, слегка заикаясь, спросил, кто он такой и какую должность занимает. Косыгин ответил, как говорится, по всей форме. Тогда Вячеслав Михайлович сказал:

– Вы для того и нарком, чтобы самому выполнять свои обязанности. А я у вас толкачом не намерен быть.

После этого протянул руку Косыгину и попрощался с ним. Как потом мне и некоторым другим нашим сотрудникам рассказывал Косыгин, он вышел от Молотова недовольным. Но спустя некоторое время, уже в процессе своей дальнейшей работы, понял, что Молотов был прав»¹⁴¹⁴.

Сформировался новый пласт власти, который продемонстрирует исключительную стабильность на ближайшие десятилетия. Особенно по сравнению с предшествовавшим периодом. Причем это касалось и партийных, и государственных структур. Леонид Брежнев весной 1937 года стал заместителем председателя Днепродзержинского горисполкома, через год – заведующим отделом в обкоме, а еще через год – секретарем обкома. В 1939 году в партию вступил Юрий Андропов, через год в возрасте двадцати шести лет возглавивший комсомольскую организацию Карело-Финской ССР. Константин Черненко, которому к началу войны исполнится 30 лет, уже работал секретарем Красноярского обкома ВКП(б).

...Мюнхенская политика невмешательства рухнула в один день. 15 марта 1939 года части вермахта вступили в Прагу. Чехия и Моравия были включены в состав рейха как «протекторат Богемия и Моравия». Словакию объявили независимым государством, отдавшимся под покровительство Германии, которая тут же его оккупировала. Часть территории Словакии, включая Подкарпатскую Украину, была передана Гитлером верной Венгрии. Оккупация Чехословакии стала важным фактором прочищения мозгов в западных столицах. Полпред Майский сообщал из британской столицы: «Разочарование в Мюнхене и негодование против Германии всеобщее. Политика “умиротворения” в сознании широчайших масс мертва... Мы здесь сейчас в большой моде»¹⁴¹⁵. Суриц писал из Парижа, что «со времени великой войны не было еще момента, когда эта вражда к немцам прорывалась бы с такой силой, как сейчас»¹⁴¹⁶. Москва, не признав происшедшие события «правомерными и отвечающими общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения народов»¹⁴¹⁷, предложила созвать конференцию наиболее заинтересованных стран – Великобритании, Франции, СССР, Румынии, Польши, к которым днем позже была добавлена и Турция, – для выработки общей позиции, соответствующей условиям, сложившимся в Европе¹⁴¹⁸. Лондон поспешил назвать инициативу преждевременной. Но 18 марта Галифакс пригласил Майского, чтобы проинформировать о миссии в Москву министра по делам за-

морской торговли Хадсона с полномочиями обсуждать любые вопросы – экономические и политические. Свидетельством серьезности, которую Москва придавала этим переговорам, явился факт встречи Хадсона не только с Литвиновым и Микояном, но и Молотовым.

Германия не останавливалась. Последовало соглашение Берлина с Румынией, ставившее ее экономику под полный немецкий контроль. 22 марта Берлин заставил Литву передать Германии порт Клайпеды, куда вошли немецкие войска. 23 марта Литвинов проинформировал Кремль: «Между Германией, Италией, Японией и Испанией согласован текст протокола о присоединении последней к антикоминтерновскому пакту»¹⁴¹⁹. 24 марта Берлин в ультимативной форме потребовал от польского правительства отказаться от политического контроля над Данцигом.

31 марта Чемберлен в парламенте заявил, что Англия поддержит Польшу в случае нападения на нее Германии. Бек приехал в Лондон, и 6 апреля было опубликовано коммюнике об англо-польской договоренности о взаимопомощи «в случае любой угрозы, прямой или косвенной, независимости одной из сторон». Англо-французские гарантии были распространены на Румынию, а затем также на Грецию и Турцию. От СССР стали добиваться аналогичных гарантий. Но здесь был принципиальный нюанс: «В случае нападения Германии на Польшу и Румынию Англия не только не собиралась, но и не могла ничего сделать для их защиты. Советский Союз, напротив, был в состоянии оказать им огромную помощь. Однако такая помощь означала бы вступление Советского Союза в ожесточенную кровопролитную войну с Германией, главная тяжесть которой легла бы именно на него»¹⁴²⁰.

Британские и французские гарантии безопасности Польши не произвели большого впечатления на Гитлера, который хорошо знал им цену. 11 апреля он одобрил план «Вайс», который предусматривал, что если Польша займет угрожающую Германии позицию, «то с ней необходимо будет свести окончательные счета, несмотря на действующий договор»¹⁴²¹. 24 апреля Гитлер уведомил римского папу, что покончит с Польшей, попросив Ватикан усилить давление на Варшаву, что он и сделал. 28 апреля Гитлер объявил об отказе от англо-германского морского соглашения и денонсации германо-польского договора о ненападении¹⁴²². Молотов подведет дипломатические итоги первых месяцев 1939 года:

– Остановило ли агрессию мюнхенское соглашение? Нисколько. Напротив, Германия не ограничилась полученными в

Мюнхене уступками, то есть получением Судетских районов, населенных немцами. Германия пошла дальше, просто-напросто ликвидировав одно из больших славянских государств – Чехословакию... Между тем страны-агрессоры продолжали придерживаться своей политики. Германия отняла у Литовской республики Мемель и Мемельскую область. В апреле месяце Италия покончила с независимым государством – Албанией. После этого нет ничего удивительного в том, что в конце апреля одной своею речью глава германского государства уничтожил два важных международных договора: морское соглашение Германии с Англией и пакт о ненападении между Германией и Польшей. Однако Германия очень просто разделалась с этими договорами, не считаясь ни с какими формальностями¹⁴²³.

17 апреля СССР выступил с предложением, которое содержало в себе, по сути, формулу возрождения Антанты: заключить «соглашение сроком на 5–10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств», оказывать всевозможную помощь восточноевропейским государствам, «в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи»¹⁴²⁴. Черчилль замечал: «Если бы, например, по получении русского предложения Чемберлен ответил: “Хорошо. Давайте втроем объединимся и сломаем Гитлеру шею” или что-нибудь в этом роде, парламент бы это одобрил. Сталин бы понял, а история могла бы пойти по иному пути. Во всяком случае, по худшему пути она пойти не могла»¹⁴²⁵. Но 3 мая на заседании кабинета было решено – в целях предотвращения советско-германской нормализации – «в течение какого-то времени продолжать поддерживать переговоры с СССР». Чемберлен в парламенте заявил, что советское предложение о союзе трех держав для Англии неприемлемо¹⁴²⁶.

Сталин подписывает телеграмму постпредам во всех ключевых странах: «Ввиду серьезного конфликта между председателем СНК т. Молотовым и наркоминделом т. Литвиновым, возникшего на почве нелояльного отношения т. Литвинова к Совнаркому Союза ССР, т. Литвинов обратился в ЦК с просьбой освободить его от обязанностей наркоминдела. ЦК ВКП(б) удовлетворил просьбу т. Литвинова и освободил его от обязанностей наркома. Наркоминделом назначен по совместительству Председатель СНК Союза ССР т. Молотов»¹⁴²⁷. Тем же числом вышел указ Президиума Верховного Совета «О назначении тов. Молотова В. М. народным комиссаром иностранных дел СССР» – по совместительству.

Примечания

Введение

- ¹ Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. VI. М., 1981. С. 41.
² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. М., 1991. С. 166–167.
³ Цит. по: Трояновский О. Через годы и расстояния. История одной семьи. М., 1997. С. 137–138.

Глава первая

- ⁴ Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 256, 263, 438–439, 471, 473, 481.
⁵ О предках и ранней биографии Молотова подробно см.: Никонов В. Молотов. Молодость. М., 2005.
⁶ Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. 237. Оп. 71. Д. 757. Л. 288.
⁷ ГАКО. Ф. 237. Оп. 73. Д. 339. Л. 81, 82; Д. 376. Л. 101–108.
⁸ Список лиц, имеющих право на участие в избирательных собраниях, для выбора земских гласных на трехлетие с 1891 г. // Особое приложение к газете «Вятские губернские ведомости». 1890. № 89.
⁹ Небогатиков Г. В. Судьбы разных поколений: Из родословной одной фамилии. Вологод, 2000. С. 103.
¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1506. Л. 9.
¹¹ Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 129. Оп. 1. Д. 991. Л. 16.
¹² Купечество вятское: Исторический сборник. Киров, 1999. С. 61.
¹³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1495. Л. 2.
¹⁴ Там же. Д. 1501. Л. 10, 10 об., 11.
¹⁵ ГАВО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 991. Л. 17.
¹⁶ Цит. по: Жизнь замечательных людей в Казани. Т. 1. Казань, 1941. С. 35.
¹⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1502. Л. 138–139.
¹⁸ Там же. Д. 1633. Л. 30.
¹⁹ Там же. Д. 1502. Л. 5.
²⁰ Константинов Н. А. Из истории социал-демократических организаций учащихся средних учебных заведений г. Казани (1905–1907 гг.) // Вестник Московского университета. 1952. № 1. С. 176.
²¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1502. Л. 57–60.
²² Там же. Л. 62.
²³ Там же. Л. 116.
²⁴ Там же. Д. 1468. Л. 4–5.
²⁵ Там же. Д. 1500. Л. 28.
²⁶ Там же. Д. 1469. Л. 16–19 об.
²⁷ Там же. Д. 1500. Л. 3.
²⁸ Там же. Л. 4.
²⁹ Там же. Д. 1506. Л. 9.
³⁰ ГАВО. Ф. 447. Оп. 1. Д. 736. Л. 85.
³¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1500. Л. 12.

- ³² Там же. Д. 1468. Л. 7–8.
- ³³ Там же. Л. 29.
- ³⁴ Млечин Л. МИД: Министры иностранных дел. Романтики и циники. М., 2001. С. 159.
- ³⁵ Марксисты-ленинцы в вологодской ссылке (Из истории вологодской политической ссылки. 1893–1914 гг.) / Сборник документов и материалов. Архангельск, 1977. С. 82.
- ³⁶ Вячеслав Михайлович Молотов: Краткая биография / Сост. Г. А. Тихомирнов. М., 1938. С. 6; Голубева М. В. М. Молотов в вологодской ссылке (16 июня 1909 года – 16 июня 1911 года // Исторический журнал. 1940. № 3. С. 24.
- ³⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1468. Л. 14.
- ³⁸ Там же. Л. 30.
- ³⁹ Там же. Д. 1591. Л. 1.
- ⁴⁰ Там же. Д. 1501. Л. 42.
- ⁴¹ Там же. Д. 1500. Л. 43.
- ⁴² Там же. Д. 1632. Л. 88.
- ⁴³ Там же. Д. 1501. Л. 147, 147 об., 148.
- ⁴⁴ Там же. Л. 177.
- ⁴⁵ Улат А. The Bolsheviks. The Intellectual, Personal and Political History of the Triumph of the Communism in Russia. N.Y., 1968. P. 546.
- ⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1506. Л. 26 об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 87–90.
- ⁴⁸ Там же. Д. 1633. Л. 47.
- ⁴⁹ Ольминский М. Из эпохи «Звезды» и «Правды»: 1911–1914 гг. М.–Л., 1929. С. 28.
- ⁵⁰ Сталин И. В. Сочинения. В 13 т. Т. 5. М., 1947. С. 130–131.
- ⁵¹ Личный архив Молотова (далее – ЛАМ). Пап. 24. Док. 11.
- ⁵² Раскольников Ф. Рассказы мичмана Ильина. М., 1934. С. 148.
- ⁵³ ЛАМ. Пап. 24. Док. 11.
- ⁵⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 78.
- ⁵⁵ Там же. С. 76.
- ⁵⁶ Elwood R. Lenin and Pravda, 1912–1914 // Slavic Review. 1972. June. P. 367.
- ⁵⁷ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. М., 1966. С. 393.
- ⁵⁸ Подвойский Н. Революционная борьба В. М. Молотова в 1912–1917 годах // Исторический журнал. 1940. № 3. С. 33.
- ⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 983. Л. 1–2.
- ⁶⁰ Смиртюков М. «До 90 лет он ездил в поликлинику на электричке» // Коммерсантъ-Власть. 2000. 21 марта. С. 46.
- ⁶¹ ЛАМ. Пап. 24. Док. 11; Революционная деятельность В. М. Молотова среди питерских рабочих. Л., 1940. С. 9.
- ⁶² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1503. Л. 2 об., 3.
- ⁶³ Там же. Д. 1502. Л. 143.
- ⁶⁴ Там же. Д. 1503. Л. 14–15.
- ⁶⁵ Там же. Д. 1633. Л. 67.
- ⁶⁶ Правда. 1912. 18 декабря.
- ⁶⁷ Каррер д'Анкокс Э. Ленин. М., 2002. С. 113.
- ⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1632. Л. 98–107.
- ⁶⁹ Там же. Д. 1503. Л. 5–6.

- ⁷⁰ Там же. Д. 1502. Л. 142.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же. Д. 1506. Л. 54, 58.
- ⁷³ Там же. Д. 1503. Л. 19.
- ⁷⁴ Там же. Д. 1591. Л. 3, 3 об.
- ⁷⁵ Там же. Д. 1633. Л. 84.
- ⁷⁶ Керенский А. Ф. История России. М., 1996. С. 359.
- ⁷⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 26. С. 6, 22; Т. 49. С. 13.
- ⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1506. Л. 75, 76.
- ⁷⁹ Там же. Л. 88, 89, 90.
- ⁸⁰ Там же. Д. 1504. Л. 17 об., 18, 18 об.
- ⁸¹ Там же. Д. 1633. Л. 94.
- ⁸² Там же. Л. 88.
- ⁸³ Исторический журнал. 1940. № 3. С. 34.
- ⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1503. Л. 20–21.
- ⁸⁵ Там же. Д. 1504. Л. 54.
- ⁸⁶ Там же. Л. 65.
- ⁸⁷ Там же. Л. 93.
- ⁸⁸ Там же. Д. 1506. Л. 136.
- ⁸⁹ Там же. Д. 1468. Л. 34–39.
- ⁹⁰ Калинин Н. Ф. Казань: Исторический очерк. Казань, 1952. С. 127.
- ⁹¹ Листовки петербургских большевиков: 1902–1917. Т. II. М., 1939.
- № 135.
- ⁹² Исторический журнал. 1940. № 3. С. 18.
- ⁹³ Шляпников А. Канун семнадцатого года. М., 1923. Ч. 1. С. 247–248; Ч. 2. С. 71.
- ⁹⁴ Там же. Ч. 2. С. 74.
- ⁹⁵ Милуков П. Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 37–38.
- ⁹⁶ Подробнее см.: Никонов В. Крушение России. 1917. М., 2016.
- ⁹⁷ Молотов В. М. Из воспоминаний и из раздумий (О Февральской революции). Рукопись / ЛАМ. Пап. 22. Док. 11. Л. 1–7.
- ⁹⁸ Шляпников А. Семнадцатый год. Кн. 1. М., 1923. С. 69–70.
- ⁹⁹ Подвойский Н. Революционная борьба В. М. Молотова в 1912–1917 годах // Исторический журнал. 1940. № 3. С. 19.
- ¹⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1633. Л. 131.
- ¹⁰¹ Шляпников А. Семнадцатый год. Кн. 1. С. 87.
- ¹⁰² Молотов В. М. К вопросу о большевиках и крестьянстве (три факта из событий февраля–апреля 1917 г.). Рукопись. 17.02.67 г. / ЛАМ. Пап. 31. Док. 12. Л. 1–2.
- ¹⁰³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1. Л. 509.
- ¹⁰⁴ Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Под ред. П. Е. Щеголева. Т. I. Л., 1924. С. 189.
- ¹⁰⁵ Известия. 1917. 28 февраля. Прибавление к № 1.
- ¹⁰⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 49. С. 409.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 412.
- ¹⁰⁸ Молотов В. М. Из воспоминаний и из раздумий (О Февральской революции). Рукопись / ЛАМ. Пап. 22. Док. 11. Л. 1–7.
- ¹⁰⁹ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. Кн. 1–2. М., 1991. С. 93.

- ¹¹⁰ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 162.
- ¹¹¹ Там же. С. 163.
- ¹¹² Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте–апреле 1917 г. Л., 1976. С. 83–84.
- ¹¹³ Стасова Е. Д. Воспоминания. М., 1969. С. 133.
- ¹¹⁴ Шляпников А. Семнадцатый год. Кн. 1. С. 220.
- ¹¹⁵ Там же. С. 225, 228.
- ¹¹⁶ Токарев Ю. С. Петроградский Совет. С. 97.
- ¹¹⁷ Дневники императора Николая II. М., 1992. С. 625.
- ¹¹⁸ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 164.
- ¹¹⁹ Первый легальный ПК большевиков в 1917 г. М.–Л., 1927. С. X.
- ¹²⁰ Такер Р. Сталин: Путь к власти. 1879–1929. История и личность. М., 1990. С. 156.
- ¹²¹ Шляпников А. Семнадцатый год. Кн. 2. М.–Л., 1925. С. 182.
- ¹²² Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП(б) (март 1917 г.) // Вопросы истории КПСС. 1962. № 3. С. 146.
- ¹²³ Правда. 1917. 15 марта.
- ¹²⁴ Шляпников А. Семнадцатый год. Кн. 2. С. 185.
- ¹²⁵ Дробкина Ф. И. Всероссийское совещание большевиков в марте 1917 года // Вопросы истории. 1956. № 9. С. 6–7.
- ¹²⁶ Пролетарская революция. 1927. № 4. С. 154.
- ¹²⁷ ЛАМ. Пап. 24. Док. 1.
- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ Подвойский Н. И. Год 1917. М., 1958. С. 10.
- ¹³⁰ ЛАМ. Пап. 24. Док. 1.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² ЛАМ. Пап. 20. Док. 1; Пап. 24. Док. 1. Об уроках периода подготовки. Л. 9.
- ¹³³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1633. Л. 148.
- ¹³⁴ ЛАМ. Пап. 24. Док. 1.
- ¹³⁵ Валентинов Н. Недорисованный портрет. М., 1993. С. 142–143.
- ¹³⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 31. С. 240–241, 244.
- ¹³⁷ ЛАМ. Пап. 20. Док. 1.
- ¹³⁸ Седьмая («Апрельская») Всероссийская и Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). М., 1934. С. 35.
- ¹³⁹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 159.
- ¹⁴⁰ Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 351.
- ¹⁴¹ Буржуазия и помещики в 1917 году. С. 4.
- ¹⁴² Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 348.
- ¹⁴³ Минц И. И. История Великого Октября. Т. 2. М., 1968. С. 387.
- ¹⁴⁴ Первый легальный ПК большевиков в 1917 г. М.–Л., 1927. С. 117.
- ¹⁴⁵ Сазонов И. С. Бюро печати при ЦК РСДРП(б) в 1917 году // Исторический архив. 1955. № 5. С. 200–201.
- ¹⁴⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 32. С. 267.
- ¹⁴⁷ Подвойский Н. И. Год 1917. С. 59.
- ¹⁴⁸ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции. Л., 1956. С. 143.
- ¹⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1633. Л. 169.
- ¹⁵⁰ Цит. по: Пайпс Р. Русская революция. Ч. 2. М., 1994. С. 105.

- ¹⁵¹ Цит. по: Ахун М., Петров В. 1917 год в Петрограде. Л., 1933. С. 67.
- ¹⁵² Цит. по: Милуков П. Н. История второй русской революции. С. 247.
- ¹⁵³ Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 1–5.
- ¹⁵⁴ Совокин А. М. Расширенное совещание ЦК РСДРП(б), 13–14 июля 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1959. № 4. С. 132.
- ¹⁵⁵ Вторая и третья петроградские общегородские конференции большевиков. М.–Л., 1927. С. 74–75.
- ¹⁵⁶ Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. С. 320–321, 323.
- ¹⁵⁷ Протоколы VI съезда РСДРП(б). М.–Пг.–Нижний Новгород, 1919. С. 100–101.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 120–121.
- ¹⁵⁹ ЛАМ. Пап. 20. Док. 1.
- ¹⁶⁰ Свешников Н. Из эпохи Октября 1917 года / Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. С. 309–310.
- ¹⁶¹ Троцкий Л. Моя жизнь. М., 2001. С. 314.
- ¹⁶² Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 240.
- ¹⁶³ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 55.
- ¹⁶⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 253.
- ¹⁶⁵ Суханов Н. Записки о революции. Кн. VI. Берлин–Пг.–М., 1923. С. 158–159.
- ¹⁶⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 281.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 282.
- ¹⁶⁸ Первый легальный ПК большевиков в 1917 г. С. 303.
- ¹⁶⁹ ЛАМ. Пап. 20. Док. 1.
- ¹⁷⁰ Латушка Ю. Ленин в подполье в Финляндии / Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. М., 1990. С. 287.
- ¹⁷¹ Первый легальный ПК большевиков в 1917 г. С. 312.
- ¹⁷² Там же. С. 316–318.
- ¹⁷³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1633. Л. 189.
- ¹⁷⁴ ЛАМ. Пап. 24. Док. 1.
- ¹⁷⁵ Подвойский Н. И. Год 1917. С. 120–121.
- ¹⁷⁶ ЛАМ. Пап. 24. Док. 1.
- ¹⁷⁷ Корнев С. А. День 25 октября / Октябрьская революция: Мемуары. М., 1999. С. 178–179.
- ¹⁷⁸ Троцкий Л. Моя жизнь. М., 2001. С. 321.
- ¹⁷⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 2.
- ¹⁸⁰ Бонч-Бруевич В. Д. Из воспоминаний о Владимире Ильиче / Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. М., 1990. С. 325–326.
- ¹⁸¹ Рид Дж. Рождение нового мира. М., 1987. С. 146.
- ¹⁸² Там же. С. 150.
- ¹⁸³ Молотов В. М. Частичка отчета в Октябрьские дни // Правда. 1924. 7 ноября.
- ¹⁸⁴ Подвойский Н. И. Год 1917. С. 147.
- ¹⁸⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 11.
- ¹⁸⁶ Рид Дж. Рождение нового мира. С. 150.
- ¹⁸⁷ Молотов В. М. Частичка отчета в Октябрьские дни // Правда. 1925. 7 ноября.

¹⁸⁸ Петроградский Военно-революционный комитет: Документы и материалы. Т. I. М., 1966. С. 157.

¹⁸⁹ ЛАМ. Пап. 20. Док. 1.

¹⁹⁰ Суханов Н. Записки о революции. Кн. VII. Берлин-Пг.-М., 1923. С. 252–253.

¹⁹¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 24.

¹⁹² ЛАМ. Пап. 23. Док. 1.

¹⁹³ Суханов Н. Записки о революции. Кн. VII. С. 263.

¹⁹⁴ Первый легальный ПК большевиков в 1917 г. С. 331–332.

¹⁹⁵ ЛАМ. Пап. 20. Док. 1.

¹⁹⁶ Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. Л., 1976. С. 418–419.

Глава вторая

¹⁹⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 43. С. 220.

¹⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1633. Л. 203–204.

¹⁹⁹ Первый легальный ПК большевиков в 1917 г. М. –Л., 1927. С. 332–333.

²⁰⁰ Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. Берлин, 1932. 120–121.

²⁰¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 50. С. 2.

²⁰² Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 44–45.

²⁰³ Ахун М., Петров В. 1917 год в Петрограде. Л., 1933. С. 125.

²⁰⁴ ЛАМ. Пап. 23. Ч. 3.

²⁰⁵ Фишер Л. Жизнь Ленина. Т. 1. М., 1997. С. 208.

²⁰⁶ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 231.

²⁰⁷ Молотов В. М. Частичка отчета в Октябрьские дни // Правда. 1925. 7 ноября.

²⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 6. Л. 10.

²⁰⁹ Документы Великой пролетарской революции. Т. 1: Из протоколов и переписки Военно-революционного комитета Петроградского Совета 1917 г. М., 1938. С. 266, 308–309.

²¹⁰ ЛАМ. Пап. 22. Док. 6. Л. 25.

²¹¹ Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы. Т. 2. М., 1966. С. 227–228.

²¹² Документы Великой пролетарской революции. Т. 1. С. 214.

²¹³ Там же. С. 304.

²¹⁴ Петроградский Военно-революционный комитет. Т. 3. М., 1966. С. 513.

²¹⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1633. Л. 213.

²¹⁶ Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. Оренбург, 2001. С. 98–99.

²¹⁷ Пайпс Р. Русская революция. Ч. 2. М., 1994. С. 375.

²¹⁸ Фрайман А. Л. Форпост социалистической революции: Петроград в первые месяцы советской власти. Л., 1969. С. 276.

²¹⁹ Революционная деятельность В. М. Молотова среди питерских рабочих. Л., 1940. С. 36.

²²⁰ Торгово-промышленная газета. 1918. 30 (17) апреля.

²²¹ Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства 25 мая – 1 июня 1918. М., 1918. С. 233.

- ²²² Революционная деятельность В. М. Молотова среди питерских рабочих. С. 39–40.
- ²²³ Торгово-промышленная газета. 1918. 30 (17) апреля.
- ²²⁴ Как рабочие строят социалистическое хозяйство / Под ред. и с предисл. В. Молотова. Пг., 1918. С. 11.
- ²²⁵ Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000. С. 83.
- ²²⁶ Торгово-промышленная газета. 1918. 14 июля.
- ²²⁷ Троцкий Л. Моя жизнь. М., 2001. С. 382.
- ²²⁸ Петроград на переломе эпох. С. 27.
- ²²⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 7. С. 131–132.
- ²³⁰ Там же. Д. 1633. Л. 214.
- ²³¹ Молотов В. Национализация промышленности // Новый путь. 1918. № 3. С. 3–5.
- ²³² Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. С. 234.
- ²³³ Там же. С. 237.
- ²³⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 519. Л. 9.
- ²³⁵ Торгово-промышленная газета. 1918. 14 июля.
- ²³⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 519. Л. 14.
- ²³⁷ Рыков А. И. Избранные произведения. М., 1990. С. 104.
- ²³⁸ Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. С. 238.
- ²³⁹ Новый путь. 1918. Июнь. С. 46.
- ²⁴⁰ Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 192, 199.
- ²⁴¹ Новый путь. 1918. Июнь. С. 47.
- ²⁴² Свердлов Я. М. Избранные статьи и речи. 1917–1919. М., 1939. С. 80–81.
- ²⁴³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1482. Л. 161.
- ²⁴⁴ ЛАМ. Пап. 25. Док. 2.
- ²⁴⁵ Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. Сборник документов. СПб., 2000. С. 170–171.
- ²⁴⁶ Там же. С. 174.
- ²⁴⁷ Петроградская правда. 1918. 17 декабря.
- ²⁴⁸ Там же.
- ²⁴⁹ Как рабочие строят социалистическое хозяйство. С. 12–13.
- ²⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1633. Л. 210.
- ²⁵¹ Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 179.
- ²⁵² Протоколы VIII съезда РКП(б). 18–23 марта 1919 года. М., 1933. С. 187–188.
- ²⁵³ Там же. С. 414.
- ²⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1633. Л. 214.
- ²⁵⁵ Там же.
- ²⁵⁶ Сервис Р. Ленин. Минск, 2002. С. 458, 457.
- ²⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1633. Л. 219–220.
- ²⁵⁸ Там же. Д. 8. Л. 16.
- ²⁵⁹ Крупская Н. К. Педагогические сочинения. Т. 11. М., 1963. С. 731.
- ²⁶⁰ Беседовский Г. На путях к термидору. М., 1997. С. 296.
- ²⁶¹ Крупская Н. К. Педагогические сочинения. Т. 1. М., 1957. С. 59.

- ²⁶² Калинин Н. Ф. Казань: Исторический очерк. Казань, 1952. С. 177–178.
- ²⁶³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 8. Л. 51–52.
- ²⁶⁴ Крупская Н. К. Педагогические сочинения. Т. 1. С. 63.
- ²⁶⁵ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1957. С. 427.
- ²⁶⁶ Крупская Н. К. Педагогические сочинения. Т. 1. С. 65.
- ²⁶⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 377.
- ²⁶⁸ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 424.
- ²⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1633. Л. 227–228.
- ²⁷⁰ Добротвор Н. История города Горького. Горький, 1947. С. 127, 124.
- ²⁷¹ Микоян А. И. Так было: Размышления о минувшем. М., 1999.
- С. 169.
- ²⁷² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1633. Л. 232.
- ²⁷³ Там же. Д. 235. Л. 8.
- ²⁷⁴ Там же. Д. 1636. Л. 8–11.
- ²⁷⁵ Нижегородская коммуна. 1920. 25 января.
- ²⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1482. Л. 10–11.
- ²⁷⁷ Нижегородская коммуна. 1920. 22 февраля.
- ²⁷⁸ Там же. 26 марта.
- ²⁷⁹ Протоколы Девятого съезда РКП(б). Март–апрель 1920. М., 1934.
- С. 251–252.
- ²⁸⁰ Там же. С. 107, 436, 428.
- ²⁸¹ Нижегородская коммуна. 1920. 18 апреля.
- ²⁸² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1482. Л. 13–17.
- ²⁸³ Первомайский сборник: Посвящается массовым субботникам / Под ред. В. Молотова. Нижний Новгород, 1920. С. 13.
- ²⁸⁴ Там же. С. 19.
- ²⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1637. Л. 405–407.
- ²⁸⁶ ЛАМ. Пап. 8. Док. 4.
- ²⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1633. Л. 241–244.
- ²⁸⁸ Там же.
- ²⁸⁹ Там же. Д. 235. Л. 10.
- ²⁹⁰ Там же. Д. 1633. Л. 246.
- ²⁹¹ ЛАМ. Пап. 20. Док. 2.
- ²⁹² Гражданская война в СССР. Т. 2. М., 1986. С. 406.
- ²⁹³ Вячеслав Михайлович Молотов: Краткая биография / Сост. Г. А. Тихомирнов. М., 1938. С. 12.
- ²⁹⁴ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 455.
- ²⁹⁵ ЛАМ. Пап. 23. Док. 1.
- ²⁹⁶ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 182.
- ²⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1482. Л. 178.
- ²⁹⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 42. С. 225.
- ²⁹⁹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Кн. 1. М., 1970. С. 30.
- ³⁰⁰ Десятый съезд Российской коммунистической партии. Стенографический отчет (8–16 марта 1921 г.). М., 1921. С. 310.
- ³⁰¹ ЛАМ. Пап. 1. Док. 13.
- ³⁰² Там же. Пап. 23. Док. 1.
- ³⁰³ Десятый съезд Российской коммунистической партии. С. 327.
- ³⁰⁴ ЛАМ. Пап. 23. Док. 1.

- 305 Там же. Пап. 33. Док. 1.
- 306 Горелов О. И. Цугцванг Михаила Томского. М., 2000. С. 272.
- 307 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1633. Л. 342–343.
- 308 Цит. по: Чуев Ф. Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999.
- С. 231.
- 309 Цит. по: Васильева Л. Кремлевские жены. М.; Кишинев, 1993.
- С. 338–339.
- 310 Там же. С. 339.
- 311 Аросева О. А., Максимова В. А. Без грима. М., 1998. С. 30.
- 312 Женщины – они тоже номенклатура // Коммерсантъ. 1999.
- 6 марта.
- 313 Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 61.
- 314 Фотиева Л. Из жизни Ленина. М., 1956. С. 76.
- 315 Валентинов Н. В. Наследники Ленина. М., 1991. С. 10.
- 316 Серж В. От революции к тоталитаризму. С. 169.
- 317 Дмитриевский С. Советские портреты. Стокгольм, 1932. С. 126–127.
- 318 Троцкий Л. Сталин. М., 1995. С. 359.
- 319 ЛАМ. Пап. 23. Док. 1.
- 320 Сто сорок бесед с Молотовым. С. 207–208.
- 321 ЛАМ. Пап. 23. Док. 1.
- 322 Там же. Пап. 19. Док. 11; Пап. 23. Док. 1.
- 323 Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 179.
- 324 Там же. С. 32.
- 325 Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 527.
- 326 Ленин В. И. ПСС. Т. 52. С. 216.
- 327 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 139. Л. 81.
- 328 XI съезд РКП(б). Стенографический отчет. 27 марта – 2 апреля 1922 года. М., 1922. С. 40–41.
- 329 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 87. Л. 41.
- 330 Молотов В. Партия и ленинский призыв. М., 1924. С. 22.
- 331 См.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 87. Л. 9–19.
- 332 Молотов В. Партия и ленинский призыв. С. 25.
- 333 Берия Л. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. М., 1939. С. 211.
- 334 Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 392–393.
- 335 Там же. Т. 53. С. 14.
- 336 Там же. Т. 45. С. 20.
- 337 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1482. Л. 39–40.
- 338 Цит. по: Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет. Кн. 1. М., 1994. С. 421.
- 339 Булгаковы М. и Е. Дневник Мастера и Маргариты. М., 2001. С. 18, 23.
- 340 ЛАМ. Пап. 23. Док. 1.
- 341 Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 396–397.
- 342 Там же. Т. 54. С. 198.
- 343 Там же. Т. 52. С. 140.
- 344 Там же. Т. 44. С. 428.
- 345 Там же. Т. 45. С. 10–11.
- 346 ЛАМ. Пап. 23. Док. 1.

- ³⁴⁷ XI съезд РКП(б). Стенографический отчет. 27 марта – 2 апреля 1922. М., 1922. С. 24, 20–21, 126.
- ³⁴⁸ Там же. С. 70, 80, 112, 113, 119.
- ³⁴⁹ Там же. С. 135, 137–139.
- ³⁵⁰ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 177–178, 38, 23.
- ³⁵¹ Цит. по: Волкогонов Д. Ленин. Кн. 2. С. 97.
- ³⁵² Цит. по: Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: Политический портрет И. В. Сталина. Кн. 1. Ч. 1. М., 1989. С. 134–135.
- ³⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 139. Л. 74.
- ³⁵⁴ Всероссийская XII конференция РКП(б). Бюллетень № 3. 8 августа 1922. С. 43, 45.
- ³⁵⁵ Там же. Бюллетень № 4. 9 августа 1922. С. 3–4.
- ³⁵⁶ Покровский Н. Власть и церковь на Руси // Россия. 1997. Ноябрь. С. 45.
- ³⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22947. Л. 1–6 (Опубликовано в: Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 190–193).
- ³⁵⁸ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестка дня заседаний. Т. 1. 1919–1929. М., 2000. С. 169.
- ³⁵⁹ Покровский Н. Власть и церковь на Руси. С. 45.
- ³⁶⁰ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 59. Л. 18, 20; Гимпельсон Е. Г. Нэп и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000. С. 200, 201.
- ³⁶¹ Цит. по: Гимпельсон Е. Г. Нэп и советская политическая система. С. 68–69.
- ³⁶² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1482. Л. 43.
- ³⁶³ Мэтьюз М. Становление системы привилегий в Советском государстве // Вопросы истории. 1992. № 2–3. С. 50, 52.
- ³⁶⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 53. С. 170.
- ³⁶⁵ Там же. Т. 54. С. 110.
- ³⁶⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 35. Д. 4. Л. 11; Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике 1917–1953. М., 1999. С. 34.
- ³⁶⁷ Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 203–204.
- ³⁶⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 61.
- ³⁶⁹ Язьков Е. Ф. История страны Европы и Америки в Новейшее время (1918–1945). М., 1998. С. 116–117.
- ³⁷⁰ Ватлин А. Ю. Внешняя политика и Коминтерн. 1921–1929 гг. / Россия нэповская. М., 2002. С. 331.
- ³⁷¹ Панцов А. В. Тайная история советско-китайских отношений: Большевики и Китайская революция (1919–1927). М., 2001. С. 74.
- ³⁷² Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 32.
- ³⁷³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1482. Л. 42.
- ³⁷⁴ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 198.
- ³⁷⁵ ЛАМ. Пап. 30. Док. 1; Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 188.
- ³⁷⁶ Цит. по: Волкогонов Д. Ленин. Кн. 2. С. 334.
- ³⁷⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 54. С. 303.
- ³⁷⁸ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 197.
- ³⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 88. Л. 2, 6–7.
- ³⁸⁰ Косаковский А. А. Большевики удерживают государственную власть // Драма российской истории: большевики и революция. М., 2002. С. 418.

- 381 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 88. Л. 11–12.
- 382 Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 214.
- 383 «Грузинский инцидент» // Правда. 1988. 12 августа.
- 384 Каганович Л. Памятные записки. М., 1996. С. 298.
- 385 Ленин В. И. ПСС. Т. 54. С. 324.
- 386 Там же. Т. 45. С. 220, 222.
- 387 Там же. С. 463.
- 388 Там же. С. 338.
- 389 Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 191–192.
- 390 Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 346.
- 391 Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 157–159.
- 392 Волкогонов Д. А. Троцкий: политический портрет. Кн. 2. М., 1992. С. 10–11.
- 393 Сталин И. В. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 158.
- 394 Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 360–361.
- 395 Там же. С. 367.
- 396 Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. Берлин, 1932.
- С. 84.
- 397 Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 393.
- 398 Там же. Т. 54. С. 329.
- 399 Там же. С. 329–330.
- 400 Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 193.
- 401 Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. С. 110.
- 402 Сто сорок бесед с Молотовым. С. 246–247.
- 403 Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 637.
- 404 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1591. Л. 6–13 об.
- 405 Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 52.
- 406 Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 639.
- 407 Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 198.
- 408 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1482. Л. 48.
- 409 Там же. Д. 1591. Л. 14, 14 об., 15, 15 об., 16, 16 об., 17, 17 об., 18, 18 об., 19.
- 410 Цит. по: Беседовский Г. На путях к термидору. М., 1997. С. 356.
- 411 Там же.
- 412 Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 169–170.
- 413 Там же. № 7. С. 177–179.
- 414 Троцкий Л. Сталин. С. 359.
- 415 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1482. Л. 127.
- 416 Антонов-Овсеенко А. Театр Иосифа Сталина. М., 2000. С. 93.
- 417 Сталин И. В. Сочинения. Т. 5. С. 382.
- 418 Молотов В. Партия и ленинский призыв. С. 27, 28, 21.
- 419 Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков). Бюллетень. М., 1924. С. 45–46.
- 420 Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 120.
- 421 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1482. Л. 128.
- 422 Пейн Р. Ленин: жизнь и смерть. М., 2002. С. 614–615.
- 423 Сто сорок бесед с Молотовым. С. 298.
- 424 Пейн Р. Ленин: жизнь и смерть. С. 629.
- 425 Сто сорок бесед с Молотовым. С. 235.

Глава третья

- ⁴²⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 88. Л. 129.
- ⁴²⁷ *Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: Политический портрет И. В. Сталина. Кн. 1. Ч. 1. М., 1989. С. 199.*
- ⁴²⁸ *Берлин И. История свободы. Россия. М., 2001. С. 343.*
- ⁴²⁹ *Троцкий Л. Моя жизнь. М., 2001. С. 506.*
- ⁴³⁰ Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет 23–31 мая 1924 г. М., 1924. С. 242.
- ⁴³¹ *Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 86.*
- ⁴³² Цит. по: *Такер Р. Сталин. Путь к власти. История и личность. М., 1991. С. 451.*
- ⁴³³ *Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 594.*
- ⁴³⁴ *Микоян А. И. Так было: Размышления о минувшем. М., 1999. С. 364–365.*
- ⁴³⁵ Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 78, 112, 113.
- ⁴³⁶ Там же. С. 168, 161.
- ⁴³⁷ Там же. С. 212, 213, 242, 268, 536–537.
- ⁴³⁸ *Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Кн. 1. Ч. 1. С. 177–178.*
- ⁴³⁹ *Сталин И. В. Сочинения. Т. 6. М., 1947. С. 253, 257, 258.*
- ⁴⁴⁰ Цит. по: *Назаров О. Т. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях нэпа. М., 2000. С. 106.*
- ⁴⁴¹ *Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи. М., 2002. С. 146.*
- ⁴⁴² Четырнадцатый съезд ВКП(б). 18–31 декабря 1925 г. Стенографический отчет. М.–Л., 1926. С. 455.
- ⁴⁴³ *Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 191.*
- ⁴⁴⁴ *Молотов В. Об уроках троцкизма / Ленинизм или троцкизм. М., 1925. С. 114–116, 122–125, 139–140.*
- ⁴⁴⁵ Цит. по: *Волкогонов Д. А. Троцкий: политический портрет. Кн. 2. М., 1992. С. 32.*
- ⁴⁴⁶ *Троцкий Л. Моя жизнь. С. 504.*
- ⁴⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 58. Д. 103.
- ⁴⁴⁸ *Сорокин П. Социология революции. М. 2005.*
- ⁴⁴⁹ *Молотов В. Партия и Ленинский призыв. М., 1924. С. 76, 31.*
- ⁴⁵⁰ *Молотов В. М. Организационный отчет ЦК XIV съезду РКП(б). М.–Л., 1925. С. 4.*
- ⁴⁵¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 58. Л. 166–117.
- ⁴⁵² *Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. N.Y., 1987. P. 229.*
- ⁴⁵³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1633. Л. 289.
- ⁴⁵⁴ Там же. Д. 1482. Л. 72.
- ⁴⁵⁵ Там же. Л. 72–75, 78–79, 83.
- ⁴⁵⁶ Там же. Л. 70–76.
- ⁴⁵⁷ *Сталин И. В. Сочинения. Т. 6. С. 309.*
- ⁴⁵⁸ *Молотов В. Об очередных задачах работы партии в деревне. М., 1924. С. 14–15, 8–9, 21–22, 13.*
- ⁴⁵⁹ Там же. С. 17.
- ⁴⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2 Д. 1482. Л. 163–164.
- ⁴⁶¹ *Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 84.*

- ⁴⁶² Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 125.
- ⁴⁶³ Четырнадцатая конференция РКП(б). Стенографический отчет. М.–Л., 1925. С. 239–240.
- ⁴⁶⁴ Там же. С. 312, 313, 315.
- ⁴⁶⁵ Правда. 1925. 9 мая.
- ⁴⁶⁶ Четырнадцатая конференция РКП(б). С. 272–273, 292, 293.
- ⁴⁶⁷ Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. М., 1947. С. 383–384.
- ⁴⁶⁸ Гимпельсон Е. Г. Нэп. Новая экономическая политика Ленина – Сталина. Проблемы и уроки (20-е годы XX века). М., 2004. С. 146.
- ⁴⁶⁹ Там же. С. 367.
- ⁴⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 507. Л. 31–37; Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 1999. С. 54–57.
- ⁴⁷¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 54. Л. 9.
- ⁴⁷² Там же. Л. 5–6.
- ⁴⁷³ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Кн. 1. М., 1970. С. 380, 382.
- ⁴⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 54.
- ⁴⁷⁵ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг. Сборник документов. М., 1995. С. 44.
- ⁴⁷⁶ Там же.
- ⁴⁷⁷ Там же. С. 47.
- ⁴⁷⁸ Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. М., 1947. С. 375–376.
- ⁴⁷⁹ Зиновьев Г. Ленинизм. М.–Л., 1926. С. 247–248.
- ⁴⁸⁰ Цит. по: Дискуссия 1925 года. Материалы и документы. М.–Л., 1929. С. 126.
- ⁴⁸¹ Там же. С. 10–11.
- ⁴⁸² Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 189.
- ⁴⁸³ Микоян А. И. Так было. С. 266–267.
- ⁴⁸⁴ Дискуссия 1925 года. С. 99–101.
- ⁴⁸⁵ Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. С. 332–333.
- ⁴⁸⁶ Там же. С. 255, 253, 256.
- ⁴⁸⁷ Дискуссия 1925 года. С. 91.
- ⁴⁸⁸ Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. С. 299, 337, 349.
- ⁴⁸⁹ Молотов В. М. Организационный отчет ЦК XIV съезду РКП(б). С. 4–5, 24–27.
- ⁴⁹⁰ Четырнадцатый съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925 г. Стенографический отчет. М.–Л., 1926. С. 128, 123.
- ⁴⁹¹ Молотов В. М. Организационный отчет ЦК XIV съезду РКП(б). С. 46–49.
- ⁴⁹² Там же. С. 43.
- ⁴⁹³ Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. С. 384; Дискуссия 1925 года. С. 107.
- ⁴⁹⁴ Четырнадцатый съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). С. 193.
- ⁴⁹⁵ Там же. С. 397.
- ⁴⁹⁶ Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. С. 387–388, 390.
- ⁴⁹⁷ Молотов В. М. Организационный отчет ЦК XIV съезду РКП(б). С. 42, 56–62.

- ⁴⁹⁸ Дискуссия 1925 года. С. 29.
- ⁴⁹⁹ Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство. С. 145–146.
- ⁵⁰⁰ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 304.
- ⁵⁰¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1633. Л. 272.
- ⁵⁰² Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. Оренбург, 2001. С. 242.
- ⁵⁰³ Революционная деятельность В. М. Молотова среди питерских рабочих. Л., 1940. С. 53.
- ⁵⁰⁴ Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. М., 1996. С. 318.
- ⁵⁰⁵ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 305–306.
- ⁵⁰⁶ Революционная деятельность В. М. Молотова среди питерских рабочих. С. 57–58.
- ⁵⁰⁷ Дискуссия 1925 года. С. 340.
- ⁵⁰⁸ Троцкий Л. Моя жизнь. М., 2001. С. 508.
- ⁵⁰⁹ Дискуссия 1925 года. С. 350.
- ⁵¹⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 53. Л. 5.
- ⁵¹¹ Цит. по: Валентинов Н. В. Наследники Ленина. М., 1991. С. 142.
- ⁵¹² Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 1. М., 1990. С. 188.
- ⁵¹³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 67. Л. 17–18.
- ⁵¹⁴ Архив Троцкого. Т. 1. С. 215–220.
- ⁵¹⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 67. Л. 18–35.
- ⁵¹⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 220. Л. 108.
- ⁵¹⁷ Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 67. Л. 8.
- ⁵¹⁸ Там же. Л. 47, 50–51.
- ⁵¹⁹ Там же. Л. 58.
- ⁵²⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 547. Л. 6; ВКП(б), Коминтерн и национально-освободительное движение в Китае. Документы. Т. II. М., 1996. С. 130.
- ⁵²¹ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 66.
- ⁵²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 56–66; Политбюро ЦК РКП(б) и Европа. Решения «Особой папки» 1923–1939. М., 2001. С. 120.
- ⁵²³ Там же. Ф. 495. Оп. 2. Д. 55а. Л. 97–102.
- ⁵²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 73–74; Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 367–368.
- ⁵²⁵ Там же. Ф. 858. Оп. 1. Д. 2777. Л. 3.
- ⁵²⁶ Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 756. Л. 102–107.
- ⁵²⁷ Троцкий Л. Моя жизнь. С. 514–515.
- ⁵²⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 144. Л. 2.
- ⁵²⁹ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 61.
- ⁵³⁰ Там же. С. 62–64.
- ⁵³¹ Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1923–1938. Т. 1. М., 2007. С. 759.
- ⁵³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 564. Л. 2; Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. С. 376.
- ⁵³³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 766. Л. 123.
- ⁵³⁴ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. С. 369, 375.
- ⁵³⁵ Архив Троцкого. Т. 2. С. 97.

- ⁵³⁶ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 67, 70.
- ⁵³⁷ Там же. С. 72–74.
- ⁵³⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 59. Л. 33.
- ⁵³⁹ Архив Троцкого. Т. 2. С. 24–25.
- ⁵⁴⁰ Микоян А. И. Так было. С. 269.
- ⁵⁴¹ Дзержинский Ф. Э. Три последние речи / Предисл. В. М. Молотова. М.–Л., 1926. С. 47, 55–61.
- ⁵⁴² Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство. С. 167–168; Архив Троцкого. Т. 2. С. 11–23.
- ⁵⁴³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 4. С. 49–50.
- ⁵⁴⁴ Дзержинский Ф. Э. Три последние речи / Предисл. В. М. Молотова. С. 7–8.
- ⁵⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. Вып. IV. Л. 64–69.
- ⁵⁴⁶ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 80–81.
- ⁵⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 766. Л. 132.
- ⁵⁴⁸ Гимпельсон Е. Г. Нэп и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000. С. 220.
- ⁵⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 766. Л. 133–134.
- ⁵⁵⁰ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 93.
- ⁵⁵¹ Архив Троцкого. Т. 2. С. 88, 102–103.
- ⁵⁵² Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 90.
- ⁵⁵³ Там же. С. 93.
- ⁵⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 59. Л. 39, 51–64.
- ⁵⁵⁵ Там же. Д. 53. Л. 10–15; Стенограмма заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1923–1938 гг. Т. 2. М. 2007. С. 377–378.
- ⁵⁵⁶ Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство. С. 172.
- ⁵⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 254. Л. 8.
- ⁵⁵⁸ КПСС в резолюциях. Т. 4. С. 67–68.
- ⁵⁵⁹ Пятнадцатая конференция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Бюллетень № 12. М., 1926. С. 19.
- ⁵⁶⁰ Архив Троцкого. Т. 2. С. 154.
- ⁵⁶¹ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 96–97.
- ⁵⁶² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1483. Л. 40.
- ⁵⁶³ Там же. Д. 54. Л. 96, 99.
- ⁵⁶⁴ Там же. Л. 121–122.
- ⁵⁶⁵ Там же. Л. 50–51.
- ⁵⁶⁶ См.: Никонова С. В. Антисоветская внешняя политика английских консерваторов. 1924–1927. М., 1963. С. 171.
- ⁵⁶⁷ Цит. по: Гимпельсон Е. Г. Нэп. Новая экономическая политика Ленина – Сталина. С. 279.
- ⁵⁶⁸ Архив Троцкого. Т. 2. С. 243.
- ⁵⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 182. Д. 5. Л. 7–8; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. С. 148–149.
- ⁵⁷⁰ Сталин И. В. Сочинения. Т. 9. С. 283, 311.
- ⁵⁷¹ Цит. по: Дойчер И. Троцкий. Безоружный пророк. 1921–1929 гг. М., 2006. С. 360.
- ⁵⁷² Архив Троцкого. Т. 3. С. 67.
- ⁵⁷³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 71. Л. 2.
- ⁵⁷⁴ Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 59. Л. 116, 122.
- ⁵⁷⁵ Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 71. Л. 3.

- ⁵⁷⁶ Лубянка: Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003. С. 133–134.
- ⁵⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 60–61.
- ⁵⁷⁸ Самуэльсон Л. Красный колосс: Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М., 2001. С. 48–49, 36–37, 83.
- ⁵⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 122. Л. 31.
- ⁵⁸⁰ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936. М., 1995. С. 102.
- ⁵⁸¹ Там же. С. 103.
- ⁵⁸² Там же. С. 104.
- ⁵⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 57.
- ⁵⁸⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 65–66; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. С. 476.
- ⁵⁸⁵ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 110–111, 115.
- ⁵⁸⁶ Там же. С. 116.
- ⁵⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 317. Вып. 1. Л. 29, 81.
- ⁵⁸⁸ Цит. по: Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство. С. 174–175.
- ⁵⁸⁹ Архив Троцкого. Т. 4. С. 48–50.
- ⁵⁹⁰ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929. Т. 4. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 16–23 апреля 1929. М., 2000. С. 686.
- ⁵⁹¹ Серж В. От революции к тоталитаризму. С. 269.
- ⁵⁹² Архив Троцкого. Т. 4. С. 150–151, 174, 128, 141.
- ⁵⁹³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 53. Л. 42–46.
- ⁵⁹⁴ Большеви́стское руководство. Переписка 1912–1927. М., 1996. С. 348.
- ⁵⁹⁵ Троцкий Л. Моя жизнь. С. 519.
- ⁵⁹⁶ Большеви́стское руководство. Переписка 1912–1927. С. 349.
- ⁵⁹⁷ Троцкий Л. Моя жизнь. С. 519.
- ⁵⁹⁸ Дойчер И. Троцкий: Безоружный пророк. С. 388.
- ⁵⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 70. Л. 26, 29–30, 33–34, 110, 111.
- ⁶⁰⁰ Троцкий Л. Моя жизнь. С. 521.
- ⁶⁰¹ Там же.
- ⁶⁰² Роговин В. З. Власть и оппозиции. М., 1993. С. 26.
- ⁶⁰³ Троцкий Л. Моя жизнь. С. 522–523.
- ⁶⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 337. Л. 3.
- ⁶⁰⁵ Булгаковы М. и Е. Дневник Мастера и Маргариты. М., 2001. С. 55.
- ⁶⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1453. Л. 42–43.
- ⁶⁰⁷ А. В. Чаюнов В. М. Молотову 6 октября 1927 г.; А. В. Чаюнов. Записка о современном состоянии сельского хозяйства СССР по сравнению его с довоенным положением и положением сельского хозяйства капиталистических стран// Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 211, 214, 218.
- ⁶⁰⁸ Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 164, 166–167.
- ⁶⁰⁹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 1. М., 1999. С. 100–101.
- ⁶¹⁰ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 385.
- ⁶¹¹ Стенографический отчет XV съезда ВКП(б). Т. 2. М., 1962. С. 1179, 1184–1185.
- ⁶¹² Сталин И. В. Сочинения. Т. 10. М., 1949. С. 305.

- ⁶¹³ Стенографический отчет XV съезда ВКП(б). Т. 2. С. 1382–1383.
- ⁶¹⁴ Там же. С. 1187, 1190, 1195, 1196–1197, 1200, 1204, 1210, 1212, 1279.
- ⁶¹⁵ Там же. С. 1207, 1204.
- ⁶¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 664. Л. 3.
- ⁶¹⁷ Там же. Ф. 84. Оп. 2. Д. 5. Л. 51–53; Ф. 17. Оп. 3. Д. 1772. Л. 3.
- ⁶¹⁸ Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1633. Л. 338–341.
- ⁶¹⁹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 377.
- ⁶²⁰ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ЦКП(б). 1928–1929. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. М., 2000. С. 83.
- ⁶²¹ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 229–300.
- ⁶²² Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 201–202.
- ⁶²³ Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. М., 1949. С. 4–5, 7–8.
- ⁶²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 714. Л. 9.
- ⁶²⁵ Там же. Оп. 3. Д. 673. Л. 6; Д. 674. Л. 4.
- ⁶²⁶ Как ломали нэп. Т. 4. С. 55.
- ⁶²⁷ Советское руководство. Переписка 1928–1941 гг. М., 1999. С. 22–24.
- ⁶²⁸ Как ломали нэп. Т. 4. С. 55.
- ⁶²⁹ Там же. С. 288–289.
- ⁶³⁰ Там же. Т. 1. С. 348.
- ⁶³¹ Лубянка: Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003. С. 147.
- ⁶³² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 70. Л. 178.
- ⁶³³ Как ломали нэп. Т. 1. С. 30.
- ⁶³⁴ Там же. С. 156.
- ⁶³⁵ Там же. С. 215, 214, 216, 218, 223.
- ⁶³⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 767. Л. 87–88.
- ⁶³⁷ Роговин В. З. Сталинский неонэп. М., б/д. С. 66.
- ⁶³⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 70. Л. 177–179.
- ⁶³⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 164. Д. 76. Л. 2, 10–11.
- ⁶⁴⁰ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. Т. 2. Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. М., 2000. С. 6.
- ⁶⁴¹ Коллонтай А. М. Дипломатические дневники. 1922–1940. Т. 1. М., 2001. С. 352–353.
- ⁶⁴² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 60. Л. 10.
- ⁶⁴³ Павлюченко С. А. В поисках выхода из нэпа / Россия нэповская. Исследования. М., 2002. С. 450.
- ⁶⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 684. Л. 7.
- ⁶⁴⁵ Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 60. Л. 1–5, 8.
- ⁶⁴⁶ Как ломали нэп. Т. 2. С. 408.
- ⁶⁴⁷ Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. Т. 2. М., 1996. С. 268; Как ломали нэп. Т. 2. С. 6.
- ⁶⁴⁸ Микоян А. И. Так было. С. 291–292.
- ⁶⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 767. Л. 83–84.
- ⁶⁵⁰ Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 298–299.
- ⁶⁵¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1420. Л. 196–197.
- ⁶⁵² Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 767. Л. 87–88.

Глава четвертая

- ⁶⁵³ *Валентинов Н.* Наследники Ленина. М., 1991. С. 96.
- ⁶⁵⁴ *Историки спорят. Тринадцать бесед.* М., 1988. С. 130; *Гимпельсон Е. Н.* Нэп и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000. С. 322–323
- ⁶⁵⁵ *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография. 1928–1938. М., 1988. С. 349, 350–351.
- ⁶⁵⁶ *Фельштинский Ю. Г.* Разговоры с Бухариным. М., 1993. С. 36.
- ⁶⁵⁷ XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.–Л., 1930. С. 142.
- ⁶⁵⁸ *Коэн С.* Бухарин. С. 349.
- ⁶⁵⁹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. М., 1999. С. 290–294.
- ⁶⁶⁰ *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 11. М., 1949. С. 119, 124–125.
- ⁶⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 736. Л. 42.
- ⁶⁶² Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 298, 300.
- ⁶⁶³ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. Т. 2. Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. М., 2000. С. 312, 310.
- ⁶⁶⁴ Там же. С. 379, 388, 389.
- ⁶⁶⁵ *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 11. С. 157, 159, 171.
- ⁶⁶⁶ Как ломали нэп. Т. 2. С. 392–404.
- ⁶⁶⁷ Там же. С. 430, 424, 426.
- ⁶⁶⁸ *Фельштинский Ю. Г.* Разговоры с Бухариным. С. 30–37.
- ⁶⁶⁹ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929. Т. 4. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 16–23 апреля 1929. М., 2000. С. 694–696.
- ⁶⁷⁰ Как ломали нэп. Т. 2. С. 525–529, 544, 535, 532, 538.
- ⁶⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 715. Л. 79.
- ⁶⁷² Как ломали нэп. Т. 2. С. 570, 530, 542.
- ⁶⁷³ Там же. С. 576.
- ⁶⁷⁴ *Пятницкий В.* Заговор против Сталина. М., 1998. С. 114.
- ⁶⁷⁵ *Фельштинский Ю. Г.* Разговоры с Бухариным. С. 32.
- ⁶⁷⁶ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 538.
- ⁶⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 302. Л. 1–2.
- ⁶⁷⁸ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн. С. 540.
- ⁶⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1420. Л. 216.
- ⁶⁸⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 700. Л. 1.
- ⁶⁸¹ Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 765. Л. 49–49 об.
- ⁶⁸² Там же. Д. 767. Л. 117–119.
- ⁶⁸³ Там же. Л. 128.
- ⁶⁸⁴ Как ломали нэп. Т. 4. С. 28.
- ⁶⁸⁵ Советское руководство. Переписка. 1928–1941. М., 1999. С. 40.
- ⁶⁸⁶ Пятый объединенный пленум МК и МКК ВКП(б). 11–12 сентября 1928. М., 1928. С. 144–145.
- ⁶⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 767. Л. 132.
- ⁶⁸⁸ *Рютин М.* На колени не встану. М., 1992. С. 281–282.
- ⁶⁸⁹ *Коэн С.* Бухарин. С. 361.
- ⁶⁹⁰ *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 11. С. 226, 231, 232.

- ⁶⁹¹ Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. С. 339, 409.
- ⁶⁹² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 132. Л. 25–35.
- ⁶⁹³ Фельштинский Ю. Г. Разговоры с Бухариным. С. 38–39.
- ⁶⁹⁴ Как ломали нэп. Т. 4. С. 294.
- ⁶⁹⁵ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. Т. 3. Пленум ЦК ВКП(б) 16–24 ноября 1928 г. М., 2000. С. 49, 52.
- ⁶⁹⁶ Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. С. 248, 252–253.
- ⁶⁹⁷ Как ломали нэп. Т. 3. С. 572, 562.
- ⁶⁹⁸ Там же. С. 459, 547–548, 451, 468–469, 475.
- ⁶⁹⁹ Буков К., Самородов А. Правая рука // Московская правда. 1989. 6 апреля.
- ⁷⁰⁰ Восьмой съезд профессиональных союзов СССР (10–24 декабря 1928 г.). Полный стенографический отчет. М., 1929. С. 3–6, 24–25.
- ⁷⁰¹ Как ломали нэп. Т. 4. С. 63–64.
- ⁷⁰² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1633. Л. 337.
- ⁷⁰³ Троцкий Л. Моя жизнь, М., 2001. С. 542.
- ⁷⁰⁴ Как ломали нэп. Т. 4. С. 694.
- ⁷⁰⁵ Там же. С. 635.
- ⁷⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 26.
- ⁷⁰⁷ Как ломали нэп. Т. 4. С. 581.
- ⁷⁰⁸ Там же. С. 558–559.
- ⁷⁰⁹ Ларина-Бухарина А. Незабываемое. М., 2002. С. 113, 124–125.
- ⁷¹⁰ Там же. С. 113.
- ⁷¹¹ Как ломали нэп. Т. 4. С. 572–576, 584–597, 10, 38.
- ⁷¹² Там же. С. 604–615, 652–633, 640–643.
- ⁷¹³ Там же. С. 151, 157, 160, 166.
- ⁷¹⁴ Там же. С. 292–293, 296–297.
- ⁷¹⁵ Там же. С. 321, 328, 354.
- ⁷¹⁶ Там же. С. 465, 495, 502.
- ⁷¹⁷ Каганович Л. Памятные записки. М., 1996. С. 402–403.
- ⁷¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 748. Л. 5; Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936. М., 1995. С. 124–125.
- ⁷¹⁹ Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 9.
- ⁷²⁰ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 146.
- ⁷²¹ Там же. С. 166–167.
- ⁷²² Там же. С. 168.
- ⁷²³ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929 гг. Т. 5. Пленум ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929. М., 2000. С. 125.
- ⁷²⁴ Там же. С. 162–163, 161, 164.
- ⁷²⁵ Там же. С. 203.
- ⁷²⁶ Там же. С. 218, 226.
- ⁷²⁷ Там же. С. 543.
- ⁷²⁸ Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты / Под ред. А. С. Сенявского. М., 2006. С. 123.
- ⁷²⁹ Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. N.Y., 1987. С. 200–202.
- ⁷³⁰ НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. С. 127.
- ⁷³¹ Дойчер И. Троцкий в изгнании. М., 1991. С. 140.
- ⁷³² Жупел Сталина // Комсомольская правда. 2002. 6 ноября.
- ⁷³³ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 291.
- ⁷³⁴ Чуев Ф. Полудержавный властелин. М., 1999. С. 455.

- ⁷³⁵ Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М., 2001. С. 97–98, 150–151.
- ⁷³⁶ Мау В. А. Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1861–1929). М., 2013. С. 427.
- ⁷³⁷ Данилов В. Коллективизация / Переписка на исторические темы: диалог ведет читатель. М., 1989. С. 360.
- ⁷³⁸ Бокарев Ю. П. Нэп как самоорганизующаяся и саморазрушающаяся система / Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты. С. 128–129.
- ⁷³⁹ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, хозяйство, землепользование. М., 1977. С. 210–212; Данилов В. Коллективизация. С. 360–363.
- ⁷⁴⁰ Бокарев Ю. П. Нэп как самореализующаяся и саморазрушающаяся система. С. 129.
- ⁷⁴¹ Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 57, 87.
- ⁷⁴² Молотов В. М. Коминтерн и новый революционный подъем. М.–Л., 1929. С. 54.
- ⁷⁴³ Соколов А. К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность 1917–1941 гг. М., 2012. С. 70–71.
- ⁷⁴⁴ Молотов В. М. На новом этапе: Доклад от СССР на расширенном президиуме ИККИ 25 февраля 1930 г. М.–Л., 1930. С. 21.
- ⁷⁴⁵ Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. Т. 2. М., 1996. С. 352–353.
- ⁷⁴⁶ Лельчук В. Индустриализация / Переписка на исторические темы. С. 340, 341.
- ⁷⁴⁷ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 143.
- ⁷⁴⁸ Молотов В. М. На новом этапе. С. 42.
- ⁷⁴⁹ Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. Т. 2. М., 1996. С. 342.
- ⁷⁵⁰ Молотов В. М. На новом этапе. С. 8, 9–10.
- ⁷⁵¹ Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 28.
- ⁷⁵² Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты. С. 216.
- ⁷⁵³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 386.
- ⁷⁵⁴ Судьба российского крестьянства. Кн. 1. М., 1995. С. 232.
- ⁷⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 733. Л. 5; Как ломали нэп. Т. 5. С. 657.
- ⁷⁵⁶ Молотов В. М. Коминтерн и новый революционный подъем. С. 60.
- ⁷⁵⁷ Карр Э. Х. Русская революция. От Ленина до Сталина. М., 1990. С. 167.
- ⁷⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 756. Л. 7; Как ломали нэп. Т. 5. С. 661.
- ⁷⁵⁹ Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 6.
- ⁷⁶⁰ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 141–143.
- ⁷⁶¹ Там же. С. 146, 147.
- ⁷⁶² Там же. С. 156.
- ⁷⁶³ Сталин И. В. Год великого перелома. К XII годовщине Октября // Правда. 1929. 7 ноября.
- ⁷⁶⁴ Как ломали нэп. Т. 5. С. 364–367.
- ⁷⁶⁵ Там же. С. 439.
- ⁷⁶⁶ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 170.

⁷⁶⁷ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 2. М., 2009. С. 19.

⁷⁶⁸ Цит. по: *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996. С. 43–44.

⁷⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 38. Л. 1.

⁷⁷⁰ Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 76–77.

⁷⁷¹ Там же. С. 10–11.

⁷⁷² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 60. Л. 130, 110; *Молотов В. М.* Лицом к колхозному движению! Доклад на партсовещании при ЦК ВКП(б) 13 января. М., 1930. С. 8, 12–13.

⁷⁷³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 60. Л. 140–141.

⁷⁷⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 64–69; Исторический архив. 1994. № 4. С. 147–152.

⁷⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 38. Л. 15–21; Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 131, 155.

⁷⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 60. Л. 152–164.

⁷⁷⁷ Там же. Д. 103. Л. 54–67.

⁷⁷⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 777. Л. 11, 12.

⁷⁷⁹ *Молотов В. М.* На новом этапе. С. 15–17.

⁷⁸⁰ Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 20–21.

⁷⁸¹ *Шевцов Ю.* Новая идеология: голодомор. М., 2009. С. 67.

⁷⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 778. Л. 5; Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 270.

⁷⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 779. Л. 18–20; Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 303–305.

⁷⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 125. Л. 47–53.

⁷⁸⁵ Там же. Д. 68. Л. 124.

⁷⁸⁶ Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 26–27, 22.

⁷⁸⁷ XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 28 июня – 13 июля 1930 г. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1935. С. 58.

⁷⁸⁸ Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 26–27.

⁷⁸⁹ *Данилов В.* Коллективизация. С. 390–391.

⁷⁹⁰ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 194, 198, 203.

⁷⁹¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 39. Л. 74–75; Д. 75. Л. 39; Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 612.

⁷⁹² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 61. Л. 28.

⁷⁹³ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 3. Конец 1930–1933. М., 2001. С. 22.

⁷⁹⁴ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. С. 585–586.

⁷⁹⁵ *Молотов В. М.* Коминтерн и новый революционный подъем. С. 17–21, 34–35.

⁷⁹⁶ Там же. С. 37, 39.

⁷⁹⁷ Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. Л., 1934. С. 911–913.

⁷⁹⁸ *Дойчер И.* Троцкий в изгнании. М., 1991. С. 204.

⁷⁹⁹ *Молотов В. М.* Коминтерн и новый революционный подъем. С. 38–39.

⁸⁰⁰ *Прудникова Е., Колпакиди А.* Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий. М., 2006. С. 79.

- ⁸⁰¹ Макдермотт К., Агню Дж. Коминтерн: История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000. С. 126, 124.
- ⁸⁰² Там же. С. 110, 114.
- ⁸⁰³ Молотов В. М. Коминтерн и новый революционный подъем. С. 40.
- ⁸⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 87; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки» 1923–1939. М., 2001. С. 190.
- ⁸⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 73. Л. 7–9.
- ⁸⁰⁶ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 139.
- ⁸⁰⁷ Там же. С. 144–145.
- ⁸⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 135–136; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. С. 193.
- ⁸⁰⁹ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 160–161.
- ⁸¹⁰ Как ломали нэп. Т. 5. С. 229.
- ⁸¹¹ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. С. 601.
- ⁸¹² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 73. Л. 38, 39.
- ⁸¹³ Там же. Л. 57–57 об.
- ⁸¹⁴ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 155.
- ⁸¹⁵ Вартанов В. Н. Бросок в Китай. В 1929 году в конфликте на КВЖД советские войска нанесли молниеносный упреждающий удар по противнику // Независимая газета. 2004. 1 октября.
- ⁸¹⁶ Молотов В. М. На новом этапе. С. 3.
- ⁸¹⁷ Молотов В. М. В борьбе за социализм. Речи и статьи. От XVI до XVII съезда ВКП(б). М., 1934. С. 13.
- ⁸¹⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. III. М., 1954. С. 35.
- ⁸¹⁹ Молотов В. М. В борьбе за социализм. Речи статьи. С. 28–29.
- ⁸²⁰ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн. С. 627–629.
- ⁸²¹ Молотов В. М. В борьбе за социализм. Речи и статьи. С. 21–23.
- ⁸²² ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. III. Ч. II. С. 997.
- ⁸²³ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн. С. 629–633.
- ⁸²⁴ Самуэльсон Л. Красный колосс. С. 114–115.
- ⁸²⁵ Там же. С. 126.
- ⁸²⁶ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 209–210.
- ⁸²⁷ Прудникова Е., Колпакиди А. Двойной заговор. С. 310–311.
- ⁸²⁸ Самуэльсон Л. Красный колосс. С. 132.
- ⁸²⁹ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 209–210.
- ⁸³⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 61. Л. 73.
- ⁸³¹ Хлевнюк О. В. Политбюро. С. 32–33.
- ⁸³² Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 204–205.
- ⁸³³ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 118–119.
- ⁸³⁴ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 198.
- ⁸³⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 61. Л. 123.
- ⁸³⁶ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 218–219.
- ⁸³⁷ Судоплатов П. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. С. 177.
- ⁸³⁸ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 194.
- ⁸³⁹ Там же. С. 220.
- ⁸⁴⁰ Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 98–99.
- ⁸⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 81, 82; Лубянка: Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003. С. 258.

- ⁸⁴² *Молотов В. М.* В борьбе за социализм. Речи и статьи. С. 64–65.
- ⁸⁴³ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 9333. Т. 2. Л. 134–135; Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 96–97.
- ⁸⁴⁴ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 221.
- ⁸⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 53. Л. 63–66; Стенограмма заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1923–1938 гг. Т. 3. М., 2007. С. 156–157.
- ⁸⁴⁶ *Хлевнюк О. В.* Политбюро. С. 43–49.
- ⁸⁴⁷ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 217.
- ⁸⁴⁸ *Montefiore S.* Stalin. The Court of the Red Tsar. L., 2003. P. 52.
- ⁸⁴⁹ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 222–224.
- ⁸⁵⁰ *Хлевнюк О. В.* Политбюро. С. 40–41.
- ⁸⁵¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 276–277.
- ⁸⁵² *Хлевнюк О. В.* Сталин и Молотов. Единоличная диктатура и предпосылки «олигархизации» / Сталин. Сталинизм. Советское общество. Сб. ст. М., 2000. С. 274–275.
- ⁸⁵³ *Соколов Б. В.* Молотов. Тень вождя. М., 2005. С. 47.
- ⁸⁵⁴ *Молотов В. М.* В борьбе за социализм. Речи и статьи. С. 62.
- ⁸⁵⁵ *Хлевнюк О. В.* Политбюро. С. 50–51.
- ⁸⁵⁶ Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 772–773.
- ⁸⁵⁷ ЛАМ. Пап. 56. Док. 1.

Глава пятая

- ⁸⁵⁸ *Watson D.* Molotov & Soviet Government. L., 1996. P. 188.
- ⁸⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 808. Л. 7–8; Д. 809. Л. 10, 28–29; Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 30–33.
- ⁸⁶⁰ *Watson D.* Molotov: A Biography. N.Y., 2005. P. 105.
- ⁸⁶¹ *Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 64–65.
- ⁸⁶² *Молотов В. М.* Перевыборы и перестройка советов / В. М. Молотов. В борьбе за социализм. Речи и статьи. От XVI до XVII съезда ВКП(б). М., 1934. С. 74.
- ⁸⁶³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1633. Л. 316.
- ⁸⁶⁴ *Montefiore S.* Stalin. The Court of the Red Tsar. L., 2003. P. 10.
- ⁸⁶⁵ Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи. М., 2002. С. 68–69.
- ⁸⁶⁶ *Смиртюков М.* «До 90 лет он ездил в поликлинику на электричке» // Коммерсантъ–Власть. 2000. 21 марта. С. 46–47.
- ⁸⁶⁷ *Молотов В. М.* Основные предпосылки и выполнение хозяйственного плана / В. М. Молотов. В борьбе за социализм. С. 125.
- ⁸⁶⁸ *Куманев Г. А.* Рядом со Сталиным. Смоленск, 2001. С. 488–489.
- ⁸⁶⁹ *Смиртюков М.* «До 90 лет он ездил в поликлинику на электричке». С. 47.
- ⁸⁷⁰ *Молотов В. М.* Основные предпосылки и выполнение хозяйственного плана. С. 126.
- ⁸⁷¹ *Молотов В. М.* О народнохозяйственном плане на 1931 г. / В. М. Молотов. В борьбе за социализм. С. 91.
- ⁸⁷² *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М., 2006. С. 151.
- ⁸⁷³ *Коржихина Т. П.* Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991. М., 1994. С. 137.

- ⁸⁷⁴ Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 27–28.
- ⁸⁷⁵ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. М., 1995. С. 247.
- ⁸⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 769. Л. 128; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 302–303.
- ⁸⁷⁷ Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения. С. 168.
- ⁸⁷⁸ Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. Ч. 1. 1928–1934. СПб., 2000. С. 551–552.
- ⁸⁷⁹ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009. С. 141–142.
- ⁸⁸⁰ Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М., 1999. С. 388.
- ⁸⁸¹ Watson D. Molotov & Soviet Government. P. 192.
- ⁸⁸² Суворов В. День «М». Когда началась Вторая мировая война. М., 2015. С. 106, 108.
- ⁸⁸³ Вопросы истории. 1990. № 8. С. 65, 71.
- ⁸⁸⁴ Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 347.
- ⁸⁸⁵ Чуев Ф. Молотов. С. 362.
- ⁸⁸⁶ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. С. 259.
- ⁸⁸⁷ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 260–261, 320.
- ⁸⁸⁸ ЛАМ. Пап. 12. Док. 5.
- ⁸⁸⁹ ЛАМ. Пап. 50. Док. 11.
- ⁸⁹⁰ Roberts G. Molotov. Stalin's Cold Warrior. Wash., 2012. P. 14.
- ⁸⁹¹ Ерофеев В. Дипломат. М., 2005. С. 166–167.
- ⁸⁹² Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 352.
- ⁸⁹³ Громыко А. А. Памятное. Кн. 1. М., 1988. С. 204.
- ⁸⁹⁴ Байбаков Н. К. От Сталина до Ельцина. М., 1998. С. 96.
- ⁸⁹⁵ Там же. С. 82.
- ⁸⁹⁶ Сергеев А., Глушик Е. Как жил, работал и воспитывал детей И. В. Сталин. Свидетельства очевидца. М., 2011. С. 49.
- ⁸⁹⁷ Племянник Молотова: мой родственник строил метро, и я им очень гордился // Коммерсантъ. 1997. 2 августа.
- ⁸⁹⁸ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. Кн. 1. Ч. 1. М., С. 265.
- ⁸⁹⁹ Микоян А. И. Так было. С. 355, 354.
- ⁹⁰⁰ Там же. С. 353.
- ⁹⁰¹ Громов Е. С. Сталин: власть и искусство. М., 1998. С. 239.
- ⁹⁰² Невезжин В. А. Большие кремлевские приемы Сталина (вторая половина 1930-х – начало 1940-х) // Отечественная история. 2005. № 4. С. 129, 131.
- ⁹⁰³ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 132–137; Сталин и Каганович. Переписка. С. 269.
- ⁹⁰⁴ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 248–249.
- ⁹⁰⁵ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 297.
- ⁹⁰⁶ Артамонов А. Е. Госдачи Крыма. История создания правительственных резиденций и домов отдыха в Крыму: правда и вымысел. М., 2015. С. 142.
- ⁹⁰⁷ Аллилуева К. Племянница Сталина. М., 2006. С. 62–64.

- ⁹⁰⁸ *Васильева Л.* Кремлевские жены. М.; Кишинев, 1993. С. 314.
- ⁹⁰⁹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 250–252.
- ⁹¹⁰ *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 201.
- ⁹¹¹ *Блажнова Т.* Его Жемчужина // *Карьера.* 2001. Июль. С. 71.
- ⁹¹² Женщины – они тоже номенклатура // *Коммерсантъ.* 1999. 6 марта.
- ⁹¹³ *Bromage V. Molotov: The Story of an Era.* L., 1956. P. 178.
- ⁹¹⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 82. Л. 32; Сталин и Каганович. Переписка. С. 398.
- ⁹¹⁵ *Микоян А. И.* Так было. М., 1999. С. 298.
- ⁹¹⁶ *Аллилуева К.* Племянница Сталина. С. 100–101.
- ⁹¹⁷ *Bromage V. Molotov.* P. 181.
- ⁹¹⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 276. Л. 184; Москва – Вашингтон: политика и дипломатия Кремля, 1921–1941. Т. 3. М., 2009. С. 321–322.
- ⁹¹⁹ Там же. Д. 344. Л. 69–69 об.; Москва – Вашингтон. Т. 3. С. 367–368.
- ⁹²⁰ *Сафронов В. П.* СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931–1945 гг. М., 2001. С. 154–155.
- ⁹²¹ *Васильева Л.* Кремлевские жены. М.; Кишинев, 1993. С. 318.
- ⁹²² *Аллилуева С.* Только один год. Нью-Йорк, 1969. С. 356.
- ⁹²³ Племянник Молотова: мой родственник строил метро, и я им очень гордился // *Коммерсантъ.* 1997. 2 августа.
- ⁹²⁴ *Davis J. Mission to Moscow.* N.Y., 1941. P. 114–115.
- ⁹²⁵ *Васильева Л.* Дети Кремля. М., 1997. С. 258–259.
- ⁹²⁶ Коктейль племянника Молотова: ликер, желток и коньяк // *Коммерсантъ.* 1997. 9 августа.
- ⁹²⁷ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 520.
- ⁹²⁸ *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 13. М., 1955. С. 38–39.
- ⁹²⁹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 386.
- ⁹³⁰ *Молотов В. М.* Основные предпосылки и выполнение хозяйственного плана / *В. М. Молотов.* В борьбе за социализм. С. 118–119.
- ⁹³¹ *Молотов В. М.* О выполнении первой пятилетки / *Молотов В. М.* В борьбе за социализм. С. 214, 215.
- ⁹³² *Верт Н.* История Советского государства. 1900–1991. М., 1994. С. 220.
- ⁹³³ *Молотов В. М.* О народнохозяйственном плане 1931 г. / *В. М. Молотов.* В борьбе за социализм. С. 107.
- ⁹³⁴ *Зима В. Ф.* Голод 1932–1933 годов в письмах трудящихся России // *Отечественная история.* 2006. № 2. С. 53.
- ⁹³⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 53. Л. 135, 129–130.
- ⁹³⁶ *Брик Л.* Пристрастные рассказы. Н. Новгород, 2004. С. 232.
- ⁹³⁷ *Хлевнюк О. В.* Политбюро. С. 72–73, 55.
- ⁹³⁸ *Молотов В. М.* О народнохозяйственном плане 1931 г. / *В. М. Молотов.* В борьбе за социализм. С. 101.
- ⁹³⁹ РГАСПИ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 289. Л. 65–74; Индустриализация Советского Союза. Ч. II. М., 1999. С. 18–19, 252–253, 267–269; *Вишневский А.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 65.
- ⁹⁴⁰ *Роговин В. З.* Власть и оппозиции. М., 1993. С. 336.
- ⁹⁴¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1424. Л. 63.
- ⁹⁴² Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 238.

⁹⁴³ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 511.

⁹⁴⁴ *Молотов В. М.* О народнохозяйственном плане 1931 г. / *Молотов В. М.* В борьбе за социализм. С. 103, 102.

⁹⁴⁵ Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1927–1933. М., 2002. С. 470–471; *Молотов В. М.* Борьба за социализм и борьба за мир / *В. М. Молотов.* В борьбе за социализм. Речи и статьи. С. 144–145.

⁹⁴⁶ *Кокурин А., Петров Н.* ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль – XXI. № 8. 1999. С. 112–113.

⁹⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 1а; *Широков А.* Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока СССР (1930–1950-е гг.). М., 2014. С. 58–59.

⁹⁴⁸ *Микоян А. И.* Так было. С. 520.

⁹⁴⁹ *Молотов В. М.* Борьба за социализм и борьба за мир / *Молотов В. М.* В борьбе за социализм. С. 175.

⁹⁵⁰ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 140.

⁹⁵¹ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). С. 367, 358.

⁹⁵² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 447. Л. 2–3.

⁹⁵³ *Быстрова И. В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006. С. 70–72.

⁹⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 167–174; *Сталин и Каганович.* Переписка. С. 224–225.

⁹⁵⁵ *Соколов А. К.* От военпрома к ВПК: советская военная промышленность 1917–1941 гг. М., 2012. С. 211; *Быстрова И. В.* Советский военно-промышленный комплекс. С. 88–93, 100.

⁹⁵⁶ *Быстрова И. В.* Советский военно-промышленный комплекс. С. 123–129, 101–102.

⁹⁵⁷ *Соколов А. К.* От военпрома к ВПК. С. 181, 356.

⁹⁵⁸ Там же. С. 254; *Быстрова И. В.* Советский военно-промышленный комплекс. С. 118–120.

⁹⁵⁹ *Самуэльсон Л.* Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М., 2001. С. 165, 169, 158–159, 160.

⁹⁶⁰ *Молотов В. М.* Задачи первого года второй пятилетки / *Молотов В. М.* В борьбе за социализм. С. 385.

⁹⁶¹ *Zaleski E.* Stalinist Planning for Economic Growth. 1933–1938. Chapel Hill (N.C.), 1980. P. 279; *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М., 2006. С. 154.

⁹⁶² *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 13. С. 178.

⁹⁶³ *Молотов В. М.* Задачи первого года второй пятилетки / *Молотов В. М.* В борьбе за социализм. С. 367.

⁹⁶⁴ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). С. 358–359.

⁹⁶⁵ *Молотов В. М.* О второй пятилетке / *Молотов В. М.* В борьбе за социализм. С. 282–283.

⁹⁶⁶ Там же. С. 295, 302, 317.

⁹⁶⁷ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). С. 366–367.

⁹⁶⁸ *Самуэльсон Л.* Красный колосс. С. 203–205.

- ⁹⁶⁹ Коржихина Т. Советское государство и его учреждения. С. 138.
- ⁹⁷⁰ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 3. Конец 1930–1933. М., 2001. С. 199, 201.
- ⁹⁷¹ Там же. С. 227–228.
- ⁹⁷² Судьба российского крестьянства. Кн. 1. М., 1995. С. 278–279, 310; Хлевнюк О. В. Политбюро. С. 56–57; Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 18.
- ⁹⁷³ Молотов В. М. К IX съезду профсоюзов / Молотов В. М. В борьбе за социализм. С. 326; Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 260–262, 19.
- ⁹⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1992. Л. 4, 44–45; Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 355–356.
- ⁹⁷⁵ Судьба российского крестьянства. Кн. 1. С. 300.
- ⁹⁷⁶ Молотов В. М. О подъеме сельского хозяйства и колхозном строительстве / Молотов В. М. В борьбе за социализм. С. 338.
- ⁹⁷⁷ Командиры большого голода. Киев, 2001. С. 90.
- ⁹⁷⁸ Молотов В. М. О подъеме сельского хозяйства и колхозном строительстве / Молотов В. М. В борьбе за социализм. С. 332.
- ⁹⁷⁹ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 850.
- ⁹⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 61–62; Сталин и Каганович. Переписка. С. 169.
- ⁹⁸¹ Судьба российского крестьянства. Кн. 1. С. 337.
- ⁹⁸² РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 45–47; Сталин и Каганович. Переписка. С. 210.
- ⁹⁸³ Сталин и Каганович. Переписка. С. 213.
- ⁹⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 78. Л. 16; Сталин и Каганович. Переписка. С. 219.
- ⁹⁸⁵ Молотов В. М. О подъеме сельского хозяйства и колхозном строительстве / Молотов В. М. В борьбе за социализм. С. 341.
- ⁹⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 100. Л. 137–140; Сталин и Каганович. Переписка. С. 241–242.
- ⁹⁸⁷ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 20–25.
- ⁹⁸⁸ Судьба российского крестьянства. Кн. 1. С. 360–361.
- ⁹⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 144–151; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 273–274.
- ⁹⁹⁰ Сталин и Каганович. Переписка. С. 281, 287; Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 850.
- ⁹⁹¹ Судьба российского крестьянства. Кн. 1. С. 340.
- ⁹⁹² Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 515, 516, 525.
- ⁹⁹³ Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1923–1938 гг. Т. 3. 1928–1938 гг. М., 2007. С. 602–603.
- ⁹⁹⁴ Судьба российского крестьянства. Кн. 1. С. 300–301.
- ⁹⁹⁵ Борисенко Е. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006. С. 214.
- ⁹⁹⁶ Кондрашин В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.
- ⁹⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 73–74; Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 704–705.
- ⁹⁹⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 43. Д. 46. Л. 2–5.
- ⁹⁹⁹ Голод 1932–1933 гг. на Украине. Сборник документов. Киев, 1990. С. 399–400.

- ¹⁰⁰⁰ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 648–650, 653.
- ¹⁰⁰¹ Голод 1932–1933 гг. на Украине. С. 441–444.
- ¹⁰⁰² Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 661, 663.
- ¹⁰⁰³ Судьба российского крестьянства. Кн. 1. С. 313–314, 354.
- ¹⁰⁰⁴ *Молотов В. М.* О задачах передовых колхозников / *Молотов В. М.* В борьбе за социализм. С. 438–439.
- ¹⁰⁰⁵ *Саква Р.* Коммунизм в России. Интерпретирующее эссе. М., 2011. С. 71.
- ¹⁰⁰⁶ Специальная комиссия во главе со стохгольмским профессором права Якобом Сандбергом, занимавшаяся этим вопросом на рубеже 1980–1990-х годов, давала цифры: не менее 1,5 млн чел. на Украине и 3 млн за ее пределами. Российский исследователь Николай Ивницкий говорит о порядке 8 млн погибших, из них 3–3,5 млн на Украине. Ведущий украинский эксперт в этом вопросе Станислав Кульчицкий говорит о 4,5 млн человек только на Украине. Итальянский историк Андреа Грациози говорит о 5–6 млн умерших в СССР, из них 3,5–3,8 млн на Украине. В. Ф. Зима называет цифру в 3 млн погибших по всему Союзу. (См.: Голод 1932–1933 годов. М., 1995. С. 7–8; *Ивницкий Н.* Голод 1932–1933 годов в СССР. М., 2009. С. 243; *Шевцов Ю.* Новая идеология: голодомор. М., 2009. С. 22; *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2008. С.75–76; *Зима В. Ф.* Голод 1932–1933 годов в письмах трудящихся России // Отечественная история. 2006. № 2. С. 54.)
- ¹⁰⁰⁷ *Шевцов Ю.* Новая идеология: голодомор. С. 137.
- ¹⁰⁰⁸ The Man, Who Told Us So: What the West, and the Soviet Union's Victims, Owe to Robert Conquest // The Economist. August 15, 2015. P. 24.
- ¹⁰⁰⁹ *Тишков В. А.* Демографические голодоморы // Родина. № 7. 2007. С. 86, 87.
- ¹⁰¹⁰ *Чуев Ф.* Молотов. С. 453.
- ¹⁰¹¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д.16. Л. 12; *Прудникова Е., Чигирин И.* Мифология «голодомора». М., 2013. С. 65.
- ¹⁰¹² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41. Л. 16; Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 878–879.
- ¹⁰¹³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 81. Л. 12–16 об., 29, 40; *Прудникова Е., Чигирин И.* Мифология «голодомора». С. 71–73.
- ¹⁰¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 981. Л. 229–238; Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 746–750.
- ¹⁰¹⁵ РГАСПИ. Оп. 3. Д. 2038. Л. 62–63; Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 754–755.
- ¹⁰¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2042. Л. 59–60; Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 786–787.
- ¹⁰¹⁷ *Молотов В. М.* О годовщине Октябрьской революции / *Молотов В. М.* В борьбе за социализм. С. 458, 459.
- ¹⁰¹⁸ *Данилов В.* Коллективизация / Переписка на исторические темы: диалог ведет читатель. М., 1989. С. 396–397.
- ¹⁰¹⁹ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). С. 352.
- ¹⁰²⁰ *Молотов В. М.* Об отмене карточной системы по хлебу. Доклад на пленуме ЦК ВКП(б), 25 ноября 1934 г. М., 1934. С. 9.
- ¹⁰²¹ *Молотов В. М.* Итоги пятилетки и план 1933 г. / *Молотов В. М.* В борьбе за социализм. С. 390–391.
- ¹⁰²² *Молотов В. М.* Отчетный доклад о работе правительства

VII съезду Советов СССР / *Молотов В. М.* Статьи и речи. 1935–1936. М., 1937. С. 49–50.

¹⁰²³ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1952. М., 2000. С. 139.

¹⁰²⁴ Там же. С. 155.

¹⁰²⁵ Страницы истории КПСС. Факты, проблемы, уроки / Под ред. В.И. Купцова. М., 1989. С. 648–649.

¹⁰²⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1469. Л. 41.

¹⁰²⁷ *Радзинский Э.* Сталин. М., 1997. С. 284.

¹⁰²⁸ *Чуев Ф.* Молотов. С. 652.

¹⁰²⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1468. Л. 67.

¹⁰³⁰ *Радзинский Э.* Сталин. С. 285.

¹⁰³¹ *Молотов В. М.* К технической интеллигенции / *Молотов В. М.* В борьбе за социализм. С. 359.

¹⁰³² *Толстой А.* Собр. соч. Т. 13. М., 1949. С. 326.

¹⁰³³ *Чуев Ф.* Молотов. С. 660.

¹⁰³⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 742. Л. 28–34; Сталин и Каганович.

Переписка. С. 436–437.

¹⁰³⁵ *Громов Е. С.* Сталин: власть и искусство. М., 1998. С. 281.

¹⁰³⁶ *Mandelstam N.* Hope Against Hope. N.Y., 1970. P. 160.

¹⁰³⁷ Цит. по: *Громов Е. С.* Сталин: власть и искусство. С. 279.

¹⁰³⁸ *Утесов Л.* С песней по жизни. М., 2009. С. 310.

¹⁰³⁹ *Громов Е. С.* Сталин: власть и искусство. С. 190.

¹⁰⁴⁰ *Радзинский Э.* Сталин. С. 289.

¹⁰⁴¹ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: Город. М., 2001. С. 136–137.

¹⁰⁴² *Назаров О.* Патриотизм как ценностное основание Российской государственности (опыт 1930-х гг.) / Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. М., 2013. С. 889–891.

¹⁰⁴³ *Жид А.* Возвращение из СССР / Москва сталинская. М., 2015. С. 76, 77.

¹⁰⁴⁴ *Фон Дирксен Г.* Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М., 2001. С. 152.

¹⁰⁴⁵ *Кейтель В.* Мемуары фельдмаршала. Победы и поражения вермахта. 1938–1945. М., 2004. С. 11.

¹⁰⁴⁶ *Молотов В. М.* О выполнении первой пятилетки / *Молотов В. М.* В борьбе за социализм. С. 262.

¹⁰⁴⁷ *Офицеров-Бельский Д. В.* Советско-польский пакт о ненападении 1932 года в свете новых источников // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 217–219.

¹⁰⁴⁸ *Молотов В. М.* Речь при открытии XVII конференции / *Молотов В. М.* В борьбе за социализм. С. 278.

¹⁰⁴⁹ *Горохов В. Н.* История международных отношений. 1918–1939. М., 2004. С. 208–210.

¹⁰⁵⁰ *Молотов В. М.* К IX съезду профсоюзов / *Молотов В. М.* В борьбе за социализм. С. 329.

¹⁰⁵¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 77. Л. 54; Сталин и Каганович. Переписка. С. 160.

¹⁰⁵² Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 240–241.

¹⁰⁵³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 77. Л. 70, 76, 76 об.; Сталин и Каганович. Переписка. С. 182, 184.

¹⁰⁵⁴ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 240.

¹⁰⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 77. Л. 110–111; Сталин и Каганович. Переписка. С. 199–200.

¹⁰⁵⁶ Молотов В. М. Итоги пятилетки и план 1933 года / Молотов В. М. В борьбе за социализм. С. 413.

¹⁰⁵⁷ Цит. по: Горлов С. Совершенно секретно: Альянс Москва – Берлин. 1920–1933. М., 2001. С. 295–296.

¹⁰⁵⁸ Бредель В. Эрнст Тельман. Политическая биография. М., 1952. С. 162–188.

¹⁰⁵⁹ О беседе Гитлера с Зельдте // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 222.

¹⁰⁶⁰ Молотов В. М. О народнохозяйственном плане на 1934 г. / Молотов В. М. В борьбе за социализм. С. 486.

¹⁰⁶¹ Бордюгов Г. А. Гитлер приходит к власти: новые доминанты внешнеполитических решений сталинского руководства. 1933–1934 гг. // Отечественная история. 1999. № 2. С. 31.

¹⁰⁶² Там же. С. 31–32.

¹⁰⁶³ Молотов В. М. О народнохозяйственном плане на 1934 г. / Молотов В. М. В борьбе за социализм. С. 484–485.

¹⁰⁶⁴ Сафронов В. П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931–1945 гг. М., 2001. С. 99–100, 106–107.

¹⁰⁶⁵ Лубянка: Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003. С. 545–547.

¹⁰⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 81. Л. 122; Сталин и Каганович. Переписка. С. 382.

¹⁰⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 100. Л. 131–134; Сталин и Каганович. Переписка. С. 396–397.

¹⁰⁶⁸ Молотов В. М. К годовщине Октябрьской революции / Молотов В. М. В борьбе за социализм. С. 461.

¹⁰⁶⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 238. Л. 55–59, 53; Москва – Рим. Политика и дипломатия Кремля, 1929–1939 / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2003. С. 315, 320–321.

¹⁰⁷⁰ Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1927–1933. М., 2002. С. 704–705.

¹⁰⁷¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 82. Л. 2; Сталин и Каганович. Переписка. С. 390.

¹⁰⁷² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 82. Л. 2, 5–7, 29; Сталин и Каганович. Переписка. С. 390–393, 398.

¹⁰⁷³ Документы внешней политики СССР. Т. XVI. М., 1972. С. 589–592, 595–596.

¹⁰⁷⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 291. Л. 172–173; Москва – Вашингтон. Т. 3. С. 41–42.

¹⁰⁷⁵ АП РФ. Л. 174–179, 183–184; Москва – Вашингтон. Т. 3. С. 42–46, 48–49.

¹⁰⁷⁶ АП РФ. Л. 186; Москва – Вашингтон: политика и дипломатия Кремля, 1921–1941. Т. 3. М., 2009. С. 51.

¹⁰⁷⁷ АП РФ. Д. 292. Л. 4; Москва – Вашингтон. Т. 3. С. 64.

¹⁰⁷⁸ Молотов В. М. Отчетный доклад о работе правительства VII съезду Советов СССР / Молотов В. М. Статьи и речи. 1935–1936. С. 17.

¹⁰⁷⁹ Сафронов В. П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931–1945 гг. М., 2001. С. 130–131.

- ¹⁰⁸⁰ Там же. С.104–106, 142, 146.
- ¹⁰⁸¹ Документы внешней политики СССР. Т. XVI. С. 876–877.
- ¹⁰⁸² Gay G. Molotov. L., 1942. 38–39.
- ¹⁰⁸³ Орлов Б. М. В поисках союзников: командование Красной армии и проблемы внешней политики в 30-е гг. // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 47.
- ¹⁰⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 80. Л. 31; Сталин и Каганович. Переписка. С. 313.
- ¹⁰⁸⁵ Молотов В. М. О народнохозяйственном плане на 1934 г. / Молотов В. М. В борьбе за социализм. С. 484.
- ¹⁰⁸⁶ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 1934. С. 13–14.
- ¹⁰⁸⁷ Молотов В. М. О народнохозяйственном плане на 1934 г. / Молотов В. М. В борьбе за социализм. С. 484.
- ¹⁰⁸⁸ Манусевич А. Я. Очерки по истории Польши. М., 1952. С. 322.
- ¹⁰⁸⁹ Случ С. З. Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Отечественная история. 2005. № 1. С. 99.
- ¹⁰⁹⁰ Манусевич А. Я. Очерки по истории Польши. С. 324.
- ¹⁰⁹¹ Молотов В. М. Отчетный доклад о работе правительства VII съезду Советов СССР / Молотов В. М. Статьи и речи. 1935–1936. С. 20, 21.
- ¹⁰⁹² Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М., 2008. С. 31.
- ¹⁰⁹³ Молотов В. М. Отчетный доклад о работе правительства VII съезду Советов СССР / Молотов В. М. Статьи и речи. 1935–1936. С. 18.
- ¹⁰⁹⁴ Там же. С. 13–14.
- ¹⁰⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 967. Л. 1–3; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 688–691.
- ¹⁰⁹⁶ Макдермотт К., Агню Дж. Коминтерн: История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000. С. 139.
- ¹⁰⁹⁷ Димитров Г. Лейпцигский процесс. М., 1939. С. 191–192.
- ¹⁰⁹⁸ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. С. 713.
- ¹⁰⁹⁹ Молотов В. М. Отчетный доклад о работе правительства VII съезду Советов СССР / Молотов В. М. Статьи и речи. 1935–1936. С. 11, 12.
- ¹¹⁰⁰ Троцкий против Сталина. Эмигрантский архив Л. Д. Троцкого. 1929–1932 / Ред.-сост. Ю Г. Фельштинский. М., 2014. С. 574.
- ¹¹⁰¹ Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1988. С. 410; Роговин В. З. Власть и оппозиция. М., 1993. С. 260–261, 271–288; Волков Ф. Д. Взлет и падение Сталина. М., 1992. С. 103.
- ¹¹⁰² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 53. Л. 165, 183–184; Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1923–1938 гг. Т. 3. 1928–1938 гг. М., 2007. С. 594–595, 604.
- ¹¹⁰³ Хлевнюк О. В. Политбюро. М., 1996. С. 76; Роговин В. З. Власть и оппозиция. С. 289–291; Радзинский Э. Сталин. М., 1997. С. 292–293.
- ¹¹⁰⁴ Роговин В. З. Власть и оппозиция. С. 298–299.
- ¹¹⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 53. Л. 174, 177, 185–186; Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Т. 3. С. 599, 600, 604.
- ¹¹⁰⁶ Роговин В. З. Власть и оппозиция. С. 304–307.
- ¹¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 145–151; Сталин и Каганович. Переписка. С. 274.
- ¹¹⁰⁸ Молотов В. М. Итоги пятилетки и план 1933 г. / Молотов В. М. В борьбе за социализм. С. 425.

- ¹¹⁰⁹ Молотов В. М. Речь при открытии XVII конференции / Молотов В. М. В борьбе за социализм. С. 278.
- ¹¹¹⁰ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009. С. 32–33, 35, 36.
- ¹¹¹¹ Молотов В. М. Борьба за социализм и борьба за мир / Молотов В. М. В борьбе за социализм. С. 150–151.
- ¹¹¹² Прудникова Е., Колпакиди А. Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий. М., 2006. С. 134.
- ¹¹¹³ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии. С. 34.
- ¹¹¹⁴ Меморандум германскому правительству о необходимости поддерживать белогвардейские организации. 10 июня 1933 г. // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 223, 225, 229.
- ¹¹¹⁵ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии. С. 106–107.
- ¹¹¹⁶ Бордюгов Г. А. Гитлер приходит к власти. С. 41.
- ¹¹¹⁷ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 158.
- ¹¹¹⁸ Хлевнюк О. В. Политбюро. С. 109–110.
- ¹¹¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165. Д. 47. Л. 154–164; Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998. С. 162.
- ¹¹²⁰ Роговин В. З. Сталинский неонэп. С. 72.
- ¹¹²¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 407. Л. 5; Сталин и Каганович. С. 411.
- ¹¹²² Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003. С. 550.
- ¹¹²³ Там же. С. 551.
- ¹¹²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 17. Л. 43; Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 65.
- ¹¹²⁵ Цит. по: Соколов Б. В. Молотов. Тень вождя. М., 2005. С. 66–67.
- ¹¹²⁶ О так называемом «параллельном антисоветском троцкистском центре» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 47.
- ¹¹²⁷ Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М.; СПб., 2015. С. 144–145, 189.
- ¹¹²⁸ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 302.
- ¹¹²⁹ Там же. С. 312.
- ¹¹³⁰ Там же. С. 310.
- ¹¹³¹ Толстой А. Сочинения. Т. 13. М., 1949. С. 90, 91.
- ¹¹³² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 310–311.
- ¹¹³³ Микоян А. И. Так было. С. 316.
- ¹¹³⁴ Чуев Ф. Молотов. С. 378.
- ¹¹³⁵ Молотов В. М. Памяти С. М. Кирова / Молотов В. М. Статьи и речи. 1935–1936. С. 93, 95.
- ¹¹³⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 198. Л. 2; Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. С. 578–579.
- ¹¹³⁷ Кирилина А. Неизвестный Киров. М., 2001. С. 294–295, 285.
- ¹¹³⁸ Молотов В. М. Отчетный доклад о работе правительства VII съезду Советов СССР / Молотов В. М. Статьи и речи. 1935–1936. С. 25, 26, 51.
- ¹¹³⁹ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М., 2011. С. 452.
- ¹¹⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1469. Л. 48.

Глава шестая

- ¹¹⁴¹ Молотов В. М. Памяти В. В. Куйбышева / Молотов В. М. Статьи и речи. 1935–1936. М., 1937. С. 98.
- ¹¹⁴² Цит. по: Жуков Ю. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2010. С. 120–121.
- ¹¹⁴³ Молотов В. М. Отчетный доклад о работе правительства VII съезду Советов СССР / Молотов В. М. Статьи и речи. 1935–1936. С. 14–15, 28–29, 41–42, 60.
- ¹¹⁴⁴ Молотов В. М. Об изменениях в Советской конституции / Молотов В. М. Статьи и речи. 1935–1936. С. 74, 76–78, 80–84, 91.
- ¹¹⁴⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 174. Л. 84–86; Лубянка: Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2006. С. 670–671.
- ¹¹⁴⁶ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998. С. 168–169.
- ¹¹⁴⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 5. Л. 144–145; Лубянка: Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. С. 676–677.
- ¹¹⁴⁸ Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 149–150.
- ¹¹⁴⁹ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. М., 1995. С. 253–234.
- ¹¹⁵⁰ Жуков Ю. Иной Сталин. С. 194–197.
- ¹¹⁵¹ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 288–289.
- ¹¹⁵² Хлевнюк О. В. Политбюро. С. 150–153.
- ¹¹⁵³ Молотов В. М. Статьи и речи. 1935–1936. С. 162, 163.
- ¹¹⁵⁴ Хлевнюк О. В. Политбюро. С. 155.
- ¹¹⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 976. Л. 2, 89–91; ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. С. 178–180.
- ¹¹⁵⁶ Цит. по: Радзинский Э. Сталин. М., 1997. С. 389.
- ¹¹⁵⁷ Молотов В. М. Третий пятилетний план развития народного хозяйства (1938–1942). Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), 14–17 мая 1939 г. М., 1939. С. 51.
- ¹¹⁵⁸ Жуков Ю. Иной Сталин. С. 198–199.
- ¹¹⁵⁹ Молотов В. М. План и наши задачи / Молотов В. М. Статьи и речи. 1935–1936. С. 175.
- ¹¹⁶⁰ Молотов В. М. К 20-летию Октябрьской революции // Правда. 1937. 10 ноября.
- ¹¹⁶¹ Листов Я. Защитник русского Крыма // Правда. 2008. 8–11 августа.
- ¹¹⁶² Молотов В. М. Третий пятилетний план развития народного хозяйства (1938–1942). С. 10.
- ¹¹⁶³ Lewis R. A. Some Aspects of the Research and Development Effort in the Soviet Union, 1924–1935 // Science Studies. 1972. No. 2. P. 164.
- ¹¹⁶⁴ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1952. М., 2000. С. 189.
- ¹¹⁶⁵ Там же. С. 247–248.
- ¹¹⁶⁶ Там же. С. 216–224.
- ¹¹⁶⁷ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 2. С. 109.
- ¹¹⁶⁸ Барбюс А. Сталин. М., 1936. С. 260.
- ¹¹⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 720 Л. 121; Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. М., 2005. С. 420.

- ¹¹⁷⁰ *Молотов В. М. Памяти А. М. Горького / Молотов В. М. Статьи и речи. 1935–1936. С. 237.*
- ¹¹⁷¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 94. Л. 24; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 662–663.
- ¹¹⁷² *Жуков Ю. Иной Сталин. С. 278–279.*
- ¹¹⁷³ *Антонов-Овсеенко А. Театр Иосифа Сталина. М., 2000. С. 173.*
- ¹¹⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1468. Л. 49.
- ¹¹⁷⁵ *О Генеральном плане реконструкции гор. Москвы // Коммерсантъ–Власть. 2005. 4 июля. С. 56.*
- ¹¹⁷⁶ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 17. Д. 313. Л. 10–11; Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 36–37.
- ¹¹⁷⁷ *Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М., 1999. С. 650.*
- ¹¹⁷⁸ *Такер Р. Сталин у власти. История и личность. 1928–1941. М., 1997. С. 485–486, 490.*
- ¹¹⁷⁹ *Сто сорок бесед с Молотовым. С. 311.*
- ¹¹⁸⁰ *Мартин Т. Империя «Положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М., 2011. С. 630.*
- ¹¹⁸¹ *Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 166–168.*
- ¹¹⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 997. Л. 103–107; ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 391–394.
- ¹¹⁸³ *Мартин Т. Империя «Положительной деятельности». С. 628, 629.*
- ¹¹⁸⁴ *Борисенок Е. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006. С. 192.*
- ¹¹⁸⁵ *Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства / Отв. ред. Т. Ю. Красовицкая, В. А. Тишков. М., 2012. С. 257.*
- ¹¹⁸⁶ *Речь тов. Молотова; Речь тов. Сталина // Правда. 1935. 6 декабря.*
- ¹¹⁸⁷ *Сироткин В. Сталин. Как заставить людей работать? М., 2004. С. 180.*
- ¹¹⁸⁸ *Молотов В. М. Конституция социализма / Молотов В. М. Статьи и речи 1935–1936. С. 263.*
- ¹¹⁸⁹ *Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. М., 2001. С. 137.*
- ¹¹⁹⁰ *Толстой А. Сочинения. Т. 13. М., 1949. С. 235.*
- ¹¹⁹¹ *Радзинский Э. Сталин. С. 355.*
- ¹¹⁹² *Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. М., 1995. С. 252.*
- ¹¹⁹³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 90. Л. 6–12; Сталин и Каганович. Переписка. С. 575–576.
- ¹¹⁹⁴ *Фейхтвангер Л. Москва 1937 / Москва сталинская. М., 2015. С. 151.*
- ¹¹⁹⁵ *Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 57.*
- ¹¹⁹⁶ *Жид А. Возвращение из СССР / Москва сталинская. С. 90, 91.*
- ¹¹⁹⁷ *Молотов В. М. О стахановском движении и культурности рабочего класса / Молотов В. М. Статьи и речи. 1935–1936. С. 101, 108–109, 114–116.*
- ¹¹⁹⁸ *Молотов В. М. О строительстве и задачах строителей / Молотов В. М. Статьи и речи. 1935–1936. М., 1937. С. 137, 139–142.*

- ¹¹⁹⁹ *Молотов В. М. План и наши задачи / Молотов В. М. Статьи и речи. 1935–1936. С. 144–145, 158–159.*
- ¹²⁰⁰ *Watson D. Molotov & Soviet Government. L., 1996. P. 127–128.*
- ¹²⁰¹ *Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. N.Y., 1987. P. 296.*
- ¹²⁰² АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 344. Л. 2–4; Москва – Вашингтон: политика и дипломатия Кремля. 1921–1941. Т. 3. М., 2009. С. 286–290.
- ¹²⁰³ *Кулагин К. Что нам стоит флот построить? Варианты создания военно-морского потенциала СССР в довоенную эпоху // Родина. № 5. 2007. С. 79–80.*
- ¹²⁰⁴ *Отечественный военно-промышленный комплекс и его историческое развитие / Под ред. О. Д. Бакланова, О. К. Рогозина. М., 2005. С. 460.*
- ¹²⁰⁵ *Соколов А. К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917–1941 гг. М., 2012. С. 343–345.*
- ¹²⁰⁶ *Грабин В. Г. Оружие победы. М., 2000. С. 206.*
- ¹²⁰⁷ *Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М., 2001. С. 208; АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 344. Л. 50, 49; Москва–Вашингтон. Т. 3. С. 353, 362; Соколов А. К. От военпрома к ВПК. С. 352–353.*
- ¹²⁰⁸ *Самуэльсон Л. Танкоград: секреты русского тыла. 1917–1953. М., 2010. С. 146, 147.*
- ¹²⁰⁹ *Соколов А. К. От военпрома к ВПК. С. 357–360.*
- ¹²¹⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 348. Л. 123, 103–105; Д. 349. Л. 101–103; Москва – Вашингтон. Т. 3. С. 238, 278–279, 373–375.
- ¹²¹¹ *Штайнер М. Гитлер. М., 2010. С. 350.*
- ¹²¹² *Мельтюхов М. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу. 1939–1941 гг. М., 2008. С. 21.*
- ¹²¹³ *Eden A. Facing the Dictators. Boston, 1962. P. 170–171, 179.*
- ¹²¹⁴ *Молотов В. М. План и наши задачи / Молотов В. М. Статьи и речи. 1935–1936. С. 168–169.*
- ¹²¹⁵ *Наумов А. О. Кризис Версальской системы. 1936–1938. М., 2005. С. 30.*
- ¹²¹⁶ *Молотов В. М. Статьи и речи. 1935–1936. С. 168–169.*
- ¹²¹⁷ *Манусевич А. Я. Очерки по истории Польши. М., 1953. С. 324.*
- ¹²¹⁸ *Мацкевич С. Политика Бека. М., 2010. С. 108–109.*
- ¹²¹⁹ *Молотов В. М. План и наши задачи / Молотов В. М. Статьи и речи. 1935–1936. С. 170–171.*
- ¹²²⁰ Там же. С. 175–177.
- ¹²²¹ *Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М., 1994. С. 285.*
- ¹²²² *Беседа с главным редактором французской газеты «Ган» г. Шансенэ / Молотов В. М. Статьи и речи. 1935–1936. С. 229–233.*
- ¹²²³ *Жуков Ю. Иной Сталин. С. 215.*
- ¹²²⁴ *Прокаччи Дж. История итальянцев. М., 2012. С. 490.*
- ¹²²⁵ *Прудникова Е., Колпакиди А. Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий. М., 2006. С. 194–195.*
- ¹²²⁶ *Лубянка: Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. С. 628–629, 650; Жуков Ю. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003. С. 149–151.*
- ¹²²⁷ *Жуков Ю. Иной Сталин. С. 142–143.*
- ¹²²⁸ *Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009. С. 59.*

- ¹²²⁹ Прудникова Е. А. Творцы террора. М., 2014. С. 68.
- ¹²³⁰ О так называемом «параллельном антисоветском троцкистском центре» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 36.
- ¹²³¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 226. Л. 159–161; Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. С. 764–765.
- ¹²³² Жуков Ю. Иной Сталин. С. 240–241.
- ¹²³³ Цит. по: Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. Нью-Йорк–Иерусалим–Париж, 1983. С. 154–159.
- ¹²³⁴ Бюллетень оппозиции. 1937. № 58–59. С. 18.
- ¹²³⁵ Хлевнюк О. В. Политбюро. С. 167.
- ¹²³⁶ Радзинский Э. Сталин. С. 364.
- ¹²³⁷ Залесский В. А. Империя Сталина. С. 324.
- ¹²³⁸ Конквест Р. Большой террор. Т. I. Рига, 1991. С. 155.
- ¹²³⁹ Montefiore S. Stalin. The Court of the Red Tsar. L., 2003. P. 168.
- ¹²⁴⁰ Watson D. Molotov & Soviet Government. P. 160–161.
- ¹²⁴¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 93. Л. 32–33; Сталин и Каганович. Переписка. С. 634–635.
- ¹²⁴² Жуков Ю. Иной Сталин. С. 243.
- ¹²⁴³ Хлевнюк О. В. Политбюро. С. 204–205.
- ¹²⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 93. Л. 14, 14 об.; Сталин и Каганович. Переписка. С. 661.
- ¹²⁴⁵ РГАСПИ. Д. 94. Л. 14, 14 об., 32–39; Сталин и Каганович. Переписка. С. 660–661, 664–665.
- ¹²⁴⁶ РГАСПИ. Л. 124–127; Сталин и Каганович. Переписка. С. 682–683.
- ¹²⁴⁷ Полянский А. И. Ежов. История «железного» сталинского наркома. М., 2001. С. 43.
- ¹²⁴⁸ О так называемом «параллельном антисоветском троцкистском центре» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 39.
- ¹²⁴⁹ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии. С. 93.
- ¹²⁵⁰ Фейхтвангер Л. Москва 1937 / Москва сталинская. С. 205.
- ¹²⁵¹ Жуков Ю. Иной Сталин. С. 256.
- ¹²⁵² Наумов А. О. Кризис Версальской системы. 1936–1938. М., 2005. С. 90.
- ¹²⁵³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 95. Л. 85; Сталин и Каганович. Переписка. С. 698.
- ¹²⁵⁴ РГАСПИ. Л. 90–94; Сталин и Каганович. Переписка. С. 699–700.
- ¹²⁵⁵ Такер Р. Сталин у власти. История и личность. 1928–1941. М., 1997. С. 318–319.
- ¹²⁵⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 223. Л. 86; Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР и гражданская война в Испании: 1936–1939 годы. М., 2013. С. 191.
- ¹²⁵⁷ К положению в Германии // Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 233–234.
- ¹²⁵⁸ Наумов А. О. Кризис Версальской системы. С. 191–194.
- ¹²⁵⁹ Молотов В. М. Конституция социализма / Молотов В. М. Статьи и речи. 1935–1936. С. 264.
- ¹²⁶⁰ Там же. С. 261–263.
- ¹²⁶¹ Там же. С. 257, 266.
- ¹²⁶² Толстой А. Н. Сочинения. Т. 13. С. 150–151.
- ¹²⁶³ Молотов В. М. Конституция социализма / Молотов В. М. Статьи и речи. 1935–1936. С. 245–247, 255, 246–249, 251, 268.

- ¹²⁶⁴ Жуков Ю. Иной Сталин. С. 310–322.
- ¹²⁶⁵ Фейхтвангер Л. Москва 1937. С. 235–236.
- ¹²⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2097. Л. 172–173; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 5. Кн. 1. М., 2004. С. 138–140.
- ¹²⁶⁷ Хлевнюк О. В. Политбюро. С. 182–186.
- ¹²⁶⁸ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 191.
- ¹²⁶⁹ Молотов В. М. Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецких агентов. М., 1937. С. 5, 43.
- ¹²⁷⁰ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 13.
- ¹²⁷¹ Доклад И. В. Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б). 3 марта 1937 г. / Лубянка. Сталин и Главное управление безопасности НКВД. 1937–1938. М., 2004. С. 107.
- ¹²⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 612. Вып. III. Л. 49 об. – 50; Жуков Ю. Иной Сталин. С. 364–365.
- ¹²⁷³ РГАСПИ. Оп. 163. Д. 1141. Л. 68–69; Жуков Ю. Иной Сталин. С. 368.
- ¹²⁷⁴ Жуков Ю. Иной Сталин. С. 388–389.
- ¹²⁷⁵ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии. С. 110.
- ¹²⁷⁶ Цит. по: Прудникова Е., Колпакиди А. Двойной заговор. С. 463–464.
- ¹²⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 986. Л. 16–17; Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 55.
- ¹²⁷⁸ Цит. по: Хлевнюк О. В. Политбюро. С. 238.
- ¹²⁷⁹ Watson D. Molotov and Soviet Government. P. 132–133.
- ¹²⁸⁰ Хлевнюк О. В. Политбюро. С. 251.
- ¹²⁸¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 418.
- ¹²⁸² Шелленберг В. Лабиринт. М., 1991. С. 37, 38.
- ¹²⁸³ Memoirs of Dr. Eduard Benes. Cambridge, 1954. P. 19–20, 49.
- ¹²⁸⁴ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 441–442.
- ¹²⁸⁵ Рыбас С. Сталин. М., 2010. С. 472; Жуков Ю. Иной Сталин. М., 2010. С. 374–375.
- ¹²⁸⁶ Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 286.
- ¹²⁸⁷ Жуков Ю. Иной Сталин. С. 396–397.
- ¹²⁸⁸ Рыбас С. Сталин. С. 478.
- ¹²⁸⁹ Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР. Генеральный комиссар безопасности. Сборник документов. Казань, 1997. С. 172–173.
- ¹²⁹⁰ Прудникова Е., Колпакиди А. Двойной заговор. С. 469–470.
- ¹²⁹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 987. Л. 79; Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. С. 156.
- ¹²⁹² Цит. по: Кантор Ю. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии 20–30-х годов. М., 2014. С. 162–163.
- ¹²⁹³ Источник. 1994. № 3. С. 76–78.
- ¹²⁹⁴ Троцкий Л. Д. Преступления Сталина. М., 1994. С. 231.
- ¹²⁹⁵ Жуков Ю. Иной Сталин. С. 422–423.
- ¹²⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 616. Л. 187–188; Жуков Ю. Иной Сталин. С. 431–432.
- ¹²⁹⁷ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. С. 39, 42, 259–269.
- ¹²⁹⁸ Документы внешней политики СССР. Т. XX. М., 1976. С. 698, 702–703.

- ¹²⁹⁹ Вестник МГИМО – Университета. 2009. № 5. С. 239.
- ¹³⁰⁰ Секреты польской политики 1935–1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. М., 2010. С. 178–183.
- ¹³⁰¹ Прибалтика и геополитика. 1935–1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. М., 2009. С. 79.
- ¹³⁰² Там же. С. 80.
- ¹³⁰³ Наумов А. О. Кризис Версальской системы. С. 134–135.
- ¹³⁰⁴ Там же. С. 118.
- ¹³⁰⁵ Feiling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1942. P. 279.
- ¹³⁰⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 232. Л. 38–40; СССР и гражданская война в Испании. С. 288–290.
- ¹³⁰⁷ Молотов В. М. К 20-летию Октябрьской революции // Правда. 1937. 10 ноября.
- ¹³⁰⁸ Davis J. Mission to Moscow. N.Y., 1941. P. 84–85.
- ¹³⁰⁹ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 274. Л. 31–32; Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 337–338.
- ¹³¹⁰ Макклейн Дж. Япония. От сегуната Токугавы – в XXI век. М., 2011. С. 619.
- ¹³¹¹ Сафронов В. П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931–1945 гг. М., 2001. С. 180–181.
- ¹³¹² Молотов В. М. К 20-летию Октябрьской революции // Правда. 1937. 10 ноября.
- ¹³¹³ Фейхтвангер Л. Москва 1937. С. 210, 211.
- ¹³¹⁴ Хрущев Н. С. Воспоминания. М., 1997. С. 43.
- ¹³¹⁵ Антонов-Овсеенко А. Театр Иосифа Сталина. М., 2000. С. 91.
- ¹³¹⁶ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии. С. 237, 239.
- ¹³¹⁷ Судоплатов П. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. С. 191.
- ¹³¹⁸ Аросева О. А., Максимова В. А. Без грима. М., 1998. С. 86.
- ¹³¹⁹ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. С. 236–237.
- ¹³²⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 212. Л. 55, 59–78; Лубянка. Сталин и Главное управление безопасности НКВД. 1937–1938. С. 273–281.
- ¹³²¹ Хлевнюк О. В. Политбюро. С. 190.
- ¹³²² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 253. Л. 143–144; Лубянка. Сталин и Главное управление безопасности НКВД. 1937–1938. С. 270–272.
- ¹³²³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 417.
- ¹³²⁴ ЛАМ. Пап. 50. Док. 11.
- ¹³²⁵ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 391.
- ¹³²⁶ Там же. С. 405.
- ¹³²⁷ Фейхтвангер Л. Москва 1937. С. 224.
- ¹³²⁸ ЛАМ. Пап. 50. Док. 11.
- ¹³²⁹ Там же.
- ¹³³⁰ Там же. Пап. 20. Док. 2.
- ¹³³¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 400.
- ¹³³² ЛАМ. Пап. 36. Док. 12.
- ¹³³³ Соколов Б. В. Молотов. Тень вождя. М., 2005. С. 67–68.
- ¹³³⁴ ЛАМ. Пап. 11. Док. 14.
- ¹³³⁵ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 392.

- ¹³³⁶ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. С. 220.
- ¹³³⁷ *Хлевнюк О. В.* Политбюро. С. 241–243.
- ¹³³⁸ *Watson D.* Molotov and Soviet Government. P. 168–169.
- ¹³³⁹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 478.
- ¹³⁴⁰ *Смиртюков М.* «До 90 лет он ездил в поликлинику на электричке» // Коммерсантъ–Власть. 2000. 21 марта. С. 48.
- ¹³⁴¹ *Куманев Г. А.* Рядом со Сталиным. М., 2001. С. 94–95.
- ¹³⁴² Сто сорок бесед с Молотовым. С. 437.
- ¹³⁴³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 82. Д. 66. Л. 14–15; Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999. С. 392.
- ¹³⁴⁴ *Васильева Л.* Кремлевские жены. М.; Кишинев, 1993. С. 331.
- ¹³⁴⁵ *Смиртюков М.* «До 90 лет он ездил в поликлинику на электричке» // Коммерсантъ–Власть. 2000. 21 марта. С. 48.
- ¹³⁴⁶ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 413.
- ¹³⁴⁷ *Жуков Ю.* Иной Сталин. С. 468–487.
- ¹³⁴⁸ *Молотов В. М.* К 20-летию Октябрьской революции // Правда. 1937. 10 ноября.
- ¹³⁴⁹ Индустриализация Советского Союза. Т. II. М., 1999. С. 8.
- ¹³⁵⁰ *Лельчук В.* Индустриализация / Переписка на исторические темы: диалог ведет читатель. М., 1989. С. 351.
- ¹³⁵¹ *Молотов В. М.* Третий пятилетний план развития народного хозяйства (1938–1942). С. 7–10, 37–38.
- ¹³⁵² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 92. Д. 101. Л. 248; Оп. 36. Д. 276. Л. 1–11, 31; Индустриализация Советского Союза. Т. II. С. 6–7, 172–178.
- ¹³⁵³ *Молотов В. М.* Третий пятилетний план развития народного хозяйства (1938–1942). С. 20, 8.
- ¹³⁵⁴ *Байбаков Н.* От Сталина до Ельцина. М., 1998. С. 18.
- ¹³⁵⁵ *Молотов В. М.* Третий пятилетний план развития народного хозяйства (1938–1942). С. 14, 15.
- ¹³⁵⁶ *Watson D.* Molotov and the Soviet Government. P. 136.
- ¹³⁵⁷ *Хлевнюк О. В.* Политбюро. С. 225.
- ¹³⁵⁸ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. С. 161, 162.
- ¹³⁵⁹ *Montefiore S.* Stalin. The Court of the Red Tsar. L., 2003. P. 222.
- ¹³⁶⁰ *Молотов В. М.* Речи на Первой сессии Верховного Совета СССР. М., 1938. С. 3–11.
- ¹³⁶¹ Судебный отчет по делу антисоветского право-троцкистского блока. СПб., 2014. С.16.
- ¹³⁶² Москва – Вашингтон: политика и дипломатия Кремля, 1921–1941. Т. 3. М., 2009. С. 568–569.
- ¹³⁶³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 414.
- ¹³⁶⁴ *Хлевнюк О. В.* Политбюро. С. 228–229.
- ¹³⁶⁵ *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии. С. 177.
- ¹³⁶⁶ *Смиртюков М.* «До 90 лет он ездил в поликлинику на электричке» // Коммерсантъ–Власть. 2000. 21 марта. С. 47–48.
- ¹³⁶⁷ *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии. С. 309.
- ¹³⁶⁸ *Жуков Ю. Н.* Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 61, 65, 67–69.
- ¹³⁶⁹ *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии. С. 323.
- ¹³⁷⁰ *Молотов В. М.* 21-ая годовщина Октябрьской революции // Правда. 1938. 7 ноября.

- ¹³⁷¹ Хлевнюк О. В. Политбюро. С. 212.
- ¹³⁷² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. С. 606–609.
- ¹³⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1004. Л. 6, 51; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. С. 624–625.
- ¹³⁷⁴ Прудникова Е. А. Хрущев. Творцы террора. М., 2007. С. 86–87, 114.
- ¹³⁷⁵ Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М., 2001. С. 214; Мильтюхов М. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу 1939–1941. М., 2008. С. 280.
- ¹³⁷⁶ Осборн Р. Цивилизация. Новая история западного мира. М., 2008. С. 662.
- ¹³⁷⁷ История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 2. М., 1974. С. 72.
- ¹³⁷⁸ Молотов В. М. Речи на Первой сессии Верховного Совета СССР. С. 9.
- ¹³⁷⁹ Наумов А. О. Кризис Версальской системы. С. 114–115.
- ¹³⁸⁰ Там же. С. 201–203.
- ¹³⁸¹ Молодяков В. Э. Риббентроп. Упрямый советник фюрера. М., 2008. С. 118.
- ¹³⁸² Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. С. 56–57.
- ¹³⁸³ Кейтель В. Мемуары фельдмаршала. Победы и поражения вермахта. 1938–1945. М., 2004. С. 67.
- ¹³⁸⁴ Назаров О. Помнить о Мюнхене // РФ сегодня. 2013. № 18. С. 47–48.
- ¹³⁸⁵ Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 122–124.
- ¹³⁸⁶ Жирохов М. А. Большое небо дальней авиации. Советские дальние бомбардировщики в Великой Отечественной войне. 1941–1945. М., 2014. С. 41–42.
- ¹³⁸⁷ Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV. Кн. 1. М., 2000. С. 12.
- ¹³⁸⁸ Наумов А. О. Кризис Версальской системы. С. 249–251.
- ¹³⁸⁹ Новые документы из истории Мюнхена. Т. 2. М., 1958. С. 99, 103.
- ¹³⁹⁰ Назаров О. Помнить о Мюнхене. С. 49.
- ¹³⁹¹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. Т. 1. М., 1981. С. 241.
- ¹³⁹² Молотов В. М. 21-ая годовщина Октябрьской революции // Правда. 1938. 7 ноября.
- ¹³⁹³ Захаров М. Генеральный штаб. М., 1990. С. 120–131.
- ¹³⁹⁴ Молодяков В. Э. Риббентроп. С. 132.
- ¹³⁹⁵ Davis J. Mission to Moscow. N.Y., 1941. P. 355.
- ¹³⁹⁶ Такер Р. Сталин у власти. История и личность. 1928–1941. М., 1997. С. 472.
- ¹³⁹⁷ Davis J. Mission to Moscow. P. 353–354.
- ¹³⁹⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 294. Л. 77; Москва – Вашингтон. Т. 3. С. 585–586.
- ¹³⁹⁹ Сафронов В. П. СССР, США и японская агрессия. С. 201.
- ¹⁴⁰⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 294. Л. 81–81 об.; Москва – Вашингтон. Т. 3. С. 590–591.

¹⁴⁰¹ Позняков В. В. Тайная война Иосифа Сталина: советские разведывательные службы в США накануне и в начале холодной войны. 1943–1945 / Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М., 1999. С. 189.

¹⁴⁰² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 7. Д. 64. Л. 17–18; Документы внешней политики СССР. 1939. Т. XXII. Кн. 1. М., 1992. С. 39.

¹⁴⁰³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 234. Л. 186, 194–198; СССР и гражданская война в Испании. С. 429.

¹⁴⁰⁴ АВП. Ф. 059. Оп. 1. П. 294. Д. 2032. Л. 19а; Документы внешней политики СССР. 1939. Т. XXII. Кн. 1. С. 67.

¹⁴⁰⁵ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большеви-ков). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 13.

¹⁴⁰⁶ ЛАМ. Пап. 29. Док. 5.

¹⁴⁰⁷ Молотов В. М. Третий пятилетний план развития народного хозяйства (1938–1942). С. 18, 19, 21 23–25, 35–43, 48, 49.

¹⁴⁰⁸ Harrison M. Accounting for War: Soviet Production, Employment and the Defence Burden, 1940–1945. Cambridge, 1996. P. 124.

¹⁴⁰⁹ Хлевнюк О. В. Политбюро. С. 244.

¹⁴¹⁰ Молотов В. М. Третий пятилетний план развития народного хозяйства (1938–1942). С. 53, 55–56.

¹⁴¹¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 57. Д. 55. Л. 48–49; Индустриализация Советского Союза. Ч. II. С. 170–171.

¹⁴¹² ГА РФ. Л. 27–28; Индустриализация Советского Союза. Ч. II. С. 179–180.

¹⁴¹³ Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. С. 112–114.

¹⁴¹⁴ Премьер известный и неизвестный: воспоминания о А. Н. Косыгине. М., 1997. С. 149.

¹⁴¹⁵ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 300. Д. 2076. Л. 9–11; Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. М., 1990. С. 306.

¹⁴¹⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 19. Д. 207. Л. 21–35; Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. С. 329.

¹⁴¹⁷ Нота народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова послу Германии в СССР Ф. Шуленбургу // Известия. 1939. 20 марта.

¹⁴¹⁸ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 313. Д. 2153. Л. 143; П. 302. Д. 2092. Л. 139; Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. С. 294, 295.

¹⁴¹⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 301. Д. 2079. Л. 89; Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. С. 317.

¹⁴²⁰ Сиполс В. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941. М., 1997. С. 21.

¹⁴²¹ Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. С. 375.

¹⁴²² Манусевич А. Я. Очерки по истории Польши. М., 1952. С. 329.

¹⁴²³ Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. М., 1990. С. 524.

¹⁴²⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 25. Д. 4. Л. 27–28; Год кризиса. 1938–1939. Т. I. С. 386–387.

¹⁴²⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. Т. 1–2. М., 1991. С. 165.

¹⁴²⁶ Сиполс В. Тайны дипломатические. С. 22–23.

¹⁴²⁷ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 313. Д. 2154. Л. 45; Документы внешней политики СССР 1939. Т. XXII. Кн. 1. С. 327.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава первая. Революционер. 1890–1917	10
«Мы – вятские»	10
Ссылный	18
Правдист	25
Из Сибири – в ЦК	35
Вход в историю	44
Ревкомовец	70
Глава вторая. Ленинец. 1917–1924	81
Практикующий марксист	81
Совнархозовец	88
Человек из Центра	104
Первый секретарь	117
Второй секретарь	137
Без Ленина	145
Глава третья. Нэповец. 1924–1927	167
После Ленина	167
Против «новой оппозиции»	174
Против «объединенной оппозиции»	190
Кооператор	213
Глава четвертая. Творец «великого перелома». 1928–1930	226
Против правой оппозиции	226
Модернизатор	246
Глава Коминтерна	263
Как стать премьером	272
Глава пятая. Премьер. 1931–1935	280
Молотовский Совнарком	280
Молотов(ы) и Сталин(ы)	287
Индустриализатор	299
Коллективизатор	309
Культурный революционер	320
Начало Второй мировой	327
Оппозиция и террор	341
Глава шестая. Премьер-2.0. 1935–1939	352
Конституционалист	352
Традиционалист	357
Стахановец	365
Военная тревога	370
Закон и репрессии	376
1937 год	392
К нормальности	408
В тени Мюнхена	415
Примечания	430

Никонов В. А.
Н 64 **Молотов: Наше дело правое. В 2 кн. Кн. 1 / Вячеслав
Никонов. – М.: Молодая гвардия, 2016. – 471[9] с.: ил.**

ISBN 978-5-235-03940-7 (кн. 1)

ISBN 978-5-235-03945-2

Биографическое исследование известного советского политика, политолога и историка, доктора исторических наук В. А. Никонова посвящено судьбе видного советского политического и государственного деятеля В. М. Молотова. В своей работе автор опирается на многочисленные архивные материалы, в том числе на личный архив Молотова, труды отечественных и зарубежных исследователей, позволяющие по-новому взглянуть не только на важнейшие этапы биографии героя книги, но и на узловые моменты истории дореволюционной России и советского периода.

УДК 94(47+57)(092)“19”

ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-235-03940-7

9 785235 039407 >

ISBN 978-5-235-03945-2

9 785235 039452 >

знак информационной
продукции **16+**

Никонов Вячеслав Алексеевич
МОЛОТОВ: Наше дело правое (книга первая)

Редактор **А. П. Житнухин**
Художественные редакторы **К. В. Забусик, И. И. Суслов**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректоры **Л. С. Барышникова, Т. И. Маляренко**

Сдано в набор 26.05.2016. Подписано в печать 08.07.2016. Формат 84×108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Charter». Усл. печ. л.
25,2+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ № 1188.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва,
Сушевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

Отпечатано в ООО «Тульская типография».
300026, г. Тула, пр. Ленина, 109

ISBN 978-5-235-03940-7 (кн. 1)

ISBN 978-5-235-03945-2